

Журнал включен в «Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук» Высшей аттестационной комиссии

Учредитель: Федеральное государственное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет»

Главный редактор: Серый А. В., д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия)

Редакционная коллегия:

Аникин А. Е., д-р филол. наук, академик РАН, Институт филологии РАН (Новосибирск, Россия).

Араева Л. А., д-р филол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Бобров В. В., д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Васютин С. А., д-р ист. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).

Зиновьев В. П., д-р ист. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).

Кремер Р., д-р, проф. Потсдамского университета, главный редактор журнала «WeltTrends» (Потсдам, Германия).

Лукиянов О. В., д-р психол. наук, доцент, ТГУ (Томск, Россия).

Лушников Г. И., д-р филол. наук, проф., КФУ (Ялта, Россия).

Молодин В. И., д-р ист. наук, академик РАН, Институт археологии и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия).

Невзоров Б. П., д-р пед. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Овчинников В. А., д-р ист. наук, проф., КРИПО (Кемерово, Россия).

Проскурин С. Г., д-р филол. наук, проф., НГУ (Новосибирск, Россия).

Серкин В. П., д-р психол. наук, проф., Высшая школа экономики (Москва, Россия).

Тюпа В. И., д-р филол. наук, проф., РГГУ (Москва, Россия).

Хьюитт К., магистр гуманитарных наук, проф., Институт непрерывного образования Оксфордского Университета (Оксфорд, Великобритания).

Юревич А. В., д-р психол. наук, чл.-корр. РАН, Институт психологии РАН (Москва, Россия).

Яницкий М. С., д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

The Bulletin is included into the "List of leading peer-reviewed journals and issues" which should publish main research results of Doctor's and Candidate's theses by the Higher Attestation Commission

Founder: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Kemerovo State University"

Editor-in-Chief: Andrey V. Seryy, Dr. of Psychology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Editorial board:

Alexander E. Anikin, Dr. of Philology, Academician of the RAS, Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

Ludmila A. Araeva, Dr. of Philology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Vladimir V. Bobrov, Dr. of History, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Sergey A. Vasyutin, Dr. of History, Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Vasily P. Zinoviev, Dr. of History, Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Raimund Krämer, Dr., Prof. at Potsdam University, Editor-In-Chief of WeltTrends Journal (Potsdam, Germany).

Galina I. Lushnikova, Dr. of Philology, Prof., V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Yalta, Russia).

Oleg V. Lukyanov, Dr. of Psychology, Assoc. Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Vyacheslav I. Molodin, Dr. of History, Academician of the RAS, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

Boris P. Nevzorov, Dr. of Pedagogic, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Vladislav A. Ovchinnikov, Dr. of History, Prof., Kuzbass Regional Institute for Professional Education Development (Kemerovo, Russia).

Sergey T. Proskurin, Dr. of Philology, Prof., Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).

Vladimir P. Serkin, Dr. of Psychology, Prof., Higher School of Economics (Moscow, Russia).

Valeriy I. Tyupa, Dr. of Philology, Prof., Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

Karen Hewitt, M.B.E., M.A. (Oxon.), Prof. of Department for Continuing Education, University of Oxford (Oxford, England).

Andrey V. Yurevich, Dr. of Psychology, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Psychology of the RAS (Moscow, Russia).

Mikhail S. Yanitskiy, Dr. of Psychology, Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Вестник Кемеровского государственного университета.
Научный журнал

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и мас-
совых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство
о регистрации: ПИ № ФС 77 – 67989 от 06.12.2016.

Выходит 4 раза в год.

Адрес учредителя, издателя:
Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово,
ул. Красная, 6.
Тел.: 8(3842)58-12-26
Факс: 8(3842)58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Адрес редакции:
Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово,
ул. Красная, 6, тел. 8(3842)58-13-01
Сайт издания: <http://vestnik.kemsu.ru>

Подписной индекс:
Объединенный каталог «Пресса России» – 42150

Журнал представлен в открытом доступе на сайте
Российской универсальной научной электронной
библиотеки и включен в базу данных «Российский
индекс научного цитирования» (РИНЦ).

Правила для авторов опубликованы на сайте издания.
Позиция редакции может не совпадать с мнением
авторов. Ответственность за научное содержание
статей несут авторы публикаций.

16+

Ни одна из частей журнала либо издание в целом
не могут быть перепечатаны без письменного разре-
шения авторов или издателя.

© Кемеровский государственный университет, 2018
© Авторы научных статей, 2018

Bulletin of Kemerovo State University. Scientific Journal

The Journal is registered in the Federal Service
for Supervision of Communications, Information
Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)
Certificate of registration: ПИ № ФС 77 – 67989
of 06.12.2016

Published 4 times a year

Address of the founder, publisher:
Russia, Kemerovo region, 650000, Kemerovo,
6 Krasnaya St.
Tel.: 8(3842)58-12-26
Fax: 8(3842)58-12-26
E-mail: rector@kemsu.ru

Editorial Office Address:
Russia, Kemerovo region, 650000, Kemerovo,
6 Krasnaya St., Tel.: 8(3842)58-13-01
Web-site: <http://vestnik.kemsu.ru>

Subscription indices:
42150 – in the United catalogue "The Press of Russia"

Free access to the Journal is provided at the website
of the Russian Universal Scientific Electronic Library.
The Journal is included into the database of the «Russian
Science Citation Index».

Information for Authors published on the website
Edition. Perspectives and views expressed in the papers
may not coincide with the attitude of the editorial staff
The authors of publications are responsible for the
scientific content of the articles.

16+

No part of the Journal can be republished without the
permission of the authors or the publisher.

© Kemerovo State University, 2018
© The authors of scientific articles, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Церковный музей в дореволюционный период:
этапы и факторы становления

Алексеева Л. С., Горбатов А. В.

Особенности изучения сакрализации королевской
власти Средневековья и раннего Нового времени
отечественными историками в XX – начале XXI вв.

Денискевич Е. Н.

Историография и источники о развитии физиче-
ской культуры и спорта Кемеровской области на
рубеже XX–XXI вв.

Казьмина М. В., Юзупкина Е. С.

Закрепление кадров в советской индустрии второй
половины 1940-х гг.: административное принужде-
ние и (или) материальное стимулирование

Клинова М. А.

Энергия как комплексный фактор модернизации в
эпоху промышленного переворота в Европе. Обзор
Западной историографии

Муругов А. А.

Основные тенденции современного этнокультур-
ного развития кумандинцев Алтайского края

Назаров И. И.

Коллекция нательных крестов из поселения
Кулаково III в Нижнем Притомье

Сизёв А. С., Ермоленко Л. Н., Соловьев А. И.

«То, что готовят России теории»: отрицательные
стороны западного образа жизни в русской прессе
времен Николая I

Старцев И. М.

Развитие городов Тобольской губернии в послед-
ней четверти XVIII – начале XX вв. (к историогра-
фии проблемы)

Томилов И. С.

ПСИХОЛОГИЯ

Методические основы организации и проведения
программы психолого-педагогической поддержки
формирования родительской компетентности

Андронникова О. О., Евдокимова М. А.

Модель структурных компонентов личностных
смыслов

Баряхтар О. Ф.

Адаптация методики «Pre-School Activities
Inventory (PSAI)» на русский язык

Борисенко Ю. В.

Зависимость понятийного мышления от качествен-
ных характеристик его активности

Валиуллина Е. В.

Особенности конструирования образа будущего
у людей, имеющих обязательства по ипотечному
кредитованию

Неяскина Ю. Ю., Пухова О. В.

Статус полоролевой идентичности старших до-
школьников из полных и неполных семей

Цариценцева О. П.

CONTENT

HISTORY AND ARCHEOLOGY

Church Museum in the Pre-revolutionary Period:
Stages and Factors of Formation

5 *Alekseeva L. S., Gorbатов A. V.* 9

Royal Power Sacralization in the Middle Ages and
Early Modern Age as Studied by Domestic Historians
in XX – Early XXI Century

11 *Deniskevich E. N.* 15

Historiography and Sources on the Development of
Physical Culture and Sports in the Kemerovo Region
at the Turn of the XXI Century

17 *Kazmina M. V., Yuzupkina E. S.* 21

Personnel Retention in the Soviet Industry in the Mid-
to-Late 1940s: Administrative Enforcement and / or
Material Incentives

24 *Klinova M. A.* 29

Murugov A. A. Energy as a Comprehensive Factor of
Modernization During Industrial Revolution in
Europe: a Review of Western Historiography

31 *Murugov A. A.* 37

Main Tendencies of Modern Ethnocultural
Development of the Kumandins of Altai Krai

39 *Nazarov I. I.* 46

Collection of Baptismal Crosses from the
Archeological Site of Kulakovo III in the Lower Tom'
Valley

50 *Sizyov A. S., Ermolenko L. N., Solovyev A. I.* 58

"What Theories will Bring to Russia": the Negative
Aspects of the Western Way of Life in the Russian
Press of the Times of Nicholas I

60 *Staritsev I. M.* 65

The Development of the Cities of the Tobolsk Province
in the Last Quarter of the XVIII – Early XX Centuries
(Historiography of the Problem)

68 *Tomilov I. S.* 73

PSYCHOLOGY

Methodical Bases of Organizing and Conducting the
Program of Psychological and Pedagogical Support for
Parental Competence Formation

77 *Andronnikova O. O., Evdokimova M. A.* 83

Model of Structural Components of Personal
Meanings

85 *Baryakhtar O. F.* 90

Russian Adaptation of the Pre-School Activities
Inventory (PSAI)

92 *Borisenko Yu. V.* 97

Dependence of Conceptual Thinking on Qualitative
Characteristics of its Activity

99 *Valiullina E. V.* 103

Shaping the Vision of the Future in Mortgage
Holders

104 *Neyaskina Yu. Yu., Pukhova O. V.* 112

The Status of Gender-Role Identity in Senior Preschool
Children from Single- and Two-Parent Families

114 *Tsaritsentseva O. P.* 120

Эффективность краткосрочной психотерапии депрессивных и тревожных расстройств

- Эльзессер А. С., Кадыров Р. В., Маркелова Е. В.* 122
Идентичность как динамическая иерархическая система: социальный и культурный контекст формирования
Яницкий М. С., Серый А. В., Браун О. А., Пелех Ю. В., Маслова О. В., Сокольская М. В., Санжаева Р. Д., Монсонова А. Р., Дагбаева С. Б., Неякина Ю. Ю., Кадыров Р. В., Капустина Т. В. 131

ФИЛОЛОГИЯ

Наивная семантизация и лексикография бионимов монгольского языка (на примере бионима «заяц»)

- Баттулга Г.* 141
Фразеологизм как носитель свернутого мифа. Трудности перевода
Башмакова И. С. 148
Роль стилистического диссонанса в переводе А. Ю. Фроловой на русский язык романа Дж. Остин "Sense and sensibility". Часть 1
Бобылева Т. В. 155
Текстовое проявление особенностей языковой личности: типологический аспект
Богачанова Т. Д. 162
Контрастивный анализ словосложения в русском и китайском языках на материале неологической эргономии
Дубкова О. В., Захарова-Саровская М. В. 170
Модели интерпретации события в дискурсе российской прессы
Инешина С. В. 176
Фасилитация обучения аудированию в неязыковом вузе посредством усвоения особенностей связной английской речи
Кошелева И. Н. 183
Особенности реализации категории связности в электронных художественных текстах: семантический и визуально-графический аспекты
Кучина С. А. 190
Феминные уподобления в текстообразовании романа Л. Улицкой «Казус Кукоцкого»
Ли Яньфэн 199
Когнитивные основы конвертируемости глаголов типа «fliesen» и конструкций типа «versehen mit Fliesen» (на материале немецкого языка)
Лобановская Е. В. 206
Семантика сюжетов переписывания в романах В. Шарова «След в след» и «Воскрешение Лазаря»
Пантюхина А. И. 211
Метафора в профессиональной коммуникации французских военнослужащих начала XX в.
Соловьева Е. А. 219
Развитие печатной рекламы как речевого жанра на материале российских газет XVIII–XX вв.
Тарасова К. П. 225

Effectiveness of Short-Term Psychotherapy of Depressive and Anxiety Disorders

- Elzesser A. S., Kadyrov R. V., Markelova E. V.* 128
Identity as a Dynamic Hierarchical System: Social and Cultural Context of Formation
Yanitskiy M. S., Seryy A. V., Braun O. A., Pelekh Yu. V., Maslova O. V., Sokolskaya M. V., Sanzhaeva R. D., Monsonova A. R., Dagbaeva S. B., Neyaskina Yu. Yu., Kadyrov R. V., Kapustina T. V. 139

PHILOLOGY

Naive Semantization and Lexicography of Mongolian Bionyms: the Case of "Hare" Bionym

- Battulga G.* 146
Phraseological Unit as a Compendious Myth Agent: Translation Difficulties
Bashmakova I. S. 154
The Role of Stylistic Dissonance in the Russian Translation of J. Austen's Novel "Sense and Sensibility" by Alla Y. Frolova. Part 1
Bobyleva T. V. 160
Text Manifestation of the Linguistic Persona Features: Typological Aspect
Bogachanova T. D. 168
Contrastive Analysis of Multicomponent Neologisms in Modern Russian and Chinese: Neological Ergonomics
Doubkova O. V., Zakharova-Sarovskaya M. V. 174
Models of Interpretation of the Event in the Discourse of the Russian Press
Ineshina S. V. 180
Teaching Listening Comprehension at a Non-Linguistic University: Facilitation through Internalization of Coherent English Speech Features
Kosheleva I. N. 188
Cohesion Specificity in Electronic Literary Texts: Semantic, Visual and Graphical Aspects
Kuchina S. A. 197
Feminine Assimilations in Text Formation of "The Kukotsky Enigma" by L. Ulitskaya
Li Yanfeng 204
Cognitive Bases of Convertibility in Verbs of the "Fliesen" type and such Constructions as «Versehen mit Fliesen» in the German Language
Lobanovskaya E. V. 209
The Semantics of the Rewriting Scenes in V. Sharov's Novels "Tract in Trace" and "The Raising of Lazarus"
Pantuhina A. I. 217
Metaphor in Professional Communication of the French Military Personnel in the Early XX Century
Solovyova E. A. 223
Genesis of Printed Advertisements as a Specific Genre (Case Study of XVIII–XX Century Russian Newspapers)
Tarasova K. P. 229

УДК 93/94+069:27

ЦЕРКОВНЫЙ МУЗЕЙ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД: ЭТАПЫ И ФАКТОРЫ СТАНОВЛЕНИЯ**Лариса С. Алексеева**^{1, @1}, **Алексей В. Горбатов**^{2, @2}¹ Кемеровский государственный институт культуры, 650056, Россия, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 17² Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6@¹ alekslora@mail.ru@² gorbn1965@yandex.ru

Поступила в редакцию 23.10.2017. Принята к печати 16.01.2018.

Ключевые слова:

Русская Православная церковь, коллекционирование, ризница, церковный музей, церковно-археологический кабинет, деятельность музея, этапы и факторы развития.

Аннотация: На рубеже XIX–XX вв. в России статус культурной нормы приобрела группа музеев, предназначение которых виделось в сохранении и актуализации церковных ценностей. Авторы данной статьи при использовании комплексного подхода в сочетании с хронологическим и эволюционным принципами стремятся проследить процесс важнейших эволюционных этапов развития дореволюционных церковных музеев. Основанием предлагаемой периодизации служит динамика развития указанной группы музеев с учётом историко-культурного контекста. Ключевой особенностью представленных этапов является изменение общественного восприятия церковных памятников отдельно от богослужебного процесса. На основе проведённого исследования авторами выделяются три этапа становления и развития дореволюционного церковного музея: от его праформ до социокультурного института. За основу музея была принята модель берлинского учебного христианского музея, адаптированная к православию. Также авторами обозначен ряд факторов, которые способствовали распространению сети церковных музеев в дореволюционный период.

Для цитирования: Алексеева Л. С., Горбатов А. В. Церковный музей в дореволюционный период: этапы и факторы становления // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 2. С. 5–10. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-5-10>.

В современной России наблюдается тенденция роста церковных музеев, которые продуктивно осуществляют просветительскую, научную, духовную и миссионерскую деятельность среди населения. Цель данной статьи – проследить эволюцию церковного музея от его праформ до становления музейного учреждения с разнообразными направлениями деятельности, включенного в социокультурную жизнь дореволюционной России.

На формирование церковных музеев влияли такие немаловажные факторы, как экономическая составляющая, отношение к религии правительства и общества, а также развитие богословской и церковно-исторической науки. По мнению авторов данной статьи, в развитии церковных музеев можно выделить несколько этапов:

- 1) до XVII в. – протомузейный этап;
- 2) XVII – вторая половина XIX века – формирование идеи церковного музея;
- 3) вторая половина XIX–1917–1919-е гг. – возникновение и организация церковного музея.

Первый – *протомузейный* – этап характеризуется интуитивным накоплением в церковных ризницах и древлехранилищах предметов религиозного происхождения. Свообразными протоколлекциями явля-

лись храмовые и ризничные собрания. Отметим, что на данном этапе под ризницами и древлехранилищами подразумевались помещения для хранения обиходных (типовых) или вышедших из употребления за их ветхостью богослужебные предметы и облачения. Первые упоминания о ризницах и древлехранилищах относятся к 1203 г., когда половцы захватили и ограбили Киевский Софийский собор. В состав ризничных коллекций входили не только богослужебные предметы, но и предметы, связанные с личностью религиозного или государственного деятеля. «Митрополию Святую Софию и Десятинную святую Богородицу разграблша, и монастыри все, и иконы обраша, и иные поимеша и кресты честные, и сосуды священные и книги, и порты блаженных первых князей еже бяху повешали в церквах святых на память себе» [1, с. 10].

В рассматриваемое время появляется обетный (мемориальный) храм [2], который можно рассматривать как прототип церковного музея. Мемориальные церкви представляли собой комплекс, включавший в себя такие элементы, как мемориальное место, мемориальные предметы (раки с мощами); обряды, связанные с памятью святого или события, в честь которого построен и освящён храм.

Коллекции рассматриваемого этапа в известной мере формировались стихийно на интуитивном уровне. Предметы могли храниться как в храмовом пространстве, так и в специально отведённом для этого помещении – ризнице или древлехранилище. В целом древние ризницы выполняли следующие музейные функции: концентрация и хранение предметов. В храмовом пространстве предположительно выделялось особое место для размещения мемориальных предметов (ковчег с мощами, иконы с изображением почитаемого святого, частицы облачений и т.д.). Тем самым храмовые «мемориальные уголки» отвечали за сохранение в концептуальном единстве предметов, наделённых «музейным» свойством, а также несли репрезентативную функцию, которая отсутствовала в ризничных собраниях в силу их закрытости.

Таким образом, на первом этапе формируются протомузейные формы хранения памятников как способа восприятия древности, а храмы и ризницы в какой-то мере становятся «прототипом» не только церковного, но и светского музея. Сознание общества ещё не воспринимало храм, хранивший в себе ценности, как музей, а предметы церковного назначения вне литургийного процесса, однако именно в этот период заложены не только основы процесса создания музеев, в экспозициях которых будут находиться богослужебные и церковные предметы, но и организация экспозиций в интерьерах храмового пространства, которые найдут широкое применение в России в XX в.

Второй этап – *направленное коллекционирование предметов церковного характера (оформление идеи церковного музея)* – характеризуется созданием специально оборудованных хранилищ предметов религиозного назначения – Образной палаты и Патриаршей ризницы. В рамках данного этапа происходит накопление информации о ценных предметах и их сбор воедино, «переход» ряда богослужебных предметов в разряд мемориальных. Так, например, ктиторские предметы церковной утвари не всегда использовались по назначению. Подтверждение этому мы находим в ряде указов Императоров, Сената и Св. Синода [3, с. 18–60].

Начиная с XVII в. наряду с ризничными собраниями отмечается новое явление – индивидуальное и целенаправленное собирательство (коллекционирование) предметов церковного характера. Однако круг коллекционеров в рассматриваемый период весьма узок, в основном он включает в себя представителей просвещённой интеллигенции и иерархов Русской Православной церкви. Вместе с собраниями произведений искусства и книг западноевропейской культуры появляется ряд частных коллекций древних рукописей и других древнерусских памятников. Они входят в число известных коллекций – П. Ф. Карабанова, П. Н. Бекетова, графа Ф. А. Толстого и др. Собираемые предметы при этом больше отождествляются с отправлением культа, нежели с личным восприятием и художественными или эстетическими предпочтениями коллекционера.

С расколом Русской Православной церкви в 1650–1660-е гг. формируются закрытые старообрядческие

собрания. Раскольники являлись единственными собирателями и хранителями старинных рукописей, книг, образов и традиций дониконовского канона. Как правило, эти предметы располагались в специальных сакральных местах – молельнях, где они выполняли свою главную культовую функцию.

Стоит отметить, что в рассматриваемое время идея духовной ценности материального предмета вне его религиозного контекста ещё не мыслилась во все. Церковные древности в сознании общества пока оставались лишь предметами литургического содержания, отправления культа. Такое отношение к церковным древностям осложняло не только процесс законодательной системы, но и их музеефикацию. Первые попытки превратить религиозное искусство в достояние российской культуры и разместить их в музее принадлежит Петру I. М. В. Харлова отмечает, что при устройстве Кунсткамеры в художественном разделе собраний императором учитывалось место для размещения икон [4, с. 40].

Таким образом, в рассматриваемый период отмечается несколько видов хранилищ церковных ценностей: храмовое пространство / интерьеры храма; церковные и монастырские ризницы; государственные «хранилища» (Образная палата и Патриаршая (Синодальная) ризница) и частные коллекции. Хранилища церковных ценностей исполняли следующие функции: собирание (концентрация), хранение, а также документирование (фиксация) предметов. Образная палата, Патриаршая ризница и храмовые интерьеры выполняли и репрезентативную роль. Коллекции имели как сакральный, так и мемориальный характер, однако первая составляющая превалировала над второй. Для частных коллекций отводились специально оборудованные помещения, предположительно, сакрального характера, например молельни. В храмовых пространствах (например у раки с мощами почитаемого святого) продолжают устраиваться «тематические экспозиции», отражающие земную жизнь этого святого и несущие память о церковном или историческом деятеле.

В начале XIX в. на фоне всплеска интереса к отечественному наследию звучат предложения об организации галерей, где были бы выставлены образцы древнерусского искусства в хронологическом порядке (Ф. А. Аделунг, Б. Г. Вихман). В 1840-х гг. состоялась первая попытка епископа Иннокентия (Борисова) организовать церковный музей в Вологодской епархии. Однако его скорый перевод в другую епархию не позволил осуществить этот проект в полной мере. В 40-х гг. XIX в. появляются идеи М. П. Погодина и П. И. Савваитова об организации публичного государственного церковно-археологического музея, но они остались не реализованными [5, с. 262; 6, с. 263].

В середине XIX в. наступает *третий этап развития* церковного музея. В этот период взамен государственного древлехранилища настойчиво звучит мысль о необходимости создания академического (учебного) церковно-археологического музея. Развитию мысли об организации как учебного, так и епархиального церковного музея способствовали Археологические

съезды, проходившие в России в период 1869–1914 гг. На съездах поднимались вопросы деятельности церковного музея как организационного, так и практического характера.

Третий этап характеризуется становлением публичного церковного музея, его оформлением и расширением географии и его социокультурной деятельностью. В это время широкое распространение получают музеи, организуемые при образовательных духовных учреждениях; епархиях; храмах и монастырях; церковно-археологических комитетах и обществах; православных братствах. Первые церковные музеи, как и светские, возникли в русле образования. Необходимость создания учебных церковно-археологических обществ и музеев была поддержана частью профессорско-преподавательского состава Киевской, Московской и Санкт-Петербургской духовных академий [7]. Главным образом основой церковного академического музея стала концепция педагогического музея, а также идея учебного христианского музея, основанного Ф. Пипером в Берлине в 1849–1855 гг.

Авторами данной статьи отмечен тот факт, что произошло заимствование формы работы церковного музея из зарубежного опыта, а проекты, предложенные отечественными историками и учёными, остались нереализованными. Вероятно, это связано с тем, что проект Ф. Пипера оказался концептуально более целостным, поскольку в нем было предложено не только содержание музея христианского профиля, но и его структура. Кроме того, пиперовский музей пользовался европейской известностью, на его основе были организованы музеи в Базеле (1856 г.) и Кёльне (1860 г.). В России план Берлинского музеума был адаптирован И. Д. Мансветовым.

На наш взгляд, создание академических церковных музеев было направлено:

- на развитие системы высшего духовного образования на основе гуманизации и интенсификации учебно-воспитательного процесса;
- на концентрацию, сохранение и репрезентацию объектов культурного, исторического и природного наследия;
- на стимулирование научно-фондовой работы (тезаврирование), которая способствовала собирательной деятельности и более глубокому изучению музейных предметов;
- на совершенствование учебного процесса в рамках преподавания исторических и миссионерских дисциплин за счет привлечения музейных фондов в качестве наглядного пособия.

Формирование коллекций академических музеев велось путем вышедших из употребления предметов, хранящихся в ризницах, подвалах, чердаках, сараях при церквях и монастырях. Кроме того, в подобных музеях выставлялись не только церковные древности православного происхождения, но и других конфессий (в музее Казанской духовной академии хранилась погребушка, применяемая японскими священниками-бонзами во время шествия для жертвоприношения), а также этнографические и археологические ма-

териалы. Академические церковно-археологические кабинеты являлись образцами для епархиальных, соборных и монастырских музеев. Памятники церковного происхождения консолидировались в частных, как правило, купеческих и старообрядческих собраниях.

Виток массового открытия церковно-археологических учреждений и церковных музеев приходится на первую четверть XX столетия. Это вызвано в первую очередь рядом указов Св. Синода, в т. ч. от 25 июня 1911 г. «О присылке отчётов о деятельности церковно-археологических учреждений в комиссию по описанию синодального архива», в котором, помимо прочего, присутствовало поручение «принять со своей стороны меры архипастырской попечительности к учреждению и упрочнению в их епархиях церковно-археологических учреждений» [8].

Рассматриваемый период иллюстрирует разнообразную деятельность церковных музеев в дореволюционный период. Крупными музеями велась учётная документация фондовых коллекций, где отмечалось движение музейных предметов. Путеводители по музею представляли собой первые попытки научной интерпретации коллекций. Открытия и вопросы в области церковной археологии, истории и искусства широко обсуждались на Археологических съездах. Посетителями церковных музеев становятся учёные, богословы и художники, однако в большей степени – ученики и воспитанницы светских и духовных заведений [9].

Рубеж XIX – начала XX вв. является одним из важных периодов в истории российского музееведения. Благодаря накопленному опыту расширяются возможности музея, происходит его философское осмысление, вырабатывается концептуальная модель.

Дискуссии, связанные с принципами организации и функционирования музеев, способствовали проведению Предварительного съезда деятелей музеев (27–30 декабря 1912 г.). Это был самый представительный музейный форум в дореволюционный период. В рамках его работы была образована Комиссия церковно-археологических музеев. Доклады Комиссии содержали вопросы организационной работы церковных музеев, деятельности в области охраны памятников церковной старины, пополнения фондов учебных музеев научно-вспомогательными материалами, которые способствовали повышению качества преподавания и т. д. По итогам заседания было постановлено: «все пожелания церковно-археологической Комиссии и дополнительно высказанные обсуждения их внести в программу вопросов, подлежащих обсуждению на Съезде деятелей музеев» [10, с. 386–387]. Намеченный на начало 1915 г. первый Всероссийский съезд музейных деятелей не состоялся в связи с началом Первой мировой войны.

Таким образом, в начале XX в. общество вело работу над совершенствованием музейных правил, направленных на сохранение и трансляцию духовно-исторического наследия страны. В связи со сменой политического строя, повлекшего за собой изменения в области идеологии, системы ценностей и пр., церковные музеи,

как и ряд других музеев (полковые и пр.), оказались нерелевантными. Институт церковного музея просуществовал вплоть до 1917 г., в отдалённых территориях от европейской части России – до 1919-х гг.

В ходе исследования возникновения идеи и развития церковных музеев в дореволюционный период нами выявлены причины, которые благоприятно сказались на расширении музейной сети на территории России.

1. Реформы духовного образования XIX – начала XX вв.

Преобразования, проводимые Святейшим Синодом Русской Православной Церкви, способствовали организации учебных церковно-археологических кабинетов. По уставу Духовных Академий уже в 1809–1814 гг. в курс церковной истории включалось изучение дисциплины «церковные древности». В результате образовательных реформ 1844 г. в академической программе появился самостоятельный предмет «церковные древности». В 1869 г. был введён в действие новый Устав духовных академий, который способствовал выделению церковной археологии в самостоятельную учебную и научную дисциплину. Это обусловлено тем, что в тот период в методологии исторического исследования появился новый прием – сопоставление письменных и вещественных источников. Теперь в обзор исследований входил спектр вопросов истории православия, искусства и традиций с привлечением письменных и вещественных источников. На первом этапе церковная археология рассматривалась лишь как учебная дисциплина, но благодаря трудам богословов, историков и искусствоведов И. Д. Мансветова, А. П. Голубцова, А. А. Дмитриевского и Н. В. Покровского, Н. Ф. Красносельцева, архиепископа Сергия (Спасского), И. Э. Грабаря она превратилась в самостоятельную научную дисциплину и приобрела большой практический и научный опыт. Для более эффективного преподавания церковной археологии необходимо наглядное знакомство с памятниками, а это было возможно только при использовании музейных экспонатов, но существовавшие в то время ризницы и древлехрамения носили закрытый характер и использовались в первую очередь для хранения вышедших из богослужебного употребления предметов. Таким образом, расположение экспонатов, хранящихся в церковных ризницах, не было приспособлено для целостного восприятия. Идеальное решение виделось только в открытии нового типа музеев – церковно-археологических.

Особо стоит отметить зарубежные поездки профессорско-преподавательского состава духовных академий, которые стали возможными благодаря реформе духовных академий 1869 г. и позволили познакомиться на практике со способами сохранения христианского наследия, а также деятельностью западных музеев.

2. Включение (приобщение) духовенства и общественности к проблемам сохранения церковной старины

Соответственно, идеи сохранения памятников старины захватывают не только светское общество, но уже

и духовенство. Тем более что охрана церковной старины и традиций отвечает глубинным целям Церкви. Сохранению памятников старины, и главным образом церковной, способствовали митрополит Московский Филарет (Дроздов), митрополит Евгений (Болховитинов), епископ Иннокентий (Борисов), архимандрит Савва (Тихомиров), М. П. Погодин, Ф. М. Буслаев, Ф. И. Шмит и др.

3. Организационная и законодательная деятельность Святейшего Синода в отношении сохранения церковных памятников

Деятельность отдельных церковных иерархов в области сохранения и изучения предметов православного назначения, а также постепенная трансформация древлехрамений в музеи, способствовали выработке и внедрению Св. Синодом ряда указов и циркулярных писем, способствующих сохранению и популяризации церковных древностей. Так, указом 1911 г. об учреждении во всех епархиях церковно-археологических обществ Св. Синод санкционировал повсеместное открытие музеев. Кроме того, в 1914 г. Синодом была создана церковно-археологическая комиссия, целью которой было повышение интереса к церковной старине и её охрана, а основными функциями стали контроль деятельности церковно-археологических учреждений и выдача разрешений на создание новых музеев.

4. Процесс частичного освобождения общественного сознания от религиозных догм

С секуляризацией общественного сознания культовые предметы осознаются не только сакральными, но и историческими и художественными произведениями. Через изучение и анализ структуры коллекций, через вопросы популяризации и экспонирования подразумевалось включение храмовых и ризничных собраний в процесс художественного образования. Широкое распространение коллекционирования превратилось в самостоятельную культурную практику. Возникли новые направления собирательства, в том числе древнерусской живописи, что в свою очередь способствовало развитию профильных специальностей, например таких, как реставрация.

5. Отмена законодательных ограничений в отношении староверов

В активном освоении скрытых форм коллекционирования сыграл Манифест 17 октября 1905 г., касающийся свободы вероисповедания и терпимости к представителям иных конфессий, в том числе к старообрядцам. Указанный законодательный акт послужил катализатором для более глубокого изучения коллекционерской практики. Ф. И. Буслаев уже в XIX в. разрушает стереотипы о том, что русские иконопочитатели, особенно старообрядцы, «не умеют иначе относиться к иконам, как только с молитвенным благоговением, которое до того застилает глаза каким-то мистическим туманом, что они уже не видят внешних очертаний иконы, и что, следовательно, искусство совершенно исчезает для них перед чарующею силою религиозного обая-

ния» [11, с. 249–256]. Напротив, Фёдор Иванович делает вывод, что многие благочестивые владельцы знают все особенности происхождения и техники письма имеющихся у них образов и не жалеют средств на приобретение икон для своих домашних молелен. Ф. И. Буслаев заключает, что часто домашние (Московские) молельни представляют собой оригинальную коллекцию искусства, а набожный хозяин является её опытным хранителем.

Подводя итоги данной статьи, отметим, что идея церковного музея, как и его экспозиция, берёт своё начало в стенах храма. Храмовые ризницы и древлехранилища носили утилитарный характер – предметы в них хранились бессистемно. Начиная с XVII в. коллекции церковного характера формируются в госу-

дарственных учреждениях (Образная палата и Патриаршая ризница), частных собраниях представителей аристократии, монастырских и приходских ризницах и непосредственно в храмовых пространствах. Отметим, что если частные коллекции и ризничные собрания были закрыты для широкого круга посетителей, то «мемориальные уголки», расположенные в храмовом пространстве, были доступны для каждого. Во второй половине XIX в. коллекционные собрания приобретают публичный характер и активно включаются в социокультурную жизнь России. Таким образом, возможность организации и развития этой группы музеев способствовала изменению общественного восприятия церковных памятников отдельно от литургического процесса.

Литература

1. Формозов А. А. Русское общество и охрана памятников культуры. М.: Советская Россия, 1990. 112 с.
2. Калякина А. В. Национальный музей как явление культурной жизни русского общества XIX в. и причины его возникновения // Вопросы музеологии. 2015. № 2. С. 29–37.
3. Сохранение памятников церковной старины в России XVIII – начала XX вв. М., 1997. 400 с.
4. Харлова М. Л. Памятники иконописи в составе частных коллекций. Конец XIX – первая треть XX века: дис. ... канд. искусствоведения; СПб. гос. художеств.-пром. акад. СПб, 2009. 245 с.
5. Мансветов И. Д. Об устройстве церковно-археологических музеев // Православное обозрение. 1872. Вып. 2. С. 259–282.
6. Погодин М. П. Вологда: Путевые заметки // Москвитянин. 1842. № 8. С. 249–283.
7. Полякова Е. А. Церковные музеи в культурно-образовательном пространстве духовных учебных заведений в конце XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 2. С. 68–73.
8. О пересылке отчётов о деятельности церковно-археологических учреждений в комиссию по описанию синодального архива: циркулярный указ св. Синода 25.06.1911 // Церковные ведомости. 1911. Приб. к № 26. С. 1144.
9. Павлович М. К. Документы по истории Патриаршей ризницы из архива музея заповедника «Московский Кремль» // Ростовский Кремль: материалы конференции 1994 г. Ростов, 1995. С. 186–191.
10. Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков / ред. Э. А. Шулепова. М.: Этерна, 2010. 960 с.
11. Буслаев Ф. И. Московские молельни // Сочинения Ф. И. Буслаева. Сочинения по археологии и истории искусства. СПб, 1908. Т. I. 562 с.

CHURCH MUSEUM IN THE PRE-REVOLUTIONARY PERIOD: STAGES AND FACTORS OF FORMATION

Larisa S. Alekseeva^{1, @1}, Alexey V. Gorbатов^{2, @2}

¹ Kemerovo State Institute of Culture, 17, Voroshilova St., Kemerovo, Russia, 650056

² Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

@1 alekslora@mail.ru

@2 gorbn1965@yandex.ru

Received 23.10.2017. Accepted 16.01.2018.

Keywords: Russian Orthodox Church, collecting, sacristy, church museum, church archaeological room, museum activities, stages and factors of development.

Abstract: At the turn of the XIX–XX centuries in Russia a group of church museums acquired the status of "cultural norm". In the application of the comprehensive approach with chronological and evolutionary principles, the authors of the article traced the process of the most important evolutionary stages of the development of pre-revolutionary church museums. The basis for the proposed periodization is the dynamics of the development of this group of museums, according to the historical and cultural context. A key feature of these stages is the change in the public perception of church monuments separately from the liturgical process. On the basis of the conducted research, the authors singled out three stages of the formation and development of the pre-revolutionary church museum: from its forms to the socio-cultural institution. The model of the Berlin

Christian Educational Museum was used as a model for Russian church museum and adapted to Orthodoxy. The authors also identified a number of factors that contributed to the spread of the network of church museums in the pre-revolutionary period.

For citation: Alekseeva L. S., Gorbатов A. V. Tserkovnyi muzei v dorevoliutsionnyi period: etapy i faktory stanovleniia [Church Museum in the Pre-revolutionary Period: Stages and Factors of Formation]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2018): 5–10. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-5-10>.

References

1. Formozov A. A. *Russkoe obshchestvo i okhrana pamiatnikov kul'tury* [Russian Society and Protection of Cultural Monuments]. Moscow: Sovetskaia Rossiia, 1990, 112.
2. Kaliakina A. V. Natsional'nyi muzei kak iavlenie kulturnoi zhizni russkogo obshchestva XIX v. i prichiny ego vozniknoveniia [The National Museum as a phenomenon of the cultural life of Russian society of the XIX century and the reasons for its occurrence]. *Voprosy muzeologii = Questions of Museology*, no. 2 (2015): 29–37.
3. *Sokhranenie pamiatnikov tserkovnoi stariny v Rossii XVIII – nachala XX vv.* [Preservation of monuments of church antiquity in Russia XVIII – early XX centuries]. Moscow, 1997, 400.
4. Kharlova M. L. *Pamiatniki ikonopisi v sostave chastnykh kollektsii. Konets XIX – pervaiia tret' XX veka*. Diss. kand. iskusstvovedeniia [Monuments of icon painting in private collections. Late XIX – early XX century. Cand. Art History Sci. Diss.]. St. Petersburg. State. Arts-prom. Acad. Saint-Petersburg, 2009, 245.
5. Mansvetov I. D. Ob ustroistve tserkovno-arkheologicheskikh muzeev [On the structure of church and archaeological museums]. *Pravoslavnoe obozrenie = Orthodox News*, no. 2 (1872): 259–282.
6. Pogodin M. P. Vologda: Putevye zametki [Vologda: Travel notes]. *Moskvitianin = Muscovite*, no. 8 (1842): 249–283.
7. Poliakova E. A. Tserkovnye muzei v kulturno-obrazovatel'nom prostranstve dukhovnykh uchebnykh zavedenii v kontse XIX – nachale XX v. [Church museums in the cultural and educational space of spiritual educational institutions in the late XIX beginning of the XX century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia = Bulletin of Tomsk State University. History*, no. 2 (2014): 68–73.
8. O peresylke otchetov o deiatelnosti tserkovno-arkheologicheskikh uchrezhdenii v komissiiu po opisaniiu sinodal'nogo arkhiva: tsirkuliarnyi ukaz sv. Sinoda 25.06.1911 [On the forwarding of reports on the activities of church and archaeological institutions to the commission on the description of the synodal archive]. *Tserkovnye vedomosti = Church records*, no. 26 (1911): 1144.
9. Pavlovich M. K. Dokumenty po istorii Patriarshei riznitsy iz arkhiva muzeia zapovednika «Moskovskii Kreml'» [Documents on the history of the Patriarch's sacristy from the archive of the museum of the reserve "Moscow Kremlin"]. *Rostovskii Kreml': materialy konferentsii 1994 g.* [The Rostov Kremlin: Proc. Conf. 1994]. Rostov, 1995, 186–191.
10. *Muzevedcheskaia mysl v Rossii XVIII–XX vekov* [Museum science in Russia XVIII–XX century]. Ed. Shulepova E. A. Moscow: Eterna, 2010, 960.
11. Buslaev F. I. Moskovskie molel'ni [The Moscow chapel]. *Sochineniia F. I. Buslaeva. Sochineniia po arkheologii i istorii iskusstva* [Compositions of Buslaev F. I. Works on archeology and art history]. Saint-Petersburg, vol. I. (1908): 562.

УДК 93

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ САКРАЛИЗАЦИИ КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ ОТЕЧЕСТВЕННЫМИ ИСТОРИКАМИ В XX – НАЧАЛЕ XXI ВВ.

Елена Н. Денискевич¹, @

¹ Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6
@ elena-nur@bk.ru

Поступила в редакцию 23.11.2016. Принята к печати 17.01.2017.

Ключевые слова:

сакрализация, власть, Средневековье, раннее Новое время, методы исторического исследования, историография.

Аннотация: Статья посвящена анализу основных этапов изучения отечественными учеными процесса сакрализации власти европейских правителей в средние века и раннее Новое время. Дается оценка уровню заинтересованности проблемой советскими и российскими специалистами. Определяется зависимость актуализации данной проблемы и формирования научных подходов к ее изучению от объективных условий, в которых работали историки, а также преобладающих методологических установок, концепций и теорий исторической науки. Отмечается качественная трансформация методов исследования с изменением конъюнктуры и возможностью использовать российскими специалистами достижения западно-европейского опыта в развитии социокультурной истории с привлечением постмодернистских тенденций, данных антропологии и междисциплинарных подходов в оценке исторического прошлого. Дается оценка вклада современных российских медиевистов в изучение процессов сакрализации власти и методам, которые ими используются. Приводятся наиболее значимые имена отечественных специалистов в данной области и труды, созданные ими в указанный временной отрезок. В результате исследования выделены хронологические этапы изучения сакральности отечественными специалистами, определены характерные черты каждого периода с точки зрения актуальности данной проблемы в научных кругах, способов ее анализа, привлечения зарубежного опыта и знаний.

Для цитирования: Денискевич Е. Н. Особенности изучения сакрализации королевской власти Средневековья и раннего Нового времени отечественными историками в XX – начале XXI вв. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 2. С. 11–16. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-11-16>.

Сакрализация (от латинского «sacro» – освящать, объявлять священным) – превращение в священное, наделение сакральным смыслом объектов и событий внешнего мира, а также мысленных образов, сценариев, невербальных символов, действий, слов [1, с. 745]. В случае власти правителя это понятие можно определить как процесс создания системы представлений о нем как об обладателе статуса и полномочий, «дарованных свыше».

Сакрализация в политическом смысле в значительной степени связана не только с обожествлением, но и с оформлением в общественном восприятии идеи о том, что конкретный человек или группа лиц, имеющих отношение к конкретным социальным категориям, занимающих особый социальный статус, обладают экстраординарными способностями и знаниями, которые позволяют воздействовать на окружающую действительность, управлять ею и преобразовывать. Таким образом, сакрализацию можно рассматривать как процесс формирования в сознании людей мысли об особом статусе государственного лидера. Ведущими средствами достижения этой цели выступают, как правило, специальные слова, жесты и действия, объединенные в ритуалы.

Проблема изучения данного явления в исторической науке актуальна для социального и антропологического направлений, основы которых были заложены

западноевропейскими исследователями еще в конце XIX в. В силу объективных обстоятельств, определенных событиями 1917 г., отечественная наука долгое время находилась в стороне от подобных методов исследования. Идеология марксизма с принципами классового подхода требовала от специалистов уделять значительное внимание социально-экономическому и политическому развитию общества, а также классовой борьбе. В этой ситуации королевская власть изучалась лишь в контексте характеристик управленческих функций монархов. Пожалуй, малым исключением на данном этапе можно назвать деятельность Н. И. Кареева [2]. Будучи сторонником идеи важности социальной природы власти, он рассуждал, что могущество правителя строилось не только на материальной силе, богатствах и количестве воинов, но и на его моральном авторитете в сознании его подданных [2, с. 9].

Послевоенные годы в советской медиевистике характеризуются исследованием власти в контексте становления феодального государства. Например, Р. А. Корсунский в работе «Образование раннефеодального государства в Западной Европе» [3] ведущими причинами оформления государств у вестготов считал четкий контроль над завоевываемыми территориями, грамотный подход к формированию системы управления ими.

Он придавал первоочередное значение военным функциям королей, их умению качественно вести бой, руководить войсками. Автор видел ключевую роль правителей в установлении жесткой системы общественного развития, выраженной в сословном делении, принципах налогообложения, строгих нормах и правилах. Особенности взаимодействия власти и общества, основанного на эмоциональном восприятии подданными правителя, практически не интересовали советских ученых в 1940–1960-е гг. Проблема социального диалога короля и народа не представлялась актуальной.

В 1970–1980-е гг. отечественные специалисты впервые обратились к возможности использования междисциплинарного подхода к научному исследованию исторических событий. Для этого времени новационными можно считать исследования А. Я. Гуревича [4, с. 72–81; 5, с. 9, 12–16, 26–27, 41–43, 53]. По большому счету, он первым обратился к проблеме сакрализации власти в отечественной науке. Качественно новый подход ученого к освещению проблем ментальности, особенностей социальных связей, принципов функционирования властных структур на примере раннесредневековых скандинавских обществ послужил мощным толчком к развитию проблематики сакрализации власти в отечественной историографии. Эта тема впервые столь подробно и широко была освещена в советской медиевистике. Историк, оперируя многочисленными источниками, смог продемонстрировать примеры социального диалога между правителем и обществом. К тому же он показал, что не только политика или экономические аспекты создавали авторитет власти, но и сугубо символические, имевшие особое значение, согласно мировосприятию скандинавов.

В конце 1980-х гг. в Западной Европе оформилось научное направление социокультурной истории [6, с. 244]. Оно дало возможность сочетать различные методы и подходы к анализу событий и явлений прошлого. Исследуемый период можно характеризовать как время расцвета отечественной медиевистики в сфере исследования власти и ее интерпретации в силу открывшихся возможностей взаимодействия с иностранными коллегами и обмена опытом. Однако социально-политические трансформации, происходившие в обозначенное время в России, накладывали свой отпечаток на развитие исторической науки в стране: традиционный взгляд на проблему функционирования монарха в средние века и вновь оформлявшиеся методологические подходы сталкивались между собой, обозначая сложности в выработке новых методов исторического исследования. Подобное противоборство методологии и взглядов обозначило себя в классическом издании «История Европы» [7]. В главе «Западноевропейский регион в XI–XV вв.» под авторством Е. В. Гутновой дается оценка политическим институтам средневековой Европы с точки зрения классового подхода. Королевская власть выступает как инициатор и регулятор различных социально-экономических процессов [7, с. 272]. Попытка оценить, каким образом власть воспринималась с позиции различных общественных сил, в том числе и крестьян, даже не предпринималась.

При этом другой раздел данного исследования, написанный Н. А. Хачатурян, отражает новый подход к оценке роли и значения монаршей власти. Параллельно с использованием маркеров в духе классового подхода («усиление роли государства в укреплении средств эксплуатации зависимого крестьянства...») автором отмечено, что способом оформления могущества власти короля являлось создание его священного образа («власть короля в его королевстве приравнивалась к власти римского императора») [7, с. 499–502].

Проблематика сакральности и ее влияния на создание особых представлений о персоне правителя стала платформой для взаимодействия историков в рамках объединения «Власть и общество», начавшего свою исследовательскую работу в 1992 г. В рамках деятельности этой группы отечественные медиевисты и специалисты по эпохе раннего Нового времени – сотрудники высших учебных заведений, научно-исследовательских институтов – занимаются исследованием феномена власти, ее интерпретации, а также процессов оформления ее священного характера.

Для обсуждения достигнутых результатов в сфере применения новых методов изучения социальных практик Средневековья и раннего Нового времени ученые обращались к организации научных собраний и мероприятий. Группой «Власть и общество» Ассоциации медиевистов и историков раннего Нового времени в мае 1993 г. была проведена научная конференция «Харизма королевской власти: миф и реальность». В ходе встречи авторы смогли поделиться своими выводами касательно формирования сакральности, харизмы правителей, ритуально-обрядовой стороны жизни царствующих персон. В качестве объекта исследования выбирались сюжеты из истории Франции, Англии, Священной Римской империи. Неоднократно в первой половине 2000-х гг. Ассоциацией медиевистов организовывались научные мероприятия, посвященные отдельным аспектам функционирования власти, которые не обошли вниманием проблему оформления ее сакрального образа правителя.

Обмен опытом происходил и на страницах сборников статей, коллективных монографий, профильных журналов по медиевистике. Так, в 1995 г. в свет вышел полностью посвященный проблеме власти выпуск журнала «Одиссей. Человек в истории» [8]. В нем с разных сторон освещались проблемы социального функционирования средневековых правителей и давались оценки ментальных проявлений в процессе взаимодействия монарха и подданных. Представленные очерки рассказывали о примерах создания сакрального образа короля, о феномене харизмы и ее роли в диалоге «власть-общество», о проблемах ее реализации в условиях формирования общественного мнения. Равно как и упомянутый выше журнал, такие периодические издания, как «Средние века», «Казус», предоставляли медиевистам возможность делиться своими открытиями и излагать свои взгляды на исследуемую проблему согласно новым тенденциям социокультурной истории.

Начало 2000-х гг. ознаменовалось публикацией нескольких коллективных монографий, посвященных

проблеме формирования сакрального образа правителя и специфике его восприятия подданными. Сборник научных статей «Священное тело короля: ритуалы и мифология власти» [9] демонстрирует многосторонний подход к изучению феномена власти. Ведущим методом изучения сакральной природы монаршей власти стал междисциплинарный подход. Комплексная оценка исследуемого вопроса с привлечением данных истории, психологии, психолингвистики, антропологии позволяет авторам научных статей сборника увидеть власть средневекового правителя результатом коллективных представлений и верований, возникающих на фоне тесного взаимодействия правителя и церкви. При этом уделяется внимание традиционности восприятия власти, берущей свое начало во времена протогосударств. Значительное внимание уделяется процедурам оформления священного образа власти, т. е. коронационным ритуалам. Символика жестов, элементов процедуры вступления на монарший престол, значение слов и действий – изучение всех этих проблем позволяет исследователям выстроить сценарий процесса складывания сакрального образа правителя. Среди авторов коллективной исследовательской работы представлены М. А. Бойцов, И. И. Варьяш, О. В. Дмитриева, Е. В. Калмыкова, О. В. Мареева, Т. А. Сидорова, С. Е. Федоров, Н. А. Хачатурян. Продолжением деятельности специалистов в сфере развития обозначенной проблемы стал вышедший в 2007 г. сборник «Искусство власти» [10], который демонстрирует углубление интереса специалистов к данному вопросу и привлечение новых источников и методов исследования. Особо стоит отметить усиливающееся значение междисциплинарного подхода в процессе изучения проблемы сакрализации власти правителя.

Междисциплинарный подход, использование в историческом исследовании достижений лингвистики демонстрирует деятельность отечественного филолога Б. А. Успенского. Ученый является специалистом в области семиотики. Располагая данными российской истории, в работе «Царь и патриарх: харизма власти в России» [11] автор рассуждает об основных способах создания сакрального образа правителя. В зоне его внимания коронационный ритуал предстает набором священных действий, оказывающих значительное воздействие на сознание его участников. Исследователь пытается найти истоки элементов коронации в византийской традиции, обращается к их символике и анализу силы влияния. В рамках изучения сакральности западноевропейских средневековых монархов деятельность Б. А. Успенского представляет собой источник информации о методах исследования власти, о способах интерпретации способов ее сакрализации [12].

Отечественные специалисты, на современном этапе изучающие процессы сакрализации власти средневековых правителей, придерживаются различных методов анализа проблемы. Их вниманию подвергаются отдельные элементы, детали и подробности, конкретные сюжеты жизни, быта, официальной деятельности королей. Также историки обращаются к обобщению и выявлению одинаковых подходов, схожих вариантов,

подобных норм в области конструирования священного образа власти в различных странах Европы. Определение этих закономерностей выступает ведущим мотивом и целью исследований и формирует живой интерес к проблеме и научный дискурс [13–17].

Среди современных специалистов, занимающихся научными изысканиями в области сакрализации власти, отчетливо выделяется деятельность М. А. Бойцова. Автор акцентирует внимание на обрядово-ритуальных практиках германских правителей. Посредством изучения символики коронационных церемоний ученый определяет их смысловое значение, природу отдельных элементов, взаимосвязь римских традиций со средневековыми германскими ритуалами. Таким образом, исследователю удастся сформировать особую сферу научных интересов, достаточно точно определить ее по тематике, терминологическому базису, мировоззренческим ориентирам.

Через «германский материал» М. А. Бойцов дает возможность расширить понятийный аппарат в области изучения сакральности в принципе. Анализ коронационных церемоний Священной Римской империи периода классического Средневековья позволяет автору в целом рассуждать о формах и способах репрезентации власти в различных европейских государствах в указанное время. Рассуждения о семантике ритуалов, жестов, внешнего облика правителя, выраженного в одеянии, инсигниях, окружении короля, позволяют не только автору формировать картину обрядово-ритуальной жизни средневековых правителей, а также оценить уровень воздействия данных элементов на сознание народных масс. Ведь именно от восприятия образа монарха значительно зависели его авторитет и вера в его могущество и силу [18–22].

Особо стоит выделить монографию исследователя «Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе» [18], которая была опубликована в 2009 г. Работа представляет комплексный анализ основных способов сакрализации власти в средние века в европейском регионе. Отдельное внимание автор посвящает процессу формирования священного образа правителя, вводя термин «политическое воображение». Восприятие монарха подданными имело первостепенное значение в укреплении его статуса и авторитета. В установлении социального диалога церемонии и ритуалы обретали особый смысл. Высокий символизм обозначенных действий позволял устанавливать эффективный диалог между народом и правящими элитами. Работа М. А. Бойцова основана на богатом источниковом материале, который позволяет выстраивать эволюцию ритуалов, их трансформацию и специфику, характерную для каждого европейского государства.

В подведении итогов стоит отметить, что проблема сакрализации власти в средние века и раннее Новое время рассматривалась отечественными историками на разных этапах существования российского государства с различной интенсивностью. Во многом актуализация данной проблемы в научных исследованиях зависела от генеральной идеологии и отношения властных структур к исторической науке в целом. Задел,

созданный Н. И. Кареевым в сфере изучения ритуально-обрядовых практик и социальной природы власти в средневековой Европе, не был продолжен советскими специалистами. Традиционная марксистская идеология, формационный подход к трактовке исторического развития обществ и государств на долгий период отложили интерес отечественных медиевистов к социальным практикам, бытовой жизни, повседневности, формированию взаимоотношений власти и подданных. В приоритете у исследователей были экономика и политика, выраженные изучением военных конфликтов, формированием социальной структуры общества, основанной на поземельных отношениях, проблем установления власти конкретных монархов на вновь завоеванных территориях и управления ими. Исключением в установленном порядке можно назвать работы А. Я. Гуревича, который первым в советской исторической науке обратился к антропологическому анализу власти. Существенный сдвиг в обновлении научной проблематики отмечается с изменением обстановки

в российском государстве в 1990-е гг. Выход за жесткие рамки диктуемой методологии позволил российским специалистам расширить круг научно-исследовательских проблем. Обмен опытом с иностранными коллегами, личные достижения позволили разнообразить медиевистику в нашей стране принципиально новыми подходами к изучению Средневековья и раннего Нового времени [23]. К новаторству можно отнести широкое применение антропологического метода, методов социальной истории, постмодернистских взглядов на историю, использование междисциплинарного анализа событий и явлений. В частности все эти тренды повлияли на актуализацию исследования власти в контексте ее социальной природы и формирования. На данном этапе значимость приобрели такие проблемы и направления, как «власть как часть социального диалога», «репрезентация власти как ведущий способ конструирования ее авторитета», «ритуально-обрядовые практики, ключевые элементы создания священного образа правителя».

Литература

1. Философия: энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. М.: Гардарики, 2004. 1072 с.
2. Кареев Н. И. Западно-Европейская абсолютная монархия XVI, XVII, XVIII веков. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1908. 452 с.
3. Корсунский Р. А. Образование раннефеодального государства в Западной Европе. М.: Изд-во Московского государственного университета, 1963. 186 с.
4. Гуревич А. Я. «Эдда» и сага. М.: Наука, 1979. 192 с.
5. Гуревич А. Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М.: Высшая школа, 1970. 224 с.
6. Репина Л. П., Зверева В. В. История исторического знания. М.: Дрофа, 2004. 288 с.
7. История Европы: в 8 т. Т. 2: Средневековая Европа. М.: Наука, 1992. 808 с.
8. Одиссей. Человек в истории. М.: Наука, 1995. 311 с.
9. Священное тело короля: Ритуалы и мифология власти. М.: Наука, 2006. 484 с.
10. Искусство власти. Сборник в честь профессора Н. А. Хачатуряна. СПб.: Алетейя, 2007. 512 с.
11. Успенский Б. А. Царь и патриарх: харизма власти в России (Византийская модель и ее русское переосмысление). М.: Языки русской культуры, 1998. 676 с.
12. Успенский Б. А. Царь и император: помазание на царство и семантика монарших титулов. М.: Языки русской культуры, 2000. 144 с.
13. Гарипзанов И. Х. Рецепция античного наследия в Каролингскую эпоху: имперский код власти и проблема «Каролингского возрождения» // Средние века. М.: Наука, 2005. Вып. 66. С. 4–20.
14. Глебов А. Г. Англия в раннее Средневековье. СПб.: Евразия, 2007. 288 с.
15. Глебов А. Г. Законы Альфреда Великого как политико-идеологический манифест своей эпохи // Право в средневековом мире. 2008. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 9–17.
16. Глебов А. Г. Представления о короле и королевской власти у англосаксов (по законодательным памятникам VII–IX вв.) // Право в средневековом мире. М.: ИВИ РАН, 1996. С. 208–220.
17. Цатурова С. К. Офицеры власти. М.: Логос, 2002. 384 с.
18. Бойцов М. А. Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М.: РОССПЭН, 2009. 550 с.
19. Бойцов М. А. Помазание на царство: от Саула до Штауфенов и далее // Образ и символ в иудейской, христианской и мусульманской традиции. М.: Индрик, 2015. Гл. 9. С. 205–226.
20. Бойцов М. А. Сидя на алтаре // Священное тело короля. Ритуалы и мифология власти / под ред. Н. А. Хачатуряна. М.: Наука, 2006. С. 190–262.
21. Бойцов М. А. Скромное обаяние власти // Одиссей. Человек в истории. М.: Наука, 1995. С. 37–66.
22. Бойцов М. А. «Три книги Канторовича». Предисловие к переводу «Двух тел короля» Эрнста Хартвига Канторовича // Канторович Э. Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии / пер. с англ. М. А. Бойцова, А. Ю. Серегинной. М.: Издательство Института Гайдара, 2014. С. 9–59.
23. Шайхутдинова Е. Н. Особенности изучения королевской сакральности и ритуалов эпохи Средневековья и раннего Нового времени в англо-американской историографии конца XIX – начала XXI вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск: Изд-во ТГУ, 2013. 23 с.

ROYAL POWER SACRALIZATION IN THE MIDDLE AGES AND EARLY MODERN AGE AS STUDIED BY DOMESTIC HISTORIANS IN XX – EARLY XXI CENTURY

Elena N. Deniskevich¹, @

¹ Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

@ elena-nur@bk.ru

Received 23.11.2016. Accepted 17.01.2017.

Keywords: sacralization, power, Middle Ages, early modern age, methods of historic studying, historiography.

Abstract: The author analyzes the main stages of the research process conducted by domestic historians in the sphere of the European rulers' power sacralization in the Middle Ages and early Modern Age. The author estimates the level of interest of Soviet and Russian specialists for the issue, determines the coherence between this issue actualization, formation of new scientific approaches and objective research conditions, as well as prevailing methods, concepts and theories of historic science. It is indicated that study methods have transformed due to a change of conjuncture and possibility to use West-European experience, where socio-cultural history has been developed by the use of postmodern trends, anthropology data and interdisciplinary approaches for historic past. The author estimates the contribution of contemporary Russian medievalists into power sacralization studies and describes the most significant domestic specialists in the field, their methods and works.

For citation: Deniskevich E. N. Osobennosti izucheniia sakralizatsii korolevskoi vlasti Srednevekov'ia i rannego Novogo vremeni otechestvennymi istorikami v XX – nachale XXI vv. [Royal Power Sacralization in the Middle Ages and Early Modern Age as Studied by Domestic Historians in XX – Early XXI Century]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2018): 11–16. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-11-16>.

References

1. *Filosofia* [Philosophy]. Ed. Ivin A. A. Moscow: Gardariki, 2004, 1072.
2. Kareev N. I. *Zapadno-Evropeiskaia absolutnaia monarkhiia XVI, XVII, XVIII vekov* [West European absolute monarchy of the XVI, XVII, XVIII centuries]. Saint-Petersburg: Tipografiia M. M. Stasiulevicha, 1908, 452.
3. Korsunskii R. A. *Obrazovanie rannefeodal'nogo gosudarstva v Zapadnoi Evrope* [The Formation of early feudal state in Western Europe]. Moscow: Izd-vo Mos. gos. un-ta, 1963, 186.
4. Gurevich A. Ia. *«Edda» i saga* [The «Ed» and the saga]. Moscow: Nauka, 1979, 192.
5. Gurevich A. Ia. *Problemy genezisa feodalizma v Zapadnoi Evrope* [Problems of the genesis of feudalism in Western Europe]. Moscow: Vysshiaia shkola, 1970, 224.
6. Repina L. P., Zvereva V. V. *Istoriia istoricheskogo znaniia* [The history of historical knowledge]. Moscow: Drofa, 2004, 288.
7. *Istoriia Evropy. T. 2. Srednevekovaia Evropa* [The history of Europe. Vol. 2. Medieval Europe]. Moscow: Nauka, 1992, 808.
8. *Odissei. Chelovek v istorii* [The Odysseus. Man in History]. Moscow: Nauka, 1995, 311.
9. *Sviashchennoe telo korolia: Ritualy i mifologiiia vlasti* [The sacred body of the King: Rituals and mythology of power]. Moscow: Nauka, 2006, 484.
10. *Iskusstvo vlasti. Sbornik v chest' professora N. A. Khachaturian* [The art of power. Collection in honor of Professor N.A. Khachaturian]. Saint-Petersburg: Aleteia, 2007, 512.
11. Uspenskii B. A. *Tsar' i patriarkh: kharizma vlasti v Rossii (Vizantiiskaia model' i ee russkoe pereosmyslenie)* [The king and the patriarch: the charisma of power in Russia (the Byzantine model and its Russian rethinking)]. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury, 1998, 676.
12. Uspenskii B. A. *Tsar' i imperator: Pomazanie na tsarstvo i semantika monarshikh titulov* [The King and the Emperor: Anointing in the kingdom, and the semantics of royal titles]. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury, 2000, 144.
13. Garipzanov I. Kh. *Retseptsia antichnogo naslediiia v Karolingskuiu epokhu: imperskii kod vlasti i problema «Karolingskogo vozrozhdeniia»* [The Reception of the ancient heritage in the Carolingian era: an imperial power code and the problem of «Carolingian Renaissance»]. *Srednie veka* [The Middle Ages]. Moscow: Nauka, Iss. 66 (2005): 4–20.
14. Glebov A. G. *Angliia v rannee Srednevekov'e* [England in the early Middle Ages]. Saint-Petersburg: Evraziia, 2007, 288.
15. Glebov A. G. *Zakony Al'freda Velikogo kak politiko-ideologicheskii manifest svoei epokhi* [Laws of Alfred the Great as a political and ideological manifesto of his era]. *Pravo v srednevekovom mire* [Right in the medieval world]. Moscow: IVI RAN, 2008, 9–17.

16. Glebov A. G. Predstavleniia o korole i korolevskoi vlasti u anglosaksov (po zakonodatel'nym pamiatnikam VII–IX vv.) [The representations of the king and royal power from the Anglo-Saxons (legislative monuments of VII–IX centuries)]. *Pravo v srednevekovom mire* [Right in the medieval world]. Moscow: IVI RAN, 1996, 208–220.
17. Tsaturova S. K. *Ofitsery vlasti* [The officers of the authorities]. Moscow: Logos, 2002, 384.
18. Boitsov M. A. *Velichie i smirenje. Ocherki politicheskogo simvolizma v srednevekovoi Evrope* [The Greatness and the humility. Essays on the political symbolism in medieval Europe]. Moscow: ROSSPEN, 2009, 550.
19. Boitsov M. A. Pomazanie na tsarstvo: ot Saula do Shtaufenov i dalee [The anointing to the Kingdom from Saul to the Staufens and beyond]. *Obraz i simvol v iudeiskoi, khristianskoi i musul'manskoi traditsii* [Image and symbol in Jewish, Christian and Muslim traditions]. Moscow: Indrik, 2015, 205–226.
20. Boitsov M. A. Sidia na altare [Sitting on the altar]. *Sviashchennoe telo korolia. Ritualy i mifologiya vlasti* [The sacred body of the king. Rituals and mythology of power]. Ed. Khachaturian N. A. Moscow: Nauka, 2006, 190–262.
21. Boitsov M. A. Skromnoe obaianie vlasti [The Discreet Charm of the authorities]. *Odissei. Chelovek v istorii* [The Odysseus. Man in History]. Moscow: Nauka, 1995, 37–66.
22. Kantorovich E. Kh. *Dva tela korolia. Issledovanie po srednevekovoi politicheskoi teologii* [The king's two bodies. A study on medieval political theology]. Transl. Boitsov M. A., Seregina A. Iu. Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gaidara, 2014, 9–59.
23. Shaikhutdinova E. N. *Osobennosti izuchenii korolevskoi sakral'nosti i ritualov epokhi Srednevekov'ia i rannego Novogo vremeni v anglo-amerikanskoi istoriografii kontsa XIX – nachala XXI vv.* Avtoref. diss. kand. ist. nauk [The Royal sacredness and rituals of the Middle Ages and Early Modern history in Anglo-American historiography of the late XIX – early XXI centuries. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr.]. Tomsk: Izd-vo TGU, 2013, 23.

УДК 930.1(571.17)

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ О РАЗВИТИИ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВВ.

Маргарита В. Казьмина^{1, @1}, Евгения С. Юзупкина^{1, @2}

¹ Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6

@1 Rita-KMV@yandex.ru

@2 Yuzupkina@mail.ru

Поступила в редакцию 23.10.2017. Принята к печати 05.04.2018.

Ключевые слова:

историография, источники, история физической культуры и спорта, физкультурное движение, Кемеровская область.

Аннотация: В статье дается характеристика историографии и источников по проблеме развития физической культуры и спорта в Кемеровской области на рубеже XX–XXI вв. Проанализировав широкий круг публикаций (монографии, статьи, авторефераты диссертаций, учебную и публицистическую литературу), авторы пришли к выводу, что исследователи обобщили определенный материал по данной теме. Более подробно дана характеристика изменений в законодательной сфере, обеспечивавшей функционирование системы физкультуры и спорта Кемеровской области в 1991–2007 гг. Однако процесс развития физкультурно-спортивного движения в регионе еще изучен недостаточно. Слабо освещены вопросы, связанные с созданием материально-технической базы кузбасского спорта, не дана характеристика системы подготовки физкультурных кадров региона. В отечественной литературе отсутствуют работы, комплексно посвященные процессу развития физкультурно-спортивного движения в Кемеровской области в указанный период. В результате проведенного анализа источников по избранной теме выявлено, что самыми информативными среди них были письменные двух классов: законодательные и документальные. Установлено, что имеющийся комплекс источников позволяет проследить процесс развития физкультуры и спорта региона в условиях смены модели социально-экономического развития страны.

Для цитирования: Казьмина М. В., Юзупкина Е. С. Историография и источники о развитии физической культуры и спорта Кемеровской области на рубеже XX–XXI вв. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 2. С. 17–23. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-17-23>.

В современной России нарастает интерес к развитию физической культуры и спорта. Свидетельством тому является создание Совета при Президенте Российской Федерации по развитию физической культуры и спорта и утверждение в августе 2009 г. Стратегии развития физической культуры и спорта (ФКиС) в Российской Федерации на период до 2020 г. [1]. Принятая программа ориентирует на продвижение в обществе ценностей активного и здорового образа жизни, развитие как массового спорта, так и спорта высоких достижений.

Президент России В. В. Путин призвал россиян уделять больше времени спортивному развитию и, выступая на заседании Генассамблеи Ассоциации национальных олимпийских комитетов в Москве, обозначил: «цель – добиться, чтобы к 2020 г. не менее 40 % наших граждан регулярно занимались спортом, вели здоровый и активный образ жизни» [2]. Уровень развития физической культуры и спорта в регионах – важный показатель здоровья нации и национального могущества России. В связи с этим осмысление накопленного опыта, внимание к достижениям и проблемам в сфере физической культуры и спорта крайне актуально с научной точки зрения. В условиях современных реформ в России важно объективно оценить

роль государства, общественных организаций и объединений в формировании здорового образа жизни, понять слабые и сильные стороны советской и постсоветской систем физического воспитания.

Проблема истории развития ФКиС в Кемеровской области в конце XX – начале XXI вв. нашла определенное освещение в отечественной историографии. Логично выделить историографические работы, анализирующие состояние ФКиС в масштабах страны. Особо необходимо отметить монографию А. Б. Сунника «Очерки отечественной историографии истории физической культуры и спорта», где впервые в многоплановом аспекте проанализирована данная проблема. Автор показал историю развития физической культуры и спорта как науки в советскую и постсоветскую эпоху, поднял вопрос о новейшей российской историографии истории физической культуры и спорта с 1990-х гг. до начала XXI в. Достоинством этого фундаментального труда является внимание к смене методологических подходов в конце XX в. По мнению ученого, «история физической культуры и спорта как наука в Новой России находится на стадии зарождения и становления» [3, с. 7].

В 1990-е и последующие годы растет число работ по истории физкультурно-спортивного движения

в России. Это труды Б. Р. Голощапова «История отечественных и зарубежных систем физического воспитания и спорта» (1995) и «История физической культуры и спорта» (2001), Б. А. Базунова «Спорт. XX век: Хроника отечественного и мирового спорта: события, персонажи, рекорды» (2001), А. А. Исаева «Спортивная политика России» (2002), С. В. Алексеева, Р. Г. Гостева и др. «Физическая культура и спорт в Российской Федерации: новые вызовы современности» (2013). Они дают всестороннюю характеристику развития физкультурно-спортивного движения, критически оценивают ряд научных предположений, главенствовавших в советский период. Особо стоит отметить труды С. В. Алексеева, признанного специалиста в области спортивного права [4].

Полезная информация содержится в энциклопедиях и справочных изданиях [5; 6]. В них можно найти материал, раскрывающий термины, понятия, определения, употребляемые в спорте. Работы такого рода содержат данные о физическом воспитании, физической культуре, олимпийском движении и т. д. Определенную ценность для понимания ключевых тенденций в развитии ФКиС представляют публикации, посвященные отдельным видам спорта [7–9] и учебная литература [10; 11].

Проблемы ФКиС в масштабах Сибирского и Западно-сибирского регионов разрабатывались в докторских и кандидатских диссертациях [12–14]. Особо стоит отметить в этой связи работы Б. В. Кимейши, в которых на региональном материале был проведен сравнительный анализ советского (1980-е гг.) и постсоветского (1990-е гг.) периодов в развитии ФКиС. Автору удалось выделить их общие и отличительные черты. Он проанализировал причины снижения эффективности ФКиС в 1990-е гг., определил особенности физкультурно-спортивного движения в Западной Сибири. К ним он отнес преобладание развития отдельных видов спорта, временный характер спортивных школ, хроническую нехватку некоторых категорий физкультурных кадров, стремление восполнить недостаточное число дипломированных специалистов общественными физкультурными кадрами.

Особый интерес по теме развития ФКиС Кемеровской области представляют работы А. С. Трофимовой и Я. Ю. Ратушной. В 2007 г. А. С. Трофимова защитила кандидатскую диссертацию по развитию физкультурно-спортивного движения в Кузбассе (середина 1960–1980-х гг. XX в.). Она выявила новые формы и методы организации массовой и оздоровительной физкультурной работы и особенности формирования условий для развития ФКиС в Кемеровской области [15]. Хронологические рамки диссертации охватывают середину 1960–1980-х гг., что позволяет, используя ретроспективный подход, глубже понять те изменения, которые происходят в развитии ФКиС Кузбасса в конце XX – начале XXI вв.

В кандидатской диссертации Я. Ю. Ратушной, защищенной в 2012 г., выявлены особенности государственной политики по развитию физической культуры и спорта в Кемеровской области в 1991–2007 гг.

Работа опирается на широкий круг источников, использованы как опубликованные, так и неопубликованные документы, в том числе материалы архивов Кемеровской, Томской и Новосибирской областей. Я. Ю. Ратушная обосновала тезис о том, что период 1991–2007 гг. является самостоятельным этапом в становлении государственной политики в сфере ФКиС Российской Федерации со своими характерными чертами. Ей удалось показать, как изменялась законодательная база и проходила реорганизация органов управления физической культурой и спортом Кемеровской области [16]. Однако, на наш взгляд, логично этот период расширить применительно к Кузбассу до 2008 г., т. к. в апреле этого года Советом народных депутатов области был принят закон «О физической культуре и спорте в Кемеровской области», регламентирующий основные положения в рамках субъекта Российской Федерации. Данный документ завершил оформление законодательной базы ФКиС в регионе. Отмечая существенный вклад исследователя в разработку выбранной темы, стоит отметить, что он не ставил задачу полномасштабного изучения физкультурной и спортивной работы в Кемеровской области.

Спортивная тематика освещалась в материалах научно-практических конференций. Однако вопросы истории физкультурно-спортивного движения в Кемеровской области в них представлены фрагментарно. В статьях А. А. Зеленина, А. А. Чепкасова, Л. С. Миловановой дается профессиональная оценка состояния и перспектив развития массовой физической культуры и спорта в Кемеровской области [17; 18]. В рамках «Балибаловских чтений» отдельным разделом представлена рубрика «Наши земляки», в которой можно найти информацию о первом мастере спорта Кузбасса по лыжным гонкам Иване Голофасте; семье кемеровчан Козиных, судьба которых связана с ДСО «Динамо» [19].

Значимый материал о развитии ФКиС содержится в изданиях, посвященных истории Кузбасса и городов Кемеровской области [20–22]. В них рассматриваются исторические аспекты становления физической культуры и спорта, дается характеристика спортивной инфраструктуры, опубликован материал о биографиях выдающихся спортсменов, оставивших яркий след в истории спорта не только Кузбасса, но и России в целом.

Наиболее подробно о достижениях в сфере ФКиС повествуется в книге автора-составителя В. И. Бурцевой «Ленинск-Кузнецкий, ты в сердце моем». Несмотря на то, что работа носит публицистическую направленность, в ней содержится богатый фактический материал. В частности говорится о строительстве и функционировании крупнейшего в мире манежа спортивной гимнастики, даны биографии чемпионов мира и Европы Валентина Могильного, Алексея Тихоньких, двукратной олимпийской чемпионки по спортивной гимнастике Марии Филатовой, абсолютного чемпиона Европы среди юниоров 2002 г., двукратного чемпиона России 2003 г. в отдельных видах, участника летних Олимпийских игр 2004 г. в Афинах, мастера спорта международного класса Максима Девятковского. В этой же книге содержится материал

о легендарных тренерах – супругах Маметьевых, благодаря которым город Ленинск-Кузнецкий стал известен в спортивном мире [23, с. 309, 313, 333, 335].

Интересный материал содержится в изданиях, посвященных истории отдельных высших учебных заведений Кузбасса. В них освещена работа, проделанная преподавателями, тренерами и воспитанниками ведущих вузов Кузбасса [24, с. 155–157; 26, с. 451, 454, 575, 578].

Таким образом, исследователи обобщили определенный материал по проблеме развития физической культуры и спорта в Кемеровской области на рубеже XX–XXI вв. Наиболее емко дана характеристика изменений в законодательной сфере, обеспечивавшей функционирование отрасли. Но процесс развития физкультурно-спортивного движения в Кемеровской области еще изучен недостаточно. Не в полной мере отражены вопросы, связанные с созданием материально-спортивной базы, подготовкой физкультурных кадров. В отечественной литературе отсутствуют специальные работы, посвященные истории развития физкультуры и спорта в Кемеровской области в указанный период.

Кроме историографии для историка крайне важно состояние источников по исследуемой проблеме. К наиболее значимым типам источников по истории ФКиС Кемеровской области на рубеже XX–XXI вв. можно отнести письменные, вещественные, фото-, кинодокументы. Самыми информативными среди них были письменные источники двух классов: законодательно-нормативные акты и делопроизводственные документы государственных и общественных учреждений, предприятий и организаций. Особую ценность представляют первые из них. Основные положения о значении ФКиС были зафиксированы в Конституциях (СССР 1977 г. и РФ 1993 г.), а также в таких документах, как «Основы законодательства Российской Федерации в сфере физической культуры и спорта», 1993 г. и закон РФ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» 2007 г. На основе Федерального законодательства 23 апреля 2008 г. Советом народных депутатов Кемеровской области был принят закон «О физической культуре и спорте в Кемеровской области», регламентирующий основные положения в рамках субъекта Российской Федерации. Эти базовые документы позволяют проанализировать динамику формирования законодательной базы в области ФКиС в условиях перехода от советской к рыночной модели развития.

Делопроизводственные документы можно разделить на две группы – опубликованные и неопубликованные. К числу первых относятся сборники официальных документов и материалов, включающие партийные, правительственные постановления, направленные на решение проблем в области ФКиС. Они позволяют в полном объеме представить действия центра в данной сфере [26]. Официальные документы министерства спорта размещены на сайте этого учреждения. Действия региональной власти в этом плане отражают публикации документов на сайтах администрации и департамента молодежной политики и спорта Кемеровской области.

К числу неопубликованных источников относятся материалы Государственного архива Кемеровской области (ГАКО). Фонд Кемеровского областного комитета КПСС (П-75) содержит делопроизводственную документацию обкома КПСС. Вплоть до запрета КПСС в поле зрения этого органа находились мероприятия в области ФКиС. Курировал это направление отдел агитации и пропаганды Кемеровского обкома КПСС. В фондах городских и районных парторганизаций области также можно найти информацию о развитии физической культуры среди населения. В фонде Новокузнецкого горкома КПСС (П-74) имеются постановления, планы, справки о развитии ФКиС. Значительную работу, особенно в сфере физической культуры и массовых видов спорта, проводили комсомольские организации. В Кемеровском обкоме ВЛКСМ (фонд П-126) действовал оборонно-массовый и спортивный отдел. Он отвечал за военно-патриотическое и спортивное воспитание молодежи. В фонде обкома комсомола имеются планы, отчеты, справки, информация гор(рай)комов комсомола по выполнению работы в области ФКиС.

При Кемеровском облисполкоме (Р-411) действовал комитет по делам физической культуры и спорта. После принятия Конституции РФ 1993 г. и изменений как центральных, так и местных органов власти вопросы ФКиС перешли в ведение администрации Кемеровской области. В этом фонде отложились документы спорткомитета администрации Кемеровской области, департамента физической культуры, спорта и туризма, департамента молодежной политики и спорта. Это приказы областного спорткомитета, департамента, постановления коллегии департамента, распоряжения губернатора области. В указанном выше фонде можно встретить отчеты областных, городских, районных организаций, ведавших вопросами ФКиС, в том числе добровольных спортивных обществ («Динамо», «Буревестник», «Урожай», «Трудовые резервы» и др.), справки, аналитические записки, статистические данные. В этих документах представлены сведения о количестве занимающихся физкультурой и спортом в области, состоянии материально-технической базы спортивных объектов, кадровом потенциале отрасли.

Детализировать состояние физкультурно-массовой работы среди молодежи, и охарактеризовать подготовку кадров для ФКиС позволяют документы ряда высших и средних специальных учебных заведений Кузбасса: Кемеровского государственного университета (фонд Р-351), Кузбасской государственной педагогической академии (www.kuzsra.ru), Прокопьевского техникума физической культуры (www.pcspc.ru).

Особую ценность представляет группа статистических источников. Наиболее информативны в этом плане такие издания, как «Кузбасс. История в цифрах. Статистический сборник», «Кузбасс. Статистический ежегодник». В них имеются данные по ключевым показателям материальной базы ФКиС (число спортивных сооружений), содержится информация о коллективах, учреждениях и организациях, осуществляющих деятельность по физической культуре и спорту, а также представлена статистика о развитии массовых видов

спорта. Отличительной чертой сборника «Регионы России» является то, что в нем число спортивных сооружений дается по стране, Сибирскому федеральному округу в целом и в разрезе его субъектов, что позволяет по ряду лет дать сравнительную характеристику по данному показателю и определить место Кемеровской области по этому направлению деятельности.

В фонде Кемеровского областного комитета государственной статистики (Р-304) также имеются данные (статистические формы 1-фк, 5-фк), позволяющие расширить представление о состоянии дел в области ФКиС в регионе. В частности отложились материалы о подготовке кадров в вузах и техникумах Кемеровской области. Однако сложность состоит в том, что учет велся применительно к обучавшимся и подготовленным кадрам по специальности «здравоохранение и физическая культура». По этой причине имеются объективные сложности для выявления доли подготовленных специалистов в области ФКиС. Определенные трудности для исследователя возникают и в связи со сменой форм статотчетности на протяжении конца XX – начала XXI вв.

Особой группой источников является периодическая печать. В центральных изданиях («Вестник спортивной науки», «Теория и практика физической культуры», «Спорт: экономика, право, управление», «Советский спорт» и др.) размещались постановления государственных органов власти по важнейшим вопросам развития физической культуры и спорта, выходили статьи о достижениях и проблемах развития отрасли. В местных газетах «Кузбасс», «Комсомолец Кузбасса», «Кемерово», «Новости Кузбасса», многотиражной печати освещались различные аспекты развития физкультурно-спортивного движения в регионе. С 2011 г. начал издаваться журнал «Кузбасс спортив-

ный», где можно найти информацию о выдающихся спортсменах Кемеровской области, достижениях и проблемах ФКиС региона.

Ценность представляют фото-, кинодокументы. В фонде ГАКО (Р-2048) хранятся фотодокументы, в том числе и об истории кузбасского спорта. В большом количестве такие источники представлены в музее истории ФКиС Кузбасса. Высокой степенью информативности отличаются кинодокументы о спорте в Кемеровской области. Например, в материалах «Хроники кузбасского спорта» (1 июня 2016 г.) повествуется о выдающихся легкоатлетах, участниках олимпийских игр: А. Кислых (Олимпийские игры 1996 и 2000 гг.) и Е. Прохоровой, в 2000 г. завоевавшей серебро на играх в Сиднее. Такого рода документы позволяют более емко представить достижения спортсменов региона.

Вспомогательную роль в контексте заявленной темы играют вещественные источники. Большинство из них отложилось в музее физкультуры и спорта Кузбасса. Данный тип источников помогает наглядно увидеть изменения в инвентаре, спортивной экипировке, символике российского и кузбасского спорта.

Существенным подспорьем для исследователя являются интернет-ресурсы. Особо информативны сайты правительства РФ (www.government.ru), министерства спорта РФ (www.minsport.gov.ru), Федеральной службы государственной статистики (www.gks.ru), администрации (www.ako.ru) и департамента молодежной политики и спорта (www.dmps.ru) Кемеровской области.

Привлечение всех вышеперечисленных типов источников позволяет многогранно проанализировать основные направления развития ФКиС Кемеровской области на рубеже XX–XXI вв. и выявить отличительные черты развития отрасли при смене модели социально-экономического развития страны.

Литература

1. Об утверждении Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2020 года. Распоряжение правительства РФ от 07.08.2009 г. № 1101-р. Режим доступа: http://minsport.midural.ru/tmp_file/file_4f7d9bd1f1fbb.pdf (дата обращения: 05.06.2017).
2. Выступление В. В. Путина на XVIII Генеральной Ассамблее Ассоциации национальных комитетов в Москве 13 апреля 2012 г. // РИА Новости. 13.04.2012. Режим доступа: <http://ria.ru/sport/20120413/625163926.html> (дата обращения: 07.06.2017).
3. Суник А. Б. Очерки отечественной историографии истории физической культуры и спорта. М.: Советский спорт, 2010. 616 с.
4. Алексеев С. В. Спортивное право России. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2013. 695 с.
5. Наука о спорте. Энциклопедия систем жизнеобеспечения / гл. ред. А. Д. Жуков. М.: Магистр-пресс, 2011. 1000 с.
6. Байковский Ю. В. Терминология экстрима. Энциклопедический словарь-справочник экстремальных видов спортивной деятельности. М.: Вертикаль, ТВТ Дивизион, 2014. 292 с.
7. Григорьев А. Е. Звезды гимнастики. Очерки развития спортивной гимнастики в стране. СПб.: Б. и., 1994. 232 с.
8. Григорьев А. Е. Физическое воспитание в России (19–20 век). Исторический очерк. СПб.: Б. и., 1994. 80 с.
9. Пирогов Б. А. Футбол: Хроника. События. Факты. М.: Советский спорт, 1995. 512 с.
10. Голощапов Б. Р. История физической культуры и спорта. М.: Академия, 2013. 310 с.
11. Мельникова Н. Ю., Трескин А. В. История физической культуры и спорта. М.: Советский спорт, 2013. 392 с.
12. Бовтун И. В. Развитие туризма в Западной Сибири: история, опыт, проблемы в 1980-х – 2005 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2007. 24 с.
13. Кимейша Б. В. Физкультурно-спортивное движение Западной Сибири: история, опыт, проблемы (1981–2000): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Омск, 2004. 36 с.

14. Морковина О. В. Деятельность государственных и общественных организаций по развитию физкультуры и спорта в вузах Алтайского края: 1945–1991 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2004. 23 с.
15. Трофимова А. С. Развитие физкультурно-спортивного движения в Кузбассе: середина 60–80-х гг. XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2007. 26 с.
16. Ратушная Я. Ю. Государственная политика по развитию физической культуры и спорта Кемеровской области: 1991–2007: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2012. 28 с.
17. Зеленин А. А., Милованова Л. С. Об основных направлениях развития физической культуры и спорта в Кемеровской области // Проблемы развития физической культуры и спорта в новом тысячелетии: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. С. 77–91.
18. Зеленин А. А., Чепкасов А. А. Состояние и перспективы развития массовой физической культуры и спорта в Кемеровской области // Проблемы развития физической культуры и спорта в новом тысячелетии: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2006. С. 57–69.
19. Жидкова Т. Н. Семья Козиных в истории Кемеровского спорта // Балибаловские чтения: материалы Пятой научно-практической конференции, посвященной 90-летию города Кемерово. Кемерово, 2008. Вып. 5. С. 171–173.
20. Золотые страницы Кузбасса. Кемерово: ПризмаДоК, 1998. 427 с.
21. Адаменко А. М., Баев О. В., Блинов А. В., Ермолаев А. Н., Зинякова В. М., Карпинец А. Ю., Леухова М. Г., Овчинников В. А., Усков И. Ю. Из истории Салаира / отв. ред. В. А. Волчек. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2015. 220 с.
22. Шуранов Н. П., Савинцев В. В. Города Кузбасса. Новосибирск: МАСС-Медиа-Центр, 2002. Т. 1. 222 с.
23. Бурцева В. И. Ленинск-Кузнецкий, ты в сердце моем. Ленинск-Кузнецкий: Ленинск-Кузнецкое полиграфическое производственное объединение, 2005. 353 с.
24. Кемеровская государственная медицинская академия / отв. ред. В. М. Ивойлов. Кемерово: АРФпринт, 2015. 251 с.
25. КемГУ глазами журналистов: Кемеровский государственный университет на страницах печатных СМИ 1974–2004 гг. / редкол. В. А. Волчек, Е. Б. Галаганова, И. А. Крым, А. П. Макаров, Б. П. Невзоров, В. А. Овчинников, А. В. Пузынин, А. В. Стрига. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2007. 639 с.
26. Рожков П. А., Виноградов П. А., Моченов В. П. Нормативное правовое и программно-методическое обеспечение сферы физической культуры и спорта: док. и материалы (1999–2004 годы). М.: Советский спорт, 2005. 1275 с.

HISTORIOGRAPHY AND SOURCES ON THE DEVELOPMENT OF PHYSICAL CULTURE AND SPORTS IN THE KEMEROVO REGION AT THE TURN OF THE XXI CENTURY

Margarita V. Kazmina^{1, @1}, Evgeniya S. Yuzupkina^{1, @2}

¹ Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

@1 Rita-KMV@yandex.ru

@2 Yuzupkina@mail.ru

Received 23.10.2017. Accepted 05.04.2018.

Keywords: historiography, sources, the history of physical culture and sport, physical movement, Kemerovo region.

Abstract: The article features the historiography and sources on the issue of physical culture and sport development in the Kemerovo region at the turn of the XXI century. Having analyzed a wide range of publications (monographs, articles, dissertation abstracts, academic and journalistic literature), the authors came to the conclusion that certain material has already been summarized on this topic. The study offers a detailed description of the changes in the legislative field that were made to ensure a better functioning of the system of physical culture and sports in the Kemerovo region in 1991–2007. However, the development process of physical culture and sport movement in the region remains poorly investigated. The same can be said about the issues related to the material-technical base of the Kuzbass sports and the system of sport personnel training in the region. In the domestic literature there are no works devoted to the complex process of development of physical culture and sports movement in the Kemerovo region in the period. The analysis of the sources on the selected theme has revealed that the most informative among them were two classes of written sources: legislative and documentary. The available range of sources has allowed the authors to trace the process of development of physical culture and sports region in the conditions of changing socio-economic development model of the country.

For citation: Kazmina M. V., Yuzupkina E. S. Istoriografiia i istochniki o razvitii fizicheskoi kul'tury i sporta Kemerovskoi oblasti na rubezhe XX–XXI vv. [Historiography and Sources on the Development of Physical Culture and Sports in the Kemerovo Region at the Turn of the XXI Century]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2018): 17–23. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-17-23>.

References

1. *Ob utverzhenii Strategii razvitiia fizicheskoi kul'tury i sporta v Rossiiskoi Federatsii na period do 2020 goda* [On the approval of the Strategy for the Development of Physical Culture and Sports in the Russian Federation for the period up to 2020]. The order of the government of the Russian Federation of 07.08.2009 No. 1101-R. Available at: http://minsport.midural.ru/tmp_file/file_4f7d9bd1f1fbb.pdf (accessed 05.06.2017).
2. Vystuplenie V. V. Putina na XVIII General'noi Assamblee Assotsiatsii natsional'nykh komitetov v Moskve 13 apreliia 2012 g. [Vladimir Putin's speech at the XVIII General Assembly of the Association of national committees in Moscow on April 13, 2012]. 13.04.2012. Available at: <http://ria.ru/sport/20120413/625163926.html> (accessed 07.06.2017).
3. Sunik A. B. *Ocherki otechestvennoi istoriografii istorii fizicheskoi kul'tury i sporta* [Essays of domestic historiography of history of physical culture and sports]. Moscow: Sovetskii sport, 2010, 616.
4. Alekseev S. V. *Sportivnoe pravo Rossii* [Sports right of Russia]. Moscow: IUNITI-DANA, Zakon i pravo, 2013, 695.
5. *Nauka o sporte. Entsiklopediia sistem zhizneobespecheniia* [The science of sport. Encyclopedia of life support systems]. Ed. Zhukov A. D. Moscow: Magistr-press, 2011, 1000.
6. Baikovskii Iu. V. *Terminologiiia ekstrima. Entsiklopedicheskii slovar'-spravochnik ekstremal'nykh vidov sportivnoi deiatel'nosti* [The terminology of extreme sports. Encyclopedic dictionary of extreme kinds of sports activities]. Moscow: Vertikal', TVT Divizion, 2014, 292.
7. Grigor'ev A. E. *Zvezdy gimnastiki. Ocherki razvitiia sportivnoi gimnastiki v strane* [Gymnastics stars: essays on the development of gymnastics in the country]. Saint-Petersburg, 1994, 232.
8. Grigor'ev A. E. *Fizicheskoe vospitanie v Rossii (19–20 vek). Istoricheskii ocherk* [Physical education in Russia (19–20 century). Historical sketch]. Saint-Petersburg, 1994, 80.
9. Pirogov B. A. *Futbol: Khronika. Sobytiia. Fakty* [Football: Chronicle. Events. Facts]. Moscow: Sovetskii sport, 1995, 512.
10. Goloshchapov B. R. *Istoriia fizicheskoi kul'tury i sporta* [The history of physical culture and sport]. Moscow: Akademiia, 2013, 310.
11. Mel'nikova N. Iu., Treskin A. V. *Istoriia fizicheskoi kul'tury i sporta* [History of physical culture and sport]. Moscow: Sovetskii sport, 2013, 392.
12. Bovtun I. V. *Razvitie turizma v Zapadnoi Sibiri: istoriia, opyt, problemy v 1980-kh – 2005 gg.* Avtoref. diss. kand. ist. nauk [Tourism development in Western Siberia: history, experience, problems in the 1980s – 2005. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr.]. Kemerovo, 2007, 24.
13. Kimeisha B. V. *Fizkul'turno-sportivnoe dvizhenie Zapadnoi Sibiri: istoriia, opyt, problemy (1981–2000).* Avtoref. diss. doktora ist. nauk [Physical culture and sports movement in Western Siberia: history, experience, problems (1981–2000). Dr. Hist. Sci. Diss. Abstr.]. Omsk, 2004, 36.
14. Morkovina O. V. *Deiatel'nost' gosudarstvennykh i obshchestvennykh organizatsii po razvitiu fizkul'tury i sporta v vuzakh Altaiskogo kraia: 1945–1991 gg.* Avtoref. diss. kand. ist. nauk [The activities of state and public organizations on development of physical culture and sports in the universities of the Altai territory (1945–1991). Cand. hist. Sci. Diss. Abstr.]. Kemerovo, 2004, 23.
15. Trofimova A. S. *Razvitie fizkul'turno-sportivnogo dvizheniia v Kuzbasse: seredina 60–80-kh gg. XX veka.* Avtoref. diss. kand. ist. nauk [The development of physical culture and sports movement in Kuzbass: the middle of the 60–80-ies of XX century. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr.]. Kemerovo, 2007, 26.
16. Ratushnaia Ia. Iu. *Gosudarstvennaia politika po razvitiu fizicheskoi kul'tury i sporta Kemerovskoi oblasti: 1991–2007.* Avtoref. diss. kand. ist. nauk [State policy on development of physical culture and sports of the Kemerovo region: 1991–2007. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr.]. Kemerovo, 2012, 28.
17. Zelenin A. A., Milovanova L. S. *Ob osnovnykh napravleniiakh razvitiia fizicheskoi kul'tury i sporta v Kemerovskoi oblasti* [About the main directions of development of physical culture and sports of the Kemerovo region]. *Problemy razvitiia fizicheskoi kul'tury i sporta v novom tysiacheletii: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Problems of development of physical culture and sport in the new Millennium: Proc. all-Russian Sc.-Prac. Conf.]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2007, 77–91.
18. Zelenin A. A., Chepkasov A. A. *Sostoianie i perspektivy razvitiia massovoi fizicheskoi kul'tury i sporta v Kemerovskoi oblasti* [The state and prospects of development of mass physical culture and sports of the Kemerovo region]. *Problemy razvitiia fizicheskoi kul'tury i sporta v novom tysiacheletii: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Problems of development of physical culture and sport in the new Millennium: Proc. all-Russian Sc.-Prac. Conf.]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2007, 57–69.
19. Zhidkova T. N. *Sem'ia Kozinykh v istorii Kemerovskogo sporta* [The Kozin family in the history of the Kemerovo sports]. *Balibalovskie chteniia: materialy Piatoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posviashchennoi 90-letiiu goroda*

Kemerovo [Balibalov readings: Proc. Fifth Sc.- Prac. Conf. dedicated to the 90th anniversary of the city of Kemerovo]. Kemerovo, no. 5 (2008): 171–173.

20. *Zolotyie stranitsy Kuzbassa* [The Golden pages of Kuzbass]. Kemerovo: PrizmaDoK, 1998, 427.

21. Adamenko A. M., Baev O. V., Blinov A. V., Ermolaev A. N., Ziniakova V. M., Karpinets A. Iu., Leukhova M. G., Ovchinnikov V. A., Uskov I. Iu. *Iz istorii Salaira* [From the history of the Salair]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2015, 220.

22. Shuranov N. P., Savintsev V. V. *Goroda Kuzbassa* [City Of Kuzbass]. Novosibirsk: MASS-Media-Centr, vol. 1 (2002): 222.

23. Burtseva V. I. *Leninsk-Kuznetskii, ty v serdtse moem* [Leninsk-Kuznetsky, you're in my heart]. Leninsk-Kuznetskiy: Leninsk-Kuznetskoe poligraficheskoe proizvodstvennoe ob"edinenie, 2005, 235.

24. *Kemerovskaia gosudarstvennaia meditsinskaia akademiia* [Kemerovo state medical Academy]. Ed. Ivoilov V. M. Kemerovo: ARFprint, 2015, 251.

25. *KemGU glazami zhurnalistov: Kemerovskii gosudarstvennyi universitet na stranitsakh pechatnykh SMI 1974–2004 gg.* [KemSU through the eyes of journalists. Kemerovo state University on the pages of print media 1974–2004]. Eds. Volchek V. A., Galaganova E. B., Krym I. A., Makarov A. P., Nevzorov B. P., Ovchinnikov V. A., Puzynin A. V., Striga A. V. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2007, 639.

26. Rozhkov P. A., Vinogradov P. A., Mochenov V. P. *Normativnoe pravovoe i programmno-metodicheskoe obespechenie sfery fizicheskoi kul'tury i sporta: dok. i materialy (1999–2004 gody)* [Normative legal and methodological provisions of the sphere of physical culture and sport: doc. and materials (1999–2004)]. Moscow: Sovetskii sport, 2005, 1275.

УДК 93.331.3

ЗАКРЕПЛЕНИЕ КАДРОВ В СОВЕТСКОЙ ИНДУСТРИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ 1940-Х ГГ.: АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ И (ИЛИ) МАТЕРИАЛЬНОЕ СТИМУЛИРОВАНИЕ

Марина А. Клинова¹, @

¹ Уральский государственный экономический университет, 620144, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта / Народной Воли, 62/45

@klinowa.m@yandex.ru

Поступила в редакцию 24.04.2018. Принята к печати 28.05.2018.

Ключевые слова: закрепление кадров, социально-экономическая политика, СССР, 1940-е гг., трудовая дисциплина, рабочие.

Аннотация: В данной статье проанализированы практические методы реализации политики «закрепления кадров» на предприятиях отечественной индустрии в первые послевоенные годы, оценена их направленность и эффективность. В качестве источников исследования использовались статистические данные, архивные материалы, нормативные документы периода, в том числе ранее не опубликованные Постановления Совета Министров СССР. Доказано, что основной причиной текучести кадров являлись неблагоприятные жилищно-бытовые условия рабочих и проблемы снабжения. Проблема закрепления кадров в советской индустрии решалась путем усиления административного контроля, посредством расширения льгот и социальных гарантий рабочих. Методы закрепления кадров, а также объемы льгот и суровость наказания, применяемого к работникам за нарушение трудовой дисциплины, распределялись в соответствии с принципом главного звена, предполагающим более высокую концентрацию льгот и санкций в отношении работников приоритетных для государства отраслей (угольной промышленности, металлургии). В условиях ограниченного количества ресурсов применение данного принципа позволяло достигать поставленных социально-экономических задач.

Для цитирования: Клинова М. А. Закрепление кадров в советской индустрии второй половины 1940-х гг.: административное принуждение и (или) материальное стимулирование // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 2. С. 24–30. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-24-30>.

В послевоенный период основные векторы правового и социально-экономического регулирования определялись необходимостью решения важнейшей задачи, стоящей перед государством – ликвидировать экономические последствия войны и восстановить разрушенное войной хозяйство. Данная задача была конкретизирована в «Законе о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства РСФСР на 1946–1950 гг.»: «восстановить пострадавшие районы страны, восстановить довоенный уровень промышленности и сельского хозяйства и затем превзойти этот уровень в значительных размерах» [1, с. 25]. В контексте реализации пятилетнего плана населению отводилась ведущая роль – именно усилиями граждан он должен был быть осуществлен. Приоритетность развития индустрии в плане четвертой пятилетки предполагала значительное повышение интенсивности и производительности труда промышленных рабочих.

Сложность решения данной проблемы была связана со значительным сокращением за период с 1940 по 1945 гг. количества работающего населения трудоспособных возрастов. Численность рабочих и служащих по СССР сократилась с 33,9 до 28,5 млн человек [2, с. 40], по РСФСР уменьшилась на 2,5 млн (с 22173000 до 19627000) [2, с. 40]. Почти на 500 тыс. сократилось количество рабочих и служащих РСФСР,

занятых в промышленности, на 200 тыс. – в строительстве, около 200 тыс. – на транспорте [3, с. 114].

Проблема нехватки рабочих рук в советской промышленности решалась за счет различных источников: трудоустройства демобилизованных, направления на предприятия выпускников фабрично-заводского обучения (ФЗО), ремесленных и железнодорожных училищ, трудовой мобилизации населения (оргнабор), а также посредством использования труда спецконтингента. Не менее важным аспектом кадровой проблемы было сохранение трудовых ресурсов в советской индустрии.

В данной статье проанализированы практические методы реализации политики «закрепления кадров» на предприятиях отечественной индустрии в первые послевоенные годы, оценена их направленность и эффективность. В качестве источников исследования использовались статистические данные, архивные материалы, нормативные документы периода, в том числе ранее не опубликованные Постановления Совета Министров СССР.

Проблема текучести кадров сохраняла свою актуальность в послевоенный период, фиксируясь во многих отраслях отечественной индустрии. Наиболее остро она стояла в угольной промышленности, металлургии, строительстве. В данных отраслях фиксировалось не только большее количество выбывших

с предприятий, но и преобладающее количество самовольно ушедших. Соответственно, это явление имело наибольшее распространение в тех регионах РСФСР, где размещались предприятия этих отраслей – в угольных и металлургических центрах Урала и Западной Сибири, Подмосковном угольном бассейне. Напротив, в Москве и Ленинграде уровень текучести кадров был достаточно низким, что не в последнюю очередь было связано с преимуществами снабжения данных городов. Так, например, в первом квартале 1947 г. в Москве с оборонных предприятий выбыли всего 1532 человека, в Ленинграде с восемнадцати оборонных предприятий ушли 387 человек. Для сравнения: в Молотове, где численность населения была в восемь раз меньше, за три месяца 1947 г. выбыли 1940 работников [4, л. 81; 5, л. 47].

Увольнения и самовольные уходы работников предприятий порождали неконтролируемое перемещение рабочей силы, нарушавшее векторность осуществляемых государством регулируемых трудовых инвестиций (оргнабор, школы ФЗО и РУ). Поэтому проблема текучести кадров требовала незамедлительного решения.

В ряду практических методов «закрепления» кадров было сохранение ряда чрезвычайных мер, регулирующих трудовую дисциплину на предприятиях в военные годы. В послевоенные годы не был отменен Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений», согласно которому самовольный уход с работы, прогул или опоздание карались тюремным заключением (от 2 до 6 месяцев в зависимости от состава правонарушения) [6, с. 141–142]. На оборонных предприятиях за трудовое «дезертирство» судили военные трибуналы, действовавшие на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» [7]. В соответствии с данным Указом самовольный уход с оборонного предприятия карался тюремным заключением на срок от пяти до восьми лет. Во время войны перечень оборонных объектов постоянно расширялся, включая в себя не только заводы, производившие вооружение, но и предприятия других отраслей, производивших продукцию для нужд обороны (угольные шахты, текстильные фабрики, заводы по производству каучука). В 1943 г. военное положение было введено на железных дорогах, морском и речном транспорте [8, с. 46]. Расширение перечня оборонных объектов привело к распространению жестких мер контроля трудовой дисциплины на значительное количество предприятий, сохранивших статус «оборонных» и в первые послевоенные годы.

По данным В. Н. Земскова, за самовольную смену места работы по Указам от 26 июня 1940 г. и 26 декабря 1941 г. в 1946 г. были осуждены 237707 человек, в 1947 г. – 290425, в 1948 г. – 281340, в 1949 г. – 267869, в 1950 г. – 208962, в 1951 г. – 133823, в 1952 г. – 179695 [8, с. 45]. Из общего количества осужденных число

работников оборонных предприятий и транспорта варьировалось от 35 % (1946) и 26 % (1947) до 10 % (1948). Масштабы трудового дезертирства на предприятиях ВПК в послевоенный период иллюстрируют данные, приводимые А. С. Кимерлинг. Так, в третьем квартале 1947 г. военный трибунал войск Министерства внутренних дел по Молотовской области рассмотрел 965 дел в соответствии с Указом от 26 декабря 1941 г., в то время как на все остальные преступления приходилось только 54 дела [9, с. 67]. Важно отметить, что далеко не все осужденные за дезертирство приговаривались к лишению свободы сроком от пяти до восьми лет. Г. М. Иванова, анализируя судебную практику военных трибуналов о дезертирстве и самовольных отлучках на железнодорожном и водном транспорте, приходит к выводу, что в 1946 г. по этим делам были осуждены 26212 человек, в том числе приговорены к лишению свободы – 17770 (67,8 %), условно осуждены – 5620 (21,4 %), приговорены к исправительно-трудовым работам (ИТР) без содержания под стражей – 2822 (10,8 %). В 1947 г. по аналогичным делам всего были осуждены 20076 человек, из них приговорены к лишению свободы – 16242 (81 %), условно осуждены – 1272 (6,3 %), приговорены к ИТР – 2562 (12,7 %) [10, с. 274].

В целом на период 1946–1947 гг. приходится наибольшее количество осужденных за трудовое дезертирство. Среди рабочих, самовольно оставляющих предприятия, большую часть составляли мобилизованные во время войны и репатрианты. В отчете прокуратуры Челябинской области, подготовленном в апреле 1947 г., отмечалось, что среди «дезертиров трудового фронта» можно выделить четыре категории: досрочно освобожденные; мобилизованные во время войны; молодые люди, пришедшие из школ ФЗО; рабочие, набранные по системе оргнабора из сельской местности других регионов [11, л. 158]. Е. Ю. Зубкова так описывает реакцию мобилизованных рабочих на окончание войны: «дезертирство с предприятий мобилизованных рабочих превратилось в массовое явление, ... сдвиг в массовом сознании, обозначавший переход от войны к миру, произошел быстрее, чем к такому переходу оказались готовы государственные структуры и сама власть» [12, с. 41]. По окончании войны эвакуированные и мобилизованные работники стремились вернуться домой, обращаясь с просьбами во власть. В июне 1945 г. в Президиум Верховного Совета поступило 2371 таких писем, в июле – 3563, в августе – 5175, в сентябре – 5309, в октябре – 5524, в ноябре – 4192, в декабре – 3680 [12, с. 42]. Большая часть данных просьб не была удовлетворена. Руководство предприятий, не желая терять кадры, старалось препятствовать увольнениям работников. Один из способов задержания рабочих описан в жалобе электрика конторы «Сельэнерго» (г. Ирбит Свердловской обл.) М. В. Елисеева, который на свое заявление об увольнении получил ответ директора: «Не возражаю, найдите себе замену» [13, л. 64]. Аналогичные случаи решения кадровой проблемы директорами предприятий фиксировались во многих регионах РСФСР [9, с. 68]. Данные факты свидетельствуют

о том, что в послевоенный период помимо сохранения суровых законов военного времени широко применялись методы внеправового регулирования проблематики текучести кадров.

Причины текучести кадров крылись в первую очередь в неудовлетворительных условиях жизни рабочих. В отчетах и докладных записках министерств и ведомств в качестве основной причины увольнений и дезертирства рабочих с предприятий фигурировала жилищная проблема. В текстах писем и жалоб граждан в качестве причин текучести кадров также названы различные проблемы обеспечения. Произошедшее в октябре 1946 г. снижение контингента рабочих, находящихся на карточном обеспечении, привело к усилению текучести кадров. В телеграмме начальника Верхотурской конторы связи (Свердловская обл.) в Министерство связи от 17 октября 1946 г. отмечены следующие факты: «Пятнадцать сотрудников связи бросили производство ушли на работу в колхозы, местные власти лишили получение хлебных карточек, тринадцать дней октября работали без хлеба, ... связь в районе парализована» [14, л. 298]. Проблемы обеспечения достаточно остро стояли на предприятиях лесной промышленности. В текстах жалоб в вышестоящие инстанции отмечены факты ухода рабочих с предприятий вследствие непредоставления сенокосных угодий при сохранении сельхозналога и поставок мяса и молока [15, л. 207], неудовлетворительной работы магазина (один раз в неделю, в то время, когда рабочий находится на работе) [16, л. 71, 72], «безобразного снабжения» рабочих (в результате чего из Буйского леспромхоза (Бесертский р-н Свердловской обл.) в течение года выбыли 80 человек, не отработав и года) [17, л. 49]. В качестве причины ухода рабочих также фигурировала невыплата (несвоевременная выплата) заработной платы [17, л. 51] и пр.

Решение проблемы закрепления кадров в советской индустрии не исчерпывалось применением сугубо административных методов, ограничивающих свободный уход рабочих с предприятий. Принимались меры, направленные на улучшение условий труда рабочих. Указом Президиума Верховного совета от 30 июня 1945 г. «Об отпусках рабочим и служащим» с 1 июля 1945 г. для рабочих и служащих были восстановлены ежегодные оплачиваемые отпуска, восстанавливался 8-часовой рабочий день [6, с. 377]. Постановление Секретариата ВЦСПС от 21 июля 1947 г. обязывало ФЗМК не допускать сверхурочные работы для беременных женщин, кормящих матерей, подростков, больных открытой формой туберкулеза легких. В 1949 г. был установлен обязательный медицинский осмотр всех работавших на предприятиях с вредными условиями труда. 25 октября 1948 г. было принято Постановление Совета Министров СССР № 3991 «О строительстве лечебных учреждений и детских яслей при промышленных предприятиях», согласно которому одновременно со строительством промышленных предприятий должны были строиться лечебные учреждения, детские ясли и жилые помещения для их персонала [18, л. 154–156]. Вводились нормативы

строительства данных учреждений в зависимости от количества сотрудников предприятия.

На предприятиях тех отраслей, развитие которых являлось приоритетным для государства, были приняты более развернутые меры, направленные на улучшение состояния техники безопасности, охраны труда и предотвращения травматизма рабочих промышленных предприятий. 29 августа 1946 г. Советом Министров СССР было принято Постановление № 1934 «Об улучшении состояния техники безопасности и условий труда рабочих на шахтах (Министерств угольной промышленности Западных районов, угольной промышленности Восточных районов) и строительства топливных предприятий» [19, л. 124–132]. В данном постановлении было обозначено требование «заменить на всех шахтах, опасных по газу и пыли, взрывоопасное электрооборудование на взрывобезопасное», улучшить вентиляцию в шахтах, сделать капитальный ремонт, укомплектовать штаты предприятий газомерщиками и рабочими по вентиляции и т. д. В тексте документа значительное внимание было уделено проблематике охраны здоровья угольщиков. Планировалось открыть в угольных районах страны 37 новых больниц, 27 поликлиник, 25 амбулаторий и здравпункты при всех шахтах угольных бассейнов. Медицинские учреждения, обслуживающие рабочих угольной промышленности, должны были в первую очередь снабжаться специальной аппаратурой, медикаментами и перевязочными материалами. О приоритетности охраны здоровья рабочих угольной промышленности свидетельствует следующее указание: «Восстановить в 1947 году в г. Сталино работу института физиологии труда, организовав в этом институте систематическое изучение условий труда в угольной промышленности, ... а также разработку и проведение в жизнь мероприятий по оздоровлению труда в шахтах» [19, л. 129]. В качестве льготы рабочим угольной промышленности предоставлялась «первоочередность приёма» во всех медицинских учреждениях, расположенных в угольных районах.

Для закрепления кадров на предприятиях правительство использовало и различные формы материальной поддержки рабочих путем повышения их доходов или урегулирования жилищных проблем. Но применение данных мер также носило избирательный характер, используя в отношении предприятий, приоритетных для государства отраслей, где наиболее остро стояла кадровая проблема, либо для предприятий определенных регионов, нуждающихся в более интенсивном освоении, где материальная поддержка населения должна была компенсировать сложности, связанные с суровым климатом. Так, например, рабочим и служащим предприятий Крайнего Севера по истечении шести месяцев работы выплачивалась 10 % надбавка к ставке [20, с. 378], а рабочим Урала, Сибири, Дальнего Востока оклады повышались на 20 %, а также активизировалось строительство и продажа рабочим индивидуальных жилых домов [19, л. 89–92]. В 1946 г. для преодоления текучести кадров на предприятиях Министерства промышленности строитель-

ных материалов работникам давались ссуды на индивидуальное жилищное строительство до 15 тыс. руб. с погашением в течение 7 лет. Рабочим, получившим ссуды, продавалось по 20 м кв. стекла, по 60 м кв. кровельных материалов. Для продажи рабочим и ИТР в 1946 г. было выделено 500 карманных и ручных часов, 200 часов «Победа» и «Звезда» и 1000 будильников [21, л. 518–520].

Согласно Постановлению Совета Министров СССР № 986 от 4 мая 1946 г. рабочим лесозаготовительных предприятий выделялись под застройку земельные участки площадью 0,25 га для разведения огорода и надворных построек, но при условии, что застройщик обязан был отработать на строительстве жилого дома в свободное от работы время не менее 30 % количества человеко-дней, требующихся на постройку дома. Также для работников лесозаготовительных предприятий вводились нормы снабжения хлебом, «установленные для городов» [22, л. 364–366]. В 1947 г. льготы работникам лесной промышленности были расширены: им выделялись ссуды на покупку индивидуальных жилых домов, домашнего скота и участки под сенокосы от 1 до 2 га на одну семью, с 1947 г. они освобождались от уплаты сельскохозяйственного налога, на 50 % снижались обязательные поставки мяса и молока государству [23, л. 17–22].

Более существенные льготы предоставлялись рабочим и инженерно-техническим работникам (ИТР), занятым на строительстве предприятий тяжелой индустрии. Помимо ссуды на покупку индивидуального жилья, вновь принятым рабочим-строителям, заключившим договор на срок не менее 5 лет и проработавшим не менее 6 месяцев, предлагались долгосрочные кредиты на хозяйственное обзаведение в размере до 3000 руб. В магазинах и отделах рабочего снабжения (ОРСах) строкам молодым специалистам (ИТР и техникам) продавались промышленные товары на сумму до 1000 руб. без зачёта купонов промтоварных карточек [24, л. 284–289]. С 1948 г. рабочим ведущих профессий, безупречно проработавшим на стройках предприятий тяжелой индустрии не менее года, предоставлялась отдельная комната [25, л. 149–152].

Для закрепления на предприятиях работников угольной промышленности и строительства угольных шахт помимо ссуд на жилищное строительство предоставлялась еще одна жилищная льгота: ИТР и горным мастерам, проработавшим на шахтах не менее 25 лет, и рабочим, проработавшим на шахтах не менее 15 лет и оставившим работу в связи с переходом на пенсию по инвалидности или по старости, занимаемая квартира оставалась в пожизненное пользование. Также «угольщикам» полагалось ежегодное единовременное вознаграждение за выслугу лет от 10 % до 30 % оклада в зависимости от стажа и должности работника и пособие по временной нетрудоспособности (при непрерывном стаже работы на предприятии не менее одного года – 100 % заработка, до одного года – 60 % заработка) [26, л. 129–134].

Согласно Постановлению Совета Министров СССР № 3843 от 16 ноября 1947 г. «О мероприятиях по обе-

спечению рабочей силой предприятий и строкам черной металлургии» работникам металлургических предприятий наряду со ссудами на жилищное строительство, молодым специалистам, проработавшим в основных металлургических и коксохимических цехах не менее 3 месяцев, предлагались долгосрочные кредиты на хозяйственное обзаведение в размере до 3000 руб. Молодым специалистам (ИТР и техникам) продавались промышленные товары на сумму до 1000 руб. без зачёта купонов промтоварных карточек, предоставлялась ссуда на хозяйственное обзаведение (имеющим высшее образование – 3000 тыс. руб.; среднее – 2000 руб.). Также планировалось продать рабочим и ИТР в 1947–1948 гг. 1000 телят и 5000 поросят (обеспечить приобретших скот сенокосами), 60000 металлических кроватей, 6000 велосипедов, 300 мотоциклов, 5000 ручных часов «Победа» и «Звезда» и 10000 будильников, 1500 радиоприемников разных систем [24, л. 284–289]. А для работников предприятий цветной металлургии с 1948 г. вводились льготы на оплату обучения. Для детей рабочих и мастеров, занятых на подземных работах, рудничном строительстве, в металлургических, химико-металлургических цехах, ИТР и руководящих работников отрасли стоимость обучения в металлургических, горных средних и высших учебных заведениях уменьшалась на 50 % [25, л. 134–137].

В целом более значительные льготы по кредитованию, обеспечению жильем, продовольственными и непродовольственными товарами, выплаты за выслугу лет и по временной нетрудоспособности были введены во второй половине 1940-х гг. в угольной промышленности, металлургии (черной, цветной), строительстве (предприятий тяжелой индустрии и угольных шахт).

Говоря о существовавшей системе льгот, важно подчеркнуть, что декларируемые в текстах постановлений правительства социальные гарантии рабочих могли не соответствовать реальности. Обещанные рабочим льготы не всегда выполнялись предприятиями, что нередко являлось причиной жалоб граждан в вышестоящие инстанции. Например, в тексте жалобы рабочих Режевского Химлесхоза треста Свердловхлеса Главлеса (Свердловская обл.), направленной в Совет Министров СССР (1948), отмечены нарушения Постановления Совета Министров СССР № 2804 от 8 августа 1947 г. (согласно которому рабочим лесной промышленности должны быть предоставлены сенокосные угодья от 1 до 2 га на одну семью, полное освобождение от сельхозналога и в половинном размере от поставок молока и мяса государству). Рабочие Режевского района (267 человек), Невьянского района (70 человек), Костоусовского и Антоновского районов (169 человек), Рефтинского участка (90 человек) «остались без сенокосных угодий, от сельхозналога, молоко и мясopоставок не освобождены, условия быта их очень тяжелые... Ввиду вышеизложенного обстоятельства рабочие не закрепляются на постоянный кадр, а уходят с работы» [15, л. 207]. Фиксируемая декларативность установленных льгот была обусловлена недостатком средств у предприятий. Помимо этого, распределение ресурсов

(сенокосов, жилья и пр.) в сложное послевоенное время являлось сферой многочисленных злоупотреблений руководства.

Подводя итоги, можно прийти к выводу, что в послевоенный период проблема закрепления кадров в советской индустрии решалась различными методами: путем усиления административного контроля и принуждения, а также путем расширения льгот и социальных гарантий рабочих. Для выявления специфики применения тех или иных методов обратимся к концепту мобилизационного общества, сформулированному в отечественной историографии [28–31]. В рамках данной модели процессы, протекавшие в СССР, исследуются в контексте изучения механизмов социальной мобилизации, понимаемой как направленный процесс активизации масс в целях решения чрезвычайных политических, социальных, экономических и военных задач. В качестве одного из признаков мобилизационности В. В. Седов отмечает принцип главного звена, который предполагает концентрацию ресурсов в одном звене экономической системы, оптимальном для достижения поставленной задачи [30, с. 22].

Реализация данного принципа фиксируется и в сфере кадровой политики «сталинского» периода. В соответствии с приоритетными задачами, стоящими перед страной, дифференцировались интенсивность применяемых методов административного контроля дисциплины труда и жесткость законодательных санкций.

Нарушение рабочими трудовой дисциплины на предприятиях оборонной промышленности, составляющей главное звено советской индустрии, влекло за собой более суровое наказание, чем самовольный уход работников с предприятий, не входящих в эту категорию. С другой стороны, дифференциация социальных льгот на предприятиях различных отраслей отражает действие принципа главного звена, отмеченного В. В. Седовым. Наибольшие выплаты и льготы фиксировались на предприятиях приоритетных отраслей индустрии (угольная промышленность, металлургия); предприятиях стратегически важных или «трудных» регионов (Урал, Сибирь, Дальний Восток).

Оценивая эффективность предпринятых мер по закреплению кадров в советской индустрии, можно отметить, что уже к концу 1940-х – началу 1950-х гг. проблема нехватки рабочих рук в отечественной промышленности была решена [32, с. 39; 33, с. 102], в том числе благодаря снижению темпов текучести рабочей силы и закреплению рабочих на предприятиях.

В целом можно сказать, что принцип главного звена являлся одним из ключевых инструментов «сталинской» социально-экономической политики. Его использование позволяло при достаточно ограниченном количестве ресурсов решать стоящие перед страной задачи, сопрягая методы контроля и принуждения и материального стимулирования населения.

Литература

1. Хронологическое собрание законов, указов Президиума Верховного Совета и постановлений Правительства РСФСР. М.: Изд-во юрид. лит., 1949. Т. 5. 512 с.
2. Труд в СССР. Статистический сборник. М.: Финансы и статистика, 1988. 302 с.
3. РСФСР за 40 лет. Статистический сборник. М.: Советская Россия, 1957. 239 с.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 8131. Оп. 37. Д. 3752.
5. ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 3758.
6. Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР за 1938–1944 гг. М.: Ведомости Верховного Совета СССР, 1945. 359 с.
7. Ведомости Верховного Совета СССР. 1942. № 2. 117 с.
8. Земсков В. Н. Указ от 26 июня 1940 года (еще одна круглая дата) // Радуга. 1990. № 6. С. 43–48.
9. Кимерлинг А. С. Выполнять и лукавить: политические кампании поздней сталинской эпохи. М.: Высшая школа экономики, 2017. 211 с.
10. Иванова Г. М. История ГУЛАГа, 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М.: Наука, 2006. 438 с.
11. ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 3747.
12. Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 5847.
13. Зубкова Е. Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. М.: РОССПЭН, 1999. 229 с.
14. ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 5538.
15. ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 5848.
16. ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 6409.
17. ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 6608.
18. ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 349.
19. ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 283.
20. Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. – июль 1956 г. М.: Госюриздат, 1956. 500 с.
21. ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 280.
22. ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 277.
23. ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 308.
24. ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 316.

25. ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 332.
26. ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 311.
27. ГА РФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 344.
28. Гончаров Г. А., Баканов С. А., Гришина Н. В., Пасс А. А., Фокин А. А. Мобилизационная модель развития российского общества в XX веке. Челябинск: Энциклопедия, 2013. 128 с.
29. Побережников И. В. Мобилизационные механизмы в контексте модернизации (теоретические аспекты) // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX века: сборник материалов всероссийской научной конференции (28–29 ноября 2009). Челябинск, 2009. С. 95–100.
30. Седов В. В. Мобилизационная экономика: советская модель. Челябинск: ЧГУ, 2003. 177 с.
31. Фонов А. Г. Россия: инновации и развитие. М.: Бином. Лаборатория знаний, 2010. 431 с.
32. Фильцер Д. Советские рабочие и поздний сталинизм. Рабочий класс и восстановление сталинской системы после окончания Второй мировой войны. М.: Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. 359 с.
33. Хлусов М. И. Развитие советской индустрии. 1946–1958. М.: Наука, 1977. 280 с.

PERSONNEL RETENTION IN THE SOVIET INDUSTRY IN THE MID-TO-LATE 1940S: ADMINISTRATIVE ENFORCEMENT AND / OR MATERIAL INCENTIVES

Marina A. Klinova¹, @

¹ Ural State University of Economics, 62/45, 8 Marta/Narodnoi Voli St., Yekaterinburg, Russia, 620144
@klinowa.m@yandex.ru

Received 24.04.2018. Accepted 28.05.2018.

Keywords: retention of staff, socio-economic policy, the USSR, 1940-s, labor discipline, workers.

Abstract: The article features the practical methods of the "personnel retention" policy at the domestic industry enterprises in the first post-war years, their orientation and efficiency. The list of research sources includes statistical data, archival materials, normative documents of the period, including the previously unpublished Resolutions of the USSR Council of Ministers. It has been revealed that the main cause of staff turnover was unfavorable living conditions of workers and supply problems. In the Soviet industry, the personnel retention problem was solved by strict administrative control, as well as by the expansion of benefits and social guarantees for employees. Personnel retention methods, as well as the amount of benefits and the severity of the punishment applied to employees for violation of labor discipline, were distributed in accordance with the key link principle: employees of state priority sectors (coal mining, metallurgy) experienced a higher concentration of benefits and sanctions. In the conditions of limited resources, this principle made it possible to achieve the desired social and economic tasks.

For citation: Klinova M. A. Zakreplenie kadrov v sovetskoj industrii vtoro poloviny 1940-kh gg.: administrativnoe prinuzhdenie i (ili) material'noe stimulirovanie [Personnel Retention in the Soviet Industry in the Mid-to-Late 1940s: Administrative Enforcement and / or Material Incentives]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2018): 24–30. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-24-30>.

References

1. *Khronologicheskoe sobranie zakonov, ukazov Prezidiuma Verkhovnogo Soveta i postanovlenii Pravitel'stva RSFSR* [Chronological collection of laws, decrees of the Presidium of the Supreme Council and resolutions of the Government of the RSFSR]. Moscow: Izd-vo iurid. lit., vol. 5 (1949): 512.
2. *Trud v SSSR. Statisticheskii sbornik* [Work in the USSR. Statistical collection]. Moscow: Finansy i statistika, 1988, 302.
3. *RSFSR za 40 let. Statisticheskii sbornik* [The RSFSR in 40 years. Statistical collection]. Moscow: Sovetskaia Rossiia, 1957, 239.
4. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii (GA RF)* [State archives of the Russian Federation]. Found 8131, List 37, File 3752.
5. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [State archives of the Russian Federation]. Found 8131, List 37, File 3758.
6. *Sbornik zakonov SSSR i Ukazov Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR za 1938–1944 gg.* [Collection of laws of the USSR and Decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR for 1938–1944]. Moscow: Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR, 1945, 359.

7. *Vedomosti Verkhovnogo Soveta SSSR = Statements of the Supreme Soviet of the USSR*. no. 2 (1942): 117.
8. Zemskov V. N. Ukaz ot 26 iunia 1940 goda (eshche odna kruglaia data) [The decree of 26 June 1940 (another round number)]. *Raduga = Rainbow*, no. 6 (1990): 43–48.
9. Kimerling A. S. *Vypolnial' i lukavit': politicheskie kampanii pozdnei stalinskoi epokhi* [To carry out and to deceive: political campaigns of the late Stalin era]. Moscow: Vysshaia shkola ekonomiki, 2017, 211.
10. Ivanova G. M. *Istoriia GULAGa, 1918–1958: sotsial'no-ekonomicheskii i politiko-pravovoi aspekty* [The history of Gulag 1918–1958: socio-economic and political-legal aspects]. Moscow: Nauka, 2006, 438.
11. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [State archives of the Russian Federation]. Found 8131, List 37, File 3747.
12. *Gosudarstvennyi arkhiv Sverdlovskoi oblasti (GASO)* [State archives of the Sverdlovsk region]. Found R-88, List 1, File 5847.
13. Zubkova E. Iu. *Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: politika i povsednevnost'. 1945–1953* [Postwar Soviet society: politics and everyday life. 1945–1953]. Moscow: ROSSPEN, 1999, 229.
14. *Gosudarstvennyi arkhiv Sverdlovskoi oblasti* [State archives of the Sverdlovsk region]. Found R-88, List 1, File 5538.
15. *Gosudarstvennyi arkhiv Sverdlovskoi oblasti* [State archives of the Sverdlovsk region]. Found R-88, List 1, File 5848.
16. *Gosudarstvennyi arkhiv Sverdlovskoi oblasti* [State archives of the Sverdlovsk region]. Found R-88, List 1, File 6409.
17. *Gosudarstvennyi arkhiv Sverdlovskoi oblasti* [State archives of the Sverdlovsk region]. Found R-88, List 1, File 6608.
18. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [State archives of the Russian Federation]. Found R-5446, List 1, File 349.
19. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [State archives of the Russian Federation]. Found R-5446, List 1, File 283.
20. *Sbornik zakonov SSSR i Ukazov Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR. 1938 g. – iul' 1956 g.* [Collection of laws and Decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR. 1938 – July 1956]. Moscow: Gosizdat, 1956, 500.
21. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [State archives of the Russian Federation]. Found R-5446, List 1, File 280.
22. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [State archives of the Russian Federation]. Found R-5446, List 1, File 277.
23. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [State archives of the Russian Federation]. Found R-5446, List 1, File 308.
24. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [State archives of the Russian Federation]. Found R-5446, List 1, File 316.
25. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [State archives of the Russian Federation]. Found R-5446, List 1, File 332.
26. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [State archives of the Russian Federation]. Found R-5446, List 1, File 311.
27. *Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii* [State archives of the Russian Federation]. Found R-5446, List 1, File 344.
28. Goncharov G. A., Bakanov S. A., Grishina N. V., Pass A. A., Fokin A. A. *Mobilizatsionnaia model' razvitiia rossiiskogo obshchestva v XX veke* [Mobilization model of the Russian society in the twentieth century]. Chelyabinsk: Entsiklopediia, 2013, 128.
29. Poberezhnikov I. V. Mobilizatsionnye mekhanizmy v kontekste modernizatsii (teoreticheskie aspekty) [Mobilization mechanisms in the context of modernization (theoretical aspects)]. *Mobilizatsionnaia model' ekonomiki: istoricheskii opyt Rossii XX veka: sbornik materialov vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (28–29 noiabria 2009)* [Mobilization model of the economy: historical experience of Russia of the twentieth century: Proc. all Russian Sc.-Prac. Conf. (November 28–29 2009)]. Chelyabinsk, 2009, 95–100.
30. Sedov V. V. *Mobilizatsionnaia ekonomika: sovetskaia model'* [Mobilization economy: the Soviet model]. Chelyabinsk: CHGU, 2003, 177.
31. Fonotov A. G. *Rossia: innovatsii i razvitie* [Russia: innovation and development]. Moscow: Binom. Laboratoriia znani, 2010, 431.
32. Fil'tser D. *Sovetskie rabochie i pozdnii stalinizm. Rabochii klass i vosstanovlenie stalinskoi sistemy posle okonchaniia Vtoroi mirovoi voyny* [Soviet workers and late Stalinism. Working class and restoration of the Stalinist system after World War II]. Moscow: Fond «Prezidentskii tsentr B. N. El'tsina», 2011, 359.
33. Khlusov M. I. *Razvitie sovetskoi industrii. 1946–1958* [Development of the Soviet industry. 1946–1958]. Moscow: Nauka, 1977, 280.

УДК 930.85

ЭНЕРГИЯ КАК КОМПЛЕКСНЫЙ ФАКТОР МОДЕРНИЗАЦИИ В ЭПОХУ ПРОМЫШЛЕННОГО ПЕРЕВОРОТА В ЕВРОПЕ. ОБЗОР ЗАПАДНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Андрей А. Муругов¹. @

¹ Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6
@murugov_aa@list.ru

Поступила в редакцию 12.12.2016. Принята к печати 19.01.2017.

Ключевые слова: модернизация, энергия, источники энергии в XVIII–XIX вв., промышленный переворот в Западной Европе.

Аннотация: В статье произведена попытка анализа энергетической базы европейской экономики в XVIII в. – первой половине XIX в. Работа опирается на оценки зарубежной историографии на английском и русском языках, так или иначе затрагивающие тему энергобаланса стран Европы. Хронологически приведенная историографическая база датируется временным периодом с 1970-х гг. по настоящее время. Основным инструментом анализа, проведенного в статье, послужил количественный подсчет мощности источников энергии, имевшихся в распоряжении стран Западной Европы. Статья приводит динамику увеличения энергии угля, древесины, воды, ветра, пара, мускульной энергии рабочих и тягловых животных, имевшихся в распоряжении у европейцев. В дальнейшем темпы роста энерговооруженности сравниваются с темпами ВВП, имевшими место в изучаемом периоде. По итогам исследования структуры и характера энергоресурсов определена сильная для Европы и особенно высокая для Великобритании статистическая зависимость ВВП от количества используемой энергии в эпоху промышленного переворота. Подтверждена важность энергии как ключевого технологического фактора модернизации и развития материальной культуры.

Для цитирования: Муругов А. А. Энергия как комплексный фактор модернизации в эпоху промышленного переворота в Европе. Обзор Западной историографии // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 2. С. 31–38. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-31-38>.

Современные исследования социальной истории Европы в Новое время опираются на представление о Комплексном характере факторов модернизации и экономического роста. Модернизация как исторический процесс связана с качественными изменениями и внедрением инноваций во всех сферах общественной жизни: ментальность и культура, политическая система, общественное производство, социальные отношения. При этом с середины XIX в. в науке существует мощная тенденция связывать ключевые общественные изменения именно с динамикой экономического роста, технологий, инфраструктуры и отраслей промышленности в масштабах страны. Модернизация является как залогом устойчивости экономики, так и средством достижения научно-технического прогресса [1, с. 180].

Последние работы, посвященные теории модернизации, говорят о существовании значительного количества факторов, лежащих в основе научно-технического прогресса, роста производительности и снижения издержек [2, с. 91]. Капиталы сами по себе или одни инновации не объясняют всех явлений и механизмов роста, однако можно утверждать, что изменения любой детерминанты отражаются на общих тенденциях общественной системы. Важным аспектом является энерговооруженность – объем имеющейся в распоряжении энергии, поставленной на службу интересам общества и служащей комплексным показателем сил и возможностей её институтов.

Поиск источников и зависимостей научно-технического прогресса в доиндустриальных обществах весьма затруднен. Наиболее яркую динамику, наибольший темп роста продемонстрировала процветающая ныне западная цивилизация в эпоху промышленного переворота. Попытки такого рода предпринимали английские, французские и немецкие экономисты и историки. Наибольший интерес представляют современные оценки.

В историографии существуют разные взгляды на периодизацию промышленного переворота. Историк Дэвид Лэнд в своей работе «Освобожденный Прометей» выделяет несколько этапов промышленной революции [3, с. 47]. Первый этап великих изменений (1700–1850 гг.) в хронологии Лэнда представляет наибольший интерес для компаративных исследований, именно в нём кроется переход от эволюции к революции окружающего мира. Для полноценного анализа динамики производственных изменений необходимо обращение ко всем имевшимся в распоряжении общества источникам энергии. Таковыми в выбранное время выступали ещё осваиваемые энергия пара и угля, уже прочно вставшие на службу человеку возможности ветряных и водяных колёс, а также испокон веков известные энергии дерева, тягловых животных и его собственных рабочих рук, со временем вооруженных более и более совершенным инструментом.

Первую попытку многофакторного энергетического анализа совершил французский историк Ф. Бро-

дель. В своей знаменитой работе «Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.» он показывает сложившийся к 1800 г. баланс, согласно которому общая энерговооруженность Европы составляла порядка 18 млн л. с., из которых 10 млн л. с. приходилось на тяговую силу животных, 4 млн л. с. – на дрова, 2 млн л. с. – на энергию ветра и воды (при этом ученый хоть и указывает на несомненную пользу каналов и рек, не берёт в расчёт энергию, которую затрачивает вода на транспортировку чрезвычайно большого и используемого человеком объёма леса примерно в 1 млн л. с.). Бродель оценивает мускульные возможности 50 млн рабочих того времени и даёт очень приближённую оценку энергии паруса, называя величину в 233 тыс л. с. [4, с. 395]. Данные Ф. Броделя являются весьма ценным источником, позволяющим судить как о низкой эффективности использования данных видов топлива, так и о низком коэффициенте полезного действия работ и машин того времени, по сравнению с затрачиваемыми усилиями. Следует отметить, что количественные оценки, представленные Ф. Броделем, относятся только к одному временному срезу – 1800 г., однако для определения корреляции энергии и материальной культуры необходимо большее число измерений и точек.

Попробуем выявить изменения качества и количества наиболее амбициозной инновации того времени – паровой машины. Паровая машина не появилась «вдруг», а была результатом несложных с технической стороны и не очень масштабных по своему характеру изобретений, принадлежащих не ученым, а наиболее квалифицированным рабочим своего времени. Эти изобретения реализовались в идею работы пара наравне с человеком или лошадью – в первый практичный и успешный паровой двигатель Т. Ньюкомена (1664–1729). Прозванные «обнадеживающим уродством» машины стали постепенно и неохотно появляться на шахтах и металлургических предприятиях Великобритании в качестве насосов для откачивания воды [5, с. 14]. Двигатели Ньюкомена были огромными и шумными, работали рывками и требовали огромного количества топлива. Распространённость двигателей по Великобритании была неравномерной и была сконцентрирована в графствах Корнуолл, Дарем, Ланкашир, Шропшир. Подобные машины могли иметь успех только в местах, в которых наблюдался избыток горючего – районах угледобычи. Именно обширные объёмы угольной и горнодобывающей промышленности Великобритании (до 80 % европейской продукции) сделали применение паровых машин выгодным делом [6, с. 122].

Предоставляя определенные преимущества в виде отсутствия необходимости прокорма и ухода – потребностей тяговых животных – машины Ньюкомена количественно увеличиваются со следующей динамикой: с начала XVIII в. до 1733 г. было установлено 97 двигателей, к 1774 г. их число увеличилось на 442, к концу XVIII в. – на 616 [7, с. 302]. Учитывая мощность каждой машины в 8 л. с., можно подсчитать общую мощность агрегатов этого типа ~ 10000 л. с.

Следует отметить степенную зависимость числа двигателей от года – с течением времени спрос на пар возрастает. Подобное связано в том числе и с постоянными усовершенствованиями, приводящими к снижению расхода топлива. Только за вторую половину XVIII в. объёмы потребляемого машинами угля снизились в полтора раза. Причиной, по которой сглаживался график роста числа машин Ньюкомена и в разы снижался расход топлива, стало появление более совершенных конкурентов.

В 1781 г. Джеймс Уатт (1736–1819) запатентовал двигатель непрерывного вращения, после чего совместно с Болтоном начал его применение в широком диапазоне сфер – от пивоварен до текстильных фабрик [8, с. 310]. Новый двигатель отличался большей надёжностью и был несколько мощнее – 10 л. с. Что более важно, его потребности в топливе были вчетверо ниже двигателя Ньюкомена. Благодаря применению конденсатора не было необходимости разогревать и охлаждать машину – эти процессы отныне были разделены. Всего к концу XVIII в. компанией «Boulton & Watt» было изготовлено порядка 500 двигателей общей мощностью 11200 л. с. [9, с. 217].

Количество паровых машин по европейским странам на 1800 г. выглядело следующим образом: впереди шла Великобритания с 2500 двигателями, 100 двигателей имела набиравшая британский опыт индустриальная Бельгия, 75 двигателей имела Франция (часть из которых была машинами системы Перье), по несколько десятков паровых машин имели Нидерланды, Россия и территория германских государств [8, с. 237]. В Милане, одном из крупнейших городов Италии, упоминание о первых паровых двигателях датируется лишь 1841 г. [10, с. 242]. Суммарная величина мощности паровых машин к 1800 г. равна 35000 л. с. [11, с. 18].

Дальнейший прогресс в области паровых машин привёл к созданию насоса высокого давления (Р. Тревитик, 1800 г.) и практически одновременно с этим – к созданию первых паровозов и пароходов. Первая железнодорожная линия появилась в Великобритании в 1825 г., затем последовало строительство линии в США в 1827 г., во Франции в 1828 г., в Германии и Бельгии в 1835 г., в России в 1837 г. Располагая данными о протяженности железнодорожных путей и зная мощности паровозов Великобритании и Бельгии, можно определить совокупную мощность европейских паровозов в описываемый период. В 1840 г. эта величина составила ~ 330000 л. с., к 1850 г. она увеличилась до 760000 л. с. [10, с. 78; 12, с. 54]. Рассматривая отрасль железных дорог, следует отметить спекулятивную лихорадку вокруг британского железнодорожного строительства, имевшую место во 2-й половине XIX в. Однако одновременно с этим необходимо учитывать, что основным поставщиком локомотивов и многих инвестиций в строительство по всей Европе была Великобритания, а значит можно утверждать, что железнодорожная пирамида была повсеместным делом и существенной погрешности в расчёт она не вносит [10, с. 69]. Что же касается появившихся пароходов, то их существенные расходы

на мило не способствовали их быстрой победе над парусом. Значительную долю в перевозках пароходы стали играть в последнюю половину XIX в. [8, с. 260].

Вне всякого сомнения, никакие инновации в области паровых машин и железных дорог были бы не возможны, если бы британская угледобыча с конца XVII в. не переживала своего расцвета. Немецкий экономист и социолог Вернер Зомбарт (1863–1941), объясняя происхождение капитализма, полагает, что наличие ресурсов является предпосылкой для развития «капиталистического духа». Именно благодаря наличию угля и железа «капиталистический дух» Великобритании принял более законченную степень развития. С тех пор как «дух» смог получить доступ к энергии солнца, накопленного тысячелетиями, он больше не знал себе границ, создавая из «мертвых» материалов новый мир [13, с. 394].

В масштабе Европы на начало XVIII в. можно отметить два существенных района добычи каменного угля. Это Льеж и Ньюкасл. Выемка угля из штолен льежского бассейна в предыдущие века увеличилась в разы и удовлетворяла не только процветающую металлургическую Бельгию, но и шла на экспорт во многие европейские страны. Ситуация в Ньюкасле была ещё более благоприятная, успехи каналов и флота позволили использовать уголь в отраслях с высоким расходом топлива, таких как выпаривание морской соли и рафинирование сахара, получение стекла, обжиг кирпича и черепицы, получение красителей посредством переработки квасцов, выпекание хлеба и варение пива. Устье реки Тайн было заполнено выходящими из Ньюкасла судами с горючим камнем так же, как и было заполнено устье Темзы приходящими кораблями в «прожорливый» и замерзающий Лондон. Впрочем не только Лондон был основным получателем угля, суда-экспортеры возили топливо даже на Мальту [4, с. 394].

Добыча британского угля в 1700 г. имела величину не менее 2 млн т. Подобные объёмы добычи побуждали уменьшить массу перевозимого угля, совершив с ним процесс, аналогичный выжиганию древесного угля. Пиролиз угля, впервые произведенный ещё в XVII в., получает распространение с умеренной скоростью: в металлургии кокс начнёт применяться лишь во 2-й половине XVIII в.

Британская угледобыча шла практически исключительно по пути интенсивного развития. Качественных преобразований в горном деле не было практически до 2-й половины XIX в., когда стали применяться первые пневматические врубовые машины. Это справедливо, если не принимать во внимание строительство каналов и железных дорог, существенно облегчивших транспортировку [14, с. 170]. Отмеченные выше трудности не помешали британской угледобыче вырасти с 2-х млн т в 1700 г. до 10 млн т в 1800 г. [10, с. 66].

Все же описанное широкое использование недр было прерогативой Великобритании и Бельгии, другие страны отапливались преимущественно дровами. Во Франции очень настороженно относились к «шотландскому горючему», используя сеть каналов и рек для доставки временами очень обширных дровяных

плотов. Однако существенная нехватка дров из-за сведенных поблизости лесов в 1714 г. заставляет парижан пересмотреть своё мнение к «зловонному камню». Начиная с этого времени уголь начинает использоваться при отоплении в крупных городах Франции, в областях Фландрия и Артуа его начинают использовать для обжига кирпича и в пивоварнях [4, с. 393]. Необходимо упомянуть, что речь идёт о куда более скромных масштабах использования, нежели в Великобритании. К 1800 г. Франция добывала лишь 1 млн т угля против 10 млн т британских [10, с. 66].

Индустриализация в континентальной Европе началась примерно в 40–60-х гг. XIX в. [15, с. 9; 8, с. 240]. В 1840 г. в итальянской Ломбардии был запущен первый прокатный стан Фалька. Аналогично обстояло дело в германских землях, где знаменитый Рурский угольный бассейн начал разрабатываться только в начале 1837 г. На территории Австро-Венгрии первый металлургический завод был построен в Чехии, в индустриальном центре Витковице. Число французских паровых машин за 18 лет, с 1830-го по 1848 гг., увеличилось в 8 раз, достигнув примерно 5 тысяч штук [16, с. 48]. Континенту пришлось догонять «Туманный Альбион» весьма впечатляющими темпами, однако монополии на уголь к середине XIX в. британцы не упустили. Если в начале XIX столетия добыча угля в Европе составила примерно 12 млн т, при этом из них 10 млн т приходилось на Великобританию, к 1850 г., когда к усиленной добыче подключились Франция, Пруссия, Бельгия, а также в меньшей степени Австрия и Россия, общеевропейская добыча составила 58 млн т, из которых 50 млн т приходилось на Великобританию [15, с. 265; 17, с. 425].

Следует отметить, что страны Южной Европы в деле угледобычи остались практически не у дел, им пришлось развивать альтернативные источники энергии чаще гораздо позднее соседей с севера. В качестве примера можно привести внушительные темпы развития итальянской гидроэнергетики в конце XIX в. – её удвоение практически за десятилетие [18, с. 299].

Оценивая потенциал органического топлива, можно отметить, что с конца XVII в. в Британии происходило нечто похожее на энергетический кризис. При росте добычи угля цена на него непрерывно росла, утроившись к концу века [15, с. 59]. Данные обстоятельства свидетельствуют об огромном спросе на топливо, и в этой связи чрезвычайно показателен более поздний период, а именно 1860-е гг. В это время потребность в угле только для бытовых целей составила 22 млн т, что эквивалентно 2350 млн кубических футов древесины, которая могла бы быть произведена, если бы практически все сельскохозяйственные угодья Великобритании были засажены лесом. При большем увеличении потребностей в лесе, вероятно, пришлось бы вырубать все леса Балтики – давнего поставщика дров Великобритании [15, с. 66]. Очевидно, что промышленности в этой связи довольствоваться было бы нечем.

О существенном сокращении лесов в Западной Европе говорят классические работы Д. Нефа и Ф. Броде-

ля [8, с. 130; 4, с. 390]. Крупные города, вроде Лондона, Парижа, Лиона, свели почти все лесные массивы вокруг себя и в течение XIX в. начали постепенный отказ от дров. Великобритания к 1850 г. практически полностью исключила дровяное отопление, взамен получив Лондон, наполненный угольным смогом. Во Франции начавшаяся индустриализация 1840-х гг. снизила потребление дров вдвое с начала века [17, с. 84]. Огромные цены на дерево заставили некоторые крестьянские хозяйства вообще отказаться от отопления. Сложнее всего пришлось городам Южной Европы, вроде Мадрида и Валенсии, у которых не было не только угля, но и находящегося поблизости леса [4, с. 392].

Ситуация не была однородна для всех стран Европы. К примеру, Австрия благодаря развитию Дунайского судоходства и сети железных дорог в XIX в. импортным углём медленно снижала свою зависимость от альпийских дров. В Италии, к 1861 г. получавшей половину энергии из дров, или северной Швеции потребление древесины домашними хозяйствами на протяжении XIX в. даже выросло. Сопоставление данных Рольфа Зифеле, Паоло Маланимы, Магнуса Линдмарка по потреблению древесины в качестве топлива по странам Европы в XVIII–XIX вв. позволяет дать оценку исследованиям Ф. Броделя в этой сфере. В свете новых данных представляется, что его оценка о сжигании в конце XVIII в. 200 млн т дров и сжигании в 1840 г. 100 млн т вполне реалистична [19, с. 18; 20, с. 3; 17, с. 84]. Новые данные показывают, что сведения лесов существенно зависело от демографической ситуации и величины хозяйств, цен на дрова и доступа к импортному топливу. Дровяное отопление оставалось значительным источником энергии и наверняка к середине XIX в. пожирало не менее 80 млн т древесины. Тот факт, что в качестве отопления иногда использовались не только деревья, но и кустарники, а к самой заготовке топлива привлекались очень многие люди, вызывает сложности в однозначной оценке подобного источника энергии.

Анализ производительности ветряных и водяных мельниц опирается на определенную источниковую базу. Сохранились статистика производительности и арендные договоры на помол муки. Под натиском железных дорог мельничные мощности, выраженные в лошадиных силах, росли практически в равных пропорциях с ростом населения. В 1760 г. в Великобритании жило примерно 11 млн жителей, в 1800 г. – 16 млн жителей и 32,2 млн – в 1870 г. По данным Д. Каневски, этим годам соответствуют суммарные мощности от воды и ветра 80, 135 и 240 тыс. л. с. Это означает, что «паровые мускулы» Объединенного Королевства возобладали над водо-ветряным двигателем только в 1830 г. Стагнация в секторе мельниц стала наблюдаться к середине, а снижение количества – к концу XIX в. [9, с. 18]. Аналогичным образом ситуация складывалась на континенте, общая же мощность мельниц составила в начале XIX в. 1,5 млн л. с., увеличившись к 1850 г. до 2,4 млн л. с. [21, с. 9; 4, с. 381]. Проводя параллель с современностью, можно заметить, что мощность всех мельниц Европы вырабатывала энер-

гию эквивалентную трети энергии, вырабатываемой одной только Саяно-Шушенской ГЭС (крупнейшей ГЭС в РФ) [22].

Под воздействием демографического роста происходило увеличение числа тягловых домашних животных. К 1789 г. Франция располагала 3 млн быков и 1,78 млн лошадей [4, с. 373]. Учитывая в пропорции отношение населения Франции к общему населению Европы, а также увеличение численности населявших Европу жителей, к 1850 г. можно получить цифру в 32 млн быков и 19 млн лошадей [21, с. 9]. Учитывая, что такая величина, как лошадиная сила, слишком завышена применительно к одному животному, тягловую мощность быка или лошади можно принять равной $\frac{1}{4}$ л. с. Стало быть, весь европейский скот имел мощность в 12,75 млн л. с. Аналогичным образом можно рассчитать возможности человека того времени благодаря методу Ф. Броделя – 0,9 млн л. с. в начале и 1,5 млн л. с. в середине XIX в. [4, с. 395].

Расчет мощностей топлива, машин, людей и животных имеет ряд погрешностей, их необходимо упомянуть. Не вызывает сомнений, что технологии прошлых столетий не могли эффективно сжигать топливо – коэффициент полезного действия почти наверняка не превышал 20–30 %. Уголь и дрова не использовались круглый год, так как их огромные объёмы служили средством отопления в наиболее холодное время, не превышавшее 3000 часов в год. При построении динамики следует помнить, что и указанные допущения были неодинаковы по времени. Необходимо отметить расхождение в оценках специалистов, описывающих мощности Европы. Бродель существенно занижает тепловую способность сжигаемого в конце XVIII в. угля, в то время как П. Маланима, по всей видимости, делает энергетические выкладки из расчета на полное полезное извлечение энергии из топлива [21, с. 3; 4, с. 392]. К расчету принимались цифры, как можно ближе схожие с теми, что приводят большинство источников. В качестве теплоты сгорания была принята низшая энергия сгорания топлива в виде 6000 ккал/кг для угля и 2400 ккал/кг для дров [23, с. 27]. Это не самые высокие показатели для топлива, так как необходимо учитывать архаичность установок, не обеспечивающих полное сгорание зачастую влажного топлива.

Результаты произведенных измерений можно видеть на графиках. На них представлены зависимости мощностей и энергии, получаемых из угля, дерева, воды, и физические способности тягловых животных и рабочих с такой характеристикой материальной культуры, как внутренний валовой продукт (ВВП). ВВП выражен в международных долларах, предложенных для расчета Р. Гири и С. Хамесом, как раз позволяющим сравнить статистические данные по разным странам. Источником для данных по ВВП выступила основная работа А. Мэддисона [24, с. 261].

На рисунке 1 можно отметить крайнюю степень близости трендов ВВП и мощностей Великобритании. Из иллюстрации нельзя сделать вывод о прямо пропорциональной зависимости параметров в силу погрешно-

сти измерений, однако о корреляции величин говорить можно. Рисунок 2 отображает аналогичную зависимость для Европы. Любопытным выглядит расхождение графиков мощности и энергии в середине рассматриваемого временного интервала. По всей видимости, тому виной служат Революционные войны – период истории, когда европейская экономика подверглась значительным испытаниям. Впрочем, сходство кривых наблюдается и в данном случае.

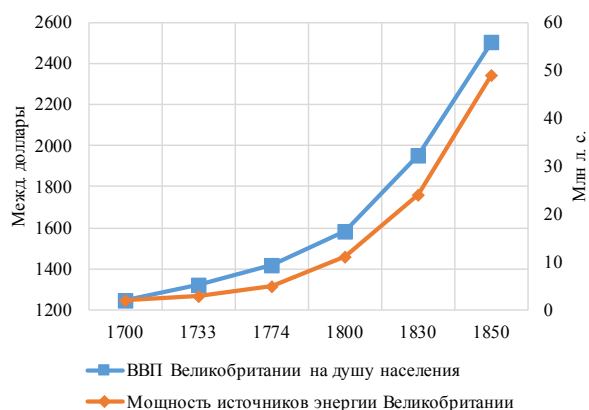

Рис. 1. Мощность и ВВП Великобритании
Fig. 1. Power and GDP in the UK

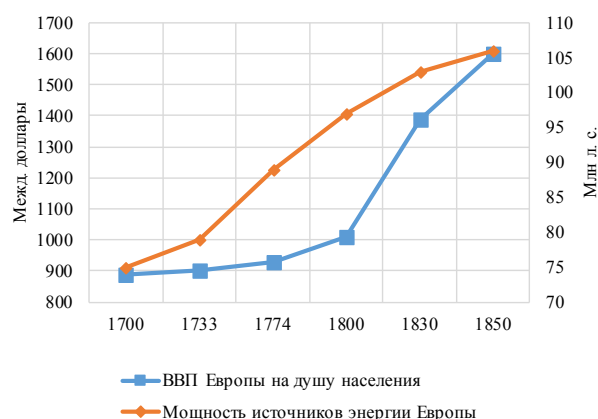

Рис. 2. Мощность и ВВП Европы
Fig. 2. Power and GDP in Europe

Рис. 3 демонстрирует сходство изменений ВВП и мощностей паровой энергии (паровых машин и паровозов) для Великобритании. Следует отметить, что темпы прироста этих мощностей несколько превышают аналогичные темпы ВВП. Рис. 4 иллюстрирует тренды уже извлеченной энергии и ВВП, на которых выявленные ранее зависимости сохраняются. Это по крайней мере отчасти является подтверждением того, что измерять возможности источников энергии можно в разных единицах. Измерение в несколько устаревших лошадиных силах, или в ваттах, оправдано в том случае, если сложно оценить длительность работы какого-либо источника на протяжении года. Измерение в джоулях имеет преимущество, когда необходимо показать объём извлеченной или потребленной энергии.

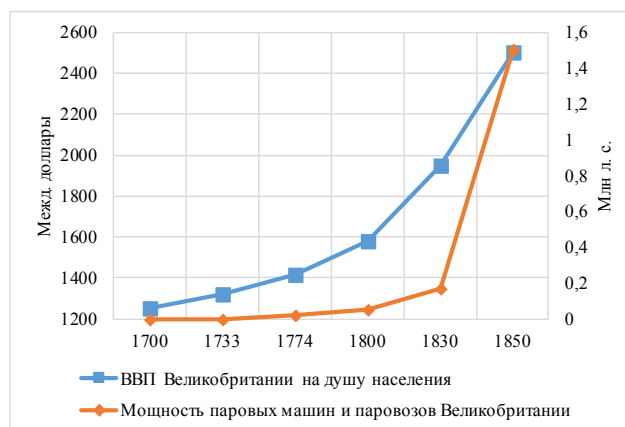

Рис. 3. Мощность паровых машин и ВВП Великобритании
Fig. 3. The power of steam engines and the UK GDP

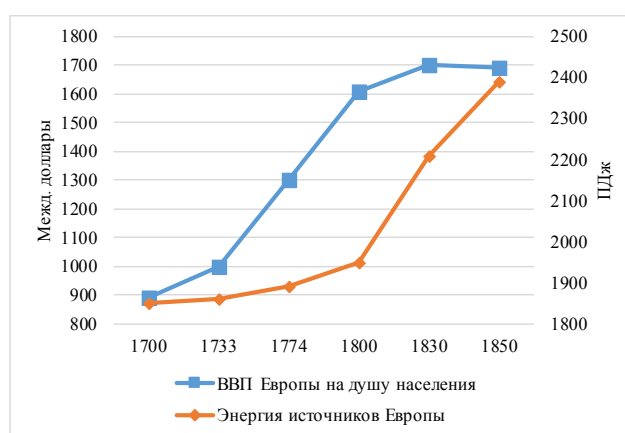

Рис. 4. Энергия и ВВП Европы
Fig. 4. Energy and GDP in Europe

Резюмируя изложенное, можно утверждать, что среди факторов, обуславливающих модернизацию, важное место занимает энергия. При отсутствии потребности в ней наблюдается стагнация, а изменения в сферах производства и материальной культуре незначительны. Напротив, при возрастании спроса на источники энергии экономика и материальный мир растут и двигаются вперёд. Как отмечалось ранее, растущие цены на топливо лишь заставляли человечество искать новые источники. Поиск таковых привёл в XIX в. к появлению в прямом и переносном смысле локомотивов индустриальной цивилизации.

Энергия имеет ряд достоинств перед прочими первопричинами в пояснении изменений, происходящих в рукотворной окружающей среде. Эти причины проистекают из универсальности энергии самой по себе, её комплексности и способности затрагивать все сферы жизни. Проблема динамики энергии и динамики модернизации остаётся актуальной и исследуется в настоящее время, в том числе и западными историографами.

Литература

1. Боровикова М. Н. Модернизация в современной России – трудности на пути реализации // Проблемы современной экономики. 2010. № 2-3. С. 180–185.
 2. Ким О. В. Теория модернизации: между европоцентризмом и множеством «модерностей» // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. № 1. С. 89–94.
 3. Landes D. S. The Unbound Prometheus: Technological Change and Industrial Development in Western Europe from 1750 to the Present. New York: Press Syndicate of the University of Cambridge, 1969. 590 p.
 4. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Структуры повседневности. 1-е изд. / пер. с фр. Л. Е. Куббеля. М.: Прогресс, 1986. Т. 1. 625 с.
 5. Mokyr J. Editor's Introduction: The New Economic history and the Industrial Revolution. Boulder: Westview Press, 1998. 84 p.
 6. Griffin E. Short History of the British Industrial Revolution. Basingstoke: Palgrave MacMillan // Labour History Review. 2010. Vol. 77. Iss. 2. P. 109–130.
 7. Nuvolari A., Verspagen B., Tunzelmann N. The early diffusion of the steam engine in Britain, 1700–1800: a reappraisal // Cliometrica. New York: Cliometrica. 2011. № 5. P. 291–321.
 8. Аллен Р. С. Британская промышленная революция в глобальной картине мира / пер. с англ. Н. В. Автономовой; под ред. В. С. Автономова. М.: Издательство института Гайдара, 2014. 448 с.
 9. Hills R. James Watt. Vol. 3: Triumph through Adversity, 1785–1819. Ashbourne: Landmark Publishing, 2006. 256 p.
 10. Хобсбаум Э. Век Революций. Европа 1789–1848 / пер. с англ. Н. В. Автономовой. Ростов н/Д: Феникс, 1999. 480 с.
 11. Crafts N. Steam as a General Purpose Technology: A Growth Accounting Perspective / Department of Economic History. London School of Economics. London: London School of Economics, 2003. 22 p.
 12. Cipolla C. M. Fontana Economic History of Europe. Glasgow: William Collins Sons & Co LTD., 1976. Vol. 4. Part 2. 490 p.
 13. Зомбарт В. Буржуа: к истории развития современного экономического человека. В 3-х т. / Центр фундаментальной социологии; под ред. А. Ф. Филипова и др. СПб.: Владимир Даль, 2005. Т. 1. 638 с.
 14. Лилли С. Люди, машины и история / пер. с англ. В. А. Алексеева; под ред. С. В. Шухардина, В. М. Родионова. М.: Прогресс, 1970. 433 с.
 15. Clark G., Jacks D. Coal and Industrial Revolution 1700–1869 // European Review of Economic History. 2007. Vol. 11. Iss. 2. P. 39–72.
 16. Cipolla C. M. Fontana Economic History of Europe. Glasgow: William Collins Sons & Co LTD., 1974. Vol. 4. Part 1. 367 p.
 17. Siefert R. P. The subterranean forest. Energy system and industrial / Transl. M. Osmann. Cambridge: The White Horse Press, 2001. 230 p.
 18. Postan M. M., Coleman D. C., Matias P. The Cambridge Economic History. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. Vol. VIII. 1210 p.
 19. Lindmark M., Anderson L. F. Household firewood consumption in Sweden during the nineteenth century // Journal of Northern Studies. 2010. Vol. 2. P. 55–78.
 20. Malanima P. Energy consumption in England and Italy 1560–1913 Two Pathways towards Energy Transition / The University of Warwick in Venice. Venice: Palazzo Pesaro Papafava, 2014. 34 p.
 21. Malanima P. Pre-Modern European Economy: one thousand years (10th–19th). Leiden: Brill, 2009. 427 p.
 22. Саяно-Шушенский Филиал. Общие сведения // Русгидро. Режим доступа: <http://www.sshges.rushydro.ru/hpp/general/> (дата обращения: 23.03.2016).
 23. Равич М. Б. Эффективность использования топлива / Академия наук СССР. Государственный комитет Совета Министров СССР. Всесоюзный институт научной и технической информации. М.: Наука, 1977. 344 с.
 24. Maddison A. The world economy: A millennial perspective / Development Centre Seminars. Paris: L'Économie Mondiale, 2001. 384 p.
-

MURUGOV A. A. ENERGY AS A COMPREHENSIVE FACTOR OF MODERNIZATION DURING INDUSTRIAL REVOLUTION IN EUROPE: A REVIEW OF WESTERN HISTORIOGRAPHY

Andrei A. Murugov¹. @

¹ Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

@murugov_aa@list.ru

Received 12.12.2016. Accepted 19.01.2017.

Keywords: modernization, energy, energy sources in the XVIII–XIX centuries, industrial revolution in Western Europe.

Abstract: The current study attempts to assess the energy base held by Europe in the XVIII – early XIX centuries. The research is based on the English and Russian assessment of foreign historiography devoted to energy balance in Europe. Chronologically, the historiographical base features the period from 1970s up to modern days.

The main instrument of the analysis presented in the article is quantitative calculation of the power sources of energy in the countries of Western Europe. The article shows the increase dynamics of coal energy, wood, water, wind, steam, muscular energy and draft animals in Europe. Then, available power growth rate is compared with the rate of GDP that occurred in the study period. The research of the structure and nature of energy has revealed a strong statistical dependence of GDP on the amount of energy used in the era of industrial revolution in Europe and especially in the UK. The research stresses the importance of energy as a key factor of modernization and technological development of material culture.

For citation: Murugov A. A. Energiia kak kompleksnyi faktor modernizatsii v epokhu promyshlennogo perevorota v Evrope. Obzor Zapadnoi istoriografii [Energy as a Comprehensive Factor of Modernization During Industrial Revolution in Europe: a Review of Western Historiography]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2018): 31–38. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-31-38>.

References

1. Borovikova M. N. Modernizatsiia v sovremennoi Rossii – trudnosti na puti realizatsii [Modernization in Russia today – difficulties in the way of implementation]. *Problemy sovremennoi ekonomiki = Problems of modern economics*, no. 2-3 (2010): 180–185.
2. Kim O. V. Teoriia modernizatsii – mezhdru evropotsentrizmom i mnozhestvom «modernostei» [Modernization theory – between eurocentrism and a lot of "modern"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorii = Bulletin of the Tomsk State University. History*, no. 1 (2012): 89–94.
3. Landes D. S. *The Unbound Prometheus: Technological Change and Industrial Development in Western Europe from 1750 to the Present*. New York: Press Syndicate of the University of Cambridge, 1969, 590.
4. Braudel F. *Materialnaia tsivilizatsiia, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv. Struktury povsednevnosti* [Material civilization, economy and capitalism, XV–XVIII vv. The structures of everyday life]. 1st ed. Transl. Kubbel L. E. Moscow: Progress, vol. 1 (1986): 625.
5. Mokyr J. *Editor's Introduction: The New Economic history and the Industrial Revolution*. Boulder: Westview Press, 1998, 84.
6. Griffin E. Short History of the British Industrial Revolution. Basingstoke: Palgrave MacMillan. *Labour History Review*, vol. 77, Iss. 2 (2010): 109–130.
7. Nuvolari A., Verspagen B., Tunzelmann N. The early diffusion of the steam engine in Britain, 1700–1800: a reappraisal. *Cliometrica*, no. 5 (2011): 291–321.
8. Allen R. C. *Britanskaia promyshlennaia revoliutsiia v globalnoi kartine mira* [British Industrial Revolution in the global picture of the world]. Transl. Avtonomova N. V. Ed. Avtonomov V. S. Moscow: Izdatel'stvo instituta Gaidara, 2014, 448.
9. Hills R. *James Watt. Vol. 3: Triumph through Adversity, 1785–1819*. Ashbourne: Landmark Publishing, 2006, 256.
10. Hobsbawm E. *Vek revoliutsii. Evropa 1789–1848* [Age of Revolutions. Europe 1789–1848]. Transl. Avtonomova N. V. Rostov-on-Don: Feniks, 1999, 480.
11. Crafts N. *Steam as a General Purpose Technology: A Growth Accounting Perspective*. London School of Economics. London: London School of Economics, 2003, 22.
12. Cipolla C. M. *Fontana Economic History of Europe*. Glasgow: William Collins Sons & Co LTD., vol. 4, part 2 (1976): 490.
13. Sombart W. *Burzhua: k istorii razvitiia sovremennogo ekonomicheskogo cheloveka* [Bourgeois: the history of the development of modern economic man]. Saint-Petersburg: Vladimir Dal', vol. 1 (2005): 638.
14. Lilly S. *Liudi mashiny i istoriia* [People, machines and history]. Transl. Alekseev V. A. Ed. Shukhardin S. V., Rodionov V. M. Moscow: Progress, 1970, 433.

15. Clark G., Jacks D. Coal and Industrial Revolution 1700–1869. *European Review of Economic History*, 11, iss. 2 (2007): 39–72.
16. Cipolla C. M. *Fontana Economic History of Europe*. Glasgow: William Collins Sons & Co LTD., vol. 4, part 1 (1974): 367.
17. Siefert R. P. *The subterranean forest. Energy system and industrial*. Transl. Osmann M. Cambridge: The White Horse Press, 2001, 230.
18. Postan M. M., Coleman D. C., Matias P. *The Cambridge Economic History*. Cambridge: Cambridge University Press, vol. VIII (1989): 1210.
19. Lindmark M., Anderson L. F. Household firewood consumption in Sweden during the nineteenth century. *Journal of Northern Studies*, vol. 2 (2010): 55–78.
20. Malanima P. *Energy consumption in England and Italy 1560–1913 Two Pathways towards Energy Transition*. Venice: Palazzo Pesaro Papafava, 2014, 34.
21. Malanima P. *Pre-Modern European Economy: one thousand years (10th–19th)*. Leiden: Brill, 2009, 427.
22. *Saianoshushenskii filial. Obshchie svedeniia* [Sayano-Shushenskaya branch. General information.]. Available at: <http://www.sshges.rushydro.ru/hpp/general/> (accessed 23.03.2016).
23. Ravich M. B. *Effektivnost' ispolzovaniia topliva* [The fuel efficiency]. Moscow: Nauka, 1970, 433.
24. Maddison A. *The world economy: A millennial perspective*. Paris: L'Économie Mondiale, 2001, 384.

УДК 93+39(571.150)

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ СОВРЕМЕННОГО ЭТНОКУЛЬТУРНОГО РАЗВИТИЯ КУМАНДИНЦЕВ АЛТАЙСКОГО КРАЯ

Иван И. Назаров¹. @

¹ Алтайский государственный университет, 656049, Россия, г. Барнаул, пр. Ленина, 61

@ nazarov@email.asu.ru

Поступила в редакцию 14.05.2018. Принята к печати 09.06.2018.

Ключевые слова:

Алтайский край, кумандинцы, этническая культура, традиции, возрождение, современные праздники, национальная кухня.

Аннотация: Статья посвящена изучению современных тенденций развития этнической культуры кумандинцев Алтайского края. Кумандинцы в Алтайском крае представляют этническое меньшинство, находящееся на грани исчезновения. Большое значение для науки имеет выявление форм деятельности по поддержанию традиционной культуры малочисленных групп, проживающих в среде доминирующего иноэтничного окружения. При этом анализу подвергаются мероприятия региональных властей и активность лидеров кумандинских организаций. В качестве основных направлений сохранения и развития этнической культуры кумандинцев в статье рассматриваются деятельность кумандинцев по сбору сведений о культуре, издание книг о родном языке и традиционной культуре, возрождение фольклорной традиции, изготовление традиционной одежды, возрождение ритуальных практик, интеграция кумандинской культуры в сферу туризма, развитие традиционной кухни.

Выявлено, что современная хозяйственная деятельность кумандинцев утратила традиционные черты. Основу их жизнеобеспечения составляют формы современной экономической деятельности. К новым формам социально-экономических группировок относятся общественные организации (общины), члены которых ведут совместную хозяйственную деятельность и участвуют в процессах возрождения этнической культуры. Общественные организации кумандинцев нестабильны, однако именно они реализуют мероприятия по сохранению традиционной культуры народа. Эти мероприятия находят поддержку со стороны федеральных и региональных властей. Наиболее яркими проявлениями этнокультурного возрождения кумандинцев являются: проведение массовых культурных и спортивных мероприятий и праздников; изучение, сохранение и преподавание родного языка; создание фольклорных коллективов; активная выставочная и презентационная деятельность; создание на территории проживания туристических объектов; развитие гастрономических традиций; реконструкция элементов материальной (одежда, украшения) и духовной (народный календарь, обряд Кочо-кан) культуры.

Для цитирования: Назаров И. И. Основные тенденции современного этнокультурного развития кумандинцев Алтайского края // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 2. С. 39–49. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-39-49>.

Изучение современных этнических и этнокультурных процессов, протекающих в разных регионах России, выявляет разные модели функционирования малочисленных этнических групп, находящихся в условиях доминирующего иноэтничного окружения. Региональные модели имеют как ряд сходных черт, так и отличительные особенности, обусловленные своеобразием исторических, социально-экономических и политических процессов, протекавших в каждом конкретном регионе [1].

Целью настоящей работы является выявление на основе опубликованных сведений и полевых материалов автора основных тенденций современного этнокультурного развития коренного малочисленного народа Алтайского края – кумандинцев.

Специфической особенностью Алтайского края является его полиэтничная среда, которая состоит из более чем 140 национальных и этнических групп, но преобладают все же русские (2 234 324 человека, или 92 % населения) [2, с. 14]. К числу коренных малочисленных этносов, проживающих на территории Алтайского края, относятся только кумандинцы – тюркский народ, имеющий много сходных черт в этнической истории и культуре с соседними шорцами, челканцами и тубаларами [3, с. 3–5].

Всероссийская перепись населения 2010 г. показала общую численность проживающих в России кумандинцев в 2892 человека. При этом самая большая по численности группа кумандинцев – 1401 человек – проживает на территории Алтайского края, 1062 – в Республике Алтай, 225 – в Кемеровской об-

ласти [4]. Перепись населения 2010 г. в сравнении с результатами аналогичного среза 2002 г. показала уменьшение численности кумандинцев на территории Алтайского края с 1,66 до 1,4 тыс. человек. Это сокращение произошло в основном за счет уменьшения доли городских кумандинцев [5, с. 9].

Названные выше три субъекта Российской Федерации являются этнической территорией кумандинцев, где они проживают компактно на протяжении нескольких веков. Вместе с тем на территории Алтайского края кумандинцы за последние два десятилетия продемонстрировали удивительные примеры возрождения своей культуры.

Важными условиями сохранения традиционной культуры и ее возрождения, как показывают исследования этнографов, являются организационная и социальная активность самих представителей коренного малочисленного этноса. Примеры такой активности по возрождению своей культуры на примере современных малочисленных групп Алтая, в том числе и кумандинцев, представлены в работах Д. А. Аткуновой [6–8]. Вопросы развития этнической идентичности у коренного населения северных районов Республики Алтай, а также анализ современной этнической культуры кумандинцев в Красногорском районе Алтайского края, представлен в публикациях А. П. Чемчиевой [9–11]. Состояние уязвимых компонентов этнокультурной среды кумандинцев и челканцев в местах их традиционного проживания на современном этапе рассмотрено в отдельной статье А. М. Веденина и В. В. Поддубикова [12]. В публикациях представленных выше авторов подчеркивается ведущая роль североалтайских старейшин, знатоков традиционной культуры и лидеров общественных организаций в сложных процессах возрождения этнической культуры.

В конце XX – начале XXI вв. кумандинцы, как и другие коренные малочисленные этносы Южной Сибири, показали высокую организационную активность. Эта деятельность, в частности на территории Алтайского края, нашла отражение в создании общественных организаций, представляющих интересы всех кумандинцев Алтайского края, либо их локальных сообществ.

Процессы создания и функционирования кумандинских общественных организаций и структур не были однозначными и позитивными. Их численность в разные годы не была устойчивой. На текущий момент на территории Алтайского края зарегистрировано шесть таких организаций [13, с. 23–29], а еще пять лет назад их было восемь [14, с. 30–43].

Упомянутые кумандинские организации в своей деятельности преследуют достаточно широкий спектр целей. Среди них на первом месте стоит сохранение кумандинского народа как самостоятельной этнической общности. Реализация этой цели видится через защиту национально-культурных интересов, в том числе в сохранении исконной среды обитания и традиционного образа жизни кумандинцев. В качестве второстепенных целей своей деятельности кумандинские организации видят развитие народных промыслов и ремесел, связанных с лесным хозяйством и сбором

дикоросов; возрождение и развитие кумандинского языка, культуры, традиций и обычаев [15].

Традиционная хозяйственная деятельность кумандинцев периода XIX – первой половины XX вв. подробно освещена в публикациях П. И. Каралькина [16], Л. П. Потапова [17; 18], Ф. А. Сатлаева [19], в работах Н. К. Карасевой [20] и в серии статей и монографий автора настоящей публикации [3; 15; 21]. На основе имеющихся исследований можно определить традиционный хозяйственный уклад кумандинцев – как основанный на пешей таежной охоте, сочетающей сезонную зимнюю охоту на мясного и пушного зверя с собирательством дикоросов, а также со скотоводством и мотыжным земледелием [23]. В ходе активного взаимодействия с окружающим русским населением и благодаря социально-экономическим трансформациям советской эпохи хозяйственные занятия кумандинцев в местах их традиционного проживания существенно изменились и сблизились с комплексом крестьянского земледельческо-животноводческого хозяйства.

Хозяйственная деятельность современных кумандинцев, как проживающих в сельской местности, так и в городах, еще не становилась объектом специального исследования. Одной из новых форм экономической организации коренных малочисленных народов являются их общины, оформленные и получившие особый статус в соответствии с действующим законодательством. Кумандинские общины оформлены в с. Солтон, с. Красногорское и в г. Бийске. На основе наших полевых материалов можно выявить следующие виды хозяйственной деятельности этих общин, основной контингент которых составляют кумандинцы: как мужчины, так и женщины. Общины, как правило, специализируются на ведении индивидуального подсобного хозяйства, на сборе дикоросов и рыболовстве. В числе основных видов их деятельности можно встретить заготовку кормов, разведение домашнего скота, производство продуктов из мяса, переработку и консервирование овощей и фруктов, а также оптовую торговлю [15]. Община в Бийске специализируется на строительстве, а община в Красногорском – на предоставлении туристических услуг. Таким образом, в современной деятельности кумандинских организаций роль традиционных видов хозяйственной деятельности крайне мала, а весомое место занимают новые, более прибыльные занятия. В условиях экономической деформации эти новые виды хозяйственной деятельности создают основу для определенной устойчивости занятых в общинах кумандинцев и делают возможным финансировать из собственных средств культурно значимые проекты.

Важно отметить, что особый статус кумандинцев – коренного и малочисленного народа – привлекает пристальное внимание со стороны органов власти. Разные уровни публичной власти региона: краевые, районные и городские – играют в процессах сохранения и возрождения культуры кумандинцев большую роль. Нацеленные на сохранение кумандинцев мероприятия позволяли привлекать в разные годы в экономику

края дополнительные средства, в том числе благодаря участию в федеральных целевых программах. Организационная и финансовая поддержка кумандинцев входит в число приоритетных направлений деятельности Правительства (до 2017 г. – Администрации) Алтайского края. Эта приоритетность закреплена в утвержденном Администрацией Алтайского края «Плане мероприятий по реализации в Алтайском крае в 2013–2015 годах Стратегии государственной национальной политики в Российской Федерации на период до 2025 года». В частности, в Плане представлены следующие направления поддержки кумандинцев: совершенствование механизмов поддержания традиционного образа жизни; повышение туристической привлекательности территорий традиционного проживания кумандинцев; улучшение демографических показателей; организация образования; сохранение и пропаганда культурного наследия и другие мероприятия. Всего в упомянутом плане на развитие кумандинцев предусмотрено более 20 различных мероприятий, подкрепленных финансовой поддержкой [23].

Одним из ключевых факторов современного этнокультурного развития является институционализация общественно-политической жизни кумандинцев в Алтайском крае. Это нашло отражение в оформлении общественной структуры, выражающей интересы всего кумандинского населения региона, ведущей диалог с региональными и муниципальными органами власти. С 1990-х гг. с определенной периодичностью в г. Бийске Алтайского края проводятся съезды кумандинцев. На этих съездах, где помимо делегатов от кумандинских организаций присутствуют представители краевых и муниципальных органов власти, обсуждаются и решаются важные для малочисленного народа вопросы. Создана Ассоциация кумандинского народа, председатель которой избирается на съезде. В настоящее время председателем является Виталий Васильевич Петухов из г. Бийска.

На территории Алтайского края прилагались усилия по созданию в сельских районах, где компактно проживает кумандинское население, особых муниципальных образований – кумандинских национальных сельсоветов. В Красногорском районе таким муниципальным образованием, локализованным непосредственно в с. Красногорское, был Калташинский сельсовет. Административно этот сельсовет охватывал окраину села Красногорского – район совхоза «Малиновский», где проживает кумандинское и русское население. Впоследствии Калташинский сельсовет был объединен с Красногорским сельсоветом. В Солтонском районе таким специфическим национальным сельсоветом являлся Шатобальский, охватывавший только с. Шатобал, населенное преимущественно кумандинцами. В 2010 г. Шатобальский национальный сельсовет объединен с расположенным в соседнем селе Солтонским сельсоветом. Объединение кумандинских сельсоветов с другими сельскими образованиями не позволило развиваться уникальной форме этнического самоуправления в местах традиционного проживания малого народа.

Еще одним важным условием для развития этнической культуры на современном этапе является наличие определенных центров – мест встреч, где проходят важные для общины события, мероприятия и праздники. В 2013 г. в с. Красногорском на базе культурно-досугового центра «Малиновский» был создан экспериментальный центр традиционной культуры кумандинцев. В том же году в КДЦ «Малиновский» открылся кумандинский этноцентр «Эстей». Со временем этноцентр превратился в визит-центр красногорских кумандинцев, здесь ведутся кружковые занятия, преподается кумандинский язык, проводятся репетиции и выступления фольклорных коллективов, проходят праздничные мероприятия.

Летом 2017 г. в г. Бийске для городского кумандинского этноцентра было выделено отдельное двухэтажное здание бывшей школы в центре города на берегу р. Бия. С получением этого помещения и прилегающей территории у местных кумандинцев появилась возможность проводить праздники, вести кружковую работу с детьми, проводить занятия по изучению родного языка.

Одним из механизмов сохранения и развития этнической культуры является регулярное проведение общекумандинских праздников. Таким ежегодным праздником стал фестиваль кумандинского народа. Фестиваль приурочен к всемирному дню коренных малочисленных народов, который празднуется в начале августа. Место его проведения год от года меняется. Он поочередно проводится на территории одного из районов компактного проживания кумандинцев: г. Бийск, с. Красногорское, с. Солтон.

В 2017 г. такой фестиваль проходил в г. Бийске на базе вновь открытого этноцентра. За несколько лет проведения фестивалей сложилась наиболее устойчивая их программа. Обычно сценарий фестиваля включает следующие этапы: открытие праздника, обряд поклонения духам, обряд гостеприимства – чествование гостей, награждение граждан за особые заслуги, праздничный концерт кумандинских фольклорных коллективов, выставку сувенирных изделий кумандинских ремесленников, конкурс «Кумандинская красавица», спортивные состязания, а также дегустацию блюд традиционной кухни.

Общекумандинскими праздниками, которые приобрели большую популярность, стали и другие мероприятия, проводимые в разные сроки: «Спартакиада» по традиционным видам спорта (борьба куреш, поднятие и метание камня, стрельба из лука, перетягивание каната и т. п.), «День родного языка» для детей, «Кочо-кан» и т. п. [15].

Активность кумандинцев, наряду с административными и финансовыми мерами поддержки данного народа, привели к качественным изменениям в области сохранения и развития их культуры. Эти изменения подразделяются на несколько групп. Их характеристика помогает обозначить основные тенденции этнокультурного развития изучаемого народа.

Составляющей процесса сохранения этнической культуры является целенаправленная деятельность

по сбору сведений по истории и культуре своего народа. Главная роль в этом принадлежит местным краеведам, представителям национальной интеллигенции. В течение 1990-х и 2000-х гг. кумандинскими краеведами М. В. Кастараквым [24; 25], В. М. Даниловым [26; 27], Л. М. Тукмачевым [28] осуществлялась запись сведений о традициях своего народа. Эти сведения впоследствии легли в основу публикаций упомянутых собирателей, написанных в автоэтнографическом жанре. Можно уверенно говорить, что публикации названных выше собирателей продолжили иницированную первым поколением этнографов из числа кумандинцев – П. И. Каралькиным [14] и Ф. А. Сатлаевым [17] – работу по изучению истории и культуры своего народа.

Собирательская деятельность Макара Васильевича Кастараква не ограничивалась только записью исторических преданий, верований и обрядов кумандинцев. У себя дома он сформировал своеобразный музей предметов, иллюстрирующих особенности духовной и материальной культуры кумандинского народа. Все предметы из домашнего музея Кастараква были изготовлены им самим.

Представителями из числа кумандинской интеллигенции была осуществлена кропотливая работа по фиксации лексического фонда своего языка. Эта многолетняя деятельность была воплощена в опубликованных кумандинско-русском и русско-кумандинском словарях [29; 30], кумандинской азбуке [31] и русско-кумандинском разговорнике [32].

В последующем работа по сбору информации о традиционной культуре кумандинцев была продолжена коллективом энтузиастов и преподавателей из г. Бийска, которыми были подготовлены информационно-методические публикации для учащейся молодежи [33; 34]. В 2010 г. бийская исследовательница из числа кумандинцев Н. К. Карасева защитила кандидатскую диссертацию по этнографической теме «Формы хозяйственной деятельности кумандинцев: устойчивость и изменчивость традиций» [20].

В последние годы большую работу по собиранию и тиражированию сведений о культуре своего народа продвигают лидеры кумандинских общин из г. Бийска и с. Красногорское: Л. О. Кукоева, В. М. Кастараква, Н. А. Глухова, А. Д. Амирова, Л. П. Елбаева и др. Одним из прекрасных знатоков духовной культуры кумандинцев является и Е. И. Тукмачева, которая осуществляла запись фольклорных текстов и сведений по этнографии кумандинцев с 1950-х гг. В настоящее время Е. И. Тукмачева активно публикует записанные ею ранее тексты легенд, сказок, преданий. В 2011 г. была издана ее книжка «Кумандинские легенды и сказки», содержащая тексты на русском и кумандинском языках [35]. В 2015 г. издана еще одна брошюра собирательницы «Два рыжих жеребенка» – сборник литературно обработанных кумандинских легенд на русском языке [36].

Еще одним механизмом, с помощью которого происходит расширение информационного пространства о традиционной культуре кумандинцев, являются ре-

гиональные (краевые, городские и районные) средства массовой информации: электронные СМИ, газеты. Так, в общественно-политической газете Красногорского района «Восход» при поддержке Администрации Алтайского края ведется постоянная рубрика о жизни кумандинцев [14, с. 21, 23]. Упомянутые выше газетные материалы доступны для чтения широкому кругу пользователей на интернет-странице газеты, расположенной по адресу <http://www.gaz-voshod.ru>.

Для сохранения и развития этнической культуры народа большое значение имеет наличие механизмов трансляции знаний о родном языке и культуре от старших поколений – младшим. Выше уже отмечалось, что энтузиастами были подготовлены кумандинские словари и азбука и другие издания, которые стали основой для преподавания кумандинского языка детям. Уроки родного языка для кумандинских подростков проводятся в рамках летних школ, во время факультативных и кружковых занятий в школах или на базе этноцентров. При отсутствии достаточного количества педагогов, способных преподавать кумандинский язык, эту функцию берут на себя кумандинские старейшины – носители языка и знатоки этнических традиций. Например, в с. Красногорское занятия по кумандинскому языку для детей ведет Валентина Тозоровна Белекова.

Особое место в обучении подрастающего поколения основам традиционной культуры кумандинцев принадлежит Профессиональному училищу № 4, расположенному в г. Бийске. Это учебное заведение специализируется на подготовке специалистов среднего звена из среды коренных народов Алтая. С 2002 г. в училище реализуется программа «Образовательный потенциал культуры кумандинцев в целостном педагогическом процессе Профессионального училища № 4». При училище открыт Центр возрождения культуры и ремесел коренных малочисленных народов Алтая, в котором студенты могут овладеть такими ремеслами, как резьба по кости, рогу, дереву и бересте, они учатся изготавливать предметы быта и традиционные костюмы. В 2006 г. в названном училище был открыт Музей коренных малочисленных народов Алтая, в котором экспонируются образцы традиционной кумандинской одежды и обуви, орудий труда, предметов религиозного культа. В музее училища проводятся тематические вечера, встречи и праздники, способствующие усвоению студентами основ традиционной культуры кумандинцев [37].

Механизмом сохранения и развития фольклорной традиции может являться действующий фольклорный или хореографический коллектив. На рубеже XX–XXI вв. на территории компактного проживания кумандинцев в Алтайском крае: в г. Бийске, с. Солтон и с. Красногорское – сложились такие этнофольклорные группы, как «Одычак», «Айрычак», «Талычак», а также детский хореографический коллектив «Чакай-як». В репертуаре перечисленных выше фольклорных групп преобладают традиционные кумандинские песенные формы (сарына, такпак). Вместе с тем во время выступлений или на праздничных мероприятиях кумандинские исполнительницы поют и русские народные, и популярные песни на русском и кумандин-

ском языках. Например, Лидия Онысовна Кукуева из с. Красногорское перевела на кумандинский язык песни «Подмосковные вечера» и «По диким степям Забайкалья».

В кумандинских фольклорных коллективах в настоящее время основной состав представлен женщинами. Традиционная женская одежда у кумандинцев отличалась большим разнообразием. Источниками для ее воссоздания на современном этапе являются устойчивые представления самих кумандинок о бытовавших ранее нарядах, музейные коллекции, публикации с описаниями алтайских костюмов и интернет-ресурсы. На основе этих источников участницами фольклорных коллективов были изготовлены разнообразные костюмы, которые носят во время выступлений и праздников. Яркие и самобытные наряды, сшитые современными мастерицами, стали своего рода визитной карточкой кумандинцев. В таких платьях они презентуют свое наследие на региональных, всероссийских и международных выставках-ярмарках.

Нельзя не отметить, что в последние годы заметно усилился интерес общества к этническим традициям кумандинцев. Этнокультурное наследие этого народа все активнее включается в индустрию туризма. Этот вектор роста интереса к культуре малого народа совпал с бурным развитием в Алтайском крае туризма [38]. На территории края были разработаны и оформлены уникальные туристические маршруты, соединяющие природный и историко-культурный рекреационный потенциал. Самый протяженный туристический маршрут «Большое золотое кольцо Алтая» включает в себя несколько туристско-рекреационных кластеров, локализованных в разных частях региона. Один из таких кластеров – «Красногорье» – расположен на территории Красногорского района. Здесь в живописной предгорной местности, являющейся территорией традиционного проживания кумандинцев, реализован туристический проект «Вотчина кумандинцев» [39; 40].

Еще одним новым туристическим маршрутом, имеющим меньшую протяженность, является «Малое золотое кольцо Алтая». В одном из его пунктов – туристско-этнографическом комплексе «Уикэнд-парк», располагающемся неподалеку от г. Бийска, туристы могут увидеть явления этнической культуры кумандинцев [41].

Туристический центр кумандинцев в Красногорском районе в последние годы приобретает все большую популярность у туристов. Специально для развития этого центра в 2015 г. региональной телекомпанией был снят рекламный фильм с явно выраженной положительной презентационной идеологией [42].

Еще одним механизмом развития традиционной культуры, который в настоящее время демонстрирует определенную успешность, является использование национальных блюд в современных социокультурных практиках.

Во время этнографических работ в местах проживания кумандинцев в начале 2000-х гг. на фоне практически полного исчезновения традиционных черт кумандинской культуры нами тем не менее была отме-

чена неплохая сохранность блюд традиционной кухни. В полевых условиях мы зафиксировали устойчивые представления о рецептуре и способах приготовления кумандинцами пищи. Традиционная система питания кумандинцев имеет много сходных черт с системами питания ближайших их соседей: челканцев, тубаларов, шорцев. Вместе с тем в кумандинской кухне есть и особенности, связанные с влиянием на нее пищевых традиций русского и мордовского населения Алтая.

В настоящее время помимо потребления традиционных блюд в семейном кругу приготовление национальной пищи и совместные трапезы являются неотъемлемым атрибутом всех кумандинских праздников.

Традиционные блюда: выпечка, талкан, кровяная колбаса – кан, шургем, травяные чаи и т. д. – презентуются кумандинцами во время региональных, всероссийских и международных выставок и фестивалей. Культурные традиции кумандинцев нередко становятся привлекательными темами телепередач на центральных российских каналах.

Гастрономические традиции проживающих в Алтайском крае народов на настоящем этапе активно включаются в региональные туристические проекты. В частности, один из таких проектов – «Алтайский гурман» – предполагает организацию туристических поездок к сельским кумандинцам, которые способны удивить туристов кумандинскими кушаньями [43].

Пищевые традиции кумандинцев стали неотъемлемой частью амбициозных презентационных проектов, демонстрирующих многообразие этнических традиций в Алтайском крае. Так, например, в 2013 г. в ходе реализации целевой программы «Здоровое питание населения Алтайского края на 2013–2017 гг.» была издана книга «Алтайская трапеза. Вкусные рецепты от жителей Алтайского края». В этой книге опубликованы рецепты приготовления кумандинских блюд из Красногорского и Солтонского районов (кан, кыйма, талкан, шургем и др.) [44]. В еще одном издании, имеющем аналогичную презентационную направленность – «Кулинарное путешествие по Алтайскому краю», пельмени по-кумандински позиционируются как главное блюдо в одном из ресторанов, расположенном на маршруте «Большое золотое кольцо Алтая» [45, с. 105].

Одним из основных механизмов, с помощью которого на современном этапе активно возрождается культура кумандинцев, является реконструкция явлений этнической культуры. Выше уже был описан опыт реконструкции кумандинцами на основе разнообразных источников костюмов для их творческих коллективов. Важно отметить, что сегодня в процесс реконструкции активно включаются не только опытные мастерицы и ремесленники, но и кумандинские подростки, которые в рамках досуговой деятельности усваивают азы народных ремесел, знакомятся с элементами родной культуры. В качестве объектов для реконструкций, осуществляемых подростками, выступают дополнительные элементы костюма, кулоны, обереги, мешочки для курительных трубок, головные украшения и т. д. Все эти вновь созданные элементы

демонстрируются кумандинцами в экспозициях их стационарных и передвижных выставок.

Реконструкция традиционной культуры не ограничивается только материальной культурой. Кумандинцы активно ее используют и при работе с явлениями духовной культуры и народных знаний. Интересен в этом плане опыт реконструкции и визуализации традиционного календаря кумандинцев. Первые попытки изображения кумандинского календаря, реализованные М. В. Кастарковым на берестяных изделиях из его музея, по-видимому, легли в основу современной визуализации. Кумандинский календарь, украшенный традиционным орнаментом, сегодня изображается в виде круга, разделенного на 12 сегментов, относящихся к четырем временам года. Внутри каждого сегмента представлены названия месяца на русском и на кумандинском языках, а также содержатся символические изображения, передающие суть каждого месяца. Такое изображение календаря, обладающее большой наглядностью и аттрактивностью, активно тиражируется кумандинцами [34, с. 37].

Современные реконструкции, предпринимаемые кумандинцами для возрождения своей культуры, используются и в отношении обрядовой сферы. Наиболее ярко эта деятельность по реконструкции уже утраченных ритуальных действий у кумандинцев проявилась в возрождении обряда Кочо-кан, о чем мы уже отмечали в специальных публикациях [46–48].

Описанию традиционного кумандинского обряда Кочо-кан, проводившегося в прошлом с целью обеспечения плодородия, посвящена отдельная статья Ф. А. Сатлаева [49]. В ней этнограф отмечал, что во время фиксации сведений об этом обряде в 1960–1970-е гг. многие пожилые кумандинцы не могли вспомнить этот обряд либо вспоминали его фрагментарно. Таким образом, во второй половине XX в. этот обряд у кумандинцев уже не проводился, а знания о нем стали фрагментарными либо были совсем утрачены.

В начале XXI в. благодаря усилиям кумандинских активистов этот обряд возрождается к жизни. Современные «сценаристы» этого обряда, сохраняя в нем каноническую ритуальную канву, описанную в статье Ф. А. Сатлаева, наполнили его и новыми элементами, соответствующими интересам современной праздничной культуры. Последние несколько лет элементы «Кочо-кана» (появление самого персонажа Кочо, песенное состязание тамыр-томыр) воспроизводятся кумандинцами во время ежегодных фестивалей. С недавних пор в число обязательных осенних торжеств, на которые приглашаются кумандинцы из всех трех районов их компактного проживания, стал специальный осенний праздник «Кочо-кан», состоящий из це-

лой последовательности ритуальных действий, игр и песенных состязаний.

По нашему мнению, реконструкция этого обряда в наши дни может быть объяснена несколькими факторами. Во-первых, старшее поколение кумандинцев еще сохраняет отрывочные знания об этом обряде, который в ритуальной жизни их предков занимал одно из важнейших мест. Во-вторых, для реконструкции обряда Кочо-кан имеется источниковая база, представленная упомянутой выше статьей Ф. А. Сатлаева и интернет-материалами. В-третьих, обращения к этому необычному обряду, имеющему яркий эротический подтекст, связано, по-видимому, с активными поисками кумандинцами своей отличительности. Эта отличительность ими осознается как приверженность старинным обрядам, в том числе и через их возрождение.

Нам неоднократно приходилось наблюдать за современной реконструкцией этого обряда, как его отдельных элементов, так и целого праздника, длящегося несколько часов. Можно отметить, что в современной интерпретации образ самого персонажа – Кочо – и совершаемые им действия, имеющие явную эротическую составляющую, осуществляются и воспринимаются достаточно условно. Сценарий осеннего праздника плодородия, несмотря на наличие устоявшегося сценария, не лишен активной импровизации. Определенная условность характерна и для нарядов, в которые облачаются современные главные участники праздника «Кочо-кан» – люди, изображающие собственно Кочо и шамана [50].

Таким образом, к числу основных тенденций современного этнокультурного развития кумандинцев Алтайского края можно отнести: повышение их политической и общественной активности; создание новых форм хозяйствующих структур (общин), целенаправленную деятельность по собиранию, сохранению и трансляции последующим поколениям этнокультурного наследия; выставочную деятельность; возрождение песенной фольклорной и танцевальной традиций; интеграцию этнокультурного наследия в сферу туризма; активную презентацию традиционной гастрономической культуры; реконструкцию элементов материальной культуры (воссоздание традиционного костюма), а также ключевых элементов традиционной обрядности (Кочо-кан). Усилия лидеров кумандинских организаций, наряду с государственной и региональной поддержкой, сделали возможным приостановить стремительный процесс исчезновения самобытной культуры коренного этноса Алтая и, возможно, заложили фундамент для сохранения этой культуры в будущем.

Литература

1. Малочисленные этносы в пространстве доминирующего общества: практика прикладных исследований и эффективные инструменты этнической политики: сборник научных статей по итогам всероссийской с международным участием науч.-практич. конф. / отв. ред. В. В. Поддубиков. Кемерово: Практика, 2014. 549 с.
2. Национальный состав и владение языками, гражданство. Статистический сборник. Барнаул: Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю, 2013. Т. 4. Ч. 1. 206 с.
3. Назаров И. И. Кумандинцы: традиционное хозяйство и материальная культура. Барнаул: Алтайский дом печати, 2013. 192 с.

4. Результаты Всероссийской переписи населения 2010 г. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 01.05.2018).
5. Ноянзина О. Е. Этнокультурное пространство Алтайского края // Социальная интеграция и развитие этнокультур в евразийском пространстве. 2013. № 1. С. 7–12.
6. Аткунова Д. А. Социокультурные практики коренных малочисленных народов Северного Алтая 20–30-х гг. XX в. // Алтай – Россия: через века в будущее: Материалы всероссийской науч.-практич. конф. с международным участием, посвященной 260-летию добровольного вхождения алтайского народа в состав Российского государства и 25-летию образования Республики Алтай (09–12 июня 2016 г.). Горно-Алтайск, 2016. Т. I. С. 31–35.
7. Аткунова (Кучукова) Д. А. Традиционная община в процессе культурного возрождения (на примере северных алтайцев Республики Алтай) // Грани социального. Антропологические перспективы исследования социальных отношений и культуры: IX Сибирские чтения памяти российского этнографа-тунгусоведа Надежды Всеволодовны Ермоловой (Санкт-Петербург, 28–30 октября 2013 г.). СПб., 2014. С. 375–382.
8. Аткунова Д. А. Национальное возрождение коренных малочисленных народов Северного Алтая (конец XIX – начало XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2017. 24 с.
9. Чемчиева А. П. Алтайские субэтносы в поисках идентичности. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. 254 с.
10. Чемчиева А. П. Социальные практики возрождения традиционных праздников (на примере коренных малочисленных народов Республики Алтай) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 12-3. С. 195–198.
11. Чемчиева А. П. Этническая культура кумандинцев Красногорского района Алтайского края: современные реалии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2014. Т. XX. С. 422–424.
12. Веденин А. В., Поддубиков В. В. О состоянии уязвимых компонентов этнокультурной среды в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности коренных малочисленных этносов (на примере челканцев и кумандинцев) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 4-2. С. 104–106.
13. Ресурсный центр по развитию гражданских инициатив и содействию интеграции народов и культур в Алтайском крае / общ. ред. С. Г. Максимова, О. Е. Ноянзиной, М. Б. Максимова, Н. С. Разгоняевой. Барнаул: ИП Колмагоров И. А., 2018. 170 с.
14. Развитие институтов гражданского общества в полиэтничной среде Алтайского края / общ. ред. С. Г. Максимовой. Барнаул: ИП Колмагоров И. А., 2014. 264 с.
15. Назаров И. И. «Новые маски»: возрождаемые явления традиционной культуры кумандинцев в системе управления и развития этнокультурного наследия региона // Малочисленные этносы в пространстве доминирующего общества: практика прикладных исследований и эффективные инструменты этнической политики: сборник научных статей по итогам всероссийской с международным участием науч.-практич. конф. Кемерово: Практика, 2014. С. 330–336.
16. Каралькин П. И. Кумандинцы // Краткие сообщения Института этнографии. 1953. Вып. 18. С. 29–38.
17. Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1953. 444 с.
18. Потапов Л. П. Охотничий промысел алтайцев: отражение древнетюркской культуры в традиционном охотничьем промысле алтайцев. СПб.: МАЭ РАН, 2001. 167 с.
19. Сатлаев Ф. А. Кумандинцы: историко-этнографический очерк (XIX – первая четверть XX в.). Горно-Алтайск: Алтайское книжное издательство, 1974. 200 с.
20. Карасева Н. К. Формы хозяйственной деятельности кумандинцев: устойчивость и изменчивость традиций: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2010. 28 с.
21. Назаров И. И. Традиционное хозяйство и материальная культура кумандинцев // Культура и традиции коренных народов Северного Алтая. СПб.: Изд. Дом С.-Петерб. гос. ун-та, 2008. С. 125–180.
22. Назаров И. И. Хозяйственная деятельность // Тюркские народы Сибири / отв. ред. Д. А. Функ, Н. А. Томилов. М.: Наука, 2006. С. 329–343.
23. План мероприятий по реализации в Алтайском крае в 2013–2015 годах Стратегии государственной национальной политики в Российской Федерации на период до 2025 года. Режим доступа: http://www.altairregion22.ru/upload/iblock/0aa/478r_13.pdf (дата обращения: 01.05.2018).
24. Кастарак М. В. Белые кони духов. Бийск: БГПУ им. В. М. Шукшина, 2010. 124 с.
25. Кастарак М. В. Пять тысяч родни // Северные просторы. 2001. № 1. С. 13–15.
26. Данилов В. М. Кумандинцы: большие заботы малочисленного народа // Жизнь национальностей. 2000. № 2. С. 62–63.
27. Данилов В. М. Тайлгъа // Жизнь национальностей. 2001. № 1/2. С. 62–63.
28. Тукмачев-Соболеков Л. М. У истоков древнего Алтая. Бийск: Кедр, 2001. 195 с.
29. Кумандинско-русский словарь / отв. ред. Л. М. Тукмачев. Бийск: Бийский котельщик, 1995. 150 с.
30. Русско-кумандинский словарь / под ред. Н. А. Дьайым. Бийск, 2006. 552 с.
31. Тукмачев Л. М. Азбука куманданг. Барнаул: Азбука, 2005. 100 с.

32. Учитесь говорить по-кумандински. Русско-кумандинский разговорник / отв. ред. Ф. А. Сатлаев. Горно-Алтайск, 1990. 152 с.
33. Кумандинцы – дети гор. Барнаул: АКЦНТИД, 2005. 104 с.
34. Визер В. Г., Калинина Г. М. Кумандинцы – дети гор (прошлое, настоящее, будущее). Бийск, 2013. 168 с.
35. Тукмачева Е. И. Кумандинские легенды и сказки. Бийск: Бия, 2011. 52 с.
36. Тукмачева Е. И. Два рыжих жеребенка. Кумандинские легенды. Бийск: Бия, 2015. 52 с.
37. Шорина Д. Е. Национальный праздник в музейном пространстве // Проектно-технологические и организационно-методические аспекты деятельности этнокультурных коллективов. Барнаул: Азбука, 2014. 130–137.
38. Романов А. Н., Харламов С. В., Попова Н. Г. Туристские ресурсы Алтайского края / под общ. ред. М. П. Щетинина. Барнаул: Главное управление экономики и инвестиций Алтайского края, 2012. 472 с.
39. Алтай туристический / под общ. ред. М. П. Щетинина. 2-е изд. перераб. и доп. Барнаул: СЛОВО, 2011. 252 с.
40. Большое золотое кольцо Алтая. Информационный буклет / под общ. ред. М. П. Щетинина. Барнаул, 2011. 48 с.
41. Малое золотое кольцо Алтая. Информационный буклет / под общ. ред. М. П. Щетинина. Барнаул, 2011. 24 с.
42. Кумандинцы – коренные жители Алтая: документальный фильм компании «Умная реклама» по заказу ГКБУ «Туристический центр Алтайского края», 2015. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=7pSmDStfWzw> (дата обращения: 01.05.2018).
43. Редькин А. Г., Назаров И. И. Использование явлений традиционных национальных культур в практике туризма и гостеприимства // Сибирское поле: от освоения целины до продовольственной безопасности страны. Барнаул: Литера, 2014. С. 282–285.
44. Алтайская трапеза. Вкусные и полезные рецепты от жителей Алтайского края / под общ. ред. А. Н. Лукьянова. Барнаул: Литера, 2013. 300 с.
45. Кулинарное путешествие по Алтайскому краю. Барнаул: Азбука, 2015. 184 с.
46. Назаров И. И. Старые традиции и новые смыслы: о возрождении кумандинцами обряда Кочо-кан // Политические институты и процессы. 2015. № 4. С. 90–95.
47. Назаров И. И. О практике возрождения кумандинцами Алтайского края обряда «Кочо-кан» // Полевые исследования в Прииртышье, Верхнем Приобье и на Алтае 2015 г.: этнография, устная история. Павлодар, 2016. С. 97–103.
48. Назаров И. И. Новое в обрядовой практике кумандинцев Алтайского края: возрождение обряда «Кочо-кан» // Культура и взаимодействие народов в музейных, научных и образовательных процессах – важнейшие факторы стабильного развития России. Омск, 2016. С. 161–164.
49. Сатлаев Ф. А. Кочо-кан – старинный обряд испрашивания плодородия у кумандинцев // Сборник Музея антропологии и этнографии. Л., 1971. Вып. 27. С. 130–141.
50. Назаров И. И. Комплекс традиционной одежды главных участников ритуала «Кочо-кан» у кумандинцев: от этнографических описаний к современным реконструкциям // Народный костюм в Сибири / отв. ред. Е. Ф. Фурсова. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. С. 216–218.

MAIN TENDENCIES OF MODERN ETHNOCULTURAL DEVELOPMENT OF THE KUMANDINS OF ALTAI KRAI

Ivan I. Nazarov¹, @

¹ Altai State University, 61, Lenina Ave., Barnaul, Russia, 656049

@nazarov@email.asu.ru

Received 14.05.2018. Accepted 09.06.2018.

Keywords: Altai Krai, the Kumandins, ethnic culture, traditions, revival, modern holidays, ethnic cuisine.

Abstract: The article is devoted to the current trends of ethnic cultural development of the Kumandin people in Altai Krai. The Kumandins represent an ethnic minority in Altai Krai, they are on the verge of disappearance. For modern science it is important to identify activity forms of traditional culture maintenance employed by small communities that live in alien environment. The author analyzes the measures taken by the regional authorities and the leaders of the Kumandin organizations. As the main direction for preservation and development of ethnic culture of Kumandins, the author studies what the Kumandins do to collect their cultural data, to edit books on their native language and traditional culture, to revive their folklore tradition, traditional clothes production, ritual practices, as well as integration of the Kumandin culture into the sphere of tourism and development of traditional cuisine. It is revealed that modern economic activity of the Kumandins has lost its traditional features. The basis of their life support is made

by forms of modern economic activity. Members of modern communities conduct joint economic activity and participate in processes of revival of ethnic culture. Kumandin Public organizations aren't stable; however, they attempt to maintain their traditional culture. Their actions find support from the federal and regional authorities. The brightest manifestations of ethnocultural revival of Kumandins are: holding mass cultural and sporting events and holidays; studying, preservation and teaching the native language; creation of folklore collectives; vigorous exhibition and presentation activity; setting up tourist sites on their territory; development of gastronomic traditions; reconstruction of elements material (clothes, jewelry) and spiritual (national calendar, ceremony Kocho-kan) cultures.

For citation: Nazarov I. I. Osnovnye tendentsii sovremennogo etnokul'turnogo razvitiia kumandintsev Altaiskogo kraia [Main Tendencies of Modern Ethnocultural Development of the Kumandins of Altai Krai]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2018): 39–49. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-39-49>.

References

1. *Malochislennye etnosy v prostranstve dominiruiushchego obshchestva: praktika prikladnykh issledovaniy i effektivnye instrumenty etnicheskoi politiki: sbornik nauchnykh statei po itogam vserossiiskoi s mezhdunarodnym uchastiem nauch.-praktich. konf.* [Small ethnoses in space of the dominating society: practice of applied researches and effective tools of ethnic policy: the collection of Sc. articles following the results of the Sc.-Prac. Conf. All-Russian with the Intern. participation]. Ed. Poddubikov V. V. Kemerovo: Praktika, 2014, 549.
2. *Natsionalnyi sostav i vladenie iazykami, grazhdanstvo. Statisticheskii sbornik* [National structure and language skills, nationality. Statistical collection]. Barnaul: Territorialnyi organ Federalnoi sluzhby gosudarstvennoi statistiki po Altaiskomu kraiu, vol. 2, part 1 (2013): 206.
3. Nazarov I. I. *Kumandintsy: traditsionnoe khoziaistvo i material'naia kultura* [Kumandins: traditional economy and material culture]. Barnaul: Altaiskii dom pechati, 2013, 192.
4. *Rezultaty Vserossiiskoi perepisi naseleniia 2010 g.* [Results of the All-Russian population census of 2010]. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (accessed 01.05.2018).
5. Noianzina O. E. *Etnokulturnoe prostranstvo Altaiskogo kraia* [Ethnocultural space of Altai Krai]. *Sotsial'naia integratsiia i razvitie etnokul'tur v evraziiskom prostranstve = Social integration and development of ethnocultures in the Euroasian space*, no. 1 (2013): 7–12.
6. Atkunova D. A. *Sotsiokulturnye praktiki korennykh malochislennykh narodov Severnogo Altaia 20–30-kh gg. XX v.* [Sociocultural practitioners of indigenous ethnic groups of Northern Altai of the 20–30th of the 20th century]. *Altai – Rossiia: cherez veka v budushchee: Materialy vserossiiskoi nauch.-praktich. konf. s mezhdunarodnym uchastiem, posviashchennoi 260-letiiu dobrovol'nogo vkhozhdeniia altaiskogo naroda v sostav Rossiiskogo gosudarstva i 25-letiiu obrazovaniia Respubliki Altai (09–12 iunია 2016 g.)* [Altai – Russia: over centuries into the future: Proc. All-Russian Sc.-Prac. Conf. with the Intern. participation devoted to the 260 anniversary of voluntary entry of the Altai people into the structure of the Russian state and the 25 anniversary of formation of Altai Republic (June 09–12, 2016)]. Gorno-Altaiisk, vol. 1 (2016): 31–35.
7. Atkunova (Kuchukova) D. A. *Traditsionnaia obshchina v protsesse kul'turnogo vrozozhdeniia (na primere severnykh altaitsev Respubliki Altai)* [Traditional community in the course of cultural revival (the case of Northern Altaians of Altai Republic)]. *Grani sotsialnogo. Antropologicheskie perspektivy issledovaniia sotsialnykh otnoshenii i kultury: IX Sibirskie chteniia pamiati rossiiskogo etnografa-tungusoveda Nadezhdy Vsevolodovny Ermolovoi (Sankt-Peterburg, 28–30 oktiabria 2013 g.)* [Sides of social. Anthropological prospects of a research of the social relations and culture: IX Siberian readings memory of the Russian ethnographer and specialist in the Tungus culture Nadezhda Vsevolodovna Yermolova. St. Petersburg (October 28–30, 2013)]. Saint-Petersburg, 2014, 375–382.
8. Atkunova D. A. *Natsionalnoe vrozozhdenie korennykh malochislennykh narodov Severnogo Altaia (konets XIX – nachalo XX v.)*. Avtoref. diss. kand. ist. nauk [National revival of indigenous ethnic groups of Northern Altai (the end of XIX – early XX century). Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr.]. Tomsk, 2017, 24.
9. Chemchieva A. P. *Altaiskie subetnosy v poiskakh identichnosti* [The Altai subethnoses in search of identity]. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2012, 254.
10. Chemchieva A. P. *Sotsial'nye praktiki vrozozhdeniia traditsionnykh prazdnikov (na primere korennykh malochislennykh narodov Respubliki Altai)* [Social practices of revival of traditional holidays (on the example of indigenous ethnic groups of Altai Republic)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i iuridicheskie nauki, kulturologiia i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki = Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, no. 12-3 (2016): 195–198.
11. Chemchieva A. P. *Etnicheskaiia kul'tura kumandintsev Krasnogorskogo raiona Altaiskogo kraia: sovremennye realii* [Kumandin Ethnic Culture of Krasnogorsk District, Altai Region: the Modern Realias]. *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii = Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories*, vol. XX (2014): 422–424.

12. Vedenin A. V., Poddubikov V. V. O sostoianii uiazvimykh komponentov etnokul'turnoi sredy v mestakh traditsionnogo prozhivaniia i khoziaistvennoi deiatel'nosti korennykh malochislennykh etnosov (na primere chelkantsev i kumandintsev) [About a condition of vulnerable components of the ethnocultural environment in places of traditional accommodation and economic activity of radical small ethnoses (the example of the Chelkans and the Kumandins)]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4-2 (2014): 104–106.
13. *Resursnyi tsentr po razvitiu grazhdanskikh initsiativ i sodeistviu integratsii narodov i kultur v Altaiskom krae* [The resource center for development of citizens initiatives and assistance of integration of the people and cultures in Altai Krai]. Eds. Maximov S. G., Noyanzina O. E., Maximov M. B., Razgonyaeva N. S. Barnaul: IP Kolmogorov I. A., 2018, 170.
14. *Razvitie institutov grazhdanskogo obshchestva v polietnichnoi srede Altaiskogo kraia* [Development of institutes of civil society in the polietnichny environment of Altai Krai]. Ed. Maximov S. G. Barnaul: IP Kolmogorov I. A., 2014, 264.
15. Nazarov I. I. «Novye maski»: vozrozhdaemye iavleniia traditsionnoi kultury kumandintsev v sisteme upravleniia i razvitiia etnokulturnogo nasledii regiona ["New masks": the revived phenomena of traditional culture of Kumandins in a control system and development of ethnocultural heritage of the region]. *Malochislennye etnosy v prostranstve dominiruiushchego obshchestva: praktika prikladnykh issledovaniy i effektivnye instrumenty etnicheskoi politiki: sbornik nauchnykh statei po itogam vserossiiskoi s mezhdunarodnym uchastiem nauch.-praktich. konf.* [Small ethnoses in space of the dominating society: practice of applied researches and effective tools of ethnic policy: The collection of scientific articles following the results of the Sc.-Prac. Conf., All-Russian with the Intern. participation]. Kemerovo: Praktika, 2014, 330–336.
16. Karal'kin P. I. Kumandintsy [Kumandins]. *Kratkie soobshcheniia Instituta etnografii = Short messages of Institute of ethnography*, Iss. 18 (1953): 29–38.
17. Potapov L. P. *Ocherki po istorii altaitsev* [Sketches on stories of Altaians]. Moscow-Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1953, 444.
18. Potapov L. P. *Okhotnichii promysel altaitsev: otzrazhenie drevnetiurkskoi kultury v traditsionnom okhotnich'em promysle altaitsev* [Hunting of Altaians: reflection of Old Turkic culture in traditional hunting of Altaians]. Saint-Petersburg: MAE RAN, 2001, 167.
19. Satlaev F. A. *Kumandintsy: istoriko-etnograficheskii ocherk (XIX – pervaya chetvert XX v.)* [The Kumandins: a historical and ethnographic sketch (XIX – first quarter of the 20th century)]. Gorno-Altai: Altaiskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1974, 200.
20. Karaseva N. K. *Formy khoziaistvennoi deiatel'nosti kumandintsev: ustoichivost' i izmenchivost traditsii*. Avtoref. Diss. kand. ist. nauk [Forms of economic activity of Kumandins: stability and variability of traditions. Cand. Hist. Sci. Diss. Abstr.]. Tomsk, 2010, 28.
21. Nazarov I. I. Traditsionnoe khoziaistvo i material'naia kul'tura kumandintsev [Traditional economy and material culture of Kumandins]. *Kul'tura i traditsii korennykh narodov Severnogo Altaia* [Culture and traditions of indigenous people of Northern Altai]. Saint-Petersburg: Izd. Dom S.-Peterb. gos. un-ta, 2008, 125–180.
22. Nazarov I. I. *Hoziaistvennaia deiatelnost'* [Economic activity]. *Tiurskie narody Sibiri* [Turkic people of Siberia]. Eds. Funk D. A., Tomilov N. A. Moscow, 2006, 329–343.
23. *Plan meropriiati po realizatsii v Altaiskom krae v 2013–2015 godakh Strategii gosudarstvennoi natsionalnoi politiki v Rossiiskoi Federatsii na period do 2025 goda* [The plan of measures on realization in Altai Krai in 2013–2015 of the Strategy of the state national policy in the Russian Federation until 2025]. Available at: http://www.altaregion22.ru/upload/iblock/0aa/478r_13.pdf (accessed 01.05.2018).
24. Kastarakov M. V. *Belye koni dukhov* [White horses of spirits]. Biisk: BGPU im. V. M. Shukshina, 2010, 124.
25. Kastarakov M. V. *Piat' tysiach rodni* [Five thousand relatives]. *Severnnye prostory = Northern open spaces*, no. 1 (2001): 13–15.
26. Danilov V. M. Kumandintsy: bol'shie zaboty malochislennogo naroda [The Kumandins: big troubles of the a small-numbered people]. *Zhizn natsionalnostei = Life of nationalities*, no. 2 (2000): 62–63.
27. Danilov V. M. *Tailga* [Taylgya]. *Zhizn natsionalnostei = Life of nationalities*, no. 1/2 (2001): 62–63.
28. Tukmachev-Sobolekov L. M. *U istokov drevnego Altaia* [At the sources of ancient Altai]. Biysk: Kedr, 2001, 195.
29. *Kumandinsko-russkii slovar* [Kumandin-Russian dictionary]. Ed. Tukmachev L. M. Biysk: Biiskii kotelshchik, 1995, 150.
30. *Russko-kumandinskii slovar'* [Russian-Kumandin dictionary]. Ed. Dyayym N. A. Biysk, 2006, 552.
31. Tukmachev L. M. *Azbuka kumandang* [Alphabet of the Kumandins]. Barnaul: Azbuka, 2005, 100.
32. *Uchites govorit po-kumandinski. Russko-kumandinskii razgovornik* [You learn to speak in Kumandin. Russian-Kumandin phrasebook]. Ed. Satlayev F. A. Gorno-Altai, 1990, 152.
33. *Kumandintsy – deti gor* [The Kumandins are children of the mountains]. Barnaul: AKZNTiD, 2005, 104.
34. Vizer V. G., Kalinina G. M. *Kumandintsy – deti gor (proshloe, nastoiashchee, budushchee)* [Kumandins are children of mountains (last, real, future)]. Biysk, 2013, 163.
35. Tukmacheva E. I. *Kumandinskie legendy i skazki* [Kumandin legends and fairy tales]. Biysk: Biia, 2011, 52.
36. Tukmacheva E. I. *Dva ryzhikh zherebenka. Kumandinskie legendy* [Two red foals. Kumandin legends]. Biysk: Biia, 2015, 52.

37. Shorina D. E. Natsionalnyi prazdnik v muzeinom prostranstve [A national holiday in museum space]. *Proektno-tekhnologicheskie i organizatsionno-metodicheskie aspekty deiatel'nosti etnokulturnykh kollektivov* [Design and technological and organizational and methodical aspects of activity of ethnocultural collectives]. Barnaul: Azbuka, 2014, 130–137.
38. Romanov A. N., Xarlamov S. V., Popova N. G. *Turistskie resursy Altaiskogo kraia* [Tourist resources of Altai Krai]. Ed. Shchetinin M. P. Barnaul: Glavnoe upravlenie ekonomiki i investitsii Altaiskogo kraia, 2012, 472.
39. *Altai turisticheskii* [Tourist Altai]. Ed. Shchetinin M. P. Barnaul: SLOVO, 2011, 252.
40. *Bolshoe zolotoe kol'tso Altaia. Informatsionnyi buklet* [The big Golden Ring of Altai. Information booklet]. Ed. Shchetinin M. P. Barnaul, 2011, 48.
41. *Maloe zolotoe kol'tso Altaia. Informatsionnyi buklet* [The small Golden Ring of Altai. Information booklet]. Ed. Shchetinin M. P. Barnaul, 2011, 24.
42. *Kumandinty – korennye zhiteli Altaia* [The Kumandins – the indigenous people of Altai: documentary film of "Smart Advertising" company commissioned by GKB "Tourist Center of the Altai Territory"]. 2015. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=7pSmDStfWzw> (accessed 01.05.2018).
43. Red'kin A. G., Nazarov I. I. Ispol'zovanie iavlenii traditsionnykh natsionalnykh kultur v praktike turizma i gostepriimstva [Use of the phenomena of traditional national cultures in practice of tourism and hospitality]. *Sibirskoe pole: ot osvoeniia tseliny do prodovol'stvennoi bezopasnosti strany* [The Siberian field: from development of a virgin soil before food security of the country]. Barnaul: Litera, 2014, 282–285.
44. *Altaiskaia trapeza. Vkusnye i poleznye retsepty ot zhitelei Altaiskogo kraia* [Altai meal. Tasty and useful recipes from residents of Altai Krai]. Ed. Luk'ianov A. N. Barnaul: Litera, 2013, 300.
45. *Kulinarnoe puteshestvie po Altaiskomu kraiu* [A culinary travel across Altai Krai]. Barnaul: Azbuka, 2015, 184.
46. Nazarov I. I. Starye traditsii i novye smysly: o vozrozhdenii kumandintsami obriada Kocho-kan [Old traditions and new meanings: about revival of the Kocho-kan ceremony by the Kumandins]. *Politicheskie instituty i protsessy = Political institutes and processes*, no. 4 (2015): 90–95.
47. Nazarov I. I. O praktike vozrozhdeniia kumandintsami Altaiskogo kraia obriada «Kocho-kan» [About practice of revival by Kumandins of Altai Krai of the Kocho-kan ceremony]. *Polevye issledovaniia v Priirtysh'e, Verkhnem Priob'e i na Altae: 2015 g.: enografiia, ustnaia istoriia* [Field researches in Priirtyshje, the Top Priobje and in Altai 2015: ethnography, oral history]. Pavlodar, 2016, 97–103.
48. Nazarov I. I. Novoe v obriadovoi praktike kumandintsev Altaiskogo kraia: vozrozhdenie obriada «Kocho-kan» [New in ceremonial practice of Kumandins of Altai Krai: revival of the Kocho-Kan ceremony]. *Kultura i vzaimodeistvie narodov v muzeinykh, nauchnykh i obrazovatelnykh protsessakh – vazhneishie faktory stabilnogo razvitiia Rossii* [Culture and interaction of the people in museum, scientific and educational processes – the most important factors of stable development of Russia]. Omsk, 2016, 161–164.
49. Satlaev F. A. Kocha-kan – starinnyi obriad isprashivaniia plodorodiia u kumandintsev [Kocha-kan – an ancient ceremony of fertility by the Kumandins]. *Sbornik Muzeia antropologii i etnografii* [The Collection of Museum of Anthropology and Ethnography]. Leningrad, vol. 27 (1971): 130–141.
50. Nazarov I. I. Kompleks traditsionnoi odezhdy glavnykh uchastnikov rituala «Kocho-kan» u kumandintsev: ot etnograficheskikh opisaniy k sovremennym rekonstruktsiiam [A complex of traditional clothes of the main participants of the ritual Kocho-kan by the Kumandins: from ethnographic descriptions to modern reconstruction]. *Narodnyi kostium v Sibiri* [The National suit in Siberia]. Ed. Fursova E. F. Novosibirsk: Izd-vo IAET SO RAN, 2017, 216–218.

УДК 902 (571.17)

КОЛЛЕКЦИЯ НАТЕЛЬНЫХ КРЕСТОВ ИЗ ПОСЕЛЕНИЯ КУЛАКОВО III В НИЖНЕМ ПРИТОМЬЕ

Александр С. Сизёв^{1, @1, *}, Любовь Н. Ермоленко^{2, @2, *}, Александр И. Соловьёв^{3, @3, *}

¹ Историко-культурный и природный музей-заповедник «Томская Писаница», 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Томская, 5а

² Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6

³ Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Академии наук, 630090, Россия, Новосибирск, пр. Акад. Лаврентьева, 17

@1 asizyov@list.ru

@2 lyubov.ermolenko@mail.ru

@3 easolovievy@mail.ru

Поступила в редакцию 23.10.2017. Принята к печати 29.03.2018.

Ключевые слова:

Нижнее Притомье, Кулаково III, XVII–XVIII вв., нательные кресты, ставрография.

Аннотация: В статье изложены результаты изучения ставрографических материалов XVII–XVIII вв., происходящих с поселения Кулаково III – памятника, который может быть соотнесен с деревней Корчуганово, зафиксированной в «Чертежной книге Сибири» С. Ремезова. В научный оборот вводится коллекция из 26 нательных металлических крестов, дается описание, типологическая характеристика и хронологическая атрибуция анализируемых предметов христианского культа, выявляются аналогии в опубликованных материалах. Большинство из рассмотренных крестов относятся к типу 4 классификации, разработанной В. И. Молодиным по материалам Восточной Сибири (Илимский острог). Это экземпляры с детализированной иконографией и элементами, дополняющими контур изделия – отходящими от средокрестия лучами, парными волютами, окружающими средокрестие «венком», «языками пламени» по краям нижней лопасти и др. Морфологический и иконографический анализ крестов свидетельствует об их индивидуальном характере. Круг аналогий нательным крестам из Кулаково III включает материалы из северной и северо-восточной России, что подтверждает данные письменных источников об исходных территориях миграции русского населения в Притомье.

Для цитирования: Сизёв А. С., Ермоленко Л. Н., Соловьёв А. И. Коллекция нательных крестов из поселения Кулаково III в Нижнем Притомье // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 2. С. 50–59. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-50-59>.

Введение. В последнее десятилетие в Западной Сибири интенсивно развивается такое исследовательское направление, как русская археология. Накопление материалов сопровождается появлением публикаций отдельных категорий предметов русской культуры, в том числе коллекций крестов-тельников [1–6]. Между тем до сих пор нет специальных работ, посвященных нательным крестам из русских памятников Кузнецкого Притома, сведения о них содержатся в публикациях другой проблематики [7, с. 419, 420, 422; 8, с. 33; 9, с. 27; 10, с. 69]. Цель настоящей статьи – введение в научный оборот коллекции нательных крестов из памятника Кулаково III.

Поселение Кулаково III расположено в 1,6 км к северу от с. Кулаково (Яшкинский административный район, Кемеровская область). Памятник открыт в 2017 г. Нижнетомским отрядом Кузбасской археологической экспедиции под руководством А. Г. Марочкина. Поселение находится на первой надпойменной террасе правого берега р. Томь, прорезанной двумя оврагами,

возле которых прослеживаются жилищные западины (рис. 1). В овражных осыпях собран археологический материал – предметы конской упряжи, обломки посуды, наконечники стрел и др. Большая часть артефактов, в том числе нательных крестов, была получена нами для ознакомления, включая фотографирование от местного жителя, занимавшегося несанкционированным поиском. В результате осмотра овражных обнажений и прилегающей к поселению территории признаков кладбища нами выявлено не было.

Поселение Кулаково III, по мнению одного из авторов статьи – А. С. Сизёва, может быть соотнесено с деревней Корчуганово (Курчуганова) из «Чертежной книги Сибири», зафиксировавшей расположение населенных пунктов на конец XVII в. В «Описании Томского уезда Тобольской провинции в Сибири в нынешнем его положении, в октябре 1734 г.» Г. Ф. Миллера упоминаются две деревни с названием Курчуганово (Корчуганово) [11]. Одна располагалась на р. Малая Сосновка, другая – между селом Никольским (совре-

* Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ № 33.2597.2017/ПЧ.

менное с. Кулаково) и д. Саломатово (именно на этом участке находится археологическое поселение Кулаково III). Деревня Корчуганово также значится в ревизских сказках – в материалах девяти ревизий с 1720 по 1858 гг. [12, с. 159]. Поскольку до настоящего времени существует лишь одна деревня Корчуганово – на р. Сосновка, логично предположить, что в ревизских сказках числилась именно она. На карте Томского уезда из атласа Тобольской губернии 1798 г. на участке между деревней Соломатово и селом Кулаково не было

отмечено никаких деревень. Исходя из приведенных фактов можно предположить, что деревня Корчуганово перестала существовать здесь в период между серединой 30-х гг. и концом XVIII в. В соответствии с предложенной идентификацией поселение Кулаково III может быть предварительно датировано последней четвертью XVII – второй половиной XVIII вв. В эту хронологию «укладывается» и нумизматический материал – «петровские» копейки-чешуйки.

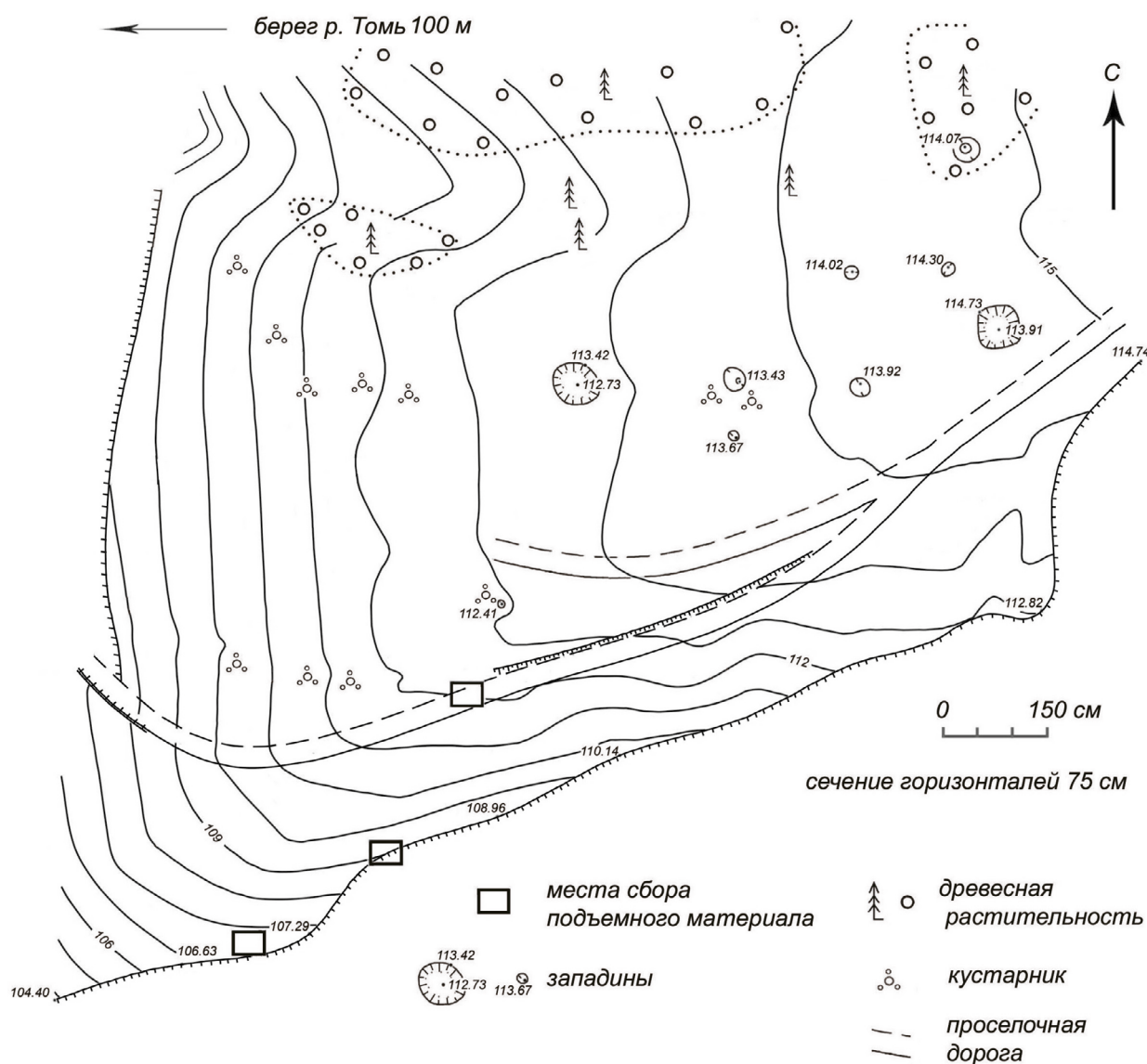

Рис. 1. Топографический план поселения Кулаково III

Fig. 1. Topographic map of the archeological site Kulakovo III

Коллекция металлических нательных крестов из поселения Кулаково III включает 19 целых изделий и 7 фрагментов. За редкими исключениями кресты относятся к разряду четырехконечных двусторонних. Большинство из них с обеих сторон окантованы рельефным валиком, рельефом выполнены также иконографические детали, в том числе надписи. Рассмотренные в статье кресты систематизированы в соответствии с предло-

женной В. И. Молодиным классификацией сибирских крестов-тельников Илимского острога.

Описание крестов. Поскольку коллекция находится в частных руках и мало доступна для исследователей, считаем целесообразным дать подробное описание материала (кресты № 2, № 9 и № 10 на рисунках не представлены).

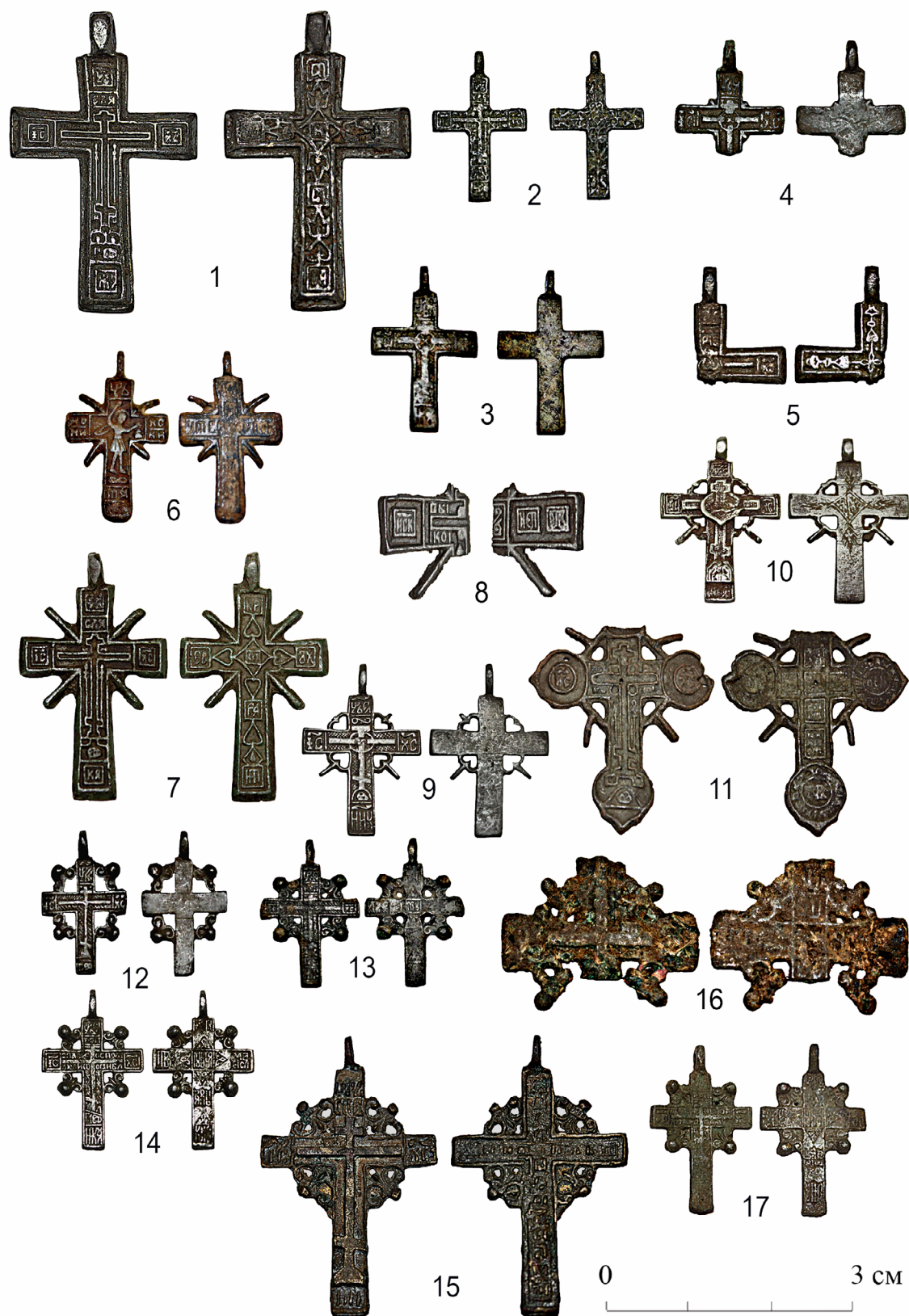

Рис. 2 (начало). Нательные кресты с поселения Кулаково III. 1 – крест № 1; 2 – крест № 3; 3 – крест № 4; 4 – крест № 5; 5 – крест № 6; 6 – крест № 7; 7 – крест № 8; 8 – крест № 11; 9 – крест № 12; 10 – крест № 13; 11 – крест № 14; 12 – крест № 15; 13 – крест № 16; 14 – крест № 17; 15 – крест № 18; 16 – крест № 19; 17 – крест № 20

Fig. 2 (to be continued). Baptismal crosses from Kulakovo III. 1 – cross № 1; 2 – cross № 3; 3 – cross № 4; 4 – cross № 5; 5 – cross № 6; 6 – cross № 7; 7 – cross № 8; 8 – cross № 11; 9 – cross № 12; 10 – cross № 13; 11 – cross № 14; 12 – cross № 15; 13 – cross № 16; 14 – cross № 17; 15 – cross № 18; 16 – cross № 19; 17 – cross № 20

Крест № 1 (рис. 2, 1). Простой формы. Размеры $5,3 \times 3,2 \times 0,1$ см. На лицевой стороне воспроизведен восьмиконечный крест, фланкированный копьем и тростью с «губой». Под его косою перекадиной имеются два мелких неопределимых знака. Над крестом нанесена подчеркнутая надпись **СПЯ** (Распят, Распятие?). Основание креста опирается на стилизованное трехчастное изображение Голгофы. Ниже находится поле с буквой **Г** (Голгофа? Голова?) и трудноопределимым изображением (Голова Адама?) справа. На четырех концах предмета размещены надписи в квадратных щитках. Надпись на верхнем конце неразборчива. На левом и правом концах, соответственно, размещены монограммы **ИС** (Иисус) и **ХС** (Христос). На нижнем конце – литера **Ж** и нечитаемый знак справа от нее. Обратная сторона креста украшена орнаментом. На перекрестии изображен крест, образованный ромбом, каждый из углов которого переходит в трилистник. Внутри креста размещен квадрат со вписанным в него знаком **Н** (Назорей). Каждое из «трилистных» окончаний креста примыкает к квадрату с неразборчивым знаком внутри. На нижней лопасти за квадратом следуют направленные к нему трилистник и сердцевидная фигура со стилизованным крестом в основании. На конце нижней лопасти в квадрате имеется плохо различимая надпись (**ОА?**).

Крест № 2. Идентичный по размерам и иконографии кресту № 1.

Крест № 3 (рис. 2, 2). Простой формы. Размеры $2,7 \times 1,7 \times 0,1$ см. На лицевой стороне изображен рельефный восьмиконечный крест, слева от которого находится копье, а справа – трость с «губой». Пространство над и под горизонтальной перекадиной рельефного креста покрыто мелкими нечитаемыми надписями. Надпись над вершиной креста, так же как детали под его основанием, неразборчивы. На концах предмета в квадратных рамках заключены надписи. Читается только монограмма имени Христа (**ИС** и **ХС**) на концах перекадины. Обратная сторона креста декорирована затертым витиеватым орнаментом.

Крест № 4 (рис. 2, 3). Простой формы, односторонний. Размеры $2,9 \times 1,9 \times 0,1$ см. На лицевой стороне изображен рельефный восьмиконечный крест, средокрестие которого охвачено кругом (венком), описывающим углубление в форме косога креста. Хотя детали в основании восьмиконечного креста затерты, прослеживаются очертания головы (черепа) Адама. На концах предмета в квадратных рамках помещены плохо различимые надписи.

Крест № 5 (рис. 2, 4). С обломанной нижней лопастью, тождественный по форме и иконографии кресту № 4, за исключением коротких лучей, отходящих от углов средокрестия. Размеры $1,8 \times 1,9 \times 0,1$ см. На концах креста расположены надписи в рамках. Читается монограмма **ИС** и **ХС** на концах перекадины.

Крест № 6 (рис. 2, 5). Фрагмент (верхняя и правая лопасть с средокрестием). Размеры $2 \times 1,6 \times 0,1$ см. На лицевой стороне изображен рельефный крест с цатой на перекрестии. Верхняя лопасть креста покрыта надписями в две строки, разделенные чертой – **ЦЬС** (Царь Славы) и **РІС**. На конце правой лопасти в ква-

дратной рамке помещена надпись **ХС** (Христос). Средокрестие оборотной стороны занимает крестообразный цветок, от лепестков которого отходят линии, соединяющие орнамент («сердечки», овалы, сегментовидные фигуры), украшающий ветки креста.

Крест № 7 (рис. 2, 6). С лучами, выходящими из углов средокрестия, тремя прямоугольными концами и скругленным нижним. Размеры: $3,2 \times 1,9 \times 0,1$ см. На лицевой стороне изображен святой мученик Никита Бесогон, побивающий беса. Под ногами святого изображена горизонтальная восьмерка – символ бесконечности. На верхнем конце креста имеется надпись **ЦРЬ**. На остальных концах надписи расположены в две строки, разделенные чертой, на правом и левом, соответственно, **ИС / НИ** и **ХС / КИ**, на нижнем различима только верхняя строка – **ТА**. В совокупности надписи составляют имена «Иисус Христос», «Никита». На покрытой надписями оборотной стороне читается **ТВОЕ-МУПОК**. Вероятно, это фрагмент молитвы «Кресту Твоему поклоняемся».

Кресты № 8–10 почти идентичны. Все они с прямоугольными концами и лучами, выходящими из углов средокрестий. Размеры: $4,3 \times 2,6 \times 0,2$ см (крест № 8) (рис. 2, 7), $4,2 \times 2,5 \times 0,2$ см (крест № 9), $4,1 \times 2,4 \times 0,1$ см (крест № 10). Кресты с обеих сторон окантованы по периметру рельефной линией. На внешней стороне изображен рельефный восьмиконечный крест в крестообразном обрамлении, фланкированный копьем и тростью. Над крестом располагается заключенная в прямоугольник надпись **СЛВ** (Слава), под крестом – символическое изображение Голгофы (с головой Адама?). На всех четырех концах предмета имеются надписи в квадратных рамках. Надпись на верхнем конце неразборчива, на левом и правом концах, соответственно, размещены части монограммы **ИС** и **ХС**, на нижнем конце написано **КА**. В средокрестии оборотной стороны изображен ромб с вписанным квадратом. К углам ромба примыкают сердцевидные фигуры, «указывающие» на квадраты с надписями внутри. На нижней лопасти к такому квадрату последовательно примыкают «указывающая» на него сердцевидная фигура, усеченный ромб и квадрат с какой-то надписью.

Крест № 11 (рис. 2, 8). Фрагмент (левая лопасть с почти прямоугольным окончанием). Размеры $0,7 \times 1,6 \times 0,1$ см. Из нижнего угла средокрестия выходит луч. На конце лопасти имеется надпись **ІСК** в квадратной рамке. Сохранился участок изображения Голгофского Креста с короткой верхней и длинной средней перекадинами. Над и под основной перекадиной размещены короткие надписи **ОБІ** и **КОІ**. На оборотной стороне фрагмента видны часть украшения средокрестия (прямоугольная рамка, вмещающая орнамент) и две квадратные рамки на лопасти с надписями.

Крест № 12 (рис. 2, 9). Односторонний. Средокрестие имеет ажурное обрамление из сердцевидных деталей, от которых отходят лучи. Размеры $3,5 \times 2,1 \times 0,1$ см. На внешней стороне изображен семиконечный крест с венком вокруг средокрестия, опирающийся на воспроизведенную полуокружность Голгофу с головой Адама внутри. Над верхней перекадиной Гол-

гофского Креста изображен знак, напоминающий титло. На концах предмета размещены рамки с надписями. На верхнем конце – **ЦРЬСЛ** (Царь Славы), на левом и правом, соответственно, **ИС** и **ХС**, на нижнем – **НИКА**.

Крест № 13 (рис. 2, 10). Обрамление средокрестия идентично кресту № 12. Размеры $3,6 \times 2,2 \times 0,1$ см. На лицевой стороне изображен восьмиконечный крест с цатой на средокрестии, установленный на Голгофе. На концах предмета размещены надписи в рамках – **ЦРЬСЛ** (Царь Славы) на верхней лопасти, **ИС** и **ХС** на левой и правой лопастях. Надпись на нижней лопасти затерта. В центре оборотной стороны креста помещен ромб с нечитаемыми знаками, от углов которого отходят колосья.

Крест № 14 (рис. 2, 11). С окончаниями «луковичной» формы. Средокрестие заключено в ажурную ромбическую рамку из стерженьков, от середины которых отходят лучи. Верхняя часть обломана. Размеры $3,5 \times 3,5 \times 0,1$ см. На лицевой стороне изображен восьмиконечный крест на ступенчатом основании, обозначающем Голгофу, слева от креста находится копьё, справа – трость. В углах средокрестия показаны круги. Над и под горизонтальной перекладиной идут нечитаемые надписи. Во внутреннем из двух concentрических кругов, вписанных в левое и правое луковичные окончания лопастей, помещены надписи **ИС** и **ХС**. На нижнем окончании под ступенчатым символом Голгофы имеется колоколовидное изображение пещеры с головой Адама внутри. На оборотной стороне крестообразно расположены 6 квадратов с неразборчивыми надписями. В каждое из «луковичных» окончаний вписаны две concentрические окружности с надписями, соответственно, центральной и круговой.

Кресты № 15–20. Общие элементы их конструкции – прямоугольные окончания боковых лопастей и ажурное обрамление средокрестия, состоящее из четырех пар волут, увенчанных шариками. Парные волуты могут разделяться стрелом.

Крест № 15 (рис. 2, 12). Односторонний. Размеры $2,2 \times 1,5 \times 0,1$ см. На передней стороне изображен восьмиконечный крест, пространство вокруг которого заштриховано косыми линиями. На концах предмета размещены надписи в рамках. Вверху – **ЦРЬСЛ**, на концах перекладины – **ИС** и **ХС**, на нижнем конце написано **ГЛ** (Голгофа) и схематично изображен череп Адама.

Крест № 16 (рис. 2, 13). Размеры $2,9 \times 1,7 \times 0,1$ см. На лицевой стороне прослеживается рельеф Голгофского Креста. Пространство над и под его длинной перекладиной покрыто косыми штрихами. Надписи на верхнем, правом и левом концах предмета такие же, как на кресте № 15. Рельеф изображений на нижней лопасти нечеткий. Обратная сторона затерта. На средокрестии и на конце левой лопасти есть какие-то надписи в рамках.

Крест № 17 (рис. 2, 14). Размеры $3 \times 1,9 \times 0,1$ см. На лицевой стороне изображен рельефный восьмиконечный крест, по сторонам от него – копьё и трость. Над и под верхней перекладиной креста идут надписи. Надпись сверху читается **СПАСИ ГОСПОДИ**. Под нижней перекладиной слева помещена буква **М** (Мес-

то), справа – **Л** (Лобное). Над крестом имеется надпись **РСП**, под основанием креста, отделенным косой чертой, написано **ГЛ** и изображен череп Адама. На всех четырех концах предмета расположены надписи в щитках. Надпись на верхнем конце нечеткая, на левом и правом размещена монограмма **ИС** и **ХС**, на нижнем написано **НКА** (Ника). В центре тыльной стороны креста находится квадрат с нечитаемой надписью, от сторон которого отходят орнаментированные треугольники. Другой квадрат с надписью размещен в средней части нижней лопасти и еще четыре – на концах креста.

Крест № 18 (рис. 2, 15). Размеры $5,1 \times 3,1 \times 0,1$ см. На лицевой стороне изображен восьмиконечный крест, стоящий на Голгофе. Надписи размещены на трех концах предмета: на верхнем – **ЦРЬ СЛВ** (Царь Славы), на левом и правом концах перекладины – **ИС** и **ХС**. На нижнем конце изображены четыре вертикальные линии. Обратная сторона имеет следы надписей.

Крест № 19 (рис. 2, 16). Фрагмент креста плохой сохранности без верхнего окончания и нижней лопасти. На лицевой стороне различимы очертания Голгофского Креста.

Крест № 20 (рис. 2, 17). Размеры $3 \times 1,9 \times 0,1$ см. Сходен с крестом № 17.

Крест № 21 (рис. 2, 18). Фрагмент (нижняя лопасть). Размеры $2,2 \times 0,7 \times 0,1$ см. На лицевой стороне сохранилась часть изображения креста с косой перекладиной, установленного на Голгофе, древки копья и трости. Под Голгофой проходит надпись **НКА**. Обратная сторона полностью покрыта текстом, фрагмент которого удалось прочитать: ... **ЦРЕМДЕРЖАВ**...

Кресты № 22–25 относятся к категории «огненных». Их общие признаки – ажурное обрамление средокрестия парными волутами с шариками, фигурные окончания боковых лопастей и детали по бокам нижней лопасти, символизирующие пламя.

Крест № 22 (рис. 2, 19). Имеет следы красной эмали на поверхности. Подробно описать иконографию креста невозможно из-за заглаженности поверхности. Аналогичный крест найден на поселении Лучшее III (XVII–XVIII вв.) в Притомье [8, с. 33].

Крест № 23 (рис. 2, 20). Размеры $4,5 \times 3,3 \times 0,1$ см. Все концы креста прямоугольные, углы и края украшены «шариками», на некоторых из них заметен спиралевидный рельеф. На внешней стороне находится изображение восьмиконечного креста на Голгофе, внутри которой находится голова Адама. Остальная часть лицевой поверхности покрыта неразборчивыми надписями. Надписи на лицевой и обратной стороне креста многострочные, строки разделены рельефными валиками. На обороте надписи чередуются с орнаментом в клеймах.

Крест № 24 (рис. 2, 21). Окончания перекладин выполнены в форме трилистника с небольшим выступом на вершине. Размеры $4,3 \times 3,1 \times 0,1$ см. На лицевой стороне изображен восьмиконечный крест. Над ним через разделительную черту идет надпись **РСП**. Выше и ниже основной перекладины написаны начальные слова текста молитвы Честному Кресту. Читается ее начало **ДА ВОСКРЕСНЕТ БОГ РАЗЫД**, т. е. молит-

ва изложена в старообрядческом варианте [13, с. 336]. Слева и справа перекладины идут вертикальные надписи, из них читается левая – **КРЕСТ**. По левую и правую сторону от креста показаны копье и трость, древки которых составлены надписями **КОПЬЕ** и **ТРОСТЬ**. Слева и справа под нижней косой перекладиной помещены надписи **МЛ** (Место Лобное) и **РБ** (Рай Бысть), еще ниже под косой чертой имеется надпись **ГЛВ** (Голова) и схематичное изображение головы Адама. В прямоугольных рамках на верхнем и нижнем концах предмета заключены надписи, соответственно, **ЦРСЛ** (Царь Славы) и **НИКА**. В трилистниках на левом и правом концах креста размещена монограмма имени Христа (**ИС** и **ХС**). Рисунок на оборотной стороне сглажен. В центре различается ромб (с надписью?), от которого отходит витиеватый, возможно растительный, орнамент.

Крест № 25 (рис. 2, 22). Фрагмент (нижняя лопасть). Размеры $2,3 \times 1,3 \times 0,1$ см, декорированная «огненными языками» и шариками. Изображения на обеих сторонах креста затерты. На внешней стороне просматривается основание рельефного креста с косой перекладиной, под которой идет надпись **МЛ РБ** (Место Лобное Рай Бысть). Через косую черту ниже помещена надпись, в которой читаются первые буквы **ГЛ...** (Голгофа или

голова Адама?). Под этой надписью проведена черта и написано слово **НИКА**. На оборотной стороне чередующиеся квадратные клейма с надписями и орнаментом.

Крест № 26 (рис. 2, 23). Верхний и нижний концы креста оформлены в виде коротких перекладин. Нижняя перекладина заканчивается треугольной деталью («лопаточковидное» окончание). Размеры креста $3 \times 1,6 \times 0,1$ см. На внешней стороне изображен рельефный восьмиконечный крест с копьем и тростью по сторонам, опирающийся на Голгофу, символизируемую головой Адама. В прямоугольных рамках на концах предмета размещены надписи: на верхнем **ЦРЬ**, на левом и правом, соответственно, **ИС** и **ХС**, на нижнем надпись неразборчива (зеркальная? **НИК?**). На боковых краях коротких перекладин идут вертикальные ряды из 4–5 мелких полусферических выпуклостей. Обратная сторона креста украшена орнаментом. В центре находится ромб со слегка вогнутыми сторонами, обрамленный дугами, заканчивающимися волютами, к которым примыкают сердцевидные фигуры. На нижнем конце креста под сердцевидной фигурой есть еще два орнаментальных элемента. Боковые края коротких перекладин покрыты косыми параллельными насечками.

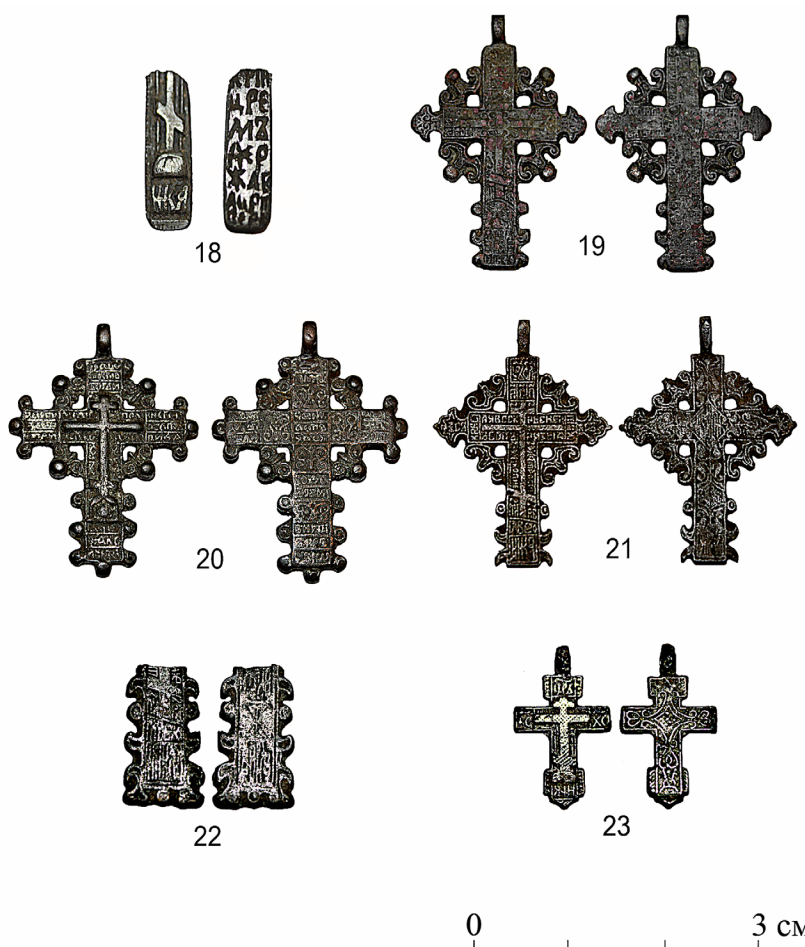

Рис. 2 (окончание). Нательные кресты с поселения Кулаково III. 18 – крест № 21; 19 – крест № 22; 20 – крест № 23; 21 – крест № 24; 22 – крест № 25; 23 – крест № 26

Fig. 2 (continued). Baptismal crosses from Kulakovo III. 18 – cross № 21; 19 – cross № 22; 20 – cross № 23; 21 – cross № 24; 22 – cross № 25; 23 – cross № 26

Систематизация и вопросы датировки. Кресты № 1–3 по абрису сходны с крестами типа 1 (подтип 2) классификации В. И. Молодина. Такие кресты бытовали во второй половине XVII–XVIII вв. [14, с. 43]. Точных соответствий рассматриваемым крестам в коллекции из Илимского острога не выявлено.

Кресты № 4 и № 6 имеют сходство с экземплярами из Илимского острога, отнесенными В. И. Молодиным к типу 1 (подтип 2, вариант 4, подвариант 4 и подтип 2, вариант 5, подвариант 2). Исследователь отметил, что кресты первого типа использовались во второй половине XVII–XVIII вв. старообрядцами и православными христианами как в Европейской части России (Москва, Вятка, Старая Рязань, Калуга), так и в Сибири (Таймыр, Нерчинский острог, Тискинский могильник, Албазинский острог) [14, с. 48].

Крест № 5 тождественен по иконографии кресту № 4, но лучи, исходящие из средокрестия, позволяют отнести его к типу 4 (подтип 1).

Крест № 7 по форме очертаний можно отнести к типу 4 (подтип 1) классификации В. И. Молодина [14, с. 52]. Подобный экземпляр обнаружен на кладбище Спасской церкви в г. Иркутске, которое действовало в XVIII в. И. М. Бердников выявил аналогии этому кресту в материалах XIV–XVI вв. из Новгорода, Твери, Москвы [15, с. 168]. Кресты XIV–XVIII вв. с такими же, как на кресте № 7, надписями найдены в Пскове и Изборске [16, с. 120].

Кресты № 8–10 тоже сходны с крестами типа 4 (подтип 1, вариант 2, подвариант 1) классификации В. И. Молодина. Время их бытования в Сибири приходится на XVII–XVIII вв. Кресты этой разновидности обнаружены в Сибири на Спасском кладбище [15, рис. 2, 34] и на территории Саянского острога, а в Европейской части России – в Старой Руссе, Москве, Твери, Пскове [14, с. 52, 53].

Крест № 11 ввиду фрагментарности нельзя детально соотносить с конкретным типом классификации В. И. Молодина, однако лучи, исходящие из средокрестия, могут указывать на принадлежность изделия к типу 4.

По обрамлению средокрестия крестов № 12 и № 13 их можно отнести к типу 4 подтипу 2 классификации

В. И. Молодина. Семиконечный крест с венком встречается в иконографии крестов XVII в. с территории европейской части России [17, с. 331]. Кресты с аналогичным способом оформления средокрестия найдены на Спасском кладбище г. Иркутска [15, рис. 2, 14].

Крест № 14 может быть причислен к типу 4 (подтип 6) классификации В. И. Молодина. Подобные кресты датируются XVII–XVIII вв., они встречаются в материалах юга России (Северский Донец) и центральной ее части (Москва), а также в Сибири (Албазинский острог) [14, с. 60; 7, с. 422; 15, с. 169].

Кресты № 15–20 по признаку обрамления средокрестия парными волютами с шариками аналогичны крестам типа 4, подтипа 3 классификации В. И. Молодина [14, с. 55]. Такие кресты бытовали в XVII–XVIII вв. как в Северной и Восточной Европе (Шпицберген, Двина и Печера), Европейской части России, так и в Сибири (Албазинский острог, Тискинский могильник) [14, с. 57; 15, рис. 2, 9; 5, с. 201].

«Огненные» кресты № 22–25 идентичны крестам типа 4 (подтип 5) классификации В. И. Молодина [14, с. 59]. Подобные кресты обнаружены и в Центральной части России, и в Сибири – на Спасском кладбище г. Иркутска [15, рис. 2, 12].

Крест № 26 – нестандартный, он не укладывается в типологию В. И. Молодина. Кресты идентичной формы имеются в ставрографических материалах XIV–XVI вв. из Москвы, Твери, Новгорода, Старой Рязани [17, с. 328]. Похожие единичные экземпляры, датирующиеся XVII–XVIII вв., найдены в Новокузнецке, Иркутске, Тобольске [7, с. 422; 15, рис. 2, 30; 5, с. 202].

Таким образом, кресты публикуемой коллекции с поселения Кулаково III в основном датируются XVII–XVIII вв. и имеют аналогии в материалах из Восточной и Северной Европы, Европейской части России, Восточной и Западной Сибири. Собранный на поселении нумизматический материал и данные исторической картографии косвенно подтверждают эту дату.

В сводной таблице представлено количественное распределение крестов-тельников по типам и подтипам классификации В. И. Молодина.

Таблица. Типы и подтипы нательных крестов с поселения Кулаково III
Table. Typology of baptismal crosses from Kulakovo III

Тип	Количество	Подтип	Количество
Тип 1	5	Подтип 2	5
Тип 4	18	Подтип 1	5
		Подтип 2	2
		Подтип 3	6
		Подтип 5	4
		Подтип 6	1
Тип не определен (фрагмент)	2	–	–
Нестандартный тип	1	–	–

В заключение следует отметить, что кресты, найденные на территории поселения Кулаково III, очевидно, были отлиты в индивидуальных формах, поскольку отличаются деталями. Характерно отсутствие на памятнике штампованных крестов, что также присуще предполагаемому периоду существования поселения. Наличие в коллекции крестов-тельников, восходящих к более древним типам, могло быть в первую очередь обусловлено устойчивой религиозной традицией, что не исключает версии И. М. Бердникова о передаче не-

которых крестов по наследству [15, с. 176]. Впрочем, эта версия, равно как и допущение возможности изготовления крестов по старым образцам, предполагает сохранение у местного населения приверженности к родительской вере и близкой им дореформенной символике. Аналогии рассмотренным крестам в ставрографических материалах из северной и северо-восточной России соответствуют сведениям письменных источников о том, что русские старожилы Притомья преимущественно были выходцами из этих областей.

Литература

1. Боброва А. И. Нателные кресты с Тискинского могильника // Археология, этнография и антропология Евразии. 2004. № 4. С. 107–115.
2. Боброва А. И. Нателные кресты из могильников Прикетья // Культура русских в археологических исследованиях. Омск; Тюмень; Екатеринбург: Магеллан, 2014. Т. 1. С. 215–219.
3. Кромм И. Д., Бердников И. М. Выявление возможности датирования ставрографической коллекции Омского Прииртышья методом сравнительного анализа с материалами из некрополей г. Иркутска // Вестник Омского университета. 2012. № 4. С. 222–226.
4. Аношко О. М. Кресты-тельники из культурного слоя Тобольска // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. Омск: Омский институт (РГТЭУ), 2011. С. 259–267.
5. Балюнов И. В. Частная коллекция нателных крестов собранная в городе Тобольске и его окрестностях // Культура русских в археологических исследованиях. Омск; Тюмень; Екатеринбург: Магеллан, 2014. Т. 1. С. 200–203.
6. Татаурова Л. В. Нателные кресты как конфессиональный маркер (по археологическим материалам русского комплекса Изюк-I) // Гуманитарные науки в Сибири. 2016. Т. 23. № 2. С. 28–32.
7. Ширин Ю. В. Погребальный обряд христианских кладбищ Притомья XVII–XVIII вв. // Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии. Омск: Омский институт (РГТЭУ), 2011. С. 416–422.
8. Ширин Ю. В. Результаты археологических разведок в бассейне р. Абы // Из кузнецкой старины. 2012. Вып. 3. С. 11–33.
9. Ширин Ю. В. К проблеме этнической атрибуции южно-сибирских археологических комплексов нового времени в зоне расселения русских // Кузнецкая старина. 2006. Вып. 8. С. 25–36.
10. Марочкин А. Г., Сизёв А. С., Плац И. А., Конончук К. В. Археологическая разведка в Среднем и Нижнем течении р. Томи в 2016 г. // Ученые записки музея-заповедника «Томская Писаница». 2017. № 5. С. 67–76.
11. Миллер Г. Ф. Описание Томского уезда Тобольской провинции в Сибири в нынешнем его положении, в октябре 1734 г. Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Miller/text6.phtml?id=9713> (дата обращения: 20.09.2017).
12. Усков И. Ю. Ревизские сказки как источник по истории Среднего Притомья // Аборигены и русские старожилы Притомья. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2002. С. 153–175.
13. Колпакова Ю. В. Тексты молитв как составная часть иконографии средневековых нателных крестов // Псков, русские земли и Восточная Европа в XV–XVI вв. К 500-летию вхождения Пскова в состав единого русского государства: сборник трудов международной научной конференции (19–21 мая 2010). Псков, 2011. С. 28–341.
14. Молодин В. И. Кресты-тельники Илимского острога. Новосибирск: ИНФОЛИО, 2007. 248 с.
15. Бердников И. М. Кресты-тельники из раскопок некрополя Спасской церкви города Иркутска // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: история, филология. 2012. Т. 11. № 7. С. 164–178.
16. Колпакова Ю. В., Костючук Л. Я. Псковские нателные кресты с надписями XIV–XVII вв. (предварительные итоги наблюдений) // Вестник Псковского государственного университета. Серия: социально-гуманитарные науки. 2011. № 13. С. 119–137.
17. Винокурова Э. П. Металлические литые кресты-тельники XVII в. // Культура средневековой Москвы. XVII век. М.: Наука, 1999. С. 326–360.

COLLECTION OF BAPTISMAL CROSSES FROM THE ARCHEOLOGICAL SITE OF KULAKOVO III IN THE LOWER TOM' VALLEY

Alexandr S. Sizyov^{1, @1, *}, Lyubov N. Ermolenko^{2, @2, *}, Alexandr I. Solovyev^{3, @3, *}

¹ Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

² Historical cultural and natural museum-preserve "Tomskaya Pisanitsa", 5A, Tomskaya St., Kemerovo, Russia, 650000

³ Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Academy of Sciences, 17, Ac. Lavrentiev Ave., Novosibirsk, Russia, 630090

@1 asizyov@list.ru

@2 lyubov.ermolenko@mail.ru

@3 easoloviev@mail.ru

Received 23.10.2017. Accepted 29.03.2018.

Keywords: the Lower Tom', Kulakovo III, XVII–XVIII centuries, Baptismal crosses, staurography.

Abstract: The article presents the results of the study on staurographic material of the XVII–XVIII centuries from the settlement of Kulakovo III, a site that can presumably be identified with the village of Korchuganovo marked in the "Drafting Book (Atlas) of Siberia" by S. Remezov. The study introduces a collection of 26 metal baptismal crosses into scientific use; the authors offer a detailed description, typological characteristics and chronological attributions of the Christian cult objects under analysis, as well as identify their analogues in published studies. Most of the crosses discussed belong to type 4 according to the classification developed by V. I. Molodin, which is based on the materials of Eastern Siberia (Ilmsk stockaded town). These are specimens with detailed iconography and elements complementing the outline of the object – rays radiating from the cross bars, twin volutes surrounding the cross bars like a "wreath" or "tongues of flame" along the edges of the lower blade, etc. Morphological and iconographic analysis of the crosses indicates their individuality. The range of analogies to the crosses from Kulakovo III includes materials from northern and north-eastern Russia, which confirms the data from written sources about the initial territories of the migration of the Russian population in the Tom' region.

For citation: Sizyov A. S., Ermolenko L. N., Solovyev A. I. Kolleksiia natel'nykh krestov iz poseleniia Kulakovo III v Nizhnem Pritom'e [Collection of Baptismal Crosses from the Archeological Site of Kulakovo III in the Lower Tom' Valley]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2018): 50–59. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-50-59>.

References

1. Bobrova A. I. Natel'nye kresty s Tiskinskogo mogil'nika [Pectoral crosses from the Tiskinski cemetery]. *Arkheologiya, etnografiia i antropologiya Evrazii = Archeology, ethnography and anthropology of Eurasia*, no. 4 (2004): 107–115.
2. Bobrova A. I. Natel'nye kresty iz mogil'nikov Priket'ia [Burial Crosses from the burial sites of Priketye]. *Kul'tura russkikh v arkhologicheskikh issledovaniakh* [Russian culture in archeological research]. Omsk; Tyumen'; Ekaterinburg: Magellan, vol. 1 (2014): 215–219.
3. Kromm I. D., Berdnikov I. M. Vyavlenie vozmozhnosti datirovaniia stavrograficheskoi kollektsii Omskogo priirtysh'ia metodom sravnitel'nogo analiza s materialami iz nekropolei g. Irkutsk [On possibility of dating of crosses collection from Omsk Priirtyshje by the comparisons with materials from cemeteries of Irkutsk]. *Vestnik Omskogo universiteta = Bulletin of Omsk's university*, no. 4 (2012): 222–226.
4. Anoshko O. M. Kresty-tel'niki iz kul'turnogo sloia Tobol'ska [Pectoral crosses from Tobolsk's cultural layer]. *Kul'tura russkikh v arkhologicheskikh issledovaniakh: mezhdistitsiplinarnye metody i tekhnologii* [Russian culture in archeological research: interdisciplinary methods and technologies]. Omsk: Omskii institut (RGTEU), 2011, 259–267.
5. Baliunov I. V. Chastnaia kollektsiia natel'nykh krestov sobrannaia v gorode Tobol'ske i ego okrestnostiakh [Private collection of baptismal crosses found in the town of Tobolsk and its surroundings]. *Kul'tura russkikh v arkhologicheskikh issledovaniakh* [Russian culture in archeological research]. Omsk; Tyumen'; Ekaterinburg: Magellan, vol. 1 (2014): 200–203.

* The research was completed under Public Contract with Ministry of Education and Science of the Russian Federation No. 33.2597.2017/PP.

6. Tataurova L. V. Natel'nye kresty kak konfessional'nyi marker (po arkheologicheskim materialam russkogo kompleksa Iziuk-I) [Pectoral crosses as confessional markers (on archeological materials of Russian complex Izyuk-I)]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri = Humanities in Siberia*, no. 2 (2016): 28–32.
7. Shirin Iu. V. Pogrebal'nyi obriad khristianskikh kladbishch Pritom'ia XVII–XVIII vv. [Funerary rite of Christian cemeteries of the Tom' Region of XVII–XVIII centuries]. *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniakh: mezhdistsiplinarnye metody i tekhnologii* [Russian culture in archeological research: interdisciplinary methods and technologies]. Omsk: Omskii institut (RGTEU), 2011, 416–422.
8. Shirin Iu. V. Rezul'taty arkheologicheskikh razvedok v basseine r. Aby [Results of archeological reconnaissance on the river Aba]. *Iz Kuznetskoi stariny = From Kuznetsk old times*, no. 3 (2012): 11–33.
9. Shirin Iu. V. K probleme etnicheskoi atributsii iuzhno-sibirskikh arkheologicheskikh kompleksov novogo vremeni v zone rasseleniia russkikh [To the problem of ethnical attribution of South Siberian archeological complexes of New Epoch in Russian resettlement area]. *Kuznetskaia starina = Kuznetsk old times*, no. 6 (2006): 25–36.
10. Marochkin A. G., Sizev A. S., Plats I. A., Kononchuk K. V. Arkheologicheskaia razvedka v Srednem i Nizhnem techenii r. Tomi v 2016 g. [The archeological reconnaissance in Middle and Lower Tom Region in 2016]. *Uchenye zapiski muzeia-zapovednika «Tomskaia Pisanitsa» = Scientific notes of museum-preserve «Tomskaia Pisanitsa»*, no. 5 (2017): 67–76.
11. Miller G. F. Miller G. F. *Opisanie Tomskogo uezda Tobol'skoï provintsii v Sibiri v nyneshnem ego polozhenii, v oktiabre 1734 g.* [The description of Tomsk county of Tobolsk province in Siberia in the current state of affairs in October 1734]. Available at: <http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Miller/text6.phtml?id=9713> (accessed 20.09.2017).
12. Uskov I. Iu. Revizskie skazki kak istochnik po istorii Srednego Pritom'ia [Revizskie skazki as a source of history of Middle Tom Region]. *Aborigeny i russkie starozhily Pritom'ia* [Aborigines and Russian Old-times of Tom Region]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2002, 153–175.
13. Kolpakova Iu. V. Teksty molitv kak sostavnaia chast' ikonografii srednevekovykh natel'nykh krestov [Texts of prayers as a part of medieval iconography of pectoral crosses]. *Pskov, russkie zemli i Vostochnaia Evropa v XV–XVI vv. K 500-letiiu vkhozhdeniia Pskova v sostav edinogo russkogo gosudarstva: sbornik trudov mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (19–21 maia 2010)* [Pskov, Russian Lands and Eastern Europe in XV – XVII centuries. To the 500th anniversary of Pskov's entry into the united Russian state: Proc. Intern. Sc. Conf. (May 19–21 2010)]. Pskov, 2011, 328–341.
14. Molodin V. I. *Kresty-tel'niki Ilimskogo ostroga* [Pectoral crosses of Ilimsk stockade town]. Novosibirsk: INFOLIO, 2007, 248.
15. Berdnikov I. M. Kresty-tel'niki iz raskopok nekropolia Spasskoi tserkvi goroda Irkutsk [The pectoral crosses found during the excavation of the church of Savior's necropolis in Irkutsk]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Novosibirsk State University*, 11, no. 7 (2012): 164–178.
16. Kolpakova Iu. V., Kostiuchuk L. Ia. Pskovskie natel'nye kresty s nadpisiami XIV–XVII vv. (predvaritel'nye itogi nabludeniia) [Pskov baptismal crosses with inscriptions of XIV – XVIII centuries (preliminary research results)]. *Vestnik pskovskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Pskov State University*, no. 13 (2011): 119–137.
17. Vinokurova E. P. Metallicheskie litye kresty-tel'niki. XVII vek [Metal cast pectoral crosses of XVII century]. *Kul'tura srednevekovoi Moskvy. XVII vek* [Culture of medieval Moscow in 17th century]. Moscow: Nauka, 1999, 326–360.

УДК 09+93

«ТО, ЧТО ГОТОВЯТ РОССИИ ТЕОРИИ»: ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ СТОРОНЫ ЗАПАДНОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ В РУССКОЙ ПРЕССЕ ВРЕМЁН НИКОЛАЯ I

Илья М. Старцев¹. @

¹ Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова, 163002, Россия, г. Архангельск, набережная Северной Двины, 17

@iljastarcev@gmail.com

Поступила в редакцию 18.04.2018. Принята к печати 09.06.2018.

Ключевые слова:

Николай I, либерализм, моральные ценности, религия, консерватизм, коммерциализация литературы, Запад.

Аннотация: В статье рассматривается образ Запада в русской прессе эпохи Николая I. При рассмотрении образа Запада акцент делается на негативных тенденциях, которые русская пресса обнаруживала в современной западной жизни. Одним из главных предметов критики был парламентаризм. Парламентский строй критиковался за слабость и невозможность проведения последовательной политики. Также русские журналы критиковали Запад за отказ от традиционных ценностей и отход от религии. Отход от религиозной нравственности во Франции и других странах воспринимался как причина упадка культуры. Капитализм критиковался русскими журналами с моральной точки зрения. Коммерциализация жизни вкупе с упадком нравственности воспринималась как главная причина упадка западно-европейской литературы. В заключение делается вывод о том, что все тенденции, замеченные русской прессой в западной жизни, начали себя проявлять в России ещё в конце правления Николая I, а в эпоху Александра II стали публичными.

Для цитирования: Старцев И. М. «То, что готовят России теории»: отрицательные стороны западного образа жизни в русской прессе времён Николая I // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 2. С. 60–67. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-60-67>.

Сергей Уваров, вступив на пост министра народного просвещения Российской империи, сформулировал своё кредо следующим образом: «Если мне удастся отодвинуть Россию на пятьдесят лет от того, что готовят ей теории, то я исполню мой долг и умру спокойно». Чтобы понять, насколько результативна была его политика, надо прежде всего определиться с тем, что такого «готовили России теории». Это можно узнать, обратившись к русской прессе времён Николая I.

Вынесенные в заголовок данной статьи определения того, что критиковала русская пресса, во многом условны. Критике подвергалось общество, которое мы бы сейчас назвали «западным», однако, если приглядеться к терминологии 1820–1850-х гг., мы почти не увидим Запада в современном значении, и уж тем более не Запад является предметом критики. Безусловно, определение Европы и Запада как региона и как «цивилизации» (допустим этот термин, хотя он тоже малоприменим к реалиям николаевской эпохи), как некоего стиля жизни бытовало в России ещё с XVIII столетия, чему служил примером хотя бы журнал «Вестник Европы» Н. И. Карамзина. Но, во-первых, если мы рассмотрим, кого подвергали критике, то получится, что критиковался далеко не весь Запад. Понятие «Западная Европа» в те времена имело достаточно чёткие границы – включая в себя Францию, Швейцарию, Австрийскую империю, Пруссию, остальные государства Германского союза, Бельгию и Нидерланды [1]. Таким образом, в состав тогдашнего Запада входили государства, которые сейчас отно-

сятся к Западной, Центральной и «старой» Восточной Европе – от Бискайского залива до Карпат, при этом не включая в себя Испанию, Италию и Скандинавию. Если мы посмотрим на то, какие страны в первую очередь подвергались критике, то увидим, что критиковались порядки Англии и Франции, в то время как большая часть западноевропейских государств (прежде всего, государств германских) не подвергалась подобным оценочным суждениям (да и вообще внимания к этому региону было намного меньше, чем к Франции и Великобритании).

Во-вторых, важно, что отношение к Западу в первой половине XIX столетия не было антагонистическим. Россия воспринималась как часть Запада. Конечно, с 1840-х гг. начинаются дискуссии о неких изначальных принципиальных отличиях европейского пути от русского. (Здесь можно выделить статью С. П. Шевырёва «Взгляд русского на образование Европы», напечатанную в «Москвитянине» в 1841 г. [2], или же статью А. А. Краевского, открывавшую первый номер «Отечественных записок»). Авторы делали упор на то, что психологию народа и, соответственно, его историческое развитие определяет религия – так, С. П. Шевырёв делил Европу на католическую и протестантскую – со своими особенностями, но в равной степени противопоставлял им православную Россию (нельзя не отметить, что на подобном подходе основаны и взгляды П. Я. Чаадаева). Но если в целом взглянуть на образ Запада в русской прессе николаевского времени, получится, что прямого противопоставления

Запада и России на тот момент не наблюдалось. Отношение к Западу того времени можно сформулировать фразой Ф. И. Тютчева из письма к П. А. Вяземскому от марта 1848 года: «Мы принуждены именовать Европой то, что не должно иметь другого имени, кроме «Цивилизация» [3, с. 285]. Западная Европа воспринималась как центр «всемирного просвещения» [4], наиболее передовых научных технологий и веяний культуры. Запад задавал некий стандарт просвещения и культуры, к которому должны были стремиться остальные страны. Даже в программной статье «Москвитянина», написанной М. П. Погодиным [5], не отрицалось влияние западноевропейского просвещения на формирование России как современной великой державы. Для Погодина было нормой отсчитывать эпоху современной России от Петра I. Он считал, что Россия пошла своим собственным, отличным от западноевропейского путём только со времён Николая I. Выбор именно такого временного промежутка неслучаен, ведь именно с царствования Николая I между Россией и Западной Европой начинает увеличиваться трещина – главным образом идеологическая. После Великой Французской революции в европейской жизни появляются элементы, которых русская консервативная пресса не переваривала.

Либерализм и политическая слабость

Прежде всего, речь пойдёт о либерализме и изменениях, произведённых в политической и социальной жизни Англии и Франции. Здесь снова необходимо отметить, что характеристики «либеральные» и «демократические» применительно к политическим изменениям в Западной Европе несколько условны. Конечно, термин «либерализм» как политическое течение в тогдашней Европе вполне был в ходу, в частности, так называла себя конституционалистская оппозиция (во время Великих реформ термин сменится на «прогрессисты»). Однако в русской прессе в описании событий во Франции или других странах этот термин применялся далеко не всегда. Чаще употреблялись описательные определения типа «рыцари свободы» (в ироничном ключе) [6, с. 228], «конституционалисты», «оппозиция» – когда говорилось о сторонниках реформ. К революционерам применялась терминология типа «радикалы», «анархисты» или просто «бунтовщики». Причём стоит отметить, что к революционерам, действующим под прогрессистскими лозунгами (либеральными или социалистическими), отношение было в целом отрицательным в отличие от бунтов легитимистов. Единственным исключением здесь может служить гражданская война в Португалии, где симпатии русской прессы были на стороне императора Бразилии Педро, а не ультраконсерватора регента Мигеля. В основе подобного отношения лежит идеология монархизма и легитимизма, однако оно обосновывалось вполне конкретными недостатками, которые русские журналисты находили в порядках, привнесённых революцией.

Наиболее часто ругали Францию – по понятным причинам она воспринималась как источник всех волн революции. Стоит отступить немного назад и вспом-

нить, что одно из первых определений того, чем вредна революция, дал как раз С. С. Уваров ещё в 1814 г. в статье «Император Всероссийский и Бонапарт», опубликованной в «Сыне Отечества» [7]. В ней позиция Уварова такова – революция в целом была попыткой улучшить систему европейских государств, но попыткой наивной, ибо на вулкане прочное здание не построишь. Попытки же реформ «на вулкане» привели к хаосу, общему ухудшению дел и, как следствие, к тирании, обещавшей все поправить. Итоги же 20 лет войн Уваров, как ни странно, оценивал скорее положительно – народы «почувствовали свою силу», поэтому пути назад к тирании быть не может. По его мнению, будущее было за конституционными монархиями английского образца, уравнивающими законность и свободу. При этом конституции должны были даваться «сверху», а не «снизу». Интересно, что почти те же выводы сделал из произошедшего в Европе декабрист П. И. Пестель [8, с. 118].

Данный посыл сохраняется и в дальнейшем. Именно как пытающаяся что-то «строить на вулкане» критиковалась Июльская монархия во Франции. Луи-Филиппа больше критиковали не за его «незаконность» и даже не за буржуазный стиль жизни (хотя такие нападки тоже случались [9]), а за его внутреннюю политику. О короле Франции писали как о человеке слабом, отдавшем страну во власть хаоса, когда всё подчинено парламенту, а король фактически не имеет власти. Как писал по этому поводу С. П. Шевырёв в 1841 г., «король томится, словно в клетке, в Елисейском дворце» [10, с. 358]. При этом отмечалось, что традиционная опора власти в любом нормальном государстве – родовая аристократия в лице Палаты Пэров – также лишена всяческого влияния. Палата же депутатов Франции виделась состоящей из продажных ораторов, не способных договориться меж собой. Таким образом, возникала, по словам М. П. Погодина, серия быстрых шахматных игр, где «пешки постоянно проходят в ферзи, а королю все время мат» [11, с. 119]. Постоянно сталкиваются между собой узкопартийные корыстные и (или) идеологические интересы, а об интересах страны никто не думает.

В 1840–1850-е гг. даже конституционная монархия Великобритании стала критиковаться за подкуп избирателей и хаос во время выборов. В 1840 г. официальный «Военный журнал» даёт следующую характеристику парламентаризму: «одно сословие овладевает, правит, и разделяет между собой должности; другое, столь же жадное, шумит, вопиет против злоупотреблений, выступает против действующей власти, ... а, заступив на её место, поступает не лучше» [12, с. 117]. В 1852 г. «Сын отечества» критикует «слабость парламента и зависимость всех дел от влияний, которыми не всегда управлять можно» [13, с. 81–83], а также стычки и беспорядки на выборах, достойные скорее «дикарей-людоедов, нежели жителей просвещённого Альбиона» [13, с. 84].

Можно сделать вывод, что именно из таких взглядов на парламентаризм рождается образ парламента как «говорильни», озвученный позже К. П. Победонос-

цевым. Именно страх перед парламентской анархией привёл к провалу проекта «конституции Лорис-Меликова» в 1881 г. [14, с. 22–26]. Именно отношение к парламентской форме правления как к разносику хаоса привело к тому, что российские власти выступали против введения конституции.

В этом отношении интересно, что когда во Франции к власти пришёл Луи-Наполеон Бонапарт, то отношение к стране изменилось в лучшую сторону. Это было заметно и на уровне государственном – и Луи-Наполеон, и Николай I благожелательно (до Крымской войны) отзывались друг о друге [15, с. 181; 16, с. 7–18]. Оценки русской прессы позволяют понять, что в Луи-Наполеоне видели сильного правителя, способного вывести Францию из хаоса. Так, уже в начале 1852 г., обозревая первые шаги недавно вступившего в должность «принца-президента», в «Сыне отечества» писали: «нет оппозиции, нет препятствий ... Правительство будет иметь совершенную свободу действий ... это и было нужно для Франции ... Подождём плодов этой системы, и пожелаем Франции достигнуть спокойствия, благосостояния и благоразумной свободы» [17, с. 32]. О Луи-Наполеоне говорили как о «хорошем республиканском лидере», наконец-то наведшем порядок во Франции. «Сын отечества» радовался тому, что «сила и искусство Президента оттолкнули многих от либеральных идей» [18, с. 75], «французы охладели к (прим. автора: избирательным) правам, которыми ранее дорожили» [13, с. 51].

Отдельную тему являла свобода слова. Ситуация времён Июльской монархии, когда существовало большое количество оппозиционной прессы, которая порой очень жёстко критиковала правительство и открыто сочувствовала участникам восстаний [19, с. 792–808], в России воспринималась как неправильная. Репрессии принца-президента против оппозиционной прессы подавались как позитивная мера: «Франция обязана спокойствием (прим. автора: принятым мерам) строгости против журналов» [18, с. 87]. На утверждение бельгийской газеты *Independence Belge* о том, что «политика во Франции умерла», «Сын Отечества» отвечал: «Франции необходим отдых, развитие общественного благосостояния под сенью законной власти» [20].

Частью свободы слова были публичные судебные процессы во Франции. Русские журналисты не уставали возмущаться «мягкими» приговорами парижских судов, когда, по словам М. П. Погодина, «Помиловали отцеубийцу только из-за того, что ему не удалось совершить убийство, хотя это была не первая попытка!» [9, с. 443]. Сам факт публикации судебных приговоров в газетах также сначала шокировал, но потом их начали перепечатывать и русские издания. Первым русским журналом, который завёл рубрику «Судебные случаи», стал «Современник». Изначальная цель была в том, чтобы познакомить русского читателя с юридической системой Франции. Но позже судебно-процессуальные аспекты отошли на второй план. Интерес для читателя определённо стала представлять сама уголовная хроника – прообраз будущего интереса к детективу [21, с. 294–306]. Сначала публиковали сю-

жеты из французских газет, потом из других стран Европы, а уже после Великих реформ популярной стала русская судебная хроника.

Судебная система представляет собой переход между сферой политического и частной жизнью. В культуре и быту западных государств также появились нововведения, которые резко критиковались русской прессой.

Безбожие и аморальность

Одним из последствий Просвещения русская пресса называла (что отчасти соответствовало действительности) упадок морали и религиозности европейского общества.

Стоит отметить сразу, что данный элемент критики наименее из всех можно считать критикой Европы как таковой. В безбожии прежде всего обвинялась революционная Франция. Так, для М. П. Погодина, путешествовавшего по Франции в 1839 г., обезглавленные статуи святых в Пантеоне / храме Святой Женевиевы выступали одним из символов революции [9, с. 450]. В то же время англичан считали народом вполне религиозным, и чопорность уже тогда начала становиться стереотипом восприятия этой нации. Об «английском воскресенье», посвящённом молитвам, в России было принято писать с иронией. Что же касается католицизма, то за пределами Франции католическая религиозность считалась даже чрезмерной, тормозящей Просвещение (здесь наиболее ярким негативным примером служила Италия вообще и папский Рим в частности). Вопрос о безбожии за пределами Франции возник только во время революции 1848 г., когда «безбожными анархистами» называли венгерских повстанцев. Но даже тут русская пресса не показывала венгерское общество в целом безбожным, обвиняя в этом (и то отчасти) только лишь аристократию, устроившую восстание [22]. Таким образом, атеизм считался присущим одной конкретной стране, но склонным к расползанию и от этого опасным.

С точки зрения русской прессы, условия политического либерализма и отказа от религии привели к тому, что у французов исчез некий стержень, важный для поведения. Теперь парижане, а именно по ним судили в России о всех французах вообще, воспринимались пустившимися во все тяжкие. Жители французской столицы изображались людьми, занятыми прежде всего погоней за деньгами и удовольствиями.

Хорошее и вполне способное отобразить точку зрения большинства русских журналов описание Парижа дается в «Письмах из Парижа русской дамы», помещённых в № 39 журнала «Современник» за 1845 г. Анонимный автор-путешественница замечает, что у парижан «нет искренних убеждений, нет постоянства. Жизнь дня, ощущение минуты, страсти партий, борьба правительства и оппозиции, многоречие и противоречие журналов, болтовня гостиных, деятельность для денег, движение из выгод промышленности, изобретательность спекуляций – как трудно из этого омуты выходить ясному, великому!» [23, с. 116]. Обратим внимание, что основные претензии к парижанам – это непостоянство, отсутствие твердых убеждений и стяжательство, жизнь

для денег. Также частый термин, применявшийся к французской жизни – «разврат», вызванный погоней за удовольствиями. Термин «разврат» мог описывать французскую жизнь как в почти доброжелательном ключе – например, у М. П. Погодина Париж «любезный, умный, буйный, веселый, развратный» [24, с. 77], так и в негативном – как в случае с оценками французской культуры.

Разумеется, в первую очередь в развратности обвиняли парижан. Жители Нормандии, согласно «Живописному обозрению», «живут в патриархальной простоте» [25, с. 109], не ведая соблазнов и потрясений, известных Парижу, потому что «занимаются промышленностью первобытной». Крестьяне, работающие на себя, не столько гонятся за прибылью, сколько стараются привести землю вокруг себя «в цветущее состояние» [26, с. 148]. Столь же проста и гармонична жизнь лодочников на Роне и других жителей французской сельской глуши, живущих вдалеке от Парижа с его соблазнами и оставшихся в «первобытном состоянии».

Положительным примером сохранения нравственности также служили англичане. Русская пресса обращала внимание на благонравное поведение англичан в семейной жизни – например, на то, что их девушки «европейски воспитаны, но удалены от одуряющего шума европейской жизни» [27, с. 189]. Такая характеристика напрямую отсылала идеализированный образ английской девушки к тем требованиям, которые предъявлялись и к дворянской девушке в России [28, с. 11–92].

В целом русские журналы представляли французское общество погрязшим в разврате и явно противопоставляли французские порядки ситуации в России. Однако стоит отметить, что подобный положительный образ России вызван сугубо цензурными ограничениями. В непубличных документах – таких как отчёты Третьего отделения – мы видим на русской почве полный набор всего того, за что критиковали Запад [29].

Погоня за деньгами

Если говорить о капитализме в целом, то он воспринимался ещё одним ключевым недостатком западной жизни. Говоря о восприятии русской прессой капиталистических отношений, стоит заметить одну вещь. Сами по себе капиталистические отношения, предпринимательская деятельность, торговля, промышленность (в русском языке того времени слово, производное от «промысла», т.е. по определению подразумевавшее в себе нечто, связанное с частной инициативой) были предметом гордости для русской прессы, с восторгом отмечавшей, в частности, что «Нижегородская ярмарка превосходит крупнейшие ярмарки Германии». Примерно в таком же в позитивном ключе описывалась предприимчивость американцев. В 1850-е гг. имя американского театрального предпринимателя Ф. Барнума было широко известно в России, русская пресса много писала о его действиях. Предприятия и спекуляции жителей США описывались преимущественно в сочувственном ключе, где ирония соединялась с некоторым восхищением по поводу американской предприимчивости. Здесь,

возможно, свою роль играло то, что американцев воспринимали «молодой нацией», которая ещё только ищет свой путь.

Конфликт состоял в другом – в том, насколько дух торгашества и наживы должен входить в обычную жизнь. Здесь стоит обратить внимание на фигуру Д. Бентама. Бентам, автор теории утилитаризма, выступал в глазах русских публицистов олицетворением нарождавшейся европейской буржуазности в худшем понимании. Прямо Бентам выступает в такой роли в повести В. Ф. Одоевского «Город без имени» [30], где описана гибель цивилизации, взявшей за основу идеи Бентама и поставившей рационализм и выгоду выше морали и духовности. В повести Одоевского часто видят сатиру на Англию того времени, в таком ключе её анализирует Н. А. Ерофеев [31]. Такую трактовку мы считаем несколько узкой. Безусловно, Англия как страна наиболее активной капиталистической деятельности часто критиковалась. Достаточно вспомнить хотя бы описание Лондонской биржи как «храма золотого тельца». Однако отметим, что Одоевский в своей повести ставит вопрос об упадке и деградации культуры и морали, что как раз в религиозной викторианской Англии не замечалось. Негативные примеры английского капитализма стали появляться только в 1840-х гг., не в последнюю очередь из-за популярности работ Ч. Диккенса.

Наиболее часто примеры того, как «жёлтый дьявол» развращает людей и культуру, поступали опять-таки из Франции. Здесь речь шла об упадке культуры в комплексе. Так, в «Современнике» писали, что после 1789 г. во Франции нельзя найти нормального повара [32, с. 61–62]. Но чаще всего центром критики становилась ситуация во французской литературе. Это неудивительно – большинство русских журналов издавались писателями и воспринимали они себя, прежде всего, как литературные. Для русских писателей того времени вопрос коммерциализации литературы стоял достаточно остро, и дискуссии о том, может ли писатель работать ради денег, продолжались на протяжении всего периода [21, с. 84–100]. Ситуация во Франции служила здесь главным негативным примером.

Алчность и стремление к наживе – вот то, в чем обвиняли французское искусство того времени. Французское искусство эпохи романтизма считали в целом спорным и до Июльской Революции. Много шума наделала публикация в 1829 г. мемуаров палача Ш. Сансона, которые «Литературная газета» Дельвига признала аморальными [33]. Позже подобную же реакцию вызвала публикация мемуаров каторжника и основателя французской полиции Э. Видока. С точки зрения русской прессы, когда революция ликвидировала барьеры в виде государственной религиозности и цензуры, положение во французской культуре изменилось к худшему. Бедность французских писателей (в «Москвитянине» даже печатался анекдот о воре, залезшем в квартиру известного французского писателя и не нашедшем там ни гроша) и их тщеславие – «много маленьких наполеонов», по версии русской прессы, приводит к тому, что для достижения популярности

писатели не гнушаются ничем. В итоге создаётся то, что наиболее привлекает публику – произведения, полные крови и «разврата». Н. И. Надеждин в «Телескопе» в 1834 г. так характеризует современный ему французский театр: «Каждый вечер, на изящных зрелищах образованной нации, являются одни только гнусности». То, что создается во Франции эпохи романтизма, характеризуется словами «ужасы» (применительно к живописи) и «разврат» (применительно к литературе) [10, с. 361]. Лучшие французские писатели того времени – В. Гюго и А. Дюма – «имеют более таланта, чем вкуса, бегут на ложное поприще молвы», порождая после 1830 г. литературных «чудовищ» [34, с. 119–120]. Автор бульварных романов Поль де Кок является «одним из самых невинных французских писателей» [35, с. 36].

Поэтому в описании культурной жизни Франции всячески подчеркивалось, что в России ситуация намного лучше. Особенно это показывает статья С. П. Шевырева «Визит к Бальзаку» [10], написанная в форме полунтервью, где автор в разговоре с писателем доказывает, что в России и писатели, и преподаватели университетов независимы (от общественного мнения) и получают больше, чем аналогичные деятели Франции. Вообще, отношение Шевырева к свободе творчества здесь проявляется очень хорошо. С его точки зрения, цензура в России только полезна, ибо лишь отсекает проявления разврата, в то время как капиталистические и «мнимые» свободы Франции приводят к полной зависимости творца от общественного мнения, которое в принципе лишает его творческой свободы, заставляя потакать самым мрачным потаенным желаниям публики – даже такой «развратной», как французы.

Подобные тенденции пугают русских писателей. В 1842 г. «Современник» публикует написанную в 1834 г.

повесть Н. В. Гоголя «Портрет» [36], где описывается перерождение талантливого русского живописца под влиянием жадности денег, усиленной бедностью и волшебным портретом (правда, итальянским, а не французским). Это был один из первых примеров страха того, что в России может произойти коммерциализация искусства, подобная западной. Во второй половине XIX в., когда это реально произошло и появился рынок литературы, «роман писательского краха» стал одним из поджанров [21, с. 17–330]. (А. И. Рейнтблат называет первым образцом такого поджанра «Тысячу душ» А. Ф. Писемского, вышедшую в 1858 г., т. е. сразу после окончания николаевского царствования [21, с. 320]).

Таким образом, мы видим, что русскую прессу в новейших тенденциях Запада более всего пугал политический хаос, атеизм и всевластие денег. С этой точки зрения заметно, что никаких 50 лет С. С. Уваров России не дал. Из всех «опасных тенденций» значительно задержать удалось только политическое развитие и конституционализм, и то Россия увидела нечто подобное политической борьбе в Июльской монархии с началом Великих реформ. Попытки же остановить секуляризацию мышления и коммерциализацию культуры и вовсе окончились полным провалом – «нигилизм» и капитализм начали проявлять себя в России уже в конце 1840 – начале 1850-х гг., а к началу Великих реформ Россия мало отличалась в этом плане от своих европейских соседей. Однако прессе удалось сформулировать (или поддержать) мнение о том, что либерализм, капитализм и атеизм являются чем-то неправильным в развитии. После того, как в 1860-е гг. возобладали концепция России как особой цивилизации [37], эти принципы стали уже играть роль политических факторов, определив дальнейшее направление русской общественной мысли.

Литература

1. Статистическая таблица военно-сухопутных сил Европы, составленная Бальби // Военный журнал, по Высочайшему Его Императорского Величества соизволению издаваемый военно-учёным комитетом. 1832. № 5. С. 146–148.
2. Шевырев С. П. Взгляд Русского на образование Европы // Москвитянин. 1841. Ч. 4. С. 219–296.
3. Тютчев Ф. И. Стихотворения. Письма. Воспоминания современников. М.: Правда, 1988. 481 с.
4. Одоевский В. Ф. 4338-й год // Русская фантастическая проза эпохи романтизма (1820–1840 гг.). Л.: Издательство Ленинградского университета, 1991. С. 367–399.
5. Погодин М. П. Пётр Великий // Москвитянин. 1841. Ч. 1. С. 1–15.
6. Политические и другие происшествия. Франция // Вестник Европы. 1827. № 7. С. 228.
7. Уваров С. С. Император Всероссийский и Бонапарт // Сын Отечества. 1814. Ч. XV. С. 82–87.
8. Пестель П. И. Русская правда. 2 редакция // Восстание декабристов. Документы. «Русская правда» П. И. Пестеля и сочинения, ей предшествующие. М.: Госполитиздат, 1958. Т. VII. С. 116–187.
9. Погодин М. П. Месяц в Париже. Ч. 2 // Москвитянин. 1841. Ч. 1. С. 47–448.
10. Шевырев С. П. Визит к Бальзаку // Москвитянин. 1841. Ч. 2. С. 358–383.
11. Погодин М. П. Месяц в Париже. Ч. 1 // Москвитянин. 1841. Ч. 1. С. 76–130.
12. Взгляд на нынешнее состояние военных флотов Великобритании, Франции и Северо-Американских Соединенных Штатов (извлечено из Revue Britannique 1839 года) // Военный журнал, по Высочайшему Его Императорского Величества соизволению издаваемый военно-учёным комитетом. 1840. № 6. С. 95–122.
13. Иностранные известия // Сын отечества. История, политика, словесность, науки и художества. 1852. № 7.
14. Соловьев К. А. Хозяин земли Русской? Самодержавие и бюрократия в эпоху модерна. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 296 с.
15. Гордин Я. А. Николай Первый без ретуши. СПб.: Амфора, 2013. 543 с.

16. Черкасов П. П. Александр II и Наполеон III. Несостоявшийся союз (1856–1870). М.: Товарищество научных изданий КМК, 2015. 450 с.
17. Иностранные известия // Сын отечества. История, политика, словесность, науки и искусства. 1852. № 3.
18. Иностранные известия // Сын отечества. История, политика, словесность, науки и искусства. 1852. № 4.
19. Мильчина В. А. Париж в 1814–1848 годах: повседневная жизнь. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 944 с.
20. Иностранные известия // Сын отечества. История, политика, словесность, науки и искусства. 1852. № 9.
21. Рейнтблат А. И. От Бовы к Бальмонту и другие работы по исторической социологии русской литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 448 с.
22. Иностранные известия // Сын отечества. История, политика, словесность, науки и искусства. 1852. № 8. С. 65–69.
23. Письма из Парижа русской дамы // Современник. 1845. № 39. С. 113–146, 264–288.
24. Погодин М. П. Еще 2 недели в Париже // Москвитянин. 1841. № 3. С. 50–77.
25. Жители Нормандии // Живописное обозрение достопамятных предметов из наук, искусств, художеств, промышленности и общежития, с присовокуплением живописного путешествия по земному шару и жизнеописаний знаменитых людей. 1837. № 3. С. 107–110.
26. Нормандский мызник // Живописное обозрение достопамятных предметов из наук, искусств, художеств, промышленности и общежития, с присовокуплением живописного путешествия по земному шару и жизнеописаний знаменитых людей. 1837. № 3. С. 147–149.
27. Письмо иногороднего подписчика об английской литературе и журналистике // Современник. 1853. № 41. С. 177–194.
28. Шокарева А. Дворянская семья: культура общения. Русское столичное дворянство первой половины XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 304 с.
29. Абакумов О. Ю. Третье отделение на страже нравственности и благочиния. Жандармы в борьбе со взятками и пороком. 1826–1866 гг. М.: Центрополиграф, 2017. 319 с.
30. Одоевский В. Ф. Город без имени // Русская фантастическая проза эпохи романтизма (1820–1840 гг.). Л.: Издательство Ленинградского университета, 1991. С. 352–367.
31. Ерофеев Н. А. Туманный Альбион: Англия и англичане глазами русских, 1825–1853 гг. М.: Наука, 1982. 320 с.
32. Роскошь стола в отношении к цивилизации // Современник. 1853. Т. 3. Ч. 6. С. 46–66.
33. Иностранная литература. Смесь // Литературная газета. 1830. № 5.
34. Французские драматурги, судимые английскими критиками // Телескоп. 1834. № 18. С. 116–130.
35. Актриса и писатель, роман Поль-де-Кока // Современник. 1848. № 10. С. 36–40.
36. Гоголь Н. В. Портрет // Гоголь Н. В. Избранные сочинения. М.: Художественная литература, 1984. Т. 1. С. 430–475.
37. Тесля А. А. Первый русский национализм и другие. М.: Европа, 2014. 280 с.

"WHAT THEORIES WILL BRING TO RUSSIA": THE NEGATIVE ASPECTS OF THE WESTERN WAY OF LIFE IN THE RUSSIAN PRESS OF THE TIMES OF NICHOLAS I

Ilya M. Startsev¹, @

¹ Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, 17, Northern Dvina quay, Arkhangelsk, Russia, 163002

@iljastarcev@gmail.com

Received 18.04.2018. Accepted 09.06.2018.

Keywords:

Nicolay I, moral values, commercialization of literature, Conservatism, Liberalism, the West.

Abstract:

The article examines the image of the West in the Russian press of the era of Nicholas I. When considering the image of the West, the emphasis is on negative trends that the Russian press found in modern Western life. One of the main subjects of criticism was parliamentarism. The parliamentary system was criticized for its weakness and inability to pursue a consistent policy. Also, Russian magazines criticized the West for abandoning traditional values and deviating from religion. The departure from religious morality in France and other countries was perceived as a cause of cultural decline. Capitalism was criticized by Russian journals from the moral point of view. The commercialization of life, coupled with the decline of morality, was seen as the main reason for the decline of Western European literature. It is concluded that all trends

spotted by the Russian press in Western life began to manifest themselves in Russia at the end of the reign of Nicholas I and became public in the era of Alexander II.

For citation: Startsev I. M. «To, chto gotoviat Rossii teorii»: otritsatel'nye storony zapadnogo obraza zhizni v russkoi presse vremen Nikolaia I ["What Theories will Bring to Russia": the Negative Aspects of the Western Way of Life in the Russian Press of the Times of Nicholas I]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2018): 60–67. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-60-67>.

References

1. Statisticheskaya tablitsa voenno-sukhoputnykh sil Evropy, sostavlennoy Bal'bi [Balbi's statistic table of European military]. *Voennyi zhurnal, po vysochaishemu Ego Imperatorskogo Velichestva soizvoleniiu izdavaemyi voenno-uchenym komitetom* = *Military magazine, according to His Imperial Majesty's highest resolution issued by the Military Scientific Committee*, no. 5 (1832): 146–148.
2. Shevyrev S. P. Vzgliad Russkogo na obrazovanie Evropy [Russian view to the European Enlightenment]. *Moskvitianin* = *Moskovite*, part 4 (1841): 219–296.
3. Tiutchev F. I. *Stikhotvoreniia. Pis'ma. Vospominaniia sovremennikov* [Poems. Letters. Memoirs of contemporaries]. Moscow: Pravda, 1988, 481.
4. Odoevskii V. F. 4338-i god [Year 4338]. *Russkaya fantasticheskaya proza epokhi romantizma (1820–1840 gg.)* [Russian fantastic prose of the Romantic era (1820–1840)]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1991, 367–399.
5. Pogodin M. P. Petr Velikii [Peter the Great]. *Moskvitianin* = *Moskovite*, part 1 (1841): 1–15.
6. Politicheskie i drugie proisshestiia. Frantsiia [Political and other events. France]. *Vestnik Evropy* = *Herald of Europe*, no. 7 (1827): 228.
7. Uvarov S. S. Imperator Vserossiiskii i Bonapart [Russian Emperor and the Bonaparte]. *Syn Otechestva* = *Son of the Fatherland*, part XV (1814): 82–87.
8. Pestel' P. I. Russkaya Pravda [Russian Law]. *Vosstanie dekabristov. Dokumenty. «Russkaya Pravda» P. I. Pestelia i sochineniia, ei predshestvuiushchie* [Decembrist revolt. Documentation. "Russian Truth" P. I. Pestel and the works that preceded it]. Moscow: Gospolitizdat, 1958, 116–187.
9. Pogodin M. P. Mesiats v Parizhe. Ch. 2 [A Month in the Paris. Part 2]. *Moskvitianin* = *Moskovite*, part 1 (1841): 47–448.
10. Shevyrev S. P. Vizit k Bal'zaku [A Visit to Balzac]. *Moskvitianin* = *Moskovite*, part 2 (1841): 358–383.
11. Pogodin M. P. Mesiats v Parizhe. Ch. 1 [A Month in the Paris. Part 1]. *Moskvitianin* = *Moskovite*, part 1 (1841): 76–130.
12. Vzgliad na nyneshnee sostoianie voennykh flotov Velikobritanii, Frantsii i Severo-Amerikanskikh Soedinennykh Shtatov (izvlecheno iz Revue Britannique 1839 goda) [View of the modern fleets of the UK, France and the USA (from Revue Britannique)]. *Voennyi zhurnal, po vysochaishemu Ego Imperatorskogo Velichestva soizvoleniiu izdavaemyi voenno-uchenym komitetom* = *Military magazine, according to His Imperial Majesty's Highest Resolution issued by the Military-Scientific Committee*, no. 6 (1840): 95–122.
13. Inostrannye izvestiia [Foreign News]. *Syn otechestva. Istoriia, politika, slovesnost', nauki i khudozhestva* = *Son of the Fatherland. Istoriia, politika, slovesnost', nauki i khudozhestva*, no. 7 (1852).
14. Solov'ev K. A. Khoziai zemli Russkoi? Samoderzhavie i biurokratiia v epokhu moderna [Master of Russia? Autocracy and Bureaucracy at the Age of Modern]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017, 296.
15. Gordin Ia. A. Nikolai Pervyi bez retushi [Nicolas I without retouch]. Saint-Petersburg: Amfora, 2013, 543.
16. Cherkasov P. P. Aleksandr II i Napoleon III. Nesostoiavshiisya soiuz (1856–1870) [Alexander II and Napoleon III. The unfulfilled alliance.]. Moscow: Tovarishestvo nauchnykh izdaniy KMK, 2015, 450.
17. Inostrannye izvestiia [Foreign News]. *Syn otechestva. Istoriia, politika, slovesnost', nauki i khudozhestva* = *Son of the Fatherland. Istoriia, politika, slovesnost', nauki i khudozhestva*, no. 3 (1852).
18. Inostrannye izvestiia [Foreign News]. *Syn otechestva. Istoriia, politika, slovesnost', nauki i khudozhestva* = *Son of the Fatherland. Istoriia, politika, slovesnost', nauki i khudozhestva*, no. 4 (1852).
19. Mil'china V. A. *Parizh v 1814–1848 godakh: povsednevnaia zhizn'* [Everyday life in 1814–1848 Paris]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013, 944.
20. Inostrannye izvestiia [Foreign News]. *Syn otechestva. Istoriia, politika, slovesnost', nauki i khudozhestva* = *Son of the Fatherland. Istoriia, politika, slovesnost', nauki i khudozhestva*, no. 9 (1852).
21. Reintblat A. I. *Ot Bovy k Bal'montu i drugie raboty po istoricheskoi sotsiologii russkoi literatury* ["From Bova to Balmont" and other Russian literature sociology studies]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009, 448.
22. Inostrannye izvestiia [Foreign News]. *Syn otechestva. Istoriia, politika, slovesnost', nauki i khudozhestva* = *Son of the Fatherland. Istoriia, politika, slovesnost', nauki i khudozhestva*, no. 8 (1852): 65–69.
23. Pis'ma iz Parizha russkoi damy [Lettres from Paris by the Russian Lady]. *Sovremennik* = *Contemporary*, no. 39 (1845): 113–146, 264–288.
24. Pogodin M. P. Eshe 2 nedeli v Parizhe [2 weeks in Paris more]. *Moskvitianin* = *Moskovite*, no. 3 (1841): 50–77.
25. Zhiteli Normandii [Inhabitants of Normandy]. *Zhivopisnoe obozrenie dostopamiatnykh predmetov iz nauk, iskusstv, khudozhestv, promyshlennosti i obshchezhitii, s prisovokupleniem zhivopisnogo puteshestviia po zemnomu*

sharu i zhizneopisanii znamenitykh liudei = *A picturesque survey of memorable subjects from the sciences, the arts, the arts, industry and the hostel, with the addition of a picturesque journey around the globe and the biographies of famous people*, no. 3 (1837): 107–110.

26. Normandskii myznik [Normandian Farmer]. *Zhivopisnoe obozrenie dostopamiatnykh predmetov iz nauk, iskusstv, khudozhestv, promyshlennosti i obshchezhitia, s prisovokupleniem zhivopisnogo putestvii po zemnomu sharu i zhizneopisanii znamenitykh liudei* = *A picturesque survey of memorable subjects from the sciences, the arts, the arts, industry and the hostel, with the addition of a picturesque journey around the globe and the biographies of famous people*, no. 3 (1837): 147–149.

27. Pis'mo inogorodnego podpischika ob angliiskoi literature i zhurnalistike [Letter from our subscriber from another city about English literature and Journalism]. *Sovremennik* = *Contemporary*, no. 41 (1853): 177–194.

28. Shokareva A. *Dvorianskaia sem'ia: kul'tura obshcheniia. Russkoe stolichnoe dvorianstvo pervoi poloviny XIX veka* [A Noble family – Culture of communication. Russian nobility of the first half of XIX century]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017, 304.

29. Abakumov O. Iu. *Tret'e otделение na strazhe npravstvennosti i blagochiniia. Zhandarmy v bor'be so vziatkami i porokom 1826–1866 gg.* [The Third department in fight against bribes and depravity. 1826–1866]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2017, 319.

30. Odoevskii V. F. *Gorod bez imeni* [The City without a Name]. *Russkaia fantasticheskaia proza epokhi romantizma (1820–1840 gg.)* [Russian fantastic prose of the Romantic era (1820–1840)]. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1991, 352–367.

31. Erofeev N. A. *Tumannyi Al'bion: Angliia i anglichane glazami russkikh, 1825–1853 gg.* [Foggy Albion: Russian view to England and Englishman, 1825–1853]. Moscow: Nauka, 1982, 320.

32. Roskosh' stola v otnoshenii k tsivilizatsii [Luxury of Food and Civilization]. *Sovremennik* = *Contemporary*, 3, part 6 (1853): 46–66.

33. Inostrannaia literatura. Smes' [Foreign Literature. Miscellaneous]. *Literaturnaia gazeta* = *The Literary Newspaper*, no. 5 (1830).

34. Frantsuzskie dramaturgi, sudimye angliiskimi kritikami [French playwrights, tired by British critics]. *Teleskop* = *The Telescope*, no. 18 (1834): 116–130.

35. Aktrisa i pisatel', roman Pol'-de-Koka [Paul de Cock's novel “The Actress and the Writer”]. *Sovremennik* = *Contemporary*, no. 10 (1848): 36–40.

36. Gogol' N. V. *Portret* [The Portrait]. Gogol' N. V. *Izbrannye sochineniia* [Selected works]. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1984, 430–475.

37. Teslia A. A. *Pervyi russkii natsionalizm i drugie* [The First Russian Nationalism and others]. Moscow: Evropa, 2014, 280.

УДК 930: 304(571.1)

РАЗВИТИЕ ГОРОДОВ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII – НАЧАЛЕ XX ВВ. (К ИСТОРИОГРАФИИ ПРОБЛЕМЫ)

Игорь С. Томилов¹, @, *

¹ Тобольская комплексная научная станция Уральского отделения Российской академии наук, 626152, Россия, г. Тобольск, ул. акад. Ю. Осипова, 15

@igor.tomilov.85@mail.ru

Поступила в редакцию 16.03.2018. Принята к печати 15.05.2018.

Ключевые слова: общественный быт, город, Тобольская губерния, историография, научная литература.

Аннотация: Цель исследования – обзор научной литературы, касающейся проблемы изучения городов Тобольской губернии последней четверти XVIII – начала XX вв. В статье рассматриваются труды ученых, вышедшие в дооктябрьский период и затрагивающие различные стороны исследуемого предмета. Результаты изысканий свидетельствуют о том, что до 1917 г. основное внимание в научных работах было уделено таким аспектам городского быта, как демография, торговля, административное устройство, городское пространство, образование, местное самоуправление, периодическая печать. Авторы не выделяли понятие «общественный быт» в отдельное явление, ограничиваясь исследованием отдельных его компонентов. Методология включает использование приемов и средств локального, системного, сравнительно-исторического, проблемно-хронологического методов, а также наработки «истории повседневности» и «новой имперской истории». В целом в выводах данной статьи подчеркивается расширение научного знания об общественно-социальной истории городов Сибири пореформенного и позднеимперского периодов, раскрывается влияние точек зрения исследователей на интеграционные явления городской жизни. Область применения исследования не ограничена интересом историков, урбанистов и краеведов к предмету изучения. Историографический анализ актуален с точки зрения современных дискуссий о перспективах городоведения и может быть использован при подготовке учебных пособий и обобщающих трудов по истории Сибири.

Для цитирования: Томилов И. С. Развитие городов Тобольской губернии в последней четверти XVIII – начале XX вв. (к историографии проблемы) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 2. С. 68–76. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-68-76>.

Занимаясь изучением истории повседневности, исследователи пришли к выводу о том, что восприятие времени существенно разнится в разных поколениях. Так называемая микроистория продемонстрировала, что внутри 1-го поколения смысловые и целевые установки разнятся, часто не совпадая у различных людей.

Долгое время целевого исследования повседневного быта в сущности не велось. Внимание ученых привлекали отдельные его элементы, ряд связанных с этим сюжетов, как правило, в рамках специализированной темы или концептуального направления. По сути, такая проблематика имела место при изучении сибирского города.

Под общественным бытом мы будем понимать не только повседневность горожан (общественно-политические, социокультурные элементы), но и сам уклад жизни, сформированный под воздействием исторически трансформирующихся социальных, об-

щественно-политических и культурных предпосылок. Культура повседневности – комплекс характерных для обыденного и нормального течения жизни человеческого общества социальных практик (мышление, общение, труд, отдых и др.), включающий также сегмент отклонений от таких практик. В свою очередь уклад понимается как образ жизни людей, находящий выражение в их интересах, деятельности, убеждениях. Таким образом, повседневность выступает самоочевидным естественным условием жизни человека, областью социальной реальности, в то время как уклад включает формы и способ коллективной и индивидуальной жизнедеятельности, характеризующие этот целостный жизненный мир.

В качестве критерия структурирования историографии применяется проблемно-хронологический принцип. Отдавая предпочтение традиционной классификации историографической дисциплины, кроме того,

* Статья подготовлена при финансовой поддержке ФАНО России в рамках темы ФНИ № 0408-2018-0002 «Взаимодействие человека, общества и власти в локальных практиках (на примере Западной Сибири XIX – первой половине XX вв.)».

учитывая специфику развития Тобольской губернии, историю исследования элементов общественного быта городов можно условно разделить на 3 этапа: дооктябрьский (дореволюционный), советский и современный (постсоветский). Такой раздел продиктован установившимися общепринятыми концепциями исторической динамики. Условность классификации вызвана весомым числом работ, концептуальная база которых заложена в предшествующем этапе и воплощена в последующем.

Начальный период серьезного изучения дореформенного сибирского города относится к последней четверти XVIII – началу XIX вв. В трудах И. И. Лепехина, П. С. Палласа, А. М. Щекатова и других описано расположение многих городов, их достопримечательностей, содержатся сведения о населении и его экономической специализации [1–3]. Существенным недостатком этих работ стала узкая источниковая база и недостаточный критический анализ полученной информации.

Дореволюционными авторами также были подняты некоторые аспекты общественного быта, позволяющие реконструировать городскую среду Тобольской губернии. В 1820–1830-е гг. тематика городской повседневности была отражена в работах П. А. Словцова, П. Шюца, Н. Кузьминского и др. [4–8]. Авторы определили общий план изучения города, в который вошли время и обстановка основания, география места, численность и состав горожан и т. д. Так, в серии трудов П. А. Словцова был заложен алгоритм изучения элементов городской повседневности, который в дальнейшем использовал целый ряд дореволюционных и советских исследователей. Н. Кузьминский привел в работе «Краткое статистическое обозрение Западной Сибири (1837 года)» данные по динамике численности горожан, изменениях в их социальном составе на протяжении нескольких десятилетий.

В 1810–1840-е гг. начали выходить статистические очерки, дающие подробную информацию не только о Западной Сибири, но и Тобольской губернии: ярмарочная торговля, вопросы административного устройства, деятельности церквей и пр. На фоне других выделяются труды М. Демина, И. Линка [9; 10]. Они более конкретизированы относительно городской проблематики в регионе.

В этот период опубликован ряд работ, посвященных городам Западной Сибири. Авторы при изучении городского народонаселения использовали и сибирский материал. Упор при этом делался на попытки разобраться с понятиями, определить параметры размеров городов и т. п. [11–13]. А. Х. Лерберг остановился на анализе городских поселений Тобольского Севера на начало XIX в. В то же время Н. М. Черняковский и В. И. Штейнгейль занимались южной частью Тобольской губернии, акцентируя внимание на статистических данных по Ишимскому округу и его уездному центру. В свою очередь К. И. Арсеньев в «Статистических очерках России» стремился охарактеризовать пространство российских городов, уделяя внимание в первую очередь Европейской части страны. Своеобразным итогом по сибирской урбанистике первой половины

XIX в. можно считать объемный труд Ю. А. Гагемейстера, вышедший в 1854 г. [14]. Автор в числе прочего касается описания городов Западной Сибири, включая Тобольск, Тюмень, Курган и др.

В целом в предреформенный период был собран значительный материал, касающийся тематики городского пространства. Наряду с этим осмысление региональных особенностей не вышло за границы публикации фактов.

Начало следующего этапа дореволюционного изучения города (1840–1880) ознаменовано появлением качественно нового труда И. И. Завалишина, где выдвинута идея специализации занятий населения в зависимости от климатических и географических условий [15]. «Описание Западной Сибири» является фактически первой научной работой, где автор обосновывает экономическую закономерность, присущую для занятий горожанина с учетом возможности осуществления промысла. Существенным событием явилась публикация трудов К. Голодникова, знакомого с описанием г. Тобольска и Ялуторовска, состоянием самих городов и динамики состава их жителей [16; 17].

В 1850-е гг. И. Ефимовский, Г. В. Колмогоров совершили географический обзор Западной Сибири и статистическое описание жителей юга Тобольской губернии [18; 19]. Если И. Ефимовского интересовала в первую очередь географическая обусловленность явления, то Г. В. Колмогоров осветил положение в наиболее значимых для горожан промыслах (скотоводстве и рыболовстве). Вопросами демографии городского населения губернии в 1860-е гг. занимался Е. Анучин [20; 21]. Автор раскрыл причины смертности и факторы, влиявшие на продолжительность жизни в округах. Наряду с этим продолжали издаваться статьи, затрагивающие проблемы городской торговли, промышленности Тобольской губернии (ярмарочная деятельность, привоз и продажа товаров и пр.) [22–24].

Среди юбилейных изданий выделяется труд И. В. Щеглова, дающий систематические сведения по сибирской хронологии [25]. Проведя внушительную работу, автор составил перечень важнейших данных, касающихся истории Сибири за 850 лет (1032–1882 гг.). Среди прочего хронология включала в себя события, касавшиеся становления и развития городов в течение длительного исторического отрезка.

С середины 1890-х гг. в Сибири начался новый этап отношений, обусловленный сформировавшимися факторами развития: реализована целая серия реформ (в том числе значимая постройка Транссибирской магистрали), на территорию Сибири распространены положения ряда нормативно-правовых документов (административная, судебная и т. д.). Трансформационные преобразования затронули фактически все сферы жизни населения, позволяя говорить про изменения в сути такого явления, как общественный быт.

Эта тенденция прослеживается на следующем этапе дооктябрьской историографии (1890–1917). К рубежу XIX–XX вв. внимание общественных сил было приковано к проблемам образования, обусловившего значимость обращения к исследованию его элементов.

Авторов интересовали, прежде всего, законодательные акты, частная инициатива и создание разнопрофильной школы. Отправными являются наблюдения исследователей о социально-возрастном составе учеников школ, уровне их подготовки и т. п. Так, А. П. Лысов изучал положение в народном образовании Тюменского округа в конце XIX в. [26]. Известный педагог и просветитель Г. Я. Маляревский обладал весомым опытом в области образования, что обусловило его информированность о состоянии дел в этой сфере [27]. А. С. Пругавина интересовала правовая сторона, обеспечивавшая развитие народного образования в начальном звене [28]. Вопросы участия частных лиц, общественных объединений в организации школьного обучения рассматривал В. И. Чарнолуский. Исследователь осветил текущее социальное значение, основные проблемы и перспективы деятельности просветительских союзов России в области образования [29; 30]. Н. В. Чехов проследил генезис в означенной сфере на протяжении полувека [31].

В Сибири проблемами местного народного образования успешно занимались П. Т. Виноградов и Д. Д. Вольфсон, исследуя в т. ч. функционирование школ Томской и Тобольской губерний: собраны информативные статистические сведения на основе отчетов образовательных заведений, систематизированы полученные данные [32; 33]. Работы исследователей позволяли констатировать социальный и возрастной состав обучающихся школ, их вероисповедание, уровень подготовки и т. д.

Неповторимые изображения быта городов Сибири отражены в работах публицистов, краеведов, чиновников начала XX в. Небольшие по объему исследования В. С. Арефьева, М. Петрова, Н. В. Турчанинова являлись обобщающими, затрагивая Западную Сибирь в контексте более глобальных общероссийских проектов [34–36]. В строгом понимании они не были научными полновесными трудами и носили в большей степени описательный характер, демонстрируя увлеченность авторов историей.

Значимую роль в исследовании быта сибирских жителей рубежа XIX–XX вв. сыграли представители областничества – Г. Н. Потанин, П. М. Головачев, Н. М. Ядринцев и др. Например, П. М. Головачев изобразил подробные яркие зарисовки из общественной жизни сибирских городов после проведения Транссибирской железной дороги, неоднократно делая акценты на особенностях повседневности: практически полное отсутствие привилегированных категорий жителей, однотипность обывателей, размывание рубежа между занятиями городского и сельского жителя [37; 38]. В своих работах Г. Н. Потанин рассмотрел потребности обучения, земельный вопрос, тему самоуправления и иные важные городские проблемы [39; 40]. Ученый сделал вывод, что нерешенность затрагиваемых задач говорит о слабом развитии элементов сибирской повседневности. В виде личностного конструкта автор выработал одну из первых систематических типологий сибирских городов (буржуазные, демократические, промежуточные), которая является актуальной и для современного городоведения. Н. М. Ядринцев в свою очередь выпустил резонансный труд, подтверж-

дающий колониальную политическую и экономическую зависимость Сибирского региона от центральной метрополии [41]. В силу публицистического характера к оценке произведения стоит подходить максимально критично, что не лишает его значимости как классического источника. Вместе с тем многочисленная публицистика ученого (фельетоны, газетные статьи и пр.) в контексте колонизации служит основой для формирования общего отношения областников к проблемам городского социума и общественных настроений [42]. Научное наследие Н. М. Ядринцева заложило фундамент для либерально-колониального дискурса, в котором города Сибири очерчены как необходимые форпосты освоения региона. Однако многие сделанные выводы и оценки носят дискуссионный характер. В целом труды областников, исходявшие из положения об особом пути развития сибирского региона, вмещают массивный информационный ресурс и выводы относительно культурной и общественной жизни в Сибири, а также направлены на преодоление отсталости в различных областях.

Еще одной популярной темой в период перед Первой мировой войной (1900–1914 гг.) было обсуждение проблем городского самоуправления. В трудах государственников-либералов проанализированы Городовые положения 1870 и 1892 гг., избирательное законодательство и внедрение его на практике, взаимоотношения общественников и государственных властей, влияние либеральных идей на реформы самоуправления. В. М. Гессен уделял внимание детальным вопросам местного самоуправления [43]. Г. А. Джаншиев обосновал целый комплекс нововведений в контексте выделенной им «эпохи великих реформ» [44]. В работе И. И. Дитятина «Устройство и управление городов России» затронуты проблемы становления самоуправления [45]. Обзор генезиса этого явления в России на протяжении целого тысячелетия (IX–XIX вв.) представлен в исследовании видного правоведа А. А. Кизеветтера [46]. Текущее положение дел в области городского самоуправления в городах России на основе анализа действующих законодательных актов второй половины XIX в. представили В. И. Немчинов, К. А. Пажитнов, Г. И. Шрейдер [47–49].

В целом либералы отстаивали точку зрения о несостоятельности последней городской реформы (1892 г.), сопоставляя ее с предшествующей: недемократичность, заимствование правил работы, цензовость, нарушение принципа разделения властей и тотальная подконтрольность правительственному аппарату. Приверженцы консерватизма (А. О. Немировский, А. Д. Градовский, А. Г. Михайловский) обосновали позитивные стороны таких нововведений, как социально-куриальное разделение избирателей, совмещение отдельных функций законодательной и исполнительной властей в одном лице, акцентировали внимание на тесной связи органов местного самоуправления с правительственными ведомствами [50–52]. Весомым недостатком обоих направлений стали узкая методологическая база и политизированность: использование правовых документов в ключе юридической проблематики и границах

рассмотрения государственности привело к изучению реформ с отрывом от реального развития городов.

Стоит заметить, что часть трудов областников и исследователей самоуправления (Г. Н. Потанина, Н. М. Ядринцева, И. И. Дитяткина) датированы 1860–1870 гг. Однако полновесно и обоснованно эти направления в публикациях этих авторов были раскрыты именно в конце XIX – начале XX вв., что позволяет отнести данные изыскания именно к указанному периоду.

В Западной Сибири (в основном на материалах Томской губернии) вопросами муниципальных органов власти в позднеимперский период занимались Г. Б. Байтов, А. П. Шипицин [53; 54]. А. В. Адрианов посвятил свои труды сибирской периодической печати, изучению северного морского пути [55; 56]. Профессор М. Н. Соболев составил подробный обзор экономического состояния Западной Сибири [57]. Ученый А. А. Дунин-Горкавич провел серию исследований Тобольского Севера по различным отраслям природно-хозяйственной и этнографической жизни населения [58]. Самаровский лесничий организовал ряд экспедиций в поселения коренного и пришлого населения Крайнего Севера, итогом которых стал фундаментальный труд «Тобольский Север: очерки географические и этнографические» (1904–1911 гг.).

К началу XX в., по общему убеждению, часть историко-географических направлений накрыла волна кризиса. В сибиреведении практически отсутствуют значимые работы по урбанистике, исследования проводились в основном в рамках общероссийских тенденций и направлений, либо содержали географические описания и путеводители. Так, были изданы фундаментальные работы обобщающего энциклопедического характера, включавшие в себя информацию о населении, хозяйственном, культурном и финансовом положении западносибирских городов [59; 60].

В дооктябрьский период в качестве основного предмета изучения выступал пласт обзорных и статистических городских проблем (описания, вопросы самоуправления и образования, природно-климатические особенности и пр.). Исследователи в своих изыскани-

ях использовали материалы официальной статистики, данные общероссийских изданий. Существенную роль в публикациях играли личные сведения, которые авторы собирали в ходе поездок по разным, зачастую труднодоступным, территориям Западной Сибири. Методологическим основанием для написания работ в первую очередь выступал структурно-функциональный прием: выделение из общего контекста какой-либо более узкой темы. Наряду с этим активно использовался и сравнительно-исторический метод, позволявший осуществлять сравнение текущего на тот момент положения любого аспекта с положением вопроса в предшествующие хронологические периоды.

Таким образом, повседневность жителей городов Тобольской губернии в дооктябрьской историографии не являлась предметом специального изучения. Научная литература предоставляет лишь разрозненные, зачастую мелкие сведения о фрагментах общественной городской жизни Сибири в виде информационно-справочных и публицистических источников. До 1917 г. происходило накопление раздробленных сведений по самостоятельным сторонам жизни городов, их статистическому обозрению. Историей сибирского городского быта в массе своей занимались местные краеведы, положив начало формированию локального направления в науке и сохранив целостность методологии исследования. В трудах дореволюционного периода авторы затронули следующие вопросы: описания отдельных городов и жизнедеятельности населения, черты развития самоуправления и образования, демографические характеристики жителей, природно-географические особенности и обзор населенных пунктов западной части Сибири. При этом из поля зрения ученых во многом выпали социокультурные, семейно-бытовые, геополитические факторы, которые обуславливали формирование общественного городского быта. Несмотря на это, несколько поколений исследователей заложили основы для научного изучения специфики сибирских городов, положили начало осмыслению их истории и выявлению тенденций в процессе генезиса.

Литература

1. Лепехин И. И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства. В 4 т. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1771–1805. Т. 1–4. 562, 359, 430, 463 с.
2. Паллас П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. В 6 т. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1773–1788. Т. 1–6. 786, 476, 575, 655, 481, 111 с.
3. Щекатов А. М. Словарь географический Российского государства. В 7 кн. М.: Университетская типография, 1801–1809. Кн. 1–7. 659, 439, 621, 685, 649, 401, 217 с.
4. Словцов П. А. Письма из Сибири 1826 года. М.: Тип. С. Селивановского, 1828. 112 с.
5. Словцов П. А. Прогулки вокруг Тобольска в 1830 году. М.: Тип. С. Селивановского, 1834. 223 с.
6. Словцов П. А. Историческое обозрение Сибири: с 1742 по 1823 год. В 2 кн. СПб.: Тип. К. Крайя, 1838–1844. Кн. 1–2. 523, 33 с.
7. Шюц П. Письма о Сибири // Северная пчела. 1839. № 83. С. 330–332.
8. Кузьминский Н. Краткое статистическое обозрение Западной Сибири (1837 года) // Материалы для статистики Российской империи, издаваемые с высочайшего соизволения при Статистическом отделении Совета Министров внутренних дел / под ценз. А. Крылова. СПб.: Тип. МВД, 1839. С. 43–81.
9. Демин М. Статистическое описание города Ишима и Ишимской округи // Прибавление к Казанскому вестнику. 1829. № 25, 27, 29, 32–33.

10. Линк И. Статистическое описание городов Тобольской губернии // Журнал Министерства внутренних дел. 1837. Ч. 23. Кн. 1. С. 1–76.
11. Лерберг А. Х. Историческое исследование о Югорской земле, в Российско-Императорском титуле упоминаемой. СПб.: Тип. К. Крайя, 1818. 29 с.
12. Арсеньев К. И. Статистические очерки России. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1848. 503 с.
13. Черняковский Н. М., Штейнгейль В. И. Статистическое описание Ишимского округа Тобольской губернии // Журнал Министерства внутренних дел. 1843. Ч. 2. Кн. 4. С. 3–48.
14. Гагемейстер Ю. А. Статистическое обозрение Сибири, составленное по Высочайшему Его Императорского Величества повелению, при Сибирском комитете, действительным статским советником Гагемейстером. В 2 ч. СПб.: Тип. II Отд. С.Е.И.В. Канцелярии, 1854. Ч. 1–2. 363, 697 с.
15. Завалишин И. И. Описание Западной Сибири. М.: Тип. В. Грачева и Ко, 1862. 420 с.
16. Голодников К. М. Город Тобольск и его окрестности: исторический очерк. Тобольск: [б. и.], 1886. 139 с.
17. Голодников К. М. Ялуторовский округ губернии Тобольской // Журнал Министерства внутренних дел. 1846. Ч. 15. Кн. 7–8. С. 256–267.
18. Ефимовский И. Географическое обозрение Западной Сибири и Киргизской степи // Журнал Министерства внутренних дел. 1855. Ч. 13. Кн. 6–7. С. 1–34.
19. Колмогоров Г. В. Скотоводство и рыболовство в Тарском округе Тобольской губернии // Журнал Министерства внутренних дел. 1857. Ч. 23. Кн. 4. С. 1–44.
20. Анучин Е. Смертность в Тобольской губернии // Памятная книжка для Тобольской губернии на 1864 г. / под ред. В. А. Ильина. Тобольск: Тип. Тобольского губернского правления, 1864. С. 299–320.
21. Анучин Е. Средняя жизнь и долговечность в г. Тобольске // Памятная книжка для Тобольской губернии на 1864 г. / под ред. В. А. Ильина. Тобольск: Тип. Тобольского губернского правления, 1864. С. 321–334.
22. Ильин В. А. Краткие статистические описания окружных городов Тобольской губернии // Памятная книжка для Тобольской губернии на 1864 г. / под ред. В. А. Ильина. Тобольск: Тип. Тобольского губернского правления, 1864. С. 77–130.
23. Ильин В. А. О торжках и ярмарках в городах и округах Тобольской губернии // Памятная книжка для Тобольской губернии на 1864 г. / под ред. В. А. Ильина. Тобольск: Тип. Тобольского губернского правления, 1864. С. 401–438.
24. Абрамов Н. О заселении и промышленности округов: Тарского и Омского в Тобольской губернии // Вестник Императорского русского географического общества. 1853. Ч. 7. С. 27–31.
25. Щеглов И. В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032–1882 гг. / под ред. В. И. Вагина. Иркутск: Изд. Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества, 1883. 778 с.
26. Лысов А. П. Народное образование в Тюменском округе в 1897 г. Тюмень: Тип. «Сибирской торговой газеты», 1898. 23 с.
27. Маляревский Г. Я. Очерк истории и современного состояния народного образования в Сибири. СПб.: Синод. тип., 1896. 85 с.
28. Пругавин А. С. Законы и справочные сведения по начальному народному образованию. 2-е изд. СПб.: Общественная польза, 1904. 1096 с.
29. Чарнолуцкий В. И. Основные вопросы организации школы в России. СПб.: Знание, 1909. 131 с.
30. Чарнолуцкий В. И. Частная инициатива в деле народном образовании. Социальное значение, типы, основные вопросы и очередные практические задачи свободных просветительных общественных организаций в современной России. СПб.: Тип. А. А. Александрова, 1910. 195 с.
31. Чехов Н. В. Народное образование в России с 60-х годов XIX в. М: Польза, 1912. 224 с.
32. Виноградов П. Т. Начальное образование в Томской губернии в 1908 году сравнительно с земскими губерниями и культурными странами всего мира. Томск: Тип. Губернского управления, 1910. 32 с.
33. Вольфсон Д. Д. Сибирские воскресные школы. Томск: Товарищество Скоропечатни А. А. Левенсон, 1903. 237 с.
34. Арефьев В. С. Описание Сибири. В 2 выпусках. Выпуск 2. Краткое описание губерний и областей Сибири: очерки для народного чтения. Томск: Паровая типо-литография П. И. Макушина, 1901. 96 с.
35. Петров М. Западная Сибирь. Губерния Тобольская и Томская. М.: Тип. И. Д. Сытина, 1908. 211 с.
36. Турчанинов Н. В. Города Азиатской России // Азиатская Россия / под рук. Г. В. Глинки. СПб.: Товарищество А. Ф. Маркс, 1914. Т. 1. Люди и порядки за Уралом. С. 285–360.
37. Головачев П. М. Сибирь: природа, люди, жизнь. М.: Тип. И. Д. Сытина, 1905. 400 с.
38. Головачев П. М. Экономическая география Сибири. М.: Тип. И. Д. Сытина, 1914. 183 с.
39. Потанин Г. Н. Города Сибири // Сибирь, ее современное состояние и нужды / под ред. И. С. Мельника. СПб.: Изд. А. Ф. Девриена, 1908. С. 234–259.
40. Потанин Г. Н. Заметки о Западной Сибири // Русское слово. 1860. № 9. С. 189–214.
41. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. 2-е изд. СПб.: Изд. И. М. Сибирякова, 1892. 736 с.
42. Ядринцев Н. М. Общественная жизнь в Сибири // Томские губернские ведомости. 1865. № 5. С. 1–4.

43. Гессен В. М. Вопросы местного самоуправления. СПб.: Типо-литография А. Е. Ландау, 1904. 235 с.
44. Джаншиев Г. А. Эпоха великих реформ. СПб.: Типо-литография Б. М. Вольфа, 1907. 859 с.
45. Дитятин И. И. Устройство и управление городов России. В 2 т. СПб.; Ярославль: Тип. П. П. Меркулева, Г. В. Фальк, 1875–1877. Т. 1–2. 512, 592 с.
46. Кизеветтер А. А. Местное самоуправление в России. IX–XIX столетия. Исторический очерк. М.: Тип. Императорского Московского университета, 1910. 155 с.
47. Немчинов В. И. Городское самоуправление по действующему русскому законодательству. Городовое положение 11 июня 1892 г. с послед. доп. и изм. по продолж. 1906, 1908, 1909 и 1910 гг., с прил. к «Городовому положению», важнейшими разъяснениями Правит. сената и извлеч. из др. узаконений, относящимися к «Городовому положению». М.: Тип. В. М. Саблина, 1912. 396 с.
48. Пажитнов К. А. Городское и земское самоуправление. Серия: Великие реформы шестидесятых годов в их прошлом и настоящем. Вып. 4. СПб.: Изд. М. И. Семенова, 1913. 114 с.
49. Шрейдер Г. И. Наше городское общественное управление: этюды, очерки и заметки. СПб.: Паровая скоропечатня «Восток», 1902. Т. 1. 337 с.
50. Градовский А. Д. Собрание сочинений в 9 т. 1899–1908. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1907–1908. Т. 8–9. Начало русского государственного права. Ч. 2–3. 580, 599 с.
51. Михайловский А. Г. Реформа городского самоуправления в России. М.: Польза, 1908. 110 с.
52. Немировский А. О. Реформа городского самоуправления. СПб.: Тип. В. Безобразова и Ко, 1911. 172 с.
53. Баитов Г. Б. Очерки истории муниципального Барнаула (1877–1902). Томск: Типо-литография П. И. Макушина, 1906. 158 с.
54. Шипицин А. Н. Городское хозяйство // Город Томск. Томск: Изд. Сибирского товарищества печатного дела в Томске, 1912. С. 202–278.
55. Адрианов А. В. Периодическая печать в Сибири: с указателем изданий в 1918 году. Томск: Типо-литография Томской железной дороги, 1919. 31 с.
56. Адрианов А. В. Северный морской путь и московские промышленники. Томск: Тип. Сибирского товарищества печатного дела в Томске, 1912. 14 с.
57. Соболев М. Н. Западная Сибирь // Статистико-экономические очерки областей, губерний и городов России / под ред. проф. Л. Н. Яснопольского. Киев: Изд-во Л. М. Фиш, 1913. С. 412–425.
58. Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север: очерки географические и этнографические. В 3 т. СПб.; Тобольск: Тип. В. Киришаума, Тобольская губернская тип., 1904–1911. Т. 1–3. 281, 432, 208 с.
59. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества: настольная и дорожная книга для русских людей. В 19 т. 1899–1914 / под ред. В. П. Семёнова-Тян-Шанского. Т. 16. Западная Сибирь (Тобольская и Томская губ.). СПб.: Тип. А. Ф. Девриен, 1907. 591 с.
60. Азиатская Россия / под общ. рук. Г. В. Глинки. В 3 т. СПб.: Товарищество А. Ф. Маркс, 1914. 1619 с.

THE DEVELOPMENT OF THE CITIES OF THE TOBOLSK PROVINCE IN THE LAST QUARTER OF THE XVIII – EARLY XX CENTURIES (HISTORIOGRAPHY OF THE PROBLEM)

Igor S. Tomilov¹, @, *

¹ Tobolsk complex scientific station of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 15, Yu. Osipova St., Tobolsk, Russia, 626152

@igor.tomilov.85@mail.ru

Received 16.03.2018. Accepted 15.05.2018.

Keywords: social life, the city, the Tobolsk province, historiography, scientific literature.

Abstract: The study reviews scientific literature concerning the cities of the Tobolsk province in the late XVIII – early XX centuries. The article features the works of scientists, published in the pre-revolutionary period and affecting different sides of the subject in question. The results of the research indicate that before 1917 the scientific works were mainly concentrated on such aspects of urban life as demography, trade, administration, urban space, education, local government, and periodicals. The authors did not distinguish the concept of «social life» as a separate phenomenon, limiting the

* The article was prepared with the financial support of the FAO Russia within the framework of the topic of FNI No. 0408-2018-0002 "Interaction of man, society and power in local practices (the case of Western Siberia in XIX – first half of XX century)".

study of its individual components. The methodology includes the use of techniques and tools of local, systemic, comparative-historical, and problem-chronological methods, as well as developments «history of everyday life» and «new Imperial history». In general, the article emphasizes the expansion of scientific knowledge about the social history of Siberian cities in the post-reform and late Imperial periods, reveals the influence of the researchers' views on the integration of urban life. The scope of the study is not limited to the interest of historians, urbanists and local historians to the subject of study. Historiographical analysis is relevant from the point of view of modern discussions about the prospects of urban studies, and can also be used in the preparation of textbooks and summaries on Siberian history.

For citation: Tomilov I. S. Razvitie gorodov Tobol'skoi gubernii v poslednei chetverti XVIII – nachale XX vv. (k istoriografii problemy) [The Development of the Cities of the Tobolsk Province in the Last Quarter of the XVIII – Early XX Centuries (Historiography of the Problem)]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2018): 68–76. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-68-76>.

References

1. Lepekhin I. I. *Dnevnie zapiski puteshestviia doktora i Akademii nauk ad'iunkta Ivana Lepekhina po raznym provintsiiam Rossiiskogo gosudarstva* [Daily travel notes of doctor and Academy of Sciences of adjunct Ivan Lepekhin in different provinces of the Russian state]. Saint-Petersburg: Tip. Imperatorskoi akademii nauk, vol. 1–4 (1771–1805): 562, 359, 430, 463.
2. Pallas P. S. *Puteshestvie po raznym provintsiiam Rossiiskogo gosudarstva* [Travel to different provinces of the Russian state]. Saint-Petersburg: Tip. Imperatorskoi akademii nauk, vol. 1–6 (1773–1788): 786, 476, 575, 655, 481, 111.
3. Shchekatov A. M. *Slovar' geograficheskii Rossiiskogo gosudarstva* [Dictionary of the Russian state]. Moscow: Universitetskaya tipografiya, book 1–7 (1801–1809): 659, 439, 621, 685, 649, 401, 217.
4. Slovtsov P. A. *Pis'ma iz Sibiri 1826 goda* [Letters from Siberia 1826]. Moscow: Tip. S. Selivanovskogo, 1828, 112.
5. Slovtsov P. A. *Progulki vokrug Tobol'ska v 1830 godu* [Strolls around Tobolsk in 1830]. Moscow: Tip. S. Selivanovskogo, 1834, 223.
6. Slovtsov P. A. *Istoricheskoe obozrenie Sibiri: s 1742 po 1823 god* [Historical review of Siberia: from 1742 to 1823]. Saint-Petersburg: Tip. K. Kraiia, book 1–2 (1838–1844): 523, 33.
7. Shiuts P. *Pis'ma o Sibiri* [Letter of Siberia]. *Severnaia pchela* = *Northern bee*, no. 83 (1839): 330–332.
8. Kuzminskii N. *Kratkoe statisticheskoe obozrenie Zapadnoi Sibiri (1837 goda)* [A brief statistical review of the Western Siberia (1837)]. *Materialy dlia statistiki Rossiiskoi imperii, izdavaemye s vysochaishego soizvoleniia pri Statisticheskoi otdelenii Soveta Ministrov vnutrennikh del* [Materials for statistics of the Russian Empire, published with the highest permission at the Statistical office of the Council of Ministers of internal Affairs]. Saint-Petersburg: Tip. MVD, 1839, 43–81.
9. Demin M. *Statisticheskoe opisanie goroda Ishima i Ishimskoi okrugi* [Statistical description of the city of Ishim and Ishim district]. *Pribavlenie k Kazanskomu vestniku* = *The addition to the Kazan Herald*, no. 25, 27, 29, 32–33 (1829).
10. Link I. *Statisticheskoe opisanie gorodov Tobol'skoi gubernii* [Statistical description of the cities of Tobolsk province]. *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del* = *Journal of the Ministry of internal Affairs*, 23, book 1 (1837): 1–76.
11. Lerberg A. Kh. *Istoricheskoe issledovanie o Iugorskoj zemle, v Rossiisko-Imperatorskom titule upominaemoi* [Historical research about Ugra land, in the Russian-Imperial title mentioned]. Saint-Petersburg: Tip. K. Kraiia, 1818, 29.
12. Arsenev K. I. *Statisticheskie ocherki Rossii* [Statistical sketches of Russia]. Saint-Petersburg: Tip. Imperatorskoi akademii nauk, 1848, 503.
13. Cherniakovskii N. M., Shteingeil V. I. *Statisticheskoe opisanie Ishimskogo okruga Tobol'skoi gubernii* [Statistical description of the Ishim County Tobolsk province]. *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del* = *Journal of the Ministry of internal Affairs*, 2, book 4 (1843): 3–48.
14. Gagemeister Iu. A. *Statisticheskoe obozrenie Sibiri, sostavlennoe po Vysochaishemu Ego Imperatorskogo Velichestva povelenniu, pri Sibirskom komitete, deistvitel'nym statskim sovetnikom Gagemeisterom* [Statistical review of Siberia, compiled by the Highest of His Imperial Majesty's command, in the Siberian Committee, actual state Councilor Gagemeister]. Saint-Petersburg: Tip. II Otd. S.E.I.V. Kantseliarii, part 1–2 (1854): 363, 697.
15. Zavalishin I. I. *Opisanie Zapadnoi Sibiri* [Description of Western Siberia]. Moscow: Tip. V. Gracheva i Ko, 1862, 420.
16. Golodnikov K. M. *Gorod Tobol'sk i ego okrestnosti: istoricheskii ocherk* [The city of Tobolsk and its vicinity: historical sketch]. Tobolsk: [b.i.], 1886, 139.
17. Golodnikov K. M. *Ialutorovskii okrug gubernii Tobol'skoi* [Yalutorovsky district of Tobolsk province]. *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del* = *Journal of the Ministry of internal Affairs*, part 15, book 7–8 (1846): 256–267.
18. Efimovskii I. *Geograficheskoe obozrenie Zapadnoi Sibiri i Kirgizskoi stepi* [Geographical review of Western Siberia and the Kirghiz steppes]. *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del* = *Journal of the Ministry of internal Affairs*, part 13, book 6–7 (1855): 1–34.

19. Kolmogorov G. V. Skotovodstvo i rybolovstvo v Tarskom okruge Tobol'skoi gubernii [Cattle breeding and fishing in the Tarsky district of Tobolsk province]. *Zhurnal Ministerstva vnutrennikh del = Journal of the Ministry of internal Affairs*, part 23, book 4 (1857): 1–44.
20. Anuchin E. *Smertnost' v Tobol'skoi gubernii. Pamiatnaia knizhka dlia Tobol'skoi gubernii na 1864 g.* [Mortality in the province of Tobolsk. Memorial book of the Tobolsk province in 1864]. Tobolsk: Tip. Tobolskogo gubernskogo pravleniia, 1864, 299–320.
21. Anuchin E. *Sredniaia zhizn' i dolgovechnost' v g. Tobol'ske. Pamiatnaia knizhka dlia Tobol'skoi gubernii na 1864 g.* [Average life and durability in Tobolsk. Memorial book of the Tobolsk province in 1864]. Tobolsk: Tip. Tobolskogo gubernskogo pravleniia, 1864, 321–334.
22. Il'in V. A. *Kratkie statisticheskie opisaniia okruzhnykh gorodov Tobol'skoi gubernii. Pamiatnaia knizhka dlia Tobol'skoi gubernii na 1864 g.* [A brief statistical description of the County's cities of the Tobolsk province. Memorial book of the Tobolsk province in 1864]. Ed. Il'in V. A. Tobolsk: Tip. Tobolskogo gubernskogo pravleniia, 1864, 77–130.
23. Il'in V. A. *O torzhkakh i iarmarkakh v gorodakh i okrugakh Tobol'skoi gubernii. Pamiatnaia knizhka dlia Tobol'skoi gubernii na 1864 g.* [About celebrations and fairs in the cities and districts of the Tobolsk province. Memorial book of the Tobolsk province in 1864]. Ed. Il'in V. A. Tobolsk: Tip. Tobolskogo gubernskogo pravleniia, 1864, 401–438.
24. Abramov N. O zaselenii i promyshlennosti okrugov: Tarskogo i Omskogo v Tobol'skoi gubernii [On settlement and industry districts: Tara and Omsk in the province of Tobolsk]. *Vestnik Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva = Bulletin of the Imperial Russian geographical society*, part 7 (1853): 27–31.
25. Shcheglov I. V. *Khronologicheskii perechen' vazhneishikh dannyykh iz istorii Sibiri: 1032–1882 gg.* [Chronological list of the most important data from the history of Siberia: 1032–1882]. Irkutsk: Izd. Vostochno-Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva, 1883, 778.
26. Lysov A. P. *Narodnoe obrazovanie v Tiimenskom okruge v 1897 g.* [Public education in the Tyumen district in 1897]. Tyumen: Tip. «Sibirskoi torgovoi gazety», 1898, 23.
27. Maliarevskii G. Ia. *Ocherk istorii i sovremennogo sostoianiia narodnogo obrazovaniia v Sibiri* [Essay on the history and current state of national education in Siberia]. Saint-Petersburg: Sinod. tip., 1896, 85.
28. Prugavin A. S. *Zakony i spravochnye svedeniia po nachal'nomu narodnomu obrazovaniuu* [Laws and reference data on primary public education]. Saint-Petersburg: Obshchestvennaia polza, 1904, 1096.
29. Charnoluskii V. I. *Osnovnye voprosy organizatsii shkoly v Rossii* [The basic organization of schools in Russia]. Saint-Petersburg: Znanie, 1909, 131.
30. Charnoluskii V. I. *Chastnaia initsiativa v dele narodnom obrazovanii. Sotsial'noe znachenie, tipy, osnovnye voprosy i ocherednye prakticheskie zadachi svobodnykh prosvetitel'nykh obshchestvennykh organizatsii v sovremennoi Rossii* [Private initiative in the field of public education. Social significance, types, main issues and the next practical tasks of free educational public organizations in modern Russia]. Saint-Petersburg: Tip. A. A. Aleksandrova, 1910, 195.
31. Chekhov N. V. *Narodnoe obrazovanie v Rossii s 60-kh godov XIX v.* [Public education in Russia since the 60 of the XIX century]. Moscow: Polza, 1912, 224.
32. Vinogradov P. T. *Nachal'noe obrazovanie v Tomskoi gubernii v 1908 godu sravnitel'no s zemskimi guberniiami i kul'turnymi stranami vsego mira* [Primary education in Tomsk province in 1908, compared with the Zemstvo provinces and cultural countries all over the world]. Tomsk: Tip. Gubernskogo upravleniia, 1910, 32.
33. Volfson D. D. *Sibirskie voskresnye shkoly* [Siberian Sunday schools]. Tomsk: Tovarishchestvo Skoropechatni A. A. Levenson, 1903, 237.
34. Aref'ev V. S. *Opisanie Sibiri. Vypusk 2. Kratkoe opisanie gubernii i oblastei Sibiri: ocherki dlia narodnogo chteniia* [Description of Siberia. Issue 2. Brief description of provinces and regions of Siberia: essays for national reading]. Tomsk: Parovaia tipo-litografiia P. I. Makushina, 1901, 96.
35. Petrov M. *Zapadnaia Sibir'. Guberniia Tobol'skaia i Tomskaia* [Western Siberia. Province of Tobolsk and Tomsk]. Moscow: Tip. I. D. Sytina, 1908, 211.
36. Turchaninov N. V. *Goroda Aziatskoi Rossii. Aziatskaia Rossiia. T. I: Liudi i poriadki za Uralom* [City of Asian Russia. Asian Russia. Vol. 1. People and practices in the Urals]. Saint-Petersburg: Tovarishchestvo A. F. Marks, 1914, 285–360.
37. Golovachev P. M. *Sibir': priroda, liudi, zhizn'* [Siberia: nature, people, life]. Moscow: Tip. I. D. Sytina, 1905, 400.
38. Golovachev P. M. *Ekonomicheskaiia geografiia Sibiri* [Economic geography of Siberia]. Moscow: Tip. I. D. Sytina, 1914, 183.
39. Potanin G. N. *Goroda Sibiri. Sibir', ee sovremennoe sostoianie i nuzhdy* [Siberian city. Siberia, its current state and needs]. Saint-Petersburg: Izd. A. F. Devriena, 1908, 234–259.
40. Potanin G. N. *Zametki o Zapadnoi Sibiri* [Notes on the Western Siberia]. *Russkoe slovo = Russian word*, no. 9 (1860): 189–214.
41. Iadrintsev N. M. *Sibir' kak koloniia v geograficheskom, etnograficheskom i istoricheskom otnoshenii* [Siberia as a colony in geographical, ethnographic and historical terms]. Saint-Petersburg: Izd. I. M. Sibiriakova, 1892, 736.
42. Iadrintsev N. M. *Obshchestvennaia zhizn' v Sibiri* [Social life in Siberia]. *Tomskie gubernskie vedomosti = Tomsk provincial sheets*, no. 5 (1865): 1–4.
43. Gessen V. M. *Voprosy mestnogo samoupravleniia* [The local government]. Saint-Petersburg: Tipo-litografiia A. E. Landau, 1904, 235.

44. Dzhanishiev G. A. *Epokha velikikh reform* [The era of the great reforms]. Saint-Petersburg: Tipo-litografiia B. M. Vol'fa, 1907, 859.
45. Ditiatin I. I. *Ustroistvo i upravlenie gorodov Rossii* [Arrangement and management of Russian cities]. Saint-Petersburg; Yaroslavl: Tip. P. P. Merkuleva, G. V. Falk, 1875–1877, 512, 592.
46. Kizevetter A. A. *Mestnoe samoupravlenie v Rossii. IX–XIX stoletii. Istoricheskii ocherk* [Local government in Russia. The IX–XIX centuries. Historical essay]. Moscow: Tip. Imperatorskogo Moskovskogo universiteta, 1910, 155.
47. Nemchinov V. I. *Gorodskoe samoupravlenie po deistvuiushchemu russkomu zakonodatel'stvu* [Urban self-government under the current Russian legislation]. Moscow: Tip. V. M. Sablina, 1912, 396.
48. Pazhitnov K. A. *Gorodskoe i zemskoe samoupravlenie. Seriya: Velikie reformy shestidesiatykh godov v ikh proshlom i nastoiashchem* [Urban and Zemstvo self-government. Series: the Great reforms of the sixties in their past and present]. Saint-Petersburg: Izd. M. I. Semenova, vol. 4 (1913): 114.
49. Shreider G. I. *Nashe gorodskoe obshchestvennoe upravlenie: etudy, ocherki i zametki* [Our urban public administration: sketches, essays and notes]. Saint-Petersburg: Parovaia skoropechatnia «Vostok», vol. 1 (1902): 337.
50. Gradovskii A. D. *Sobranie sochinenii* [Collected Works by Gradovskii A. D.]. Saint-Petersburg: Tip. M. M. Stasiulevicha, vol. 8–9 (1907–1908): 580, 599.
51. Mikhailovskii A. G. *Reforma gorodskogo samoupravleniia v Rossii* [Urban self-government reform in Russia]. Moscow: Polza, 1908, 110.
52. Nemirovskii A. O. *Reforma gorodskogo samoupravleniia* [Reform of city government]. Saint-Petersburg: Tip. V. Bezobrazova i Ko, 1911, 172.
53. Baitov G. B. *Ocherki istorii munitsipal'nogo Barnaula (1877–1902)* [Essays on the history of the municipal Barnaul (1877–1902)]. Tomsk: Tipo-litografiia P. I. Makushina, 1906, 158.
54. Shipitsin A. N. *Gorodskoe khoziaistvo. Gorod Tomsk* [Municipal economy. The city of Tomsk]. Tomsk: Izd. Sibirskogo tovarishchestva pechatnogo dela v Tomske, 1912, 202–278.
55. Adrianov A. V. *Periodicheskaiia pechat' v Sibiri: s ukazatelem izdaniia v 1918 godu* [Periodical press in Siberia: with the index of editions in 1918]. Tomsk: Tipo-litografiia Tomskoi zheleznnoi dorogi, 1919, 31.
56. Adrianov A. V. *Severnyi morskoi put' i moskovskie promyshlenniki* [The Northern sea route and the moscow industrialists]. Tomsk: Tip. Sibirskogo tovarishchestva pechatnogo dela v Tomske, 1912, 14.
57. Sobolev M. N. *Zapadnaia Sibir'. Statistiko-ekonomicheskie ocherki oblastei, gubernii i gorodov Rossii* [Western Siberia. Statistical and economic essays of regions, provinces and cities of Russia]. Kiev: Izd-vo L. M. Fish, 1913, 412–425.
58. Dunin-Gorkavich A. A. *Tobol'skii Sever: ocherki geograficheskie i etnograficheskie* [The Tobolsk North: essays on the geographical and ethnographic]. Saint-Petersburg; Tobolsk: Tip. V. Kirshbauma, Tobolskaia gubernskaia tip., vol. 1–3 (1904–1911): 281, 432, 208.
59. *Rossiiia. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego Otechestva: nastol'naia i dorozhnaia kniga dlia russkikh liudei* [Russia. Full geographic description of our Fatherland: desktop and road book for Russian people]. Saint-Petersburg: Tip. A. F. Devrien, vol. 16 (1907): 591.
60. *Aziatskaia Rossiia* [Asian Russia]. Saint-Petersburg: Tovarihschestvo A. F. Marks, 1914, 1619.

УДК 159.9+316.6

МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОРГАНИЗАЦИИ И ПРОВЕДЕНИЯ ПРОГРАММЫ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ ФОРМИРОВАНИЯ РОДИТЕЛЬСКОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ**Ольга О. Андронникова^{1, @1}, Марина А. Евдокимова^{2, @2}**¹ Новосибирский государственный педагогический университет, 630126, Россия, г. Новосибирск, ул. Виллюйская, 28² Центр родительства и детства «Фэмили студия», 630004, Россия, г. Новосибирск, ул. Ленина, 24@¹ andronnikova_69@mail.ru@² m.yevdokimova@yandex.ru*Поступила в редакцию 20.04.2018. Принята к печати 09.06.2018.*

Ключевые слова: родительская компетентность, психолого-педагогическая поддержка, подростки, родители, сознательное родительство.

Аннотация: В статье проанализированы вопросы организации системы психолого-педагогической поддержки в формировании родительской компетентности. Рассмотрен феномен психолого-педагогической поддержки, его содержательное и сущностное наполнение. Доказано, что психолого-педагогическая поддержка выступает специальными условиями, обеспечивающими эффективность формирования осознанного родительства. Методологической основой для планирования воздействий в рамках организации психолого-педагогической поддержки выступает иерархическая схема родительской компетентности, включающая в себя три уровня. Высший уровень связан с обеспечением самодетерминации поведения и формированием ценностно-смысловых оснований родительства. Второй обеспечивает решение задач саморегуляции через рефлексию и выстраивание социального взаимодействия в деятельности. Третий отвечает за операционально-исполнительный уровень деятельности. Содержательной основой модели формирования родительской компетентности являются когнитивный, мотивационно-ценностный, операционно-деятельностный и социально-психологический компоненты. Обозначена структура деятельности, формы, методы и технологии осуществления психолого-педагогического сопровождения родителей. Представлена модель психолого-педагогической поддержки, представляющая из себя комплексный процесс взаимодействия всех участников данного процесса.

Для цитирования: Андронникова О. О., Евдокимова М. А. Методические основы организации и проведения программы психолого-педагогической поддержки формирования родительской компетентности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 2. С. 77–84. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-77-84>.

Современное состояние развития семьи и детско-родительских отношений у многих исследователей вызывает серьезное беспокойство. Произошло изменение сути и содержания родительских функций, требований к компетентности родителя, его способности гибко реагировать на изменения социальных процессов, его педагогических умений и возможностей. В задачи современного родителя входит не только рождение и «выкармливание» ребенка, обеспечение его выживания, но и воспитание, социализация, формирование личностных структур, духовно-нравственное развитие, создание необходимых условий для формирования его ресурсной психической структуры, здоровой и дееспособной личности. Одновременно с увеличением требований к реализации родительства и усложнением задач наблюдается дефицит источников, позволяющих родителям обрести необходимую компетентность и готовность к выполнению родительских функций. Таким образом, наблюдается ряд тенденций, позволяющих

предположить, что необходима организация специальных мероприятий, направленных на укрепление института семьи и формирование родительской компетентности. Отметим, что потребности к организованной помощи в формировании родительской компетентности, по мнению многих авторов (А. Т. Анохина, Л. А. Забродина, А. В. Минина), нужна не только родителям, чьи дети находятся в группе риска, но и тем, у кого есть задача в выстраивании конструктивных детско-родительских отношений [1; 2].

Растущая потребность родителей в помощи специалистов, организующих систему, позволяющую сформировать родительскую компетентность, вызывает адекватный ответ в разработке программ поддержки и сопровождения родителей.

Рассматривая феномен психолого-педагогической поддержки, необходимо отметить сложность и недостаточную изученность данного вопроса. Вне фокуса внимания ученых до сих пор остается ряд вопросов, ка-

сающихся определения психолого-педагогических условий, способствующих формированию родительской компетентности, методологических технологий, обеспечивающих оказание родителям результативной помощи в формировании родительской компетентности.

Анализ выделяемого нами концепта «психолого-педагогическая поддержка развития компетентности родителей» позволил опираться на концепцию гуманистической психологии, объясняющую суть субъектного существования личности в окружающем пространстве через ее способность к реализации потенциалов и возможность конструктивных преобразований, возникающих в специально организованном акте взаимодействия. Психолого-педагогическая поддержка в данном случае выступает специальными условиями, обеспечивающими эффективность формирования осознанного родительства, направленного на саморазвитие и / или развитие отдельных аспектов личности, находящихся в дефиците [3].

В нашей работе явление психолого-педагогической поддержки рассматривается как комплексное воздействие, организуемое в образовательном пространстве и включающее в себя деятельность, направленную на конструктивное преобразование личности в рамках широкого круга социальных явлений. Рассматривая содержание понятия «психолого-педагогической поддержки», необходимо отметить, что в рамках данного явления происходит интеграция задач педагогического, психологического и социального плана. Таким образом, суть психолого-педагогической поддержки заключается в интеграции психологической и педагогической помощи, психолого-педагогической поддержки, социальной фасилитации и др.

В данном случае в фокусе внимания психолого-педагогической поддержки находятся вопросы повышения компетентности родителей. Реализация программы психолого-педагогической поддержки предполагает совокупность форм психологического и педагогического реестра, в достаточном количестве разработанных как отечественными, так и зарубежными авторами. Так, под руководством А. Адлера реализовывались программы публичных консультаций с родителями, в рамках которых организовывались дискуссии, посвященные проблемам взаимоотношений с детьми и обучению родителей принципам уважительного отношения к ребенку и его потребностям [4]. Р. Дрейкурс продолжил идеи А. Адлера, дополнив их практическими рекомендациями, лекциями и дискуссионными группами [5]. Х. Дж. Джинотт разработал модель группового психологического консультирования родителей, направленную на развитие их эмоциональной сферы, через осознание собственных подлинных чувств, ожиданий и ценностей [6]. Технологии научения родителей диалогическому общению с ребенком с целью предупреждения конфликтных ситуаций лежат в основе программы Т. Гордона [7]. Опираясь на основные идеи Т. Гордона с учетом выделенных в российской психологии закономерностей психического развития ребенка, Ю. Б. Гиппенрейтер предложила программу психологической помощи родителям, направленную на позитивное при-

нятие своего ребенка с учетом его нужд и возрастных потребностей [8]. Идею изменения социальной среды использует в своей работе В. М. Минияров [9]. В рамках коррекционной программы происходит развитие технологий и средств психолого-педагогического воздействия на родителей, способствующих устойчивым изменениям отношений и преодолению возникающих трудностей. Р. Овчарова и М. Ермихина предлагают программы «осознанного родительства», в задачи которых входит повышение родительской компетентности через осознание родителями собственных установок, ожиданий от детей и супружеских позиций, проблем, семейных ценностей, стиля воспитания [10; 11].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что в любой из форм реализации психолого-педагогической поддержки фокус внимания направлен на развитие способности родителя самостоятельно решать возникающие жизненные проблемы в ситуации высокого уровня неопределенности и преодолевать сложности [12].

Таким образом, психолого-педагогическая поддержка, представляющая из себя комплекс организационно-содержательных условий, обеспечивающих поэтапное развитие компетентности на разных этапах родительства, включает в себя технологии, средства и методы поддержки, обеспечивая родителей разного рода ресурсами для развития родительской компетентности.

Как методы и средства реализации индивидуальных и групповых форм психолого-педагогической поддержки выступают психологическое просвещение (лекция, семинар, практикум, конференция), психологическое консультирование, тренинги, коррекционно-развивающие занятия и др.

Осуществление психолого-педагогической поддержки родителей в формировании родительской компетентности должно быть последовательным и комплексным (рис. 1).

Основным содержанием деятельности в рамках психолого-педагогической поддержки выступают:

- психолого-педагогическая поддержка развития родительства как естественного процесса, связанного с появлением родительской компетентности;
- организация поддержки родителей в трудных, кризисных и экстремальных ситуациях через развитие соответствующих компетенций родителей, позволяющих справляться с возникающими проблемами;
- психолого-педагогическое сопровождение процесса семейного воспитания.

Основными принципами модели формирования родительской компетентности выступают структурность, системность, динамичность и вариативность. Использование данных принципов позволило сконструировать модель психолого-педагогического сопровождения формирования родительской компетентности как динамичную систему, содержащую в себе взаимосвязанные компоненты.

Содержательной основой модели формирования родительской компетентности выступили выделенные нами ранее компоненты: когнитивный, мотивационно-ценностный, операционно-деятельностный и соци-

Рис. 1. Структура осуществления психолого-педагогической поддержки родителей
Fig. 1. Structure of psychological and pedagogical support of parents

ально-психологический. Именно качественная характеристика их наполнения выступает платформой для выстраивания задачи и выделения критериев сформированности родительской компетентности.

Иерархичность функциональной структуры родительской компетентности, определяющей разрешение задач родительства на разных уровнях организации деятельности, приводит к необходимости соотношения компонентов и целевого воздействия для их формирования, позволяющего детерминировать развитие как отдельных компетенций, так и более сложных иерархических структур.

В рамках нашей модели высший иерархический уровень родительской компетентности связан с компетенциями субъекта, обеспечивающими самодетерминацию поведения и формирование ценностно-смысловых оснований родительства. Второй иерархический уровень обеспечивает решение задач саморегуляции через рефлексию и выстраивание социального взаимодействия в деятельности. Третий уровень функциональной организации родительской компетентности отвечает за операционально-исполнительный уровень деятельности. В этом случае третий уровень включает в себя комплекс компетенций, обеспечивающих социорегулятивный потенциал личности: коммуникативные, языковые, эмоциональные и др. компетенции. Все три уровня иерархии имеют преломление через индивидуальный опыт субъекта, включающий взаимодействие с собственными родителями, социокультурные установки, существующие в обществе практики осуществления родительства, индивидуальные травматические переживания. Представленная иерархическая схема родительской компетентности выступает методологической основой для планирования воздействий в рамках

организации психолого-педагогической поддержки. Компоненты морфологической и динамической структуры родительской компетентности выступили основой для планирования комплексного воздействия.

Методологической основой организации работы с родителями в рамках образовательного учреждения выступает единство реализации деятельностного и аксиологического подходов. основополагающими принципами в этой модели являются центрированность на семье как единой системе, согласованность ценностных ориентиров в воспитании и развитии ребёнка, идеологический принцип сотрудничества, субъектность организации взаимодействия, рефлексивность деятельности, открытость системы к взаимодействию. Содержательное наполнение деятельности обеспечивается единством когнитивного, социально-психологического, мотивационно-ценностного и операционно-деятельностного компонентов.

Первостепенным в организации деятельности по формированию родительской компетентности является мотивационно-ценностный компонент, в процессе работы с которым происходит выработка ценностного отношения к воспитанию ребенка и осуществлению родительства, что формирует готовность к овладению новыми психолого-педагогическими знаниями и способами взаимодействия с ребёнком. В рамках работы с когнитивным компонентом родительской компетентности в фокусе внимания находится формирование психолого-педагогической грамотности в вопросах воспитания и развития ребёнка, его возрастных и типологических особенностей, понимания и знания об эффективных моделях организации родительского-детского взаимодействия. Важным параметром сформированности компетентности в рамках когнитивного компонента

выступает способность родителя к осознанию неэффективных родительских установок и ожиданий и их коррекции, исходя из реальности среды. Работа с социально-психологическим компонентом родительской компетентности направлена на овладение методами саморегуляции, личностный рост родителя, ощущение психологического благополучия, эмоциональной стабильности. Основным критерием изменений данного компонента становится уверенность в собственных действиях, понимание этой деятельности и эмоциональная стабильность родителя в ситуациях осуществления родительства.

Большое внимание в рамках психолого-педагогического сопровождения уделяется операционно-деятельностному компоненту и формированию отдельных компетенций. В контексте взаимодействия участников процесса используется реестр разнообразных форм работы, специфика которых зависит от поставленных задач. При этом все многообразие форм реализуется в каждой из систем, участвующих в процессе формирования родительской компетентности: «педагог-родитель», «родитель-родитель», «родитель-ребенок».

Существуют следующие организационные формы работы по формированию родительской компетентности: родительский клуб, создание традиций, тренинг для родителей, мастер-классы, упражнения, беседы, дидактические игры, демонстрация способов взаимодействия, наблюдение за деятельностью и поведением, рефлексия.

Технологически модель содержит комплекс активных методов и форм развития компетентности родителей через включение родителей и погружение их в воспитательную, образовательную, организационную и рефлексивную деятельность.

Таким образом, модель психолого-педагогической поддержки представляет собой комплексный процесс взаимодействия специалистов (педагога, психолога, социального педагога), родителя и ребёнка. Сущностное и целевое наполнение процесса заключается в организации эффективного взаимодействия, направленного на изменение объективного и субъективного опыта родителей во взаимодействии со своими детьми. Повышение психолого-педагогической компетентности родителя в осуществлении своих функций происходит за счет создания особых условий, погружающих родителя в воспитательную, образовательную организационную и рефлексивную деятельность. Полученные в результате знания о специфике организации взаимодействия со своим ребёнком, особенностей его развития и его потребностей, приобретение нового опыта, осмысление сути родительства, навыки эффективных форм взаимодействия с другими участниками служат основой для предположения об эффективности модели.

Существует множество подходов к организации процесса формирования родительской компетентности. Так, И. В. Ильина опирается на методологию системного, деятельностного и компетентностного подходов, включает ориентационно-диагностический, содержательно-регламентационный, процессно-технологический и результативно-коррекционный компоненты

[13]. К. А. Лебедева, рассматривая родительскую компетентность, выделяет ценностно-смысловой, когнитивный, рефлексивный, поведенческо-деятельностный и поведенческо-коммуникативный компоненты, поэтапно формируемые во взаимодействии родителей со специалистами [14]. Близким по компонентному составу и организации работы с родителями к К. А. Лебедевой является подход А. В. Мининой [2]. Б. В. Сергеева, Р. К. Аракелян предлагают системную модель формирования родительской компетентности, состоящую из целевого, организационно-содержательного и оценочно-результативного блоков, в рамках которых идет становление эмоционально-ценностного отношения к младшим школьникам и процессу их воспитания [15]. В. В. Селина рассматривает формирование родительской компетентности как последовательный процесс, состоящий из двух этапов, на первом из которых возникает атмосфера доверия среди родителей и специалистов, на втором решаются задачи формирования компетентности [16]. Т. С. Староверова, В. Н. Поникарова выделяют модель формирования педагогической компетентности родителей детей с заиканием, состоящую из диагностического, целевого, содержательно-деятельностного и результативно-оценочного модулей [17]. Анализ вышеперечисленных подходов приводит нас к выбору модели, состоящей из трёх основных блоков: целевого, организационно-содержательного, оценочно-результативного, – представленной на рисунке 2. В рамках этих блоков реализуется как целеполагание и мотивация формирования родительской компетентности, так и задачи содержания и результативности данной деятельности.

Целевой блок включает постановку целей и определение результата, необходимого для определения ориентиров повышения родительской компетентности. Он содержит описание основных задач, критериев и показателей сформированности компонентов родительской компетентности. Необходимо помнить, что дифференцированность задач развития родительской компетентности будет зависеть от диагностики сформированности ее компонентов и мотивированности родителей. Организационно-содержательный блок начинается с выявления начального уровня сформированности родительской компетентности участников программы, что позволяет определить необходимое содержание программы и обосновывать выбор конкретных методических материалов и технологий организации работы. Оценочно-результативный блок модели связан с мониторингом сформированности родительской компетентности и планирования коррекции.

В качестве критериев эффективности сформированности родительской компетентности выступают способности к выполнению родительской деятельности, внешне наблюдаемые в поведенческих реакциях проявления отдельных компетенций. Как основополагающие из них можно обозначить следующие:

- принятие системы социально-нравственной ценности родительства;
- владение базовыми ситуациями, сопряженными с осуществлением родительских функций;

Рис. 2. Модель осуществления психолого-педагогической поддержки через формирование родительской компетентности в образовательном учреждении

Fig. 2. The model of the implementation of psychological and pedagogical support through the formation of parental competence in an educational institution

– способность к решению нестандартных задач в ситуации большой неопределенности;

– способность к рефлексивной оценке своей деятельности и ее коррекции в случае необходимости.

Общим результатом работы в модели формирования родительской компетентности выступает эффективность в осуществлении родительской деятельности при переживании всеми участниками взаимодействия положительных эмоций и ощущения благополучия.

Немаловажным в рамках планирования и организации процесса психолого-педагогической поддержки формирования родительской компетентности выступает учет условий, необходимых для реализации программы. С нашей точки зрения, основополагающими условиями выступают готовность специалистов (педагогов, психологов, дефектологов, социальных педагогов) к деятельности по психолого-педагогической поддержке формирования компетентности родителей; применение дифференцированных подходов, технологий и форм работы с родителями в зависимости от начального уровня её сформированности; наличие структурированного методического материала, позволяющего эффективно комбинировать работу специалистов в индивидуальной и групповой формах; заин-

тересованность родителей в изменении специфики и содержания взаимодействия с детьми.

Таким образом, построение модели формирования родительской компетентности опиралось на принципы структурности, системности, динамичности и вариативности. Использование данных принципов позволило сконструировать модель как динамичную систему, включающую в себя взаимосвязанные компоненты, структура которых позволяет отразить порядок необходимых мероприятий и действий для достижения заданной цели.

В рамках нашей работы для построения модели психолого-педагогической поддержки мы опираемся на выделенные структурные блоки: целевой, организационно-содержательный, оценочно-результативный. Данные блоки отвечают как за целеполагание в деятельности по формированию родительской компетентности, так и за содержание и результат этой деятельности.

Предложенная модель формирования родительской компетентности может быть эффективной при условии наличия ресурсов образовательной организации, готовности специалистов к реализации различных моделей, заинтересованности родителей.

Литература

1. Забродина Л. А. Психологическая поддержка родителей в формировании конструктивных родительско-детских отношений: дис. ... канд. психол. наук. Самара, 2010. 203 с.
2. Минина А. В. Модель формирования педагогической компетентности родителей в воспитании самостоятельности детей дошкольного возраста // Академическая наука – проблемы и достижения: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (20–21 февраля 2014): в 2 т. М., 2014. Т. 1. С. 104–107.
3. Брушлинский А. В. Проблемы психологии субъекта. М.: Институт психологии РАН, 1994. 109 с.
4. Адлер А. Воспитание детей. Взаимодействие полов. Ростов н/Д: Феникс, 1998. 448 с.
5. Дрейкурс Р., Золц В. Счастье вашего ребенка / пер. с англ. А. В. Толстых. М.: Прогресс, 1986. 239 с.
6. Джинотт Х. Родители и дети. М.: Класс, 1992. 261 с.
7. Фромм А., Гордон Т. Популярная педагогика. Екатеринбург: АРД ЛТД, 1997. 608 с.
8. Гиппенрейтер Ю. Б. Общаться с ребенком. Как? М.: ЧеРо, 2001. 240 с.
9. Минияров В. М., Ельцова В. А., Райкова Е. Ю. Психологическое консультирование по проблемам родительско-детских отношений. Самара: Содружество Плюс, 2005. 234 с.
10. Ермихина М. О. Формирование осознанного родительства на основе субъективно-психологических факторов: дис. ... канд. психол. наук. Казань, 2004. 168 с.
11. Овчарова Р. В. Психология родительства. М.: Академия, 2005. 368 с.
12. Психология семейных отношений с основами семейного консультирования / под ред. Е. Г. Силаевой. М.: Академия, 2002. 192 с.
13. Ильина И. В. Формирование социальной компетенции у студентов профессиональных образовательных организаций: дис. ... канд. пед. наук. Челябинск, 2014. 213 с.
14. Лебедева К. А. Педагогическая компетентность родителей дошкольников: структура и методики ее измерения в контексте личностного подхода // Дошкольное воспитание. 2014. № 6. С. 84.
15. Сергеева Б. В., Аракелян Р. К. Формирование родительской компетентности в условиях начальной школы // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. Т. 8. № 1-1. С. 184–188.
16. Селина В. В. Развитие педагогической компетентности родителей детей раннего возраста в дошкольном образовательном учреждении: автореф. дис. ... канд. пед. наук. В. Новгород. 2009. 27 с.
17. Староверова Т. С., Поникарова В. Н. Модель формирования педагогической компетентности родителей детей дошкольного возраста с ОВЗ в условиях инклюзивного образовательного учреждения // Концепт. 2016. Т. 11. С. 651–655. Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2016/86142.htm> (дата обращения: 12.05.2018).

METHODICAL BASES OF ORGANIZING AND CONDUCTING THE PROGRAM OF PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL SUPPORT FOR PARENTAL COMPETENCE FORMATION

Olga O. Andronnikova^{1, @1}, Marina A. Evdokimova^{2, @2}

¹ Novosibirsk State Pedagogical University, 28, Vilyuyskaya St., Novosibirsk, Russia, 630126

² Center for Parenthood and Childhood «Family Studio», 24, Lenina St., Novosibirsk, Russia, 630004

@¹ andronnikova_69@mail.ru

@² m.yevdokimova@yandex.ru

Received 20.04.2018. Accepted 09.06.2018.

Keywords: parental competence, psychological and pedagogical support, adolescents, parents, conscious parenthood.

Abstract: The article analyzes the issues of organizing a system of psychological and pedagogical support in the formation of parental competence. It features the phenomenon of psychological and pedagogical support, its substantive and essential content. The authors have proved that psychological and pedagogical support acts as special conditions ensuring the effective formation of conscious parenthood. A hierarchical scheme of parental competence, including three levels, serves as a methodological basis for planning the impacts within the organization of psychological and pedagogical support. The highest level is associated with ensuring the self-determination of behavior and the formation of the value-semantic bases of parenthood. The medium level ensures the solution of problems of self-regulation through reflection and the building of social interaction in activities. The third one is responsible for the operational and executive level of activity. The substantive basis of the model of the formation of parental competence is represented by cognitive, motivational-value, operational-activity and socio-psychological components. The article also describes the structure of activity, forms, methods and technologies of realization of psychological and pedagogical support of parents. It introduces a model of psychological and pedagogical support, which is a complex process of interaction of all participants in this process.

For citation: Andronnikova O. O., Evdokimova M. A. Metodicheskie osnovy organizatsii i provedeniia programmy psikhologo-pedagogicheskoi podderzhki formirovaniia roditel'skoi kompetentnosti [Methodical Bases of Organizing and Conducting the Program of Psychological and Pedagogical Support for Parental Competence Formation]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2018): 77–84. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-77-84>.

References

1. Zabrodina L. A. *Psikhologicheskaya podderzhka roditeli v formirovanii konstruktivnykh roditel'sko-detskikh otnoshenii*. Diss. kand. psikh. nauk [Psychological support of parents in the formation of constructive parent-child relations. Cand. Psychol. Sci. Diss.]. Samara, 2010, 203.
2. Minina A. V. Model' formirovaniia pedagogicheskoi kompetentnosti roditeli v vospitanii samostoiatel'nosti detei doskol'nogo vozrasta [Model of formation of pedagogical competence of parents in education of independence of children of preschool age]. *Akademicheskaya nauka – problemy i dostizheniia: sb. st. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (20–21 fevralia 2014)* [Academic science – problems and achievements: Proc. Intern. Sc.-Prac. Conf. (February 20–21 2014)]. Moscow, vol. 1 (2014): 104–107.
3. Brushlinskii A. B. *Problemy psikhologii sub"ekta* [Problems of subject psychology]. Moscow: Institut psikhologii RAN, 1994, 109.
4. Adler A. *Vospitanie detei. Vzaimodeistvie polov* [Education of children. Interaction of the sexes]. Rostov on Don: Feniks, 1998, 448.
5. Dreikurs R., Zolts V. *Schast'e vashego rebenka* [The happiness of your child]. Transl. Tolstykh A. V. Moscow: Progress, 1986, 239.
6. Ginott H. *Roditeli i deti* [Parents and Children]. Moscow: Klass, 1992, 261.
7. Fromm A., Gordon T. *Populiarnaya pedagogika* [Popular Pedagogy]. Ekaterinburg: ARD LTD, 1997, 150.
8. Gippenreiter Iu. B. *Obshchat'sia s rebenkom. Kak?* [Communicate with the child. How?]. Moscow: CheRo, 2001, 240.
9. Miniarov V. M., El'tsova V. A., Raikova E. Iu. *Psikhologicheskoe konsul'tirovanie po problemam roditel'sko-detskikh otnoshenii* [Psychological counseling on issues of parental and child relationships]. Samara: Sodruzhestvo Plus, 2005, 234.
10. Ermikhina M. O. *Formirovanie osoznannogo roditel'stva na osnove sub"ektivno-psikhologicheskikh faktorov*. Diss. kand. psikh. nauk [Formation of conscious parenthood on the basis of subjective and psychological factors. Cand. Psychol. Sci. Diss.]. Kazan', 2004, 168.
11. Ovcharova R. V. *Psikhologiya roditel'stva* [Psychology of parenthood]. Moscow: Akademiia, 2005, 368.

12. *Psikhologiya semeinykh otnoshenii s osnovami semeinogo konsul'tirovaniia* [Psychology of family relations with the basics of family counseling]. Moscow: Akademiia, 2002, 192.
13. Il'ina I. V. *Formirovanie sotsial'noi kompetentsii u studentov professional'nykh obrazovatel'nykh organizatsii*. Diss. kand. ped. nauk [Formation of social competence among students of professional educational organizations. Cand. Ped. Sci. Diss.]. Chelyabinsk, 2014, 213.
14. Lebedeva. K. A. Pedagogicheskai kompetentnost' roditel'ei doshkol'nikov: struktura i metodiki ee izmereniia v kontekste lichnostnogo podkhoda [Pedagogical competence of parents of preschool children: the structure and methods of its measurement in the context of the personal approach]. *Doshkol'noe vospitanie = Preschool education*, no. 6 (2014): 84.
15. Sergeeva B. V., Arakelian R. K. Formirovanie roditel'skoi kompetentnosti v usloviakh nachal'noi shkoly [Formation of parental competence in the conditions of primary school]. *Istoricheskai i sotsial'no-obrazovatel'naia mysl' = Historical and socio-educational thought*, 8, no. 1-1 (2016): 184–188.
16. Selina V. V. *Razvitie pedagogicheskoi kompetentnosti roditel'ei detei rannego vozrasta v doshkol'nom obrazovatel'nom uchrezhdenii*. Avtoref. diss. kand. ped. nauk [Development of pedagogical competence of parents of young children in a pre-school educational institution. Cand. Ped. Sci. Diss. Abstr.]. V. Novgorod, 2009, 27.
17. Staroverova T. S., Ponikarova V. N. Model' formirovaniia pedagogicheskoi kompetentnosti roditel'ei detei doshkol'nogo vozrasta s OVZ v usloviakh inkluzivnogo obrazovatel'nogo uchrezhdeniia [Model of formation of pedagogical competence of parents of preschool-age children with HIA in the conditions of an inclusive educational institution]. *Kontsept = Concept*, vol. 11 (2016): 651–655. Available at: <http://e-koncept.ru/2016/86142.htm> (accessed 12.05.2018).

УДК 159.9

МОДЕЛЬ СТРУКТУРНЫХ КОМПОНЕНТОВ ЛИЧНОСТНЫХ СМЫСЛОВ

Оксана Ф. Барьяхтар¹. @

¹ Донецкий национальный университет, 83001, Украина, г. Донецк, ул. Университетская, 24

@ Oksana-neverland@mail.ru

Поступила в редакцию 29.04.2018. Принята к печати 09.06.2018.

Ключевые слова:

смысл, личностный смысл, жизненное пространство, смысловое поле, компоненты личностного смысла.

Аннотация: В статье предложена модель структурных компонентов личностных смыслов с учетом пространственной организации жизни человека. Рассматриваются содержательные характеристики компонентов смысловой сферы в концептуальном многообразии психологических подходов для понимания феноменологии этого процесса.

Автор анализирует теоретико-методологические ориентации современной психологии на личностный потенциал смысловых образований как условие интегрированной целостной личности. Личность представлена субъектом и одновременно объектом собственной жизни. Личностный смысл определяется как сложное системное образование, включающее в себя когнитивный (смысложизненные представления, идеалы, ценности, убеждения, интересы), эмотивный (эмоционально-оценочное отношение к себе, к другим) и конативный (поступки, межличностное взаимодействие, направленность деятельности и поведения в различных социальных условиях) компоненты. В процессе смыслообразования происходит интеграция, согласование и объединение структурных компонентов в целостную систему, а именно в систему личностных смыслов. Система в целом приобретает новые качества, отсутствующие в отдельных компонентах, личностный смысл является вершиной личности, ее интеграцией. Компоненты предложенной модели структурно отображают методологический потенциал концепции личностного смысла, целью является создание комплексного подхода для исследования смысловой детерминации личности.

Для цитирования: Барьяхтар О. Ф. Модель структурных компонентов личностных смыслов // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 2. С. 85–91. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-85-91>.

В современных условиях развития общества отмечается изменение психологической среды, в которой живет человек. Увеличивается число всевозможных рисков, которым подвергается личность, интенсивность информационных потоков, обилие трудных ситуаций, экстремальные события, включая войны, террористические акты, техногенные и природные катастрофы, межнациональные и религиозные конфликты. Перечисленные социальные факторы осложняют и деформируют процессы становления индивида как личности и индивидуальности, формирования личностной идентичности и, как следствие, возникновения когнитивного диссонанса. В современной психологической науке феномен личности рассматривается как целостное образование, отражающее социальную природу человека. Личность представляет собой сложную динамическую систему, которая проходит сложный процесс становления, интегрирует в себе опыт человечества и формирует собственную картину мира. В качестве системообразующего фактора личности выступает личностный смысл. Исследование личностного смысла как детерминанты развития личности сегодня становится одной из прерогатив психологии, соответственно разработка этой проблематики необходима в плане развития и уточнения как методологических, так и практических положений.

Целью данного исследования является анализ и обоснование модели организации личностного смысла через описание пространственных параметров и создание комплексного подхода для исследования смысловой детерминации личности.

Концептуальный анализ теоретических подходов (А. Г. Асмолов, С. В. Братусь, Д. А. Леонтьев, А. В. Серый, С. Мадди, Р. Мэй, В. Франкл) к пониманию процесса образования личностного смысла показал, что выбранный объект исследования представляет собой сложный психологический феномен, который выступает связующим звеном между сознанием и деятельностью.

Проведенный теоретический анализ показал, что образование личностного смысла как структурного компонента личности происходит в процессе развития согласно общим принципам и закономерностям психического развития. Среди общих принципов психического развития важную роль играют принципы устойчивого динамического неравновесия, взаимодействия тенденции к постоянству и переменам, дифференциации-интеграции, кумулятивности развития и дивергентности-конвергентности в процессе развития.

В психологической теории личностного смысла Д. А. Леонтьева процесс образования личностных смыслов понимается как возникновение, появление значимого в процессе развития личности, что

означает перемены в ее собственном внутреннем мире за счет внешних влияний и собственной деятельности человека [1].

Поворот теоретико-методологической ориентации современной психологии личности в сторону субъекта обусловил высокую потребность в изучении феномена пространственной организации жизни личности, достижения в этой области (К. Левин, С. К. Нартова-Бочавер, А. А. Бодалев) позволили смоделировать модель пространственной организации смыслов (рис. 1). Спроектированная модель служит ориентиром для понимания феноменологии этого процесса.

Рис. 1. Пространственная организация смыслов
Fig. 1. Spatial organization of meanings

И. П. Шкуратова в своих работах определяет жизненное пространство личности как наиболее значимую для человека часть его жизненного мира, которая определяет субъективно наиболее важные для него стороны жизнедеятельности. Жизненное пространство является многомерным пространством, в пределах которого субъекты одновременно расположены и физически, и психологически, и социокультурно. Автор теории «поля» К. Левин отмечал, что широта жизненного пространства всегда связана с масштабом мировоззрения данной личности [2]. Жизненное пространство является для человека средством самоосуществления, подтверждение этому тезису мы находим в теории личности Л. А. Хьелла, Д. Дж. Зиглера: «подлинным индивид может считать то, что существует в пределах его системы координат или субъективного мира, в содержание которого входит все осознаваемое человеком в любой данный момент времени» [3, с. 152]. Под влиянием эмоционального напряжения и угрозы утраты безопасности происходит регрессия жизненного пространства. В центре жизненного пространства – динамические побуждения личности, отношения, чувство собственного достоинства и самоактуализация, феноменальная зависимость и практическая свобода. Двигаясь от внутреннего мира

личности к внешнему, обнаруживаются компоненты, которые определяют ценности, мотивы, стремления и в итоге образуют личностные смыслы (ЛС).

Из рис. 1 видно, что внутреннюю сферу жизненного пространства образует психологическое пространство, по определению С. К. Нартовой-Бочавер, субъективно значимый фрагмент бытия, который определяет актуальную для человека деятельность и стратегию жизни в целом. Психологическое пространство личности подвижно и зависит от интенсивности и осмысленности жизнедеятельности человека: оно может расширяться при наличии неопределенных перспектив, что соответствует стадии жизненного поиска, оставаться стабильным в случае обретения ответа и стягиваться при возникновении сверхценной идеи. Психологическое пространство можно рассматривать и как устойчивую характеристику личности, и как ее состояние [4]. Психологическое пространство переходит в культурное и через культурную матрицу преобразует все стимулы, достигающие психологическую сферу. М. Н. Фомина отмечала связь времен в культурном пространстве: «культура несёт в себе память веков, которая трансформируется по нормам современности и воплощается в настоящем бытии людей» [5, с. 67]. Культурное пространство содержит историческое наследие, предстает как органическое целое, где все составные части объединены общими ценностями. Человек постоянно живет в состоянии *со-творения* культурного пространства. Результаты такой творческой деятельности оформляются в определенной системе, которая формирует оценочные и поведенческие ориентиры, культурное пространство начинает духовно превалировать над человеком как фиксированная система культурных ценностей и норм, создающая стереотипы поведения, чувствования и мышления [5]. Следовательно, культурное пространство выступает смыслообразующим звеном, оформляющим сознание человека и социума и формирующим культуру.

Еще одной составляющей жизненного пространства является социальное пространство. Анализ сущности социального пространства показывает, что оно соотносится с категорией «отношения». Понимание отношения как процесса создания образа мира и себя в мире предполагает связь отношения с интенцией, мотивацией и переживанием. При этом переживание представляет собой как эмоциональную составляющую отношения к миру и себе, так и механизм интериоризации отношений с социальным пространством (и общения с ним) в психологическое пространство личности.

Таким образом, все пространства взаимодействуют, имеют тенденцию к расширению и образуют целостную реальность. Взаимодействие пространств делает их разделение весьма условным, фактически существует одно пространство – жизненное – в его разнообразных измерениях.

Формирование структурных компонентов смыслообразования в рамках жизненного пространства. Все пространства (психологическое, культурное, социальное, жизненное) являют собой смысловое поле.

Как указывает А. Н. Леонтьев, «Факт состоит в том, что когда я воспринимаю предмет, то я воспринимаю его не только в его пространственных измерениях и во времени, но и в его значении» [6, с. 253].

Под смысловым полем мы подразумеваем, согласно Л. С. Выготскому, смысловое строение как совокупность отдельных смысловых элементов, посредством которых совершается осмысление человеком мира. А. В. Серый выделил такие уровни осознания человеком окружающей действительности: ситуативный смысл, жизненный смысл (жизненная необходимость), смысл жизни (развитие и стремление), смысл бытия (сверхсмысл или космический смысл). Данные понятия являются обобщающими категориями и включают в себя более частные смысловые образования, а именно личностные смыслы [7]. Исходя из этого можно сказать, что личностные смыслы выступают связующим звеном между психической деятельностью и объективной действительностью. «Человеческий смысл и встретившийся феномен связывают личность и мир, субъект и объект и устанавливают взаимоотношение быть вместе», – писал Р. фон Экартберг [цит. по: 8].

Личностные смыслы объединяют человека с меняющимся миром: «Особенности становления смысла обуславливают его свойства, о наличии которых писал ряд психологов и философов. Это, во-первых, неизменность, устойчивость и определенность смысла, во-вторых, внутренняя логическая упорядоченность, законченность и структурированность, в-третьих, субъективная достоверность (основанная на внутренней непротиворечивости), в-четвертых, предметность. Эти свойства смысла позволяют человеческому сознанию удерживать изменяющуюся действительность» [9, с. 263].

Рис. 1 акцентирует внимание на взаимосвязях и взаимозависимостях общечеловеческого, социального и личностного. Это соответствует экзистенциальному подходу, в котором единство человека и его феноменологического бытия Dasein (бытие-в-мире) выражается в трех формах бытия: 1) отношение с миром внешних объектов; 2) отношения с другими людьми; 3) отношение с собственной личностью.

Психологическое пространство, в котором образуются личностные смыслы, влияет на смысловое поле. В смысловых образованиях присутствует диалог сознания и самосознания – посредством осмысления «Я» воплощается в мире, проецируется на мир, и структуры мира преломляются сквозь призму самосознания. Личность выбирает из объектов мира и их субъективных репрезентаций соответствующие собственной структуре ценности, убеждения, идеалы и, минуя неподходящие, посредством рефлексии «присваивает» то, что изначально было чужим и внешним по отношению к ее внутреннему миру. Как указывает Ф. Е. Василюк, смысл – «пограничное образование, в нем сходятся сознание и бытие, идеальное и реальное, жизненные ценности и бытийные возможности их реализации» [10, с. 129]. В зависимости от открытости человека для преобразований с имеющимся «культурным материалом» зависит динамичность и результа-

тивность процесса смыслообразования и построения картины мира. Данное высказывание подтверждают исследования в рамках психосемантического подхода (А. Г. Шмелев, В. П. Петренко) и психологии субъективной семантики (Е. Ю. Артемьева, Ю. К. Стрелков, В. П. Серкин).

Таким образом, личностные смыслы аккумулируют все пространства и формируют смысл бытия человека, его устойчивую картину мира.

Рис. 2. Модель структурных компонентов личностных смыслов

Fig. 2. Model of structural components of personal meanings

Наша модель (рис. 2) построена на основе теоретических положений о структуре личности Б. Г. Ананьева, К. К. Платонова, В. М. Мясичева, С. Л. Рубинштейна [11], Д. Н. Узнадзе, строении сознания А. Н. Леонтьева и диспозиционной концепции В. А. Ядова [12].

Теоретический анализ показал, что процесс смыслообразования основан на способности личности к рефлексии. Внутреннюю организацию личностного смысла образуют когнитивный, эмотивный и конативный компоненты. Когнитивный компонент составляют смысло-жизненные представления, идеалы, убеждения, интересы, определяют общую направленность поведения и деятельности личности. Эмотивный – эмоционально-оценочные отношения к себе, к другим. Конативный компонент представлен системой поступков и действий, межличностным взаимодействием, направленностью деятельности и поведения в различных социальных условиях. Перечисленные компоненты взаимодействуют между собой, являются взаимозависимыми и функционируют как единое целое.

Мы предполагаем, что исследование личностных смыслов будет результативным при изучении таких структурных компонентов, как условий смыслообразования.

– *Направленность личности* обнаруживает вектор смысловой сферы личности (преобладающий вид

направленности) в зависимости от условий или действия определенных факторов психологического или социального характера, имеет свойство меняться. Направленность как устоявшаяся система важнейших целевых программ личности представляет собой интегральную психологическую характеристику системы субъективных ценностей, отношение к окружающему миру, к себе и другим людям. Эмоциональные компоненты в этом процессе выполняют функцию сигнализатора смысла, являются свидетелем его появления: «Сами переживания еще не открывают субъекту своей природы; хотя они кажутся внутренними силами, движущими его деятельностью, их реальная функция состоит ... в том, что они сигнализируют о личностном смысле событий, разыгрывающихся в его жизни» [13, с. 157]. Этот механизм Д. А. Леонтьев называет «эмоциональной индикацией» смысла [1].

В отечественной психологии разработкой понятия «направленность личности» занимались Б. Г. Ананьев (основная жизненная направленность), А. Н. Леонтьев (смыслообразующий мотив), С. Л. Рубинштейн (динамическая тенденция), Д. Н. Узнадзе (установка). Наиболее значимым для нашего исследования является понятие, предложенное А. Г. Асмоловым, – «смысловая установка». Автор определил смысловую установку как готовность личности к определенным образом направленной деятельности, как форму проявления личностного смысла: «Личностный смысл есть содержание установки» [14, с. 322].

– *Ценностные ориентации личности* определяет доминирование в личности ценностей определенного вида, а именно личностные ценности или престижно-эгоистические, к которым относятся отдых, здоровье, материальное положение, наслаждение прекрасным; ценности достижений: социальный статус и управление людьми, признание и уважение; общественно-социальные ценности: помощь и милосердие, любовь, познание нового в мире. Особенности ценностных ориентаций исследуемой личности можно определить с помощью оценки личностью себя и других, умение структурировать жизненные ситуации, ориентироваться и находить выход из конфликтных ситуаций, обращая внимание на избранные линии поведения в экзистенциальных и морально окрашенных ситуациях, умение задавать и изменять доминанты собственной жизнедеятельности. Согласно Д. А. Леонтьеву, ценности являются источником личностных смыслов, в то же время являясь и его носителем. Ф. Е. Василюк и А. В. Серый отмечали, что смысл является творением ценностной системы личности.

– *Смысложизненные ориентации личности* содержат в себе несколько принципиально важных положений для исследования содержания личностного смысла, а именно наличие жизненных целей, степень удовлетворенности личностью своей жизнью и деятельностью, ощущение возможности выбирать свою судьбу и управлять ею.

Д. А. Леонтьев раскрывает содержание данного феномена следующим образом: смысложизненные ориентации как сложные социально-психологические

образования порождаются реальными значимыми жизненными взаимоотношениями субъекта и бытия, они релевантны по отношению ко всему жизненному пути личности (включая прошлое, настоящее, будущее), задают вектор и границы самореализации личности как субъекта жизненного пути через структурную организацию жизненных целей [1].

Смысловые образования создают образ будущего, определяющий настоящую деятельность, создают основу для нравственной оценки поступков и создания общих принципов ведения деятельности. Посредством синхронизации смысловых локусов происходит расширение границ субъективной реальности, а именно интеграция личности в новые условия жизни.

В. Э. Чудновским выделены различные типы изменений смысложизненных ориентаций на протяжении жизни человека: 1) эволюционные постепенные изменения, частично затрагивающие структуру смысложизненной иерархии, но не нарушающие ее основы как главного компонента иерархии; 2) эволюционные изменения, постепенно приводящие к качественно преобразованию структурной иерархии смысла; 3) революционные изменения, крутые повороты в жизни человека, приводящие к «ломке» прежней структурной иерархии и, как следствие, созданию иерархической структуры нового типа и исчезновению иерархической структуры смысла жизни, замене его конгломератом смыслов [15].

– *Самоактуализация* является показателем развития собственного потенциала личности, реализации творческих, коммуникативных, познавательных возможностей, самостоятельности и автономности, степень самоактуализации личности в совокупности с вышеуказанными компонентами дает возможность определить степень развития ценностно-смысловой сферы личности и особенности ее организации.

Изучение самоактуализации личности является важным условием глубокого изучения ценностно-смысловой сферы личности, поскольку самоактуализированная личность живет в согласии со своей сущностью. Самоактуализация тесно связана с ценностными и смысложизненными ориентациями личности. Именно в процессе самоактуализации формируется и осознается специфическая система ценностных ориентаций, определяющих характер содержания и средств достижения ведущих жизненных целей личности, и поэтому составляет основу саморегуляции ее социального поведения [16]. Удовлетворение потребности в самореализации приводит к развитию. Самореализация – это творческое применение своих индивидуальных способностей.

Важным условием успешной самоактуализации личности является ее конгруэнтность, т. е. соответствие переживаний их истинному содержанию. Защитные механизмы, применяемые личностью, мешают адекватному осознанию собственных проблем, тогда как преодоление личностью этих механизмов способствует достижению конгруэнтных переживаний – переживаний настоящих.

Как показывал Е. Е. Вахромов, самоактуализация и самореализация являются двумя неразрывными сторонами одного процесса – процесса развития и роста, результатом которого является человек, максимально раскрывающий свой потенциал [17].

Таким образом, каждый компонент модели ЛС отражает качественные характеристики отношения личности к субъектам, объектам и явлениям окружающего мира, а также к самому себе. Они отражают внутренний мир личности, который зависит от внешних условий развития личности, и обуславливают это развитие. Каждый из компонентов данной структуры является взаимосвязанным, взаимозависимым и взаимоформирующим, в то же время особенности каждого компонента зависят от внешних условий, в которых данная личность находится. В процессе смыслообразования происходит интеграция, согласование и объединение структурных компонентов в целостную систему, а именно в систему личностных смыслов. Система в целом приобретает новые качества, отсутствующие в отдельных компонентах, личностный смысл является вершиной личности, ее интеграцией.

Комплексное исследование каждого структурного компонента модели ЛС дает возможность рассмотреть особенности личностных смыслов. Изучение содержания этих компонентов личностного смысла способствует формированию жизнестойкости личности, выявлению преимущественной ориентации мыслей и стремлений исследуемого, а также самореализации в жизнедеятельности.

Анализируя модель структурных компонентов как условий личностных смыслов, обратим внимание на рассмотрение их функций и механизмы формирования.

Согласно анализу исследований личностных смыслов в отечественной и зарубежной литературе нами были выделены следующие функциональные особенности.

1. *Оценочная функция.* Обусловлена ценностями личности как одной из составляющих процесса формирования личностного смысла. Ценности здесь выступают как психологическое образование, которое помогает человеку совершать оценку элементов и событий окружающей среды, в том числе социального, и делает выводы об их отношениях к собственному

внутреннему миру в измерениях «мое – не мое», «хорошо – плохо», «нравится – не нравится».

2. *Селективная функция.* Еще одна функция личностного смысла – осуществление отбора нужных, лично значимых элементов мира и отделение их от ненужных, которые не являются значимыми для внутреннего мира человека. Человек ассимилирует только «свое», соотносит со своей личностной спецификой и диссимилирует «чужое», которое представляется лишним, ненужным или даже опасным.

3. *Мотивационно-смысловая функция.* Процесс выбора «ценного» и отторжение «неценного» составляет основу мотивации человека. Возможность реализовать ценность, представляющую личностный смысл, мотивирует к осуществлению осмысленной целенаправленной деятельности для реализации этого смысла. Необходимо отметить, что отторжение «антиценности» также содержит мотивационный потенциал, поскольку есть деятельность, связанная с личностным смыслом и с реализацией ценности, противоположной антиценности.

4. *Системообразующая функция.* Смыслы являются системообразующими принципами организации внутреннего мира человека. Конкретизируясь в ценностных ориентациях, они выступают в виде принципиальной направленности на жизненные цели и конкретные идеалы. Они являются психологической основой решений о смысле жизни и обобщенной жизненной цели человека.

5. *Адаптационная функция.* Как личность человек обладает социальностью, целью которой является адаптация. Личностные смыслы являются необходимой платформой для успешной адаптации человека, которую обеспечивают механизмы формирования и развития личности, такие как интериоризация, идентификация и интернализация.

Итак, предложенная структурная модель ЛС служит ориентиром для понимания феноменологии этого процесса, позволяет изучить организацию системы личностных смыслов, влияние на жизнедеятельность и жизненное пространство личности в разных жизненных ситуациях.

Литература

1. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 3-е изд. доп. М.: Смысл, 2007. 511 с.
2. Левин К. Теория поля в социальных науках. М.: Академический проект, 2017. 316 с.
3. Hjelle L. A., Ziegler D. J. Personality Theories: Basic assumptions, research, and application. NY: McGraw-Hill, 1976. 362 p.
4. Нартова-Бочавер С. К. Понятие «психологическое пространство личности»: обоснование и прикладное значение // Психологический журнал. 2003. № 6. С. 27–36.
5. Фомина М. Н. Философская культура: онтологический диалогизм. Чита: Поиск, 1999. 160 с.
6. Леонтьев А. Н. Образ мира // Избранные психологические произведения: в 2 т.. М.: Педагогика, 1983. Т. 2. С. 251–261.
7. Серый А. В. Система личностных смыслов: структура, функции, динамика. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004. 272 с.
8. Зоткин Н. В. Психологическая концепция смысла // Вестник Самарского государственного университета. 1998. № 1. Режим доступа: <http://www.scorcher.ru/art/life/art/7.htm> (дата обращения: 15.03.2018).

9. Трубецкой Е. Н. Смысл жизни // Смысл жизни в русской философии: конец XIX – начало XX века / отв. ред. А. Ф. Замалеев. СПб.: Наука, 1995.
10. Василюк Ф. Е. Психология переживания: анализ преодоления критических ситуаций. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 200 с.
11. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. СПб.: Питер, 2015. 328 с.
12. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. 2-е изд., доп. М.: ЦСПиМ, 2013. 376 с.
13. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл, Академия, 2005. 352 с.
14. Асмолов А. Г. Психология личности. М.: Изд-во МГУ, 1990. 367 с.
15. Чудновский В. Э. Жизненное пространство личности как психологический феномен // Психология смысла жизни: методологические, теоретические и прикладные проблемы. Гродно: Гродненский гос. ун-т им. Я. Купалы, 2014. С. 3–33.
16. Роджерс К. Р. Гуманистическая психология: Теория и практика. М.: Изд-во Московского психолого-социального института, 2013. 456 с.
17. Вахромов Е. Е. Психологические концепции развития человека: теория самоактуализации. М.: Международная педагогическая академия, 2001. 350 с.

MODEL OF STRUCTURAL COMPONENTS OF PERSONAL MEANINGS

Oksana F. Baryakhtar¹.@

¹ Donetsk National University, 24, Universitetskaya St., Donetsk, Ukraine, 83001

@ Oksana-neverland@mail.ru

Received 29.04.2018. Accepted 09.06.2018.

Keywords: meaning, personal meaning, life space, semantic field, components of personal meaning.

Abstract: The study focuses on the model of structural components of personal meaning and is based on the spatial organization of human life. The article describes the components of the semantic sphere in all the conceptual diversity of psychological approaches to the phenomenology of the process in question.

The author analyzes theoretical and methodological orientation of modern psychology at the personal potential of semantic entities as a condition for integrated wholesome personality. One's personality is represented by the subject and, at the same time, by the object of one's own life. Personal meaning is defined as a complex system formation, which includes cognitive (life views, ideals, values, beliefs, and interests), emotive (emotional and evaluative attitude to oneself and to others) and cognitive (behavior, interpersonal interaction, focus and behavior in different social conditions) components. The process of meaning integration is accompanied by harmonization and unification of the structural components in a coherent system, i.e. the system of personal meanings. The system as a whole acquires new qualities, not present in the individual components, the personal meaning being the apex of personality integration. Components of the proposed model structurally reflect the methodological potential of the concept of personal meaning. The research aims at creating an integrated approach to the study of the semantic determination of personality.

For citation: Baryakhtar O. F. Model' strukturnykh komponentov lichnostnykh smyslov [Model of Structural Components of Personal Meanings]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2018): 85–91. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-85-91>.

References

1. Leontev D. A. *Psikhologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoi realnosti* [Psychology of meaning: nature, structure and dynamics of the semantic reality]. 3rd ed. Moscow: Smysl, 2007, 511.
2. Levin K. *Teoriya polia v sotsialnykh naukakh* [Field Theory in Social Sciences]. Moscow: Akademicheskii projekt, 2017, 316.
3. Hjellev L. A., Ziegler D. J. *Personality Theories: Basic assumptions, research, and application*. NY: McGraw-Hill, 1976, 362.

4. Nartova-Bochaver S. K. Poniatie «psikhologicheskoe prostranstvo lichnosti»: obosnovanie i prikladnoe znachenie [Psychological space of personality as a concept: fundamentals and applied significance]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological journal*, no. 6 (2003): 27–36.
5. Fomina M. N. *Filosofskaia kul'tura: ontologicheskii dialogizm* [Philosophical culture: ontological dialogism]. Chita: Poisk, 1999, 160.
6. Leontev A. N. Obraz mira [The image of the world]. *Izbrannye psikhologicheskie Proizvedeniia* [Selected psychological works]. Moscow: Pedagogika, vol. 2 (1983): 251–261.
7. Seryy A. V. *Sistema lichnostnykh smyslov: struktura, funktsii, dinamika* [System of personal meanings: structure, functions, dynamics]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2004, 272.
8. Zotkin N. V. Psihologicheskaiia kontseptsiiia smysla [Psychological concept of meaning]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Samara State University*, no. 1 (1998). Available at: <http://www.scorcher.ru/art/life/art/7.htm> (accessed 15.03.2018).
9. Trubetskoy E. N. Smysl zhizni [The meaning of life]. *Smysl zhizni v russkoi filosofii: konets XIX – nachalo XX veka* [The meaning of life in Russian philosophy: late XIX – early XX century]. Ed. Zamaleev A. F. Saint-Petersburg: Nauka, 1995.
10. Vasilyuk F. E. *Psihologiiia perezhivaniia: analiz preodoleniia kriticheskikh situatsii* [Psychology of experience: analysis of overcoming critical situations]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1984, 200.
11. Rubinstein S. L. *Bytie i soznanie* [Being and Consciousness]. Saint-Petersburg: Piter, 2015, 328.
12. *Samoregulatsiia i prognozirovaniie sotsial'nogo povedeniia lichnosti: Dispozitsionnaia kontseptsiiia* [Self-regulation and prediction of social behavior of the individual: Dispositional concept]. 2nd ed. Moscow: TsSPiM, 2013, 376.
13. Leontev A. N. *Deiatelnost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow: Smysl, Akademiia, 2005, 352.
14. Asmolov A. G. *Psikhologiiia lichnosti* [Psychology of Personality]. Moscow: Izd-vo MGU, 1990, 367.
15. Chudnovsky V. E. Zhiznennoe prostranstvo lichnosti kak psikhologicheskii fenomen [Vital space of personality as a psychological phenomenon]. *Psikhologiiia smysla zhizni: metodologicheskie, teoreticheskie i prikladnye problem* [Psychology of the meaning of life: methodological, theoretical and applied problems]. Grodno: Grodnenskiy gos. un-t im. Ia. Kupaly, 2014, 3–33.
16. Rodgers K. R. *Gumanisticheskaiia psikhologiiia: Teoriiia i praktika* [Humanistic Psychology: theory and practice]. Moscow: Izd-vo Moskovskogo psikhologo-sotsialnogo instituta, 2013, 456.
17. Vakhromov E. E. *Psikhologicheskie kontseptsii razvitiia cheloveka: teoriia samoaktualizatsii* [Psychological concepts of human development: the theory of self-actualization]. Moscow: Mezhdunarodnaia pedagogicheskaiia akademiia, 2001, 350.

УДК 159.922.1:37.018.1

АДАПТАЦИЯ МЕТОДИКИ «PRE-SCHOOL ACTIVITIES INVENTORY (PSAI)» НА РУССКИЙ ЯЗЫК

Юлия В. Борисенко¹, @

¹ Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6

@evseenkova@mail.ru

Поступила в редакцию 27.09.2017. Принята к печати 16.03.2018.

Ключевые слова: гендер, гендерно-типичное поведение детей, маскулинность, фемининность, PSAI.

Аннотация: Проблема. В данной статье изложены результаты исследования, целью которого была апробация и адаптация англоязычной методики исследования гендерного поведения детей «Pre-School Activities Inventory (PSAI)», описаны особенности перевода, адаптации и апробации методики, даны рекомендации по использованию Опросника родительской идентичности.

Метод. В нашем исследовании приняли участие 474 испытуемых: 316 родителей, имеющих детей-дошкольников, средний возраст составил 5,3 года; и 158 воспитателей ДООУ или учреждений дополнительного образования. Результаты методики сравнивались с результатами экспертной оценки поведения детей, данной двумя независимыми экспертами.

Результаты. Статистический анализ полученных данных позволяет сделать вывод о достаточной достоверности и надежности методики.

Выводы. Методика исследования гендерного поведения детей «Pre-School Activities Inventory (PSAI)» (в русскоязычном варианте «Кембриджский опросник гендерно-типичного поведения дошкольников») успешно апробирована на Российской выборке и может быть применена для дальнейших исследований в области детской психологии и гендерной проблематики детства.

Для цитирования: Борисенко Ю. В. Адаптация методики «Pre-School Activities Inventory (PSAI)» на русский язык // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 2. С. 92–98. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-92-98>.

Дошкольный период характеризуется тем, что с самого рождения ребенка важнейшее значение для гендерной идентификации приобретает окружающая среда, особенно родители, которые по-разному воспитывают, общаются и относятся к мальчикам и девочкам [1]. Так, исследования показывают, что мальчики-младенцы получают меньше тактильных ласк, чем девочки [2]. Кроме того, даже в семейной среде мальчики с самого раннего возраста не имеют свободы выражать свои чувства так же легко, как девочки, но их меньше наказывают за проявление агрессии [3]. В период дошкольного детства родители не только предоставляют своим детям гендерные образцы, но и поощряют либо наказывают за определенное поведение [4]. В большей мере это касается нравственных моментов и гендерно-специфического поведения [5]. Таким образом, именно родительское поведение во многом определяет формирование представлений о гендерной роли мужчины. Важнейшим новообразованием этого периода является формирование полового самосознания [6], или гендерной аутоидентификации [7]. Половое самосознание определяется как осознание себя представителем определенного пола и, кроме того, умение регулировать свое поведение в соответствии с гендерными морально-этическими требованиями и установками общества [6].

Е. А. Кашенко и С. Т. Агарков определяют гендерную аутоидентичность через понятие полового само-

сознания, отнесение себя к определенному полу [7]. Считается, что правильное представление о своей половой принадлежности формируется к 1,5–2 годам [7]. Важнейшим моментом формирования гендерной аутоидентичности является то, что после прохождения сензитивного периода в парапубертатном возрасте изменить или как-то повлиять на сформированное половое самосознание практически невозможно. При этом важно, чтобы ребенок имел возможность выстроить гендерную модель поведения на основе своего взаимодействия с родителями обоего пола (или замещающими фигурами). Нарушения семейной системы, серьезные проблемы со здоровьем, задержка психического или речевого развития могут привести к сложностям в формировании половой идентификации. Дело в том, что помимо отнесения себя к определенному полу, ребенок должен представлять, какие социальные и психологические черты присущи каждому полу (или гендеру), какие особенности поведения могут быть одобрены обществом [6], являются гендерно-специфическими, а какие не связаны с определенным полом [8], соответственно, могут быть присущи и мужчине, и женщине [9]. Современная действительность привносит свои коррективы в процесс гендерной аутоидентификации. Отнесение себя к определенному полу начинает складываться достаточно рано, когда родители называют ребенка мальчиком или девочкой и поощряют определенные

проявления гендера. Во многих случаях маркировка определенного пола начинается еще до рождения через выбор цвета гардероба и оформление помещения для ребенка. Но в последнее время процент родителей, выбирающих гендерно нейтральные цвета, возрастает [10; 11]. Существующая в современной зарубежной практике идея равноправного воспитания обоих полов иногда доходит до крайней позиции, выражающейся в утверждении о том, что гендерное воспитание «навязывает» ребенку гендерные стереотипы и, в свою очередь, воспитатели должны всячески избегать упоминаний о гендере и гендерных различиях, предоставляя выбор самому ребенку [12]. Предполагается, что, достигнув определенного возраста, он сам определится с тем, какой именно гендер (или пол) ему более предпочтителен. Однако, не имея определенных социальных ориентиров, ребенок не может четко сформировать собственные [13]. Такая позиция создает базу для проблем гендерной аутоидентификации в будущем [14]. Отсутствие гендерных моделей не разрешит проблемы детей, имеющих врожденные или приобретенные сложности с отнесением себя к определенному полу, но затруднит не только гендерную идентификацию в детском возрасте [15; 16], но и может стать причиной трудностей в общении и внутренних психологических проблем в подростковом возрасте у остальных детей [17].

Если проблемы игрушек для девочек обсуждаются в литературе в связи с превалированием сексуально-откровенных образов и отсутствием моделей материнства среди игр девочек-дошкольниц, то у мальчиков проигрывание отцовской роли в детских играх встречается крайне редко и в основном в разнополых играх сиблингов [18]. Типично мальчишеские занятия, такие как игры пистолетами и мечами (или заменителями огнестрельного оружия или холодного оружия инструментами), поездами, машинками, самолетами, игры в солдатики, в войну, спортивные и силовые игры или возня, лазанье по деревьям, заборам, спортивным снарядам, интерес к реальным машинам, поездам, самолетам, техническим устройствам, новым местам, животным и насекомыми [19], способствуют позитивному осознанию гендерных различий и гендерной специфики поведения [15], что имеет долгосрочный эффект вплоть до подросткового возраста в связи с общим благополучием подростков [17], а также с таким конкретным проявлением гендерного самоопределения, как определение сексуальной ориентации в подростковом возрасте [13]. Важнейшей фигурой, открывающей мальчику типично мужские занятия и интересы, является отец [20]. Изучение специфики формирования гендерной идентичности ребенка, факторов, его обуславливающих, особенностей проявления гендерных качеств ребенка является одним из интереснейших направлений гендерных исследований, мало представленных в нашей стране. В современных российских условиях эмпирическое исследование гендерно-типичного поведения дошкольников или его составляющих представляет определенную трудность в силу того, что существу-

ет очень ограниченный круг опросников, изучающих данный феномен. Как правило, это методики, разработанные для изучения гендерных установок [21]. При этом имеются определенные трудности с разграничением гендерных представлений и установок детей от их реального поведения. Это обуславливает необходимость разработки необходимого диагностического инструментария в нашей стране. Однако зарубежные исследователи также сталкиваются с трудностями изучения гендерно-типичного поведения детей. Особенно это характерно для изучения гендерных проявлений детей младшего возраста, так как те методики, которые существуют, имеют ряд ограничений. Основная проблема заключается в том, что в большинстве методик исследуются предпочтения ребенком каких-либо изображений гендерно-типичных игрушек, игр или действий, а не фактического участия ребенка в игре, т.е. собственно поведения ребенка. Соответственно, они не учитывают специфику гендерно-типичных игр детей, так как в настоящее время гендерные границы в ролевой игре детей заметно стираются, дети демонстрируют интерес к тем играм, которые традиционно не связаны с их полом. Современные игрушки, игры и занятия детей могут не иметь гендерной специфики. Тем не менее различия в детской игре сохраняются [22]. И именно отличия предпочтений в игре являются отличительным признаком гендерно-типичного поведения детей-дошкольников.

С этой точки зрения одной из наиболее интересных среди методик, широко применяемых за рубежом и сконструированных для оценки гендерно-типичного поведения детей-дошкольников, является методика «Pre-school activities inventory (PSAI)», созданная в 1993 г. коллективом авторов под руководством С. Голомбок и Дж. Раста в Психометрическом центре Кембриджского университета. PSAI был разработан для изучения как различий между детьми разного пола, так и различий в гендерном поведении внутри каждого пола, что делает его интересным для изучения существующей в развитии обоих полов разницы в гендерно-ролевом поведении.

Самым важным отличием данной методики от других является то, что основное внимание в ней уделяется фактическому поведению, а не предпочтениям детей каких-либо изображений или высказываний, так как опросник был разработан для определения частоты игровых предпочтений ребенка в отношении различных игрушек, игр и занятий.

Поскольку дети дошкольного возраста не являются надежными испытуемыми в смысле достоверности ответов на абстрактные вопросы, опросник PSAI представляет собой серию вопросов, на которые отвечает родитель (чаще всего мать) ребенка или другой взрослый, который может быть привлечен в качестве эксперта. Это весьма удачное построение опросника гендерно-ролевого поведения для детей дошкольного возраста дает возможность использовать методику в широком кругу исследований развития гендерно-ролевого поведения у мальчиков и девочек, что позволило определить значимые отличия в различных группах детей и опреде-

лить нормативные данные, которые позволяют оценить гендерные особенности отдельных детей.

Опросник предназначен для родителей ребенка-дошкольника от 2,5 до 5 лет, которым предлагается оценить, как часто ребенок играл с указанными игрушками (пистолеты, украшения, инструменты, куклы, кукольная одежда или коляска, поезда, машинки, самолеты, мечи, кукольная посуда), как часто демонстрировал указанное поведение (играл(а) в дом (уборку, готовку), играл(а) с девочками, играл(а) женского героя (например принцессу), играл(а) в солдатики, войну, дрался (дралась), играл(а) семейную роль (например родителя), играл(а) в спортивные игры (или игры с мячом), лазил(а) по деревьям, забoram, спортивным снарядам, играл(а) в дочки-матери, проявлял(а) интерес к реальным машинам, поездам, самолетам, надевал(а) девчачью одежду) и проявлял определенные качества (интерес к исследованию новых мест, к силовым играм и возне, интерес к змеям, паукам или насекомым, избегание пачкаться, любовь к красивым вещам и избегание риска). Среди всех пунктов Кембриджского опросника гендерно-типичного поведения дошкольников оценивается выбор частоты предпочтений ребенком типично мужских и типично женских видов деятельности, игр или занятий. При этом в структуре опросника представлены заведомо «мужские» и «женские» вопросы. Игра с такими игрушками, как пистолеты, инструменты, поезда, машинки, самолеты, мечи, согласно авторам опросника, относится к типично мужским видам игрушек, а предпочтение украшений, кукол, кукольной одежды, посуды или колясок полагается типичной для девочек. Игры в солдатики, войну, игровые драки, спортивные игры (или игры с мячом), лазание по деревьям, забoram, спортивным снарядам, интерес к реальным машинам, поездам, самолетам, интерес к исследованию новых мест, к силовым играм и возне, интерес к змеям, паукам или насекомым считаются характерными для мальчиков, тогда как игра в дочки-матери, семейные роли (например родителя), игра в дом (уборку, готовку), игра с девочками или проигрывание в сюжетно-ролевой игре женской роли (например принцессы), с наряжением в девчачью одежду, нежелание пачкаться, любовь к красивым вещам и избегание риска считаются характерными для девочек.

Русскоязычная версия англоязычного опросника при переводе была нами названа «Кембриджский опросник гендерно-типичного поведения дошкольников» (КОГТП).

После перевода методики в целях валидации содержания и формы утверждений, а также их интерпретации, были привлечены детские психологи и педагоги как эксперты.

Затем в процессе апробации была оценена понятность и непротиворечивость утверждения перевода опросника. Согласно предварительным результатам валидации адаптация опросника обладает достаточной степенью понятности и непротиворечивости.

Опросник состоит из трех блоков: первый блок вопросов (7 пунктов) оценивает, как часто ребенок играл

с указанными игрушками за последний месяц; во втором блоке (11 пунктов) родитель отвечает, как часто ребенок демонстрировал указанное поведение за последний месяц; в третьем блоке (6 пунктов) определяется, как часто ребенок проявляет определенные качества.

Большинство вопросов-утверждений имеет пять вариантов ответов: 1) никогда, 2) почти никогда, 3) иногда, 4) часто, 5) очень часто.

Мужские вопросы обрабатываются прямо, т. е. чем чаще встречается поведение, описанное в пункте, тем выше балл, женские – наоборот. Результаты прямых и обратных вопросов-утверждений суммируются после пересчета показателей в баллы. Результат подсчитывается по следующей формуле: $СБ = 48,25 + 1,1 \times (\sum \text{мужских вопросов} - \sum \text{женских вопросов})$, где СБ – сырой балл. Мужские вопросы: 1, 3, 5, 6, 11, 12, 14, 15, 17, 19, 20, 21, женские вопросы: 2, 4, 7, 8, 9, 10, 13, 16, 18, 22, 23, 24. Для перевода в стандартизированные баллы (СТЕНы) учитывается поправка на возраст – для мальчиков: $СТЕН = СБ \times 1,075 - \text{возраст} \times 0,177 + 0,88$; а для девочек: $СТЕН = СБ \times 1,026 - \text{возраст} \times 0,218 - 8,33$, где СТЕН – стандартизированный по возрасту балл, СБ – сырые баллы методики, возраст ребенка указывается в месяцах.

Результат оценивается с учетом того, что чем выше балл, тем более маскулинным является поведение ребенка. При этом средней нормой для мальчиков, как на английской и американской, так и на российской выборках, является 60 ± 10 баллов, для девочек 40 ± 10 баллов [5].

Валидность адаптированной версии опросника оценивалась в исследовании по апробации адаптированной на русский язык формы, которое проходило в 2015–2016 гг. в Кемеровской области. В обследовании приняли участие в общей сложности 474 человека, из них 316 человек (158 супружеских пар) – родители, имеющие детей-дошкольников, средний возраст которых составил 5,3 года; 158 воспитателей ДОУ или учреждений дополнительного образования. Средний возраст отцов – 32,1 лет, матерей – 29,9 лет.

Сравнение результатов, полученных с помощью данного опросника при опросе одного родителя (матери или отца) с экспертными оценками, полученными в интервью с другим родителем (в котором оценивалось гендерно-типичное поведение по 10-ти балльной шкале, учитывались два параметра – мужское и женское поведение), а также ответами на специально разработанную анкету для воспитателей или других педагогов (оценивалось поведение ребенка вне семьи по таким же шкалам), показало, что существует прямая корреляция между результатами методики и экспертными оценками. Значимые при 1 %-м уровне значимости корреляционные взаимосвязи представлены в таблице 1.

Кроме того, в качестве критерия, являющегося достаточно информативным для оценки полученных данных, мы использовали сравнение средних значений, полученных в нашем исследовании, с исходными данными стандартизации методики на английском языке в таких странах, как Великобритания, США, Нидерланды. Данные представлены в таблице 2.

Таблица 1. Результаты корреляционного анализа*

Table 1. The results of correlation analyses

Оценка гендерного поведения ребенка	Коэффициент корреляции	
	мальчики	девочки
КОГТП – Экспертная оценка 1** – мужское поведение	0,82	-0,74
КОГТП – Экспертная оценка 1 – женское поведение	-0,84	0,81
КОГТП – Экспертная оценка 2*** – мужское поведение	0,91	-0,67
КОГТП – Экспертная оценка 2 – женское поведение	-0,76	0,59

Прим.: * – при $p=0,01$; ** – оценка второго родителя; *** – оценка педагога.

Таблица 2. Сравнение результатов методики на английском и русском языках

Table 2. The comparison of the results of Russian and English version

Возраст, месяцы	Мальчики				Девочки			
	Среднее		Стандартное отклонение		Среднее		Стандартное отклонение	
	1*	2**	1	2	1	2	1	2
24–29	59,18	60,01	8,93	6,09	41,13	40,02	9,11	8,87
30–35	59,70	61,20	9,72	8,90	39,74	40,51	9,84	8,99
36–47	60,58	61,98	9,91	8,76	39,38	39,01	9,68	10,01
48–59	60,14	62,64	10,94	6,03	40,62	40,92	11,03	11,92
60–71	59,20	61,00	10,36	9,90	40,03	41,09	10,09	10,98

Прим.: 1* – Великобритания, США, Нидерланды [5]; 2** – Россия.

Несмотря на то, что у российских детей (особенно мальчиков) данные несколько выше, статистически результаты оказались сходны (попарное сравнение выборок мальчиков и девочек по t-тесту показало отсутствие значимых различий).

Для определения надежности методики изучались две формы надежности: надежность в форме согласованности шкал и пунктов опросника и надежность в форме устойчивости результатов опросника.

Тест-ретестовая надежность оценивалась по результатам использования опросника с интервалом в 6 месяцев для всех детей. Значение коэффициента корреляции между результатами двух замеров составляло у мальчиков 0,97, у девочек – 0,90 при 1 %-м уровне значимости.

Предсказуемость ответов на вопросы внутри каждой шкалы опросника обычно определяется с помощью разделения выборки случайным образом на две половины и подсчета суммарной оценки в обеих половинах. Нами был применен коэффициент, являющийся усредненным для всех возможных вариантов изучения надежности с разделением на половины – α -Кронбаха (Cronbach-alfa), вычисленный по формуле:

$$r = \frac{K}{K-1} \times \left(1 - \frac{\sum p \times (1-p)}{\delta_y^2} \right),$$

α -Кронбаха, вычисленные для адаптированного КОГТП по группам, представлены в таблице 3.

Таблица 3. Внутренняя надежность адаптированного КОГТП (α -Кронбаха)Table 3. The reliability of adopted test (Cronbach's α)

Параметр	Вся выборка	Мальчики	Девочки
Гендерное поведение дошкольников	0,79	0,81	0,76

Таким образом, полученные нами характеристики адаптированной методики оценки гендерно-типичного поведения дошкольников (КОГТП) говорят о ее достаточной достоверности и надежности. Опросник может быть подвергнут ручной или компьютерной обработке. Компактность методики, ее простота и вну-

тренняя непротиворечивость, надежность обработки делают ее подходящим диагностическим инструментом для оценки гендерно-типичного поведения дошкольников, исследований формирования гендерных представлений, стереотипов, гендерной идентичности в детском возрасте.

Литература

1. Gordon I., Feldman R. Synchrony in the triad: A microlevel process model of coparenting and parent-child interactions // *Family Process*. 2008. № 47(4). P. 465–479. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1545-5300.2008.00266.x>.
 2. Thompson L., Walker A. J. Gender in Families: Women and men in marriage, work, and parenthood // *Journal of Marriage and the Family*. 1989. № 51. P. 845–871. DOI: <https://doi.org/10.2307/353201>.
 3. Schoppe-Sullivan S. J., Brown G. L., Cannon E. A., Mangelsdorf S. C., Sokolowski M. S. Maternal gatekeeping, coparenting quality, and fathering behavior in families with infants // *Journal of Family Psychology*. 2008. № 22. P. 389–398. DOI: <https://doi.org/10.1037/0893-3200.22.3.389>.
 4. Christian L. G. Understanding families: Applying family systems theory to early childhood practice // Koralek D. (Ed.) *Spotlight on young children in families*. Washington, DC: National Association for the Education of Young Children, 2007. P. 4–11.
 5. Golombok S., Rust J. The Measurement of Gender Role Behaviour in Pre-School Children: a Research Note // *Journal of Child Psychology and Psychiatry*. 1993. № 34. P. 805–811.
 6. Общая сексопатология: Руководство для врачей / ред. Г. С. Васильченко. 2-е изд., испр. и доп. М.: Медицина, 2005. 512 с.
 7. Кашенко Е. А., Агарков С. Т. Сексуальность от зачатия до смерти: онтогенез сексуальности. М.: Издательские решения, 2015. 292 с.
 8. Fisher T. D. Gender roles and pressure to be truthful: the bogus pipeline modifies gender differences in sexual but not non-sexual behavior // *Sex Roles*. 2013. № 68. P. 401–414. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11199-013-0266-3>.
 9. Bancroft J. Sexual behaviour // *Measuring Human Problems: A Practical Guide* (Eds. David Peck and Colin Shapiro). Wiley: Chichester, 1990. P. 338–373.
 10. Argys L. M., Peters E., Cok S., Garasky S., Nepomnyaschy L., Sorenson E. Measuring contact between children and nonresidential fathers // Hofferth S. L., Casper L. M. (Eds.) *Handbook of Measurement Issues in Family Research*. Mahwah, NJ: Erlbaum, 2007. P. 375–398.
 11. Russell A., Saebel J. Mother-son, mother-daughter, father-son, and father-daughter: Are they distinct relationships? // *Developmental Review*. 1997. № 17. P. 111–147.
 12. Kreager D. A., Staff J. The sexual double standard and adolescent peer acceptance // *Social Psychology quarterly*. 2009. № 72. P. 143–164. DOI: <https://doi.org/10.1177/019027250907200205>.
 13. Li G., Kung K. T. F., Hines M. Childhood Gender-Typed Behavior and Adolescent Sexual Orientation: A Longitudinal Population-Based Study // *Developmental Psychology*. 2017. № 53. P. 764–777.
 14. Emmerink P. M. J., Regina J. J. M., Van Den Eijnden R. J. J. M., Ter Bogt T. F. M., Vanwesenbeeck I. The Impact of Personal Gender-Typicality and Partner Gender-Traditionality on Taking Sexual Initiative: Investigating a Social Tuning Hypothesis // *Frontiers In Psychology*. 2017. № 8.
 15. Golombok S., Rust J., Zervoulis J., Golding J., Hines M. Continuity in Sex-Typed Behavior from Preschool to Adolescence: A Longitudinal Population Study of Boys and Girls Aged 3–13 Years // *Archives of Sexual Behavior*. 2012. № 41. P. 591–597.
 16. Goldberg A. E., Kashy D. A., Smith J. Z. Gender-Typed Play Behavior in Early Childhood: Adopted Children with Lesbian, Gay, and Heterosexual Parents // *Sex Roles*. 2012. № 67. P. 503–515. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11199-012-0198-3>.
 17. Jewell J. A., Brown C. S. Relations among gender typicality, peer relations, and mental health during early adolescence // *Social Development*. 2014. № 23. P. 137–156. DOI: <https://doi.org/10.1111/sode.12042>.
 18. Rust J., Golombok S., Hines M., Johnston K. The Role of Brothers and Sisters in the Gender Development of Preschool Children // *Journal of Experimental Child Psychology*. 2007. № 7. P. 292–303.
 19. Golombok S., Rut J., Zervoulis J., Croudace T., Golding J., Hines M. Development trajectories of sex-type behavior in boys and girls: A longitudinal general population study of children aged 2.5–8 years // *Child Development*. 2008. № 79(5). P. 1583–1593.
 20. Fthenakis W. E., Berwanger D., Reichert-Garschhammer E. *Der Bildungs- und Erziehungsplan für Kinder von 0 bis 10 Jahren in Hessen*. Wiesbaden: SM + KM, 2007. 149 S.
 21. Морозова И. С., Борисенко Ю. В., Белогай К. Н., Отт Т. О. Технологии формирования конструктивной репродуктивной мотивации и профилактики абортного поведения молодежи. Кемерово, 2014. 158 с.
 22. Борисенко Ю. В., Портнова А. Г. Отцовство как фактор развития личности // *Развитие личности*. 2006. № 2. С. 70–81.
-

RUSSIAN ADAPTATION OF THE PRE-SCHOOL ACTIVITIES INVENTORY (PSAI)

Yuliya V. Borisenko^{1, @}

¹ Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

@evseenkova@mail.ru

Received 27.09.2017. Accepted 16.03.2018.

Keywords: gender, gender-typed behavior, masculinity, femininity, PSAI.

Abstract: Objective. In this article we present the translation and adaptation of the Pre-School Activities Inventory (PSAI) into Russian.

Method. We studied the results of 474 participants: 316 parents of pre-school children and 158 daycare teachers. One parent answered PSAI, the other parent and daycare teacher were interviewed about the usual child's behavior.

Results. The statistic analysis of the data let us conclude that the Russian version of PSAI has proved to be a generally valid and reliable psychometric technique for assessing sex-typed behaviors in pre-school children.

Conclusion. The Pre-School Activities Inventory (PSAI) was successfully translated and adopted into Russian.

For citation: Borisenko Yu. V. Adaptatsiia metodiki «Pre-school activities inventory (PSAI)» na russkii iazyk [Russian Adaptation of the Pre-School Activities Inventory (PSAI)]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2018): 92–98. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-92-98>.

References

1. Gordon I., Feldman R. Synchrony in the triad: A microlevel process model of coparenting and parent-child interactions. *Family Process*, no. 47 (2008): 465–479. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1545-5300.2008.00266.x>.
2. Thompson L., Walker A. J. Gender in Families: Women and men in marriage, work, and parenthood. *Journal of Marriage and the Family*, no. 51 (1989): 845–871. DOI: <https://doi.org/10.2307/353201>.
3. Schoppe-Sullivan S. J., Brown G. L., Cannon E. A., Mangelsdorf S. C., Sokolowski M. S. Maternal gatekeeping, coparenting quality, and fathering behavior in families with infants. *Journal of Family Psychology*, no. 22 (2008): 389–398. DOI: <https://doi.org/10.1037/0893-3200.22.3.389>.
4. Christian L. G. Understanding families: Applying family systems theory to early childhood practice. Koralek D. (Ed.) *Spotlight on young children in families*. Washington, DC: National Association for the Education of Young Children, 2007, 4–11.
5. Golombok S., Rust J. The Measurement of Gender Role Behaviour in Pre-School Children: a Research Note. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, no. 34 (1993): 805–811.
6. *Obshchaia seksopatologiya: Rukovodstvo dlia vrachei* [General Sexual Pathology: A Guide for Physicians]. Ed. Vasil'chenko G. S. 2nd ed. Moscow: Meditsina, 2005, 512.
7. Kashchenko E. A., Agarkov S. T. *Seksual'nost' ot zachatiia do smerti: ontogenez seksual'nosti* [Sexuality from the birth to the death: ontogenesis of sexuality]. Moscow: Izdatel'skie resheniia, 2015, 292.
8. Fisher T. D. Gender roles and pressure to be truthful: the bogus pipeline modifies gender differences in sexual but not non-sexual behavior. *Sex Roles*, no. 68 (2013): 401–414. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11199-013-0266-3>.
9. Bancroft J. *Sexual behaviour. Measuring Human Problems: A Practical Guide* (Eds. David Peck and Colin Shapiro). Wiley: Chichester, 1990, 338–373.
10. Argys L. M., Peters E., Cok S., Garasky S., Nepomnyaschy L., Sorenson E. Measuring contact between children and nonresidential fathers. Hofferth S. L., Casper L. M. (Eds.) *Handbook of Measurement Issues in Family Research*. Mahwah, NJ: Erlbaum, 2007, 375–398.
11. Russell A., Saebel J. Mother-son, mother-daughter, father-son, and father-daughter: Are they distinct relationships? *Developmental Review*, no. 17 (1997): 111–147.
12. Kreager D. A., Staff J. The sexual double standard and adolescent peer acceptance. *Social Psychology quarterly*, no. 72 (2009): 143–164. DOI: <https://doi.org/10.1177/019027250907200205>.
13. Li G., Kung K. T. F., Hines M. Childhood Gender-Typed Behavior and Adolescent Sexual Orientation: A Longitudinal Population-Based Study. *Developmental Psychology*, no. 53 (2017): 764–777.
14. Emmerink P. M. J., Regina J. J. M., Van Den Eijnden R. J. J. M., Ter Bogt T. F. M., Vanwesenbeeck I. The Impact of Personal Gender-Typicality and Partner Gender-Traditionality on Taking Sexual Initiative: Investigating a Social Tuning Hypothesis. *Frontiers In Psychology*, no. 8 (2017).
15. Golombok S., Rust J., Zervoulis J., Golding J., Hines M. Continuity in Sex-Typed Behavior from Preschool to Adolescence: A Longitudinal Population Study of Boys and Girls Aged 3–13 Years. *Archives of Sexual Behavior*, no. 41 (2012): 591–597.

16. Goldberg A. E., Kashy D. A., Smith J. Z. Gender-Typed Play Behavior in Early Childhood: Adopted Children with Lesbian, Gay, and Heterosexual Parents. *Sex Roles*, no. 67 (2012): 503–515. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11199-012-0198-3>.
17. Jewell J. A., Brown C. S. Relations among gender typicality, peer relations, and mental health during early adolescence. *Social Development*, no. 23 (2014): 137–156. DOI: <https://doi.org/10.1111/sode.12042>.
18. Rust J., Golombok S., Hines M., Johnston K. The Role of Brothers and Sisters in the Gender Development of Preschool Children. *Journal of Experimental Child Psychology*, no. 7 (2007): 292–303.
19. Golombok S., Rut J., Zervoulis J., Croudace T., Golding J., Hines M. Development trajectories of sex-type behavior in boys and girls: A longitudinal general population study of children aged 2.5–8 years. *Child Development*, no. 79 (2008): 1583–1593.
20. Fthenakis W. E., Berwanger D., Reichert-Garschhammer E. *Der Bildungs- und Erziehungsplan für Kinder von 0 bis 10 Jahren in Hessen*. Wiesbaden: SM + KM, 2007, 149.
21. Morozova I. S., Belogay K. N., Borisenko Yu. V., Ott T. O. *Tekhnologii formirovaniia konstruktivnoi reproduktivnoi motivatsii i profilaktiki abortivnogo povedeniia molodezhi* [Technologies used to form direct reproductive motivation and prevent abortions]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2014, 158.
22. Borisenko Yu. V., Portnova A. G. Otzovstvo kak faktor razvitiia lichnosti [Fathering as a factor of personality development]. *Razvitie lichnosti = Personal Development*, no. 2 (2006): 70–81.

УДК 159.923

ЗАВИСИМОСТЬ ПОНЯТИЙНОГО МЫШЛЕНИЯ ОТ КАЧЕСТВЕННЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ЕГО АКТИВНОСТИ**Евгения В. Валиуллина**¹, @¹ Кемеровский государственный медицинский университет, 650029, Россия, г. Кемерово, ул. Ворошилова, 22а
@valiullinajv@yandex.ru

Поступила в редакцию 07.03.2018. Принята к печати 28.04.2018.

Ключевые слова:

понятийное мышление, вербальная беглость, образная беглость, вербальная гибкость, образная гибкость.

Аннотация: В статье представлены результаты исследования качественных характеристик мышления как познавательного психического процесса у лиц молодого и юношеского возраста, изучена зависимость понятийного мышления от его гибкости и беглости в вербальном и образном виде. В качестве ведущих методов применялись «Методика исследования активности мышления» (МИАМ) И. М. Луцких и тест «Диагностика уровня развития логически-понятийного мышления». Показатели понятийного мышления имеют значимую корреляционную положительную связь с параметрами образной беглости мышления и отрицательную связь с параметрами вербальной гибкости мышления. Эффективность понятийного мышления обеспечивается следующими показателями активности мышления: высокий уровень образной беглости позволяет использовать весь арсенал привычных визуальных или кинестетических образов для решения стандартных задач, а низкий уровень вербальной гибкости способствует высокой динамике процесса, используя собственный фактический репертуар понятий, тем самым экономя время на поиск новых терминологических стратегий.

Для цитирования: Валиуллина Е. В. Зависимость понятийного мышления от качественных характеристик его активности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 2. С. 99–103. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-99-103>.

Психический познавательный процесс отражения отношений и взаимосвязей предметов, объектов и явлений между собой – мышление – имеет ряд собственных свойств и характеристик, которые определяют эффективность, продуктивность и направленность всей мыслительной деятельности. Самостоятельность, активность и сосредоточенность выступают необходимыми условиями мыслительной деятельности, продуктивность – ее целью, а язык (слово письменное или устное) – объективной материальной формой мысли.

Теория развития понятийного мышления в отечественной психологии принадлежит Л. С. Выготскому. «Образование понятий – результат длительной, сложной и активной умственной, коммуникативной и практической деятельности людей, процесса их мышления. Образование понятий у индивида своими корнями уходит в глубокое детство» [1]. Он экспериментально установил ряд ступеней и этапов, через которые проходит образование понятий у детей. Внимание Л. С. Выготского привлекла характерная черта собственно понятийного мышления – возможность обозначения всякого понятия бесконечным количеством способов с помощью других понятий (закон их эквивалентности). Теоретические аспекты понятийного мышления широко представлены как в зарубежной, так и отечественной психологии: Дж. Брунер, М. Вертгеймер, Л. С. Выготский, У. Джеймс, О. Зельц, А. Н. Леонтьев, А. В. Петровский, С. Л. Рубинштейн и др.

«Развитие образного мышления младшего школьника выражается в том, что его представления приобретают гибкость, подвижность. Он способен, например, представить себе предметы в различных пространственных положениях, мысленно менять их взаимное расположение. Наибольшее значение для последующего обучения в школе имеет сформированность образного мышления. Уровень же логического мышления ребенка на этом этапе еще не гарантирует успешности обучения» [2]. Возрастные особенности развития мышления изучали А. В. Брушлинский, П. Л. Гальперин, В. В. Давыдов, И. Л. Лернер, Ж. Пиаже, А. З. Редько, Н. И. Чуприкова и др. Теориям развития понятий посвящены работы Г. Д. Бухаровой, М. Н. Верзилиной, Г. Н. Серикова, А. В. Усовой, В. А. Черкасовой и др.

«Теоретическое образное мышление отличается от понятийного тем, что материалом, который здесь использует человек для решения задачи, являются не понятия, суждения или умозаключения, а образы. Они или извлекаются из памяти, или творчески воссоздаются воображением. В ходе решения мыслительных задач соответствующие образы мысленно преобразуются так, чтобы человек в результате манипулирования ими смог непосредственно усмотреть решение интересующей его задачи. Данный вид мышления позволяет получить конкретное субъективное восприятие действительности, которое не менее реально, чем объективно-понятийное» [3]. Формирова-

ние образного мышления исследовали В. П. Зинченко, Б. Ф. Ломов, М. Мински, Р. С. Немов, Л. М. Фридман, И. С. Якиманская, О. С. Якунина и др.

По мнению И. С. Якиманской, основным содержанием образного мышления является оперирование уже имеющимися образами. «Запас созданных образов является важным условием успешности оперирования ими. Как известно, нельзя оперировать тем, чего не имеешь. Поэтому чем богаче запас исходных образов, чем полнее их содержание, тем больше возможностей для их видоизменения, преобразования, т. е. успешного оперирования ими» [4].

Гибкость мышления в контексте творческих способностей изучали Д. Б. Богоявленская, Дж. Гилфорд, В. Н. Дружинин, Е. Торренс, М. А. Холодная и др. Так, М. А. Холодная выделяет т. н. ригидный / гибкий познавательный контроль как один из ведущих когнитивных стилей и отмечает, что «Этот когнитивный стиль характеризует степень субъективной трудности в смене способов переработки информации в ситуации когнитивного конфликта. Ригидный контроль свидетельствует о трудностях в переходе от вербальных функций к сенсорно-перцептивным в силу низкой степени их автоматизации, тогда как гибкий – об относительной легкости такого перехода в силу высокой степени их автоматизации» [5].

«Беглость и гибкость мышления определяют такое качественное свойство мышления, как активность, под которой понимается особый вид деятельности, заключающийся в интенсификации основных процессов. Беглость выступает основной динамической характеристикой психического познавательного процесса мышления, она показывает количество операций, идей, слов или образов, возникающих у человека в единицу времени, причем при необходимости решать им типовые, знакомые или однообразные задачи. Гибкость также является одной из основных характеристик мышления и позволяет использовать креативный подход в решении возникающих задач, с легкостью менять сложившиеся стереотипы и преодолевать ригидность установок» [6].

Понятийная форма мышления опирается на способность к свободному оперированию понятиями,

возможность проникать в суть явлений, дифференцировать и систематизировать поступающую информацию для выстраивания логически верных суждений и умозаключений. Понятие выступает элементарной формой реализации логического мышления, которая отражает наиболее общие и существенные признаки предметов, явлений, объектов познаваемой действительности и выражается в вербальной форме.

С целью изучения качественных характеристик активности мышления (вербальной гибкости и беглости, а также образной гибкости и беглости) и уровня развития понятийной формы этого процесса (понятийного мышления) было проведено данное исследование. В нем приняли участие молодые люди 18–22 лет, всего респондентами выступили 48 человек. В качестве ведущих методов применялись «Методика исследования активности мышления» (МИАМ) И. М. Луцхиной и тест «Диагностика уровня развития логически-понятийного мышления».

Методика И. М. Луцхиной исследует качественное свойство мышления – активность, которая обеспечивается динамическими характеристиками протекания мыслительных процессов, такими как беглость и гибкость. Диагностические субтесты методики позволяют получить количественные показатели по каждому из параметров: вербальная беглость и образная беглость, вербальная гибкость и образная гибкость. Тест «Диагностика уровня развития логически-понятийного мышления» направлен на изучение способности к выявлению разнообразных типов ассоциативных связей между конкретными понятиями, способности различать эти связи между собой и переносить их на другие отдельные примеры.

«Выбор непараметрических критериев в оценке достоверности результатов исследования и корреляционных связей обусловлен характером распределений (ненормальное распределение для большинства показателей). Различия показателей анализировались с помощью χ^2 -критерия Пирсона, корреляционный анализ проведен с использованием r -критерия Спирмена» [7]. Средние показатели исследуемых параметров познавательного процесса мышления представлены в таблице 1.

Таблица 1. Средние показатели параметров активности мышления и уровня развития понятийного мышления
Table 1. Average indicators of the thinking activity and the level of development of conceptual thinking

	Вербальная беглость	Образная беглость	Вербальная гибкость	Образная гибкость	Понятийное мышление	χ^2 Эмпирическое
Среднее значение	8,95	6,04	3,66	4,87	16,45	151,4*
Стандартное отклонение	2,13	2,13	1,20	2,07	1,84	–

Прим.: * – расхождения между распределениями статистически достоверны при $p < 0,05$.

При сопоставлении теоретического и эмпирического распределений показателей с помощью χ^2 -критерия Пирсона выявлено, что критические значения при $p < 0,05$: χ^2 Эмпирическое=145,8; при $p < 0,01$: χ^2 Эмпири-

ческое=160,2, таким образом, расхождения между распределениями статистически достоверны с $p < 0,05$.

Высокая беглость мышления (вербальная – $8,95 \pm 2,13$; образная – $6,04 \pm 2,13$), свойственная молодым людям, позволяет им с легкостью подбирать образы и слова при

решении типовых стандартных задач, непосредственно выполняя привычные умственные действия, практически обусловленные и приводящие к положительному результату неоднократно. Если же задание усложняется или происходит смена условий задачи, низкий уровень вербальной гибкости ($3,66 \pm 1,20$) существенно понижает эффективность мыслительной деятельности, оставляя уровень образной гибкости ($4,87 \pm 2,07$) на более высоком уровне, но уступающем показателям беглости мышления. Происходит подобное при необходимости сменить привычный способ и алгоритм решения задачи, выйти за рамки шаблонного мышления – это основные условия гибкости мыслительной деятельности.

В исследуемой группе молодых людей высокие показатели активности мышления выявлены по параметрам образной беглости и образной гибкости, а также вербальной беглости. «Вербальная гибкость выражена в меньшей степени и показала почти у половины респондентов уровень ниже необходимой нормы, выявляя способность молодых людей давать множество однообразных ответов в короткий промежуток времени, но низкую возможность образования ассоциативных связей, оригинальных и креативных вариантов при схожих условиях ограничения времени» [8].

Средние показатели уровня развития понятийного мышления ($16,45 \pm 1,84$) соответствуют «средней норме» большинства людей, когда подчас возможны ошибки и неточности в использовании понятий. В свою очередь

это может привести к заблуждению в рассуждениях, ошибочным умозаключениям, погрешностям мыслительных операций. Многозначность понятий и выражений обуславливают еще ряд препятствий на пути когнитивной деятельности, не говоря уже о возможно недостаточном словарном запасе, среднем уровне общей осведомленности, низкой степени познавательной активности.

«Обучающиеся же просто не воспринимают часть информации, поскольку не знают значения понятий и категорий (подчас и значения слов быденной речи), и используют иные, чем у старшего поколения, стили организации когнитивной деятельности» [9]. Допонятийная стадия развития мышления имеет ряд устойчивых эмпирических характеристик, регресс к которым может обеспечивать ошибки на понятийной стадии (эгоцентризм, трансдукция, синкретизм и пр.). Понятийное мышление следует за допонятийной стадией и формируется на основе наглядно-образного и наглядно-действенного мышления, подчиняя себе другие его виды – логическое, аналитическое, синтетическое и прочие, образуя наиболее сложную форму мыслительной деятельности.

Процентное соотношение уровней вербальной гибкости и беглости мышления, а также уровней образной гибкости и беглости, представлено в таблице 2 (расхождения между распределениями статистически достоверны при $p < 0,05$).

Таблица 2. Процентное соотношение уровней активности мышления
Table 2. Percentage of levels of thinking activity

	Вербальная беглость	Образная беглость	Вербальная гибкость	Образная гибкость
Уровень выше среднего	67 %	72 %	20 %	50 %
Средний уровень	33 %	20 %	30 %	25 %
Уровень ниже среднего	0 %	8 %	50 %	25 %

Как видно из представленных данных, большая часть респондентов имеет высокие показатели по образной гибкости и беглости, а также вербальной беглости, уровень выше среднего представлен соответственно (50 %, 72 % и 67 %). В молодом возрасте юноши и девушки, обладая высокой общей беглостью мышления, без особого труда подбирают слова (характеристика вербальной беглости) и образы (характеристика образной беглости) при решении знакомых стандартных или традиционных типичных задач и заданий.

Применение готовых знаний и умений характеризует такой вид мышления, как репродуктивное, когда воспроизведение способов и вариантов решения задач строится по заданному образцу после соответствующего обучения. Таким образом, базовыми параметрами для формирования репродуктивного мышления выступают показатели образной и вербальной беглости.

Низким уровнем вербальной гибкости обладает половина (50 %) респондентов исследования, у 30 % об-

наруживается средний уровень и лишь 20 % обладают уровнем выше среднего. Способность находить новые пути, методы, способы мышления, усовершенствовать уже имеющиеся и создавать что-либо принципиально новое связана с понятием продуктивного (творческого) вида мышления, а базовыми параметрами в развитии этого вида мышления выступают показатели образной и вербальной гибкости. Тем не менее для формирования понятийного мышления необходима совокупность продуктивных и репродуктивных его элементов, взаимодействие гибкости и беглости на вербальном и образном уровне.

При проведении корреляционного анализа с помощью г-критерия Спирмена (с учетом характера распределения показателей), критические значения для $N=48$ (при $p < 0,05$: r от $\pm 0,29$ при $p < 0,01$: r от $\pm 0,37$). Полученные результаты представлены в таблице 3.

Таблица 3. Корреляционные связи между показателями уровня развития понятийного мышления и параметрами активности мышления**Table 3. Correlation links between indicators of the level of development of conceptual thinking and the parameters of activity of thinking**

	Вербальная беглость	Образная беглость	Вербальная гибкость	Образная гибкость
Понятийное мышление	-0,059	0,318*	-0,294*	0,068

Прим.: * – корреляция статистически значима при $p < 0,05$.

Как видно из таблицы, понятийное мышление имеет значимую корреляционную положительную связь с показателями образной беглости мышления ($p < 0,05$) и отрицательную – с показателями вербальной гибкости ($p < 0,05$).

«Неготовность или неспособность перестроить собственную схему активности, стойкая инертность заданных установок, стереотипность мыслительных процессов, недостаточная гибкость поведения – все это является признаками психической ригидности личности» [10]. В контексте процесса мышления речь идет о когнитивной (интеллектуальной) ригидности, при которой стереотипные связи между конкретными понятиями преобладают над абстрактными ассоциациями в вербальном аспекте, этим можно объяснить отрицательную корреляцию понятийного мышления с вербальной гибкостью. Подобная вербальная ригидность, связанная с отказом от поиска новых терминологических стратегий в решении мыслительных задач и обеспеченная привычным репертуаром понятий, призвана обеспечить высокую динамику всего процесса.

Положительная корреляционная связь понятийного мышления с образной беглостью обеспечена достаточно длительным периодом осознанного владения понятиями, когда на уровне автоматизма происходит возникновение визуальных или кинестетических об-

разов при решении стандартных типовых задач. Эти образы являются воспроизведением прошлого опыта или восприятия, они извлекаются непосредственно из образной памяти или представлений воображения, мысленно трансформируются и используются для решения актуальных мыслительных задач. Способность к воспроизведению способов или методов решения по образцу характеризует репродуктивный вид мышления, когда в основе лежат готовые знания, навыки и умения, в противовес продуктивному (творческому) виду мышления, где определяющей характеристикой является способность нестандартно подходить к способам решения поставленных задач, модернизировать уже существующие или предложенные способы, эвристически находить решения.

Итак, эффективность понятийного мышления обеспечивается следующими показателями активности мышления: высокий уровень образной беглости позволяет использовать весь арсенал привычных визуальных или кинестетических образов для решения стандартных задач, а низкий уровень вербальной гибкости (вербальная ригидность) способствует высокой динамике процесса, используя собственный фактический репертуар понятий, тем самым экономя время на поиск новых терминологических стратегий.

Литература

1. Выготский Л. С. Психология развития человека. М.: Смысл; Эксмо, 2005. 1136 с.
2. Кулагина И. Ю. Возрастная психология (Развитие ребенка от рождения до 17 лет). М.: УРАО, 1999. 176 с.
3. Немов Р. С. Психология. Кн. 1: Общие основы психологии. М.: ВЛАДОС, 2003. 688 с.
4. Якиманская И. С. Основные направления исследований образного мышления в психологии // Вопросы психологии. 1985. № 5. С. 3–29.
5. Холодная М. А. Когнитивные стили. О природе индивидуального ума. 2-е изд. СПб.: Питер, 2004. 384 с.
6. Валиуллина Е. В. Беглость и гибкость мышления // Новые информационные технологии в науке: сборник статей Международной научно-практической конференции: в 3 ч. Уфа, 2017. Ч. 3. С. 215–217.
7. Валиуллина Е. В. Исследование кризисов профессионального самоопределения у студентов медицинского вуза // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 3. С. 377.
8. Валиуллина Е. В. Активность познавательного процесса мышления // Исследование различных направлений развития психологии и педагогики: сборник статей Международной научно-практической конференции: в 3 ч. Оренбург, 2017. Ч. 1. С. 111–113.
9. Михайлова Т. М. Удовлетворенность субъектов образовательного процесса как критерий качества образования // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2012. № 1. С. 49–55.
10. Валиуллина Е. В. Гендерные особенности психических состояний в юношеском возрасте // Концепт. 2016. № 11. С. 106–112. Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2016/16243.htm> (дата обращения: 24.02.2018).

DEPENDENCE OF CONCEPTUAL THINKING ON QUALITATIVE CHARACTERISTICS OF ITS ACTIVITY

Evgenia V. Valiullina¹, @

¹ Kemerovo State Medical University, 22a, Voroshilov St., Kemerovo, Russia, 650029

@valiullinajv@yandex.ru

Received 07.03.2018. Accepted 28.04.2018.

Keywords: conceptual thinking, verbal fluency, imaginative fluency, verbal flexibility, imaginative flexibility.

Abstract: The article features the results of the research that considers qualitative characteristics of thinking as a cognitive mental process. The research group included young people and adolescents. The study focused on the dependence of conceptual thinking on its flexibility and fluency in verbal and figurative form. The leading methods involved I. M. Luichiny's Methodology Study of the Activity of Thinking" (MSAT) and Diagnostics of the Development Level of Logical-Conceptual Thinking test. Indicators of conceptual thinking have a significant positive correlation with the parameters of figurative fluency of thinking and negative relationship with the parameters of verbal flexibility of thinking. The effectiveness of conceptual thinking is provided by the following indicators of thinking activity: a high level of figurative fluency allows one to use the entire scope of familiar visual or kinesthetic images to solve standard problems, and a low level of verbal flexibility promotes high dynamics of the process, using its own actual repertoire of concepts, thereby saving time in search of new terminological strategies.

For citation: Valiullina E. V. Zavisimost' poniatiinogo myshleniia ot kachestvennykh kharakteristik ego aktivnosti [Dependence of Conceptual Thinking on Qualitative Characteristics of its Activity]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2018): 99–103. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-99-103>.

References

1. Vygotsky L. S. *Psikhologiya razvitiia cheloveka* [Psychology of Human Development]. Moscow: Smysl; Eksmo, 2005, 1136.
2. Kulagina I. Iu. *Vozrastnaia psikhologiya (Razvitie rebenka ot rozhdeniia do 17 let)* [Age psychology (Development of a child from birth to 17 years)]. Moscow: URAO, 1999, 176.
3. Nemov R. S. *Psikhologiya. Kn. 1: Obshchie osnovy psikhologii* [Psychology. Book 1: General basics of psychology]. Moscow: VLADOS, 2003, 688.
4. Iakimanskaia I. S. Osnovnye napravleniia issledovaniia obraznogo myshleniia v psikhologii [The main directions of research of figurative thinking in psychology]. *Voprosy psikhologii = Question of psychology*, no. 5 (1985): 3–29.
5. Kholodnaia M. A. *Kognitivnye stili. O prirode individual'nogo uma* [Cognitive style. About the nature of the individual mind]. 2nd ed. Saint-Petersburg: Piter, 2004, 384.
6. Valiullina E. V. Beglost' i gibkost' myshleniia [Fluency and flexibility of thinking]. *Novye informatsionnye tekhnologii v nauke: sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [New information technologies in science: Proc. Intern. Sc.-Prac. Conf.]. Ufa, part 3 (2017): 215–217.
7. Valiullina E. V. Issledovanie krizisov professional'nogo samoopredeleniia u studentov meditsinskogo vuza [Research of crises of professional self-determination in medical students]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia = Modern problems of science and education*, no. 3 (2012): 377.
8. Valiullina E. V. Aktivnost' poznavatel'nogo protsessa myshleniia [The activity of the cognitive process of thinking]. *Issledovanie razlichnykh napravlenii razvitiia psikhologii i pedagogiki: sbornik statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [The study of various directions of development of psychology and pedagogy: Proc. Intern. Sc.-Prac. Conf.]. Orenburg, part 1 (2017): 111–113.
9. Mikhailova T. M. Udovletvorennost' sub'ektov obrazovatel'nogo processa kak kriterii kachestva obrazovaniia [Satisfaction of subjects of educational process as a criterion of quality of education]. *Professional'noe obrazovanie v Rossii i za rubezhom = Professional education in Russia and abroad*, no. 1 (2012): 49–55.
10. Valiullina E. V. Gendernye osobennosti psichicheskikh sostoiianii v iunosheskom vozraste [Gender peculiarities of mental States in adolescence]. *Koncept = Concept*, no. 11 (2016): 106–112. Available at: <http://e-koncept.ru/2016/16243.htm> (accessed 24.02.2018).

УДК 159

ОСОБЕННОСТИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ОБРАЗА БУДУЩЕГО У ЛЮДЕЙ, ИМЕЮЩИХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ПО ИПОТЕЧНОМУ КРЕДИТОВАНИЮ

Юлия Ю. Неяскина^{1, @1}, Ольга В. Пухова^{1, @2}

¹ Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга, Россия, 683032, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Пограничная, 4

@¹ neyaskinaju@yandex.ru

@² pukhova.21031995@inbox.ru

Поступила в редакцию 02.05.2018. Принята к печати 01.06.2018.

Ключевые слова:

хронотоп, временная перспектива, будущее, смысловая и событийная наполненность будущего, ипотечное кредитование, ипотечный сценарий.

Аннотация: В статье анализируются результаты эмпирического исследования, направленного на определение специфики построения будущего у людей, имеющих обязательства по ипотечному кредитованию. Проверяется гипотеза о том, что конструирование будущего у людей, выплачивающих ипотечное кредитование, заключающих договор об ипотечном кредитовании и не имеющих кредита, характеризуется различиями в степени детализации и простроенности будущего, выраженности установок разной модальности в отношении своего будущего, а также разной событийной наполненностью. Исследование проведено при помощи комплекса методик, включающего качественные (графический прием «Круги Коттла», эссе на тему «Мое будущее», методика вербального реагирования на стимул «будущее») и количественные методы исследования. Полученные эмпирические данные позволяют говорить о том, что решение о взятии ипотечного кредитования меняет смысловую матрицу человека, определяет специфику его субъективного хронотопа, в частности придает особую окраску смысловому и событийному конструированию своего будущего субъектом.

Результаты исследования могут быть использованы при организации психологической работы с людьми, собирающимися брать ипотечное кредитование и уже имеющими кредит под залог приобретенного жилья.

Для цитирования: Неяскина Ю. Ю., Пухова О. В. Особенности конструирования образа будущего у людей, имеющих обязательства по ипотечному кредитованию // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 2. С. 104–113. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-104-113>.

Современные психологи отводят существенную роль изучению будущего, ведь именно с измерением времени связана особая детерминация поведения личности: его цели, намерения, надежды и замыслы, выводящие человека туда, где еще ничего из представляемого не реализовано, а существует лишь в качестве потенций. В связи с этим психология все чаще обращается к изучению конструирования образа будущего.

Особое значение образ будущего приобретает в социально-экономических условиях нашей страны, где все большая часть населения вынуждена прибегать к кредиту под залог приобретаемого имущества, чтобы обзавестись собственным жильем. Людей, выплачивающих ипотечное кредитование, можно охарактеризовать как субъектов, предпринимающих попытки изменения образа жизни с изменением смыслового содержания картины мира. В контексте ипотечного жизненного сценария конструирование образа будущего можно рассматривать как глобальный фактор адаптации к новым условиям жизни. Данное предположение послужило отправной точкой для выбора цели исследования.

Целью исследования является изучение особенностей конструирования образа будущего у лиц, имеющих обязательства по ипотечному кредитованию.

В работе проверялась *гипотеза* о существовании различий в конструировании временных и смысловых компонентов образа будущего у людей, живущих в условиях ипотеки, планирующих взятие ипотечного кредита и не имеющих обязательств под залог недвижимого имущества, а именно:

1) лица, живущие в условиях ипотеки, отличаются большим хронологическим размахом, меньшей дифференцированностью и реалистичностью образа будущего, чем лица, не имеющие обязательств по ипотечному кредитованию;

2) люди, имеющие ипотечные обязательства, склонны к дезактуализации настоящего и онтологизации будущего.

Хронотоп как категория психологического исследования

Долгий период понятие «время» изучалось естественными науками и философией, которые рассматривали данный феномен исключительно как форму бытия человека. Психологическая наука занялась изучением времени лишь с середины XIX в., позволив взглянуть на время как на призму, сквозь которую человек видит мир при-

страстно, проецируя в него собственные ценности, выстраивая свой план действий, предвосхищая результаты.

Изучение образа будущего в психологии осуществлялось с различных исследовательских позиций: в русле нейрофизиологических исследований – П. К. Анохиным, Н. А. Бернштейном, И. П. Павловым, И. М. Сеченовым [1–4], как составляющей временной перспективы – Ф. Зимбардо, К. Левиным, Ж. Нютеном, Н. М. Савлаковой [5–7], в контексте изучения временной трансспективы – В. И. Ковалевым [8], в парадигме изучения пространственно-временного континуума – хронотопа – К. А. Абульхановой-Славской и Т. Н. Березиной, В. П. Зинченко, Н. Н. Толстых [9–11].

Изучение хронотопа ознаменовалось появлением в начале XX века теории относительности А. Эйнштейна. Теория относительности доказывает, что пространство и время – это стороны одного и того же явления, определяющиеся теми событиями и процессами, которые в них существуют. Самым простым представлением о реальности, учитывая открытие данного феномена, является представление о четырех измерениях (три – пространственные, четвертое – время), которые составляют некий континуум (множество) событий Г. Минковского [12].

А. А. Ухтомский для обозначения пространственно-временного континуума вводит понятие «хронотоп» [13], что дословно переводится с греческого как «времяпространство». М. М. Бахтин включает понятие «хронотоп» в категориальный аппарат гуманитарных наук [14], в то время в психологии «хронотоп» активно изучается Т. Н. Березиной, К. А. Абульхановой-Славской, Н. Н. Толстых, И. О. Логиновой, Т. Д. Марцинковской.

По мнению Д. А. Леонтьева, невозможно исследовать хронотоп лишь как пространственно-временную составляющую бытия человека: хронотоп обязательно должен быть дополнен смысловой составляющей [15].

В концепции самоорганизации жизни Л. Б. Шнейдер [16] представлена динамическая система организации жизнедеятельности, интегрирующая прошлое, настоящее и будущее на основе смыслов существования и самореализации. По мнению автора, смысл является матрицей, структурирующей субъективный психологический опыт. Данная матрица в процессе развития личности может претерпевать системные изменения. Инициация данных изменений может быть вызвана резкими скачками в развитии личности и актуализироваться в точках бифуркации – ситуациях выбора, возникающих при условии внутренних или внешних преград. Именно ситуации неопределенности ставят человека перед необходимостью «трудного решения», когда варианты, из которых нужно сделать выбор, мало различаются по привлекательности, а вероятность неудачи не поддается оценке.

Р. Мертон пишет: «Рассматривая преднамеренное действие, мы имеем дело не просто с поведением, а с осмысленным поведением, т. е. действием, включающим мотивы и, следовательно, выбор между альтернативами» [17]. Для людей, берущих ипотечное кредитование, основным мотивом является получение собственного жилья, ведь именно

жилье удовлетворяет ряд базовых человеческих потребностей: в безопасности, приватности, воспроизводстве и др. Мотив приобретения собственной жилой площади подталкивает человека к принятию решения о взятии ипотечного кредитования, хотя данное решение сопряжено с изменением его стиля жизни в настоящем и, следовательно, изменением временной перспективы в целом.

Роль ипотечного кредитования в России

В условиях рыночной экономики все большая часть населения Российской Федерации прибегает к взятию ипотечного кредитования для приобретения собственного жилья. В 2017 г. сумма ипотечных кредитов только за 9 месяцев в России составила 1 триллион рублей, а в 2018 г. прогнозируется дальнейший рост спроса на данный вид кредитования [18].

Ипотечный кредит является долгосрочным кредитом на покупку или строительство жилья под залог покупаемого, строящегося или имеющегося в собственности жилья, выполняющий чрезвычайно важные экономические и социальные функции с точки зрения экономических наук, а именно: стимулирование потребительского спроса, содействие оздоровлению и развитию фондового рынка и финансирование покупки жилья, а как следствие – повышению уровня жизни населения [19].

В психологии на сегодняшний день существуют лишь немногочисленные эмпирические исследования, посвященные образу жизни людей, имеющих обязательства по ипотечному кредитованию (так, исследование образа жизни в ипотеке осуществлялось В. П. Серкиным и И. А. Быковой). На основании эмпирических данных исследователи показывают, что люди, вступающие в экономические отношения подобного рода, заинтересованы в увеличении своих доходов, их сохранении. Этот факт можно объяснить тем, что «все настоящее ориентируется на фиксированную точку отсчета в будущем» (по мнению В. Франкла [20]), а следовательно, чтобы погасить ипотечный кредит и не лишиться имущества, люди стараются держаться за имеющееся у них рабочее место (чему способствует предложение по принятию законопроекта в 2016 г. – в предложенных поправках предусмотрено новое правило статьи 81 Трудового кодекса РФ [21], по которому нельзя уволить работника, имеющего ипотечный кредит), повысить уровень уже имеющихся доходов. Во время заключения ипотечного договора актуализировавшаяся ценность «собственное жилье» помогает человеку двигаться в сторону долгосрочных целей, а не сиюминутных желаний, что в свою очередь подтверждает теоретическую позицию М. Л. Фабера [22]. Люди, имеющие ипотечный кредит, живут по сценарию отложенной жизни (В. П. Серкин [23]) – т. е. не живут настоящей жизнью, а как бы занимаются подготовкой к ней, что усиливается высокой занятостью данной категории людей, их эмоциональной нестабильностью ввиду постоянного нахождения в стрессовой ситуации [24].

Таким образом, момент принятия решения о взятии ипотечного кредитования является точкой бифуркации, которая изменяет смысловую матрицу, а следовательно, представление субъекта о будущем, что, в свою

очередь, помогает выстраивать план деятельности и жизни в настоящем, а также адаптироваться к новым условиям и выстраивать перспективу будущего. Ввиду увеличения числа людей, берущих кредит под залог приобретаемого ими имущества, и с учетом недостаточной изученности данного аспекта, видится актуальным проведение эмпирических исследований в русле изучения особенностей конструирования образа жизни у людей, имеющих обязательства по ипотечному кредитованию.

Методы исследования

1. Тест смысловых ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева [25].
2. Эссе на тему «Мое будущее».
3. Ассоциативный эксперимент на стимул «Моё будущее» (методика вербального реагирования на стимул).
4. «Циклический тест времени» Т. Коттла [26].
5. Техника репертуарных решеток (авторский вариант).
6. Метод мотивационной индукции Ж. Нюттена (в адаптации Д. А. Леонтьева) [7].
7. Методика Г. С. Никифорова «События моей жизни» [27].
8. Методика ценностного спектра Д. А. Леонтьева [28].
9. Опросник терминальных ценностей (ОТеЦ) И. Г. Сенина [29].
10. Семантический дифференциал времени Л. И. Васермана, К. Р. Червинской, Е. А. Трифановой [30].
11. Семантический дифференциал «Образ жизни» В. П. Серкина [31].
12. Авторская анкета, направленная на выявление наличия ипотечного кредитования и уточнения социально-экономических характеристик жизни респондентов.

Анализ и интерпретация результатов исследования

Для формирования групп использовалась анкета, уточняющая наличие или отсутствие договора об ипотечном кредитовании, готовность его взять и социально-демографические характеристики жизни респондентов.

В исследовании приняли участие 80 респондентов в возрасте от 25 до 40 лет, поделенные на 3 группы: респонденты первой экспериментальной группы (далее ЭГ1 – «выплачивающие») выплачивают ипотеку более 3-х лет (28 человек); респонденты второй экспериментальной группы (далее ЭГ2 – «берущие») подписали договор о взятии обязательств по ипотечному кредитованию (26 человек), но еще не начали его выплачивать; респонденты контрольной группы (далее КГ) не имеют и не планируют ипотечных обязательств (26 человек). Респонденты всех групп в основном оценивают свое материальное состояние средним уровнем дохода, уровень образования людей во всех группах преимущественно высший. Все опрошенные относятся к ипотечному кредитованию «с тревогой», однако респонденты ЭГ1 и ЭГ2 считают ипотечное кредитование «вынужденной мерой», на которую стоит идти ради получения собственного жилья. Во всех группах большая часть респондентов строит долгосрочные планы, но респонденты ЭГ1 болезненно относятся к их корректировке.

Для изучения хронологического размаха и временной перспективы нами были использованы методики «Круги времени» Т. Коттла, «События моей жизни» Г. С. Никифоровой, ММИ Ж. Нюттена в адаптации Д. А. Леонтьева (таблицы 1, 2).

Во всех группах отмечена общая позитивная направленность на будущее, однако людям, берущим ипотечный кредит, присуща дискретность временной перспективы, что говорит о наличии момента разделения жизни на «до» и «после».

Таблица 1. Методика «Круги времени» Т. Коттла

Table 1. Technique "Circles of Time" T. Cottle

	Круги пересекаются	Не пересекаются	Прошлое отдельно	Прошлое>	Настоящее>	Будущее>
ЭГ1	57 %	28,5 %	14,5 %	28,5 %	11 %	60,5 %
ЭГ2	34,6 %	61,5 %	3,9 %	23 %	27 %	50 %
КГ	58 %	42 %	0 %	11,5 %	0 %	88,5 %
φ^* – эмп.	$\varphi_{1,2}^* = 1,67$	$\varphi_{1,2}^* = 2,48^{**}$	$\varphi_{1,2}^* = 1,41$	$\varphi_{1,2}^* = 0,46$	$\varphi_{1,2}^* = 1,53$	$\varphi_{1,2}^* = 2,45^{**}$
	$\varphi_{1,3}^* = 0,07$	$\varphi_{1,3}^* = 1,04$	$\varphi_{1,3}^* = 2,87^{**}$	$\varphi_{1,3}^* = 1,59$	$\varphi_{1,3}^* = 2,48^{**}$	$\varphi_{1,3}^* = 2,45^{**}$
	$\varphi_{2,3}^* = 1,71^*$	$\varphi_{2,3}^* = 1,42$	$\varphi_{2,3}^* = 1,43$	$\varphi_{2,3}^* = 1,11$	$\varphi_{2,3}^* = 3,94^{**}$	$\varphi_{2,3}^* = 3,17^{**}$

Прим.: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$.

Таблица 2. Методика Г. С. Никифоровой «События моей жизни» (оценка событий)

Table 2. G. S. Nikiforov's Method "Events of my life" (evaluation of events)

	Негативное прошлое	Позитивное прошлое	Негативное настоящее	Позитивное настоящее	Негативное будущее	Позитивное будущее
ЭГ1	43,75 %	56,25 %	3,5 %	96,5 %	7,5 %	92,5 %
ЭГ2	21,8 %	78,2 %	35 %	65 %	2,8 %	97,2 %
КГ	27,1 %	72,9 %	17,7 %	82,3 %	12,1 %	87,9 %

	Негативное прошлое	Позитивное прошлое	Негативное настоящее	Позитивное настоящее	Негативное будущее	Позитивное будущее
φ^* – эмп.	$\varphi^*_{1,2}=1,74^*$	$\varphi^*_{1,2}=1,7^*$	$\varphi^*_{1,2}=3,27^{**}$	$\varphi^*_{1,2}=3,27^*$	$\varphi^*_{1,2}=0,8$	$\varphi^*_{1,2}=0,8$
	$\varphi^*_{1,3}=1,29$	$\varphi^*_{1,3}=1,29$	$\varphi^*_{1,3}=1,81^*$	$\varphi^*_{1,3}=2,0^*$	$\varphi^*_{1,3}=0,57$	$\varphi^*_{1,3}=1,28$
	$\varphi^*_{2,3}=0,52$	$\varphi^*_{2,3}=0,52$	$\varphi^*_{2,3}=1,43$	$\varphi^*_{2,3}=1,47$	$\varphi^*_{2,3}=1,35$	$\varphi^*_{2,3}=1,35$

Прим.: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$.

Респонденты, берущие ипотечное кредитование, склонны негативнее оценивать свое настоящее, чем респонденты двух других групп. Также можно отметить, что во всех группах респонденты чаще давали ответы из категории «семья» и «работа», однако респонденты из экспериментальной группы 2 не дали ни одного ответа из категории досуг (ЭГ1 – 10,7 %, ЭГ2 – 0 %, КГ – 15,5 %). Вероятно, при взятии кредита респонденты максимальное количество времени начали уделять заработку денежных средств на погашение

ипотеки, что привело к резкому сокращению времени «на себя» – свои интересы, развлечения, отдых.

Исследование ценностно-смысловой сферы респондентов проводилось с помощью опросника терминальных ценностей ОТеЦ, теста смысловых ориентаций и методики ценностного спектра (таблицы 3, 4, 5).

Респонденты всех групп имеют довольно высокий общий уровень осмысленности жизни и не различаются по данному показателю (см. таблицу 3).

Таблица 3. Методика СЖО Д. А. Леонтьева

Table 3. Methodology of the meaning of life orientations by D. A. Leontiev

	ЭГ1	ЭГ2	КГ	t^* – эмп.		
				$t^*_{1,2}$	$t^*_{1,3}$	$t^*_{2,3}$
цели в жизни	34,4	38,9	34,6	5,3**	0,2	25,1**
процесс жизни	29,3	26,8	33,5	1,5	3**	4,8**
результат жизни	29,8	25	31,2	3,3**	1,1	5,8**
локус контроля – Я	24,7	24,8	25	0,2	0,5	0,2
локус контроля – жизнь	35,4	29,8	38,6	4,1**	3,4**	7,1**
общий уровень	126,7	127,2	124	0,2	0,3	0,5

Прим.: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$.

Все респонденты нацелены на будущее, но люди, берущие ипотечное кредитование, склонны фаталистичнее к нему относиться. При этом осмысленность будущего, простроенность целей и планов у респондентов, планирующих взятие ипотеки, выше в сравнении с представителями остальных групп. Интересно, что в отношении своего прошлого принимающие решение о взятии кредитования респонденты демонстрируют равно противоположную тенденцию: они гораздо менее удовлетворены прожитой частью жизни, чем представители первой экспериментальной и контрольной групп. Тот факт, что стремление и умение быть погруженным в настоящий момент жизни, на-

слаждаться жизнью как процессом, в большей степени присуще представителям контрольной группы, видится закономерным и хорошо укладывается в общее представление о «жизни в ипотеке», которое условно можно охарактеризовать как умение отказаться от «сиюминутных удовольствий» и удовлетворения актуальных потребностей в пользу будущих дивидендов.

Респонденты, берущие ипотечное кредитование, стремятся иметь работу или профессию, гарантирующую высокую зарплату или другие виды материальных благ, что наиболее актуально в ситуации необходимости внесения ежемесячных взносов за жилье, взятое под залог недвижимости (см. таблицу 4).

Таблица 4. Опросник терминальных ценностей ОТеЦ

Table 4. Terminal Value Questionnaire

	ЭГ1	ЭГ2	КГ	t^* – эмп.		
				$t^*_{1,2}$	$t^*_{1,3}$	$t^*_{2,3}$
собственный престиж	29,4	28,5	32,3	1,5	3,1**	4**
высокое материальное положение	37,3	40,4	36,5	3**	0,9	4**
креативность	32,1	29,2	33,2	2,2*	0,8	2,5*

	ЭГ1	ЭГ2	КГ	t* – эмп.		
				t* _{1,2}	t* _{1,3}	t* _{2,3}
активные социальные контакты	35,1	27,2	33,5	6,7**	1,3	4,3**
развитие себя	32	31,9	34,3	0,2	2,8**	2,6*
достижения	31,1	37,8	38,2	6,8**	7,7**	0,3
духовное удовлетворение	36,6	30,7	36,3	5,1**	0,3	3,7**
сохранение собственной индивидуальности	32,5	28,7	32,9	4,2**	0,3	3,5**
профессиональная жизнь	63,2	66,8	54,5	1,8	4,1**	6,8**
обучение и образование	55	53	56,9	1	1	1
семейная жизнь	57,5	60	55,5	1,6	1	2,7**
общественная жизнь	49,2	55	48	3,3**	0,6	3,8**
увлечения	51,4	47,6	59,6	2,5*	5,7**	9,5**

Методика «Ценностный спектр» Д. А. Леонтьева представляет собой список из 18 позиций, составленный на основе перечня бытийных ценностей А. Маслоу (добро, единство противоположностей, жизненность, завершенность, игра, истина, красота, легкость, необходимость, полнота, порядок, простота, самодостаточность, смысл, совершенство, справедливость, уникальность, целостность). Респондентам предлагалось в столбцах, соответствующих оцениваемым объектам, отметить, какие ценности присущи каждому из них.

В качестве объектов оценивания (в соответствии с логикой методики и целями исследования) выступили: «человек», «жизнь», «труд», «любовь», «смерть», «прошлое», «настоящее», «будущее», «отдых», «деньги», «собственное жилье», «свобода», «работа». В таблице 5 приведены наиболее существенные отличительные результаты обработки данных по методике (приводится процент респондентов, охарактеризовавших оцениваемые объекты при помощи тех или иных ценностей из предложенного спектра).

Таблица 5. Методика Ценностного спектра Д. А. Леонтьева
Table 5. Value Spectrum Method by D. A. Leontiev

	ЭГ1	ЭГ2	КГ	Ф* – эмп.		
				Ф* _{1,2}	Ф* _{1,3}	Ф* _{2,3}
Труд: необходимость	100 %	100 %	53,8 %	–	5,49**	5,95**
Жизнь: целостность	60,7 %	30,8 %	80,8 %	2,24**	1,64*	3,81**
Жизнь: порядок	–	–	42,3%	–	5,2**	5,11**
Жизнь: уникальность	60,7 %	88,5 %	96,1 %	2,43**	3,52**	1,36
Прошлое: полнота	–	–	53,8%	–	6,05**	5,94**
Будущее: завершенность	10,7 %	–	–	2,45**	2,45**	–
Собственное жилье: жизненность	25 %	100 %	34,6 %	7,69**	0,77	6,79**
Собственное жилье: совершенство	7,2 %	–	23 %	1,99**	1,68*	3,61**
Свобода: справедливость	–	65,4 %	53,8 %	6,92**	6,05**	0,85
Свобода: целостность	25 %	76,9 %	61,5 %	4,01**	2,77**	1,21
Деньги: смысл	92,8 %	88,5%	46,1 %	0,55	4,06**	3,45**
Работа: смысл	100 %	34,6 %	46,1 %	7,25**	6,05**	0,85

Прим.: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$.

Респонденты контрольной группы считают жизнь более упорядоченной, целостной и уникальной, а свое прошлое – полным (таблица 5). Представители обеих экспериментальных групп подчеркивают однозначную необходимость труда: не имея источника дохода (труд и работа), они лишаются средств, необходимых для погашения ипотечных взносов и для собственной

жизни, материальный достаток для них в данный период жизни является смыслом (деньги – смысл – 92,8 %, работа – смысл – 100 % для респондентов ЭГ1). Респонденты, выплачивающие ипотеку, отмечают «завершенность будущего», что говорит о его простроенности, а также «совершенство собственного жилья». Респонденты ЭГ2 с приобретением собственной жил-

площади используют ее для удовлетворения базовых жизненных потребностей, в то время как респонденты ЭГ1 обжили взятое в кредит помещение, и для них на первый план выступает его «совершенство» (уют, обстановка).

При помощи методики репертуарных решеток определялась степень близости между конструктами «я в настоящем», «я в прошлом», «я в будущем», «свободный человек», «несвободный человек» в субъективном семантическом пространстве респондентов (см. таблицу 6).

Таблица 6. Методика «Репертуарные решетки»: средние значения коэффициента близости между конструктами
Table 6. Method "Repertory grids": average values of the coefficient of proximity between constructs

Конструкты	ЭГ1	ЭГ2	КГ	$t_{1,2}$	$t_{1,3}$	$t_{2,3}$
я в настоящем – я в прошлом	0,75	0,66	0,58	2,5*	5,7**	3,2**
я в настоящем – я в будущем	0,58	0,59	0,43	0,6	4,7**	5,9**
я в настоящем – свободный человек	0,88	0,33	0,79	19,7**	2,3*	14,1**
я в настоящем – несвободный человек	0,61	1,08	0,54	16,4**	2	18,3**
я в прошлом – я в будущем	0,49	0,34	0,52	5,4**	1	8,8**
я в прошлом – свободный человек	0,65	0,77	0,68	2,9**	2	1,9
я в прошлом – несвободный человек	0,69	0,44	0,69	8,3**	0	8,2**
я в будущем – свободный человек	0,68	0,61	0,68	2,6*	0	2,1*
я в будущем – несвободный человек	0,57	0,57	0,61	0,3	1,3	0,9
свободный человек – несвободный человек	0,75	1,13	0,88	12**	4,3**	9,9**

Прим.: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$.

Респонденты контрольной группы в большей степени принимают свое будущее, их «образ я» в настоящем и будущем более непротиворечив и целостен. Респонденты, находящиеся в начальной точке взятия ипотеки (ЭГ2), отождествляют себя в прошлом с собой в будущем, при этом как бы «выбрасывая» настоящее из временного континуума. Интересно, что представители ЭГ2 считают себя в настоящем более свободными (вероятно, настоящее для них – своего рода «последний рубеж» свободы, из которого уже завтра они шагнут в «несвободное будущее»). Категории «свободный человек» и «несвободный человек» для респондентов ЭГ2 наиболее удалены в семантическом пространстве в сравнении с другими группами. Респонденты ЭГ1 показали средние значения по близости всех конструктов, однако, стоит отметить, что категории «свободный» и «несвободный»

человек у них сильнее сближаются в семантическом пространстве, чем у респондентов двух других групп. Полученные данные свидетельствуют о том, что для респондентов, берущих ипотечное кредитование, момент подписания договора на покупку жилья является переломным моментом в их жизни, в то время как выплачивающие в течение определенного периода времени кредит люди уже более спокойно относятся к выплате ипотечных взносов и не воспринимают свое настоящее как некую границу, «разлом между прошлым и будущим».

Эмоциональная составляющая отношения ко времени оценивалась при помощи семантических методов (эссе на тему «Мое будущее», ассоциативный эксперимент на стимул «будущее», семантический дифференциал на стимулы «время» и «образ будущего»).

Таблица 7. Семантический дифференциал на стимул «Время» (по факторам)
Table 7. Semantic differential according to the stimulus "Time" (by factors)

	Активность	Эмоциональная окраска	Величина	Структура	Ощущаемость
ЭГ1	1,6	2,4	2,6	2,8	3,2
ЭГ2	2,4	3,6	2,8	4,7	3,4
КГ	2,9	2,9	3,2	3,9	4,9
t эмп.	$t_{1,2}=3,8**$	$t_{1,2}=6,2**$	$t_{1,2}=0,7$	$t_{1,2}=8,5**$	$t_{1,2}=0,6$
	$t_{1,3}=6,4**$	$t_{1,3}=3,3**$	$t_{1,3}=3,0**$	$t_{1,3}=4,3**$	$t_{1,3}=8,0**$
	$t_{2,3}=2,0*$	$t_{2,3}=3,2**$	$t_{2,3}=2,1*$	$t_{2,3}=3,2**$	$t_{2,3}=5,8**$

Прим.: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$.

Не планирующие ипотечного кредитования респонденты оценивают время как более активное и «ощущаемое», наделяют его большей «величиной», чем представители двух других групп. Вместе с тем наиболее эмоционально окрашенным время видится людям, находящимся в начальной точке «жизни в ипотеке» – не исключено, что эта эмоциональная окрашенность имеет в числе прочего и негативную модальность.

Данные таблицы 8 подтверждают полученные по другим методикам свидетельства того, что находящиеся в начале «ипотечного пути» респонденты сильнее драматизируют свое будущее в сравнении с теми, кто уже выплачивает кредит в течение определенного времени и демонстрирует признаки адаптированности в этой ситуации. Респонденты ЭГ1 позитивно оценивают свое будущее, связывая его с приобретением собственного жилья, ожидая скорой выплаты послед-

него взноса. Респонденты контрольной группы также склонны позитивно оценивать будущее, связывая его с новыми достижениями, за которые смогут испытывать гордость (по данным семантических методик). Из таблицы 9 следует, что недавно заключившие договор ипотечного кредитования лица еще не вполне «свыклись» с идеей о необходимости выплачивать кредит, возможно, вытесняют мысли об этом, реже респондентов ЭГ1 упоминают данный факт в ходе размышлений о жизни. Обращает на себя внимание тот факт, что представители обеих экспериментальных групп гораздо меньше размышляют о возможном карьерном росте, чем не имеющие ипотечных обязательств люди (даже с учетом того, что профессиональный рост влечет за собой и повышение дохода, что представляется очень существенным мотивом карьерных достижений на данном этапе жизни).

Таблица 8. Методика вербального реагирования на стимул «будущее» (по категориям)

Table 8. Verbal response methodology to the "future" stimulus (by category)

	Позитивные оценки	Негативные оценки	Неопределенность	Профессиональная деятельность	Собственное жилье
ЭГ1	57,1 %	21,4 %	32,1 %	42,8 %	60,7 %
ЭГ2	34,6 %	46,1 %	53,8 %	69,2 %	53,8 %
КГ	42,3 %	30,7 %	23 %	46,1 %	3,8 %
φ – эмп.	$\varphi_{1,2}^* = 1,67^*$	$\varphi_{1,2}^* = 1,95^*$	$\varphi_{1,2}^* = 1,62$	$\varphi_{1,2}^* = 1,98^*$	$\varphi_{1,2}^* = 0,51$
	$\varphi_{1,3}^* = 1,09$	$\varphi_{1,3}^* = 0,77$	$\varphi_{1,3}^* = 0,75$	$\varphi_{1,3}^* = 0,24$	$\varphi_{1,3}^* = 5,12^{**}$
	$\varphi_{2,3}^* = 0,57$	$\varphi_{2,3}^* = 1,15$	$\varphi_{2,3}^* = 2,33^{**}$	$\varphi_{2,3}^* = 1,7^*$	$\varphi_{2,3}^* = 4,42^{**}$

Прим.: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$.

Таблица 9. Контент-анализ эссе на тему «Мое будущее» (по категориям)

Table 9. Content analysis of the "My Future" essay (by categories)

	Выплата ипотеки	Переезд	Повышение в карьере
ЭГ1	57 %	7,1 %	7,1 %
ЭГ2	28,6 %	0 %	15,4 %
КГ	0 %	46,1 %	69,2 %
φ – эмп.	$\varphi_{1,2}^* = 2,14^*$	$\varphi_{1,2}^* = 1,98^*$	$\varphi_{1,2}^* = 0,98$
	$\varphi_{1,3}^* = 6,28^{**}$	$\varphi_{1,3}^* = 3,5^{**}$	$\varphi_{1,3}^* = 5,21^{**}$
	$\varphi_{2,3}^* = 4,07^{**}$	$\varphi_{2,3}^* = 5,38^{**}$	$\varphi_{2,3}^* = 4,18^{**}$

Прим.: * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$.

Выводы

Таким образом, обобщение результатов эмпирического исследования позволяет сделать следующие выводы:

1. В момент заключения ипотечного договора люди совершают значимый выбор, разделяющий их жизнь на «до» и «после».

2. Заключая договор об ипотечном кредитовании, люди считают себя свободными именно в точке принятия данного решения, оценивая свое будущее как несвободное и тревожное.

3. Приобретая жилую площадь по договору ипотеки, люди приобретают не просто недвижимость, но и психологическую ценность обладания жилым пространством, которая стимулирует их к повышению своей работоспособности с целью заработка денежных средств на погашение ипотечных взносов; при этом желание карьерного роста отходит на второй план – возможно, ввиду дефицитности личностного ресурса, невозможности «объять необъятное».

4. Люди, живущие в условиях ипотеки, сближаются в своем семантическом пространстве категории «свободного» и «несвободного» человека, что явля-

ется своего рода адаптивным механизмом к условиям «ипотечной кабалы».

5. Имеющие обязательства ипотечного кредитования люди склонны сохранять стабильность своего образа жизни (не менять место работы, жилья) и критически относиться к корректировке собственных планов на будущее (возможно, отчасти ввиду того, что жилье до выплаты последнего взноса еще не переходит в собственность).

6. Люди, не имеющие кредитных обязательств, проявляют большую вариабельность в постановке целей

на будущее, демонстрируют большую мобильность, более ориентированы на карьерные достижения.

7. Люди, выплачивающие ипотечный кредит, склонны двигаться к достижению долгосрочной цели – получению квартиры в собственность – в ущерб текущим желаниям и актуальным потребностям, ввиду чего они идеалистично оценивают собственное будущее, описывая его лишь в положительной модальности.

8. Проживание в условиях ипотечного сценария в совокупности с отсутствием внутренних и внешних ресурсов может вести к неврозу отложенной жизни.

Литература

1. Анохин П. К. Опережающее отражение действительности // Вопросы философии. 1962. № 7. С. 97–111.
2. Бернштейн А. Н. Очерки по физиологии движений и физиологии активности. М.: Медицина, 1966. 349 с.
3. Павлов И. П. Избранные произведения. Л.: АН СССР, 1949. 639 с.
4. Сеченов И. М. Избранные философские и психологические произведения. М.: ОГИЗ, 1947. 647 с.
5. Zimbardo P. G., Boyd J. N. Putting time perspective: A valide, reliable individual-differences metric // Journal of Personality and Social Psychology. 1999. № 77(6). Р. 1271–1288.
6. Левин К. Динамическая психология: избранные труды. М.: Смысл, 2001. 572 с.
7. Нюттен Ж. Мотивация, действие и перспектива будущего. М.: Смысл, 2004. 608 с.
8. Ковалев В. И. Психологические особенности личностной организации времени: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1979. 25 с.
9. Абульханова К. А., Березина Т. Н. Время личности и время жизни. СПб.: Алетейя, 2001. 304 с.
10. Зинченко В. П. Культурно-историческая психология: опыт амплификации // Вопросы психологии. 1993. № 4. С. 13–14.
11. Толстых Н. Н. Хронотоп: культура и онтогенез. Смоленск; М.: Универсум, 2010. 292 с.
12. Эйнштейн А. Теория относительности. Избранные работы. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая механика», 2000. 225 с. Режим доступа: http://lib.sernam.ru/book_tot.php?id=62 (дата обращения: 22.01.2018).
13. Ухтомский А. А. О хронотопе // Ухтомский А. А. Доминанта. СПб.: Питер, 2002. С. 67–71.
14. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М.: Худож. лит., 1986. С. 234–407.
15. Смысловой хронотоп // Морозов С. М. Экзистенциальный вектор деятельности. М.: МПСУ, 2013. Т. 1. С. 261–278. Режим доступа: <http://mylektsii.ru/2-16443.html> (дата обращения: 16.01.2018).
16. Фоминых Е. С. Хронотоп: ретроспектива и перспектива исследований // Концепт. 2017. Т. 31. С. 1251–1255. Режим доступа: <http://e-koncept.ru/2017/970265.htm> (дата обращения: 13.01.2018).
17. Мертон Р. Непреднамеренные последствия социального действия // Социологический журнал. 2009. № 2. С. 5–17.
18. Ручко С. В 2017 году ипотека побьет все рекорды // Комсомольская правда. 26.10.2016. Режим доступа: <https://www.kp.ru/daily/26599/3615336/#ampshare=http> (дата обращения: 14.12.2017).
19. Саенко И. А. Жилищные условия населения как результат управления и развития жилой недвижимости в Российской Федерации // Проблемы современной экономики. 2016. № 1. С. 137–140.
20. Франкл В. Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
21. Работодателям запретят сокращать «ипотечников». Режим доступа: <http://delint.ru/vlast/3642-.html> (дата обращения: 06.11.2017).
22. Farber M. L. Imprisonment as a psychological situation. Unpublished Ph. D. Thesis, State Univ. Iowa, 1940.
23. Серкин В. П. Семантическое описание «северного невроза» // Психология субъективной семантики в фундаментальных и прикладных исследованиях: материалы научной конференции, посвященной 60-ти летию со дня рождения Е. Ю. Артемьевой / отв. ред. Д. А. Леонтьев. М.: Смысл, 2000. С. 131–133.
24. Быкова И. А., Серкин В. П. Жизнь в ипотеке: психологические особенности // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3-3. С. 98–106.
25. Леонтьев Д. А. Тест смысло-жизненных ориентаций (СЖО). 2-е изд. М.: Смысл, 2000. 18 с.
26. Головаха Е. И., Кроник А. А. Психологическое время личности. Киев: Наукова думка, 1984. 130 с.
27. Методика Г. С. Никифорова «События моей жизни». Режим доступа: <https://www.psyoffice.ru/3-0-praktikum-00255.htm> (дата обращения: 16.12.2017).
28. Леонтьев Д. А. Методика ценностного спектра и ее возможности в исследовании субъективной реальности // Методы психологии: ежегодник РПО. Т. 3. Вып. 2. Ростов-на-Дону, 1997. С. 163–166.
29. Сенин И. Г. Опросник терминальных ценностей. Ярославль: НПЦ «Психодиагностика», Фонд гражданских инициатив «Содействие», 1991. 19 с.

30. Вассерман Л. И., Трифонова Е. А., Червинская К. Р. Семантический дифференциал времени: экспертная психодиагностическая система в медицинской психологии. СПб., 2009. 43 с.
31. Серкин В. П. Методы психосемантики. М.: Аспект Пресс, 2004. 207 с.

SHAPING THE VISION OF THE FUTURE IN MORTGAGE HOLDERS

Yulia Yu. Neyaskina^{1, @1}, Olga V. Pukhova^{1, @2}

¹ Vitus Bering Kamchatka State University, 4, Pogranichnaya St., Petropavlovsk-Kamchatsky, Russia, 683032

@1 neyaskinaju@yandex.ru

@2 pukhova.21031995@inbox.ru

Received 02.05.2018. Accepted 01.06.2018.

Keywords: chronotope, temporal perspective, future, semantic and eventful filling of the future, mortgage / mortgage lending, mortgage scenario.

Abstract: The article features some results of an empirical research that defines the specifics of shaping the vision of the future in mortgage holders. The hypothesis under examination states the difference in the vision of the future in mortgage holders, those about to sign a mortgage lending contract, and those without mortgage obligations. The differences concern the level of detail elaboration and future construction, the expression of various modality orientations about future, and density of events. The methods included qualitative research methods, e.g. graphical method "Cottle's Circles", "My future" essay, a technique for verbal response to the stimulus "The future", as well as quantitative ones. The obtained empirical data make it possible to say that the decision of taking mortgage lending credit changes the semantic matrix of the person, defines the specifics of subjective chronotype. In particular, it gives the specific coloring to the semantic and event shaping of one's vision about the future.

The results of the research can be used to organize psychological work with people who are going to take mortgage lending, as well as with mortgage holders.

For citation: Neyaskina Yu. Yu., Pukhova O. V. Osobennosti konstruirovaniia obraza budushchego u liudei, imeiushchikh obiazatel'stva po ipotechnomu kreditovaniyu [Shaping the Vision of the Future in Mortgage Holders]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2018): 104–113. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-104-113>.

References

1. Anokhin P. K. Operezhaiushchee otzrazhenie deistvitel'nosti [Anticipating reflection of reality]. *Voprosy filosofii*, no. 7 (1962): 97–111.
2. Bernshtein A. N. *Ocherki po fiziologii dvizhenii i fiziologii aktivnosti* [Essays on the physiology of movements and physiology of activity]. Moscow: Meditsina, 1966, 349.
3. Pavlov I. P. *Izbrannye proizvedeniia* [Selected Works]. Leningrad: AN SSSR, 1949, 639.
4. Sechenov I. M. *Izbrannye filosofskie i psikhologicheskie proizvedeniia* [Selected philosophical and psychological works]. Moscow: OGIZ, 1947, 647.
5. Zimbardo P. G., Boyd J. N. Putting time perspective: A valid, reliable individual-differences metric. *Journal of Personality and Social Psychology*, no. 77(6) (1999): 1271–1288.
6. Levin K. *Dinamicheskaiia psikhologiiia: Izbrannye trudy* [Dynamic Psychology: Selected Works]. Moscow: Smysl, 2001, 572.
7. Nuttin J. *Motivatsiia, deistvie i perspektiva budushchego* [Motivation, action and perspective of the future]. Moscow: Smysl, 2004, 608.
8. Kovalev V. I. *Psikhologicheskie osobennosti lichnostnoi organizatsii vremeni*. Avtoref. diss. kand. psikh. nauk [Psychological features of the personal organization of time. Cand. Psychol. Sci. Diss. Abstr.]. Moscow, 1979, 25.
9. Abul'khanova K. A., Berezina T. N. *Vremia lichnosti i vremia zhizni* [Personality time and time of life]. Saint-Petersburg: Aleteia, 2001, 304.
10. Zinchenko V. P. Kul'turno-istoricheskaiia psikhologiiia: opyt amplifikatsii [Cultural-historical psychology: the experience of amplification]. *Voprosy psikhologii*, no. 4 (1993): 13–14.
11. Tolstykh N. N. *Khronotop: kul'tura i ontogenez* [Chronotope: culture and ontogeny]. Smolensk; Moscow: Universum, 2010, 292.
12. Einstein A. *Teoriia otnositel'nosti. Izbrannye raboty* [Theory of relativity. Selected Works]. Izhevsk: NITS «Reguliarnaia i khaoticheskaiia mekhanika», 2000, 225. Available at: http://lib.sernam.ru/book_tot.php?id=62 (accessed 22.01.2018).

13. Ukhtomsky A. A. *Dominanta* [Dominant]. Saint-Petersburg: Piter, 2002, 67–71.
14. Bakhtin M. M. *Literaturno-kriticheskie stat'i* [Literary-critical articles]. Moscow: Khudozh. lit., 1986, 234–407.
15. Morozov S. M. *Ekzistentsial'nyi vektor deiatel'nosti* [Existential activity vector]. Moscow: MPSU, vol. 1 (2013): 261–278. Available at: <http://mylektsii.ru/2-16443.html> (accessed 16.01.2018).
16. Fominykh E. S. Khronotop: retrospektiva i perspektiva issledovaniia [Chronotope: a retrospective and perspective of research]. *Kontsept = Concept*, vol. 31 (2017): 1251–1255. Available at: <http://e-koncept.ru/2017/970265.htm> (accessed 13.01.2018).
17. Merton R. Neprednamerennye posledstviia sotsial'nogo deistviia [The unanticipated consequences of purposive social action]. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*, no. 2 (2009): 5–17.
18. Ruchko S. V 2017 godu ipoteka pob'et vse rekordy [In 2017, the mortgage will beat all records]. *Komsomolskaya Pravda*, 26.10.2016. Available at: <https://www.kp.ru/daily/26599/3615336/#ampshare=http> (accessed 14.12.2017).
19. Saenko I. A. Zhilishchnye usloviia naseleniia kak rezul'tat upravleniia i razvitiia zhiloi nedvizhimosti v Rossiiskoi Federatsii [Housing conditions of the population as a result of management and development of real estate in the Russian Federation]. *Problemy sovremennoi ekonomiki = Problems of modern economics*, no. 1 (2016): 137–140.
20. Frankl V. *Chelovek v poiskakh smysla* [Man in search of meaning]. Moscow: Progress, 1990, 368.
21. *Rabotodateliam zapreiat sokrashchat' «ipotechnikov»* [Employers are forbidden to reduce «mortgage»]. Available at: <http://delint.ru/vlast/3642-.html> (accessed 06.11.2017).
22. Farber M. L. *Imprisonment as a psychological situation*. Unpublished Ph. D. Thesis, State Univ. Iowa, 1940.
23. Serkin V. P. Semanticheskoe opisaniie «severnogo nevroza» [Semantic description of the «northern neurosis»]. *Psikhologiya sub'ektivnoi semantiki v fundamental'nykh i prikladnykh issledovaniiax: Materialy nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 60-ti letiiu so dnia rozhdeniia E. Iu. Artem'evoi* [Psychology of subjective semantics in fundamental and applied research: Proc. Sc. Conf. dedicated to the 60th anniversary of the birth of Artemieva E. Yu.]. Ed. Leontev D. A. Moscow: Smysl, 2000, 131–133.
24. Bykova I. A., Serkin V. P. Zhizn' v ipoteke: psikhologicheskie osobennosti [Life in the Mortgage: the psychological Constitution]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3-3 (2015): 98–106.
25. Leontev D. A. *Test smyslozhiznennykh orientatsii (SZHO)* [The test of meaningful orientations (FML)]. 2nd ed. Moscow: Smysl, 2000, 18.
26. Golovakha E. I., Kronik A. A. *Psikhologicheskoe vremia lichnosti* [Psychological time of personality]. Kiev: Naukova dumka, 1984, 130.
27. Metodika G. S. Nikiforova «Sobytiia moiei zhizni» [GS Nikiforov's Technique «The Events of My Life»]. Available at: <https://www.psyoffice.ru/3-0-praktikum-00255.htm> (accessed 16.12.2017).
28. Leontev D. A. Metodika tsennostnogo spektra i ee vozmozhnosti v issledovanii sub'ektivnoi real'nosti [The methodology of the value spectrum and its possibilities in the study of subjective reality]. *Metody psikhologii: ezhegodnik RPO* [Methods of Psychology: RPO yearbook]. Rostov on Don, vol. 3, Iss. 2 (1997): 163–166.
29. Senin I. G. *Oprosnik terminal'nykh tsennostei* [The questionnaire of terminal values]. Yaroslavl: NPTS «Psikhodiagnostika», Fond grazhdanskikh initsiativ «Sodeistvie», 1991, 19.
30. Vasserman L. I., Trifonova E. A., Chervinskaia K. R. *Semanticheskii differentsial vremeni: ekspertnaia psikhodiagnosticheskaiia sistema v meditsinskoi psikhologii* [Semantic differential of time: expert psychodiagnostic system in medical psychology]. Saint-Petersburg, 2009, 43.
31. Serkin V. P. *Metody psikhosemantiki* [Methods of psychosemantics]. Moscow: Aspekt Press, 2004, 207.

УДК 159.923.2

СТАТУС ПОЛОРОЛЕВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СТАРШИХ ДОШКОЛЬНИКОВ ИЗ ПОЛНЫХ И НЕПОЛНЫХ СЕМЕЙ

Оксана П. Цариценцева¹. @

¹ Оренбургский государственный педагогический университет, 460014, Россия, г. Оренбург, ул. Советская, 19
@ oks-ternovskay@yandex.ru

Поступила в редакцию 28.02.2018. Принята к печати 28.04.2018.

Ключевые слова: идентичность, полоролевая идентичность, дошкольники, тип семьи, неполная семья.

Аннотация: Статья отражает результаты теоретического обобщения и эмпирического исследования статусов полоролевой идентичности старших дошкольников из полных и неполных семей. В статье обосновывается актуальность исследованной заявленной проблемы, дается описание степени разработанности её в науке. Полоролевая идентичность анализируется как составляющая самосознания, отражающая осознание себя как представителя определенного пола, включающая представления о стереотипах мужественности и женственности и отношение к ним. Описываются особенности дошкольного возраста с позиции становления полоролевой идентичности.

Представленные результаты эмпирического исследования направлены не только на описание полоролевой идентичности старших дошкольников, но и на описание и анализ особенностей статуса полоролевой идентичности дошкольников из полных и неполных семей. Доказано, что статус полоролевой идентичности старших дошкольников лишь отчасти определяется структурой семьи: стереотипные представления об отличиях мальчиков от девочек чаще всего встречаются у детей из семей с неблагополучной семейной ситуацией; в полной семье чаще привлекательным образом является образ противоположного пола; неправильно идентифицируют себя с возрастом дети из полных семей.

Для цитирования: Цариценцева О. П. Статус полоролевой идентичности старших дошкольников из полных и неполных семей // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 2. С. 114–121. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-114-121>.

На современном этапе развития нашего общества наблюдается качественная трансформация в процессе половой социализации детей и подростков (Н. Ю. Флотская, А. М. Щетинина, Л. В. Зубова и др.). В настоящее время тенденции феминизации и маскулинизации широко затронули все стороны жизни, особенно актуальна данная проблема для дошкольного возраста. В психолого-педагогических научных исследованиях изучались полоролевые стереотипы и эталоны мужественности-женственности (Т. И. Юферева (1989), В. Е. Каган (1991), В. С. Агеев (1990)); была выявлена взаимосвязь системы воспитания и половой дифференциации (Г. М. Бреслав (1990), Ю. А. Алешина и А. С. Волович (1991)). Ролевая дифференциация у дошкольников представлена в работах М. Х. Мелтсас, Я. Л. Коломинского (1985), В. Е. Каган (2000), А. Н. Батиной (2007), Е. О. Бурачевской (2002). Разрабатывались методы диагностики половозрастной идентификации: Т. А. Араканцева (1999), Н. Л. Белопольская (1995), С. Н. Ениколов, О. Г. Лопухова (2001), Н. В. Дворянчиков (2000). Многие отечественные (Д. Н. Исаев (1980), В. Е. Каган (1980), И. С. Кон (1988) и др.) и зарубежные (Ш. Берн (2001), Л. Кольберг (1981) и др.) ученые склоняются к мнению, что первичная полоролевая идентичность устанавливается к концу дошкольного детства [1–3]. Именно дошкольный возраст является сензитивным

периодом в формировании представлений о своих правах и обязанностях как сына, мужа и отца, члена семьи, соответственно – дочери, жены, матери [4; 5].

Старший дошкольный возраст является периодом установления первичной (номинативной) полоролевой идентичности личности, ориентированной в гендерных традициях национальной культуры, способной к принятию своей социальной принадлежности по признаку пола посредством освоения гендерных ценностей народной культуры. С. А. Марутян (1998) утверждает, что в результате анализа психолого-педагогических исследований, проведенных в России и за рубежом, было установлено, что именно в период дошкольного детства у всех детей, живущих в разных странах мира, происходит принятие гендерной роли: к возрасту 2–3-х лет дети начинают понимать, что они либо девочка, либо мальчик, и обозначают себя соответствующим образом; в возрасте с 4 до 7 лет формируется гендерная устойчивость: детям становится понятно, что гендер не изменяется: мальчики становятся мужчинами, а девочки – женщинами, и эта принадлежность к полу не изменится в зависимости от ситуации или личных желаний ребенка [6].

На развитие полоролевой идентичности влияют многие факторы, но наиболее важным и значимым является семья, где дети осваивают свои половые роли [7]. Невер-

но усвоенная половая роль в детстве, как отмечают ученые (В. Е. Каган (1986), В. М. Целуйко (2003), А. И. Захаров (2000)), порождает глубокие изменения всей личности человека. Происходит «деперсонализация», потеря своего «Я», эмоциональная нестабильность и личностная незрелость, пассивность, агрессивность в общении со сверстниками, страхи, повышенная возбудимость, конфликтность, развитие гомосексуализма (Р. Эванс (1971), М. Хофман (1978), М. Скофилд (1982), И. Кон (1988) и др.) и другие изменения [7]. Поэтому именно от функционирования и структуры семьи зависит статус полоролевой идентичности дошкольника.

В нашем исследовании мы планировали провести сравнительный анализ статусов полоролевой идентичности у старших дошкольников из полных и неполных семей.

Полоролевая идентичность рассматривается как системное понятие, основанное на нескольких составляющих (пол, роль, идентичность). Понятие «пол» рассматривается с биологической точки зрения (В. А. Геоакаян (1991), В. К. Шабельников (2003)) и в социальном контексте (И. Г. Малкина-Пых (2006), О. Г. Лопухова (2001)), а также в рамках предложенной интеграции различных уровней половых различий – биологического, психологического и социального (В. С. Агеев (1987)). Термин «роль», рассматриваемый в рамках ролевой теории личности (Е. Томас (1979)), понимается как усвоенный стереотип поведения в определенном социальном контексте. В личностном аспекте понятием «роль» обозначают интериоризированный аспект собственной деятельности, ставший компонентом самосознания (И. С. Кон (1978)). Идентичность – интегративный феномен, сложная психологическая реальность, включающая различные уровни сознания, индивидуальные и коллективные, онтогенетические и социогенетические, этнические и полоролевые отношения. В самом общем виде идентичность представляет собой субъективное ощущение тождества и целостности. Развернуто это определение трактуется как усвоенный и личностно

принимаемый образ себя во всем богатстве отношений личности к миру, чувство адекватности и стабильного владения собственным «Я» [8]. Полоролевая идентичность – это составляющая самосознания, отражающая осознание себя как представителя определенного пола, включающая представления о стереотипах мужественности и женственности и отношение к ним (К. В. Сыроквашина (2007)). Полоролевая идентичность включает в себя когнитивный («образ Я»), эмоциональный (самооценка) и поведенческий (вероятную поведенческую реакцию) компоненты.

Теоретический анализ позволил сформулировать предположение, что полоролевая идентичность старших дошкольников из полных и неполных семей отличается по уровню сформированности и степени выраженности полоролевых качеств.

Исследование проводилось в муниципальном дошкольном образовательном учреждении Оренбургской области. В нем приняли участие дети подготовительных групп (34 ребенка) 5,5–7 лет, из них 18 мальчиков и 16 девочек, 14 детей из неполных семей и 20 детей из полных семей (14 детей из семей с первым браком и 6 детей из семей с повторным браком).

Изучение статусов полоролевой идентичности дошкольников проводилось с помощью следующих методов: изучение гендерных установок у детей (полустандартизированное интервью В. Е. Кагана); методика исследования детского самосознания (половозрастная идентификация), автор – Н. Л. Белопольская; психологический тест «Возраст. Пол. Роль» (ВПР) Э. В. Волкова и С. В. Кудрявцевой; кинетический рисунок семьи А. Л. Венгера.

Изучая половозрастную идентификацию дошкольников по методике Н. Л. Белопольской, мы получили первичные данные по уровню сформированности у детей тех аспектов самосознания, которые связаны с идентификацией пола и возраста (рис. 1).

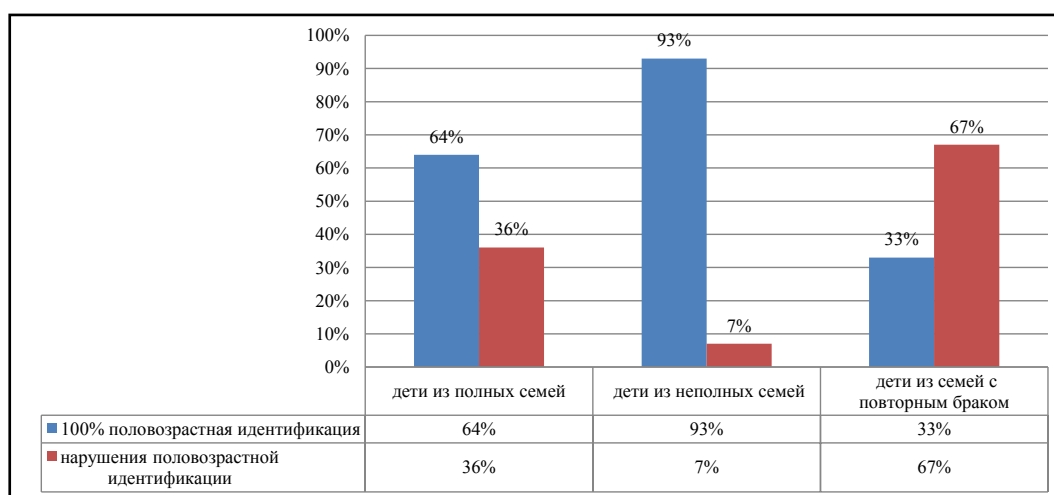

Рис. 1. Половозрастная идентификация детей из полных и неполных семей

Fig. 1. Gender and age identification of children from full and incomplete families

Если мы рассмотрим способность идентифицировать себя с обобщенным половым и половозрастным образом у детей, участвовавших в нашем исследовании, по структурным компонентам их семей, то увидим, что 93 % детей из неполных семей, 64 % детей из полных семей и только 33 % детей из семей с повторным браком продемонстрировали сформированность половозрастной идентификации (рис. 1). Заметим, что 67 % детей из семей с повторным браком не смогли идентифицировать себя с обобщенным половым и половозрастным образом, построить полную последовательность образов. Мы можем предположить, что полнота семьи не является показателем правильного развития процессов идентификации, возможно, в семьях этих детей внутрисемейные отношения не способствуют правильному становлению половозрастной идентификации.

Полученные результаты позволяют говорить нам, что у детей из неполных семей в диагностике по ме-

тодике Н. Л. Белопольской способность к половозрастной идентификации гораздо выше, чем у детей из полных семей. Очевидно, что такие результаты связаны с тем, что ребенок, воспитывающийся одинокой матерью, как правило, взрослеет быстрее, чем ребенок, растущий в полной семье (Й. Лангмейер, З. Матейчик (1984), И. Ф. Дементьева (2001), Г. Фигдор (1995), Э. Г. Эйдемиллер (2000)).

При выявлении знаний детей о своих настоящих и будущих половых ролях, особенностей восприятия ребенком себя как представителя определенного пола мы обратились к данным, полученным по методике «Изучение гендерных установок у детей (полустандартизированное интервью В. Е. Кагана)».

Уровни сформированности полоролевого образа на основании структуры их семей представлены на графике (рис. 2).

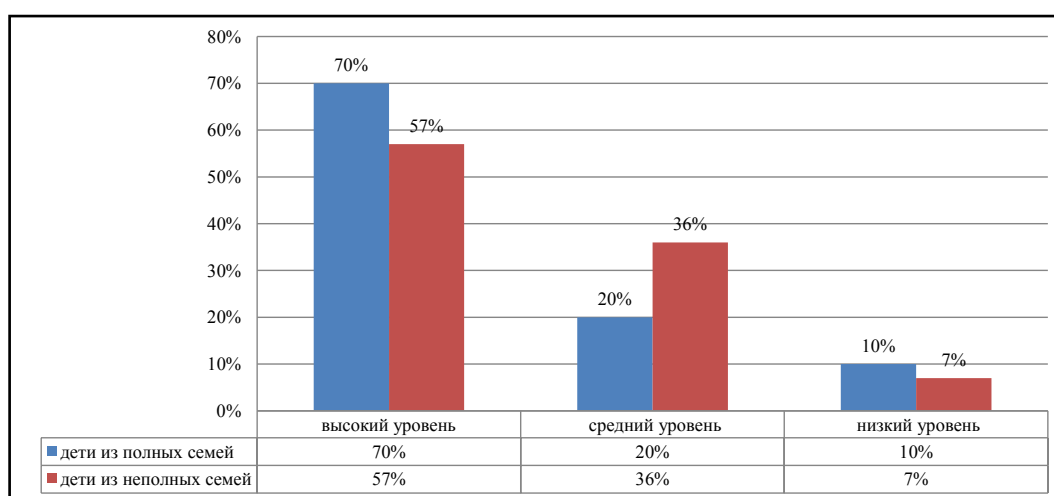

Рис. 2. Уровни сформированности Я-настоящего у дошкольников из семей разной структуры

Fig. 2. Levels of formation of the Ego-present in preschool children from families of different structure

Высокий уровень сформированности полоролевого образа ребенка показали 70 % детей из полных семей и 57 % детей из неполных семей. Мы видим, что большая часть детей и из полных, и из неполных семей могут назвать не только какие-то внешние отличительные признаки мальчиков и девочек, но и особенности их поведения, предпочтений в играх, компаниях сверстников. Мальчик из неполной семьи сказал: «Мальчики ходят на самбо, а девочки в музыкалку. Девочки играют с девочками, а мальчики с мальчиками. Девочки слабые, а мальчики сильные. Девочки могут варить суп, а мальчики строить». Высказывания этого мальчика позволяют говорить о том, что у него, как и у всех детей, давших нестереотипные ответы, высокий уровень сформированности «Я-настоящего», что соответствует возрастной норме. На седьмом году чаще звучат слова о силе мальчиков и слабости девочек, о различиях в поведении. Присутствуют элементы полового субъективизма [9].

Средний уровень сформированности полоролевого образа ребенка показали 20 % детей из полных семей и 36 % детей из неполных семей. На момент нашего

исследования этим детям было 6,5–7 лет. Дети давали стандартные ответы о различиях в одежде и причёске. Такие ответы соответствуют среднему уровню по критериям сформированности полоролевого образа ребенка, разработанным В. Е. Каганом. Мы можем предположить, что такой уровень развития полоролевого образа ребенка связан с не совсем благоприятной семейной ситуацией: гостевой брак; семья с инвалидом; семья с зависимым членом.

Низкий уровень сформированности полоролевого образа ребенка показали 10 % детей из полных семей и 7 % из неполных. Полнота семьи не является показателем правильного развития процессов формирования полоролевого образа ребенка, возможно, в семьях этих детей внутрисемейные отношения не способствуют правильному становлению половозрастной идентификации.

Итак, на первом этапе мы выяснили, что все опрошенные идентифицируют себя со своим полом, позитивно относятся к своей половой роли, имеют представление о своих будущих половых ролях, у большинства детей из полных и неполных семей сформиро-

ваны представления о своей настоящей половой роли. Очевидно, что большая часть детей из полных семей и половина детей из неполных семей имеют высокий уровень сформированности полоролевого образа: дети знают о своих настоящих и будущих половых ролях, положительно воспринимают себя как представителя определенного пола. Оценивают себя в целом положительно, понимают, что пол необратим, знают о своих будущих половых ролях, называют стереотипные отличия мальчиков от девочек, т. е. имеют средний уровень сформированности полоролевого образа чуть меньше четверти детей из полных семей и одна треть детей

из неполных семей. Только у 10 % детей из полных и 7 % детей из неполных семей низкий уровень сформированности полоролевого образа – знают о своих будущих половых ролях, положительно воспринимают себя как представителя определенного пола, но имеют неопределенное представление о различиях мальчиков и девочек, об особенностях поведения мальчиков и девочек в среде сверстников и семье.

Далее мы обратились к изучению аспектов отношения дошкольников к своему и противоположному полу в различных возрастных группах и получили интересные данные (рис. 3).

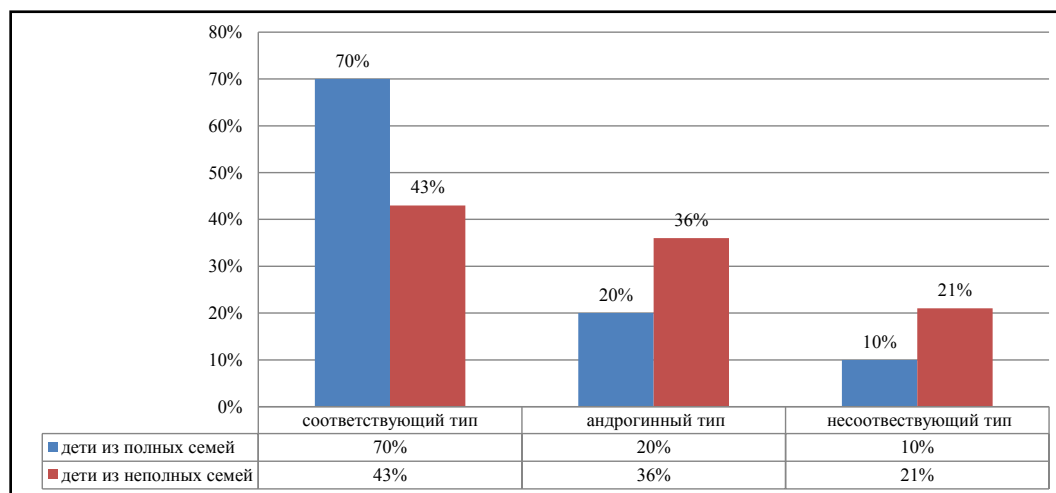

Рис. 3. Выраженность феминности, андрогинности и маскулинности у детей данной выборки на основании структуры их семей

Fig. 3. Expressiveness of femininity, androgyny and masculinity in children of this selection on the basis of structure of their families

У 70 % дошкольников из полных семей имеет место положительный эмоционально-когнитивный процесс неосознаваемого отождествления себя с представителями своего пола, другими словами, у этих детей биологический пол соответствует психологическому. Среди детей из неполных семей только 43 % показали такое соответствие. В семьях этих детей создана благоприятная ситуация для развития положительного отношения к своему и противоположному полу. У детей из неполных семей также создана благоприятная семейная ситуация и скорее всего есть значимый человек, который послужил эффективной заменой отсутствующего родителя. Андрогинный психологический пол показали 20 % детей из полных и 36 % детей из неполных семей. При проведении диагностики эти дети указывали в качестве предпочитаемых портреты представителей своего пола, но и в качестве отвергаемых выбирались портреты представителей своего пола. Очевидно, что у этих детей не сложилось положительное когнитивно-эмоциональное отношение к своему полу. Несовпадение биологического и психологического полов показали 21 % детей из неполных семей и 10 % детей из полных семей. Мы можем предположить, что это связано с неблагоприятной семейной ситуацией у детей, показавших такой результат. Ведь процесс осознания ребенком своей половой принадлежности и приобретения психических

особенностей и поведения, характерных для представителей определенного пола, во многом зависит от полноты состава семьи и от того, насколько сильно влияние матери или отца на формирование у ребенка жизненных и ценностных установок.

Таким образом, исследуя аспекты отношения к своему и противоположному полу у детей из полных и неполных семей, мы пришли к выводу, что для детей из полных семей наиболее характерно положительное отношение к своему и противоположному полу, следовательно, становление полоролевой идентичности проходит в соответствии с возрастом и полом детей. Очень небольшое количество детей из полных семей показали отрицательное отношение к своему полу. Для детей из неполных семей данной выборки характерен когнитивно-эмоциональный диссонанс: 36 % детей с андрогинными чертами и 21 % детей с преобладанием противоположного типа половой роли. Следует отметить, что большую роль в становлении полоролевой идентичности детей старшего дошкольного возраста играет семья и взаимоотношения в ней. Дети из неполных семей продемонстрировали больший процент нарушения когнитивно-эмоционального притяжения своего пола. Что касается гендерного аспекта в вопросе становления полоролевой идентичности, то у девочек, на наш взгляд, он проходит немного интенсивнее

и легче, чем у мальчиков на данном возрастном этапе и в данной ситуации.

Целью применения методики «Рисунок семьи» А. Л. Венгер было получение информации о субъективной оценке семейной ситуации детей, участвующих в нашем исследовании.

Мы сравнили полученные данные между детьми из полных семей и детьми из неполных семей (таблица 1). Почти половина (40 %) детей из полных семей показали, что воспринимают свою семейную ситуацию как благоприятную, в то время как только у троих (21 %) детей из неполных семей мы можем сказать то же самое. Свою семейную ситуацию воспринимают как неблагоприятную 60 % детей из полных семей и 79 % детей из неполных семей. Очевидно, что дети как из полных семей, так и из неполных оценивают свою семейную ситуацию скорее как неблагоприятную, но в то же время такая неблагоприятная субъективная оценка более характерна для детей из неполных семей. Анализ симптомокомплексов в рисунках детей показал следующее: почти в половине случаев фигурка, изображавшая автора рисунка, была очень мелкой, что, по мнению А. Л. Венгер, может обозначать подавленность или заброшенность, гиперопеку; 10 детей нарисовали себя самыми последними – это может означать, что ребенок чувствует себя наименее значимой

фигурой в своей семье. В 12 случаях дети изобразили в своих рисунках семьи посторонних людей или предметы – по мнению А. Л. Венгер, это может означать недостаток общения, потребность в эмоциональном тепле. В 13 случаях взрослые и дети были расположены отдельными группами – это может означать ослабленность эмоциональных связей между родителями и детьми. В 25 случаях при изображении членов семьи мы зафиксировали стирания, исправления, штриховку – А. Л. Венгер пишет, что это может обозначать напряженную эмоциональную атмосферу в семье.

Если мы сравним, как воспринимают семейную ситуацию дети из семей с первичным браком и из семей с повторным браком, то увидим следующее: 43 % детей из семей с первичным браком и 33 % детей из семей с повторным браком воспринимают семейную ситуацию как благоприятную (таблица 1). Как неблагоприятную семейную ситуацию воспринимают 57 % детей из семей с первичным браком и 67 % детей из семей с повторным браком. Существует небольшая разница в субъективном восприятии семейной ситуации между детьми из семей с первичным браком и детьми из семей с повторным браком, но для детей из семей с повторным браком более характерна неблагоприятная семейная ситуация.

Таблица 1. Сравнение восприятия своей семейной ситуации детьми из полных и неполных семей
Table 1. Comparison of perception of the family situation by children from single- and two-parent families

Дети из полных семей				Дети из неполных семей	
Благоприятная ситуация		Неблагоприятная ситуация		Благоприятная ситуация	Неблагоприятная ситуация
40 %		60 %		21 %	79 %
Первичный брак		Повторный брак			
Благоприятная ситуация	Неблагоприятная ситуация	Благоприятная ситуация	Неблагоприятная ситуация		
43 %	57 %	33 %	67 %		

Исследуя субъективную оценку семейной ситуации детей, участвующих в нашем исследовании, мы увидели, что большинство детей как из полных семей, так и из неполных семей оценивают свою семейную ситуацию скорее как неблагоприятную. Наиболее характерна неблагоприятная оценка семейной ситуации для детей из неполных семей и детей из семей с повторным браком. Мы можем предположить, что такие результаты связаны, скорее всего, с тем, что в семьях этих детей нарушены детско-родительские и / или супружеские отношения.

Таким образом, подводя итог эмпирического исследования, мы можем говорить о среднем и высоком уровне полоролевой идентичности (таблица 2). Детей с низким уровнем полоролевой идентичности мы не выявили.

Для детей из полных семей более характерен высокий уровень полоролевой идентичности (60 %). У детей из неполных семей небольшое различие распределения

по уровням – высокий уровень составил 43 %, средний уровень – 57 %. Анализируя уровни полоролевой идентичности детей из семей с первичным браком и повторным, мы наблюдаем примерно те же тенденции: для детей из семей с первичным браком характерен высокий уровень полоролевой идентичности (64 %), для детей из семей с повторным браком характерно равномерное распределение по высокому и среднему уровням. Практически равномерное распределение высокого и среднего уровней среди детей из неполных семей и семей с повторным браком, скорее всего, связано с неблагоприятной семейной ситуацией, стереотипностью и бессистемностью гендерных, полоролевых знаний.

Для статистического обоснования справедливости гипотезы мы пользовались непараметрическим критерием углового преобразования Фишера. Несмотря на отсутствие по большинству изучаемых параметров статистически верных отличий, все-таки нам удалось выявить несколько отличий:

Таблица 2. Уровни полоролевой идентичности дошкольников из полных и неполных семей
Table 2. Levels of gender-role identity of preschool children from single- and two-parent families

Дети из полных семей						Дети из неполных семей		
Высокий уровень		Средний уровень		Низкий уровень		Высокий уровень	Средний уровень	Низкий уровень
60 %		40 %		0 %		43 %	57 %	0 %
Первичный брак			Повторный брак					
Высокий уровень	Средний уровень	Низкий уровень	Высокий уровень	Средний уровень	Низкий уровень			
64 %	36 %	0 %	50 %	50 %	0 %			

– стереотипные представления чаще всего встречаются у детей из семей с неблагополучной семейной ситуацией: $\varphi^*_{\text{эм.}} = 1,77$ ($p=0,02$). Основную роль в формировании психологического пола и половой роли играют, вероятно, социальные ожидания общества (в большей степени родителей как представителей общества);

– в полной семье чаще привлекательным образом является образ противоположного пола $\varphi^*_{\text{эм.}} = 1,9$ ($p=0,05$). Возможно, у детей из полных семей Эдипов комплекс ярче проявляется, что свидетельствует об успешном процессе становления полоролевой идентичности;

– неправильно идентифицируют себя с возрастом дети из полных семей $\varphi^*_{\text{эм.}} = 1,69$ ($p=0,05$). Дети идентифицировали себя с образами старшего возраста, возможно, это связано с тем фактом, что полные семьи, как правило, двухдетные или многодетные, очень часто между детьми в таких семьях возникает соперничество за внимание родителей, лидерские позиции в семье.

Итак, мы изучили когнитивные и эмоциональные аспекты полоролевой идентичности детей старшего дошкольного возраста из полных и неполных семей. На основании полученных данных мы можем говорить о том, что большинство детей идентифицируют себя со своим полом, позитивно относятся к своим поло-

вым ролям, но не все могут построить полную половозрастную последовательность, имеют стереотипные представления о различиях мальчиков и девочек, и что дети как из полных семей, так и из неполных семей оценивают свою семейную ситуацию скорее как неблагоприятную. Относительно гендерного аспекта в вопросе становления полоролевой идентичности можно отметить, что у девочек, на наш взгляд, он проходит немного интенсивнее и легче, чем у мальчиков на данном возрастном этапе и в данной ситуации. Гипотеза нашего исследования частично подтвердилась. Тенденции к различиям есть, но статистически они не подтверждаются: полоролевая идентичность ребенка формируется под влиянием многих факторов. Для данной выборки характерным является тот факт, что статус полоролевой идентичности старших дошкольников определяется структурой семьи (полная / неполная) лишь отчасти, вероятно, наряду с другими факторами, например, СМИ, группа сверстников, укоренившиеся половые стереотипы [10–12]. Также мы можем сказать, что большую роль в формировании психологического пола и половой роли играют и социальные ожидания общества (в большей степени родителей как представителей общества, определенные представления о приемлемых половых ролях), которые возникают в соответствии с конкретной социально-культурной матрицей и находят свое отражение в процессе воспитания.

Литература

1. Баянова Л. Ф. Психология дошкольника в нормативной ситуации. Казань: Изд-во Казанского университета, 2017. 128 с.
2. Буре Р. С. Социально-нравственное воспитание дошкольников. М.: МОЗАИКА-СИНТЕЗ, 2011. 80 с.
3. Каган В. Е. Когнитивные и эмоциональные аспекты гендерных установок у детей 3–7 лет // Вопросы психологии. 2000. № 2. С. 65–68.
4. Веракса Н. Е., Веракса А. Н. Зарубежные психологи о развитии ребенка-дошкольника. М.: МОЗАИКА-СИНТЕЗ, 2006. 144 с.
5. Возрастная и педагогическая психология / под ред. О. В. Кузьменковой. Оренбург: ОГПУ, 2005. Ч. 1. 288 с.
6. Шинкарёва Н. А. Психолого-педагогические подходы к воспитанию полоролевой-гендерной идентичности детей старшего дошкольного возраста // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2015. № 1. С. 212–215.
7. Зубова Л. В., Поликарпова Е. К. Психологический анализ гендерных различий полоролевой идентификации дошкольников из полных и неполных семей // Вестник ОГУ. 2005. № 12. Приложение. С. 156–161. Режим доступа: http://vestnik.osu.ru/2005_12_1/27.pdf (дата обращения: 25.02.2018).
8. Власова Н. В. Это загадочное слово – идентичность // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2013. № 3. С. 50–53.

9. Флотская Н. Ю. Психологические особенности развития половой идентичности в дошкольном возрасте // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 3. С. 147–152.
10. Градусова Л. В. Гендерная педагогика. М.: Флинта, 2016. 177 с.
11. Комкова Е. И. Социальная перцепция детей из неполных семей // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2011. № 142. С. 52–63.
12. Татаринцева Н. Е. Теоретико-методологические основы полоролевого воспитания детей дошкольного возраста // Вестник ЧГПУ. 2009. № 10. С. 118–127.

THE STATUS OF GENDER-ROLE IDENTITY IN SENIOR PRESCHOOL CHILDREN FROM SINGLE- AND TWO-PARENT FAMILIES

Oksana P. Tsaritsentseva^{1, @}

¹ Orenburg State Teacher Training University, 19, Sovetskaya St., Orenburg, Russia, 460014

@ oks-ternovskay@yandex.ru

Received 28.02.2018. Accepted 28.04.2018.

Keywords: identity, polorolevy identity, preschool children, family type, incomplete family.

Abstract: The article features the results of theoretical generalization and empirical research of the statuses of gender-role identity in senior preschool children from single- and two-parent families. The article demonstrates the relevance of the stated problem and assesses the level of its investigation by modern science. The gender-role identity is analyzed as a consciousness component, which reflects understanding of oneself as a representative of the defined sex. It also includes stereotypes about masculinity and femininity and the attitude towards them. The peculiarities of preschool age are described from the position gender-role identity formation.

The empirical research is directed not only at the description of gender-role identity of senior preschool children, but also at the description and the analysis of features of the status of gender-role identity in preschool children from full and incomplete families. It has been proven that the status of gender-role identity of the senior preschool children is only partly defined by the structure of family. Stereotypic ideas of differences between boys and girls most often are found in children from dysfunctional families, whereas children from full families more often display an attractive image of the opposite sex. Children from two-parent families incorrectly identify themselves with age.

For citation: Tsaritsentseva O. P. Status polorolevoi identichnosti starshikh doshkol'nikov iz polnykh i nepolnykh semei [The Status of Gender-Role Identity in Senior Preschool Children from Single- and Two-Parent Families]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2018): 114–121. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-114-121>.

References

1. Baianova L. F. *Psikhologiya doshkol'nika v normativnoi situatsii* [Psychology of a preschool child in a normative situation]. Kazan: Izd-vo Kazanskogo universiteta, 2017, 128.
2. Bure R. S. *Sotsial'no-nravstvennoe vospitanie doshkol'nikov* [Socio-moral education of preschoolers]. Moscow: MOZAIKA-SINTEZ, 2011, 80.
3. Kagan V. E. Kognitivnye i emotsional'nye aspekty gendernykh ustanovok u detei 3–7 let [Cognitive and emotional aspects of gender attitudes in children aged 3–7 years]. *Voprosy psikhologii = Questions of psychology*, no. 2 (2000): 65–68.
4. Veraksa N. E., Veraksa A. N. *Zarubezhnye psikhologi o razvitii rebenka-doshkol'nika* [Foreign psychologists on the development of a preschool child]. Moscow: MOZAIKA-SINTEZ, 2006, 144.
5. *Vozrastnaia i pedagogicheskai psikhologiya* [Age and pedagogical psychology]. Ed. Kuz'menkova O. V. Orenburg: OGPU, part 1 (2005): 288.
6. Shinkareva N. A. *Psikhologo-pedagogicheskie podkhody k vospitaniiu polorolevoi-gendernoi identichnosti detei starshego doshkol'nogo vozrasta* [Psychological and pedagogical approaches to education of gender-role and gender identity of children of senior preschool age]. *Vektor nauki Tol'yatinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika, psikhologiya = Science Vector of Togliatti State University Series: Pedagogy, Psychology*, no. 1 (2015): 212–215.
7. Zubova L. V., Polikarpova E. K. *Psikhologicheskii analiz gendernykh razlichii polorolevoi identifikatsii doshkol'nikov iz polnykh i nepolnykh semei* [Psychological analysis of gender differences in gender identification of preschool children from complete and incomplete families]. *Vestnik OGU = Vestnik of the Orenburg State University*, no. 12. Application (2005): 156–161. Available at: http://vestnik.osu.ru/2005_12_1/27.pdf (accessed: 25.02.2018).

8. Vlasova N. V. Eto zagadochnoe slovo – identichnost' [This mysterious word is identity]. *Vektor nauki Tol'iattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika, psikhologiya* = *Science Vector of Togliatti State University Series: Pedagogy, Psychology*, no. 3 (2013): 50–53.
9. Flotskaia N. Iu. Psikhologicheskie osobennosti razvitiia polovoi identichnosti v doshkol'nom vozraste [Psychological features of the gender identity development in preschool aged children]. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* = *Bulletin of the Pomor University. Series: Humanities and Social Sciences*, no. 3 (2011): 147–152.
10. Gradusova L. V. *Gendernaia pedagogika* [Gender pedagogy]. Moscow: Flinta, 2016, 177.
11. Komkova E. I. Sotsial'naia pertsepsiia detei iz nepolnykh semei [Social Perception of Children from Incomplete Families]. *Izvestiia RGPU im. A. I. Gertsena* = *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science*, no. 142 (2011): 52–63.
12. Tatarintseva N. E. Teoretiko-metodologicheskie osnovy polorolevogo vospitaniia detei doshkol'nogo vozrasta [Theoretical-and-Methodological Bases of Preschool Children's Sex-Role Education]. *Vestnik CHGPU* = *Bulletin of the Chelyabinsk State Pedagogical University*, no. 10 (2009): 118–127.

УДК 159.972+615.851

ЭФФЕКТИВНОСТЬ КРАТКОСРОЧНОЙ ПСИХОТЕРАПИИ ДЕПРЕССИВНЫХ И ТРЕВОЖНЫХ РАССТРОЙСТВ

Анастасия С. Эльзесер^{1, @1}, Руслан В. Кадыров^{1, @2}, Елена В. Маркелова^{1, @3}

¹ Тихоокеанский государственный медицинский университет, 690002, Россия, г. Владивосток, пр-т Острякова, 2

@1 der_falter@mail.ru

@2 rusl-kad@yandex.ru

@3 markev2010@mail.ru

Поступила в редакцию 15.05.2018. Принята к печати 09.06.2018.

Ключевые слова:

краткосрочная психотерапия, тревожные расстройства, депрессивные расстройства, когнитивно-поведенческая психотерапия, интерперсональная психотерапия.

Аннотация: С целью определения наиболее эффективного вида психотерапии депрессивных и тревожных расстройств в статье анализируется продуктивность разных психотерапевтических подходов к психологической помощи. Рассматривается место тревожных и депрессивных расстройств в классификации МКБ-10, отмечается противоречие между теоретическим разделением данных расстройств в МКБ-10 и частой (50 %) коморбидностью данных расстройств в клинической картине болезни, обосновывается выбор одной формы психотерапии для расстройств тревожно-депрессивного спектра. Сделан обзор результатов мета-анализов для клиент-центрированной, психодинамической психотерапии, когнитивно-поведенческой психотерапии. Описаны и проанализированы наиболее распространенные подходы к психотерапии расстройств тревожно-депрессивного спектра путем применения комбинированной терапии в русле когнитивно-поведенческой и интерперсональной психотерапии. На основе обзора мета-анализов доказательных исследований эффективности данных видов психотерапии делается вывод, что в психотерапии тревожных и депрессивных расстройств наиболее предпочтительны кратковременные интерперсональный и когнитивно-поведенческий подходы. Отмечена тенденция к дальнейшей интеграции подходов на методологической базе когнитивно-поведенческой терапии.

Для цитирования: Эльзесер А. С., Кадыров Р. В., Маркелова Е. В. Эффективность краткосрочной психотерапии депрессивных и тревожных расстройств // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 2. С. 122–130. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-122-130>.

По оценкам Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) на 2015 год свыше 615 млн человек (около 10 % населения мира) обнаруживали симптомы депрессивных и / или тревожных расстройств. Тревожные расстройства влекут за собой глобальные экономические потери, сравнимые с экономическим бременем депрессивных расстройств [1]. Однако государственные инвестиции в охрану психического здоровья населения у стран с разным уровнем дохода, как правило, невелики и составляют от 1 % до 3 % государственного бюджета [2]. Это обуславливает социальную актуальность поиска и выбора наиболее эффективных подходов к краткосрочной психотерапии этих расстройств.

Изучение психотерапии тревожных и депрессивных расстройств осуществляется исследователями в следующих направлениях: 1) аспекты применения конкретного вида психотерапии – интегративной [3], когнитивно-ориентированной [4], когнитивно-поведенческой [5; 6]; 2) выбор психотерапевтических методик, отвечающих особенностям больных разной нозологической принадлежности [3; 7; 8], в том числе больных с хроническими расстройствами [9] и не поддающихся лечению стандартными видами психотерапии [10]; 3) поиск

наиболее эффективных интервенций: сравнение эффективности фармакотерапии и комбинированной терапии [11; 12], оценка эффективности психотерапии и разных её видов [13–15], выделение наиболее эффективных психотерапевтических алгоритмов [16–19], интеграция разных видов психотерапии [9; 20; 21]. Кроме того, ведутся исследования взаимовлияния классификации болезней, диагностики и психотерапии расстройств. Так, А. Б. Холмогорова указывает на важную роль используемой классификации болезней в выборе и разработке новых методов психотерапии [22], а Р. В. Тукаев и соавторы очерчивают круг проблем в оценке эффективности психотерапии, связанных с ограничениями диагностически-классификационного характера [23]. В этой связи особый интерес представляют усилия по совершенствованию классификации DSM-IV, её уточнению для своевременной и точной диагностики расстройств, отразившихся в DSM-V [24; 25].

Целью настоящего исследования является выявление на основе проводимого анализа эффективного метода психотерапии (психологической помощи), применяемого при депрессивных и тревожных расстройствах.

Тревожные и депрессивные расстройства: категориальные отличия и эмпирическое сходство

Отличия тревожных и депрессивных расстройств выявлены и обоснованы исследованиями, проведенными под руководством представителей когнитивно-поведенческого направления – А. Бека и Д. Кларка, которые указали на отличия симптоматики тревожных и депрессивных расстройств, впоследствии А. Беком была сформулирована когнитивная модель тревожного расстройства и показаны специфические психологические признаки, отличающие её от проявлений депрессивного расстройства [22]. В диагностических критериях МКБ-10, в основе которой лежит классификация DSM-IV, отличия депрессивных и тревожных нарушений строго операционализированы. К основным типам депрессивных расстройств относятся депрессивный эпизод (F32) и дистимия (F34.1). Варианты тревожных расстройств включают: фобические тревожные расстройства (F40), паническое расстройство (F41.0), генерализованное тревожное расстройство (F41.1), обсессивно-компульсивное расстройство (F42), реакцию на тяжелый стресс и нарушения адаптации (F43).

Однако исследователи расходятся в оценке точности данной классификации. Как справедливо замечает А. Б. Холмогорова, на базе теоретически и эмпирически обоснованной классификации психических расстройств оказывается возможным построение более совершенных психологических моделей психических расстройств и новых методов психотерапии [22]. С другой стороны, ведущими психиатрами неоднократно отмечалась парадоксальность, противоречивость, несовершенство актуальной классификации [23]. В частности, В. Н. Краснов указывает, что депрессивные и тревожные расстройства с введением МКБ-10 оказались искусственно разделенными [26]. Р. В. Тукаев и соавторы отмечают представленную МКБ-10 неоднородность категории депрессивных и тревожных расстройств, порожденную сменой парадигмы от конфликтогенно-психоаналитического понимания природы неврозов в пользу стрессогенного пути их развития [23].

Действительно, можно выделить два значимых фактора, сближающих тревожные и депрессивные нарушения. Это, в первую очередь, высокая частота коморбидности данных расстройств. Так, по данным зарубежных эпидемиологических исследований диагнозу «клиническая депрессия» в 50 % случаев сопутствует тревожное расстройство, и около 60 % больных с тревожными расстройствами страдают депрессией [27]. Кроме того, МКБ-10 предусматривает случаи смешанного тревожного и депрессивного расстройства (F41.2). Во-вторых, данные расстройства объединяют общие методы лечения. К примеру, использование селективных ингибиторов обратного захвата серотонина (СИОЗС) в фармакотерапии; предпочтение в качестве «терапии первого выбора» когнитивно-бихевиоральной психотерапии [26].

Таким образом, категориальное совершенствование и феноменологическое уточнение критериев тревожного и депрессивного расстройств, осуществленное в МКБ-10, с одной стороны, имеет теоретические и практические основания, направлено на осуществление более

точной диагностики, с другой стороны, явственное разделение данных расстройств в половине случаев не находит места в клинической картине болезни.

Доказательные исследования эффективности психотерапии депрессивных и тревожных расстройств

В 1980 г. в США была введена классификация DSM-III, диагностические критерии которой были эмпирически более обоснованы и точнее операционализированы. Возможности DSM-III обусловили интерес зарубежных исследователей, в основном представителей когнитивно-поведенческого направления, к доказательным исследованиям эффективности разных видов психотерапии. Четкость критериев и высокая надежность данной классификации позволили исследователям группам достичь высокой согласованности в отборе эмпирической базы и процедур исследования, что обусловило появление и расцвет мета-аналитических психологических исследований в эти годы [22].

Немецким исследователем К. Граве и соавторами были отобраны 897 исследований, проведенных до 1984 г. и отвечающих критериям мета-анализа, где анализировалась эффективность разных видов психотерапии взрослых пациентов. Наибольший удельный вес в структуре изученных К. Граве работ составили когнитивно-поведенческая и поведенческая терапия (452 работы), психодинамическая и гуманистическая психотерапия (153 работы), значительное количество исследований было посвящено телесно-ориентированной психотерапии, представленной прогрессирующей мышечной релаксацией Джекобсона (66), и интерперсональному подходу (63); комплексные подходы изучали в 22 работах, остальные работы были посвящены отдельным психотерапевтическим методикам – гипнозу (19), медитации (15), аутогенной тренировке (14) [28]. Впоследствии К. Граве произвел мета-анализ 41 исследования, опубликованного до 1991 г. Рассмотрим последовательно обобщенные результаты данных мета-анализов применительно к психотерапии тревожных и депрессивных расстройств.

По результатам К. Граве, отдельные психотерапевтические методики (гипноз, медитацию, аутогенную тренировку), а также прогрессирующую мышечную релаксацию Джекобсона, рекомендуется применять только в комплексе с основной психотерапией. Так, гипноз оказался эффективен для пациентов с болями, психосоматическими расстройствами и бессонницей, но не способствовал улучшению других параметров (к примеру, изменений в межличностных отношениях). Отсюда можно сделать вывод, что в психотерапии тревожных и депрессивных расстройств гипноз может использоваться лишь как дополнительный метод, направленный на облегчение соматических симптомов и облегчение засыпания.

Применение *краткосрочных интерперсональных* методов, направленных на анализ и преобразование отношений пациента в межличностной сфере, в том числе с использованием поведенческих методов, показало убедительные благоприятные результаты. Можно предположить, что данный метод особенно эффективен

в психотерапии социальных фобий при фобических тревожных расстройствах (F40), однако он активно используется и в краткосрочной психотерапии депрессий.

Клиент-центрированная психотерапия Роджерса, зачастую в комбинации с методами поведенческой психотерапии, продемонстрировала эффективность при лечении большинства невротических расстройств (F40-F48), однако не была столь эффективна для пациентов с социальными фобиями (F40.1) и пассивных, ведомых пациентов, ожидающих от психотерапевта исполнения руководящей роли.

Рассмотрим эффективность методов «раскрывающей» психотерапии в русле психоанализа и его вариаций. Эффективность долговременного психоанализа оказалась сравнимой с другими видами психотерапии, но значительно (в 10–20 раз) более затратной. У 40 % пациентов не наступило улучшение после нескольких лет психоанализа. При этом отмечались случаи ятрогенных расстройств и случаи суицида, связанные, по предположению исследователей, с психоанализом [28]. Как заключил К. Граве, положительной индикации для долговременного психоанализа нет, а контриндикация есть.

Краткосрочная и среднесрочная психоаналитическая психотерапия, длящаяся 57 сессий и 16 сессий соответственно в течение 14 месяцев, показала низкую эффективность в лечении тревожных расстройств, связанных со страхами и фобиями, и психосоматических расстройств. В целом эффективность методов психодинамической психотерапии оказалась существенно ниже, чем методов поведенческой психотерапии.

Методы когнитивно-поведенческой психотерапии активно развивались, отталкиваясь от эмпирических исследований эффективности в лечении пациентов с учетом сопутствующих, взаимообуславливающих и взаимовлияющих расстройств, к примеру, сочетание психических и поведенческих расстройств, вызванных употреблением алкоголя (F10), порожденный ими дефицит в социальной сфере как самостоятельный фактор и коморбидное депрессивное расстройство.

Краткосрочные поведенческие методы когнитивно-поведенческой психотерапии показали свою эффективность в работе с тревожными расстройствами, а тренинг социальной компетентности – и с психогенными депрессивными расстройствами.

Метод систематической десенсибилизации поведенческой психотерапии, направленный на снижение симптоматики страхов, был успешно применен в психотерапии фобических тревожных расстройств (F40), в частности социальных фобий (F40.1). Однако такой результат не был достигнут у больных с коморбидными тревожными и депрессивными расстройствами, поэтому данный метод показан к применению в комплексе с другими поведенческими методами психотерапии.

Конфронтрующие методики (встреча с вызывающей страх ситуацией) поведенческой психотерапии применяются в трех вариантах: 1) постепенной конфронтации в реальных ситуациях (*in vivo*), 2) усиленной конфронтации в реальных ситуациях (наводнение),

3) усиленной конфронтации в воображении (имплозия). Конфронтрующие методики первого типа показали очень высокую эффективность в рамках краткосрочной психотерапии при фобических тревожных расстройствах (F40), паническом расстройстве (F41.0), обсессивно-компульсивном расстройстве (F42), даже по сравнению с фармакотерапией (бета-блокаторами). При этом эффект групповой психотерапии был выше, чем при индивидуальных занятиях. Эффект имплозии (методики третьего типа) был гораздо менее заметен.

Краткосрочный тренинг социальной компетентности (от 6 до 15 занятий) в комбинации с когнитивными, поведенческими методами, фармакотерапией показал высокую эффективность в психотерапии социальных фобий (F40.1), а также депрессивных расстройств, связанных с глубокими семейными и социальными переживаниями, перенесенными катастрофами, пытками, приобретенной инвалидностью. В половине групп отмечалось значительное уменьшение симптомов депрессии, мигрени и сексуальных расстройств [29]. Методы *краткосрочной когнитивной психотерапии* А. Бека (от 10 занятий в течение 4–21 недель), разработанные для лечения депрессивных и тревожных расстройств, продемонстрировали значительное улучшение всех измеряемых параметров и показали устойчивый результат в катамнезе. Можно сделать вывод, что в психотерапии тревожных и депрессивных расстройств применение поведенческих методов будет более продуктивно в структуре когнитивно-поведенческой терапии.

Подытоживая обширные результаты, достигнутые во множестве исследований и обобщенные К. Граве, можно заключить, что в психотерапии тревожных и депрессивных расстройств лучших результатов достигает краткосрочная когнитивная, когнитивно-поведенческая психотерапия и в некоторых случаях интерперсональные методы.

Направления краткосрочной психотерапии тревожных и депрессивных расстройств

В настоящее время наиболее распространен подход к лечению расстройств тревожно-депрессивного спектра путем применения фармакотерапии в комплексе с психотерапевтическими и психообразовательными интервенциями в рамках когнитивно-поведенческой и интерперсональной психотерапии.

Интегрированный и мультимодальный подходы. Осуществляются попытки методологического эклектизма в рамках мультимодальной психотерапии с применением разных психотерапевтических техник, влияющих на ту или иную модальность депрессии: поведение, эмоции, ощущения, представления, установки, межличностные отношения. Данный подход требует более тщательной разработки, поскольку непродуманная интеграция разных методологий в одной психотерапии может послужить противоположной цели и препятствовать прогрессу в лечении [13; 29]. По результатам анализа А. Б. Холмогоровой, в поиске эффективных психотерапевтических направлений наблюдаются тенденции к интеграции подходов

в понимании развития уязвимости к расстройствам аффективного спектра: 1) большее внимание уделяется влиянию травматических интерперсональных отношений, в том числе ранних; 2) усложняются и систематизируются представления о репрезентации себя и мира у пациента [13; 30]. Авторы данных исследований сходятся в высокой оценке потенциала когнитивной терапии и закладывают её положения в основу своей работы, дополняя психотерапевтические интервенции с учётом необходимой специфики другими психотерапевтическими методами. Подобные интегрированные подходы теоретически обоснованы и демонстрируют в клинической практике многообещающие результаты, но требуют проведения обширных доказательных исследований [9; 20; 31].

Краткосрочная интерперсональная терапия (ИПТ) ставит своей целью коррекцию межличностных отношений путем осознания и переосмысления пациентами установок, стереотипов поведения и эмоционального реагирования.

Обширный мета-анализ, охвативший 90 исследований с участием 11434 пациентов, выявил, что ИПТ эффективна в психотерапии, предотвращении депрессивных расстройств и их рецидива [32]. В соответствии с интерперсональной моделью причины депрессивного расстройства определены межличностным контекстом: межличностной утратой, межличностным ролевым конфликтом, межличностным ролевым сдвигом, связанным с трудностью в освоении новой социальной роли, и межличностным дефицитом, связанным с трудностью установлений близких отношений. Определение причины депрессивного расстройства позволяет очертить психотерапевтическую мишень и, исходя из целей и задач работы с конкретным пациентом, воздействовать на неё, выбирая оптимальные психотерапевтические техники, относящиеся к различным подходам: когнитивному, поведенческому, психодраматическому и др. [33]. По этой причине при оценке интерперсональной психотерапии как самостоятельного направления она рассматривается как совокупность приемов, заимствованных из других подходов и направленных на единую цель в плоскости межличностного взаимодействия, либо подчеркивается ведущая роль данной цели и отстаивается самостоятельность направления [33].

В психотерапии тревожных расстройств, по данным мета-анализа, эффективность интерперсональной терапии показала результат не менее эффективный, чем у когнитивно-поведенческой терапии [32]. Такой эффект может объясняться нацеленностью интерперсональных методов на восполнение дефицитов социальной компетентности у страдающих тревожными расстройствами и устранить ограничительное поведение, ряд симптомов социофобического характера и др. [16].

Краткосрочная интерперсональная психотерапия является эффективным методом для борьбы с тревожными и депрессивными расстройствами: точность выбора определяемых ею психотерапевтических мишеней обоснована эмпирически. Сильной стороной

краткосрочной ИПТ является её интегративный подход к выбору психотерапевтических техник в рамках решения единой задачи.

Когнитивно-поведенческая терапия (КПТ) основана в результате восполнения односторонности бихевиорального подхода к терапии, ориентированного лишь на коррекцию поведения, обращением к когнитивной сфере пациента: его мыслями, установками и ожиданиями. В частности, проводимое в рамках КПТ воздействие на иррациональные когнитивные установки повышает эффективность редукции невротической симптоматики [17].

Современные мета-анализы доказательных исследований оценивают эффективность КПТ тревожных расстройств весьма высоко [12; 22], а для социальной фобии и панического расстройства продуктивность данного метода сопоставима с результатами фармакотерапии с применением СИОЗС. Важным отличием КПТ является её эффективность в лечении эндогенных заболеваний, в том числе маниакально-депрессивного психоза, и предотвращении рецидивов [34]. Ещё одним достоинством КПТ является возможность групповой психотерапии, сравнимой по эффективности с индивидуальной формой работы, но имеющей закономерное преимущество – больший охват пациентов [15]. Показано, что в лечении депрессивных расстройств непсихотического уровня применение групповой КПТ в комбинации с психофармакотерапией в значительной степени способствует снижению числа повторных госпитализаций и снижает вероятность возникновения рецидивов депрессий [35]. Высокий результат КПТ-методам обеспечивают эмпирически обоснованные когнитивные модели психических расстройств, которые позволяют сконструировать научно обоснованные модели психотерапевтических интервенций. К примеру, сконструированные в рамках КПТ когнитивные модели социальной фобии, генерализованного тревожного расстройства получили подтверждение в доказательных исследованиях; на базе данных моделей построены методы КПТ, обладающие доказанной эффективностью [5; 16; 22; 36]. Более того, по мнению группы авторов [31], КПТ имеет статус «золотого стандарта», наилучшего метода из имеющихся в данной области благодаря следующим факторам: 1) эта форма терапии наиболее изучена по сравнению с другими; 2) никакая другая форма психотерапии не показывала систематически более высокий результат, чем КПТ; 3) теоретические модели терапевтического изменения соответствуют современным парадигмам человеческого разума и поведения.

В то же время остаются возможности для дальнейшего совершенствования КПТ. Так, стандартные мероприятия в отсутствие индивидуального подхода к пациенту в 40–50 % могут оказаться малоэффективными [9]. В выборе формы психотерапии и мишени психотерапевтического воздействия должны быть учтены следующие клинические особенности таких больных: наличие коморбидных психических расстройств, хронический семейный, межличностный или социальный дистресс, значительная длительность заболевания (свыше 3–5 лет) [9]. Требование

учёта индивидуальных факторов в психотерапии обуславливает обращение исследователей и психотерапевтов к интеграции психотерапевтических подходов. Например, в лечении обсессивно-компульсивного расстройства (ОКР) на сегодняшний день КПТ считается единственным методом первого выбора, однако в 50 % случаев данный вид терапии даже в сочетании с фармакотерапией неэффективен, что объясняется влиянием резидуальных симптомов, поддерживаемых сформированным и устойчивым когнитивным стилем больного ОКР [9]. С точки зрения Н. Г. Гаранян и А. Б. Холмогоровой, хронификации маловосприимчивых к терапии тревожных расстройств способствует неблагоприятная семейная обстановка. На основании многолетнего наблюдения в клинической практике авторы высказывают предположение, что в работе с такими пациентами длительная форма работы будет предпочтительнее, а индивидуальную психотерапию КПТ должна дополнить работа с родственниками в рамках семейной психотерапии [9]. Другим примером интегративного подхода к психотерапии на основе КПТ является Mindfulness based cognitive therapy (MBCT), или основанная на осознанности когнитивная терапия, где роль транстеоретического конструкта отводится концепции осознанности как метакогнитивной регуляторной способности [20]. КПТ в своём современном виде открыта для интеграции с подходами гуманистической, экзистенциальной, аналитической и духовной традиций [37].

В целом когнитивно-поведенческий подход, занимая лидирующие позиции, продолжает развиваться:

исследовательский коллектив Д. Дэвида (D. David) и соавторов утверждает, что совершенствование психотерапии в дальнейшем будет осуществляться в сторону всё большей интеграции научно обоснованных психотерапевтических подходов на основе методологии когнитивно-поведенческой терапии [31].

Таким образом, среди наиболее эффективных применяемых методов психотерапии можно выделить краткосрочные методы психотерапии: интерперсональную терапию и когнитивно-поведенческую терапию. Краткосрочная когнитивно-поведенческая терапия является одним из самых широко используемых видов психотерапии. Многочисленными мета-анализами доказана её эффективность в работе с тревожными и депрессивными расстройствами. Однако наличие сопутствующих тревожным и депрессивным расстройствам факторов, затрудняющих обращение за помощью, осуществление психотерапии и протекание ремиссии требуют от исследователей варьировать длительность психотерапии, продолжать развитие, модификацию и разработку психотерапевтических техник и подходов на базе когнитивно-поведенческого подхода.

Интерперсональная терапия демонстрирует доказанную мета-анализами эффективность, предлагает непротиворечивую и эмпирически обоснованную модель депрессивного расстройства, позволяет воздействовать на актуальные для тревожных расстройств межличностные дефициты. Основным достоинством данного подхода является возможность варьировать ход психотерапии в зависимости от индивидуальной восприимчивости пациента к используемым техникам.

Литература

1. Depression and Other Common Mental Disorders. Global Health Estimates. Geneva, 2017. 24 p.
2. Chisholm D., Sweeny K., Sheehan P., Rasmussen B., Smit F., Cuijpers P., Saxena S. Scaling-up treatment of depression and anxiety: a global return on investment analysis // *Lancet Psychiatry*. 2016. Vol. 3. № 5. P. 415–424. DOI: [https://doi.org/10.1016/S2215-0366\(16\)30024-4](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(16)30024-4).
3. Есаулов В. И. Лечение тревожно-фобических расстройств у пациентов с синдромом раздраженного кишечника методами интегративной психотерапии // *Современные проблемы науки и образования*. 2017. № 1. С. 15. DOI: <https://doi.org/10.17513/spno.26045>.
4. Тукаев Р. Д., Кузнецов В. Е. Когнитивно-ориентированная психотерапия при тревожных расстройствах: оценка в контролируемом исследовании // *Социальная и клиническая психиатрия*. 2015. № 2. С. 55–64.
5. Ólason M., Andrason R. H., Jónsdóttir I. H., Kristbergssdóttir H., Jensen M. P. Cognitive Behavioral Therapy for Depression and Anxiety in an Interdisciplinary Rehabilitation Program for Chronic Pain: a Randomized Controlled Trial with a 3-Year Follow-up // *The International Journal of Behavioral Medicine*. 2018. Vol. 25. № 1. P. 55–66. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12529-017-9690-z>.
6. Rasing S. P. A., Creemers D. H. M., Janssens J. M. A. M., Scholte R. H. J. Depression and Anxiety Prevention Based on Cognitive Behavioral Therapy for At-Risk Adolescents: A Meta-Analytic Review // *Frontiers in Psychology*. 2017. Vol. 8. № Jun. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2017.01066>.
7. Понизовский П. А., Гофман А. Г. Депрессия у больных с алкогольной зависимостью // *Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова*. 2015. № 7. С. 146–150. DOI: <https://doi.org/10.17116/jnevro201511571146-150>.
8. Баранов А. П., Струтынский А. В., Ойроткина О. Ш., Баранова А. А., Тришина В. В., Голубев Ю. Ю., Кружалов А. Н. Возможности терапии тревожно-депрессивных расстройств у больных с хронической сердечной недостаточностью // *Российский кардиологический журнал*. 2017. № 1. С. 128–135. DOI: <https://doi.org/10.15829/1560-4071-2017-1-128-135>.
9. Гаранян Н. Г., Холмогорова А. Б. Интеграция семейной системной и когнитивно-бихевиоральной психотерапии в лечении больных с хронифицированными формами тревожных расстройств // *Современная терапия психических расстройств*. 2013. № 1. С. 34–39.
10. Рогозина М. А., Подвигин С. Н., Азарова А. М., Алексеева Д. Н. О труднокурабельных пациентах с тревожно-депрессивными расстройствами // *Прикладные информационные аспекты медицины*. 2016. № 1. С. 94–98.

11. Забылина Н. А. Сравнительная эффективность различных методов терапии больных с невротическими расстройствами с ведущим смешанным тревожным и депрессивным синдромом: автореф. дис. ... канд. мед. наук. СПб., 2013. 25 с.
12. Mitte K. Meta-analysis of cognitive-behavioral treatments for generalized anxiety disorder: a comparison with pharmacotherapy // Psychol. Bull. 2005. Vol. 131. P. 785–795. DOI: <https://doi.org/10.1037/0033-2909.131.5.785>.
13. Игумнов С. А., Жебентяев В. А. Психотерапия расстройств депрессивного спектра: обзор // Обозрение психиатрии и медицинской психологии имени В. М. Бехтерева. 2011. № 2. С. 8–12.
14. Катков А. Л. Методология научных исследований в сфере профессиональной психотерапии. М.: ОППЛ, 2016. 100 с.
15. Цыганков Б. Д., Ялтонская А. В. Групповая когнитивно-поведенческая психотерапия в лечении депрессивных расстройств // Журнал неврологии и психиатрии имени С. С. Корсакова. 2012. № 10. С. 68–74.
16. Караваева Т. А., Васильева А. В., Полторак С. В. Принципы и алгоритмы психотерапии тревожных расстройств невротического уровня (тревожно-фобических, панического и генерализованного тревожного расстройств) // Обозрение психиатрии и медицинской психологии имени В. М. Бехтерева. № 4. 2016. С. 42–52.
17. Мизинова Е. Б., Караваева Т. А., Полторак С. В., Белан Р. М. Иррациональные когнитивные установки больных с тревожно-фобическими невротическими расстройствами как мишени психотерапии // Обозрение психиатрии и медицинской психологии имени В. М. Бехтерева. № 1. 2017. С. 53–57.
18. Мартынюк Ю. О. Когнитивная терапия депрессивных состояний // Современная терапия в психиатрии и неврологии. 2016. № 2. С. 29–33.
19. Wild J., Clark D. M. Imagery Rescripting of Early Traumatic Memories in Social Phobia // Cognitive and behavioral practice. 2011. Vol. 18. № 4. P. 433–443. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cbpra.2011.03.002>.
20. Пуговкина О. Д., Шильникова З. Н. Концепция mindfulness (осознанность): неспецифический фактор психологического благополучия // Современная зарубежная психология. 2014. № 2. С. 18–28.
21. Ляшковская С. В., Ташлыков В. А., Семенова Н. В. Подходы к определению и типологии мишеней психотерапии в контексте задач совершенствования индивидуальных программ психотерапии // Обозрение психиатрии и медицинской психологии имени В. М. Бехтерева. 2017. № 1. С. 89–98.
22. Холмогорова А. Б. Значение классификации психических расстройств для развития методов психотерапии (на примере тревожных расстройств) // Социальная и клиническая психиатрия. 2014. № 3. С. 51–56.
23. Тукаев Р. Д., Кузнецов В. Е., Москаленко Д. А., Петраш Н. М. Оценка эффективности психотерапии при расстройствах невротического регистра: проблемы, ограничения, возможности // Социальная и клиническая психиатрия. 2013. № 3. С. 92–98.
24. Regier D. A., Kuhl E. A., Kupfer D. J. DSM-5: Классификация и изменения критериев // Всемирная психиатрия. 2013. № 2. С. 88–95. DOI: <https://doi.org/10.1002/wps.20050>.
25. Maj M. «Клиническое суждение» и диагностика большой депрессии в DSM-5 // Всемирная психиатрия. 2013. № 2. С. 85–87. DOI: <https://doi.org/10.1002/wps.20049>.
26. Краснов В. Н. Тревожные расстройства: их место в современной систематике и подходы к терапии // Социальная и клиническая психиатрия. 2008. № 3. С. 33–38.
27. Цыганков Б. Д., Малыгин Я. В., Добровольская Ю. В., Ханнанова А. Н. Возможности психометрической оценки коморбидных тревожных и депрессивных расстройств (по данным зарубежной литературы) // Журнал неврологии и психиатрии им. С. С. Корсакова. 2009. № 6. С. 91–94.
28. Психотерапевтическая энциклопедия / под ред. Б. Д. Карвасарского. СПб.: Питер. 2006. 944 с.
29. Prochaska J. O., Norcross J. C. Systems of Psychotherapy: A Transtheoretical Analysis. New York: Oxford university press, 2014. 576 p.
30. Холмогорова А. Б. Интегративная психотерапия расстройств аффективного спектра. М.: Медпрактика-М, 2011. 480 с.
31. David D., Cristea I. A., Hofmann S. G. Why Cognitive Behavioral Therapy Is the Current Gold Standard of Psychotherapy // Front Psychiatry. 2018. Vol. 9: 4. DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsy.2018.00004>.
32. Cuijpers P., Donker T., Weissman M. M., Ravitz P., Cristea I. A. Interpersonal Psychotherapy for Mental Health Problems: A Comprehensive Meta-Analysis // The American Journal of Psychiatry. 2016. Vol. 173(7). P. 680–687. DOI: <https://doi.org/10.1176/appi.ajp.2015.15091141>.
33. Колотильщикова Е. А. Психотерапия невротических расстройств: психологические факторы и механизмы // Вестник психиатрии и психологии Чувашии. 2015. № 2. С. 146–170.
34. Елисеев С. Б. Показания и противопоказания к психотерапии у лиц с эндогенными расстройствами // Центральный научный вестник. 2017. № 12. С. 13–16.
35. Ялтонская А. В. Предикторы эффективности групповой когнитивно-поведенческой психотерапии в комплексном лечении депрессивных расстройств непсихотического уровня: автореф. дис. ... канд. мед. наук. М., 2013. 25 с.
36. Холмогорова А. Б. Когнитивно-бихевиоральные модели и методы лечения генерализованного тревожно-гипохондрического расстройства // Современная терапия психических расстройств. 2014. № 1. С. 19–26.
37. Hayes S. C., Hofmann S. G. Третья волна когнитивно-поведенческой терапии и подъем лечения, основанного на процессе // Всемирная психиатрия. 2017. № 3. С. 244–245. DOI: <https://doi.org/10.1002/wps.20442>.

EFFECTIVENESS OF SHORT-TERM PSYCHOTHERAPY OF DEPRESSIVE AND ANXIETY DISORDERS

Anastasiya S. Elzesser^{1, @1}, Ruslan V. Kadyrov^{1, @2}, Elena V. Markelova^{1, @3}

¹ Pacific State Medical University, 2, Ostryakov Ave., Vladivostok, Russia, 690002

@1 der_falter@mail.ru

@2 rusl-kad@yandex.ru

@3 markev2010@mail.ru

Received 15.05.2018. Accepted 09.06.2018.

Keywords: short-term psychotherapy, anxiety disorders, depressive disorders, cognitive behavioral therapy, interpersonal therapy.

Abstract: The article features the effectiveness of different psychotherapeutic approaches to psychological care in order to determine the most effective type of psychotherapy for depressive and anxiety disorders. The research considers the place of anxiety and depressive disorders in the ICD-10 classification; the article notes a contradiction between the theoretical separation of these disorders in ICD-10 and the frequent comorbidity (50 %) of these disorders in the clinical picture; the authors justify the choice of one form of psychotherapy for disorders of the anxiety-depressive spectrum. The paper contains an overview of the results of meta-analyses for person-centered, psychodynamic, cognitive-behavioral psychotherapy. It describes and analyses the most common approaches to psychotherapy of anxiety-depressive spectrum disorders by applying combined pharmacotherapy and psychotherapy in the cognitive-behavioral and interpersonal approaches. Based on the overview of meta-analyses of evidence-based studies of the effectiveness of these types of psychotherapy, it is concluded that short-term interpersonal and cognitive-behavioral approaches are most preferable in the therapy of anxiety and depressive disorders. There is a tendency towards further integration of approaches on the methodological basis of cognitive-behavioral therapy.

For citation: Elzesser A. S., Kadyrov R. V., Markelova E. V. Effektivnost' kratkosrochnoi psikhoterapii depressivnykh i trevozhnykh rasstroistv [Effectiveness of Short-Term Psychotherapy of Depressive and Anxiety Disorders]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2018): 122–130. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-122-130>.

References

1. *Depression and Other Common Mental Disorders. Global Health Estimates*. Geneva, 2017, 24.
2. Chisholm D., Sweeny K., Sheehan P., Rasmussen B., Smit F., Cuijpers P., Saxena S. Scaling-up treatment of depression and anxiety: a global return on investment analysis. *Lancet Psychiatry*, 3, no. 5 (2016): 415–424. DOI: [https://doi.org/10.1016/S2215-0366\(16\)30024-4](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(16)30024-4).
3. Esaulov V. I. Lechenie trevozhno-fobicheskikh rasstroistv u patsientov s sindromom razdrazhennogo kishechnika metodami integrativnoi psikhoterapii [The treatment of anxiety-phobic disorders in patients with irritable bowel syndrome with the help of methods of integrative psychotherapy]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia = Modern problems of science and education*, no. 1 (2017): 15. DOI: <https://doi.org/10.17513/spno.26045>.
4. Tukaev R. D., Kuznetsov V. E. Kognitivno-orientirovannaia psikhoterapiia pri trevozhnykh rasstroistvakh: otsenka v kontroliruemom issledovanii [Cognitively oriented therapy in anxiety disorders: evaluation in a controlled trial]. *Sotsial'naiia i klinicheskaia psikhiatriia = Social and clinical psychiatry*, no. 2 (2015): 55–64.
5. Ólason M., Andrason R. H., Jónsdóttir I. H., Kristbergisdóttir H., Jensen M. P. Cognitive Behavioral Therapy for Depression and Anxiety in an Interdisciplinary Rehabilitation Program for Chronic Pain: a Randomized Controlled Trial with a 3-Year Follow-up. *The International Journal of Behavioral Medicine*, 25, no. 1 (2018): 55–66. DOI: <https://doi.org/10.1007/s12529-017-9690-z>.
6. Rasing S. P. A., Creemers D. H. M., Janssens J. M. A. M., Scholte R. H. J. Depression and Anxiety Prevention Based on Cognitive Behavioral Therapy for At-Risk Adolescents: A Meta-Analytic Review. *Frontiers in Psychology*, 8, no. Jun (2017). DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2017.01066>.
7. Ponizovskiy P. A., Gofman A. G. Depressiia u bol'nykh s alkohol'noi zavisimost'iu [Depression in alcohol addicted patients]. *Zhurnal nevrologii i psikhiatrii im. S. S. Korsakova = Neuroscience and Behavioral Physiology*, no. 7 (2015): 146–150. DOI: <https://doi.org/10.17116/jnevro201511571146-150>.
8. Baranov A. P., Strutynskiy A. V., Oynotkinova O. Sh., Baranova A. A., Trishina V. V., Golubev Yu. Yu., Kruzhalov A. N. Vozmozhnosti terapii trevozhno-depressivnykh rasstroistv u bol'nykh s khronicheskoi serdechnoi nedostatochnost' u [Possibilities of anxiety-depressive disorders treatment in patients with chronic heart failure]. *Rossiiskii kardiologicheskii zhurnal = Russian Journal of Cardiology*, no. 1 (2017): 128–135. DOI: <https://doi.org/10.15829/1560-4071-2017-1-128-135>.
9. Garanyan N. G., Kholmogorova A. B. Integratsiia semeinoi sistemnoi i kognitivno-bikhevioral'noi psikhoterapii v lechenii bol'nykh s khronifitsirovannyimi formami trevozhnykh rasstroistv [Integration of the family system and

- cognitive-behavioral therapy in the treatment of patients become chronic forms of anxiety disorders]. *Sovremennaya terapiya psikhicheskikh rasstroistv = Modern therapy of mental disorders*, no. 1 (2013): 34–39.
10. Rogozina M. A., Podvigin S. N., Azarova A. M., Alekseeva D. N. O trudnokurabel'nykh patsientakh s trevozhno-depressivnymi rasstroistvami [About intractable patients with anxiety-depressive disorders]. *Prikladnye informatsionnye aspekty meditsiny = Applied and IT Research in Medicine*, no. 1 (2016): 94–98.
 11. Zabylina N. A. *Sravnitel'naia effektivnost' razlichnykh metodov terapii bol'nykh s nevroticheskimi rasstroistvami s vedushchim smeshannym trevozhnym i depressivnym sindromom*. Avtoref. diss. kand. med. nauk [Comparative effectiveness of various therapies for patients with neurotic disorders with a leading mixed anxiety and depressive syndrome. Cand. Med. Sci. Diss. Abstr.]. Saint-Petersburg, 2013, 25.
 12. Mitte K. Meta-analysis of cognitive-behavioral treatments for generalized anxiety disorder: a comparison with pharmacotherapy. *Psychol. Bull.*, vol. 131 (2005): 785–795. DOI: <https://doi.org/10.1037/0033-2909.131.5.785>.
 13. Igumnov S. A., Zhebentyaev V. A. Psikhoterapiya rasstroistv depressivnogo spektra: obzor [Psychotherapy of the depressive spectrum disorders: review]. *Obozrenie psikiatrii i meditsinskoj psikhologii imeni V. M. Bekhtereva = V. M. Bekhterev Review of Psychiatry and Medical Psychology*, no. 2 (2011): 8–12.
 14. Katkov A. L. *Metodologiya nauchnykh issledovaniy v sfere professional'noi psikhoterapii* [The scientific research methodology in psychotherapy]. Moscow: OPPL, 2016, 100.
 15. Tsygankov B. D., Yaltonskaya A. V. Gruppovaya kognitivno-povedencheskaya psikhoterapiya v lechenii depressivnykh rasstroistv [Cognitive-behavioral group therapy for depressive disorders]. *Zhurnal nevrologii i psikiatrii imeni S. S. Korsakova = S. S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry*, no. 10 (2012): 68–74.
 16. Karavaeva T. A., Vasil'eva A. V., Poltorak S. V. Printsipy i algoritmy psikhoterapii trevozhnykh rasstroistv nevroticheskogo urovnya (trevozhno-fobicheskikh, panicheskogo i generalizovannogo trevozhnogo rasstroistv) [Principles and algorithms of neurotic level anxiety disorders (anxiety-phobic, panic and generalized anxiety disorders) psychotherapy]. *Obozrenie psikiatrii i meditsinskoj psikhologii imeni V. M. Bekhtereva = V. M. Bekhterev Review of Psychiatry and Medical Psychology*, no. 4 (2016): 42–52.
 17. Mizinova E. B., Karavaeva T. A., Poltorak S. V., Belan R. M. Irratsional'nye kognitivnye ustanovki bol'nykh s trevozhno-fobicheskimi nevroticheskimi rasstroistvami kak misheni psikhoterapii [On irrational beliefs among patients with neurotic level anxiety and panic disorders as the targets for psychotherapy]. *Obozrenie psikiatrii i meditsinskoj psikhologii imeni V. M. Bekhtereva = V. M. Bekhterev Review of Psychiatry and Medical Psychology*, no. 1 (2017): 53–57.
 18. Martyniuk Yu. O. Kognitivnaya terapiya depressivnykh sostoianii [Cognitive therapy of depression]. *Sovremennaya terapiya v psikiatrii i nevrologii = Modern Therapy in Psychiatry and Neurology*, no. 2 (2016): 29–33.
 19. Wild J., Clark D. M. Imagery Rescripting of Early Traumatic Memories in Social Phobia. *Cognitive and behavioral practice*, 18, no. 4 (2011): 433–443. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cbpra.2011.03.002>.
 20. Pugovkina O. D., Shilnikova Z. N. Kontseptsia mindfulness (osoznannost'): nespetsificheskii faktor psikhologicheskogo blagopoluchiia [The concept of mindfulness: nonspecific factor of psychological wellbeing]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, no. 2 (2014): 18–28.
 21. Lyashkovskaya S. V., Tashlykov V. A., Semenova N. V. Podkhody k opredeleniiu i tipologii mishenei psikhoterapii v kontekste zadach sovershenstvovaniia individual'nykh programm psikhoterapii [Approaches to the definition and typology of targets of psychotherapy in the context of the tasks of improvement of individual programs of psychotherapy]. *Obozrenie psikiatrii i meditsinskoj psikhologii imeni V. M. Bekhtereva = V. M. Bekhterev Review of Psychiatry and Medical Psychology*, no. 1 (2017): 89–98.
 22. Kholmogorova A. B. Znachenie klassifikatsii psikhicheskikh rasstroistv dlia razvitiia metodov psikhoterapii (na primere trevozhnykh rasstroistv) [The role of classification of mental disorders for development of psychotherapeutic methods (on example of anxiety disorders)]. *Sotsial'naya i klinicheskaya psikiatriya = Social and clinical. Psychiatry*, no. 3 (2014): 51–56.
 23. Tukaev R. D., Kuznetsov V. E., Moskalenko D. A., Petrash N. M. Otsenka effektivnosti psikhoterapii pri rasstroistvakh nevroticheskogo registra: problemy, ogranicheniia, vozmozhnosti [Evaluation of psychotherapy efficacy in neurotic level disorders; problems, restrictions, opportunities]. *Sotsial'naya i klinicheskaya psikiatriya = Social and clinical. Psychiatry*, no. 3 (2013): 92–98.
 24. Regier D. A., Kuhl E. A., Kupfer D. J. DSM-5: Klassifikatsiya i izmeneniia kriteriev [The DSM-5: Classification and criteria changes]. *Vsemirnaia psikiatriya = World Psychiatry*, no. 2 (2013): 88–95. DOI: <https://doi.org/10.1002/wps.20050>.
 25. Maj M. «Klinicheskoe suzhdenie» i diagnostika bol'shoi depressii v DSM-5 [«Clinical judgment» and the DSM-5 diagnosis of major depression]. *Vsemirnaia psikiatriya = World Psychiatry*, no. 2 (2013): 85–87. DOI: <https://doi.org/10.1002/wps.20049>.
 26. Krasnov V. N. Trevozhnye rasstroistva: ikh mesto v sovremennoi sistematike i podkhody k terapii [Anxiety disorders: their place in current classifications and treatment approaches]. *Sotsial'naya i klinicheskaya psikiatriya = Social and clinical. Psychiatry*, no. 3 (2008): 33–38.
 27. Tsygankov B. D., Malygin Ya. V., Dobrovol'skaya Iu. V., Khannanova A. N. Vozmozhnosti psikhometricheskoi otsenki komorbidnykh trevozhnykh i depressivnykh rasstroistv (po dannym zarubezhnoi literatury) [Comorbidity of

- anxiety and depressive disorders (a review of foreign literature)]. *Zhurnal nevrologii i psikiatrii im. S. S. Korsakova* = *S. S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry*, no. 6 (2009): 91–94.
28. Psikhoterapevticheskaia entsiklopediia [Encyclopedia of Psychotherapy]. Ed. B. D. Karvasarsky. Saint-Petersburg: Piter, 2006, 944.
29. Prochaska J. O., Norcross J. C. *Systems of Psychotherapy: A Transtheoretical Analysis*. New York: Oxford university press, 2014, 576.
30. Kholmogorova A. B. *Integrativnaia psikhoterapiia rasstroistv affektivnogo spectra* [Integrative Psychotherapy of affective spectrum disorders]. Moscow: Medpraktika-M, 2011, 480.
31. David D., Cristea I. A., Hofmann S. G. Why Cognitive Behavioral Therapy Is the Current Gold Standard of Psychotherapy. *Front Psychiatry*, 9: 4 (2018). DOI: <https://doi.org/10.3389/fpsy.2018.00004>.
32. Cuijpers P., Donker T., Weissman M. M., Ravitz P., Cristea I. A. Interpersonal Psychotherapy for Mental Health Problems: A Comprehensive Meta-Analysis. *The American Journal of Psychiatry*, V. 173(7) (2016): 680–687. DOI: <https://doi.org/10.1176/appi.ajp.2015.15091141>.
33. Kolotil'shchikova E. A. Psikhoterapiia nevroticheskikh rasstroistv: psikhologicheskie faktory i mekhanizmy [Psychotherapy of neurotic disorders: psychological factors and mechanisms]. *Vestnik psikiatrii i psikhologii Chuvashii* = *Bulletin of Chuvashia's Psychiatry and Psychology*, no. 2 (2015): 146–170.
34. Eliseev S. B. Pokazaniia i protivopokazaniia k psikhoterapii u lits s endogennymi rasstroistvami [Indications and contraindications to psychotherapy for persons with endogenous disorders]. *Tsentral'nyi nauchnyi vestnik* = *Central Science Bulletin*, no. 12 (2017): 13–16.
35. Yaltonskaya A. V. *Prediktory effektivnosti gruppovoi kognitivno-povedencheskoi psikhoterapii v kompleksnom lechenii depressivnykh rasstroistv nepsikhoticheskogo urovnia*. Avtoref. diss. kand. med. nauk [Predictors of the Group CBT Efficacy in Complex Treatment for Non-Psychotic Disorders. Cand. Med. Sci. Diss. Abstr.]. Moscow, 2013, 25.
36. Kholmogorova A. B. Kognitivno-bikheviol'nye modeli i metody lecheniia generalizovannogo trevozhnogo rasstroistva [Cognitive-behavioral models and methods of generalized anxiety disorder treatment]. *Sovremennaia terapiia psikhicheskikh rasstroistv* = *Modern treatment of mental disorders*, no. 1 (2014): 19–26.
37. Hayes S. C., Hofmann S. G. Tret'ia volna kognitivno-povedencheskoi terapii i pod'em lecheniia, osnovannogo na protsesse [The third wave of cognitive behavioral therapy and the rise of process-based care]. *Vsemirnaia psikiatriia* = *World Psychiatry*, no. 3 (2017): 244–245. DOI: <https://doi.org/10.1002/wps.20442>.

УДК 159.9

ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ДИНАМИЧЕСКАЯ ИЕРАРХИЧЕСКАЯ СИСТЕМА: СОЦИАЛЬНЫЙ И КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ ФОРМИРОВАНИЯ

Михаил С. Яницкий^{1, @}, Андрей В. Серый^{2, 1}, Ольга А. Браун¹, Юрий В. Пелех², Ольга В. Маслова³, Марина В. Сокольская⁴, Римма Д. Санжаева⁵, Арюна Р. Монсонова⁵, Соелма Б. Дагбаева⁶, Юлия Ю. Неяскина⁷, Руслан В. Кадыров⁸, Татьяна В. Капустина⁸

¹ Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6

² Академия им. Яна Длугоша, 42-200, Польша, г. Ченстохова, ul. Waszyngtona, 4/8

³ Российский университет дружбы народов, 117198, Россия, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

⁴ Российский университет транспорта (МИИТ), 127994, Россия, ГСП-4, г. Москва, ул. Образцова, 9

⁵ Бурятский государственный университет, 670000, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24А

⁶ Забайкальский государственный университет, 672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30

⁷ Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга, 683032, Россия, г. Петропавловск-Камчатский, ул. Пограничная, 4

⁸ Тихоокеанский государственный медицинский университет, 690002, Россия, г. Владивосток, пр-т Острякова, 2
@ direktorspi@kemsu.ru

Поступила в редакцию 05.04.2018. Принята к печати 09.06.2018.

Ключевые слова:

Идентичность, образ Я, социокультурная среда, молодежь, студенты.

Аннотация: В соответствии с методологией конструктивистского подхода идентичность личности, выражающаяся в уникальном образе Я, рассматривается как динамическая иерархическая система. В рамках данного подхода на основе результатов применения теста М. Куна и Т. Макпартленда осуществлена разработка и апробация специального опросника, позволяющего установить ранг значимости 16 категорий, отражающих социально-ролевые компоненты идентичности в основных сферах жизнедеятельности, и тем самым представить индивидуальную или групповую структуру идентичности как упорядоченную иерархию. На выборке из 1251 студента, различающихся по полу, возрасту, национальности, религии, региону проживания и профессиональной направленности обучения, доказано значение принадлежности к соответствующей социальной или культурной группе для формирования иерархии компонентов идентичности. Установлено, что наибольшее значение для ранга компонентов идентичности имеет гендерная и профессиональная принадлежность, а также в меньшей степени принадлежность к этноконфессиональной группе и регион проживания исследуемых. Принадлежность к той или иной социокультурной группе во всех случаях является важной дифференцирующей характеристикой, определяя различия значимости соответствующего основания идентичности в иерархии. При этом социокультурная принадлежность в большинстве случаев одновременно оказывает влияние на ранг значимости не менее половины других компонентов идентичности, тем самым определяя общую структуру идентичности. В заключение делается вывод о том, что принадлежность студентов к конкретной гендерной, учебно-профессиональной, этнической, конфессиональной или региональной социокультурной среде выступает важной детерминантой формирования иерархии образов, определяющей особенности и структуру идентичности личности.

Для цитирования: Яницкий М. С., Серый А. В., Браун О. А., Пелех Ю. В., Маслова О. В., Сокольская М. В., Санжаева Р. Д., Монсонова А. Р., Дагбаева С. Б., Неяскина Ю. Ю., Кадыров Р. В., Капустина Т. В. Идентичность как динамическая иерархическая система: социальный и культурный контекст формирования // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 2. С. 131–140. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-131-140>.

Введение

Самосознание и отношение к себе традиционно рассматриваются как результат социально детерминированного развития. Очевидно, что в качестве социальных детерминант развития личности может рассматриваться ее принадлежность к той или иной гендерной, поколенческой, этнической, конфессиональной, профессиональной или локальной общности. Социальная принадлежность определяет особенности среды, в ко-

торой происходит становление идентичности, результатом чего является формирование уникального образа Я. В этой связи процесс идентификации невозможно рассматривать в отрыве от социального и культурного контекста развития личности.

В классическом понимании идентичность рассматривается как элемент Я-концепции, отвечающий за целостность и самоидентификацию личности. Начиная с концепции Э. Эриксона, получила признание

идея о множественности «Я», и, соответственно, возник вопрос о структуре и компонентах идентичности. Э. Эриксон выделял в структуре идентичности два взаимосвязанных компонента: личностную (персональную) и социальную идентичность [1]. Подобная модель идентичности, конкретизируемая в работах А. Тэшфела, Дж. Тернера, Р. Брауна и др. [2; 3], до сих пор является базовой для большинства исследований, в которых идентичность может изучаться как с позиции психологии личности, так и в рамках социальной психологии.

Во второй половине XX в. объектом исследований часто являлись отдельные виды социальной идентичности: гендерная, профессиональная, религиозная, этническая и т.д. Однако в настоящее время, по словам К. Э. Разлогова, наблюдается отчетливый переход от «эксклюзивности» в понимании идентичности к идентичности «по определению множественной, соответствующей характеру современной жизни и разнообразию культурных сообществ (от профессиональных и социально-демографических групп до групп по интересам)» [4, с. 28]. В психологии в соответствии с постнеклассической методологией акцент все чаще делается на достаточно широком контексте формирования и трансформации идентичности и образа Я. Так, D. Oyserman, M. Destin и S. Novin в своем исследовании выявляют связь позитивного / негативного социального контекста с оценкой образа Я [5]. R. Jaspal, M. Cinnirella расширяют контекст воздействий на идентификационные процессы, вводя в него представления об окружающей среде [6]. Указывая на значимость средовых факторов в идентификационных процессах, О. И. Муравьева, С. А. Литвина и С. А. Богомаз определяют среду как ментальное пространство, основными измерениями которого являются ценности, место и время, рассматриваемые как психологические характеристики [7]. Очевидно, что исследование характера влияния отдельных средовых факторов и всей их совокупности на идентичность и образ Я личности определяют необходимость разработки более сложной, многомерной модели идентичности.

Как пишет Е. П. Белинская, в настоящее время формируется консенсус исследователей в отношении множественности идентичностей, одним из положений которого является «общее для постнеклассической парадигмы понимание Я как принципиально неунитарного (постоянно изменчивого, множественного и т.п.)» [8, с. 12]. Однако, как отмечает Т. Г. Стефаненко, несмотря на имеющиеся зарубежные и отечественные исследования, указывающие на множественность оснований идентичности и ее гетерогенность, исследователи в большинстве случаев не описывают иерархические отношения между компонентами идентичности, и работ, раскрывающих иерархическую структуру идентичности, все еще очень немного [9, с. 11–14].

Еще одним актуальным трендом в изучении рассматриваемого феномена является смещение фокуса внимания на проблему изменчивости / устойчивости идентичности, на значение идентичности для личности и общества в ситуации неопределенности, на проявления кризиса идентичности в ситуации со-

циальных изменений. Как пишет Т. Д. Марцинковская, проблема идентичности всегда актуализируется в сознании и ученых, и общества в периоды слома, кризиса, неопределенности, в моменты актуализации вопросов о нормах, ценностях и эталонах будущего [10]. Проведенные нами ранее исследования показывают, что существенные изменения жизненной ситуации, приводящие одновременно к изменению системы ценностно-смысловых ориентаций и временной перспективы личности, выступают одним из факторов трансформации структуры идентичности [11–13].

Повышение интереса к изучению идентификационных процессов обусловлено рядом особенностей постмодернистского общества, таких как усиление миграционных процессов, возросшая мобильность населения, глобализация, распространение анонимного интернет-общения, дающего возможность «примерять» новые социальные роли и идентичности и т.д. Как отмечают Ц. П. Короленко, Н. В. Дмитриева и Е. Н. Загоруйко, «современная идентичность (self) перегружена всевозрастающей необходимостью исполнять в совершенстве множество социальных ролей» [14, с. 7]. По словам Н. В. Дмитриевой и Н. А. Самойлик, глобальные изменения эпохи постмодерна не могли не отразиться на становлении идентичности постсовременного человека, которую они определяют как «постмодернистский сэлф», отличающийся фрагментарностью и конфликтами между субидентичностями [15]. Соответственно, в постмодернистском обществе актуализируется четкий запрос на исследование не столько онтологии идентичности, сколько кризисных проявлений в данной области.

Как указывает Е. П. Белинская, кризис идентичности в наше время уже перешел за некие нормативно-возрастные рамки и стал частью всего современного общества [8]. Тем не менее обозначенные проблемы, по нашему мнению, особенно значимы для формирующейся личности, находящейся на этапе становления идентичности, и прежде всего – для студенческой молодежи. Как известно, период обучения в вузе, соответствующий стадиям «отрочество» и «молодость» в периодизации Э. Эриксона, является ключевым для развития идентичности. Помимо изменения социального статуса, период обучения становится для многих студентов временем начала самостоятельной жизни, интимных и семейных отношений, трудовой деятельности, периодом знакомства с профессиональной культурой. Все это приводит к тому, что за относительно короткий период система идентичности подвергается воздействию множества факторов, способствующих ее трансформации [16]. При этом остается неясным, какие именно средовые факторы определяют выбор молодежью преимущественных оснований идентичности в условиях их множественности и изменчивости. В этой связи целью нашего исследования являлось изучение влияния социальной и культурной принадлежности студентов на формирование иерархии компонентов их идентичности.

Методы

В исследовании приняли участие 1251 студент различных вузов, в том числе 839 девушек и 412 юношей. Возраст исследуемых находился в диапазоне от 16 до 35 лет. Для проведения сравнительного анализа общая выборка была разбита на возрастные когорты в соответствии с периодизацией И. Ю. Кулагиной: ранняя юность (16–17 лет) – 126 человек; собственно юность (18–19 лет) – 616; поздняя юность (20–23 года) – 474; зрелость (24 и старше) – 34. По этнической принадлежности исследуемая группа включала 892 русских, 139 бурят, 125 украинцев, 95 представителей остальных национальностей (в основном малых коренных народов и мигрантов из ближнего зарубежья). По конфессиональной принадлежности в исследуемой группе наиболее широко представлены православные – 510 человек; последователи иных религий (преимущественно другие христианские конфессии, мусульмане и буддисты) – 261; лица, считающие себя верующими, но не относящие себя к какой-либо определенной конфессии – 244; атеисты – 233. В зависимости от города проживания респонденты отнесены к одному из следующих регионов: Сибирь (Кемерово, Чита, Улан-Удэ) – 515 человек; Дальний Восток (Хабаровск, Владивосток, Петропавловск-Камчатский) – 462; Центральная Россия (преимущественно Москва и Московская область) – 157; Украина (Ровно, Хмельницкий, Тернополь и др.) – 117. По профилю обучения исследуемые разделились на социально-гуманитарную (659 студентов), а также естественнонаучную и техническую учебно-профессиональные группы (573 студента).

Принадлежность респондентов к той или иной социальной и культурной среде оценивалась методом анкетного опроса, включавшего закрытые вопросы о поле, возрасте, национальности, вероисповедании, месте проживания и профиле обучения.

Для изучения структуры идентичности и значимости ее отдельных компонентов использовался специальный опросник, разработанный нами на основе многолетнего опыта применения теста «Двадцати утверждений самоотношения» М. Куна и Т. Макпартленда. Поскольку задачей исследования было выявление групповых универсалий в самоописаниях (т. е. промежуточного и высшего уровней самокатегоризации в терминологии Дж. Тернера), в качестве индикатора личностной идентичности предлагался только один вариант – «Я как уникальная личность», все остальные элементы опросника касались «Социального Я» и «Коммуникативного Я» в терминологии Т. В. Румянцевой [17]. Таким образом, изучались компоненты образа Я, отражающие прямое обозначение пола; учебно-профессиональную ролевую позицию; семейную принадлежность, проявляющуюся через обозначение семейной роли; этническо-региональную идентичность, включающую в себя этническую идентичность, гражданство и локальную, местную идентичность; мировоззренческую идентичность (конфессиональную принадлежность); групповую принадлежность. Помимо перечисленного, в опросник вошла категория «Я как представитель вида *Homo sapiens*», являющая-

ся эквивалентом часто используемого респондентами при заполнении теста М. Куна и Т. Макпартленда ответа «Я человек», позволяющая оценить представленность высшего уровня самокатегоризации. Также был предусмотрен вариант «Другое» для самокатегоризаций, не вошедших в предлагаемый нами список (основные определения в этом случае касались личностных характеристик или хобби).

В результате для оценки испытуемым предлагался список из 16 категорий, отражающих, в первую очередь, социально-ролевые компоненты идентичности в основных сферах жизнедеятельности, выделенных Т. В. Румянцевой (семья, работа, учеба, досуг, интимно-личностные отношения, отдых):

- Я как профессионал (будущий профессионал);
- Я как студент;
- Я как мужчина / женщина;
- Я как сын / дочь;
- Я как муж / жена (будущий муж / жена);
- Я как уникальная личность;
- Я как представитель своего народа;
- Я как гражданин своей страны;
- Я как житель данного города;
- Я как отец / мать (будущий отец / мать);
- Я как представитель молодежи;
- Я как член неформальной группы;
- Я как друг / подруга;
- Я как последователь своей религии;
- Я как представитель вида *Homo sapiens*;
- Другое.

Исследуемым предлагалась следующая инструкция: «Перед вами несколько элементов, входящих в представления о себе любого человека. Проранжируйте их, пожалуйста, от 1 до 16 по степени важности для Вас в настоящий момент. Так, наиболее важная характеристика получит цифру 1, а наименее важная – 16».

Оценивая результаты заполнения данного опросника, мы исходили из того, что чем меньше ранг, чем он ближе к единице, тем больше субъективная значимость и степень осознанности данной категории. Достоверность различий значимости компонентов идентичности в описываемых группах определялась при помощи Н-критерия Крускала-Уоллиса, U-критерия Манна-Уитни; средний ранг компонентов идентичности – при помощи описательных статистик в программе Statistica 10.

Результаты

Задачами исследования было рассмотрение идентичности как иерархической системы и сравнение иерархий идентичности в группах студентов, дифференцированных по полу, возрасту, национальности, религии, региону проживания и профессиональной направленности обучения.

Как следует из анализа полученных данных, по своей значимости рассматриваемые компоненты идентичности в исследуемой группе представляют следующую иерархическую последовательность образов Я: сын / дочь (средний ранг значимости 4,38); муж-

чина / женщина (5,12); личность (5,32); профессионал (5,88); студент (6,13); муж / жена (6,83); друг / подруга (7,54); отец / мать (7,82); гражданин своей страны (8,67); представитель своего народа (8,80); представитель молодежи (9,80); житель своего города (10,22); представитель вида *Homo sapiens* (10,29); последователь своей религии (11,67); член неформальной группы (12,74); другое (14,64). При этом иерархия компонентов идентичности обнаруживает определенные особенности в зависимости от принадлежности к той или иной социокультурной общности.

Так, гендерная принадлежность существенно влияет на структуру идентичности – достоверные различия между группами юношей и девушек обнаружены в значимости 12 из 16 рассматриваемых компонентов идентичности (таблица 1). Для юношей наиболее важным основанием собственной идентичности является сама половая принадлежность, также для них достоверно более значимы профессиональные, гражданские, этнические и региональные компоненты идентичности. Для девушек, напротив, отчетливо более существенны семейно-ролевые основания идентичности – образ себя как дочери, жены или матери.

Таблица 1. Иерархия компонентов идентичности юношей и девушек (средние ранги)
Table 1. The hierarchy of identity components of males and females (average ranks)

Компоненты идентичности (общая p ; значение критерия U)	Гендерная группа	
	Мужчины ($n=462$)	Женщины ($n=839$)
Я как мужчина / женщина ($p=0,0153$; $U=154413,5$)	4,85	5,24
Я как сын / дочь ($p<0,0001$; $U=139722,0$)	5,00	4,09
Я как профессионал ($p<0,0001$; $U=144485,5$)	5,31	6,17
Я как личность ($p=0,0229$; $U=155303,5$)	5,70	5,15
Я как муж / жена ($p=0,0064$; $U=152405,0$)	7,21	6,64
Я как отец / мать ($p=0,0068$; $U=152698,5$)	8,24	7,61
Я как гражданин своей страны ($p=0,018$; $U=154774,5$)	8,31	8,85
Я как представитель своего народа ($p=0,0092$; $U=152954,0$)	8,45	8,97
Я как представитель вида <i>Homo sapiens</i> ($p=0,0163$; $U=153978,0$)	9,75	10,56
Я как житель своего города ($p=0,0349$; $U=156277,0$)	9,88	10,39
Я как последователь своей религии ($p<0,000$; $U=143446,0$)	12,06	11,48
Я как член неформальной группы ($p=0,03$; $U=156351,5$)	12,46	12,88

Прим.: Здесь и далее в таблицах приведены только статистически значимые различия между описываемыми группами.

Полученные результаты демонстрируют определенную возрастную динамику иерархии компонентов идентичности в период обучения в вузе (таблица 2). Так, по мере взросления закономерно снижается значимость восприятия себя как представителя молодежи, а также как представителя вида *Homo sapiens*, и одновременно последовательно растет значимость иденти-

фикации с жителями своего города. Наибольшей специфичностью структуры идентичности характеризуется молодежь в возрасте 20–23 года. Для респондентов этой группы повышается значимость восприятия себя как мужчины / женщины и мужа / жены, что, очевидно, связано с возникновением в этом возрасте постоянных интимных и семейных отношений.

Таблица 2. Иерархия компонентов идентичности представителей разных возрастных групп (средние ранги)
Table 2. The hierarchy of identity components according to age group (average ranks)

Компоненты идентичности (общая p ; значение критерия H)	Достоверность различий в группах	Возраст, лет			
		1	2	3	4
		16–17 ($n=126$)	18–19 ($n=616$)	20–23 ($n=474$)	≥ 24 ($n=34$)
Я как мужчина / женщина ($p<0,0001$; $H=30,816$)	1–3 ($p<0,0001$) 2–3 ($p=0,0003$)	6,24	5,33	4,56	5,06
Я как муж / жена ($p=0,01$; $H=11,34$)	1–3 ($p=0,006$)	7,83	6,89	6,48	6,73

Компоненты идентичности (общая p; значение критерия Н)	Достовер- ность разли- чий в группах	Возраст, лет			
		1	2	3	4
		16–17 (n=126)	18–19 (n=616)	20–23 (n=474)	≥ 24 (n=34)
Я как представитель вида Homo sapiens (p=0,0036; H=13,54)	1–2 (p=0,03) 1–3 (p=0,002)	8,65	10,25	10,78	10,15
Я как представитель молодежи (p=0,015; H=10,448)	2–4 (p=0,014) 3–4 (p=0,03)	9,97	9,65	9,85	11,39
Я как житель своего города (p=0,0064; H=12,3)	1–3 (p=0,023)	10,77	10,35	9,94	9,79

Иерархии компонентов идентичности представи-
телей различных этнических групп оказались доста-
точно сходными: наиболее приоритетными являются
представления о себе как о сыне / дочери, мужчине /
женщине и как об уникальной личности; наименее зна-
чим образ себя как члена неформальной группы (та-
блица 3). Одновременно в иерархии компонентов иден-
тичности бурят и представителей других этнических
меньшинств заметно более высокий ранг значимости

занимают их этноконфессиональные особенности. Для
русских и украинцев, представляющих на своей терри-
тории этническое большинство, эти характеристики ме-
нее значимы. Особенностью структуры идентичности
украинцев является большая по сравнению со всеми
остальными приоритетность семейно-ролевых основ-
аний идентификации, а также представление о себе как
об уникальной личности, отражающее, вероятно, боль-
шую ориентацию на индивидуалистические культуры.

Таблица 3. Иерархия компонентов идентичности представителей разных этнических групп (средние ранги)
Table 3. The hierarchy of identity components of different ethnic groups (average ranks)

Компоненты идентичности (общая p; значение критерия Н)	Достовер- ность разли- чий в группах	Этническая группа			
		1	2	3	4
		Русские (n=892)	Буряты (n=139)	Украинцы (n=125)	Другие (n=95)
Я как сын / дочь (p=0,0085; H=11,7)	1–3 (p=0,0074)	4,52	4,04	3,49	4,73
Я как мужчина / женщина (p=0,0009; H=16,487)	1–2 (p=0,0005)	4,93	6,11	4,82	5,83
Я как личность (p=0,0063; H=12,339)	2–3 (p=0,0034)	5,32	5,84	4,62	5,61
Я как отец / мать (p=0,0069; H=12,135)	2–3 (p=0,01)	7,74	8,58	6,98	8,39
Я как представитель своего народа (p<0,0001; H=28,73)	1–2 (p<0,0001) 2–3 (p=0,0001)	8,99	7,50	9,27	8,30
Я как представитель молодежи (p=0,012; H=10,87)	1–2 (p=0,024) 2–3 (p=0,05) 2–4 (p=0,04)	9,89	10,55	9,62	9,48
Я как представитель вида Homo sapiens (p=0,0031; H=13,84)	1–3 (p=0,013)	10,09	9,88	11,67	11,01
Я как последователь своей религии (p<0,0001; H=81,31)	1–2 (p<0,0001) 1–3 (p=0,0003) 2–3 (p=0,02) 2–4 (p=0,0032)	12,21	9,45	10,98	10,64
Я как член неформальной группы (p<0,0001; H=33,98)	1–2 (p=0,001) 1–3 (p=0,003) 2–4 (p<0,0001) 3–4 (p=0,0002)	12,58	13,64	13,72	11,73

Анализ иерархии компонентов идентичности в конфессиональных группах выявил особенности, сходные с различиями между этническими группами (таблица 4). Так, для представителей религиозного меньшинства отчетливо более важна своя религиозная и этническая принадлежность, в то время как для православных, «внеконфессиональных верующих» и атеистов эти компоненты гораздо менее значимы. По ряду компонентов также обнаруживаются полярные различия между представителями православного большинства и атеистами – для православных наиболее существенны собственные полоролевые характеристики; для атеистов достоверно более высокий ранг значимости имеет образ себя как представителя молодежи и вида *Homo sapiens*.

Жители отдельных регионов обнаружили существенные отличия в структуре идентичности (таблица 5). Значимость восприятия себя как представителя молодежи и жителя своего города наиболее характерна для проживающих на Дальнем Востоке, что может объясняться выраженной спецификой городской социокультурной среды, как, например, в Петропавловске-Камчатском. Для жителей Украины образ себя как

жителя своего города, напротив, наименее существенен. Важность представления о себе как об уникальной личности последовательно снижается от центра к «глубинке», достаточно четко отражая особенности менталитета жителей мегаполиса и провинции. В то же время жители Сибири отличаются наибольшей значимостью компонента идентичности, соответствующего высшему уровню самокатегоризации – образа себя как представителя вида *Homo sapiens*.

Профиль обучения, отражающий выбор будущей профессиональной группы, с которой студенты идентифицируются в период пребывания в вузе, оказался важным дифференцирующим фактором (таблица 6). Как видно из полученных результатов, для студентов естественнонаучного профиля более свойственны общие, неспецифические компоненты идентичности, такие как семейные и социальные роли. Для студентов социально-гуманитарного профиля, напротив, более значимы собственные учебно-профессиональные, а также этнические и гражданские основания идентичности, что может объясняться актуализацией данных характеристик в процессе социального и гуманитарного образования.

Таблица 4. Иерархия компонентов идентичности представителей разных конфессиональных групп (средние ранги)
Table 4. The hierarchy of identity components of different confessions (average ranks)

Компоненты идентичности (общая p ; значение критерия H)	Достоверность различий в группах	Конфессиональная группа			
		1	2	3	4
		Православные ($n=510$)	Другие ($n=261$)	Внеконфессиональные верующие ($n=244$)	Атеисты ($n=233$)
Я как мужчина / женщина ($p=0,0001$; $H=21,234$)	1–2 ($p=0,0001$) 2–3 ($p=0,0014$) 2–4 ($p=0,013$)	4,81	6,04	4,86	5,03
Я как муж / жена ($p=0,0003$; $H=19,05$)	1–4 ($p=0,0003$) 3–4 ($p=0,009$)	6,40	7,22	6,56	7,60
Я как отец / мать ($p<0,0001$; $H=23,86$)	1–2 ($p=0,0007$) 1–4 ($p=0,001$) 2–3 ($p=0,034$) 3–4 ($p=0,036$)	7,31	8,54	7,45	8,50
Я как представитель своего народа ($p=0,0003$; $H=19,18$)	1–2 ($p=0,002$) 2–3 ($p=0,015$) 2–4 ($p=0,0004$)	8,96	8,04	8,94	9,18
Я как представитель молодежи ($p=0,0065$; $H=12,28$)	1–4 ($p=0,017$) 2–4 ($p=0,019$)	10,03	10,08	9,57	9,23
Я как представитель вида <i>Homo sapiens</i> ($p=0,031$; $H=8,902$)	1–4 ($p=0,018$)	10,64	10,20	10,22	9,67
Я как последователь своей религии ($p<0,0001$; $H=163,35$)	1–2 ($p<0,0001$) 1–3 ($p=0,0034$) 1–4 ($p<0,0001$) 2–3 ($p<0,0001$) 2–4 ($p<0,0001$) 3–4 ($p<0,0001$)	11,62	9,49	12,35	13,51
Я как член неформальной группы ($p=0,0098$; $H=11,38$)	1–4 ($p=0,03$)	13,03	12,87	12,49	12,27

Таблица 5. Иерархия компонентов идентичности жителей разных регионов (средние ранги)

Table 5. The hierarchy of identity components of residents of various regions (average ranks)

Компоненты идентичности (общая p; значение критерия H)	Достовер- ность разли- чий в группах	Регион проживания			
		1	2	3	4
		Дальний Восток (n=462)	Сибирь (n=515)	Централь- ная Россия (n=157)	Украина (n=117)
Я как сын / дочь (p=0,0022; H=14,63)	1-4 (p=0,025) 3-4 (p=0,0012)	4,57	4,34	4,72	3,43
Я как мужчина / женщина (p=0,039; H=13,36)	1-2 (p=0,004)	4,80	5,42	5,33	4,81
Я как личность (p<0,0001; H=31,66)	1-3 (p=0,004) 2-3 (p<0,0001) 2-4 (p=0,0008)	5,40	5,76	4,31	4,50
Я как студент (p=0,030; H=8,93)	1-3 (p=0,04) 2-3 (p=0,027)	6,01	6,02	6,95	5,97
Я как представитель молодежи (p=0,0001; H=22,016)	1-2 (p<0,0001)	9,31	10,28	9,63	10,01
Я как житель своего города (p=0,0004; H=18,20)	1-2 (p=0,011) 1-4 (p=0,001)	9,79	10,42	10,29	10,97
Я как представитель вида Homo sapiens (p<0,0001; H=23,81)	1-2 (p=0,003) 2-4 (p=0,0001)	10,77	9,50	10,29	11,77
Я как член неформальной группы (p=0,0002; H=19,72)	1-4 (p=0,003) 2-4 (p=0,007) 3-4 (p=0,0001)	12,58	12,74	12,38	13,94
Я как последователь своей религии (p<0,000; H=84,55)	1-2 (p<0,0001) 1-3 (p=0,005) 1-4 (p<0,0001) 3-4 (p=0,029)	12,71	10,98	11,54	10,72

Таблица 6. Иерархия компонентов идентичности представителей разных учебно-профессиональных групп (средние ранги)

Table 6. The hierarchy of identity components of representatives of different educational and professional groups (average ranks)

Компоненты идентичности (общая p; значение критерия U)	Учебно-профессиональная группа	
	1	2
	Социо- гуманитарная (n=659)	Естественно- научная и техниче- ская (n=573)
Я как профессионал (p<0,0001; U=157857,0)	5,42	6,30
Я как мужчина / женщина (p<0,0001; U=153039,5)	5,64	4,68
Я как личность (p<0,0001; U=151965,5)	5,85	4,87
Я как студент (p=0,049; U=173146,5)	5,94	6,27
Я как муж / жена (p=0,0197; U=170641,0)	7,08	6,58
Я как друг / подруга (p=0,0009; U=165174,0)	7,9	7,20
Я как отец / мать (p=0,0158; U=170393,0)	8,11	7,54
Я как гражданин своей страны (p=0,0058; U=168337,0)	8,38	8,94
Я как представитель своего народа (p=0,0131; U=169484,5)	8,52	9,02
Я как представитель вида Homo sapiens (p=0,0031; U=166964,0)	9,73	10,76
Я как представитель молодежи (p=0,0040; U=167337,0)	10,13	9,58
Я как последователь своей религии (p=0,014; U=170223,5)	11,42	11,90

Обсуждение

При рассмотрении феномена идентичности мы придерживаемся конструктивистского подхода и представлений о множественности образов Я. Приведенные результаты подтверждают, что идентичность личности представляет собой сложную многомерную систему, где ее основные структурные компоненты, выступающие основаниями идентификации, иерархически выстроены. По нашему мнению, идентичность личности представляет собой систему взаимосвязанных представлений о себе, причем разные элементы этой системы имеют разную субъективную значимость. Условно говоря, существуют центральные – ядерные элементы, которые тесно связаны с ценностно-смысловой сферой личности, ее направленностью. Эти элементы относительно константны и их функция заключается в сохранении целостности личности. Изменение таких ядерных элементов происходит в результате значимых событий и приводит к трансформации образа Я. Периферические элементы системы идентичности более подвижны. Их изменения носят эволюционный характер и связаны с приспособлением личности к актуальной социальной среде. Таким образом, идентичность рассматривается нами как иерархическая система, все компоненты которой тесно взаимосвязаны.

Одновременно система идентичности имеет изменчивый характер и, соответственно, рассматривается нами как динамическая. Мы полагаем, что элементы идентичности, формирующиеся раньше, являются наиболее устойчивыми, а динамика системы идентичности в целом идет по направлениям усложнения структуры и детализации содержания.

Особенности идентичности как иерархической динамической системы определяются принадлежностью к той или иной социокультурной среде, где осуществляется принятие норм и ценностей соответствующей группы, с членами которой личность себя идентифицирует. Полученные в настоящем исследовании результаты свидетельствуют, что наибольшее значение для формирования иерархии компонентов идентичности студенческой молодежи имеет ее гендерная и профессиональная принадлежность, влиянию которой подвержены три четверти компонентов идентичности. Несколько менее значима принадлежность к той или иной этно-региональной группе, определяющая ранг

половины оцениваемых параметров. На последнем месте в ряду рассмотренных в данном исследовании социально-средовых факторов находится принадлежность к конкретной возрастной общности, определяющая различия значимости лишь трети компонентов идентичности. Вероятно, это связано с относительной близостью выделяемых здесь возрастных групп, по сути относящихся к одному студенческому возрасту, и не являющихся поколенческими когортами. Принадлежность к той или иной социокультурной группе во всех случаях является важной дифференцирующей характеристикой, определяя различия значимости соответствующего основания идентичности в иерархии – так, профессиональная принадлежность определяет значимость профессионального компонента образа Я и т. д. При этом социокультурная принадлежность в большинстве случаев одновременно обнаруживает взаимосвязь с рангом значимости не менее половины других компонентов образа Я, тем самым определяя общую структуру идентичности.

Выводы

Результаты настоящего исследования подтверждают и конкретизируют представление об идентичности личности как о сложной иерархической и динамической системе, в качестве основных структурных элементов которой выступают компоненты образа Я, отражающие результат идентификации одновременно с различными социальными группами.

Разработанный нами на основе представления о множественности и изменчивости идентичности опросник продемонстрировал свою применимость для изучения индивидуальной и групповой иерархии компонентов образа Я, а также для оценки влияния на структуру идентичности личности тех или иных социально-средовых факторов.

Полученные с использованием этого опросника результаты свидетельствуют, что принадлежность к конкретной гендерной, учебно-профессиональной, этнической, конфессиональной или региональной социокультурной среде выступает важной детерминантой становления иерархии социально-ролевых компонентов идентичности личности в студенческом возрасте и тем самым особенностей и структуры идентичности формирующейся личности.

Литература

1. Эриксон Э. Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 344 с.
2. Tajfel H., Turner J. C. The social identity theory of intergroup behavior // *Psychology of intergroup relations*. Chicago: Nelson Hall, 1986. P. 7–24.
3. Brown R. J., Hinkle S., Ely P. G., Fox-Cardamone L., Maras P., Taylor L. A. Recognising Group Diversity Individualist Collectivist and Autonomous Relational Social Orientations and their Implications for Intergroup Processes // *British Journal of Social Psychology*. 1992. Vol. 318. P. 327–342.
4. Разлогов К. Э. Метаморфозы идентичности // *Вопросы философии*. 2015. № 7. С. 28–40.
5. Oyserman D., Destin M., Novin S. The context-sensitive future self: possible selves motivate in context, not otherwise // *Self and identity*. 2014. Vol. 14. № 2. P. 173–188.
6. Jaspal R., Cinnirella M. The construction of ethnic identity: Insights from identity process theory // *Ethnicities*. 2012. Vol. 12. № 5. P. 503–530.

7. Муравьева О. И., Литвина С. А., Богомаз С. А. Средовая идентичность: содержание понятия // Сибирский психологический журнал. 2015. № 58. С. 136–148.
8. Белинская Е. П. Изменчивость Я: кризис идентичности или кризис знания о ней? // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 40. С. 12.
9. Стефаненко Т. Г. Изучение идентификационных процессов в психологии и смежных науках // Трансформация идентификационных структур в современной России. М.: Московский общественный научный фонд, 2001. С. 11–29.
10. Марцинковская Т. Д. Методология современной психологии: смена парадигм?! // Психологические исследования. 2014. Т. 7. № 36. С. 1.
11. Серый А. В., Яницкий М. С. Смысловые аспекты переживания кризиса социальной идентичности при вынужденной смене жизненной ситуации // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 43. С. 12.
12. Мазуркевич А. В., Яницкий М. С., Серый А. В. Темпоральные аспекты трансформации ценностной структуры самоидентичности в условиях кардинальных изменений жизненной ситуации // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2017. № 3. С. 104–122.
13. Яницкий М. С., Серый А. В., Браун О. А. Особенности иерархии составляющих образа Я в зависимости от принадлежности к этническому большинству либо меньшинству // Луриевский подход в мировой психологической науке. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. С. 154–155.
14. Короленко Ц. П., Дмитриева Н. В., Загоруйко Е. Н. Идентичность. Развитие. Перенасыщенность. Бегство. Новосибирск: Издательство НГПУ, 2007. 472 с.
15. Дмитриева Н. В., Самойлик Н. А. Кризис идентичности: феноменология переживания. Новосибирск: Издательство НГПУ, 2013. 233 с.
16. Браун О. А., Аркузин М. Г. Динамика системы идентичности личности студентов-психологов // Комплексные исследования человека: психология: материалы VII сибирского психологического форума. Томск: Томский государственный университет, 2017. Ч. 1. С. 30–33.
17. Румянцева Т. В. Психологическое консультирование: диагностика отношений в паре. СПб.: Речь, 2006. 176 с.

IDENTITY AS A DYNAMIC HIERARCHICAL SYSTEM: SOCIAL AND CULTURAL CONTEXT OF FORMATION

Mikhail S. Yanitskiy^{1, @}, Andrey V. Seryy¹, Olga A. Braun¹, Yurii V. Pelekh², Olga V. Maslova³, Marina V. Sokolskaya⁴, Rimma D. Sanzhaeva⁵, Aryuna R. Monsonova⁵, Soelma B. Dagbaeva⁶, Yulia Yu. Neyaskina⁷, Ruslan V. Kadyrov⁸, Tatiana V. Kapustina⁸

¹ Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000

² Akademia im. Jana Długosza, 4/8, Waszyngtona St., Czeszochowa, Polska, 42-200

³ Peoples Friendship University of Russia, 6, Miklukho-Maklaya St., Moscow, Russia, 117198

⁴ Russian University of Transport (MIIT), 9, Obraztsova St., Moscow, GSP-4, Russia, 127994

⁵ Buryat State University, 24A, Smolina St., Ulan-Ude, Russia, 670000

⁶ Transbaikalian State University, 30, Aleksandro-Zavodskaya St., Chita, Russia, 672039

⁷ Vitus Bering Kamchatka State University, 4, Pogranichnaya St., Petropaulovsk-Kamchatskiy, Russia, 683032

⁸ Pacific State Medical University, 2, Ostryakov Ave., Vladivostok, Russia, 690002

@ direktorspi@kemsu.ru

Received 05.04.2018. Accepted 09.06.2018.

Keywords: identity, self-image, sociocultural environment, youth, students.

Abstract: In accordance with the methodology of the constructivist approach, the personal identity manifested as a unique self-image is regarded as a dynamic hierarchical system. Under the approach based on M. Kuhn and T. McPartland's test, we have developed and put into practice a special questionnaire, which allows ranking 16 categories in terms of their importance. These categories reflect social role components of identity in the main spheres of life, thus presenting an individual or a group identity structure as an orderly hierarchy. Based on a sample of 1251 students of various sex, age, nationality, confession, residence and field of study, we have proved that affiliation to a certain social or cultural group influences the hierarchy of identity components. The study has shown that gender and professional affiliation are of highest impact on the significance of identity components, as well as, albeit less substantial, belonging to a particular ethnoreligious group and being the resident of a certain region. Sociocultural affiliation in all instances was an important differentiating characteristic, which determined the disparities in significance of the respective basis of the identity in the hierarchy. At the

same time, sociocultural affiliation in most cases had an effect on the importance of less than a half of the other identity components, thus determining the general structure of the identity. In conclusion, gender, educational and professional, ethnic, confessional or regional sociocultural group is a significant social determinant of personal development in the formation of the self-image hierarchy, which underlies the characteristics and structure of one's identity.

For citation: Yanitskiy M. S., Seryy A. V., Braun O. A., Pelekh Yu. V., Maslova O. V., Sokolskaya M. V., Sanzhaeva R. D., Monsonova A. R., Dagbaeva S. B., Neyaskina Yu. Yu., Kadyrov R. V., Kapustina T. V. Identichnost' kak dinamicheskaya ierarhicheskaya sistema: sotsial'nyi i kul'turnyi kontekst formirovaniya [Identity as a Dynamic Hierarchical System: Social and Cultural Context of Formation]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2018): 131–140. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-131-140>.

References

1. Erikson E. E. *Identichnost': iunost' i krizis* [Identity: youth and crisis]. Moscow: Progress, 1996, 344.
2. Tajfel H., Turner J. C. The social identity theory of intergroup behavior. *Psychology of intergroup relations*. Chicago: Nelson Hall, 1986, 7–24.
3. Brown R. J., Hinkle S., Ely P. G., Fox-Cardamone L., Maras P., Taylor L. A. Recognising Group Diversity Individualist Collectivist and Autonomous Relational Social Orientations and their Implications for Intergroup Processes. *British Journal of Social Psychology*, vol. 318 (1992): 327–342.
4. Razlogov K. E. Metamorfozy identichnosti [Transformations of Identity]. *Voprosy filosofii = Philosophy Questions*, no. 7 (2015): 28–40.
5. Oyserman D., Destin M., Novin S. The context-sensitive future self: possible selves motivate in context, not otherwise. *Self and identity*, 14, no. 2 (2014): 173–188.
6. Jaspal R., Cinnirella M. The construction of ethnic identity: Insights from identity process theory. *Ethnicities*, 12, no. 5 (2012): 503–530.
7. Muravyeva O. I., Litvina S. A., Bogomaz S. A. Sredovaya identichnost': sodержanie ponятиya [Environmental identity: the concept content]. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal = Siberian Journal of Psychology*, no. 58 (2015): 136–148.
8. Belinskaya E. P. Izmenchivost' ya: krizis identichnosti ili krizis znaniya o nei? [The variability of self: an identity crisis or a crisis of knowledge about it?]. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological Studies*, 8, no. 40 (2015): 12.
9. Stefanenko T. G. Izucheniye identifikatsionnykh protsessov v psikhologii i smezhnykh naukakh [Studying of identification processes in psychology and interdisciplinary sciences]. *Transformatsiya identifikatsionnykh struktur v sovremennoi Rossii* [Transformation of identification structures in modern Russia]. Moscow: Moskovskii obshchestvennyi nauchnyi fond, 2001, 11–29.
10. Martsinkovskaya T. D. Metodologiya sovremennoi psikhologii: smena paradigmat?! [Methodology of modern psychology: a change of paradigms?!]. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological Studies*, 7, no. 36 (2014): 1.
11. Seryy A. V., Yanitskiy M. S. Smyslovye aspekty perezhivaniya krizisa sotsial'noi identichnosti pri vynuzhdennoi smene zhiznennoi situatsii [Semantic aspects of the experience of the social identity crisis in the forced change of life situation]. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological Studies*, 8, no. 43 (2015): 12.
12. Mazurkevich A. V., Yanitskiy M. S., Seryy A. V. Temporal'nye aspekty transformatsii tsennostnoi struktury samoidentichnosti v usloviyah kardinal'nykh izmenenii zhiznennoi situatsii [Temporal aspects of transformation self-identity value structure in conditions of radical changes in life situations]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*, no. 3 (2017): 104–122.
13. Yanitskiy M. S., Seryy A. V., Braun O. A. Osobennosti ierarhii sostavlyayushchikh obraza ya v zavisimosti ot prinalozhnosti k etnicheskomu bol'shinstvu libo men'shinstvu [Hierarchy of components of Self-image due to belonging to national minority or majority]. *Lurievskii podkhod v mirovoi psikhologicheskoi nauke* [Luria approach in world psychological science]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2017, 154–155.
14. Korolenko C. P., Dmitrieva N. V., Zagoruiko E. N. *Identichnost'. Razvitiye. Perenasyschennost'. Begstvo* [Identity. Development. Oversaturation. Flight]. Novosibirsk: Izdatel'stvo NGPU, 2007, 472.
15. Dmitrieva N. V., Samojlik N. A. *Krizis identichnosti: fenomenologiya perezhivaniya* [Crisis of identity: experience phenomenology]. Novosibirsk: Izdatel'stvo NGPU, 2013, 233.
16. Braun O. A., Arkuzin M. G. Dinamika sistemy identichnosti lichnosti studentov-psikhologov [Dynamics of the system of identity of the identity of students-psychologists]. *Kompleksnye issledovaniya cheloveka: psikhologiya: materialy VII sibirskogo psikhologicheskogo foruma* [Complex researches of the person: psychology: materials VII of the Siberian psychological forum]. Tomsk: Tomskii gosudarstvennyi universitet, part 1 (2017): 30–33.
17. Rumyantseva T. V. *Psikhologicheskoe konsul'tirovaniye: diagnostika otnoshenii v pare* [Psychological consultation: diagnostics of the relations in couple]. Saint-Petersburg: Rech', 2006, 176.

УДК 81'23, 811.133.1

НАИВНАЯ СЕМАНТИЗАЦИЯ И ЛЕКСИКОГРАФИЯ БИОНИМОВ МОНГОЛЬСКОГО ЯЗЫКА (НА ПРИМЕРЕ БИОНИМА «ЗАЯЦ»)

Гундэгмаа Баттулга¹. @

¹ *Новосибирский государственный национальный исследовательский университет, 630090, Россия,*

г. Новосибирск, ул. Пирогова, 2

@bgundegmaa15@gmail.com

Поступила в редакцию 29.01.2018. Принята к печати 16.04.2018.

Ключевые слова: наивная лингвистика, языковое сознание, бионимы, наивная лексикография, лингвистический эксперимент, монгольский язык.

Аннотация: Статья посвящена изучению теории наивной лингвистики и принципам её исследования. Материалом исследования послужили результаты психолингвистического эксперимента, отражающие обыденное представление носителей монгольского языка. В качестве стимулов в ходе эксперимента были использованы слова, обозначающие флору и фауну, т. е. бионимы. Реакции, выявленные в ходе психолингвистического эксперимента, отражают особенности функционирования слова в языковом сознании носителей монгольского языка. Для описания наивного взгляда на значение слова респондентами были использованы не только ассоциации в виде спонтанных дефиниций и цитат, содержащих эту лексему, но также сравнения, навеянные словом-стимулом у наивного рядового пользователя. Данное исследование позволяет реконструировать фрагмент национальной языковой картины мира в качестве компонента языкового сознания монгольской языковой личности. В заключении показано описание данных бионимов, составленное на основе лексикографической обработки реакций в рамках исследования по теории наивной лингвистики.

Для цитирования: Баттулга Г. Наивная семантизация и лексикография бионимов монгольского языка (на примере бионима «заяц») // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 2. С. 141–147. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-141-147>.

1. Постановка проблемы и материал исследования

Настоящая статья написана в рамках исследования, посвященного изучению представления ассоциируемого у рядовых носителей монгольского языка со словами, обозначающими флору и фауну, а также культурно-национальной специфики бытия этноса, выявляемой в интерпретации значений этих слов. Ставится цель реконструировать фрагмент национальной языковой картины мира в качестве компонента языкового сознания монгольской языковой личности. Описанные формы выявлены в ходе психолингвистического эксперимента, отражающего особенности функционирования слова в языковом сознании репрезентативной подборки носителей монгольского языка. С помощью психолингвистического эксперимента, содержащего четыре типа вопросов (ассоциации, сравнения, определения, фразы), можно определить наивную лексикографическую деятельность рядового носителя того или иного языка. Ключевым для нас является понятие наивной лингвистики, которое в данном случае рассматривается как комплекс бытовых представлений о фактах языка и речи.

Термин «наивная лингвистика» активно применяется относительно недавно. Несмотря на делавшиеся ранее попытки исследователей в этой области, внима-

ние научных исследователей наивная лингвистика привлекла только к концу XX в.

Определение термина «наивная лингвистика», «обыденная лингвистика» или «народная лингвистика» как неотъемлемого явления, присущего различным культурам и языковым картинам мышления, рассматривается во многих странах [1, с. 33]. В российской науке наивная лингвистика представлена работами В. Б. Кашкина [2], А. Н. Ростовской [3], Н. Д. Голева, Л. Г. Ким и С. В. Стеванович [4], М. Дебрэн [5, с. 62].

Мы, основываясь на трудах данных учёных, считаем, что наивная лингвистика – совокупность знаний, представлений, высказываний в отношении языка с точки зрения его носителя. Следовательно, цель наивной лингвистики заключается в выявлении общих представлений «наивных носителей» языка, в том числе знаний, взглядов, жизненного опыта представителей культурно-языкового сообщества, фактов языка и речи, закреплённых во фрагментах повседневного коммуникативного общения.

Ясно, что обыденное языковое сознание человека отражается в обыденной семантике, которая формируется в каждодневном коммуникативном опыте. Компоненты обыденного языкового сознания являются чувственно-рецептивным, логико-понятийным, эмо-

ционально-оценочным и ценностно-нравственным. Согласно О. А. Корнилову, чувственно-рецептивный компонент-объект воспринимается органами чувств (зрения, слуха, осязания), а логико-понятийный осмысливается, потом объект получает первичную, эмоциональную оценку, и вторичную, ценностно-нравственную [6, с. 82].

2. Основные понятия наивной лингвистики

2.1. Структура обыденного знания о языке

Металингвистическая деятельность, к которой относится наивная лингвистика, по структуре своей неоднородна и включает в себя и другие составляющие,

такие как обыденная философия языка, которая пытается ответить на вопросы «что такое язык?», «из чего состоит язык?», «откуда произошел язык?», и бытовая технология употребления языка, перевода, преподавания, задающая следующие вопросы: «как правильно употреблять язык?», «как изучать иностранный язык?», «как переводить?». В свою очередь наивная лингвистика не только является частью большой системы, но и сама подразделяется на такие уровни, как этимология, лексикология, фонетика, грамматика и пр. Наглядно иерархическая структура обыденного знания о языке представлена на рисунке.

Рис. Иерархическая структура обыденного знания о языке

Fig. The hierarchical structure of everyday knowledge of the language

Подобная модель разделения человеческого знания была предложена в свое время еще Х. Ортега-и-Гассетом [7, с. 403].

2.2. Предположения о соотношении научного и обыденного знания о языке

Предположения о соотношении научного и обыденного знания о языке, среди которых встречаются как более или менее обоснованные, так и гипотетические, можно сформулировать следующим образом:

1) наивные взгляды являются источником научного знания;

2) наивные взгляды сосуществуют с научным знанием и в индивидуальном, и в общественном сознании. Как писал Л. С. Выготский, обыденные представления – от вещей к понятиям, а в освоении научных понятий – от понятий к вещам [8, с. 25–26];

3) наивное знание подвержено влиянию научного знания, а также других видов наук: популярной, любительской, фолк-лингвистики и т. д. [9, с. 384–385];

4) как в научном, так и в обыденном знании можно выделить общие черты, которые получили название «эпистемологические константы» [10].

2.3. Проблемные сферы в обыденной лингвистике

При изучении обыденных представлений о языке ученые сталкиваются со следующими проблемными аспектами.

1) Неоднородная терминология: из-за некоторого числа различных подходов терминология варьируется, что может вызывать некоторые затруднения и порой даже непонимание между исследователями, поскольку разные ученые понимают данный предмет по-раз-

ному, например, существенные характеристики рассматриваемой предметной сферы обозначают такие понятия, как «наивная лингвистика», обыденное знание, mini-linguistics, folk linguistics и т. д. Объединяет их одна мысль: некое понятие концептуализируется на основе имеющихся знаний, но не так, как соответствующее научное понятие.

2) Отсутствует жесткая граница между научным и обыденным знанием. Как указывали Дж. Келли и А. Ф. Лосев, «каждый человек по-своему учёный» [10, с. 417–418].

3) Как следствие предыдущего пункта, научное и обыденное знания не являются изолированными, вместе взаимодействуя и в общественном, и в индивидуальном сознании (Л. С. Выготский).

4) Представление основных понятий обыденной лингвистики и переводоведения довольно метафорично, оно предстает в виде метафор и «вещественных» сравнений (Дж. Лакофф, Д. Г. Шаталов).

Метафорическое восприятие языковых единиц как материальных вещей является базовой константой в обыденной философии языка, из него вытекают практически все прототеории и прототехнологии [11, с. 41–60]. Эта метафора оказывает влияние на представления пользователя об обращении с языком, об изучении языка, переводе и прочих действиях [10].

Среди прочих констант можно отметить следующие:

- реификация абстрактных сущностей (т. е. процесс превращения абстрактных понятий в якобы реально существующие феномены);
- сочетание противоречивых принципов;

- приоритет формы над содержанием;
- приоритет эгоцентрической позиции (монологизм);
- приоритет веры над знанием и др. [10].

2.4. Актуальность наивной лингвистики

С точки зрения науки наивные знания чаще всего ошибочны, но тем не менее они представляют несравненный интерес для науки в целях исследования процессов обучения.

– Они образуются *спонтанно*, на основе наблюдения над окружающей действительностью.

– Для когнитологов будет важно понять процесс их формирования и систематизации.

– С прикладной точки зрения необходимо понимание роли спонтанно приобретенных знаний о себе и окружающем мире: что дают эти знания? Препятствуют или помогают они дальнейшему приобретению научных знаний?

– Исследование наивных представлений ребенка – это ключ к пониманию того, сохраняются ли какие-либо из представлений во взрослой жизни, а также способ узнать, как они взаимодействуют с представлениями, приобретенными в ходе обучения [12].

3. Ассоциативный эксперимент как метод исследования в наивной лингвистике

Одной из самых широко распространенных психолингвистических методик реконструкции языкового сознания является ассоциативный эксперимент. Он является «методом, с наибольшей объективностью позволяющим вскрыть культурную специфику словарных единиц, вскрыть те побочные, непосредственно не релевантные для обобщения семантические связи, которые имеет данное слово» [13].

Ассоциативное поле со всей совокупностью полученных реакций на стимул – это основа для описания ассоциативного значения языкового знака [14].

Поскольку задача нашего исследования – описать обыденные представления о бионимах носителей монгольского языка, для которых язык является единственным родным, психолингвистический эксперимент был проведен на территории Монголии. В нем приняли участие 205 носителей монгольского языка, среди которых большинство – студенты и магистранты Ховдского государственного университета (г. Ховд, Монголия) и сельские жители Ховдского аймака Монголии. Число испытуемых не является случайным. В своих исследованиях Г. А. Черкасова утверждает, что при опросе 200 респондентов и более относительная частота встречаемости повторяющихся, «постоянных» реакций стабилизируется [15]. Таким образом, можно сказать, что полученные в ходе ассоциативного эксперимента результаты смогут показать относительно стабильную картину мира, какой ее видит наивный респондент – носитель монгольского языка.

В ходе опроса носителям монгольского языка предлагалось ответить на следующие вопросы (на примере бионима туулай – «заяц»).

Для ассоциаций: назовите первое пришедшее Вам на ум слово после того, как Вы услышали или прочитали данное слово туулай (заяц).

Для дефиниций: что обозначает данное слово? Это задание представлялось в форме типа туулай – бол... (заяц – это...), т. е. участник был вынужден дать наивную дефиницию слова.

Для сравнений: заполните пропуск в предложениях типа Тэр ..., туулай шиг (Он ..., как заяц).

Для цитат и фраз: напишите фразу с данным словом, которая приходит Вам на ум.

В совокупности данные вопросы позволяют охватить разные слои обыденной семантики: чувственно-ассоциативной (отражена в первом вопросе), понятийной (второй вопрос), концептной, получаемой в виде прецедентных фраз и типовых сравнений (представлена в третьем и четвертом вопросах) [16]. Поскольку многие мотивы в реакциях повторялись, было решено составить стандартную схему представления и анализа, которая бы позволила классифицировать весь полученный материал и значительно облегчить его обработку в дальнейшем [16]. Она такова:

1. Классификационные признаки:

1.1. Таксономические.

1.2. Параметрические.

2. Внешние и физические характеристики.

3. Внутренние качества, черты характера и поведения.

4. Образ жизни.

5. Отношение человека.

6. Прецедентные феномены:

6.1. Мифологические и религиозные представления и верования.

6.2. Литературные образы и персонажи (сказки, басни, детские песни, фильмы, реклама, неопознанные цитаты).

7. Другие значения.

8. Не бионимы.

Данная структура предполагает глубокий анализ полученных ответов информантов, их содержательную интерпретацию, отражающую разностороннее представление информантами предметов флоры и фауны в их языковом сознании. Отдельно в каждом пункте рассматривались ассоциации, сравнения, дефиниции и цитаты.

В дальнейшем предлагается составить словесное описание следующих бионимов на основе анализа результатов психолингвистического эксперимента и лексикографической обработки реакций, полученных от носителей монгольского языка: алим (яблоко), илжиг (осёл), сарнай (роза), тахиа (петух), тугал (телёнок), туулай (заяц), хулгана (мышь), хэрээ (ворон), чоно (волк) и ялаа (муха).

В таблице представлено, как классифицируются ассоциации, сравнения, определения и цитаты в первом подпункте стандартной схемы, а именно «Классификационные признаки». Для краткости приведены только 5 самых частотных примеров.

1. Классификационные признаки

Таблица. Классификационные признаки

Table. Classification features

1. Таксономические (т. е. родовые):	
Определения	
Реакции носителей монгольского языка	Перевод реакций на русский язык
Туулай хөөрхөн <i>амьтан</i> – 12	Заяц – <i>милое животное</i>
Туулай <i>амьтан</i> – 5	Заяц – <i>животное</i>
Туулай хурдан <i>амьтан</i> – 3	Заяц – <i>быстрое животное</i>
Туулай сэргэлэн <i>амьтан</i> – 2	Заяц – <i>шустрое животное</i>
Ухаантай, аймхай <i>амьтан</i>	Умное, пугливое <i>животное</i>
Ассоциации	
<i>Амьтан</i> – 10	<i>Животное</i>
Фразы	
Туулай аймхай <i>амьтан</i> – 7	Заяц – <i>пугливое животное</i>
Туулай өхөөрдөм <i>амьтан</i> – 5	Заяц – <i>милое животное</i>
Туулай сэргэлэн <i>амьтан</i> – 2	Заяц – <i>шустрое животное</i>
Туулай дөрвөн хөлтэй <i>амьтан</i>	Заяц – <i>животное с четырьмя ногами</i>
Ууланд амьдардаг, саарал <i>амьтан</i>	Серое <i>животное, живущее в горах</i>
2. Параметрические (т. е. видовые):	
Определения	
Туулай хөөрхөн, гэрийн тэжээвэр <i>амьтан</i> – 10	Заяц – <i>милое, домашнее животное</i>
Туулай мэрэгч – 9	Заяц – <i>грызун</i>
Туулай хөхтөн <i>амьтан</i> – 5	Заяц – <i>млекопитающее животное</i>
Туулай зэрлэг <i>амьтан</i> – 3	Заяц – <i>дикое животное</i>
Ассоциации	
Цагаан туулай – 2	Беляк
Гэрийн тэжээвэр <i>амьтан</i>	Домашнее <i>животное</i>
Бор туулай	Русак
Нохой	Собака
Фразы	
Туулай мэрэгч – 9	Заяц – <i>грызун</i>
Туулай хөөрхөн, тэжээвэр <i>амьтан</i> – 7	Заяц – <i>милое, домашнее животное</i>
Туулай тэжээвэр <i>амьтан</i> – 7	Заяц – <i>домашнее животное</i>
Зэрлэг туулайг чандага гэдэг	Дикого зайца называют <i>беляком</i>
Туулай ойд амьдардаг сүүн тэжээлтэн <i>амьтан</i>	Заяц, <i>живущий в лесу, – млекопитающее животное</i>

Прим.:* – Цифрами указана частотность данной реакции. В случае, если реакция содержит комбинированную дефиницию, которая может быть отнесена к разным категориям, она повторяется в них и отмечается полужирным шрифтом.

Таким же образом классифицируются все реакции и по остальным слотам стандартной схемы. В итоге, основываясь на результатах нашего эксперимента, мы предлагаем следующее описание бионима туулай (заяц) в наивном языковом сознании носителей монгольского языка.

Туулай (заяц) – млекопитающее, домашнее серое животное, относящееся к семейству грызунов. Существуют два рода зайцев: беляк и русак. Беляк – житель леса, а русак – степи, полей и гор.

2. Внешние и физические характеристики. У зайца длинные уши, разделённая губа, большие зубы, он быстр. Это серое лохматое животное с мягкой шерстью.

3. Внутренние качества, черты характера. С одной стороны, заяц – самое шустрое, находчивое, ловкое, умное дикое животное, с другой стороны, заяц пуглив, прожорлив и труслив.

4. Образ жизни:

А. Места обитания. Заяц обитает в лесу, в горах и в степях. Он прячется в кустах и скачет в лесу. Одомашненный заяц – кролик.

Б. Питание. Одомашненный заяц (кролик) питается капустой, морковью и молоком. Дикий заяц – млекопитающее травоядное животное.

В. Особенности поведения. Заяц скачет и быстро бегает. Зимой охотники охотятся на зайцев по их следам.

Г. Детёныш животных. У зайца рождается 6–8 детёнышей, их называют зайчатами, крольчатами. Зайчонок относится к диким животным, а крольчонок – детёныш кролика.

5. Отношение человека. Заяц – милое, умное домашнее животное. Он красивый, любимый. Отрицательное отношение к нему: пугливое животное.

6. Прецедентные феномены

Восточный календарь. Кролик – один из двенадцати животных календаря, год кролика – четвертый, час кролика – на рассвете от 5:40 до 7:40, месяц кролика – февраль.

7. Производные изделия. Обувь, дубленка, детский дэл, шуба изготавливается из заячьего меха. Шерсть его пушистая, белая.

8. Другие прецедентные феномены. Заяц на пути – хороший знак. В народной медицине используют части тела зайца. Мясо зайца полезно для здоровья.

В монгольской лингвокультуре образ зайца ассоциируется с баснями, сказками «Четверо дружных» (Монгольская народная сказка), «Жеребёнок, волк и заяц». Образ зайца также тесно сопряжен с мультфильмом «Ну, погоди» (один из самых любимых мультсериалов режиссера В. Котеночкина). Заяц очень часто встречается в лингвокультуре, где во всех случаях он играет роль положительного персонажа. Есть много рекламных объявлений с изображением кролика: стиральный порошок, шоколад, игрушка и др.

Небольшая часть ответов монгольских информантов связана с устойчивыми выражениями и пословицами: туршлагын туулай («подопытный кролик»), эвэртэй туулай үзэх шиг («увидеть как кролика с рогами») – сильно удивиться, хоёр туулай хөөсөн хүн хоосон хоцорно («за двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь») – если возьмешься сразу за несколько дел, не добьешься результата ни в одном, туулайд эвэр, тугалд соёо ургана («когда у зайца вырастут рога, тогда и на куриных яйцах – волосы») – желая быть полезным, стал помехой, туулай болгон өөрийн гүйдэлтэй («каждый зайчонок по-своему скачет») – каждый видит свой мир по-своему.

9. Зооморфизмы и метафоры. В этом подпункте говорится о сравнении бионимов с человеческим поведением и чертами характера: у человека заячье сердце (трусливый человек), заяц – трус, ушастик – большие уши (о человеке с большими ушами, как у зайца).

Данное словесное описание позволяет увидеть детальный образ зайца, каким он предстает в наивном языковом сознании носителей монгольского языка. Отметим, что для них особенно значимыми являются признаки, характеризующие национально-культурный тип прецедентных феноменов и образ жизни животного.

Представленное обыденное толкование, содержащее в себе статьи, лексикографическая информация для которых получена путем психолингвистического эксперимента с участием носителей монгольского языка, – это новый тип словарей, в котором не приводится значение того или иного слова, а описание этого значения – согласно представлениям рядового носителя языка. Благодаря им открывается доступ к пониманию той или иной культуры, причем не с точки зрения каких-либо научных знаний или установившихся стереотипов толкования.

Литература

1. Соколова Н. Ю. Лингвокультурологические основы функционирования номинаций вопроса и ответа в английском языке: дис. ... канд. филол. наук; Санкт-Петербург. гос. ун-т. СПб., 2016, 193 с.
2. Кашкин В. Б. Бытовая философия языка и языковые контрасты // Теоретическая и прикладная лингвистика: межвуз. сб. науч. тр. Воронеж, 2002. Вып. 3. Аспекты метакоммуникативной деятельности. С. 3–34.
3. Ростова А. Н. Народная философия языка // Этногерменевтика и языковая картина мира. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 1998. С. 79–80.
4. Голев Н. Д., Ким С. В., Стеванович С. В. «Разноязычный словарь обыденной семантики бионимов» как источник сопоставительных исследований наивной картины мира носителей различных языков // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. Т. 13. № 2. С. 29–35.
5. Дебрэнн М. Французский язык в речевой практике русских. Межъязыковая девиатология. Новосибирск: Новосибирский гос. ун-т, 2006. 385 с.
6. Шкуропацкая М. Г., Даваа У. Национальная языковая картина мира как компонент языкового сознания русской и монгольской языковой личности (сопоставительный аспект) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 1. С. 80–95.
7. Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? М.: Наука, 1991. 411 с.
8. Выготский Л. С. Психология развития человека. М.: Смысл; Эксмо, 2006. 1136 с.
9. Полинченко Д. Ю. Лингвистика и фолк-лингвистика: концепция А. Н. Драгункина // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 2010. Ч. III. С. 384–394.

10. Кашкин В. Б. Константы обыденного и научного знания о языке // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 2012. Ч. IV. С. 422–427.
11. Кашкин В. Б. Обыденная философия языка, наивная лингвистика и наивная лингвистическая технология // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Кемерово-Барнаул, 2009. Ч. I. С. 41–60.
12. Шор Р. О. Язык и общество. М.: Либроком, 2010. 160 с.
13. Леонтьев А. А. Общие сведения об ассоциациях и ассоциативных нормах // Словарь ассоциативных норм русского языка / под ред. А. А. Леонтьева. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. С. 5–16.
14. Бутакова Л. О. Значение как достояние индивида (экспериментальное исследование) // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 2012. Ч. IV. С. 11–35.
15. Черкасова Г. А. Квантитативные исследования ассоциативных словарей // Языковая личность: текст, словарь, образ мира. М.: Изд-во РУДН, 2006. С. 129–134.
16. Голев Н. Д., Дебринн М. Разноязычный сопоставительный словарь обыденной семантики бонимов: концепция, лексикографический проект и опыт его реализации // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. Т. 11. № 2. С. 80–91.

NAIVE SEMANTIZATION AND LEXICOGRAPHY OF MONGOLIAN BIONYMS: THE CASE OF "HARE" BIONYM

Gundegmaa Battulga¹. @

¹ Novosibirsk State National Research University, 2, Pirogova St., Novosibirsk, Russia, 630090
@bgundegmaa15@gmail.com

Received 29.01.2017. Accepted 16.04.2018.

Keywords: naive linguistics, linguistic consciousness, bionyms, naive lexicography, linguistic experiment, Mongolian language.

Abstract: The article is devoted to the study of the theory of naive linguistics and the principles of its research. The material of the research is the results of psycholinguistic experiment. The results show ordinary representations of native speakers of Mongolian language. The words denoting flora and fauna (bionyms) were used as the stimuli for the experiment. The responses in the experiment have revealed a specific character of word functioning in the language consciousness of Mongolian native speakers. To describe a naive view on a word meaning, the respondents used associations in the form of spontaneous definitions and citations that include the word stimulus as well as comparisons it inspired. The research has made it possible to reconstruct a fragment of the ethnical language world view as a component of the language consciousness of Mongolian native speakers. In the conclusion the author gives a description of these bionyms, compiled on the basis of lexicographic processing of reactions and within the framework of the naive linguistics theory.

For citation: Battulga G. Naivnaia semantizatsiia i leksikografiia bionimov mongol'skogo iazyka (na primere bionima «zaiats») [Naive Semantization and Lexicography of Mongolian Bionyms: the Case of "Hare" Bionym]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2018): 141–147. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-141-147>.

References

1. Sokolova N. Iu. *Lingvokul'turologicheskie osnovy funktsionirovaniia nominatsii voprosa i otveta v angliiskom iazyke*. Diss. kand. filol. nauk [Linguistic and cultural basis of functioning of nominations of the question and answer in English. Cand. Philol. Sci. Diss.]. Saint-Petersburg State Univ. Saint-Petersburg, 2016, 193.
2. Kashkin V. B. Bytovaia filosofia iazyka i iazykovye kontrasty [Household language philosophy and language contrasts]. *Teoreticheskaia i prikladnaia lingvistika* [Theoretical and applied linguistics]. Voronezh, iss. 3 (2002): 3–34.
3. Rostova A. N. Narodnaia filosofia iazyka [Folk philosophy of language]. *Etnogermenevtika i iazykovaia kartina mira* [Ethnogermeneutics and the language picture of the world]. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 1998, 79–80.
4. Golev N. D., Kim S. V., Stevanovich S. V. «Raznoiazychnyi slovar' obydennoi semantiki bionimov» kak istochnik sopostavitel'nykh issledovaniy naivnoi kartiny mira nositelei razlichnykh iazykov [Multilingual dictionary of everyday semantics bionyms as a source of comparative studies of naive picture of the world of speakers of different languages]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia = Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 13, no. 2 (2015): 29–35.

5. Debrenn M. *Frantsuzskii iazyk v rechevoi praktike russkikh. Mezhdruzhnaya iazykovaia deviatologiya* [The French language in speech Russian. Interlingual deviatology]. Novosibirsk: Novosibirskii gos. un-t, 2006, 385.
6. Shkurovskaya M. G., Davaa U. Natsional'naya iazykovaia kartina mira kak komponent iazykovogo soznaniia russkoi i mongol'skoi iazykovoi lichnosti (sopostavitel'nyi aspekt) [National language picture of the world as a component of language consciousness of Russian and Mongolian language personality]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya = Bulletin of Tomsk State University. Philology*, no. 1 (2016): 80–95.
7. Ortega y Gasset J. *Chto takoe filosofiya?* [What is philosophy?]. Moscow: Nauka, 1991, 411.
8. Vygotskii L. S. *Psikhologiya razvitiia cheloveka* [The psychology of human development]. Moscow: Smysl; Eksmo, 2006, 1136.
9. Polinichenko D. Iu. Lingvistika i folk-lingvistika: kontseptsii A. N. Dragunkina [Linguistics and folk-linguistics: the concept of A. N. Dragunkin]. *Obydennoe metaiazykovoe soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty* [Ordinary metalanguage consciousness: ontological and epistemological aspects]. Kemerovo: Kemerovskii gos. un-t, vol. III (2010): 384–394.
10. Kashkin V. B. Konstanty obydenno i nauchnogo znaniia o iazyke [The constants of ordinary and scientific knowledge about language]. *Obydennoe metaiazykovoe soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty* [Ordinary metalanguage consciousness: ontological and epistemological aspects]. Kemerovo: Kemerovskii gos. un-t, vol. IV (2012): 422–427.
11. Kashkin V. B. Obydennoia filosofiya iazyka, naivnaia lingvistika i naivnaia lingvisticheskaia tekhnologiya [Everyday philosophy, linguistics and naive linguistic technology]. *Obydennoe metaiazykovoe soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty* [Ordinary metalanguage consciousness: ontological and epistemological aspects]. Kemerovo-Barnaul, vol. I (2009): 41–60.
12. Shor R. O. *Iazyk i obshchestvo* [Language and society]. Moscow: Librokom, 2010, 160.
13. Leont'ev A. A. Obshchie svedeniia ob assotsiatsiiakh i assotsiativnykh normakh [General information about associations and Association rules]. *Slovar' assotsiativnykh norm russkogo iazyka* [Dictionary of associative norms of the Russian language]. Ed. Leont'ev A. A. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1977, 5–16.
14. Butakova L. O. Znachenie kak dostoianie individa (eksperimental'noe issledovanie) [Value as a property of the individual experimental study]. *Obydennoe metaiazykovoe soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty* [Ordinary metalanguage consciousness: ontological and epistemological aspects]. Kemerovo: Kemerovskii gos. un-t, vol. IV (2012): 11–35.
15. Cherkasova G. A. Kvantitativnye issledovaniia assotsiativnykh slovarei [Quantitative studies of associative dictionaries]. *Iazykovaia lichnost': tekst, slovar', obraz mira* [Language personality: text, vocabulary, image of the world]. Moscow: Izd-vo RUDN, 2006, 129–134.
16. Golev N. D., Debrenn M. Raznoiazychnyi sopostavitel'nyi slovar' obydennoi semantiki bionimov: kontseptsii, leksikograficheskii proekt i opyt ego realizatsii [A multilingual comparative dictionary of ordinary semantics of bionym: the concept, lexicographic project and the experience of its implementation]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia = Bulletin of Novosibirsk State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 11, no. 2 (2013): 80–91.

УДК 811.161.1

ФРАЗЕОЛОГИЗМ КАК НОСИТЕЛЬ СВЕРНУТОГО МИФА. ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА

Ирина С. Башмакова¹, @

¹ Иркутский национальный исследовательский технический университет, 664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 83
@bis61@mail.ru

Поступила в редакцию 01.02.2018. Принята к печати 04.05.2018.

Ключевые слова: фразеологизм, устойчивое сочетание, особенности перевода, свернутый миф, трудности перевода, способы перевода.

Аннотация: Цель статьи – рассмотреть фразеологизмы, акцентируя внимание на роли мифа в образовании устойчивых сочетаний. Позиционируя фразеологизм как «свернутый» миф, указывается на исключительную трудность интерпретации данных единиц речи из-за скрытого содержания в их семантике дискурсивной информации. Отмечается, что специфика фразеологизмов определяется не формальными, а содержательными характеристиками. Рассматриваются наиболее эффективные пути (способы) перевода фразеологизмов. Актуальность статьи обусловлена активным употреблением фразеологизмов в текстах разных жанров и, как следствие, проблемами их адекватного перевода. Новизна статьи заключается в ином подходе к интерпретации фразеологизмов, которые рассматриваются в данной работе как носители «свернутого» мифа. Теоретическая значимость и практическая ценность заключаются в том, что подобная интерпретация способствует более глубокому пониманию и, следовательно, корректному переводу фразеологизмов на другой язык. Методы исследования: метод фразеологической идентификации, сравнение, анализ, эксперимент.

Для цитирования: Башмакова И. С. Фразеологизм как носитель свернутого мифа. Трудности перевода // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 2. С. 148–154. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-148-154>.

Если обратиться к различным сайтам в Интернете, имеющим отношение к образованию, можно увидеть множество заголовков, призывающих к изучению фразеологии. Например: «ФРАЗЕОЛОГИЯ – ЭТО ИНТЕРЕСНО!», «ИНТЕРЕСНАЯ ФРАЗЕОЛОГИЯ», «ИЗУЧАЕМ ФРАЗЕОЛОГИЮ!». Это неудивительно. Фразеологизмы – устойчивые сочетания слов, высокоинформативные единицы языка. Изучая их, мы изучаем историю страны, быт и культуру этноса, знаковые события, происходящие в тот или иной период времени. Именно по этой причине изучение фразеологизмов будет всегда актуальным, а вопрос перевода фразеологических единиц будет представлять бесконечную трудность для переводчика-профессионала.

Исследования в области фразеологии (раздел лингвистики, изучающий устойчивые речевые обороты) имеет продолжительную историю. В Советском Союзе возникновение фразеологии как лингвистической дисциплины относится к 40-м гг. XX в. и неразрывно связано с именем В. В. Виноградова, известного русского литературоведа и языковеда-русиста. Ученым впервые в науке были поставлены и решены многие вопросы общего характера, позволившие создать базу (на основе русского языка) для изучения устойчивых сочетаний слов. Именно академик В. В. Виноградов впервые разработал синхронную классификацию фразеологических оборотов с точки зрения их семантической слитности и наметил пути дальнейшего изучения фразеологизмов [1]. В дальнейшем концепция

В. В. Виноградова была неоднократно переосмыслена и трансформирована в иные классификации. Так, основатель советской фразеологической школы А. В. Кунин на базе английского языка выделил: 1) идиомы, или идиоматизмы; 2) идеофразеоматизмы; 3) фразеоматизмы. Следуя теории ученого, основными показателями любой ФЕ являются: 1) устойчивость; 2) невозможность построения по порождающей модели переменного сочетания слов; 3) фиксация оборота хотя бы одним словарем или употребление его тремя различными авторами [2]. В данной статье фразеологизм определяется как устойчивое сочетание слов с полностью или частично переосмысленным значением [2], термины «устойчивое сочетание» и «фразеологизм» используются как взаимозаменяемые.

Фразеологизмы охватывают все стороны жизни человека, придавая высказыванию выразительность, ясность в понимании, служат средством создания образности. Однако некоторые ученые подчеркивают (Д. О. Добровольский, А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов), что данные единицы обращены не столько в мир, сколько на сам объект. По их мнению, фразеологизмы создаются не для того, чтобы описывать мир, а для того, чтобы его интерпретировать, выражать субъективное, эмоционально окрашенное отношение говорящего к миру, особо подчеркивая факт того, что размытость объективного интенционала компенсируется за счет дифференцированности субъективного импликационала [3]. Однако возникает правомерный вопрос относи-

тельно концепции мифа как неотъемлемого элемента сознания, основанного на непосредственном восприятии мира и, соответственно, его роли в образовании фразеологизмов. Миф, являясь, бесспорно, художественным повествованием о бесчисленных природных явлениях, победных сражениях человека или его поражениях в важных битвах, созданный благодаря коллективному народному творчеству, есть форма творческого переживания и освоения действительности. Это своего рода форма синергии осмысления и выражения посредством трансцендентальных схем, модель взаимоотношения человека с реальным миром, воспринимаемая субъектами культуры в качестве фрагментов бытия. Исследования в области фразеологии в целом и мифа в частности многочисленны (В. Н. Телия, А. Д. Шмелев, Т. В. Булыгина) [4; 5].

В рамках данной статьи за основу принимается учение о мифе русского философа А. Ф. Лосева, где акцент делается на необходимости разграничения «относительной» и «абсолютной» мифологий. Проявления «относительной» мифологии ученый видит во всех сферах общественной жизни, так как все вещи обыденного опыта человека или происходящие явления – мифы, которые отличаются лишь яркостью и интересом. Автор многолетних плодотворных исследований аргументировал, что «мир, в котором мы живем, и существуют все вещи – есть мир мифический, в котором нет ничего случайного, ненужного, выдуманного. Миф всегда синтетически жизнен и состоит из живых личностей, судьба которых освещена эмоционально и интимно ощутительно. Миф всегда есть живая и действующая личность, и миф всегда имеет упор в факты, существующие как именно факты» [6–8]. Для нашего исследования данный вывод философа является оптимальным, так как в разряд «относительной» мифологии можно отнести повествования о любых событиях, вещах, личностях. Сделаем попытку установить, является ли фразеологизм носителем мифа, в котором совпадают два разных плана действительности. Утверждается, что семантическая нормальность высказывания определяется типом взаимодействия двух прагматических факторов: говорящего и наблюдателя [9]. Однако наблюдатель не обязательно должен быть говорящим. Сообщая ту или иную информацию, он оперирует определенным знанием, которое было получено на том или ином уровне когнитивной категоризации: феноменологическом либо структуральном. Любой исторический текст, на который мы ссылаемся в разных ситуациях, есть текст мифологический, т. к. «повествует» о личности или ее роли в истории, причем не обязательно исключительно положительной. В основу языковой единицы может заключаться легенда об антигерое, неудачнике. Однако является ли любой фразеологизм собою исторический текст, некий факт совершенного события? Рассмотрим следующие примеры с английским фразеологизмом *carry coals to Newcastle* = *ехать в Тулу со своим самоваром* (Прим. автора: в русском варианте перевода. Все переводы выполнены автором).

1. *Mr. Angus Ogilvie had popped in to borrow a black tie, which must be the nearest royal equivalent of carrying*

coals to Newcastle. Mr. Edward Goldsmith, the popular eccentric and potty ecologist, was there to predict the coming extinction of man. Undeterred by the exemplary presence of the guest of honour, Mr. Goldsmith plans to form a new political party. Mr. John Aspinall, the gambler and zoo proprietor, was there accusing Mr. Goldsmith of "anthropological fascism." A good deal of the political discussion before dinner concerned the priorities which should apply on the field of Armageddon. ("Sir Oswald Mosley holds court in London", The Guardian, November 23, 2017).

2. *If the 19th-century epitome of a futile economic transaction was carrying coals to Newcastle, then the 20th century been equivalent might have been importing oil to Saudi Arabia. Rarely has a country been so spectacularly well endowed with a resource so fundamental to the functioning of the global economy in a particular era. ("Saudi Arabia: an unlikely ally in the march towards renewable energy", The Guardian, June 4, 2015).*

3. *If carrying coals to Newcastle is judged a pointless exercise, then importing croissants, baguettes and bottles of claret into France might seem even more absurd. But, due to the strength of the euro against the pound, hundreds of Britons living in France are now using the Internet to order their food, including many French specialties, from British supermarkets. ("Expat orders for British supermarket food surge on strength of euro", The Guardian, June 9, 2010).*

В первом проиллюстрированном примере сообщается о представителях ряда известных сообществ, правительственных организаций, прибывших на внеплановую встречу, на которой должны были обсудить ряд актуальных вопросов. Все перечисленные в статье люди были настолько известны во всем мире своей принадлежностью либо к элитному обществу (господин Ангус Огилви), либо к организации по охране окружающей среды (господин Эдвард Голдсмит), что добавленные в одежду аксессуаров с их стороны (черный галстук) и уточнения о прибывшем человеке (эколог) ведущим заседания были абсолютно излишни.

Во втором примере речь идет о невыгодных сделках, заключенных на правительственном уровне. Автор статьи наглядно подчеркивает нерентабельность предприятий, удачно включив в аргументацию широко известный фразеологизм. С помощью фразеологической единицы «*carry coals to Newcastle*» он отмечает, что подобное намерение со стороны уважаемых людей аналогично тому, что нужно везти нефть в Саудовскую Аравию, т. е. в страну с огромнейшими запасами природных ископаемых, самого активного игрока на рынке сбыта, либо уголь – в индустриальный город на северо-восточном побережье Англии, который в XIX в. был центральным местом по добыче этого черного золота. В третьем примере подчеркивается абсурдность решения импортировать такие продукты, как багет, вино «Бордо», во Францию из Англии, так как именно Франция – родина данных продуктов. Таким образом, можно сделать вывод о том, что как на уровне компетенции наблюдателя (в наших примерах это целевая аудитория), так и на уровне компетен-

ции говорящего (авторы газетных статей) осуществляется когнитивная категоризация. Именно эти два плана отождествляются в неделимом историческом образе, заключенном во фразеологизме, являясь пределом цельности протекания, становления и воплощения смысла реальной истории события. Однако если придерживаться теории известного мыслителя [10], миф не является историческим событием как таковым, но словом, в котором оно возводится до степени самосознания. Иными словами, «миф – есть в словах данная история» – ценнейшая категория человеческой мысли и познания, а фразеологизм, являясь носителем «сжатого» мифа, – одно из средств передачи этой истории. В разных контекстах употребления данного фразеологизма пропозициональные условия могут быть отличными друг от друга, но ведущая, воспроизводящаяся в мифе интенция «заниматься напрасным делом» (в проиллюстрированных примерах: лишние отличительные знаки, импортировать природные ресурсы или продукты питания страной, обладающей ими в достаточном количестве) будет сохраняться. Наблюдается очевидное свойство фразеологизма – сближать исторические горизонты. Фразеологическая единица «*carry coals to Newcastle*», образовавшаяся в мифологическом контексте с интенцией, указывающей на ненужность действий, оказывается уместной в проиллюстрированных выше ситуациях. Очевидно, что данную уместность создает дискурс, так как именно в нем мифология фразеологизма «*carry coals to Newcastle*» соединяется с мифологией коммуникации и культуры, стремясь к выражению общей интенции.

Думается, ответ на вопрос «Почему фразеологизмы являются одной из сложнейших проблем при переводе?» становится очевиден. Благодаря широкой семантической основе, дающей фразеологизму возможность соотноситься с разными денотатами или ситуациями, информативной емкостью, яркой образностью, семантической и функциональной компликативностью, индивидуальными случаями выражения коннотаций целесообразно при переводе учитывать безграничное множество категориальных системных свойств данных единиц.

В мире перевода существуют различные мнения о том, как следует правильно переводить текст с языка оригинала. Для одних переводчиков будет важно «перевыразить» выраженное автором оригинала, для других – переводить слова и стремиться передавать впечатления. Несмотря на различные точки зрения относительно способа передачи смысла и значения текста оригинала на язык перевода, все переводчики-профессионалы едины в том, что фразеологизм – это особая единица, в которой сгущена квинтэссенция богатой истории этноса, его традиций, что требует при работе над текстом, в который он инкорпорирован, не только лингвистических, но и экстралингвистических знаний самого лингвиста. Более того, для достижения адекватности переводимой сложной языковой единицы переводчику необходимо воспринимать окружающий мир так же, как и автор текста, мыслить категориями этого автора по той причине, что фразеологизмы, образованные и находящиеся в активном употреблении одного

этноса, – это внутренний мир и восприятие данного народа. Проникнуть в «смыслы» другой нации с абсолютной точностью достаточно сложно, так как само понятие смысла выражает труднокоммуницируемые пласты жизненного опыта.

Думается, проблема правильности трансляции фразеологизмов на другой язык не ограничена рамками понимания благодаря знанию мифического содержания данных единиц. Не меньшую трудность представляет собой сам факт «распознавания» и восприятия устойчивых сочетаний в тексте высказывания. Для подтверждения этой гипотезы приведем несколько примеров работ студентов Иркутского национального исследовательского технического университета (ИРНИТУ), обучающихся по программе «Переводчик», которым был предложен в качестве небольшого эксперимента отрывок из текста «*Comment on safe*» Оливера Сакса [11]. Подобный метод исследования был применен с целью проверки умения студентов – будущих переводчиков – распознавать фразеологизмы и максимально учитывать связанные с ними экстралингвистические знания для достижения адекватности перевода. Выбор аутентичного текста для перевода с инкорпорированными фразеологизмами был обусловлен задачами проводимого эксперимента, а именно: 1) определить уровень владения теоретическим материалом по разделу учебной программы «Фразеологические единицы в аспекте перевода»; 2) оценить умение студентов применять переводческие трансформации для достижения эквивалентности между текстом оригинала и текстом перевода.

In his perceptive book "A Leg To Stand On" Oliver Sacks describes how formal hospital ward rounds make patient – doctor communication virtually impossible. I have experienced this from both sides...

1. В своей пронизательной книге «Стоя на одной ноге» Оливер Сакс описывает, как формальные раунды больничных палат делают общение пациента с врачом практически невозможным. Я испытал это с обеих сторон...

2. В известной книге «Иметь почву под ногами» автор работы Оливер Сакс достаточно убедительно рассказывает о том, что плодотворный диалог «пациент-врач» невозможен. Автор убедился в этом на личном примере...

3. В выдающейся книге Оливера Сакса «Удержаться на ногах» автор приходит к важному выводу, что фактически при ежедневных обходах больных в палатах диалог «пациент-врач» не может состояться. Такое заключение автор сделал на основании собственного опыта, как в роли пациента, так и в роли врача...

В рамках данной статьи не приводятся переводы всех участников эксперимента, так как их работы либо совпадали по содержанию с вынесенными на рассмотрение вариантами, либо студент употребил трансформацию (опущение), и данный фрагмент не был переведен. Для нашего исследования важен перевод, прежде всего, названия книги «*A Leg To Stand On*», в которой, к большому сожалению, ни один из участников эксперимента не определил фразеологизм: *not*

to have a leg to stand on – не иметь шансов доказать что-либо. В связи с этим намеренное отражение автором знаний о работе медицинских учреждений в образной форме в целях художественного воздействия на адресата не было понято при переводе. И более того, привело к некачественному переводу отрывка в целом. Анализ полученных результатов проведенного эксперимента наглядно доказал правомерность гипотезы о том, что лишь малому проценту участников (3 студента из 11) удастся определить инкорпорированный фразеологизм и корректно применить необходимую трансформацию при переводе фрагмента текста. Думается, низкий процент восприятия данного устойчивого сочетания объясняется его редким употреблением. Широко известные и детально проработанные во время аудиторных и внеаудиторных занятий фразеологизмы, как правило, идентифицируются студентами и переводятся в рамках требований, предъявляемых для текстов подобного рода.

Можно привести множество примеров, подтверждающих мысль о том, что фразеологизм в тексте, будь то художественный или технический, – это не «проходные» слова, которые можно с легкостью исключить из перевода. Он есть уникальный миф, полный важной информации, «свернутой» или «закодированной» в минимальном количестве слов. Иными словами, фразеологизм – скрытый резерв языка. В мире нет ничего необоснованного, случайного. Не всем, но значительному большинству фразеологических единиц, прошедших все этапы становления, можно найти объяснение.

Однако миф функционировал не только в древности. Его роль в создании и моделировании образов активно используется в наши дни.

В связи с этим интересны для анализа примеры таких словосочетаний, как *egg and dart*, *butterfly roof*, *oil spill*, *the ports are very much on the ball*, *no play to admitted* и многие другие. Научные исследования в этом направлении являются на сегодняшний день чрезвычайно актуальными [12; 13]. Общепринято, что описание языковой и концептуальной картины в конкретной области знания с помощью профессиональной лексики – основная функция технического текста. Однако в научно-технических текстах употребляются фразеологизмы, которые принято воспринимать как экспрессивные единицы языка. Отсюда возникают вопросы о том, какую функцию выполняют данные сочетания в предложении и являются ли они фразеологизмами в нашем традиционном понимании. Ввиду сходства некоторых свободных сочетаний с фразеологизмом (*to join the majority* – присоединиться к большинству или отправиться к праотцам?) данные вопросы приобретают первостепенную важность для переводчика. Приведем ряд примеров устойчивых сочетаний, активно используемых в профессиональных сферах.

Egg and dart – дословный перевод с английского языка – «яйцо и стежка». Данное сочетание используется в области архитектуры и строительства. Оно обозначает форму дизайна в виде повторяющихся плоских рельефов овальной формы, перемежающихся точечной узкой резьбой в виде стежков. Галтели «ово-

ло» – классический дизайн в виде яйца – используется в архитектуре больше, чем другие стили. «Оволо» могут быть разделены и другими узкими элементами в форме, напоминающими наконечник якоря, стрелы, или язычка [14, p. 357].

Butterfly roof – дословный перевод – «крыша бабочки». В архитектуре оно означает крышу оригинальной конструкции, которая напоминает по виду и форме объекта порхающую бабочку [14, p. 157].

Oil spill – дословный перевод – «разлив нефти». В нефтегазовом производстве данное сочетание означает попадание нефти в окружающую среду в результате ошибочных действий человека: аварии на буровой установке или нефтяной платформе, выбросы вредных веществ от переработки сырой нефти, аварии танкеров. Однако, как отмечается в научном исследовании Е. Н. Димитриевой [12], у данного профессионального устойчивого сочетания появилось совершенно иное значение, а именно «выдать чей-то секрет с очень тяжелыми последствиями для того человека, тайна которого была раскрыта».

Проанализировав множество примеров подобного рода устойчивых сочетаний, можно сделать вывод, что активная фразеологизация в технических сферах связана с процессами синонимии, полисемии, с образованием метафорических и метонимических значений. Кроме того, в научно-техническом мире происходит интереснейшее явление «терминологизации» самих фразеологизмов. В этом процессе фразеологизм приобретает дополнительное значение и начинает функционировать как многокомпонентный термин. Как показывают лингвистические исследования, специфика выражения информации не препятствует фразеологизмам функционировать в качестве единиц номинаций специальных понятий в научно-технических текстах, в которых они репрезентируют области употребления или единичность автора высказывания. Таким образом, фразеологизм наряду с основными функциями: номинативной, когнитивной и коммуникативной – наделяется дополнительными функциями – функцией выделять информацию; аксиологической функцией; функцией хранения и передачи национально-культурных концептов и концептов профессионального знания; функцией заполнения понятийной лакуны; текстообразующей функцией, вербализованной в форме дискурсивных маркеров. Важным фактом является то, что устоявшийся фразеологизм также может перейти в разряд терминов. Установлены два основных направления: непосредственно термином становится сам общеупотребительный фразеологизм, например: *to drop out of the picture* – сход с маршрута, *the ports are very much on the ball* – соревнование между морскими портами, либо термин-фразеологизм детерминирован в общелитературной сфере и переходит в иную сферу, отличную от первой. Примерами подобного уникального явления служат следующие: *a shot in the locker* – оставшаяся возможность, *a man of war* – морской корабль, *no play to admitted* – люфт не допускается [13].

Экскурс в область фразеологизации терминов и терминологизации самих фразеологизмов был проведен

с целью более яркой демонстрации исключительной сложности работы переводчика над качественным переводом текста любого жанра с инкорпорированной в него фразеологической единицей.

Возможности достижения адекватного перевода фразеологизма зависят в основном от соотношения между единицами языка перевода и языка оригинала. При переводе устойчивых сочетаний, единиц с полностью или частично переосмысленным значением необходимо передать их смысл и отразить образность, подобрав аналогичное выражение в языке перевода и при этом сохранив стилистическую функцию фразеологизма. При отсутствии в языке перевода идентичного образа переводчик вынужден прибегать к поиску приблизительного соответствия. Приведем примеры использования фразеологизмов в контекстах с указанием определенного пути их перевода, что традиционно применяются на практике [15].

1. Перевод путем эквивалента с сохранением образа: *to blush to the roots of one's hair* (англ.) = краснеть до корней волос (до ушей), сильно смущаться (русс.) [16].

Marching on parade is hard work at the best of times, but when your entire family has turned up, half of them in uniform, and your granny's taking the salute, it must be a terminally uncool experience. There was little wonder that Prince Harry, 21, appeared to be blushing deep to the roots of his red hair as he took part in the passing out parade at the end of his training at Sandhurst Royal Military Academy yesterday. ("Prince Harry's passing out parade", The Guardian, April 12, 2006).

Маршировать на параде, даже в твои лучшие молодые годы, – тяжелая работа. Это становится вдвойне труднее, когда вся твоя семья, добрая половина из которых в обязательной парадной форме, а твоя бабушка отдает салют, наблюдая за церемониальным действием, – подобное участие становится незабываемым на всю жизнь. Не удивительно, что вчера 21-летний принц Гарри, принимавший участие в параде по случаю выпуска из Сандхерстской королевской военной академии, сильно смущался от волнения.

2. Перевод путем варианта / аналога с заменой образа, сохраняя семантическую близость: *to be born with a silver spoon in one's mouth* – родиться в сорочке (рубашке), везунчик [16].

...If Jago Eliot, who has died after suffering an epileptic fit aged 40, was born with a silver spoon in his mouth, his first instinct was to pluck it out and bend it. He was a sometime magician, lorry driver in Yugoslavia's wars, champion surfer, and a cyber artist... ("Jago Eliot", The Guardian, April 30, 2006).

Если бы Яго Элиот, который умер от перенесенного эпилептического припадка в возрасте 40 лет, родился бы более удачливым парнем, то однозначно у него сработал бы инстинкт самосохранения. Он когда-то творил чудеса, работал водителем грузовика в Югославии во время активных боевых действий, был чемпионом по серфингу и даже кибер-художником...

3. При отсутствии аналога и эквивалента – путем описательного перевода с использованием разнотильных синонимов, соответствующих по смыслу фразе-

ологизму: *to set fire to something* – поджечь, пуснуть красного петуха.

...The president is a 'pyromaniac': the week Trump set fire to the White House. What went wrong? Take your pick: healthcare, transgender ... Donald Trump began the week by turning a national scout jamboree into something resembling a youth rally... ("The president is a pyromaniac: the week Trump set fire to the White House" The Guardian, July 29, 2017).

...Президент – «провокаатор»: усилиями Трампа все недовольство обрушилось на Белый дом. Что пошло не так? Будь то: здравоохранение, трансгендеры... Дональд Трамп начал неделю с того, что превратил всенародный слет бойскаутов в нечто похожее на молодежное ралли...

4. Путем калькирования (дословного перевода), если образность легко воспринимается: *to put the cart before the horse* – поставить телегу впереди лошади [16].

...Blackford said setting a target date for a second referendum was putting the cart before the horse. We need to know what will happen with Brexit, what is going to be the outcome of the Brexit negotiations, but the second thing is we need to set out a vision of what kind of Scotland we expect to see... ("Sturgeon urged to delay Scottish independence vote until 2020s", The Guardian, October 7, 2017).

...Блэкфорд отметил, что наметать дату проведения второго референдума то же самое, что поставить телегу впереди лошади. Нам нужно знать, во-первых, что будет с Брекситом и какими будут результаты переговоров по нему, во-вторых, нам нужно определиться, какую Шотландию мы хотим видеть...

Основываясь на проиллюстрированных примерах перевода фразеологизмов в контекстах, становится очевидным, что проблема их перевода заключается либо в отсутствии аналога / варианта, так как они несут ярко выраженный национальный характер («пустить петуха» – пример № 3), либо в том, что ввиду многозначности и стилистической разноплановости одному выражению в языке оригинала соответствует несколько выражений в языке перевода («родиться в рубашке», «родиться под счастливой звездой», «родиться с серебряной ложкой во рту» – пример № 2; «смутиться» – пример № 1). Профессиональный переводчик в таких случаях часто прибегает к экспрессивно-стилистической адаптации, т. е. к изменению образной структуры высказывания, изменению, которое приводит к подбору иного образа, отличного от того, что заложен в основу одного из компонентов высказывания.

Как отмечалось выше, перевод фразеологизмов – один из самых трудных переводческих аспектов, прежде всего, по причине того, что делается попытка интерпретации того, что считается духовным наследием народа, частью его культуры. Однако реальный процесс перевода не ограничивается поиском эквивалентных языковых соответствий. Это сложный, многогранный процесс, который требует наличия огромного количества экстралингвистических знаний у профессионала, особенно в случаях, когда ему приходится работать с фразеологизмами. Предполагаемая информация, ко-

торая содержится в каждом фразеологизме, представлена особой организацией тесно связанных между собой слов, являя миру отличительный образ, обладающий универсальным значением, который хранится в памяти, воспринимается и понимается как миф. Миф – это легко воспринимаемый «пакет» когнитивной информации, который, выполняя существенную роль в функционировании естественного языка, обеспечивает связь текста на микро- и макроуровнях. Однако следует отметить, что миф, являясь высоко информативной единицей по содержанию, не является гносеологическим образом в его традиционном понимании для говорящего или слушающего. Исключением могут служить только те фразеологизмы, в состав которых включено имя собственное, так как именно имя, являясь символом, выполняет роль когнитивного центра [8]. Мифологическое знание, представленное в виде фразеологизма, имеет метафорическое образное редуцированное основание, сопровождаемое экспрессивной окраской. Отбор образов, впоследствии включенных в состав фразеологических единиц, происходит в большинстве случаев путем метафорических переносов на основе ассоциативных представлений и осуществляется на протяжении долгих веков. В тропическое основание фразеологизма, как правило, включаются квазисимволы, которые выполняют двойную функцию: реальное обозначаемое слово и слово, «замещающее» реальность. Категоризация протекает как герменевтическое «переживание» целостного события в терминах мифологического знания, которое представлено фразеологизмом. Возвращаясь к вопросу о трудностях перевода фразеологизмов, думается, выделение в них ядра и периферии не всегда будет являться залогом правильной интерпретации

и качественного перевода в силу разницы по структуре построения фразеологизмов и набору компонентов, входящих в их состав.

Несмотря на многочисленные исследования в области фразеологии, существующие классификации фразеологизмов и их способы перевода, можно с уверенностью сказать, что этот раздел теоретической лингвистики изобилует открытыми вопросами, решением которых будет активно заниматься не одно поколение лингвистов. В нашем исследовании была осуществлена попытка рассмотреть фразеологизм как носитель свернутого мифа. Думается, подобный подход к интерпретации фразеологических единиц поможет в трудном процессе работы над переводами текстов в случае включения в него данных единиц, так как будет учитываться экстралингвистическая информация, заключенная в мифе.

Выводы

1. Мир, который мы воспринимаем благодаря нашей интенции, есть мир мифический.
2. Мифологическое знание имеет метафорическое образное редуцированное основание, сопровождаемое экспрессивной окраской.
3. Фразеологизм в большинстве случаев является носителем «свернутого» мифа, повествующего о событиях в мире, не подлежащих верификации.
4. Традиционные способы перевода фразеологизмов: перевод путем эквивалента с сохранением образа, перевод путем варианта / аналога с заменой образа, сохраняя семантическую близость, путем описательного перевода с использованием разностильных синонимов, соответствующих по смыслу фразеологизму, путем калькирования.

Литература

1. Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. 312 с.
2. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. М.: Высшая школа, 1986. 336 с.
3. Добровольский Д. О., Караулов Ю. Н. Идиоматика в тезаурусе языковой личности // Вопросы языкознания. 1993. № 2. С. 5–15.
4. Телия В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
5. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997. 576 с.
6. Лосев А. Ф. Миф. Число. Сущность. М.: Мысль, 1994. 920 с.
7. Лосев А. Ф. Диалектика мифа. М.: Правда, 1990. С. 395–599.
8. Лосев А. Ф. Мифология греков и римлян. М.: Мысль, 1996. 976 с.
9. Kravchenko A. V. Language and mind: A bio-cognitive view // Memory, Mind and Language / ed. H. Gotzsche. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2009. P. 103–124.
10. Лосев А. Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М.: Искусство, 1995. 320 с.
11. Oliver Sacks. A Leg To Stand On. Режим доступа: <https://www.oliversacks.com/books-by-oliver-sacks/leg-stand/> (дата обращения: 26.01.2018).
12. Димитриева Е. Н. Процессы фразеологизации в английском научно-техническом тексте: дисс. канд. ... филол. наук. М., 2010. 248 с.
13. Башмакова И. С. Фразеологические единицы в аспекте перевода. Иркутск: ИРНИТУ, 2017. 154 с.
14. Harris Cyril M. Dictionary of architecture and construction. The McGraw-Hill Companies, Inc., 2006. 1088 p.
15. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
16. Кунин А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык, 1984. 944 с.

PHRASEOLOGICAL UNIT AS A COMPENDIOUS MYTH AGENT: TRANSLATION DIFFICULTIES

Irina S. Bashmakova¹, @

¹ Irkutsk National Research Technical University, 83, Lermontov St., Irkutsk, Russia, 664074

@ bis61@mail.ru

Received 01.02.2018. Accepted 04.05.2018.

Keywords: phraseological unit, fixed combination, translation peculiarities, compendious myth, difficulties of translation, ways of translation.

Abstract: The current research features phraseological units and the role of myth in the formation of fixed combinations. By positioning phraseology as a “compendious” myth, the author points out that it is extremely difficult to interpret these speech units because of the discursive information hidden in their semantics. It is noted that the specificity of phraseological units is determined not by formal, but by content characteristics. The article describes the most effective ways of translation of phraseological units. The research owes its topicality to the fact that phraseological units are common in different genres, which leads to problem of their adequate translation. The novelty of the article is in the approach to the phraseological interpretation of units, which are considered in this paper as agents of a “compendious” myth. The theoretical significance and practical value are based on the fact that such an interpretation promotes a deeper understanding and, therefore, an adequate translation of phraseological units into another language. The research methods are: method of phraseological identification, comparison, analysis, experiment.

For citation: Bashmakova I. S. Frazеologizm kak nositel' svernutogo mifa. Trudnosti perevoda [Phraseological Unit as a Compendious Myth Agent: Translation Difficulties]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2018): 148–154. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-148-154>.

References

1. Vinogradov V. V. *Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografiya* [Selected works. Lexicology and lexicography]. Moscow: Nauka, 1977, 312.
2. Kunin A. V. *Kurs frazeologii sovremennogo angliiskogo iazyka* [Course of phraseology of modern English]. Moscow: Vysshaya shkola, 1986, 336.
3. Dobrovolskii D. O., Karaulov Iu. N. Idiomatika v tezauruse iazykovoi lichnosti [Idiomatics in the thesaurus of the language personality]. *Voprosy iazykoznanii = Questions of linguistics*, no. 2 (1993): 5–15.
4. Teliia V. N. *Russkaia frazeologiya. Semanticheskii, pragmaticheskii i lingvokul'turologicheskii aspekty* [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguocultural aspects]. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury, 1996, 288.
5. Bulygina T. V., Shmelev A. D. *Iazykovaia kontseptualizatsiia mira (na materiale russkoi grammatiki)* [Language conceptualization of the world (on the basis of Russian grammar)]. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury, 1997, 576.
6. Losev A. F. *Mif. Chislo. Sushchnost'* [Myth. Number. Essence]. Moscow: Mysl', 1994, 920.
7. Losev A. F. *Dialektika mifa* [Dialectics of myth]. Moscow: Pravda, 1990, 395–599.
8. Losev A. F. *Mifologiya grekov i rimlian* [Mythology of the Greeks and Romans]. Moscow: Mysl', 1996, 976.
9. Kravchenko A. V. *Language and mind: A bio-cognitive view. Memory, Mind and Language*. Ed. H. Gotzsche. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2009, 103–124.
10. Losev A. F. *Problema simvola i realisticheskoe iskusstvo* [The problem of the symbol and realistic art]. Moscow: Iskusstvo, 1995, 368.
11. Oliver Sacks. *A Leg To Stand On*. Available at: <https://www.oliversacks.com/books-by-oliver-sacks/leg-stand/> (accessed 26.01.2018).
12. Dimitrieva E. N. *Protsessy frazeologizatsii v angliiskom nauchno-tekhnicheskome tekste*. Diss. kand. filol.nauk [Review of the process of phraseologization in English scientific-technical text. Cand. Philol. Sci. Diss.]. Moscow, 2010, 248.
13. Bashmakova I. S. *Frazeologicheskie edinit'sy v aspekte perevoda* [Phraseological units in the aspect of translation]. Irkutsk: IRNITU, 2017, 154.
14. Harris Cyril M. *Dictionary of architecture and construction*. The McGraw-Hill Companies, Inc., 2006, 1088.
15. Komissarov V. N. *Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty)* [The translation theory (linguistic aspects)]. Moscow: Vysshaya shkola, 1990, 253.
16. Kunin A. V. *Bol'shoi anglo-russkii frazeologicheskii slovar'* [Large English-Russian phraseological dictionary]. Moscow: Russkii iazyk, 1984, 944.

УДК 811.111; 811.161.1

РОЛЬ СТИЛИСТИЧЕСКОГО ДИССОНАНСА В ПЕРЕВОДЕ А. Ю. ФРОЛОВОЙ НА РУССКИЙ ЯЗЫК РОМАНА ДЖ. ОСТИН "SENSE AND SENSIBILITY". ЧАСТЬ 1**Татьяна В. Бобылева**¹ ¹ Новосибирский государственный университет, 630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 1
@tanvob2018@gmail.com

Поступила в редакцию 14.03.2018. Принята к печати 03.05.2018.

Ключевые слова: английский язык, Джейн Остин, лексика, перевод, русский язык, стилистический диссонанс.**Аннотация:** Актуальность изучения новых переводов классических произведений художественной литературы обусловлена возрастающим интересом в современном языкознании к феномену повторного перевода. Целью данного исследования является анализ целесообразности стилистического диссонанса в переводе романа Дж. Остин "Sense and Sensibility" на русский язык, выполненном А. Ю. Фроловой – «Разум и чувство» (2013). Под стилистическим диссонансом в данной работе понимается сочетание в тексте перевода различных стилей лексики: книжных (устаревших и др.) и разговорных лексем, анахронизмов и анахроничных выражений. Выявлены следующие категории проявлений стилистического диссонанса: 1) передача (или добавление) комических эффектов и иронии; 2) адаптация текста под предпочтения современной аудитории; 3) недочёты при переводе и редактировании. Последняя категория состоит из 3 подкатегорий и будет рассмотрена нами в следующей статье. Проведённый анализ является частью дальнейшего исследования, посвящённого изучению лингвистических особенностей переводов романа "Sense and Sensibility" на русский и французский языки.**Для цитирования:** Бобылева Т. В. Роль стилистического диссонанса в переводе А. Ю. Фроловой на русский язык романа Дж. Остин "Sense and sensibility". Часть 1 // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 2. С. 155–161. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-155-161>.**Введение**

Целью нашего исследования в данной статье является анализ целесообразности стилистического диссонанса в переводе романа Дж. Остин "Sense and Sensibility" на русский язык, выполненном А. Ю. Фроловой – «Разум и чувство» (2013). (Прим. автора – во всех отрывках мы приводим авторскую пунктуацию предложений А. Ю. Фроловой без изменений). Ранее данный роман уже был переведён на русский язык представителем советской школы художественного перевода И. Г. Гуровой («Чувство и чувствительность», 1988).

Актуальность изучения повторных переводов

Актуальность изучения новых переводов классических произведений мировой художественной литературы обусловлена возрастающим интересом современных исследователей к феномену повторного перевода. Практика повторного перевода почти так же стара в мировой культуре, как и практика «первичного» перевода. (В качестве примера можно привести повторные переводы Священного Писания на многие языки мира в различные исторические периоды: Вульгата (лат. "Biblia Vulgata" – «Общепринятая Библия») Св. Иеронима, восходящая к IV–V вв. и созданная по заказу Папы Римского Дамасия I, была повторным переводом Библии на латинский язык после ее более старых переводов, известных как "Vetus Latina"). Однако разработкой теоретических положений о причи-

нах, сущности и характеристиках феномена повторного перевода наука занялась сравнительно недавно. Начиная с 2000-х гг. по настоящее время данная проблематика активно рассматривается целым рядом зарубежных исследователей – И. Гамбье (публикации И. Гамбье (1994, 2012) принадлежат к обеим «волнам» (1990-м и 2000/2010-м гг.) исследований в области повторного перевода), И. Колломба, А. Бриссе, Т. Маттосом, Э. Монти и др., а также становится предметом обсуждения на международных научных конференциях. Большинство исследователей дополняют или корректируют теоретические изыскания, изложенные в 1990 г. самым заметным из первооткрывателей данной проблематики А. Берманом в научной публикации "La retraduction comme espace de la traduction". Следует отметить, что весь 4-й номер (1990) французского научного издания Palimpsestes, в котором вышла публикация А. Бермана "La retraduction comme espace de la traduction", был посвящён тематике повторного перевода. В нём были представлены научные публикации А. Топиа, Л. Родригес, М. Грессе и некоторых других исследователей, занимавшихся данной проблематикой. При этом различные гипотезы о феномене повторного перевода часто иллюстрируются практическим изучением нескольких переводов одного и того же произведения на конкретный язык.

Именно актуальностью данного направления исследований обусловлен наш интерес к изучению лингвистических особенностей нового перевода романа

Дж. Остин "Sense and Sensibility" на русский язык, выполненный А. Ю. Фроловой.

Причины возникновения повторного перевода

Ниже мы попытаемся выявить причины создания перевода А. Ю. Фроловой, а именно почему появляется необходимость повторного перевода какого-либо произведения на определённый язык. Приведём список возможных причин, которые обобщил на основе современных исследований, а также собственной точки зрения Т. Маттос [1]:

1) непригодность предыдущих переводов, адаптировавших произведение под культуру языка перевода. Речь идёт о возвращении в новом переводе к стилю оригинала, чтобы выявить и показать его лингвистическую и стилистическую специфику;

2) необходимость перевести сам оригинал (в случае, если более ранние переводы создавались на основе переводов произведения на другие языки);

3) устаревание предыдущих переводов. Здесь необходимо учитывать, что со временем меняется и восприятие самого текста оригинала;

4) эволюция технологий и инструментов перевода. Современный переводчик имеет в своём распоряжении различные программы, базы данных, справочники, средства автоматической коррекции;

5) необходимость переосмыслить статус автора или его текста в культуре страны языка перевода;

6) неосведомлённость переводчика о существовании предыдущего перевода или отсутствие доступа к нему;

7) определённые издательские требования или коммерческие заказы;

8) наличие иного прочтения / толкования данного текста.

Отметим, что более ранний перевод романа Дж. Остин "Sense and Sensibility" на русский язык «Чувство и чувствительность» 1988 г., выполненный И. Г. Гуровой, также входит в рамки нашего (более широкого) исследования. В нём отразились традиции советской школы художественного перевода, считавшейся в своё время одной из лучших в мире. Начиная с 1950-х гг. одним из главных принципов советской школы художественного перевода (помимо идеологически обусловленной специфики) была техника «осваивающего», «одомашнивающего» перевода, лишаящего текст инородных элементов и рассчитанного на максимально широкую аудиторию [2]. Стиль советских переводов в большинстве случаев был очень «плавным» и не содержал неожиданных для читателя оборотов или лексических средств. Однако за последние десятилетия в российских переводческих традициях произошла смена парадигмы. Теперь «современного переводчика не ограничивают практически никакие рамки, он может использовать любые языковые средства, чтобы передать настроение и дух переводимого произведения» [3, с. 64]. Кроме того, в наше время переводчик нередко стремится создать современный, интересный и динамичный текст, который будет пользоваться успехом у широкой аудитории. При этом большая часть аудитории (особенно это касается молодёжи) привыкла к ярким и динамичным впечатле-

ниям, так как её вкусы (а иногда и жизненные ценности) часто формируются под влиянием современной медиакультуры. Потребности и запросы аудитории привлекают потенциальной коммерческой выгодой современные издательства, которые заказывают новые (адаптированные для современного читателя) переводы классических произведений мировой художественной литературы. Именно сменой парадигмы в традициях художественного перевода (от канонов советской школы к практически полной свободе выражения) и потребностью в потенциально окупаемых современных, ярких и динамичных текстах обусловлено, на наш взгляд, появление романа Дж. Остин "Sense and Sensibility" в переводе А. Ю. Фроловой.

Ещё одной важной причиной могло быть желание раскрыть на русском языке стиль оригинала. Согласно теории А. Бермана, повторный перевод может характеризоваться стремлением переводчика вернуться к стилю автора (и чертам иностранной культуры) потому, что самый первый перевод, как правило, адаптирует произведение под культуру страны языка перевода [1]. Более ранний перевод И. Г. Гуровой, принадлежащий к советской школе, можно рассматривать именно как образец «осваивающего» перевода, после которого мог возникнуть новый интерес к тексту оригинала.

Для художественных текстов (в отличие от нехудожественных, например исторических или научных работ) недавняя эволюция технологий, значительно увеличивающих (по сравнению с советским периодом) скорость работы переводчика, может послужить скорее вспомогательным фактором, а не одной из основных причин. Предположение о том, что А. Ю. Фролова могла не знать о существовании более раннего перевода, представляется нам маловероятным, так как А. Ю. Фролова заимствовала ряд формулировок И. Г. Гуровой. Это проявляется либо в дословной идентичности отдельных частей некоторых предложений в обоих переводах (например, «Элинора тоже горевала всем сердцем...», «...поддерживали друг в друге бурную печаль...» и др.), либо очень близкой лексике в ряде случаев.

Стилистический диссонанс в переводе А. Ю. Фроловой

Под стилистическим диссонансом в данном исследовании мы понимаем сочетание в одном и том же произведении лексем и словосочетаний с контрастной стилистической окраской. Многочисленные проявления стилистического диссонанса в данном тексте можно рассматривать с различных точек зрения. Приведем примеры некоторых из них:

1) стили, к которым принадлежит используемая лексика;

2) одновременная ориентация на исходный язык (ИЯ) и переводящий язык (ПЯ) (использование в одном и том же тексте лексем «сударыня» / «мадам», «барышни» / «юные леди» и др.);

3) тропы (в частности присутствие нецелесообразных дисфемизмов);

4) формы обращения (обращение персонажа к матери на «ты» в начале произведения и затем переход

на «Вы» с целью выдержать стиль этических норм дворянской жизни) и др.

В данной работе мы рассмотрим стилистический диссонанс с точки зрения стилей используемой лексики: разговорных лексем, просторечий, современной лексики (анахронизмов и анахроничных словосочетаний). Проявления стилистического диссонанса с других точек зрения мы рассмотрим позже.

Следует отметить, что стилистический диссонанс наблюдается как при сопоставлении ИЯ-ПЯ, так и на внутритекстовом (ПЯ) уровне. Наш интерес направлен как на «внешний» аспект стилистического диссонанса, так и на внутритекстовый. Перевод А. Ю. Фроловой может не доносить до русскоязычной аудитории стиль оригинального произведения в полной мере. Однако при этом мы допускаем, что строгое следование стилю оригинала могло не входить в задачи переводчика. Как мы указали выше, одной из возможных мотиваций А. Ю. Фроловой могло быть желание показать собственную интерпретацию и видение романа.

Классификация проявлений стилистического диссонанса с точки зрения стилей используемой лексики

Для перевода А. Ю. Фроловой характерно одновременное использование книжной (в том числе устаревшей, поэтической, высокой) лексики и разговорных лексем, просторечий, современной лексики, в том числе анахронизмов и анахроничных словосочетаний. Книжная лексика («тотчас», «кров», «кончина», «стоить» и т.д.) выполняет функцию сохранения и адекватной передачи атмосферы, характерной для хронотопа романа, повествующего о жизни дворянского сословия джентри в Англии конца XVIII – начала XIX вв. Поэтическая («грезь», «лелеять») и высокая («воистину», «утрата») лексика добавляет стилистические оттенки, свойственные сентиментализму – течению, характерному для литературы и искусства той эпохи.

Исходя из их роли в тексте, выявленные проявления стилистического диссонанса были разделены нами на категории согласно следующей классификации:

1) передача (или добавление) комических эффектов и иронии, характерной для авторского стиля Дж. Остин. Эту функцию выполняет сочетание книжных / устаревших лексем с современной, разговорной или просторечной лексикой;

2) адаптация текста под предпочтения современной аудитории: современная и разговорная лексика с относительно умеренной (неявной) степенью стилистического диссонанса;

3) недочёты при переводе и редактировании:

- очевидные анахронизмы и анахроничные словосочетания;
- искажение образов персонажей, вызванное использованием современной и разговорной лексики;
- нецелесообразное снижение стилистической окраски исходных авторских лексем (при создании классификации с точки зрения тропов мы будем идентифицировать аналогичный пункт как дисфемизмы).

Ниже с помощью конкретных примеров мы рассмотрим первые две категории данной классификации, к которым относится целесообразное использование переводчиком стилистического диссонанса. Третью категорию (недочёты при переводе и редактировании) мы рассмотрим в следующей статье. С целью доказать анахроничность отдельных лексем, их отдельных значений или словосочетаний мы будем пользоваться данными Национального корпуса русского языка (НКРЯ), выбрав для своего анализа совокупность художественных текстов, созданных с 1750 по 1850 гг. (объём выбранного нами подкорпуса составляет 802 документа, 586834 предложения, 7201041 слово), чтобы охватить эпоху жизни и творчества Дж. Остин (1775–1817) [4]. В корпусе к данному периоду относятся произведения классической литературы, близкие по хронотопу произведениям Дж. Остин и раскрывающие лексические особенности повествований той эпохи на русском языке. Наиболее выдающимися из них являются произведения великих русских классиков о дворянской жизни: А. С. Пушкина («Барышня-крестьянка», «Дубровский», «Метель» и др.), М. Ю. Лермонтова («Герой нашего времени»), Н. М. Карамзина («Бедная Лиза») и др. В подкорпус входят художественные произведения и на другие темы (не жизнь дворян), однако в них также отражены лексические особенности русского языка той эпохи, что способствует выявлению анахронизмов.

Передача (или добавление) комических эффектов и иронии

Стилистический контраст в переводе А. Ю. Фроловой становится инструментом для передачи (или добавления) комических эффектов и иронии в образах персонажей, в описании их действий или в прямой речи. В качестве примеров передачи нюансов юмора можно привести разговорную лексику в речи тех персонажей, чьи манеры отличаются скорее добротой, чем светским лоском: например, Джон Уиллоби «отличный парень» по мнению простодушного сэра Мидлтона (гл. 9). В качестве примеров добавления иронии можно привести использование книжной и высокой лексики при описании действий высокомерного персонажа, показывающей как много значения он придаёт своим поступкам и т.д.

В таблице 1 мы рассмотрим наиболее очевидные случаи проявлений стилистического диссонанса данной категории.

Пример 1.1. В гл. 19 переводчица попыталась показать спешку миссис Дженнингс в комическом ключе. В сочетании разговорной лексики «выложить» и анахронизма (0 вхождений по художественным текстам 1750–1850 гг. НКРЯ) «информация» предполагается приём стилизации с целью добавления комического эффекта в образ персонажа, о котором идёт речь – миссис Дженнингс, разговорчивой и жизнерадостной пожилой дамы, которая не любит светских церемоний. Разговорные лексемы допустимы для передачи личности и характера миссис Дженнингс.

Таблица 1. Передача (или добавление) комических эффектов и иронии

Table 1. Reflection (or adding) of comic effects and irony

№	Оригинал Дж. Остин	Перевод А. Ю. Фроловой
1.1	They were now joined by Mrs. Jennings, who had not patience enough to wait till the door was opened before she told her story. She came hallooing to the window...	Тут к ним подошла миссис Дженнингс, которой не хватило терпения дожидаться, когда ей откроют дверь. Ей не терпелось выложить всю имеющуюся у нее информацию, поэтому она заговорила, даже не подойдя к окну.
1.2	...Mrs. Jennings, who read it aloud with many comments of satisfaction and praise.	Та читала письмо медленно, вслух и сопровождала сей процесс множеством замечаний.
1.3	After a proper resistance on the part of Mrs. Ferrars, just so violent and so steady as to preserve her from that reproach which she always seemed fearful of incurring, the reproach of being too amiable, Edward was admitted to her presence, and pronounced to be again her son.	После надлежащего сопротивления миссис Феррарс, которое было достаточно долгим и упорным, чтобы никто не смог упрекнуть ее в мягкосердечии, чего она боялась больше всего на свете, она милостиво согласилась, чтобы Эдвард был допущен пред ее очи и снова объявлен сыном.

Пример 1.2. В гл. 38 миссис Дженнингс читает письмо от Люси Стил. В следующем абзаце романа Дж. Остин показывает доверчивость миссис Дженнингс в комическом ключе с помощью прямой речи. В ней пожилая дама искренне восхищается манерой изложения, в которой, по ее мнению, нашли свое отражение доброта и прочие достоинства (коварной по сюжету романа) Люси Стил. В переводе на русский язык А. Ю. Фролова решила добавить смысловой оттенок иронии не только в последующую прямую речь, но и в само описание момента чтения. Лексема «сей» принадлежит к устаревшей лексике и нередко используется также в ироничном значении. Нюанс иронии усиливается в результате сочетания данной устаревшей лексики со стилистически нейтральной лексемой «процесс» («сей процесс») как нечто важное для миссис Дженнингс, хотя автор письма не заслуживал её доверия). На первый взгляд, может показаться, что лексема *процесс* анахронична в русском языке по отношению к хронотопу романа. Однако при поиске среди художественных текстов НКРЯ 1750–1850 гг. она встречается 85 раз в 46 документах.

Пример 1.3. Устаревшее выражение «пред ее очи» (гл. 50) выделяется среди относительно нейтральной стилистически лексики и используется переводчиком

в ироничном смысле, чтобы показать, как высокомерная миссис Феррарс вынуждает остальных считаться со своими решениями, придавая слишком много важности своим поступкам и репутации.

В числе других примеров можно отметить разговорные выражения, отражающие на русском языке нюансы юмора в прямой речи разгневанной миссис Дженнингс в гл. 30 «чтобы ему жена устроила веселую жизнь» (при передаче *his wife may plague his heart out*), «устрою ему такой разнос» (при передаче *I will give him such a dressing*) и др.

Адаптация текста под предпочтения современной аудитории

В качестве одного из наиболее очевидных примеров проявлений стилистического диссонанса данной категории можно выделить использование А. Ю. Фроловой наречного выражения «как минимум», которое в современном русском языке является стилистически нейтральным. Однако для повествований XVIII–XIX вв. его использование не характерно – по художественным текстам на русском языке 1750–1850 гг. в НКРЯ не было обнаружено ни одного вхождения этого наречного выражения (таблица 2).

Таблица 2. Адаптация текста под предпочтения современной аудитории

Table 2. Adaptation of the novel to the modern audience's preferences

№	Оригинал Дж. Остин	Перевод А. Ю. Фроловой
2.1	"Perhaps," said Marianne, "I may consider it with some surprise".	«Скажем так, – ответила Марианна, – он меня несколько удивляет».
2.2	"Edward is very amiable, and I love him tenderly. But yet – he is not the kind of young man – there is a something wanting..."	«Эдвард, безусловно, очень приятный молодой человек, но он совсем не принц».
2.3	A more reasonable cause might be found in the dependent situation which forbade the indulgence of his affection.	Скорее всего, истинная причина крылась в его зависимом состоянии, которое не давало ему распахнуть объятия любимой девушке.

Носителем русского языка интуитивно ощущаются и другие неявные (и поэтому в целом допустимые и целесообразные) анахронизмы в повествовании о жизни дворян конца XVIII–XIX вв.

Пример 2.1. В гл. 3 Марианна по просьбе матери делится с ней своими впечатлениями о привязанности Элинора к Эдварду. На наш взгляд, стилистическое выражение «скажем так» скорее ближе к разговорной речи современной девушки, что подтверждается отсутствием выражения «скажем так» в художественных текстах НКРЯ 1750–1850 гг.

Пример 2.2. В этом же монологе Марианны можно отметить случай анахроничного использования не самой лексемы в целом, а отдельного её значения. В переводе мы видим отсылку к метафорическому образу принца как идеального возлюбленного. В качестве архетипа идеального избранника метафоры «принц», «прекрасный принц», «принц на белом коне» стали очень распространенными (и иногда ироничными) клише и даже штампами в современном русском языке. Анахроничность метафор «прекрасный принц» и «принц на белом коне» подтверждается их отсутствием в художественных текстах НКРЯ 1750–1850 гг., в то время как лексема «принц» присутствует лишь в своём первом значении (как титул, а не метафора идеального возлюбленного).

Пример 2.3. Использование выражения «распахнуть объятия» в сочетании с дополнением «любимой девушке» в значении начала романтических отношений является анахроничным для хронотопа романа. Анахроничность заключается в том, что переносное значение (начало отношений) воспринимается читателем неразрывно от буквального значения (физические объятия), что приводит к стилистическому диссонансу, так как не отражает достаточно строгие (с современной точки зрения) нравственные устои дворянского сословия джентри: постепенное знакомство, сдержанное поведение во время помолвки и т. д. В художественных текстах НКРЯ 1750–1850 гг. выражение «распахнуть объятия» в переносном значении встречается лишь 1 раз (как доброе отношение к людям в целом), что подтверждает анахроничность использованного А. Ю. Фроловой выражения. Однако выражение «распахнуть объятия любимой девушке» органично вписывается в картину мира современной (особенно молодежной) аудитории.

На протяжении всего романа в переводе А. Ю. Фроловой встречаются лексемы с иностранными корнями, использованные в анахроничных для хронотопа романа словосочетаниях, отсутствующих в художественных текстах НКРЯ 1750–1850 гг.: «формировать своё мнение», «сформировалось глубокое чувство», «душевных травм», «под напором ее аргументов», «бьющий через край энтузиазм», «экскурсия не могла состояться», «шокированная этим вопросом», «глобальное изменение погоды» и т. д. Вероятно, они были использованы переводчицей с целью адаптации текста под вкусы, предпочтения и картину мира современной российской аудитории. Отметим, что полностью устранить данные проявления (неявного и поэтому вполне допустимого) стилистического диссонанса можно было бы с помощью эквивалентов, имеющих русские корни: «составлять своё мнение», «возникло глубокое чувство», «душевных ран», «под натиском ее доводов», «небывалое воодушевление», «прогулка не могла состояться», «поражённая этим вопросом», «резкое изменение погоды» и др.

Выводы

В данной статье мы рассмотрели примеры целесообразного использования А. Ю. Фроловой стилистического диссонанса (сочетания различных стилей лексики) как переводческого приема при переводе романа Дж. Остин "Sense and Sensibility" на русский язык. Он служит для передачи или добавления нюансов юмора и иронии, а также для адаптации повествования под предпочтения и картину мира современной аудитории (см. соответственно 1-ю и 2-ю категории нашей классификации выше).

В следующей статье мы рассмотрим примеры нецелесообразного использования стилистического диссонанса в данном переводе романа – недочеты при переводе и редактировании (выше мы отнесли их к 3-й категории нашей классификации). К ним относятся очевидные анахронизмы и анахроничные словосочетания (характерные для ранних глав, где переводчица формировала свой стиль), искажение образов персонажей, нецелесообразное снижение стилистической окраски исходных авторских лексем.

Данный анализ является частью нашего (более широкого) исследования, посвящённого изучению лингвистических особенностей переводов романа "Sense and Sensibility" на русский и французский языки.

Литература

1. Mattos T. Définir et redéfinir la retraduction: d'Antoine Berman jusqu'à présent. Atelier de traduction. 2015. № 23. P. 41–51.
2. Азов А. К истории теории перевода в Советском Союзе. Проблема реалистического перевода // Логос. 2012. № 3. С. 131–152. Режим доступа: http://www.logosjournal.ru/arch/22/art_163.pdf (дата обращения: 20.02.2018).
3. Матвеева Е. О. Художественный перевод в России: История и современность // Молодежный научный форум: Гуманитарные науки: электронный сборник статей по материалам VI студенческой международной заочной научно-практической конференции. М., 2013. № 6. Режим доступа: [https://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/6\(6\).pdf](https://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/6(6).pdf) (дата обращения: 20.02.2018).
4. Национальный корпус русского языка (НКРЯ). Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 20.02.2018).
5. Austen J. Sense and Sensibility. Penguin Books, 2014. 381 p.

6. Остин Дж. Разум и чувство: роман / пер. с англ. А. Ю. Фроловой. М.: Центрполиграф, 2013. 445 с.
7. Berman A. La retraduction comme espace de la traduction. *Palimpsestes*. 1990. № 4. Режим доступа: <http://palimpsestes.revues.org/596> (дата обращения: 20.02.2018).
8. Gambier Y. La retraduction, ambiguïtés et défis // *Autour de la retraduction. Perspectives littéraires européennes, sous la direction d'Enrico Monti et Peter Schneyder*. Paris: Orizons, 2011. P. 49–66.
9. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. Режим доступа: <http://www.efremova.info/> (дата обращения: 20.02.2018).
10. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М: Астрель: АСТ, 2008. 828 с.
11. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ, 1992. 955 с.

THE ROLE OF STYLISTIC DISSONANCE IN THE RUSSIAN TRANSLATION OF J. AUSTEN'S NOVEL "SENSE AND SENSIBILITY" BY ALLA Y. FROLOVA. PART 1

Tatyana V. Bobyleva¹ ¹

¹ Novosibirsk State University, 1, Pirogov St., Novosibirsk, Russia, 630090

@tanvbob2018@gmail.com

Received 14.03.2018. Accepted 03.05.2018.

Keywords: English, Jane Austen, Russian, Sense and Sensibility, stylistic dissonance, translation, vocabulary.

Abstract: Studying new translations of the classic literature is important due to the growing interest for the phenomenon of re-translation in modern linguistics. The purpose of the study is to analyze the relevance of stylistic dissonance phenomena in the Russian translation of "Sense and Sensibility", published in 2013 – «Разум и чувство» (pronounced as [razum i chuvstvo], which means "Reason and feeling"). The stylistic dissonance is regarded in the paper as the combination of different styles of vocabulary: literary words (poetic, obsolete, etc.), colloquialisms, anachronisms and anachronistic expressions. The following categories of the stylistic dissonance phenomena are revealed: 1) reflection (or creation) of comic effects and irony; 2) adaptation of the novel to the modern audience's language picture of the world, tastes and preferences; 3) imperfections of translation and editing. The 3rd category and its 3 subcategories will be examined in the next article. The analysis is a part of a larger research based on studying the full-text translations of J. Austen's novel *Sense and Sensibility* written by Russian and French authors.

For citation: Bobyleva T. V. Rol' stilisticheskogo dissonansa v perevode A. Yu. Frolovoi na russkii iazyk romana Dzh. Ostina "Sense and sensibility". Chast' 1 [The Role of Stylistic Dissonance in the Russian Translation of J. Austen's Novel "Sense and Sensibility" by Alla Y. Frolova. Part 1]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2018): 155–161. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-155-161>.

References

1. Mattos T. Définir et redéfinir la retraduction: d'Antoine Berman jusqu'à présent. *Atelier de traduction*, no. 23 (2015): 41–51.
2. Azov A. K istorii teorii perevoda v Sovetskom Soiuze. Problema realisticheskogo perevoda [From the history of the theory of translation in the USSR. The problem of realist translation]. *Logos = Logos*, no. 3 (2012): 131–152. Available at: http://www.logosjournal.ru/arch/22/art_163.pdf (accessed 20.02.2018).
3. Matveeva E. O. Khudozhestvennyi perevod v Rossii: Istoriia i sovremennost' [Literary translation in Russia: History and modern time]. *Molodezhnyi nauchnyi forum: Gumanitarnye nauki: elektronnyi sbornik statei po materialam VI studencheskoi mezhdunarodnoi zaochnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Bulletin of the international science forum for students "The Humanities"]. Moscow, no. 6 (2013). Available at: [https://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/6\(6\).pdf](https://nauchforum.ru/archive/MNF_humanities/6(6).pdf) (accessed 20.02.2018).
4. *Natsional'nyi korpus russkogo iazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru/> (accessed 20.02.2018).
5. Austen J. *Sense and Sensibility*. Penguin Books, 2014, 381.
6. Ostin Dzh. *Razum i chuvstvo* [Sense and Sensibility]. Transl. Frolova A. Yu. Moscow: Tsentrpoligraf, 2013, 445.
7. Berman A. La retraduction comme espace de la traduction. *Palimpsestes*, no. 4 (1990). Available at: <http://palimpsestes.revues.org/596> (accessed 20.02.2018).
8. Gambier Y. La retraduction, ambiguïtés et défis. *Autour de la retraduction. Perspectives littéraires européennes, sous la direction d'Enrico Monti et Peter Schneyder*. Paris: Orizons, 2011, 49–66.

9. Efremova T. F. *Novyi slovar' russkogo iazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi* [Explanatory Dictionary of Word Structure in the Russian Language]. Moscow: Russkii iazyk, 2000. Available at: <http://www.efremova.info/> (accessed 20.02.2018).

10. Fedorov A. I. *Frazeologicheskii slovar' russkogo literaturnogo iazyka* [Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language]. Moscow: Astrel': AST, 2008, 828.

11. Ozhegov S. I., Shvedova N. Iu. *Tolkovyj slovar' russkogo iazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Az", 1992, 955.

УДК 81'42

ТЕКСТОВОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ: ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Татьяна Д. Богачанова¹ I. @

¹ Новосибирский государственный медицинский университет, 630091, Россия, г. Новосибирск,
Красный проспект, 52

@besserde4naya@mail.ru

Поступила в редакцию 08.12.2017. Принята к печати 16.04.2018.

Ключевые слова: языковая личность, метаязыковое сознание, порождение текста, восприятие текста, типология языковой личности, метапоказатели, лингвистические факторы, экстралингвистические факторы.

Аннотация: Анализ вторичных текстов, полученных в результате проведения лингвистического эксперимента, позволил создать классификацию степеней проявленности метаязыкового сознания и соотнести их с тенденциями к персонализации и деперсонализации. Благодаря классификации степеней проявленности метаязыкового сознания, метапоказателей, лингвистических и экстралингвистических факторов становится возможным обратиться к созданию типологии языковой личности, базирующейся на тенденциях к персонализации и деперсонализации и способе получения текста, а именно текстопорождении и текстовосприятии. Цель данной статьи – рассмотреть способ построения новой классификации типов языковой личности на основании двух критериев: степеней проявленности метаязыкового сознания и способе получения текста, порождения или восприятия текста. В ходе анализа материала было установлено, что типы языковой личности делятся на две группы в зависимости от однозначного или вариативного типа языковой личности в тексте, установленного при текстовосприятии. Данная статья представляет результаты анализа текстов типов языковой личности, относящихся к однозначному типу.

Для цитирования: Богачанова Т. Д. Текстовое проявление особенностей языковой личности: типологический аспект // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 2. С. 162–169. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-162-169>.

Современное изучение текста позволяет обозначить новый комплексный подход к рассмотрению субъекта, его порождающего, т. е. автора. Изучением особенностей создателя текста занимается новая наука о языковой личности (далее ЯЛ) лингвоперсонология [1], обозначенная в трудах Г. И. Богина [2; 3], Ю. Н. Караулова [4], В. И. Карасика [5], Е. В. Ивановой [6] и т. д. Наше исследование [7] проводится на стыке персоноцентрического, лингвоцентрического и текстоцентрического подходов.

Многоэтапная и комплексная работа с текстом направлена на интерпретационную [8] деятельность ЯЛ в процессе лингвистического эксперимента, которая освещена в исследованиях [9–11]. Методика его проведения и способы получения вторичных текстов (далее ВТ) были подробно описаны ранее [7, с. 64–67].

Работа с ВТ и метатекстами, т. е. ВТ о ВТ [12, с. 138], обусловлена интересом к проявлению обыденного языкового сознания [13], которое связано с исследованием проявленности метаязыкового сознания [14; 15] (далее МЯС) непрофессиональной ЯЛ в тексте. МЯС актуализируется и вербализируется при помощи метаязыка, который характеризует и интерпретирует любой текст [16].

В процессе исследования были созданы и апробированы классификации текстоориентированных, персоноориентированных метапоказателей, являющихся

формальными выражениями метатекста, лингвистических и экстралингвистических факторов [17], указывающих на объективные и субъективные стороны текста [7, с. 71–75], связанные с тенденциями к персонализации и деперсонализации [7, с. 5–6], лингвоперсонологического анализа текста [19, с. 202], введена новая терминология [19, с. 140]. На их основании во ВТ были выявлены степени проявленности МЯС: безэкспликативная, сравнительная, оценочная, логическая, литературно-лингвистическая [7, с. 69–71], которые тесно связаны с тенденциями к персонализации и деперсонализации, отвечающими за проявленность личностного начала и за нивелирование свойств ЯЛ [20, с. 111].

Важным аспектом проведенного исследования стало выявление четырех типов ЯЛ на основании тенденций к персонализации и деперсонализации и текстопорождению и текстовосприятию: персонализированная при текстопорождении – персонализирующая при текстовосприятии (13 %); деперсонализированная при текстопорождении – персонализирующая при текстовосприятии (17 %); персонализированная при текстопорождении – деперсонализирующая при текстовосприятии (23 %); деперсонализированная при текстопорождении – деперсонализирующая при текстовосприятии (47 %). Процентные данные указывают на количество ЯЛ, относящихся к данному типу [7, с. 208–248], в ходе проведенного двухэтапного лингвистического эксперимента,

суть которого заключалась в создании ВТ на основании исходного первичного текста на основании сформулированного вопроса. Затем, на втором этапе, данные ВТ стали исходными текстами для создания нового ВТ, т. е. метатекста, актуализирующего деятельность метаязыкового сознания рядового носителя языка.

Целью настоящей работы в плане лингвоперсоналистического портретирования является создание классификации типов ЯЛ на основании действия критериев, отличных от предложенных, а именно степеней проявленности МЯС при текстопорождении и при текстовосприятии: безэкспликативная при текстопорождении – безэкспликативная при текстовосприятии; безэкспликативная при текстопорождении – сравнительная при текстовосприятии; безэкспликативная при текстопорождении – оценочная при текстовосприятии; безэкспликативная при текстопорождении – логическая при текстовосприятии; безэкспликативная при текстопорождении – литературно-лингвистическая при текстовосприятии и т. д.

Так, данная классификация насчитывает 25 позиций. Однако материал, полученный при проведении эксперимента, не позволяет проиллюстрировать все типы без исключения. Типы ЯЛ были разделены в зависимости от распределения степеней проявленности МЯС при текстовосприятии на 2 группы. В 1 группе, в 54,9 % случаев, тип ЯЛ был определен однозначно (например, сравнительная). Во 2 группе (45,1 %) была установлена вариативность проявленности МЯС ЯЛ (например, оценочная и логическая). В данной статье будут рассмотрены примеры текстов типов ЯЛ, относящихся к 1 группе.

Итак, рассмотренные тексты 1 группы ЯЛ указывают на продуктивность следующих типов: сравнительная при текстопорождении – безэкспликативная при текстовосприятии (25,8 %), сравнительная при текстопорождении – сравнительная при текстовосприятии (30,65 %); сравнительная при текстопорождении – оценочная при текстовосприятии (3,23 %); сравнительная при текстопорождении – литературно-лингвистическая при текстовосприятии (4,84 %); логическая при текстопорождении – безэкспликативная при текстовосприятии (4,84 %); логическая при текстопорождении – сравнительная при текстовосприятии (6,45 %); логическая при текстопорождении – логическая при текстовосприятии (1,61 %); литературно-лингвистическая при текстопорождении – безэкспликативная при текстовосприятии (3,22 %); литературно-лингвистическая при текстопорождении – сравнительная при текстовосприятии (4,84 %); оценочная при текстопорождении – безэкспликативная при текстовосприятии (3,23 %); безэкспликативная при текстопорождении – безэкспликативная при текстовосприятии (11,29 %).

Приведем в качестве примера анализ ВТ двух типов ЯЛ: безэкспликативная при текстопорождении – безэкспликативная при текстовосприятии и литературно-лингвистическая при текстопорождении – сравнительная при текстовосприятии.

Рассмотрим развернутый ВТ ЯЛ-3 (условно обозначены авторами текстов), относящийся к безэкспликатив-

ной степени МЯС при текстопорождении, содержащий фрагмент исходного текста.

Да и сам я – не сфинкс ли себе? В своем рассказе И. С. Тургенев уподобляет сфинксу Россию. Египетский сфинкс является загадкой: «Что хотят сказать эти крупные, выпяченные губы, эти неподвижно-расширенные, вздернутые ноздри – и эти глаза... А что-то хотят сказать они!», но лишь Эдип сможет разгадать загадку египетского сфинкса. Также и Россия является загадкой (ЯЛ-3).

50 % этого ВТ составляет цитата из исходного текста, оформленная верно, взятая в кавычки. Остальная часть текстового высказывания – лексический повтор: повтор однокоренных слов или использование словоформ одного и того же слова, например: сфинксу – сфинкс – сфинкса, Россию – Россия, загадкой – загадку – загадкой, египетский сфинкс – египетского сфинкса. Из повторов следует, что текст создан под влиянием лингвистических факторов, а именно использования частотности лексем в речи. Также ЯЛ-3 определяет жанр анализируемого текста: в своем рассказе И. С. Тургенев. Эти приемы направлены на описание не личности пишущего, а образа России. Таким образом, ЯЛ косвенно, завуалировано отвечает на поставленный вопрос с позиции не своей личности, а страны, где проживает на данный момент.

Персонаоориентированность текста представлена слабо: ЯЛ-3 ставит себя в позицию НАД текстом, придавая объективность высказыванию. Третье и последнее предложения текста составлены по одной модели: сфинкс является загадкой и Россия является загадкой – синтаксический параллелизм, указывающий на экспликацию образных средств во ВТ. Так ЯЛ выражает одну идею на протяжении всего текста.

Участник эксперимента не поясняет цитату, не раскрывает ее смысл и не углубляется в анализ исходного текста, а лишь композиционно употребляет ее для своего комментария. Это говорит об актуализации экстралингвистических факторов текстообразования, а именно интонации и лингвистических факторов, например, стиле и использовании цитаты.

Рассмотрим метатексты ЯЛ-3 при текстовосприятии.

1. Я тоже думаю, что это ЯЛ-4. Так как тут присутствуют такие слова: я думаю, я повторяюсь. Она часто употребляет в своей речи.

2. А мне тоже почему-то показалось, что это ЯЛ-11, потому что здесь есть рассуждение, и последние строчки: О, мой Эдип! Приди ко мне!

3. Это ЯЛ-6. Не знаю.

4. Мне кажется, это ЯЛ-10. Может быть, четкость, лаконичность и связность текста.

5. Ну, наверное, опять ЯЛ-8, потому что этот текст представляет собой сплошное цитирование, т. е. или не было мыслей или желания рассуждать.

6. Мне кажется, это ЯЛ-5. Здесь присутствуют такие фразы: окруженном прекрасными березами, где поют птицы и растут прекрасные цветы. Она очень нежная.

7. *Мне кажется, что это ЯЛ-9, правда я, конечно, могу ошибаться, здесь рассуждение, философские мысли. Вопросительные предложения, например: не так ли? А я? Также здесь есть эмоции, эмоциональные: Многие видят мои переживания по глазам, но я молчу...*

Данные метатексты ЯЛ-3 представляются краткими, лаконичными, с некоторыми элементами объяснения, примерами, цитатами из анализируемых текстов одногруппников.

В работах испытуемого присутствует малое количество текстоориентированных метапоказателей, однако для подтверждения своей точки зрения он использует выражения, отвечающие за устройство и последовательность текста: *Так как тут, потому что здесь, потому что текст*. Выражение-ссылка на уже сказанное, на мнение других: *Я тоже думаю, А мне тоже почему-то показалось*. Данные фрагменты указывают на восприятие мнения других участников эксперимента, автор способен зафиксировать точку зрения предыдущего отвечающего и сослаться на его мнение. ЯЛ-3 в своих комментариях дает свернутый ответ, однако выражения, указывающие на приведение примера, эксплицированы: *тут присутствуют такие слова, последние строчки, например, присутствуют такие фразы*. В работах широко представлены персонориентированные метапоказатели. Большинство метатекстов начинаются с выражений собственной позиции: *я тоже думаю, а мне тоже почему-то показалось, я считаю, мне кажется*. Автор этих высказываний не всегда уверен в своей позиции, на это указывают выражения сомнения, колебания: *мне кажется, может быть, ну, наверное, конечно*. Выражения, отвечающие за отношение к способу изложения мысли, представлены единичным примером: *то есть*. Присутствуют элементы оценочности: *сплошное цитирование, Она очень нежная*. ЯЛ-3 оценивает как текст, так и ЯЛ автора.

Лингвистические факторы оказали влияние на создание метатекстов. Например, частотность использования в речи: *Она часто употребляет в своей речи, Также здесь есть эмоции*. ЯЛ-3 указывает на тип изложения: *здесь есть рассуждение, или не было мыслей или желания рассуждать, здесь рассуждение*. Автор текстов отмечает организацию языковых средств: *представляет собой сплошное цитирование, вопросительные предложения, четкость, лаконичность и связность текста; экспрессивность: последние строчки: О, мой Эдип! Приди ко мне!, Также здесь есть эмоции, эмоциональные*.

Экстралингвистические факторы также оказали влияние на создание метатекстов. Черты характера обозначены так: *Она очень нежная, не было мыслей или желания рассуждать*. Описание эксплицировано: *Она очень нежная*. Гендерная принадлежность текста проявляется, когда ЯЛ-3 использует местоимения и прилагательные ж. р.: *Она часто употребляет, Она очень нежная*.

Таким образом, анализ полученных данных показывает, что тексты 1–6 относятся к безэкспликативной степени проявленности МЯС, 1, 2, 4, 5, 6 – ВТ с элементами объяснения, 3 – без элементов объяснения. 7 текст иллюстрирует сравнительную степень проявленности на основании общения. Так, большая часть текстов при текстовосприятии – это ВТ безэкспликативной степени.

Соответственно, при работе с текстами ЯЛ-3 проявила себя с лингвистической точки зрения слабо. ВТ на обоих этапах эксперимента относятся к безэкспликативной степени проявленности МЯС.

Обратимся к анализу лингвоперсонологического типа ЯЛ-10: литературно-лингвистическая при текстопорождении – сравнительная при текстовосприятии степень проявленности МЯС.

Да и сам я – не сфинкс ли себе? Я думаю, в данный момент каждый задал себе этот вопрос и задумался, сфинкс означает загадку, а в каждом человеке есть тайна, загадка. И не всегда он сам знает о ней, а если и знает, то не может разгадать. Хорошо, если встречаются такие люди, как Эдип, способные разгадать загадку и понять безмолвную речь человека. Чаще всего эти люди становятся нам близки. Но многие люди не хотят видеть безмолвную речь других, поэтому они остаются равнодушными к окружающим. И это не есть хорошо. Наверное, каждому человеку нужно быть Эдипом и пытаться разгадать загадки людей, смысл их поступков, пытаться узнать их взгляды на жизнь. Но ни в коем случае не оставаться равнодушными. А загадка? Загадка есть у каждого, и кто-то хочет, чтобы ее разгадали, а кто-то и не подозревает о ней. Мир, в котором мы живем, одна сплошная загадка, а люди, живущие в нем, сфинксы. Вот только остается вопрос, а у каждого есть свой Эдип или нет? И какие качества нужны человеку, чтобы быть Эдипом? Но это уже совсем другая история... (ЯЛ-10)

Данный ВТ ЯЛ-10 представляет собой развернутое рассуждение на заданную тему. Автор придерживается шаблона написания сочинения-рассуждения, высказывая свою точку зрения, каким должен быть человек, делает соответствующий вывод, но оставляет финал открытым.

Персонориентированность текста проявляется слабо при помощи персонориентированных метапоказателей, представленных выражением собственной позиции: *я думаю*. Личные местоимения встречаются в тексте дважды: *я думаю; Мир, в котором мы живем*. Автор отдалается от высказывания от 1 л., выступая в позиции НАД текстом посредством следующих выражений: *каждый задал; в каждом человеке есть; не всегда он сам знает о ней; каждому человеку нужно быть*. ЯЛ-10 использует безличные предложения: *каждому человеку нужно быть Эдипом и пытаться разгадать; не оставаться равнодушными*. Вопрос, ставший началом высказывания собственной точки зрения, никак не отразился на способе выражения ав-

тора в тексте – ВТ представляет собой объективный ответ и безличное рассуждение.

Персоноориентированные метапоказатели представлены выражениями собственной позиции: *я думаю*. В момент рассуждения ЯЛ-10 подвергает свои мысли сомнению, поэтому в тексте есть выражение, иллюстрирующее неуверенность: *Наверное, каждому человеку*. Испытуемый избрал позицию НАД текстом, это позволяет ему смотреть на происходящие события со стороны и давать оценку: *Хорошо, если встречаются; И это не есть хорошо*. Выражение, отвечающее за отношение к способу изложения мысли, представлено сравнением: *такие люди, как Эдип*. Скрытым сравнением может предстать следующий фрагмент, в котором нет персоноориентированных метапоказателей: *Мир... одна сплошная загадка, а люди... сфинксы*.

ЯЛ-10 использует малое количество текстоориентированных показателей, однако выражения, отвечающие за устройство и последовательность текста, здесь прослеживаются: *а если и знает, то не может; хочет, чтобы ее разгадали; качества нужны человеку, чтобы быть Эдипом; поэтому они остаются*.

Лингвистические факторы представлены в анализируемом тексте частотностью использования лексем, т.к. ЯЛ-10 активно использует однокоренные слова, лексические повторы, формы одного и того же слова, например: *каждый – каждому – каждого, загадку – загадка – загадки, загадка, вопрос, знает, разгадать, разгадать – разгадали, безмолвную речь, Эдипом – Эдип, остаются равнодушными – остаются равнодушными, жизнь – живем – живущие, хотят – хочет, остаются – остаются – остается, сфинкс – сфинксы, пытаются, кто-то*. Местоимения являются частотными в тексте: *задал себе, этот вопрос, каждый задал, в каждом человеке, он сам знает о ней, такие люди, эти люди, нам близки, каждому человеку, они остаются, смысл их поступков, их взгляды, ни в коем случае, кто-то хочет, ее разгадали, подозревает о ней, мы живем, живущие в нем, свой Эдип, какие качества*. Это вновь ставит автора в позицию НАД текстом, который может рассуждать о происходящем и делать выводы. Тип анализируемого материала – рассуждение, построенное по принципу развернутого ответа на поставленный вопрос без членения на абзацы, относит текст к литературно-лингвистической степени. Текст начинается фразой, характерной для завязки: *Я думаю, в данный момент каждый задал себе этот вопрос и задумался*. Автор дает ответ на поставленный вопрос в конце работы и рассуждает общо, говоря о людях в целом, без деталей: *Наверное, каждому человеку нужно быть Эдипом и пытаться разгадать загадки людей....* Авторская позиция НАД текстом позволяет ЯЛ давать советы (*ни в коем случае не оставаться равнодушными*), оценивать (*И это не есть хорошо*). В конце ВТ автор отвечает на вопрос не относительно своей собственной персоны, а мира в целом: *Мир, в котором мы живем, одна сплошная загадка, а люди, живущие в нем, сфинксы*. Таким образом, вопрос-стимул для написания текста, прозвучавший в начале, перекликается с развязкой, где дается ответ. Финал ВТ остается открытым (*Но это уже совсем другая история*), автор дает понять, что он ответил на поставленный вопрос, логически завершил свое рассуждение и уже готов перейти к следующей теме разговора. Стиль текста – книжный (*безмолвную речь; остаются равнодушными; люди, как Эдип, способные разгадать загадку и понять*) с элементами разговорного (*А загадка? Загадка есть; Вот только остается; а кто-то и не подозревает*). ЯЛ использует выразительные средства, которые помогают передать ее отстраненность и изложение объективной точки зрения, перемежающейся с элементами оценочности. Например, сравнительный оборот (*люди, как Эдип*), оксюморон (*безмолвная речь*), риторический вопрос (*а у каждого есть свой Эдип или нет? какие качества нужны человеку, чтобы быть Эдипом?*), синтаксический параллелизм (*Мир, в котором мы живем, одна сплошная загадка, а люди, живущие в нем, сфинксы*). Организация языковых средств отвечает за особенности построения текста, которые в данном материале представлены при помощи вопросно-ответной формы (*А загадка? Загадка есть...*). Автор ставит вопрос и сам на него отвечает.

Экстралингвистические факторы текстообразования представлены при помощи указания на черты характера окружающих людей: *многие люди не хотят видеть безмолвную речь, они остаются равнодушными, загадка есть у каждого и т.д.*

Таким образом, при текстопорождении в тексте ЯЛ актуализирована литературно-лингвистическая степень проявленности МЯС.

Обратимся к рассмотрению метатекстов ЯЛ-10 при текстовосприятии.

1. *Я точно знаю, что это ЯЛ-1, я по первому предложению подумала сразу, что это ЯЛ-1: «Да, я себе сфинкс». И смайлик, это ЯЛ-1.*

2. *Я тоже считаю, что это ЯЛ-8, потому что, правда, она такой открытый человек. Она все говорит, всегда что думает, говорит. И как бы мне кажется, точно она.*

3. *Я тоже считаю, что это ЯЛ-3. Ну, тут использованы такие слова «морфологические особенности», мне кажется, такие слова обычно ЯЛ-3 любит использовать. Что-то такое более научное. Ну, и описание: голубые глаза, брови...искусство, спорт – это все указывает на ЯЛ-3.*

4. *Я тоже считаю, что это ЯЛ-4. Ну, у нее просто предложения такие: «Я сама иной раз не знаю, что мне нужно. Может, я умею хорошо петь, но для меня это загадка...» Вопросительные, восклицательные.*

5. *Я думала между ЯЛ-6 и ЯЛ-9. Так как ЯЛ-9 сказал, что он не силен в истории, то пусть будет ЯЛ-6. Она древнюю Русь знает, я помню, она что-то говорила. Для ЯЛ-9 другой, более подходящий текст есть.*

6. *Я тоже думаю, что это ЯЛ-7, понятно, что улыбка. Очень любит улыбаться. И она радостный такой человек.*

7. *Я тоже думаю, что это ЯЛ-9, потому что он больше всех интересуется политикой, и я помню,*

что он на английском нам что-то рассказывал про то, что **там** Путин **что-то там** сделал, на Украине ситуацию обсуждал. Ну, это ЯЛ-9.

8. **Я думаю, что это ЯЛ-5. Просто текст характерен ей, как уже все сказали. Вопрос-ответ.**

ВТ 1–7 относятся к сравнительной степени проявленности МЯС, а 8 – к безэкспликативной. Рассмотрим их особенности.

В данных работах персональность ЯЛ выступает на первый план: все комментарии написаны от 1 л. Персоноориентированные метапоказатели представлены во ВТ выражениями собственной позиции: *я точно знаю, я тоже считаю, я тоже думаю, я помню, я думаю, я думала*. Этот признак отличает тексты, полученные при текстовосприятии от ВТ при текстопорождении. Большинство текстов ЯЛ-10 на втором этапе эксперимента содержат правильный ответ на вопрос, кто является автором представленного текста, однако в ее работах присутствуют выражения, иллюстрирующие как уверенность, так и сомнения, например: **точно знаю, подумала сразу, мне кажется, точно, понятно, правда**. Выражение оценки: *что-то такое более научное*.

Текстоориентированные метапоказатели актуализированы при помощи выражений, отвечающих за устройство и последовательность текста: **потому что...** *она такой открытый; потому что он больше всех интересуется*. Испытуемый внимательно слушает высказывания своих одноклассников, поэтому может свой комментарий логически встроить в обсуждение, используя выражения-ссылку на уже сказанное: **я тоже думаю, как уже все сказали**. Для подтверждения своей точки зрения автор использует аргументы из текстов, актуализируя выражения, указывающие на приведение примера: *я по первому предложению подумала, тут использованы такие слова «морфологические особенности», у нее просто предложения такие... вопросительные, восклицательные*.

На создание данных ВТ оказали влияние лингвистические факторы текстообразования. Частотность использования в речи может быть представлена лексическими повторами, однокоренными словами, формами одного и того же слова: *подумала – думаю – думаю, считаю, предложению – предложения, такие слова, я помню, улыбка – улыбаться, текст, использовать – использованы, такой человек, говорит, кажется, что-то, там, просто, такие – такое – такая – такой*. Данные комментарии характеризуются включением разговорного стиля (разговорные элементы, частицы, суффиксы уменьшительно-ласкательного значения и т. д.), например: *я по первому предложению подумала сразу; смайлик; Она все говорит, всегда что думает, говорит; И как бы; ну*. Участник эксперимента при анализе текстов указывает на способ их построения, т. е. отмечает организацию языковых средств, например: *по первому предложению; такое*

более научное; Ну, и описание; предложения такие; текст характерен ей; вопрос – ответ. Автор обращает внимание на способ построения текста, может оценить устройство предложений. ЯЛ-10 использует лингвистические термины, например: *предложение, текст, описание, вопросительные, восклицательные предложения*, которые создают впечатление более глубокого анализа текста. Экспрессивность проявляется в использовании разговорных слов и выражений, частиц, уменьшительно-ласкательных суффиксов.

Экстралингвистические факторы также оказали влияние на создание метатекстов. При анализе ВТ автором были выявлены следующие особенности черт характера тех ЯЛ, которым принадлежит текст: *она такой открытый человек. Она все говорит, всегда что думает, говорит; Очень любит улыбаться. И она радостный такой человек; он больше всех интересуется политикой*. Данные примеры могут служить иллюстрацией выражения манеры общения и описания: *радостный такой человек; открытый человек; более научное*. Умение соотнести увиденное и услышанное в настоящий момент с событиями, произошедшими достаточно давно, может быть актуализировано при помощи апелляции к реальным событиям, например: *Она древнюю Русь знает, я помню, она что-то говорила; он на английском нам что-то рассказывал про то, что там Путин...*

Следовательно, данные метатексты ЯЛ-10 относятся к сравнительной и безэкспликативной степени проявленности МЯС при текстовосприятии. Они содержат различные метапоказатели, на их создание оказали влияние лингвистические и экстралингвистические факторы текстообразования, но краткая форма изложения свидетельствует о принадлежности к обозначенным степеням.

Таким образом, выявленные особенности построения ВТ при текстопорождении и при текстовосприятии ЯЛ указывают на лингвоперсонологический тип: литературно-лингвистический при текстопорождении – сравнительный при текстовосприятии.

В данной статье нами была предпринята попытка построения классификации лингвоперсонологических типов на основании ранее не рассматриваемых критериев: степеней проявленности МЯС и порождения и восприятия текста, рассмотрены два типа ЯЛ (безэкспликативный при текстопорождении – безэкспликативный при текстовосприятии, литературно-лингвистический при текстопорождении – сравнительный при текстовосприятии). В дальнейшем планируется проанализировать тексты других типов ЯЛ, изучить их лингвистические особенности и принципы построения, а также обратиться ко 2-й группе лингвоперсонологических типов, в которой была установлена вариативность проявленности МЯС при текстовосприятии.

Литература

1. Голев Н. Д., Сайкова Н. В. Лингвоперсонология: проблемы и перспективы // Вопросы лингвоперсонологии. Барнаул: Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова, 2007. С. 7–12.
2. Богин Г. И. Концепция языковой личности: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1982. 36 с.
3. Богин Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1984. 30 с.
4. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность: 8-е изд. М.: Либроком, 2014. 264 с.
5. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
6. Иванцова Е. В. Лингвоперсонология: основы теории языковой личности: учеб. пособие. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. 158 с.
7. Богачанова Т. Д. Персонализация и деперсонализация в сфере языкового сознания (на материале вторичных текстов): дис. ... канд. филол. наук; Кемеровский гос. ун-т. Кемерово, 2016. 295 с.
8. Ким Л. Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста: теоретико-экспериментальное исследование: дис. ... д-ра филол. наук; Кемеровский гос. ун-т. Кемерово, 2010. 405 с.
9. Богачанова Т. Д. Степени проявленности метаязыкового сознания в тексте (на материале вторичных текстов, созданных на основе стихотворения в прозе И. С. Тургенева «Сфинкс») // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2015. Т. 14. № 2. С. 152–157.
10. Мельник Н. В., Богачанова Т. Д. Взаимодействие тенденций к персонализации и деперсонализации при порождении и восприятии текста // Языковая личность: моделирование, типология, портретирование. Сибирская лингвоперсонология. М.: Ленанд, 2016. С. Ч. 2. 190–198.
11. Шпильная Н. Н. Языковая картина мира в структуре речемыслительной деятельности русской языковой личности (на материале сочинений В. А. Серова «Девочка с персиками»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2010. 23 с.
12. Мельник Н. В. Деривационное функционирование русского текста: лингвоцентрический и персонцентрический аспекты: дис. ... д-ра филол. наук; Кемеровский гос. ун-т. Кемерово, 2011. 403 с.
13. Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты / отв. ред. Н. Д. Голев. Кемерово; Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2009. Ч. 1. 532 с.
14. Сайкова (Мельник) Н. В. Метатекстовая деятельность носителей русского языка // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты / отв. ред. Н. Д. Голев. Кемерово; Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2009. Ч. 1. С. 258–266.
15. Лебедева Н. Б. Структура языкового сознания и место в ней метаязыкового компонента // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты / отв. ред. Н. Д. Голев. Кемерово; Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2009. Ч. 1. С. 61–66.
16. Ростова А. Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. 193 с.
17. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста. М.: Флинта: Наука, 2007. 520 с.
18. Мельник Н. В., Богачанова Т. Д. Соотношение тенденций к персонализации и деперсонализации со степенью проявленности метаязыкового сознания в тексте // Сибирский филологический журнал. 2016. № 3. С. 199–207.
19. Мельник Н. В., Богачанова Т. Д. К вопросу изучения корреляции тенденций к персонализации и деперсонализации и степеней проявленности метаязыкового сознания (на основании лингвистического эксперимента) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 4-4. С. 138–142.
20. Сайкова Н. В. Лингвоперсонологический анализ вторичного текста // Филологические науки. 2009. № 3. С. 110–117.

TEXT MANIFESTATION OF THE LINGUISTIC PERSONA FEATURES: TYPOLOGICAL ASPECT

Tatiana D. Bogachanova¹

¹ Novosibirsk State Medical University, 52, Krasny Ave., Novosibirsk, Russia, 630091

@besserde4naya@mail.ru

Received 08.12.2017. Accepted 16.04.2018.

Keywords: linguistic persona, metalinguistic consciousness, generation of the text, perceiving of the text, typology of the linguistic persona, metaindicators, linguistic factors, extralinguistic factors.

Abstract: The analysis of the secondary texts obtained as a result of a linguistic experiment has allowed the author to create a degree classification for the emergence of metalinguistic consciousness and to compare them to personalization and depersonalization tendencies. The classification, as well as various metaindicators, linguistic and extralinguistic factors make it possible to create a linguistic persona typology based on personalization and depersonalization tendencies, text generation and text perceiving. The article features a new classification of linguistic persona on the basis of two criteria: degrees of the emergence of metalinguistic consciousness and text generation and perception. The analysis conducted has revealed that types of the linguistic persona are divided into two groups depending on the unique or variable type of the linguistic persona established in the process of text perception. This article represents results of the analysis of texts belonging to various types of unambiguous linguistic persona.

For citation: Bogachanova T. D. Tekstovoe proiavlenie osobennosti iazykovoi lichnosti: tipologicheskii aspekt [Text Manifestation of the Linguistic Persona Features: Typological Aspect]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2018): 162–169. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-162-169>.

References

1. Golev N. D., Saikova N. V. Lingvopersonologiya: problemy i perspektivy [Linguistic personology: problems and perspectives]. *Voprosy lingvopersonologii* [Matters of linguistic personology]. Barnaul: Altaiskii gosudarstvennyi tekhnicheskii universitet im. I. I. Polzunova, 2007, 7–12.
2. Bogin G. I. *Kontseptsia iazykovoi lichnosti*. Avtoref. diss. doktora filol. nauk [The concept of linguistic persona. Dr. Philol. Sci. Diss. Abstr.]. Leningrad, 1982, 36.
3. Bogin G. I. *Model' iazykovoi lichnosti v ee otnoshenii k raznovidnostiam tekstov*. Avtoref. diss. doktora filol. nauk [The model of the linguistic persona in its relation to the varieties of texts. Dr. Philol. Sci. Diss. Abstr.]. Leningrad, 1984, 30.
4. Karaulov Iu. N. *Russkii iazyk i iazykovaia lichnost'* [Russian language and linguistic persona]. Moscow: Librokom, 2014, 264.
5. Karasik V. I. *Iazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena, 2002, 477.
6. Ivantsova E. V. *Lingvopersonologiya: Osnovy teorii iazykovoi lichnosti* [Fundamentals of the theory of linguistic persona]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2010, 160.
7. Bogachanova T. D. *Personalizatsiya i depersonalizatsiya v sfere iazykovogo soznaniia (na materiale vtorichnykh tekstov)*. Diss. kand. filol. nauk [Personalization and depersonalization in the field of linguistic consciousness (adapted from the secondary texts). Cand. Philol. Sci. Diss.]. Kemerovo State. Univ. Kemerovo, 2016, 295.
8. Kim L. G. *Variativno-interpretatsionnoe funktsionirovanie teksta: teoretiko-eksperimental'noe issledovanie*. diss. doktora filol. nauk [Variative interpretative functioning of the text: theoretical and experimental research. Cand. philol. Sci. Diss.]. Kemerovo State. Univ. Kemerovo, 2010, 405.
9. Bogachanova T. D. Stepeni proiavlenosti metaiazykovogo soznaniia v tekste (na materiale vtorichnykh tekstov, sozdannykh na osnove stikhotvoreniia v proze I. S. Turgeneva «Sfinks») [Degrees of emergence of metalinguistic consciousness in the text (adapted from the secondary texts, created on the basis of Turgenev's prose poem «The Sphinx»). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriia, filologiya* = *Bulletin of Novosibirsk State University Edition: history, philology*, 14, no. 2 (2015): 152–157.
10. Mel'nik N. V., Bogachanova T. D. Vzaimodeistvie tendentsii k personalizatsii i depersonalizatsii pri porozhdenii i vospriiatii teksta [Interaction of tendencies to personalization and depersonalization at generation and perception of the text] *Iazykovaia lichnost': modelirovanie, tipologiya, portretirovanie. Sibirskaiia lingvopersonologiya. Ch. 2.* [Linguistic persona: modeling, typology, portraiture. Siberian linguistic personology]. Moscow: Lenand, part 2 (2016): 190–198.
11. Shpil'naia N. N. *Iazykovaia kartina mira v strukture rechemyslitel'noi deiatel'nosti russkoi iazykovoi lichnosti (na materiale sochinenii V. A. Serova «Devochka s persikami»)*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [The language picture of the world in the structure of the verbal and cogitative activity of the Russian linguistic persona (on the basis of the works of V. A. Serov "The Girl with Peaches"). Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr.]. Kemerovo, 2010, 23.

12. Mel'nik N. V. *Derivatsionnoe funktsionirovanie russkogo teksta: lingvotsentricheskii i personotsentricheskii aspekty*. Diss. doktora filol. nauk [Variative-interpretating functioning of the text: theoretical experimental research. Dr. Philol. Sci. Diss.]. Kemerovo State Univ. Kemerovo, 2011, 403.
13. *Obydennoe metaiazykovoe soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty* [Ordinary metalinguistic consciousness: ontological and gnoseological aspects]. Ed. Golev N. D. Kemerovo; Barnaul: Izd-vo Altaiskogo un-ta, part 1 (2009): 532.
14. *Obydennoe metaiazykovoe soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty* [Ordinary metalinguistic consciousness: ontological and gnoseological aspects]. Ed. Golev N. D. Kemerovo; Barnaul: Izd-vo Altaiskogo un-ta, part 1 (2009): 258–266.
15. *Obydennoe metaiazykovoe soznanie: ontologicheskie i gnoseologicheskie aspekty* [Ordinary metalinguistic consciousness: ontological and gnoseological aspects]. Ed. Golev N. D. Kemerovo; Barnaul: Izd-vo Altaiskogo un-ta, part 1 (2009): 61–66.
16. Rostova A. N. *Metatekst kak forma eksplikatsii metaiazykovogo soznaniia* [Metatext as a form of explication of the metalinguistic consciousness]. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2000, 193.
17. Bolotnova N. S. *Filologicheskii analiz teksta* [Philological analysis of the text]. Moscow: Flinta: Nauka, 2007, 520.
18. Mel'nik N. V., Bogachanova T. D. Sootnoshenie tendentsii k personalizatsii i depersonalizatsii so stepeniami proiavlennosti metaiazykovogo soznaniia v tekste [Comparison tendencies to personalization and depersonalization between degrees of the emergence of metalinguistic consciousness in the text]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal = Siberian philological journal*, no. 3 (2016): 199–207.
19. Mel'nik N. V., Bogachanova T. D. K voprosu izucheniia korreliatsii tendentsii k personalizatsii i depersonalizatsii i stepeni proiavlennosti metaiazykovogo soznaniia (na osnovanii lingvisticheskogo eksperimenta) [In the matter of learning of correlation of tendencies to personalization and depersonalization and degrees of the emergence of metalinguistic consciousness (on the basis of linguistic experiment)]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 4-4 (2015): 138–143.
20. Saikova N. V. Lingvopersonologicheskii analiz vtorichnogo teksta [Linguistic personology analysis of the secondary texts]. *Filologicheskie nauki = Philological sciences*, no. 3 (2009): 110–117.

УДК 811.161.1+811.581'36

КОНТРАСТИВНЫЙ АНАЛИЗ СЛОВОСЛОЖЕНИЯ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ НА МАТЕРИАЛЕ НЕОЛОГИЧЕСКОЙ ЭРГОНОМИИ

Ольга В. Дубкова¹, Мария В. Захарова-Саровская²

¹ Сианьский университет иностранных языков, 710128, КНР, г. Сиань, Специальная экономическая зона развития образования, науки, технологии и промышленности «Году», ул. Вэньюаньнаньлу, № 1

² Сибирский государственный университет геосистем и технологий, 630108, Россия, г. Новосибирск, ул. Плеханова, 10

@¹ linuan12@mail.ru

@² mitraye@yandex.ru

Поступила в редакцию 30.03.2018. Принята к печати 09.06.2018.

Ключевые слова: словосложение, эргоним, неозергоним, неологизм, поликомпонентный неологизм, модель образования, нейминг, бренд, речевая игра, заимствование, графика, русский язык, китайский язык.

Аннотация: В языках разного типологического строя экстралингвистические факторы требуют компрессивных средств для выражения новых названий предприятий, что приводит к активному образованию сложных эргонимов. При этом способы, типы и модели словосложения остаются прежними. Происходит активное изменение их продуктивности, на первый план выходят ранее малопродуктивные модели словосложения. Анализ лексического материала подтверждает гипотезу, что известные словообразовательные модели наполняются новым лексическим содержанием. Отображение сферы деятельности предприятия и учет принципов нейминга приводят к образованию эргонимов, различных по структуре и семантике. Отмечен высокий процент неолексем с аббревиатурами, иноязычными компонентами, необычной графикой; широко используется прием речевой игры для создания уникального имени, привлекающего внимание потенциальных клиентов. Кроме того, оба языка испытывают значительное влияние английского при назывании новых объектов. Принципы нейминга (такие как отражение сферы деятельности компании, уникальности и понятности наименования) не всегда соблюдаются при порождении нового имени.

Для цитирования: Дубкова О. В., Захарова-Саровская М. В. Контрастивный анализ словосложения в русском и китайском языках на материале неологической эргономии // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 2. С. 170–175. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-170-175>.

Словосложение, являясь продуктивным способом пополнения словарного состава русского и китайского языков, активно изучается многими лингвистами обеих стран (см., например, статьи и монографии Н. С. Валгиной, Т. И. Вендиной, Е. А. Земской, Е. Н. Карельской, Т. И. Кочетковой, Е. С. Кубряковой, И. А. Нефляшевой [1–7]; А. В. Садовой, А. А. Хаматовой, Чжу Чжипина, Чжу Яня [8–11]). Неологизмы, появляющиеся в языках двух народов, постоянно фиксируются и подвергаются разностороннему анализу. Кроме того, в исследованиях отмечается, что способы, типы и модели словосложения в основном остаются прежними. Отмечен высокий интерес лингвистов к неологическим эргонимам в русском языке, при этом анализируются структура и семантика новообразований, а также такие аспекты, как коммуникативно-прагматический, мотивационный, функционально-стилистический (см., например, работы Г. Н. Алиевой, Ф. Ф. Алистановой, И. В. Крюковой, З. Т. Танаевой [12–15]). В нашем исследовании выдвинуто предположение, что активно изменяется продуктивность моделей словообразования. На первый план выходят ранее малопродуктивные модели словосложения, к тому же известные словообразовательные модели наполняются новым лексическим содержанием.

В этом аспекте представляется возможным исследование неологических эргонимов. Для выделения языковых универсалий целесообразно провести сопоставление языков разного типологического строя, в данном случае русского и китайского.

Предполагается, что в условиях глобализации экстралингвистические факторы, а именно появление новых реалий (названия фирм, новых предметов и объектов окружающей реальности), а также процессы межъязыкового взаимодействия, являются сходными для русского и китайского языков. К настоящему времени сформирована теоретическая база для компаративных исследований способов и моделей образования эргонимов в указанных языках. Таким образом, можно снять категоричность и показать актуальность данного исследования. Мы полагаем, что сопоставительный анализ позволит выявить универсальные и уникальные процессы, происходящие в двух языках разного типологического строя. Настоящее исследование ставит своей целью описать неозергонимы-словосложения двух неродственных языков с точки зрения структуры и отображаемой ими семантики.

Объектом исследования выступили сложные неологические именованья брендов (эргонимы). Матери-

ал для исследования получен путем выборки с сайтов «Желтые страницы. Новосибирск» и «Список китайских компаний» [16; 17], в общей сложности отобрано более 2000 единиц для каждого из анализируемых языков. Основное внимание уделялось национальной специфике способов и моделей словосложения для обозначения сходных денотатов.

Анализ производных слов конца XX – начала XXI вв. показал, что номинативный процесс при назывании новых учреждений направлен, прежде всего, на выбор наименования для предприятия или фирмы, в котором актуализируется важная, по мнению создателей названия, информация. Наиболее значимым здесь является указание на сферу деятельности конкретного предприятия. Структура и семантика нарицательных словосложений и сложных эргонимов уже подвергалась нами изучению на материале русского, английского и узбекского языков [18; 19]. Сравним полученные результаты русского языка с китайским.

1. В русском языке происходит смещение ранее продуктивных моделей производства композитных эргонимов из ядра в периферию, и наоборот, по ранее непродуктивным моделям активно образуются новые имена. Рассмотрим модель ИС+ИС ‘определяющее – определяемое’, которая была малопродуктивной в 80-х гг. XX в., теперь же из всех выделенных нами неозергонимов по ней образовано 32 % сложных именований: АБСОЛЮТ-ПОСУДА, АКВА-СЕТИ, Аэро-кафе, БИЗНЕС-ЗАЩИТА, БУЛ-ЛАВКА (стейк-рум), ВИНТАЖ-ТУР, КАПИТАЛ-ТЕХНОЛОГИЯ, РОСС-ТУР, ГУТА-СТРАХОВАНИЕ и многие другие. Как показывает анализ языкового материала, модель ИС+ИС ‘определяющее – определяющее’ (самая продуктивная модель в русском языке 80-х гг. XX в.) практически не употребляется.

По словам А. В. Садовой, в китайском языке преобладают сложные слова, которые образованы по атрибутивной модели [8, с. 87]. Как показывает анализ языкового материала, в китайском языке такая модель нейминга является наиболее частотной. Например: 中国石油 [zhōngguó shíyóu] «Китай» + «нефть» – букв. китайская нефть «Петрочайна»; 天津旅游 [tiānjīn lǚyóu] «Тяньцзинь» + «туризм» – букв. тяньцзиньский туризм; 大连机床 [dàlián jīchuáng] «Далянь» + «станок» – букв. даляньские станки; 绿地 [lǜdì] «зеленый» + «земля» – букв. Зеленая земля; 新希望 [xīn xīwàng] «новый» + «надежда» – букв. новая надежда и т. д.

Возможно также выделение наиболее частотных компонентов и способов образования эргонимов в анализируемых языках.

1.1. В русском языке активно образуются эргонимы с компонентом-аббревиатурой (АВС-ДОМ, АДБ-МЕДИА, ЦДС-АЛЬЯНС, ББ-МЕЛКООПТ, МЛК-СЕРВИС и многие другие). Отметим, что принцип прозрачности в теории нейминга здесь не соблюдается. Действительно сложно понять, что подразумевается под большинством сокращений в указанных словах.

1.2. Компоненты, имеющие топонимическую семантику (например, Сибирь, Новосибирск, Омск, регион, Восток, Азия, Москва, рос- и др.): ВЕКТОР-АЗИЯ,

АЗИЯ-ТРАНС, НОРМАЛ ВЕНТ-РЕГИОН, РЕГИОН-ИНВЕСТ, СОЮЗ-РЕГИОН, СИБИРЬ-КОМПЛЕКТ, КАДАСТР-СИБИРЬ, РОСТЕСТ-СИБИРЬ, ШАЛЛЕР-МОСКВА, АКАДЕМ-АЛТАЙ, РОССТАР, РОСФИБРА. Несмотря на наличие ограничений по употреблению названий городов России, федеральных учреждений, такие наименования все же существуют и активно пополняют словарный фонд языка.

1.3. Части сложного наименования, обозначающие вид деятельности предприятия (авто, склад, банк и мн. др.): ОНЛАЙН-КАПИТАЛ, СТРОЙ-КАПИТАЛ, СЛИП-ТРАНС-СЕРВИС, ТРЭНД-ТОРГ, АЛЬФА-ТОРГ, БИЗНЕС-ТАЙМ, АЛЬФА-МЕНЕДЖМЕНТ, ГУТА-СТРАХОВАНИЕ, ЦЕНТР•КНИГИ, СИБИРЬ-КОНТРАКТ, Авто-Контракт и др.

1.4. Одна из частей композита – антропоним: МАРЬЯМ-ТУР, OLGA-TOUR, ВИКА-ДВИНА, МАРТА-ТЭКС, ЛАНСЕЛОТ-СТРОЙСЕРВИС, ЛОРЕНЦ-ВИДЕО, РОМЕО-СТУДИЯ, КАРИН-НОВОСИБИРСК, КРИСТОФЕР-СЕРВИС, МарсВенера.рф. Отметим, что для русского языка характерно стремление назвать фирму иноязычным именем.

1.5. В китайском языке продуктивны композиты, состоящие из иероглифов и чисел (в арабской и китайской графике): 虚拟361, 六必居, 二元店 (два + юань + лавка) – название магазина повседневных товаров, 唐山三友 (тан + гора + два + друга) – название компании по производству кальцинированной соды, 长春一东 (Чанчунь + один + восток) – название компании по производству оборудования, 三胞集团 (три + соотечественник + корпорация) – компания Тайваня, Гонконга и Макао, 万科企业 (десять тысяч (много) + наука + предприятие) – название агентства недвижимости, 九辉 (девять + блеск) – название гостиниц и т. д.

2. Отмечено появление новой модели ИС мн. ч. + ИС мн. ч. (эквивалентная структура), например: Вилка-Ложка, Сели-Поели, Жили-Были, ДроваМука, Зелень-Мелень. Важно отметить, что образование неологизмов по этой модели не свидетельствует о стремлении языка к компрессии. Одно понятие здесь выражается явно избыточным количеством слов.

3. В образовании неозергонимов по-прежнему продуктивным является образование многокомпонентных словосложений. Стремление к уникальности названия фирмы и отражению сферы деятельности фирмы в одном имени способствует «нанизыванию» усеченных корней для образования сложных именований. Принцип нейминга, предполагающий избегания чересчур длинных и сложных наименований, противоречит принципу отражения сфер деятельности, который является ведущим при назывании различных компаний. Владельцы фирм стремятся втиснуть в одно слово как можно больше информации о компании, забывая о принципе уникальности. Ср. русские названия: АВМ-СПОРТ-СИБИРЬ, ВЯТСИБ-МЕБЕЛЬ, ЗАПСИБ-ТРАНЗИТ, АВТОРЕСУРСМАРКЕТ, АГРОХИМСЕРВИС, ВОСТОКТЕХНОПРОМ. Частотны также четырехкомпонентные и пятикомпонентные эргонимы, ранее малопродуктивные в русском языке: ВОСТОКНОВОСИБИРСК-АВТОГАЗ, ВОСТОКПРИБОРТЕХГАЗ, ВОСТОКСИБСПЕЦАВТОМАТИКА,

НОВОСИБИРСК-АВТОГАЗЦЕНТР, ЗАПСИБ-ТРАНС- СЕРВИС, ЗАПСИБТЕХЦЕНТР-ПРОЕКТ.

Количество компонентов в китайских эргонимах может быть различным. Традиционно неозергонимы китайского языка состоят из нескольких компонентов, образуя 5-компонентную модель «место» + «собственное имя» + «сфера деятельности» + «форма собственности» + «тип организации». К данному типу относятся следующие китайские наименования: 大化集团 (Корпорация «Дахуа»), 大连万达集团 (Даляньская корпорация «Ваньда»), 长安汽车集团 (Автомобильная корпорация «Чанъань»), 北方展览广告公司 (Северо-Китайская компания выставочной рекламы), 华润集团 (Корпорация «Хуажун»), 四海友诚贸易有限公司 (Торговая компания с ограниченной ответственностью «Сыхай ючэн»), 南山集团公司 (Корпорация «Наньшань»). Как показывает анализ, в названии компании в среднем используется 8 иероглифов, опускается один из компонентов вышеуказанной модели: 三胞集团有限公司 (собственное имя + сфера деятельности + форма собственности + тип предприятия), 江西铜业集团公司 (место + сфера деятельности + форма собственности + тип предприятия), 上海均和集团有限公司 (собственное имя + сфера деятельности + форма собственности + тип предприятия), но встречаются и более длинные именованья: 青山控股集团有限公司, 泰康保险集团股份有限公司, 西安迈科金属国际集团有限公司, 河北新华联合冶金控股集团有限公司, 九州通医药集团股份有限公司, 内蒙古伊利实业集团股份有限公司. Вышеуказанные названия обычно используются в официальных документах. В наружной рекламе, рекламных объявлениях, вывесках используются сокращенные именованья с усечением типа предприятия. Отметим, что в китайском языке все компоненты наименования могут быть равноправны: 康吉美 [kāng jí měi] – «здоровье» + «счастье» + «красота» компания «Канцзимэй»; 利华益 [lì huá yì] – «выгода» + «Китай» + «польза» – компания «Лихуаи» и др.

4. Анализ материала в обоих языках показал высокий процент иноязычных производящих основ. Ср. русск.: VIP-сервис, VIP-REM, Ультра (VIP-студия), FOTOGOODEKAFE, GOOD-сервис, EURO-обувь; кит.: IC卡, IP卡, 3D电影, 三K党 (ку-клукс-клан), 卡拉OK (караоке), BASIC语言 (БЕЙСИК), QQ软件 (QQПО), IQ分数 (уровень интеллекта), 小P孩 (молодой человек). Транслитерация английских заимствований средствами языка свидетельствует об освоении слова, а сохранение латинской графики – о стремлении автора выделить новое слово с той или иной целью. Отмечено большое количество эргонимов с компонентами-варваризмами в русском языке: ВОСХОД-БЭЙКЕР (англ. baker – пекарь); ВИВА-ТРЭВЭЛ, ВЭСТ-ТРЭВЭЛ (англ. travel – путешествовать, west – запад); КОМПЛЕКС-РИЭЛТ, ГАРАНТ-РИЭЛТ (англ. rielt – продавать); БИОСТАР-ТРЭЙД, БИГ-ТРЭЙД, интернет-магазин бижутерии (англ. trade – торговать, big – большой); ПОСУДА-ЛЭНД (англ. land – земля); ПРАЙС-СЕРВИС (англ. price – цена); СЭЛЛ-СЕРВИС (англ. sell – продавать); ФАРМ-КОМПАНИ (англ. company – компания).

Заимствованный компонент зачастую не имеет единообразия в написании.

В китайском языке целесообразно отметить следующие эргонимы: 美女and咖啡 (красавица + and + кофе), MM小店, PG美人网. В названиях, образованных по данной модели в китайском языке, латинские буквы могут полностью (华为HUAWEI) или частично (京东DJ.com, 棉先生Mrmian 专注服) дублировать чтение иероглифов, а также использоваться для связи или уточнения значения исходного композита из китайских знаков. Сфера употребления таких новообразований, как правило, ограничивается интернет-форумами, сферой рекламы, обозрениями новинок в области техники, т. е. нацелена на определенный круг адресатов, владеющих английским языком.

5. Рассмотренные эргонимы показали, что современный нейминг нацелен на изобретательство, поиск необычных сочетаний слов, графических приемов, функциональных стилей самих компонентов. Речевая игра является ключевой для достижения прагматических целей при создании эргонимов. Отметим, что часто один из компонентов лишен денотативного смысла, а сами эргонимы носят явную прагматическую цель, т. е. создаются с целью привлечения внимания к компании посредством необычного имени и оформления. Ср.: русск.: БиБосс.ру (сайт объявлений о недвижимости), Зелень-Мелень (магазин фермерских продуктов), Если-пусто.ру (онлайн-супермаркет), OptoDrom.ru (оптовый магазин женской одежды), ЖиваGO (фитнесс-центр) и многие другие; и кит.: 德仁堂 (мораль + гуманизм + храм) – традиционное китайское название аптеки, 中国平安 (Китай + благополучие) – название страховой компании, 老孙家 (старый + Сунь (фамилия) + дом) – типичное название небольшого ресторана, 宴宾宾馆 (угощение + гость + гостиница) – название ресторана для больших приемов, 茂源日杂 (прекрасный + источник + день + галантерея) – магазин бытовых товаров повседневного спроса, 百色美人 (различный + красавица) – магазин женской одежды, 腾邦 téng bāng «возноситься» + «государство» – название корпорации, 开滦 [kāi luán] «открывать» + «луань» (название реки и уезда в провинции Хэбэй) – названия Хэнаньской корпорации.

В китайском языке продуктивно образование композитов, представляющих собой грамматически законченное высказывание: 去哪儿? Qunar.Com (Куда поехать?); 好再来 (Понравится – приходите еще); 云想裳 云想衣 (Думаю о платье – говорю об одежде); 内蒙古奶酪第一店 (Лучший магазин сыров Внутренней Монголии).

Таким образом, на основании анализа материала языков разного типологического строя можно говорить об активности образования неозергонимов средствами словосложения. Отмечается частотность многокомпонентных именованья в обоих языках, в русском языке – до пяти компонентов, в китайском – до восьми, все из которых могут быть равноправными. Продуктивными оказываются ранее малопродуктивные модели словосложения; характерно заполнение одного из компонентов композита антропонимом, топонимом, аббревиатурой, числительным, иноязычным компонентом.

Происходит заимствование как отдельных компонентов, так и моделей для образования сложных слов из английского языка. В русском языке процесс создания эргонимов испытывает значительное влияние английского языка, при этом заметно влияние моделей образования языка аналитического строя на язык флективного типа, что проявляется в многочисленном образовании слов по типу "определяющее + определяемое". Для китайского языка также характерно влияние английского языка, но в меньшей степени – из-за традиционной закрытости языковой системы. Новыми средствами язы-

ка для привлечения внимания потенциальных клиентов является графическое оформление неоэргонимов в обоих языках, а также различные способы языковой игры. Порождение названий фирм основывается на двух принципах нейминга: отражение сферы деятельности и уникальности названия, – которые подчиняют другие принципы, но зачастую вовсе не используются.

Все это в целом отражает современные тенденции развития общества и свидетельствует об активном обмене во всех сферах на глобальном уровне.

Литература

1. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. М.: Логос, 2003. 304 с.
2. Вендина Т. И. Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм). М.: Индрик, 1998. 240 с.
3. Земская Е. А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Языки русской культуры, 1996. С. 90–141.
4. Кочеткова Т. И., Карельская Е. Н. Некоторые продуктивные типы словообразовательных моделей сложных существительных в современном русском языке // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 4-1. С. 293–294.
5. Кочеткова Т. И. Словообразование как средство номинации и предикации в современном русском языке. Оренбург: ОГПУ, 2005. 288 с.
6. Кубрякова Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1986. С. 141–172.
7. Нефляшева И. А. Новообразования в газетно-публицистическом стиле: системно-функциональный анализ (на материале 1991–1997 годов): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 1998. 22 с.
8. Садовая А. В., Козина А. А. Структурно-семантический анализ сложных слов с колоративным компонентом в китайском языке, образованных по атрибутивному типу // III Международные Бодуэновские чтения: И. А. Бодуэн де Куртенэ и современные проблемы теоретического и прикладного языкознания (Казань, 23–25 мая 2006): труды и материалы. Казань, 2006. Т. 2. С. 87–89.
9. Хаматова А. А. Некоторые размышления о проблеме неологизмов в современном китайском языке // Китайское языкознание: Изолирующие языки: IX Международная конференция: материалы. М., 2002. С. 179–182.
10. Чжу Чжипин (Zhu Zhiping). Исследование атрибутивных двусложных слов китайского языка = 汉语双音复合词属性研究 朱志平 北京大学出版社. Пекин: Изд-во Пекинского университета, 2005. 328 с.
11. Чжу Янь (Zhu Yan). Исследование словообразования сложных слов китайского языка. Пекин: Изд-во Пекинского университета, 2004. 316 с. (朱彦: 汉语复合词语义构词法研究: 北京大学出版社 出版年: 2004-11-1 页数: 316).
12. Алиева Т. Н. Аббревиатурные неологизмы современного русского языка конца 90-х годов XX–XXI веков: семантико-деривационный аспект: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2003. 34 с.
13. Алистанова Ф. Ф. Особенности образования современных эргонимов лексико-синтаксическим способом и аббревиацией // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 5-1. С. 56–58.
14. Крюкова И. В. Рекламное имя: от изобретения до прецедентов: дис. ... д-ра филол. наук; Волгоградский гос. пед. ун-т. Волгоград, 2004. 360 с.
15. Танаева З. Т. Аббревиатурные эргонимы г. Махачкалы как многоуровневая система: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2012. 22 с.
16. Желтые страницы. Новосибирск. Режим доступа: <http://novosibirsk.yip.ru> (дата обращения: 28.03.2018).
17. Список китайских компаний. (中国电信黄页). Режим доступа: <http://www.yellowpage.com.cn/yipm/edt/index.html> (дата обращения: 28.03.2018).
18. Захарова М. В., Закирова Х. Д. Структура и семантика новых сложных названий брендов в русском, английском и узбекском языках // Интерэкспо ГЕО-Сибирь. 2013. № 2. С. 77–82.
19. Захарова М. В., Дубкова О. В. Контрастивный анализ поликомпонентных неологизмов в современном русском и китайском языках // Интерэкспо ГЕО-Сибирь. 2013. № 2. С. 63–68.

CONTRASTIVE ANALYSIS OF MULTICOMPONENT NEOLOGISMS IN MODERN RUSSIAN AND CHINESE: NEOLOGICAL ERGONOMICS

Olga V. Doubkova^{1, @1}, Maria V. Zakharova-Sarovskaya^{2, @2}

¹ Xi'an International Studies University, No. 1, Wenyuannanlu St., South Wenyuan Road, Xi'an Guodu Education and Sci-Tech Industrial Development Zone, Xi'an, China, 710128

² Siberian State University of Geosystems and Technologies, 10, Plakhotnogo St., Novosibirsk, Russia, 630108

@1 linuan12@mail.ru

@2 mitraye@yandex.ru

Received 30.03.2018. Accepted 09.06.2018.

Keywords:

compounding, ergonym, neoergonym, neologism, multicomponent neologism, model of composition, naming, brand, speech game, borrowing, graphics, Russian, Chinese.

Abstract:

Extra-linguistic factors in the languages of different typological systems require compressive means to express new names of enterprises, which leads to active formation of complex ergonyms. However, the types and models of composing remain the same. There is an active change of their productivity, the previously unimportant models of compounding come to the front line. The analysis of the lexical material confirms the hypothesis that the well-known word-formation models are filled with new lexical content. The character of the enterprise and the naming principles lead to the formation of ergonyms that are different in structure and semantics. The analysis has revealed a high percentage of neologisms with abbreviations, foreign components and unusual graphics. Speech game is widely used to create a unique name that attracts the attention of potential customers. In addition, both languages experience significant influence of English in the process of naming of new objects. Naming principles (such as reflecting the business profile, uniqueness and clarity of the name) are not maintained when a new name is coined.

For citation: Doubkova O. V., Zakharova-Sarovskaya M. V. Kontrastivnyy analiz slovoslozheniia v russkom i kitaiskom iazykakh na materiale neologicheskoi yrgonomii [Contrastive Analysis of Multicomponent Neologisms in Modern Russian and Chinese: Neological Ergonomics]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2018): 170–175. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-170-175>.

References

1. Valgina N. S. *Aktivnye protsessy v sovremennom russkom iazyke* [Active processes in modern Russian language]. Moscow: Logos, 2003, 304.
2. Vendina T. I. *Russkaia iazykovaia kartina mira skvoz' prizmu slovoobrazovaniia (makrokosm)* [Russian language picture of the world through the prism of word formation (macrocosm)]. Moscow: Indrik, 1998, 240.
3. Zemskaia E. A. Aktivnye protsessy sovremennogo slovooproizvodstva [Active processes of modern word-production]. *Russkii iazyk kontsa XX stoletii (1985–1995)* [Russian language of the end of XX century (1985–1995)]. Moscow: Iazyki russkoi kul'tury, 1996, 90–141.
4. Kochetkova T. I., Karelskaya E. N. Nekotorye produktivnye tipy slovoobrazovatel'nykh modelei slozhnykh sushchestvitel'nykh v sovremennom russkom iazyke [Some productive types of word-formation models of complex nouns in the modern Russian language]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia = The World of Science, Culture, Education, Gorno-Altai*, no. 4-1 (2011): 293–294.
5. Kochetkova T. I. *Slovoslozhenie kak sredstvo nominatsii i predikatsii v sovremennom russkom iazyke* [Compounding as the means of nomination and predication in the modern Russian language]. Orenburg: OGPU, 2005, 288.
6. Kubriakova E. S. Rol' slovoobrazovaniia v formirovanii iazykovoi kartiny mira [The role of word formation in the formation of the linguistic picture of the world]. *Rol' chelovecheskogo faktora v iazyke. Iazyk i kartina mira* [The role of the human factor in the language. Language and picture of the world]. Moscow: Nauka, 1986, 141–172.
7. Nefliasheva I. A. *Novoobrazovaniia v gazetno-publitsisticheskom stile: sistemno-funktional'nyi analiz (na materiale 1991–1997 godov)*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Neological processes in the journalistic style: the system-functional analysis (on a material of 1991–1997). Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr.]. Maikop, 1998, 22.
8. Sadovaia A. V., Kozina A. A. Strukturno-semanticheskii analiz slozhnykh slov s kolorativnym komponentom v kitaiskom iazyke, obrazovannykh po atributivnomu tipu [Structural-semantic analysis of complex words with a colorative component in Chinese language, formed according to the attributive type]. *III Mezhdunarodnye Boduenovskie chteniia: I. A. Boduen de Kurtene i sovremennye problemy teoreticheskogo i prikladnogo iazykoznanii (Kazan', 23–25 maia 2006): trudy i materialy* [III International Baudouin Readings: I. A. Boduen de Courtenay and Contemporary Problems of Theoretical and Applied Linguistics (Kazan, May 23–25 2006): works and materials]. Kazan, vol. 2 (2006): 87–89.

9. Khamatova A. A. Nekotorye razmyshleniia o probleme neologizmov v sovremennom kitaiskom iazyke [Some reflections on the problem of neologisms in modern Chinese language]. *Kitaiskoe iazykoznanie: Izoliruiushchie iazyki: IX Mezhdunarodnaia konferentsiia: Materialy* [Chinese Linguistics: Isolating Languages: IX International Conference: Materials]. Moscow, 2002, 179–182.
10. Zhu Zhiping. 汉语双音复合词属性研究 朱志平 北京大学出版社 (2005-03出版), 328. (*Study of attributive disyllabic words of the Chinese language*. Beijing: Peking University, 2005, 328).
11. Zhu Yan. 朱彦: 汉语复合词语义构词法研究: 北京大学出版社 出版年 (2004-11-1 页数), 316. (*Study of word formation of complex words of the Chinese language*. Beijing: Publishing house of Peking University, 2004, 316).
12. Alieva T. N. *Abbreviaturnye neologizmy sovremennogo russkogo iazyka kontsa 90-kh godov XX–XXI vekov: semantiko-derivatsionnyi aspekt*. Avtoref. diss. doktora filol. nauk [Abbreviation neologisms of the modern Russian language of the end of 90s XX–XXI centuries: semantical-derivative aspect. Dr. Philol. Sci. Diss. Abstr.]. Saint-Petersburg, 2003, 34.
13. Alistanova F. F. Osobennosti obrazovaniia sovremennykh ergonimov leksiko-sintaksicheskimi sposobami i abbreviatsiei [Peculiarities of the modern ergonyms derivation by means of syntax method and abbreviation]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological sciences, Questions of theory and practice*, no. 5-1 (2017): 56–58.
14. Kriukova I. V. *Reklamnoe imia: ot izobretenii do pretsedentov*. Diss. doktora filol. nauk [Advertising name: from invention to precedent. Dr. philol. Sci. Diss.]. Volgograd State Univ. Volgograd, 2004, 360.
15. Tanaeva Z. T. *Abbreviaturnye ergonimy g. Makhachkala kak mnogourovnevnaia sistema*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Abbreviated ergonyms of the city of Makhachkala as a multi-level system. Cand. Philol. Sci. Diss. Abstr.]. Makhachkala, 2012, 22.
16. *Zheltye stranitsy. Novosibirsk* [Yellow pages. Novosibirsk]. Available at: <http://novosibirsk.yp.ru> (accessed 28.03.2018).
17. 中国电信黄页. Available at: <http://www.yellowpage.com.cn/ypm/edt/index.html> (accessed 28.03.2018).
18. Zakharova M. V., Zakirova Kh. D. Struktura i semantika novykh slozhnykh nazvanii brendov v russkom, angliiskom i uzbekskom iazykakh [Structure and semantics of new complex brand names in Russian, English and Uzbek]. *Interexpo GEO-Sibir' = Interexpo GEO-Siberia*, no. 2 (2013): 77–82.
19. Zakharova M. V., Dubkova O. V. Kontrastivnyi analiz polikomponentnykh neologizmov v sovremennom russkom i kitaiskom iazykakh [Contrastive analysis of polycomponent neologisms in modern Russian and Chinese]. *Interexpo GEO-Sibir' = Interexpo GEO-Siberia*, no. 2 (2013): 63–68.

УДК 80+070

МОДЕЛИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ СОБЫТИЯ В ДИСКУРСЕ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ

Светлана В. Инешина¹, @, *

¹ Кемеровский государственный университет, 650000, Россия, г. Кемерово, ул. Красная, 6

@svineshina@yandex.ru

Поступила в редакцию 15.01.2018. Принята к печати 15.05.2018.

Ключевые слова: интерпретация, вариативность, медиадискурс, событие, интерпретационно-когнитивная модель, смысловая версия события, тип интерпретационного поля.

Аннотация: В статье рассматривается механизм интерпретации действительности в российском медиадискурсе через призму события – ключевой категории журналистского текста. С позиции теории вариативно-интерпретационного функционирования текста событие предстает в качестве «вербального конструкта», который репрезентируется в СМИ посредством определенного количества (n-количества) интерпретационно-когнитивных моделей, каждая из которых конструируется n-количеством смысловых версий – вариантов авторской интерпретации действительности. Создаваемая модель детерминирована рядом факторов: информационные ожидания адресата, коммуникативная интенция автора, специфика медийного и социально-политического контекстов. При этом характер события (событие-катастрофа или событие-провокация) является отправной точкой для развития вектора авторской интерпретации, задавая маркеры, на основании которых формируется интерпретационное поле моноцентрического или полицентрического типа. Первый тип представлен одной интерпретационно-когнитивной моделью, доминирующей в дискурсе российской прессы; второй тип поля включает в себя определенное (более двух) количество интерпретационно-когнитивных моделей. Механизм интерпретации событий разных типов рассмотрен на конкретных примерах, получивших широкий резонанс в российских медиа. Так, событие-катастрофа «Авария теплохода «Булгария» продуцирует моноцентрический тип интерпретационного поля, событие-провокация «Акция панк-группы "Pussy Riot" в храме Христа Спасителя» формирует полицентрическое интерпретационное поле.

Для цитирования: Инешина С. В. Модели интерпретации события в дискурсе российской прессы // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 2. С. 176–182. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-176-182>.

Данное исследование, посвященное рассмотрению вариативно-интерпретационного потенциала события, выполнено в плоскости пересечения интерпретационной лингвистики, медиалингвистики, теории вариативно-интерпретационного функционирования текста. Универсальность и сложность онтологической природы феномена события, его изучение в аспекте «событие» – «текст», определили обращение к философским работам, а также трудам по семантическому и коммуникативному синтаксису. Постановка проблемы обусловлена противоречием, заключающимся в несоответствии онтологической объективности реального события и множественности субъективных вариантов его репрезентации в дискурсе средств массовой информации.

Средства массовой информации как интерпретаторы действительности (общие положения)

Средства массовой информации являются основными интерпретаторами действительности, модераторами

социальной реальности, ценности которой репрезентируются в потоке медиатекстов.

Интерпретативный характер медиадискурса, и в частности текстов российской прессы, отражающих события действительности, отмечен многими исследователями журналистики, коммуникативистики, медиалингвистики. Он задан диалогичностью коммуникативного процесса, который в классическом виде представлен трехкомпонентной структурой: «АВТОР – ТЕКСТ – АДРЕСАТ». Автор, создавая текст, осуществляет разнообразные когнитивные операции (восприятия, оценивания, вербализации, обобщения и т.д.), что в результате приводит к нетождественности воспринимаемого фрагмента реальности и его «отекстовленной» формы. Адресат достраивает текст до смысловой полноты, границы которой он определяет, опираясь на имеющиеся ценностные установки, жизненный опыт, фоновые знания, информационные ожидания. Интерпретация как ментально-когнитивный процесс регулирует как деятельность автора на этапе создания текста, так и деятельность адресата

* Работа выполнена при финансовой поддержке фонда РФФИ и Администрации Кемеровской области, проект № 18-412-420003 p_a.

на этапе его восприятия. Нетождественность события как фрагмента действительности его текстовому воплощению, нетождественность текста, транслируемого автором, и текста, воспринятого адресатом, базируется на механизмах вариативной интерпретации действительности.

Для интерпретационного процесса в медиадискурсе характерно так называемое «коллективное авторство» [1], когда одно событие подвергается интерпретациям разных авторов, что проявляется в трансляции и циркулировании множества интерпретирующих текстов. Каждый из текстов имеет свою функциональную и ценностную значимость, так как в совокупности они моделируют «медиа-картину мира» [2]. О. В. Красноторова отмечает: «Выполняя социально-регулятивную функцию, медиатекст воздействует и на когнитивную среду, модифицируя индивидуальную картину мира членов общества, так как... передается не только информация, но и эмоционально-ценностное содержание» [3].

Функция трансляции информации в медиатекстах сопровождается функцией ее интерпретации, объективное отображение реальности – ее трансформацией, в итоге – медийное пространство воспринимается реальнее, чем действительность. «СМИ не выражают, а создают общественное мнение, не отражая представления людей о мире, а формируя эти представления» [2]. С точки зрения коммуниктивиста В. В. Хорольского, тезис «никакой медийный факт невозможно отделить от мнения о нем» становится основой закона: «в СМИ хорошо представлена виртуальность, мир мнений, а потом уже реальность, по поводу которой у коммуникаторов, как правило, мало согласия» [4]. Восприятие СМИ как конструкторов социальной реальности, в которой существует человек, осмысливается современными философами [5; 6], актуализирующими с этой позиции вопрос о соотношении медиатекстов и реальности. Закрепление за медиатекстами функции, моделирующей действительность (или осуществление «социально-преобразующей репрезентации реальности» [2]), соответственно, приводит к множественности получаемых «моделей» или «образов» действительности, состоящей из множества полиинтерпретируемых событий.

Актуализация события как ключевой смыслообразующей категории в информационном жизнеобеспечении современного человека происходит благодаря СМИ, определяющим ценностные ориентиры общественного проживания. События в формате «повестки дня» формируют определенную «канву», в смысловых координатах которой существует массовая аудитория. Л. В. Сморгунев отмечает, что «потребление событий – это современная форма политико-социального общения в современном мире» [7], а само событие – «товар, необходимый для потребления обществом» [7]. Событие как некий «шаг в действительности» [8], ведущий к ее изменению и после процесса восприятия к изменению (в определенной степени) моделей поведения аудитории, занимает ключевую позицию. События находятся в прямом взаимодействии со СМИ, так как последние «являются неотъемлемым компонентом бытия человека, основным способом приобщения его

к событиям окружающего мира» [9]. Они необходимо конструируют событийный дискурс, который создает «виртуальную» жизнь человека, «воспроизводя суть реальных жизненных событий как диалектических скачков в потоке повседневности» [10].

Процесс перевода действительности в текст (реального события в медийное) определяется как *дискурсивная интерпретация* [11]. Событие, которое является объектом дискурсивной интерпретации, есть результат конструирования индивидуально-авторского видения и оценочного восприятия [11].

Механизм дискурсивной интерпретации события

Описываемый механизм дискурсивной интерпретации события основан на теории вариативного функционирования текста, подробно изложенной в работах Н. Д. Голева, Л. Г. Ким [12]. Основные теоретические положения данной теории были применены к исследованию события как одной из смыслообразующих категорий журналистского текста [13]. Актуальность исследования определена все возрастающей многовекторностью интерпретации событий, происходящих в России и мире. Исходя из ключевых положений указанной теории, обозначим термины, которые были выведены для описания механизма интерпретации: *интерпретационно-когнитивная модель события*, *смысловая версия события*, *интерпретационное поле репрезентаций события*.

Интерпретационно-когнитивная модель события (ИКМС) – вербализованная модель события, репрезентированная в медиатексте, образованная n -количеством смысловых версий, где n – число со значением от единицы до неограниченного множества. *Смысловая версия события (СВС)* – вариант интерпретационно-когнитивной модели события, «представляющий собой вариативность ассоциативных, когнитивных, эмоционально-оценочных интерпретаций, образующих непрерывное пространство» [14], репрезентированный в медиатексте.

Механизм дискурсивной интерпретации события можно описать следующим образом: реальное событие (РС), существующее на объективно-денотативном уровне, реализуется в сознании автора в виде n -количества интерпретационно-когнитивных моделей (ИКМ), которые в свою очередь репрезентируются посредством n -количества смысловых версий на лексико-грамматическом уровне. Совокупность вариантов смысловых версий образует ИКМ. Схема дискурсивной интерпретации события на разных уровнях представлена на рисунке 1.

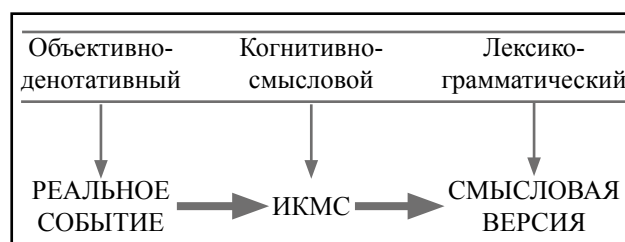

Рис. 1. Схема дискурсивной интерпретации реального события
Fig. 1. Scheme of discourse interpretation of a real event

Смысловая версия как вариант интерпретационно-когнитивной модели может быть представлена как в одном, так и в нескольких текстах – носителях потенциального множества смыслов. Совокупность функционирующих интерпретационно-когнитивных моделей и смысловых версий, отраженных в медиатексте, – это интерпретационное поле репрезентаций события (ИПРС), которое характеризуется континуальностью и дискретностью, моноцентричностью и полицентричностью [14].

Моноцентрическое интерпретационное поле (МИП) репрезентирует, как правило, одну доминирующую ИКМС, актуализированную в n -количестве смысловых версий. Сильная позиция доминирующей ИКМС реализуется в диктумно-модусной репрезентации. Модель представлена на рисунке 2.

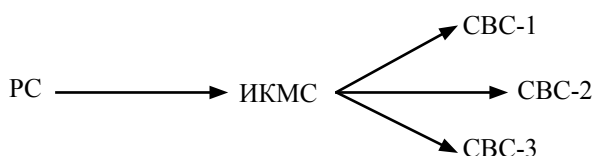

Рис. 2. Модель моноцентрического интерпретационного поля

Fig. 2. The model of the monocentric interpretation field

Полицентрическое интерпретационное поле (ПИП) репрезентирует ряд (две и более) равнозначных ИКМС, каждая из которых конструируется посредством n -количества смысловых версий. В таком варианте смысловое ядро события содержит больший вариативный потенциал интерпретаций и реализуется посредством актуализации ИКМС-1, ИКМС-2, ИКМС-3 и т. д. Полицентричность интерпретационного поля обусловлена содержанием смысловых версий, совокупность которых образует определенную ИКМС. Модель представлена на рисунке 3.

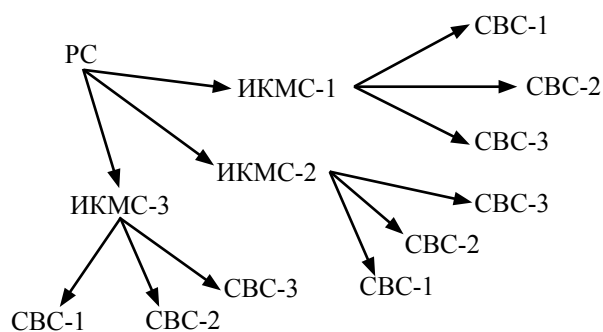

Рис. 3. Модель полицентрического интерпретационного поля

Fig. 3. Model of polycentric interpretation field

Таким образом, дискурсная интерпретация реального события осуществляется по принципу вариативно-интерпретационного функционирования, т. е. посредством реализации интерпретационно-когнитивных моделей, формирующихся совокупностью смысловых версий. Характеризуя реализацию модели интерпретации события в медиадискурсе, мы можем говорить

о том, что она осуществляется по всеерному принципу: реальное событие – n -количество интерпретационно-когнитивных моделей события – n -количество смысловых версий события.

Актуализация множества смысловых версий интерпретационно-когнитивных моделей события детерминирована интерпретирующими факторами: влияние общественно-политического контекста, редакционной политики, учет информационных ожиданий аудитории, проявление коммуникативной интенции автора. Эти факторы создают своего рода интерпретационные рамки, приводящие к тому, что «абсолютно любой текст является формализованным дискурсом, которому присущи определенные ограничения, изначально не позволяющие ему в полной мере отражать реальность» [15]. Невозможность всесторонней, максимально полной и беспристрастной передачи информации о действительности приводит к несоответствию онтологической объективности реального события и множественности субъективных вариантов его репрезентации в медиадискурсе. При этом принципиально не меняется сущность уникального феномена события – репрезентация фрагмента реальности, эксплицитно или имплицитно отражающая авторскую интенцию, детерминированную рядом экстралингвистических и лингвистических (дискурсивных) факторов, обуславливающих множественность его информационно-содержательного потенциала.

Интерпретационно-когнитивные модели событий, репрезентированные в российской прессе

Описанный механизм дискурсной интерпретации событий стал основой изучения 469 публикаций общественно-политических газет («Новая газета», «Московский комсомолец», «Российская газета»), в которых рассказывается о двух событиях – аварии теплохода «Булгария» (июль 2011 г.) и акции панк-группы "Pussy Riot" в храме Христа Спасителя (февраль 2012 г.). Событие-катастрофа характеризуется такими признаками, как неожиданность и внезапность возникновения, плохо прогнозируемые и контролируемые последствия. Событие-провокация имеет очевидный «сконструированный» характер, определенный сценарий «свершения», прогнозируемый ход развития и целенаправленный контроль над последствиями. Сопоставление событий разных типов позволило выявить спектр интерпретационно-когнитивных моделей, репрезентированных в медиадискурсе.

Интерпретационно-когнитивная модель моноцентрического типа рассматривается на примере события «Авария теплохода «Булгария». Выявленное содержание компонентов модели (предиката, субъекта, локатива, темпоратива) реализует смысловые версии, которые указывают на вариативность интерпретации события, но сохраняют его смысловую цельность и моноцентричность. Вариативность смысловых версий отражена в диктумных и модусных репрезентациях каждого компонента модели. Следующие факторы определили ее тип.

1. Интерпретационный потенциал языка, который реализуется посредством вариативности диктумных репрезентаций. Так, в основе смысловых версий, репрезентирующих предикат ИКМС, находятся такие синонимические ряды, как авария – затопление – кораблекрушение; затонул – ушел под воду – ушел на дно.

2. Фактор автора, который, интерпретируя событие, реализует собственные интенции, получившие вербализацию в медиатекстах. Интенция автора проявляется в модусных репрезентациях компонентов ИКМС (трагедия – крушение – катастрофа – гибель – ЧП – бедствие – кошмар).

3. Фактор информационных ожиданий адресата, удовлетворение которых обуславливает наличие в медиатекстах информации о том, что, где и когда произошло, а также предположений о виновных в случившемся и их наказании, исходя из характеристики события как масштабного чрезвычайного происшествия с человеческими жертвами. Отвечая этим ожиданиям, автор моделирует и интерпретирует событие, сообщая о нем фактическую информацию посредством вербализации определенных лексико-грамматических единиц, тем самым формируя его объективный образ. Другой вариант – создание экспрессивных текстов, ориентированных на поиск и разоблачение виновных, в качестве которых, как правило, обозначена российская политическая власть и ее субъекты (чиновники, политики), представители бизнеса (характерно для изданий «Московский комсомолец» и «Новая газета»). При этом данный тип события обуславливает минимальный конфликт интерпретаций в разных изданиях, независимо от их информационной политики.

Интерпретационно-когнитивная модель события полицентрического вида основана на репрезентации события «Акция "Pussy Riot" в храме Христа Спасителя». Значение выделенных смысловых версий определило функционирование четырех интерпретационно-когнитивных моделей, представленных в диктумно-модусном варианте (Акция "Pussy Riot" в храме Христа Спасителя как политическое событие, Акция "Pussy Riot" в храме Христа Спасителя как религиозное событие, Акция "Pussy Riot" в храме Христа Спасителя как творческий акт, Акция "Pussy Riot" в храме Христа Спасителя как хулиганство). Формируется вид интерпретационного поля события, в котором функционируют семантически равнозначные ИКМС. Конфигурация ее компонентов, т. е. их нахождение в сильной или слабой позиции, актуализация диктумного и / или модусного содержания является индивидуальным вариантом реализации каждой модели.

Диктумное содержание компонентов ИКМС отражает фактическую основу события. Модусное содержание компонентов обладает большим вариативным потенциалом, реализуя авторское субъективное моделирование события (фактор коммуникативной интенции автора) с учетом информационных ожиданий адресата. Отсюда – наличие смысловых версий, поддерживающих разные полюсы политических сил – официальные правительственные («Российская газета») или оппозиционные («Новая газета»).

Разнополярность восприятия события отмечает М. Н. Черкасова – «медийная характеристика панк-молебна продемонстрировала полярные акценты аксиосферы глобального медиадискурса» [16].

Выявленное содержание компонентов каждой ИКМС (предиката, субъекта, локатива, темпоратива) образует смысловые версии, которые указывают на множественную вариативность интерпретации события, формируя полифоничный и полицентричный образ в его лексико-грамматической реализации. Вариативность ИКМС и смысловых версий отражена в диктумных и модусных репрезентациях каждого из компонентов.

Полицентрическая модель интерпретационного поля обусловлена следующими факторами.

1. Интерпретационный потенциал языка, который реализуется посредством вариативности диктумных репрезентаций (в основе смысловых версий находятся такие синонимические ряды, как панк-молебен – акция – выступление – перформанс – хэппенинг – шоу – танцы – концерт).

2. Фактор коммуникативной интенции автора и фактор информационных ожиданий адресата, реализация которых обуславливает наличие в медиатекстах информации о том, что, где и когда произошло, а также формирование оценочного поля случившегося, выхода на его дальнейшие последствия как для участников события, так и для общества в целом. Отвечая этим ожиданиям, автор моделирует вербальный вариант события, сообщая о нем определенную информацию, тем самым формируя модус поддержки или обвинения и осуждения. Так, модус поддержки и ИКМС, репрезентирующие акцию панк-группы как творческую акцию или религиозное событие, доминируют в издании «Новая газета». Информационная политика редакции, выражающаяся в форме активной правозащитной деятельности, направлена на поддержание политической активности, в том числе оппозиционной. В «Российской газете», решающей задачи консолидации российского общества и политической системы, модус обвинения актуализируется посредством ИКМС «Акция панк-группы "Pussy Riot" в храме Христа Спасителя как хулиганство».

Соответственно, акция панк-группы "Pussy Riot", являясь событием запланированным, преднамеренным, включающим проявление человеческого фактора в его организации и свершении, будучи намеренно провокационным, реализуется в виде нескольких вербальных вариантах (ИКМС), что обуславливает ее полицентричный характер.

Таким образом, моноцентрическое интерпретационное поле репрезентаций события не демонстрирует конфликта смысловых версий, характеризующихся смысловой общностью и однонаправленностью интерпретации, независимо от информационной политики изданий. Полицентрическое интерпретационное поле репрезентаций события содержит больший потенциал конфликта смысловых версий, репрезентирующих разнополярность редакционных позиций.

Комплексный лингвостилистический анализ текста выявил различие в отборе языковых единиц в их дик-

тумной и модусной репрезентации, а также определил конфигурацию структурных компонентов интерпретационно-когнитивной модели. В текстах российской прессы представлены варианты, различающиеся по степени выраженности того или иного структурного компонента. Соответственно, конфигурация интерпретационно-когнитивной модели меняется в зависи-

мости от того, какой компонент находится в сильной позиции (предикат, субъект, локатив, темпоратив). В частности, в определенной интерпретационно-когнитивной модели может отсутствовать тот или иной компонент в целом или быть представленным только в одном варианте репрезентации (диктум или модус).

Литература

1. Артамонова Ю. Д., Кузнецов В. Г. Герменевтический аспект языка СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. М.: Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 2003. Режим доступа: <http://evartist.narod.ru/text12/04.htm> (дата обращения: 12.03.2014).
2. Rogozina I. V. Медиа-картина мира: когнитивно-семиотический аспект. М.; Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2003. 289 с.
3. Краснорядова О. В. Медийный текст: его особенности и виды // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2010. № 3. С. 177–181.
4. Хорольский В. В. Коммуникативистика и теория журналистики в контексте медийной глобализации: методологические загадки // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 8: Литературоведение. Журналистика. 2009. № 8. С. 78–89.
5. Луман Н. Реальность массмедиа / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. М.: Праксис, 2005. 256 с.
6. Маклюэн Г. М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева. М.: Кучково поле, 2011. 464 с.
7. Сморгун Л. В. Гуманитарные технологии и формирование политического события // Гуманитарные технологии и политический процесс в России. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2001. С. 35–40. Режим доступа: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/728> (дата обращения: 12.03.2013).
8. Тertychnyy A. A. Жанры периодической печати. М.: Аспект Пресс, 2000. 312 с.
9. Резникова С. С. Концепт «событие» и способы его вербальной репрезентации в СМИ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2006. 22 с.
10. Хорольский В. В. «Событие» в журналистике и теории массовых коммуникаций: сходство и различие в подходах // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2013. Т. 12. № 10. С. 23–29.
11. Беляевская Е. Г. Медийный дискурс: когнитивные модели интерпретации события (на материале английского языка) // Вопросы когнитивной лингвистики. 2015. № 3. С. 5–13.
12. Kim L. G., Golev N. D. Об отношениях адресата, автора и текста в парадигме лингвистического интерпретационизма // Сибирский филологический журнал. 2008. № 1. С. 144–153.
13. Ineshina (Mokhireva) S. V. Медиадискурс как реализация интерпретационного потенциала события (на материале публикаций в русскоязычных СМИ): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2017. 24 с.
14. Kim L. G. Вариативно-интерпретационное функционирование текста. Кемерово: КемГУ, 2012. 272 с.
15. Кирия И. В., Новикова А. А. История и теория медиа. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 424 с.
16. Черкасова М. Н. Оскорбление vs панк-молебен (на примере инцидента с группой «Pussy Riot») // Труды Ростовского государственного университета путей сообщения. 2014. № 1. С. 188–190.

MODELS OF INTERPRETATION OF THE EVENT IN THE DISCOURSE OF THE RUSSIAN PRESS

Svetlana V. Ineshina¹. @. *

¹ Kemerovo State University, 6, Krasnaya St., Kemerovo, Russia, 650000
@svineshina@yandex.ru

Received 15.01.2018. Accepted 15.05.2018.

Keywords: interpretation, variability, media discourse, event,

Abstract: The article considers the mechanism of interpretation of reality in the Russian media discourse through the prism of the event – a key category of journalistic text. From the position of the theory of variational interpretation of the text, the event appears as

* The article was prepared with the support of RFBR grant № 18-412-420003 r_a.

interpretation-cognitive model, semantic version of the event, type of interpretation field.

a "verbal construct", which is represented in the media by a certain number (n-number) of interpretative-cognitive models, each of which is constructed by n-number of semantic versions – variants of the author's interpretation of reality. The created model is determined by a number of factors: information expectations of the addressee, communicative intention of the author, specificity of media and socio-political contexts. In this case, the nature of the event (catastrophe event or provocation event) is the starting point for the development of the vector of author's interpretation, setting markers on the basis of which an interpretation field of a monocentric or polycentric type is formed. The first type is represented by one interpretation-cognitive model that dominates the discourse of the Russian press; the second type of field includes a certain (more than two) number of interpretative-cognitive models. The mechanism for interpreting events of different types is examined on specific examples that have received wide resonance in Russian media, e.g. the catastrophe event "The accident with the Bulgaria ship" produces a monocentric type of the interpretation field; the provocation event "The action of the punk group "Pussy Riot" in the Cathedral of Christ the Savior" forms a polycentric interpretation field.

For citation: Ineshina S. V. Modeli interpretatsii sobytiia v diskurse rossiiskoi pressy [Models of Interpretation of the Event in the Discourse of the Russian Press]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2018): 176–182. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-176-182>.

References

1. Artamonova Iu. D., Kuznetsov V. G. Germenevticheskii aspekt iazyka SMI [Hermeneutical aspect of the language of the media]. *Iazyk SMI kak ob"ekt mezhdistsiplinarnogo issledovaniia* [The language of the media as an object of interdisciplinary research]. Moscow: Moskovskii gosudarstvennyi universitet im. M. V. Lomonosova, 2003. Available at: <http://evartist.narod.ru/text12/04.htm> (accessed 12.03.2014).
2. Rogozina I. V. *Media-kartina mira: kognitivno-semioticheskii aspekt* [Media-picture of the world: cognitive-semiotic aspect]. Moscow; Barnaul: Izd-vo AltGTU, 2003, 289.
3. Krasnoiarova O. V. Mediinyi tekst: ego osobennosti i vidy [Media text: its features and types]. *Izvestiia Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii = Izvestiya of the Irkutsk State Economic Academy*, no. 3 (2010): 177–181.
4. Khorol'skii V. V. Kommunikativistika i teoriia zhurnalistiki v kontekste mediinoi globalizatsii: metodologicheskie zagadki [Communicativistics and the theory of journalism in the context of media globalization: methodological puzzles]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 8: Literaturovedenie. Zhurnalistika = Bulletin of Volgograd State University. Series 8: Literary Studies. Journalism*, no. 8 (2009): 78–89.
5. Luhmann N. *Real'nost' massmedia* [The reality of the media]. Transl. Antonovskii A. Iu. Moscow: Praxis, 2005, 256.
6. McLuhan H. M. *Ponimanie Media: Vneshnie rasshireniia cheloveka* [Understanding Media: External Expansions of Man]. Transl. Nikolaev V. Moscow: Kuchkovo pole, 2011, 464.
7. Smorgunov L. V. Gumanitarnye tekhnologii i formirovanie politicheskogo sobytiia [Humanitarian technologies and the formation of a political event]. *Gumanitarnye tekhnologii i politicheskii protsess v Rossii* [Humanitarian technologies and the political process in Russia]. Saint-Petersburg: Izd-vo SPbGU, 2001, 35–40. Available at: <http://gtmarket.ru/laboratory/expertize/2006/728> (accessed 12.03.2013).
8. Tertychnyi A. A. *Zhanry periodicheskoi pechati* [Genres of periodicals]. Moscow: Aspekt Press, 2000, 312.
9. Reznikova S. S. *Kontsept «sobytie» i sposoby ego verbal'noi reprezentatsii v SMI*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [The concept of "event" and ways of its verbal representation in the media. Cand. philol. Sci. Diss. Abstr.]. Saint-Petersburg, 2006, 22.
10. Khorol'skii V. V. «Sobytie» v zhurnalistike i teorii massovykh kommunikatsii: skhodstvo i razlichie v podkhodakh ["Event" in journalism and the theory of mass communications: similarity and difference in approaches]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorii, filologiya = Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology*, 12, no. 10 (2013): 23–29.
11. Beliaevskaia E. G. Mediinyi diskurs: kognitivnye modeli interpretatsii sobytiia (na materiale angliiskogo iazyka) [Media discourse: cognitive models of the interpretation of the event (on the material of the English language)]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki = Questions of cognitive linguistics*, no. 3 (2015): 5–13.
12. Kim L. G., Golev N. D. Ob otnosheniakh adresata, avtora i teksta v paradigme lingvisticheskogo interpretatsionizma [About the relationship of the addressee, the author and the text in the paradigm of linguistic interpretationism]. *Sibirskii filologicheskii zhurnal = Siberian Philological Journal*, no. 1 (2008): 144–153.
13. Ineshina (Mokhireva) S. V. *Mediadiskurs kak realizatsiia interpretatsionnogo potentsiala sobytiia (na materiale publikatsii v russkoiazychnykh SMI)*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Mediadiscourse as realization of the interpretation potential of the event (on the material of publications in Russian-language media). Cand. philol. Sci. Diss. Abstr.]. Kemerovo, 2017, 24.
14. Kim L. G. *Variativno-interpretatsionnoe funktsionirovanie teksta* [Variational-interpretational functioning of the text]. Kemerovo: KemGU, 2012, 272.

15. Kiriia I. V., Novikova A. A. *Istoriia i teoriia media* [History and theory of media]. Moscow: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2017, 423.
16. Cherkasova M. N. Oskorblenie vs pank-moleben (na primere intsidenta s gruppoi «Pussy Riot») [Insulting vs punk moleben (on the example of the incident with the group "Pussy Riot")]. *Trudy Rostovskogo gosudarstvennogo universiteta putei soobshcheniia = Proceedings of the Rostov State University of Communications*, no. 1 (2014): 188–190.

УДК 81'243: 378.147

ФАСИЛИТАЦИЯ ОБУЧЕНИЯ АУДИРОВАНИЮ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ ПОСРЕДСТВОМ УСВОЕНИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ СВЯЗНОЙ АНГЛИЙСКОЙ РЕЧИ

Инна Н. Кошелева¹, @

¹ Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

@ ipozdnysheva@yandex.ru

Поступила в редакцию 27.02.2018. Принята к печати 03.05.2018.

Ключевые слова:

фасилитация, обучение аудированию, подход по модели «снизу-вверх», связная английская речь, фонологические особенности.

Аннотация: Восприятие речи на слух является не только одним из самых важных языковых умений, необходимых для повседневного речевого общения, но и неотъемлемой частью изучения иностранного языка. Становится очевидным, что обучающиеся нуждаются в эффективной подготовке по формированию аудитивных навыков. Однако самому процессу слушания английской речи, вычленению в потоке речи фонем, подвергающихся фонологическим изменениям, которые часто вызывают трудности при восприятии звучащего текста, зачастую не уделяется должного внимания. Предметом данного исследования является фасилитация обучения аудированию студентов неязыкового вуза. Цель статьи – выявить основные фонологические особенности связной английской речи и представить примеры заданий, направленных на их распознавание. Методологическую базу проведенного исследования составляет подход к обучению аудированию по модели «снизу-вверх», а также положение о том, что восприятие речи и ее понимание на слух – процесс. Соответственно, важную роль играет способность правильно декодировать фонемы, слова, фразы и на их основании выводить смысл. В этом контексте неправильные ответы студентов подлежат анализу и способствуют выявлению тех мест, где произошел сбой в понимании. Показано, что осведомление студентов о фонологических особенностях связной английской речи помогает им преодолевать трудности перцепции аудиотекста и тем самым повышает эффективность обучения аудированию. Результаты исследования могут представлять интерес для преподавателей иностранного языка, а также для специалистов, занимающихся вопросами изучения фонетики английского языка. В заключении делаются выводы о том, что для успешного развития навыков и умений аудирования требуется сочетание подходов «снизу-вверх» и «сверху-вниз». Это позволяет создавать благоприятные условия для овладения одним из сложных видов речевой деятельности.

Для цитирования: Кошелева И. Н. Фасилитация обучения аудированию в неязыковом вузе посредством усвоения особенностей связной английской речи // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 2. С. 183–189. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-183-189>.

Понимание речи на слух играет важную роль в освоении иностранного языка, поскольку она является одним из каналов передачи информации, позволяющим обучающимся обогащаться знаниями о языке. Так, на занятиях по английскому языку, проводящихся по коммуникативной методике, студенты постоянно находятся в разговорной среде. Они вынуждены воспринимать речь преподавателя, своих сокурсников, а также звуковой ряд аудио- и видеоматериалов. Если у обучаемых не получается понять содержание фраз собеседника, дискуссий, то такая ситуация может вызвать у них негативные эмоции, поскольку понимание речи на слух влияет на способность говорить, читать и писать на английском языке. Более того, аудирование – один из навыков, в отработке которого студенты нуждаются особенно. Об этом свидетельствует отсутствие у них уверенности при прослушивании радиопередач, аудиолекций, читаю-

щихся носителями языка, поскольку студенты нередко просят проиграть запись повторно.

Проблема непонимания звучащего аутентичного материала заключается в том, что большинство студентов не учились правильно «слушать» английский. Нередко обучающимся в неязыковых вузах предъявляют аудиозаписи, а затем тестируют понимание их содержания. Таким образом, преподаватели часто фокусируют свое внимание на результате, «продукте» аудируемого текста, а не на самой перцепции звучащей речи, т. е. сам процесс упускается из виду. Часто после неправильно-го ответа студента не следует подробный анализ, каким образом он пришел именно к такому решению: была ли это догадка по какому-либо одному слову, по контексту или просто неправильно воспринято определенное слово. Однако, уделяя внимание некоторым наиболее распространенным фонологическим особенностям аутентичного разговорного английского языка, студенты

могут лучше понимать на слух содержание представленной информации.

Дополнение и расширение практических данных, позволяющих развивать навыки аудирования и помогающих студентам неязыковых вузов преодолевать трудности восприятия аутентичной звучащей речи, определяют научную новизну настоящего исследования. Цель данной статьи заключается в описании некоторых фонологических особенностей связной английской речи, а также принципов работы по их распознаванию в речевом потоке посредством определенных заданий. Для достижения поставленной цели ставятся следующие задачи. Во-первых, нами уточняется значение понятия «аудирование». Во-вторых, рассматривается контекст обучения восприятию и пониманию речи на слух в отечественной и зарубежной науке, излагаются подходы, в рамках которых выполнена настоящая работа. В-третьих, определяется понятие *связной речи* и раскрывается сущность таких явлений, как *слабые формы служебных слов, соединение (сцепление) звуков, интрузия, элизия, ассимиляция и ритм*. Наконец, приводятся примеры их отработки на основе различных материалов – учебных роликов, песен, аутентичных видео- и аудиоматериалов. Для решения задач, поставленных в работе, уточним содержание понятия «аудирование».

Среди имеющихся определений наиболее полным нам представляется дефиниция, данная М. Ростом. Так, *аудирование* является сложным когнитивным процессом, включающим в себя рецептивные, преобразующие и интерпретирующие аспекты когниции [1, с. 503]. Другими словами, восприятие речи включает распознавание сказанного на слух, преобразование фонем или слов в более длинные высказывания и предложения, интерпретацию замысла говорящего.

В последнее время навыку аудирования уделяется все больше и больше внимания, чем когда-либо. Отчасти это связано с наличием тестирования понимания речи на слух в различного рода экзаменах – международных, выпускных в школе, вступительных в магистратуру университетов. Также данный интерес продиктован возросшей доступностью и популярностью мультимедийных технологий, которые позволяют создавать более реалистичную картину изучаемого языка и культуры, включая не только лингвистические, но и паралингвистические особенности: язык тела и жестов, просодию, помогающие обучающимся раскрывать смысл звучащей речи. Обратимся к краткому обзору тем исследований, связанных с аудированием в отечественной и зарубежной науке.

В трудах российских ученых акцент делается на создании эффективных методик, направленных на формирование навыков понимания звучащей речи, преодоление трудностей при восприятии иноязычных высказываний на слух [2–6]. Стоит отметить набирающий популярность метакогнитивный подход к обучению аудированию, в рамках которого обучающиеся могут подвергать анализу свои мыслительные стратегии и управлять познавательной деятельностью: продумывать стратегии по овладению навыками перцепции

речи, признавать свои слабые стороны и оценивать свои достижения.

Интерес зарубежных исследователей лежит в сфере понимания природы восприятия звучащей речи. Они опираются на изыскания в области психолингвистики, семантики, прагматики, дискурс-анализа и когнитивной науки [7–11]. Принимая во внимание тот факт, что восприятие речи на слух – это сложный пошаговый процесс, подразумевающий различные виды обработки информации, уместно говорить о двух подходах к обучению аудированию: *bottom-up approach* (модель «снизу-вверх») и *top-down approach* (модель «сверху-вниз»). Первый позволяет обучающимся узнавать лексические и произносительные особенности речи, чтобы понять звучащий текст. Так, студенты направляют фокус внимания на языковые формы на уровне слова и предложений для проникновения в смысл высказывания. Второй подход опирается на уже имеющиеся знания контекста у слушающих, а также их опыт, владение темой, знакомство с собеседником, описываемой ситуацией, владение жизненными реалиями и их сопоставление с содержанием звучащего текста [12, с. 14–15]. Исследованиями доказано, что эффективное восприятие речи на слух заключается в интеграции и балансе между двумя вышеописанными стратегиями [13]. В то же время это равновесие может смещаться в пользу одного из подходов под влиянием ряда факторов, например, самого звучащего текста, задания, говорящего, слушающего. Значительным вкладом в развитие представлений о сущности аудирования можно считать подход к этому виду речевой деятельности как к *процессу*, в котором различается декодирование – согласование групп звуков в речевом потоке со словами из словарного запаса слушающего и построение смысла, т. е. его создание на основе декодированных слов [9, с. 111].

Принято считать, что чаще преподаватели используют подход к обучению аудированию «сверху-вниз», используя характерные для него задания – прогнозирование содержания аудио- или видеоматериалов, вопросы на понимание, перечисление определенных фактов. Однако в практике понимания речи на слух нередко упускаются из виду упражнения на произношение и фонологические особенности связной английской речи, которые позволяют студентам обращать внимание и на языковое оформление звучащего текста. Именно поэтому данное исследование выполнено в рамках подхода «снизу-вверх» и ориентировано на повышение эффективности обучения аудированию. Также мы опираемся на положение о том, что восприятие речи на слух – это *процесс*. Это, во-первых, побуждает преподавателя тщательно подбирать вводный материал для прослушивания и предвидеть возможные проблемы обучающихся. Во-вторых, дает возможность преподавателю помочь студентам расшифровать «код» связной речи независимо от языковых знаний обучающихся и их опыта перцепции речи на слух. Далее рассмотрим понятие связной речи и присущие ей фонологические особенности.

По определению, данному Д. Браун и К. Кондо-Браун, связная речь относится к разговорному языку, когда он анализируется как непрерывная последовательность, например, в обычных высказываниях или разговоре в противоположность типичному лингвистическому разбору конкретных фонем, рассмотренных по отдельности [14, с. 284]. Авторы также подчеркивают, что она составляет существенную часть разговорного языка и присутствует на всех уровнях речи от повседневной до очень формальной [14, с. 5]. Приведем здесь наиболее распространенные черты связной речи.

1. Слабые формы служебных слов (вспомогательных глаголов, союзов, предлогов, артиклей и местоимений). В разговорном английском мы чаще слышим слабые формы, нежели сильные (находящиеся под ударением). Первые труднее распознавать на слух, потому что на них не падает ударение в предложении. Также они короче, быстро и не очень четко произносятся, некоторые звуки полностью исчезают, а гласные в этих словах часто заменяются на краткий гласный звук «шва» [ə], как в представленном выражении *a million Americans* [ə 'mɪljən ə'merəkənz]. Например, союзы имеют следующие сильные и слабые формы соответственно: *because* [bi'kɒz] – [kəz], *but* [bʌt] – [bə], *so* [səʊ] – [sə], *and* [ænd] – [ən], *or* [ɔ:r] – [ər].

2. Соединение (сцепление) звуков в потоке речи. В разговорном языке мы не воспринимаем слова по отдельности, как, например, при чтении, поскольку они связаны между собой. Так, если слово заканчивается на согласный звук, а следующее начинается с гласного, то мы слышим, как будто согласный звук занял позицию в начале второго слова – *drop it /dro-pit/, I need it more than you do /I nee dit more than you do/*. Отдельно стоит отметить ситуацию, когда слова (или часть сложного слова), заканчивающиеся на звук [r], а за ним следует гласный звук, произносятся слитно – *father-in-law* ['fa: ðərɪnlɔ:], *clear as water* ['kliərəz 'wɔ:tə].

3. Интрузия – вставка фонем внутри слова или между ними. Например, в американском английском звук [t] появляется между [l] и [s], как в слове *false* – [fɔ:ls]. Наиболее часто между словами, начинающимися с гласных звуков, обычно на их границе в потоке речи появляются фонемы [r], [w], [j], где их в правописании нет. Такие явления можно наблюдать в следующих фразах: *a banana is a yellow fruit* [ə bə'nɑ:nəɪz ə 'jeləʊ frʊt], *hello and welcome* [hə'ləʊ wænd 'welkəm], *he often goes there* [hi 'ɒfən geʊz ðeə]. Обычно интрузивный звук [w] возникает, когда первое слово заканчивается на [u:] или [əʊ], поскольку положение губ в конце произнесения этих звуков совпадает с произнесением [w]. Вставка [j] обусловлена тем, что первое слово чаще всего заканчивается на [i], [i:], или [aɪ], [eɪ].

4. Элизия – процесс, противоположный интрузии, обозначающий выпадение гласной или согласной фонемы либо в середине слова, либо на границе слов. Здесь уместно рассмотреть несколько случаев.

I. Выпадение слабой гласной фонемы после p, t, k. В таких словах, как *potato*, *tomato*, *sanagu*, гласный в первом слоге может не произноситься – [p^h'teɪtəʊ], [t^h'ma:təʊ], [k^h'neɪɡɪ], где [h] обозначает аспирацию.

II. Выпадение слабой гласной фонемы, если за ней следуют n, l, r – *tonight*, *police*, *correct* – [tnaɪt], [plɪ:s], [krekt].

III. Кластер согласных звуков также способствует упрощению их произношения. Например, во фразе *George the Sixth's throne* вместо [sɪksθs θrəʊn] произносится [sɪksθrəʊn] или [sɪksrəʊn].

IV. Потеря фонемы [v] перед согласными в предложении *of – lots of them*, *waste of money*, [lɒts ə ðəm], [weɪst ə mʌni], либо фонемы [ə] в том же предложении – *all of mine*, *best of three* [ɔ:l v maɪn], или [best f θri:] [15, с. 114].

Выпадение фонемы [h] в начале слов. Это обычно свойственно фразам, в составе которых имеются местоимения в безударной позиции или же формы вспомогательного глагола *have*. Например, *give her*, *give him* – [gɪvə], [gɪvɪm]; *would have*, *should have* – [wʊdəv], [ʃʊdəv] [15].

5. Ассимиляция – влияние артикуляции одной фонемы на другую и уподобление ее себе. В данной работе мы не будем останавливаться на типах и формах ассимиляции, а лишь укажем на самые распространенные изменения звуков под влиянием других, поскольку наше исследование носит больше практический характер, нежели теоретический.

I. [t] → [k]: фонема [t] в конце слова переходит в [k], когда следующее слово начинается со звуков [g] или [k] – *white gloves* [waɪk glʌvz], *smart kid* [smɑ:k kɪd].

II. [t] → [p]: фонема [t] в конце слова переходит в [p], когда за ним следует слово, начинающееся с фонем [b], [m], [p] – *met before* [met bɪ'fɔ:], *white man* [waɪp mæn], *meet people* [mi:p pi:pl].

III. [d] → [g]: такое изменение фонем обусловлено тем, что одно слово заканчивается на [d], а другое начинается с [k] или [g] – *red carpet* [reg 'ka: pɪt], *good girl* [gʊd gɜ:l].

IV. [d] → [b]: в случае если конечная фонема [d] одного слова сталкивается с начальной фонемой другого слова, это могут быть [p], [b], [m] – *red pepper* [reb 'pepə], *bad back* [bæb bæk], *old man* [əʊlb mæn].

V. [n] → [ŋ]: такое изменение характерно для ситуации, когда одно слово заканчивается на [n], а второе начинается с [k] или [g] – *green card* [gri: ŋ ka:d], *win games* [wɪŋ geɪmz].

[n] → [m]: если одно слово заканчивается на [n], а второе может начинаться с [p], [b], [m] – *hen party* [hem 'pa: ti], *wine bar* [waɪn ba:], *it's on me* [ɪts ɒn mi].

[t] → [tʃ] ← [j]: слияние фонем происходит, когда одно слово имеет конечную фонему [t], а второе начинается с [j] – *next year* [neks tʃɪ:(r)], *they promised you* [ðeɪ 'prɒmɪs tʃu:];

[z] → [ʒ] ← [j]: такое слияние характерно при условии, что одно слово заканчивается на [z], а второе слово начинается с [j] – *his university* [hɪz 'u:nɪvɜ:səti], *they always use cash* [ðeɪ ɔ:lweɪ zʌz kæʃ];

[s] → [ʃ] ← [j]: образование нового звука происходит, когда одно слово заканчивается на [s], а второе слово начинается с [j] – *I miss you* [aɪ mɪ ʃu:], *gas utility bill* [gæs ju:'tɪlɪtɪ bɪl];

[d] → [dʒ] ← [j]: конечный [d] одного слова при слиянии с начальным [j] другого слова образуют [dʒ] –

mind your own business [ˈmaɪn dʒər əʊn ˈbɪznəs], *cold year* [kəʊl dʒɪə].

6. Ритм. Чередование ударных и безударных слогов придает определенный ритм английской речи. Не вызывает сомнения тот факт, что он играет важную роль в коммуникации. Специалист в области обучения произношению Д. Джилберт сравнивает ритм и мелодику речи с «дорожными знаками», поскольку они помогают слушающему истолковывать намерения говорящего [16, с. 2]. Английский язык иногда называют изохронным, что подразумевает тенденцию повторения ударных слогов через равные промежутки времени независимо от количества промежуточных безударных [17, с. 71]. В зависимости от принадлежности к знаменательным или служебным частям речи слова могут иметь ударную или безударную форму. К первым относят существительные, смысловые глаголы, прилагательные и наречия. Ко вторым, как правило, – артикли в безударном положении, союзы, предлоги, местоимения и вспомогательные глаголы. Однако стоит отметить, что любое слово или слог можно выде-

a. <i>You</i>		<i>me</i>		<i>him</i>		<i>her</i> .
b. <i>You</i>	and	<i>me</i>	and	<i>him</i>	and	<i>her</i> .
c. <i>You</i>	and then	<i>me</i>	and then	<i>him</i>	and then	<i>her</i> .
d. <i>You</i>	and then it's	<i>me</i>	and then it's	<i>him</i>	and then it's	<i>her</i> .

Также для английской речи свойственна *выделенность* слогов или слов в смысловых группах, которые несут таковую нагрузку и помогают выражать как интенции, так и эмоции человека. Например, в предложении **I'll** get you / my **pretty** / and your little **dog** too! три смысловых группы, в каждой из которых имеется наиболее выделенный силой голоса слог.

Как видно из вышеприведенного описания, связанная английская речь состоит из многих элементов. Студентам нет необходимости вводить их в свой обиход. Однако обучающимся нужно быть осведомленными об изменениях, которые происходят в быстрой, естественной речи, что в свою очередь положительно скажется на их способности понимать содержание аудируемых текстов. Следовательно, преподавателям нужно выстроить учебный процесс таким образом, чтобы студенты осваивали особенности связанной речи.

Далее рассмотрим виды заданий, направленные на отработку этих фонологических особенностей. Так, С. Дарн разделяет упражнения на распознавание и воспроизведение вышеупомянутых явлений [18]. К упражнениям на распознавание относят следующие.

1. Распознавание на начальном этапе обучения слабых форм служебных частей речи, содержащих безударную фонему [ə]. Поскольку «шва» встречается постоянно, можно рассматривать различные предлоги (to, from, of), вспомогательные глаголы, не транскрибируя полностью слово, а лишь написав на доске звук [ə]. Также стоит отмечать соединение звуков, как, например, в выражении *a lot of* [ə lɒ tɒv]. Когда обучаемые привыкают к слабым формам, можно перейти к ассимиляции, показывая студентам, как часто произносится наиболее распространенная фраза *Do you like,*

лишь ударением, если того требует смысл, например, для контраста или для исправления того или иного факта, как, например, в предложении *She's hoping to get a taxi **to** the station (not from the station)*. Согласно принципу изохронности, чем больше безударных слогов, тем быстрее говорящему приходится их произносить, чтобы уместить их в такт. Другими словами, время, за которое произносится то или иное высказывание, зависит от количества ударений, а не от количества слогов. Для того чтобы поддерживать «регулярное» ударение (с равными промежутками времени), приходится сохранять неравномерную длину слога. Так, если между ударными слогами нет безударных, то для первых будет характерно долгое произношение для обеспечения равномерного звучания. Если есть три или четыре безударных слога между ударными слогами, безударные будут проговариваться быстрее для сохранения ритма. Если принимать во внимание этот факт, то рассмотренные ниже предложения займут приблизительно одинаковое время для их произнесения (ударные выделены курсивом):

где [du: ju:] становится [dʒə]. Полезными считаются задания и на прогнозирование произношения. При введении новой лексики со студентами можно обсудить, где, по их мнению, возможно появление «шва» и ассимиляции.

2. Быстрый диктант. Преподаватель произносит фразы или слова только один раз со скоростью естественной речи (*the boys are good / the boy is good / the boy was good*), а студенты записывают их.

3. Диктогloss / частичный диктант / импровизированный диктант. Под первым подразумевается текст, зачитываемый обучающимся преподавателем. В процессе слушания студенты записывают ключевые слова и затем на их основе воссоздают первоначальный текст, работая в группах. Частичный диктант предполагает восприятие студентами на слух прочитанного преподавателем текста или прослушивание записи с целью заполнить пропуски в письменном тексте. Как правило, объем текста небольшой. Так, студентам среднего уровня знания английского можно предложить такой частичный диктант: *The (1) **night before** we left for vacation, we listened to (2) **great music** at a local festival. I can (3) **get by** on pop music, but prefer styles that are a (4) **bit more** indie. So I found another festival near our hotel. While the music at the first festival was a (5) **lot better**, the overall experience wasn't (6) **that bad** because it was easy to (7) **meet people there*** [19]. На месте выделенных слов должны стоять пропуски. В данном диктанте студенты учатся распознавать ассимиляцию фонемы [t]. Импровизированный диктант заставляет студентов внимательно слушать запись или преподавателя, внезапно остановившегося на каком-то слове (словах). Задача студентов – вспомнить это слово или определенные выражения.

4. «Сколько слов?». Данное упражнение ориентировано на наблюдение за сцеплением слов в потоке речи и различение границ между ними. Для студентов предсреднего уровня и выше можно предложить проанализировать песню. Представленный ниже текст – стихотворение, в котором два первых куплета напечатаны так, как они произносятся, а не по правилам орфографии. Студентам раздается текст песни, а во время прослушивания они должны определить правильное написание слов. Также стоит обратить внимание на выделенные жирным шрифтом слоги, где ритм понижается. Обсуждение результатов работы можно проводить в мини-группах или парах.

*I walk tin the par kin the middle of the night
I hurry din the dark 'cause there wasn tenny light
I stop tan I listen dan die look tall around
I couldn't siya thing an die couldn't hira a sound
I switch ton my phone an die use dit for a light
I look to the leff tan die lookt other right
I startid feeling worry dan decidid to go back
I look tall around butta couldn't see the track*

*You're lost, you're lost
You'll never find the track
You're lost, you're lost
You're never coming back! [20].*

Для студентов более высокого уровня можно предложить работу с электронным ресурсом www.tubequizard.com, где собраны видеоматериалы, содержащие разные аспекты связной речи, и предлагаются задания на их распознавание.

Определение выделенных слов в смысловых группах аудируемого текста с целью понять эмоции говорящего, его отношение к предмету обсуждения. Так, студентам можно предложить разобрать отрывок из выступления радиоведущей Малавики Варадан "Seven ways to make a conversation with anyone" [21]. *Strangers / They are everywhere / and we've always been told / don't talk to strangers / but / I beg to differ / Every stranger comes with / an opportunity to learn something new / an opportunity to have an experience you've never had / or hear a story that you've never heard before.* Косой чертой выделены смысловые группы, а жирным шрифтом – акцентируемые при произнесении слова.

Ко второму типу упражнений на воспроизведение особенностей связной речи можно отнести следующие.

1. Упражнения на повторение (произнесение), изменение звуковой оболочки слова самими студентами. Чем больше обучаемые будут взаимодействовать

с изменениями форм слова, тем больше возможностей будет у них появляться для декодирования или понимания всех модификаций, когда они их услышат [11]. Эффективным в плане наработки произношения является упражнение на повторение за преподавателем фразы или слова, содержащих несколько слогов, с конца, постепенно «нанизывая» на него впереди стоящие элементы. Так, предложение *Play a song for us on your guitar*, можно произносить в несколько этапов и, дойдя до конца, полностью воспроизвести фразу: *on your guitar, for us, play a song* → **play a song for us** on your guitar. Цель повторения этого предложения – тренировка в произношении соединенных между собой слов, они выделены жирным шрифтом.

2. Двигательные упражнения на отработку ритма с использованием щелканья пальцами, выстукивания, хлопков, кивков головой.

3. Составление коротких диалогов. При этом следует обращать внимание на ударные слоги и ритм.

4. Чтение вслух коротких предложений только с ударными словами, а затем добавление других безударных слов без замедления темпа речи.

5. Работа с джазовыми чантами, песнями на развитие музыкального слуха и ритма.

Подводя итог данному исследованию, отметим, что нередко студентам неязыковых вузов недостаточно привлечения их знакомства с культурным контекстом, опоры на фоновые знания, чтобы постигнуть смысл аудиотекста. Так, обучающиеся нуждаются в прочной основе, которую Дж. Браун называет «фонологическим кодом», т.е. при обучении аудированию важную роль играет осведомленность студентов о фонологических особенностях связной английской речи [22, с. 151]. Чем она выше, тем легче им воспринимать на слух звучащую речь. В связи с этим представляется целесообразным наряду с подходом по модели «сверху-вниз» использовать подход по модели «снизу-вверх» и уделять внимание декодированию отдельных слов и фраз, роли ритма в коммуникации, произношению. Соответственно, можно предложить обучающимся задания, способствующие распознаванию и воспроизведению различных звуковых форм. Знакомство с фонологической системой английского языка должно осуществляться на начальном этапе обучения и усложняться в соответствии с повышением языкового уровня студентов. Таким образом, использование описанных заданий позволяет значительно повысить способность обучаемых к восприятию речи на слух, а также выработать уверенность в овладении этим непростым видом речевой деятельности.

Литература

1. Rost M. L2 Listening // Handbook of Research in Second Language teaching and Learning / ed. Hinkel E. New Jersey: Mahwah, 2005. P. 503–527.
2. Лазарева А. В. Обучение аудированию в вузах // Инновационность и мультикомпетентность в преподавании и изучении иностранных языков / отв. ред. Н. М. Мекеко. М.: РУДН, 2015. С. 146–157.
3. Говорун С. В. Развитие навыков и умений аудирования у студентов-востоковедов, изучающих английский язык: дис. ... канд. пед. наук; Санкт-Петербургский гос. ун-т. СПб., 2015. 270 с.
4. Khuziakhmetov A. N., Porchesku G. V. Teaching listening comprehension: bottom-up approach // International journal of environmental and science education. 2016. T. 11. № 8. С. 1989–2001.

5. Осадчая Т. Ю. Современные подходы к обучению аудированию на занятиях по иностранному языку в вузе // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 2. С. 206–210.
6. Снытникова Н. И. Преодоление трудностей аудирования на начальном уровне обучения иностранному языку // Письма в Эмиссия. Оффлайн. 2012. № 7. Режим доступа: <http://www.emissia.org/offline/2012/1827.htm> (дата обращения: 08.02.2018).
7. Goh C. A cognitive perspective on language learners' listening comprehension problems // System. 2000. Vol. 28. № 1. P. 55–75.
8. Lynch T., Mendelson D. Listening // An introduction to applied linguistics / ed. Schmitt N. London: Arnold, 2002. P. 193–210.
9. Field J. Listening in the Language Classroom. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 384 p.
10. Vandergrift L., Goh C. Teaching and learning second language listening: metacognition in action. New York: Routledge, 2011. 336 p.
11. Cauldwell R. Phonology for listening: teaching the stream of speech. Birmingham: Speech in Action, 2013. 352 p.
12. How can teachers teach listening. Режим доступа: http://www.tesol.org/docs/books/bk_ELTD_Listening_004 (дата обращения: 08.02.2018).
13. Flowerdew J., Miller L. Second language listening: theory and practice. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 238 p.
14. Brown J., Kondo-Brown K. Perspectives on teaching connected speech to second language speakers. Honolulu: University of Hawai'i at Mānoa, National foreign language resource center, 2006. 291 p.
15. Roach P. English phonetics and phonology: a practical course. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 242 p.
16. Gilbert J. Teaching pronunciation: using the prosody pyramid. Cambridge University Press, 2008. 52 p. Режим доступа: <https://www.tesol.org/docs/default-source/new-resource-library/teaching-pronunciation-using-the-prosody-pyramid.pdf?sfvrsn=0> (дата обращения: 08.02.2018).
17. Underhill A. Sound foundations: learning and teaching pronunciation. New York: MacMillan Education, 2005. 224 p.
18. Darn S. GME: Rhythm. Режим доступа: http://www.stevedarn.com/?Writings:Publications:GME%3A_Rhythm (дата обращения: 08.02.2018).
19. Artibey D. English micro-listening lesson – assimilation /t/ to /p/ // YouTube. 25.08.2017. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=Ac8k1pcTC-8> (дата обращения: 08.02.2018).
20. Hancock M. Lost. Режим доступа: <http://hancockmcdonald.com/materials/lost> (дата обращения: 08.02.2018).
21. Varadan M. Seven ways to make a conversation with anyone // YouTube. 11.01.2016. Режим доступа: <https://www.youtube.com/watch?v=F4Zu5ZZAG7I> (дата обращения: 08.02.2018).
22. Brown G. Listening to spoken English. New York: Routledge, 1990. 192 p.

TEACHING LISTENING COMPREHENSION AT A NON-LINGUISTIC UNIVERSITY: FACILITATION THROUGH INTERNALIZATION OF CONNECTED ENGLISH SPEECH FEATURES

Inna N. Kosheleva¹, @

¹ Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 76, Vernadskogo Ave., Moscow, Russia, 119454
@ ipozdnysheva@yandex.ru

Received 27.02.2018. Accepted 03.05.2018.

Keywords: facilitation, teaching listening, bottom-up approach, connected English speech, phonological features.

Abstract: Listening is not only one of the most important language skills, which is necessary for everyday communication, but an integral part of foreign language learning. It is evident that the students need an effective training in building auditory skills. However, proper attention is seldom paid to the process of listening to the English speech, altering phoneme recognition in the stream of speech, which often causes difficulties in audio-comprehension. The subject of this research is facilitation of teaching listening comprehension to the students of non-linguistic universities. The purpose of the article is to identify the core phonological features of coherent English speech and provide the examples of activities aimed at their recognition. The methodological framework of the conducted research is represented by bottom-up approach to teaching listening and the tenet that speech perception and comprehension by ear is a process. Therefore, the ability to correctly decode phonemes, words, phrases and infer meaning plays an utmost role. In this context the students' wrong answers should be analyzed, it contributes to determining the point of misunderstanding. It is shown that making students aware of phonological features

of coherent English speech helps them to overcome difficulties in audiotext perception and thus enhances teaching listening comprehension. The results of the research can be of interest to both foreign language teachers and to the researchers dealing with English phonetics learning. Finally, the conclusions are drawn that a successful development of listening skills requires a combination of the bottom-up and top-down approaches. This enables teaching staff to create favorable conditions for acquisition of one of the most challenging language skills.

For citation: Kosheleva I. N. Fasilitatsiia obucheniiia audirovaniuu v neiazykovom vuze posredstvom usvoeniia osobennostei sviaznoi angliiskoi rechi [Teaching Listening Comprehension at a Non-Linguistic University: Facilitation through Internalization of Coherent English Speech Features]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2018): 183–189. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-183-189>.

References

1. Rost M. L2 Listening. *Handbook of Research in Second Language teaching and Learning*. Ed. Hinkel E. New Jersey: Mahwah, 2005, 503–527.
2. Lazareva A. V. Obuchenie audirovaniuu v vuzakh [Teaching listening comprehension at university]. *Innovatsionnost' i mul'tikompetentnost' v prepodavanii i izuchenii inostrannykh iazykov* [Innovation and multicompetence in teaching and learning foreign languages]. Ed. Mekeko N. M. Moscow: RUDN, 2015, 146–157.
3. Govorun S. V. *Razvitie navykov i umenii audirovaniia u studentov-vostokovedov, izuchaiushchikh angliiskii iazyk*. Diss. kand. ped. nauk [Listening skills development in students majoring in Oriental studies who learn English. Cand. Ped. Sci. Diss.]. Saint Petersburg State Univ. Saint Petersburg, 2015, 270.
4. Khuziakhmetov A. N., Porchesku G. V. Teaching listening comprehension: bottom-up approach. *International journal of environmental and science education*, 11, no. 8 (2016): 1989–2001.
5. Osadchaya T. Yu. Sovremennye podkhody k obucheniiu audirovaniuu na zaniatiiakh po inostrannomu iazyku v vuze [Current Approaches to Teaching Listening Comprehension in a Foreign Language Class at Higher Education Institutions]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2017): 206–210.
6. Snytnikova N. I. Preodolenie trudnostei audirovaniia na nachal'nom urovne obucheniiia inostrannomu iazyku [Overcoming listening comprehension difficulties when teaching a foreign language to beginners]. *Pis'ma v Emissiia. Offlain = Letters to Emission Offline*, no. 7 (2012). Available at: <http://www.emissia.org/offline/2012/1827.htm> (accessed 08.02.2018).
7. Goh C. A cognitive perspective on language learners' listening comprehension problems. *System*, 28, no. 1 (2000): 55–75.
8. Lynch T., Mendelson D. Listening. *An introduction to applied linguistics*. Ed. Schmitt N. London: Arnold, 2002, 193–210.
9. Field J. *Listening in the Language Classroom*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009, 384.
10. Vandergrift L., Goh C. *Teaching and learning second language listening: metacognition in action*. New York: Routledge, 2011, 336.
11. Cauldwell R. *Phonology for listening: teaching the stream of speech*. Birmingham: Speech in Action, 2013, 352.
12. *How can teachers teach listening*. Available at: http://www.tesol.org/docs/books/bk_ELTD_Listening_004 (accessed 08.02.2018).
13. Flowerdew J., Miller L. *Second language listening: theory and practice*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005, 238.
14. Brown J., Kondo-Brown K. *Perspectives on teaching connected speech to second language speakers*. Honolulu: University of Hawi'i at Mānoa, National foreign language resource center, 2006, 291.
15. Roach P. *English phonetics and phonology: a practical course*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009, 242.
16. Gilbert J. *Teaching pronunciation: using the prosody pyramid*. Cambridge University Press, 2008, 52. Available at: <https://www.tesol.org/docs/default-source/new-resource-library/teaching-pronunciation-using-the-prosody-pyramid.pdf?sfvrsn=0> (accessed 08.02.2018).
17. Underhill A. *Sound foundations: learning and teaching pronunciation*. New York: MacMillan Education, 2005, 224.
18. Darn S. *GME: Rhythm*. Available at: http://www.stevedarn.com/?Writings:Publications:GME%3A_Rhythm (accessed 08.02.2018).
19. Artibey D. *English micro-listening lesson – assimilation /t/ to /p/*. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=Ac8k1pcTC-8> (accessed 08.02.2018).
20. Hancock M. *Lost*. Available at: <http://hancockmcdonald.com/materials/lost> (accessed 08.02.2018).
21. Varadan M. *Seven ways to make a conversation with anyone*. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=F4Zu5ZZAG7I> (accessed 08.02.2018).
22. Brown G. *Listening to spoken English*. New York: Routledge, 1990, 192.

УДК 81-119:004.9

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ СВЯЗНОСТИ В ЭЛЕКТРОННЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ: СЕМАНТИЧЕСКИЙ И ВИЗУАЛЬНО-ГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Светлана А. Кучина¹, @

¹ Новосибирский государственный технический университет, 630073, Россия, Новосибирск, пр. К. Маркса, 20
@svkuchina@yandex.ru

Поступила в редакцию 12.02.2018. Принята к печати 07.05.2018.

Ключевые слова: электронный художественный текст, связность, вербальный, невербальный, поликодовый, интерактивность.

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы, направленные на изучение особенностей реализации категории связности в электронных художественных текстах, специфика которой обусловлена наличием в структуре электронного произведения семантически равнозначных вербальных и невербальных элементов. Материалом исследования послужили электронные художественные тексты на английском и русском языках, представленные с помощью различных технологий и платформ (Adobe Flash, Scalar, HTML 5). В исследовании используются общенаучные методы наблюдения и описания в сочетании с методом сравнительного анализа языкового материала и комплексным лингвистическим анализом текста с элементами лингвистического разбора. В результате анализа установлено, что связность элементов электронного художественного текста на семантическом уровне реализуется в структурном, идентифицирующем и дейктическом аспектах, каждый из которых актуализуется с помощью вербальных и невербальных единиц электронного произведения. Семантическое развертывание той или иной темы электронного художественного текста становится полным за счет соединения вербальных элементов с визуальными составляющими в сознании реципиента (читателя) в момент восприятия электронного произведения, при этом поликодовые паралингвистические элементы в значительной степени обеспечивают расширение семантического потенциала электронного художественного текста.

Для цитирования: Кучина С. А. Особенности реализации категории связности в электронных художественных текстах: семантический и визуально-графический аспекты // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 2. С. 190–198. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-190-198>.

Развитие информационно-коммуникационных технологий современности в значительной степени трансформировало материальные параметры текстопродвижения, а вместе с ними и базовые текстовые категории, которые стали в большей степени обусловлены структурными особенностями электронной коммуникации. Электронный текст (как художественный, так и нехудожественный) основательно вошёл во все сферы человеческого общения, что не может не вызывать неподдельный интерес со стороны научного сообщества к исследованию данного феномена (Н. А. Ахренова [1], И. В. Васькина [2], Е. Н. Галичкина [3], О. В. Дедова [4], О. В. Лутовинова [5], С. И. Орехов [6], А. Г. Сонин [7], К. Хэйлис [8], Л. Манович [9], Дж. Муррэй [10], Д. Г. Росарио [11], М.-Л. Риа [12], Н. Уорд-Фруин [13] и др.). Исследование природы электронного текста, его семантики и функциональности в современной лингвистической теории и практике выходит далеко за рамки замкнутой текстовой структуры. Вербальный код является основным, но далеко не доминирующим элементом в поликодовом пространстве современной коммуникации, «возрастающая семиотическая комплексность» которой является одной из определяющих тенденций [14, с. 8]. Вслед за К. Хэйлисом мы понимаем электронный художественный текст как художествен-

ный текст, который может быть представлен только в электронной среде (глобальной сети Интернет или на автономном носителе электронных данных), а его вербальные и невербальные элементы образуют единое визуальное, структурное, смысловое и функциональное целое [8].

С позиции структуры и участников коммуникации (автора / читателя) электронный художественный текст имеет те же параметры, что и обычный гомогенный вербальный текст. Основу базовых характеристик данного типа текста составляют категории целостности / когерентности и связности / когезии. Соотношение категорий текстовой целостности (когерентности) и связности (когезии) можно представить как взаимоотношение понятий «план содержания» и «план выражения», отражающие соответственно связь элементов художественного текста на идейно-тематическом и структурном уровнях. Так, А.-М. Брусс считает, что «когезия – свойство формы текста, тогда как когерентность – свойство его содержания» [15, р. 272]. Понятие когерентности шире когезии: если когезия является формально-грамматической связанностью дискурса, то когерентность охватывает еще и «семантико-прагматические (тематические и функциональные в том числе) аспекты смысловой и деятельностной (интерактивной)

связности дискурса, как локальной, так и глобальной» [16, с. 195]. К. А. Филиппов, считая данные категории основными свойствами текста, определяет их следующим образом: «Цельность предполагает внутреннюю законченность, смысловое единство текста. Связность заключается в сцеплении компонентов текста между собой, причем не только элементов, следующих в тексте непосредственно друг за другом, но и на некоторой дистанции друг от друга» [17, с. 134–135].

Рассмотрим более подробно соотношение элементов электронного художественного текста на семантическом уровне, который проявляется в соотносительности значений его поликодовых компонентов. Данный вид связности фиксируется с помощью как невербальных средств, так и языковых единиц. Языковые маркеры семантической связности электронного художественного текста могут иметь явный выраженный (эксплицитный) и опосредованный (имплицитный) характер. С точки зрения расположения или фиксации семантически связанных вербальных и невербальных элементов в структуре текста можно выделить анафорический и катафорический принципы прикреплённости. Семантический уровень связности электронного художественного текста может быть актуализирован в произведении в структурном, идентифицирующем и дейктическом аспектах.

Структурный аспект семантической связности предполагает непосредственное включение поликодовых компонентов в вербальную часть произведения. В данном случае невербальный компонент (аудио / видео / анимация / графический образ) замещает соответствующий вербальный элемент (букву / слово / сверхфразовое единство / главу), выступая его полным семантическим эквивалентом, актуализированным в произведении с помощью средств альтернативной знаковой системы.

Данный тип семантической связности проявляется в электронных художественных текстах с высокой степенью визуализации, к которым относятся, в частности, электронные интерактивные драмы и художественные нарративы, организованные по типу симуляторов виртуальной реальности. Например, в электронном художественном тексте «Nightingale's playground» А. Кэмпбэлла [18] концепция прочтения предполагает погружение реципиента в виртуальную реальность повествования, представленную вербальными и невербальными (виртуальная интерактивная трехмерная среда) компонентами.

Визуальными субститутами вербальных элементов "Nightingale's playground" выступают интерактивные образы предметов и деталей художественного пространства произведения: окно, чемодан, старый калькулятор и т.д. Например, просматривая содержимое чемодана главного героя, реципиент сталкивается с рядом объектов, которые не эксплицированы вербально, но при этом визуальный образ заменяет их вербальную идентификацию в структуре повествования. Следующий за активацией невербального компонента текст продолжает семантическое разворачивание темы, заданной с помощью поликодового компонента.

Так, при активировании (нажатии) интерактивного изображения калькулятора на экране пользователя появляется вербальная часть "Nightingale's playground", в которой получает полное семантическое разворачивание заданный визуальным компонентом тематический аспект (рис. 1). Читатель узнает, что этот калькулятор является памятной вещью, поскольку герой пользовался им еще в школе, с этим предметом также связаны несколько важных событий в жизни персонажа, которые отразились на его психоэмоциональном состоянии и оставили глубокий след в памяти

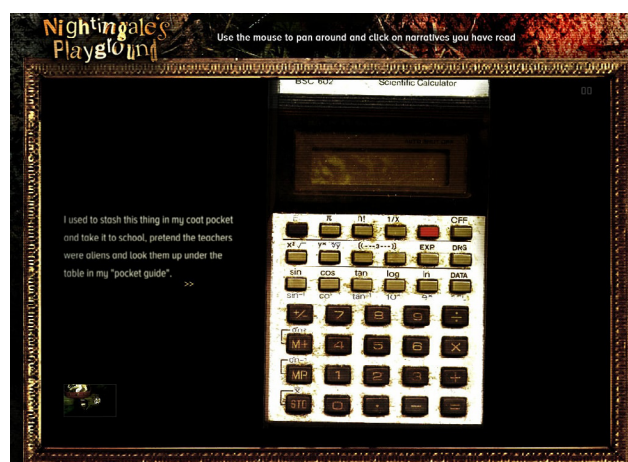

Рис. 1. "Nightingale's playground", А. Кэмпбэлл
Fig. 1. "Nightingale's playground" by A. Campbell

Калькулятор как некий концептуальный объект в художественной действительности произведения эксплицируется как на вербальном (рассказ героя об этой вещи), так и на невербальном уровнях (интерактивное изображение на экране).

По такому же принципу организовано соотношение вербальных и невербальных компонентов в таких электронных художественных текстах, как "Wallpaper" А. Кэмпбэлла и Дж. Олстон [19], "All the Delicate Duplicates" А. Кэмпбэлла и М. Бриз [20], "In Animate Alice" К. Пулинджер [21] и др. Невербальный компонент (графическое и / или видеоизображение) интегрируется в текст произведения и выступает паралингвистическим субституту вербального элемента.

Однако чаще всего структурный аспект семантической связности не используется в тексте изолированно от других способов идентификации и соотношения компонентов, поскольку он не является семантически самодостаточным. Семантическая связность вербального и невербального компонентов электронного художественного текста проявляется одновременно как в структурном, так и в идентифицирующем и дейктическом аспектах.

Идентифицирующий аспект семантической связности используется автором для именования и / или обозначения персонажа / объекта в произведении. Осуществление связности происходит за счет актуализации отношений конкретной референции в идентифицирующем аспекте с помощью фонда автономных языковых единиц и их актуализаторов. К группе автономных

языковых единиц, выступающих идентификаторами референции, относятся личные местоимения, имена собственные (выполняющие номинативную функцию и обладающие свойством единичной референции), а также субстантивные выражения, которые состоят из имен нарицательных, выполняющих функцию обозначения. К актуализаторам, оформляющим именные выражения, относятся артикли, притяжательные, неопределенные и отрицательные прилагательные, некоторые числительные [22]. Невербальные элементы, используемые в данной функции, представлены графическими, аудио, видео, анимационными ресурсами семантически эквивалентными вербально выраженному обозначению персонажа / объекта в произведении.

По характеру словесной выраженности все имена собственные, именные словосочетания, личные местоимения являются эксплицитными средствами языковой связности в электронном художественном тексте, тогда как артикли и субстантивные выражения относятся к имплицитным элементам идентифицирующей и дейктической референций. Невербальные элементы (аудио, видео, анимация, графика) носят эксплицитный характер в том случае, если их присутствие в тексте явно выражено и данные элементы открыто и полно представлены на экране реципиента. Если же какой-то из элементов скрыт и его активация носит вариативный характер (например, аудио / видео открывается или подключается лишь при выборе той или иной интерактивной опции), то данные невербальные компоненты будут являться имплицитными.

В электронном художественном тексте "Mrs. Wobbles&The Tangerine House. Book 3: Switcheroo" [23], представляющем собой интерактивную книгу, в которой читатель получает не только возможность конструировать собственный сюжет по «эргодической схеме», но и стать активным участником повествования наравне с другими фикциональными персонажами, идентифицирующий аспект семантической связности реализуется при получении реципиентом имени и его актуализации (непосредственном функционировании) в нарративе вместе с другими героями [24].

На протяжении всего повествования в правом верхнем углу экрана расположена таблица, которая представляет собой своего рода напоминание для читателя, где указано общее количество пройденных эпизодов, прочтенных страниц и имя персонажа, в роли которого выступает реципиент, например, *you are acting like Matilda* / *вы выступаете как Матильда* (Прим. автора: здесь и далее подстрочный перевод автора). В данном случае заявленное имя для персонажа, выбранного читателем в начале повествования для собственной роли, будет одним из связующих компонентов электронного художественного текста в идентифицирующем аспекте на всем его протяжении (выбрав в начале повествования имя для собственного действующего лица, читатель не может его поменять до окончания процесса прочтения). Идентифицирующий аспект семантической связности в данном тексте эксплицируется и в более очевидной манере, которая актуализируется при именовании других персонажей

повествования. Обычно это происходит с помощью автономных языковых средств прямой номинации (имена собственные и / или личные местоимения), которые соотносятся на экране с изображением остальных персонажей (рис. 2).

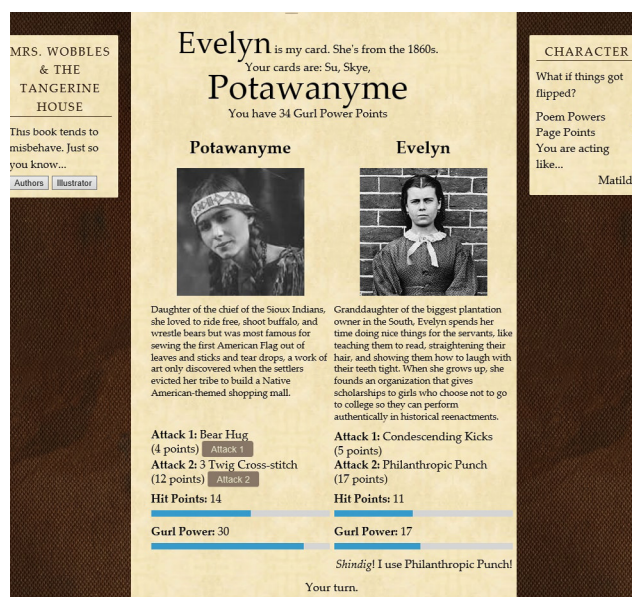

Рис. 2. "Mrs. Wobbles&The Tangerine House. Book 3: Switcheroo" (The Marino Family)

Fig. 2. "Mrs. Wobbles&The Tangerine House. Book 3: Switcheroo" (The Marino Family)

Все компоненты (вербальные и невербальные), обеспечивающие связность в "Mrs. Wobbles&The Tangerine House. Book 3: Switcheroo", появляются в электронном художественном тексте одновременно (в момент открытия читателем той или иной страницы), поэтому в данном случае признак фиксации по анафорическому / катафорическому типу не является актуальным, при этом все связующие элементы носят явно выраженный эксплицитный характер.

Семантическая связность компонентов в идентифицирующем аспекте имеет идентичную схему проявления в электронных художественных текстах всех типов. Как правило, это связано с появлением на экране визуального образа одного из персонажей / объектов художественного произведения и следующим за ним вербальным сопровождением в виде имени собственного, личных местоимений, субстантивных выражений в функции обозначения, неопределенных и отрицательных местоимений и пр.

Невербальный компонент, с помощью которого в электронном художественном тексте эксплицируется семантическая связность элементов в идентификационном аспекте, может присутствовать в произведении как в виде графического изображения на экране, так и в формате видео- / аудиопредставления (например, аудиотекст, сопровождающий определенный образ / группу объектов художественной действительности). По такой схеме (соотношение визуального объекта с вербальным компонентом в аудиоформате) происходит идентификация персонажей и объектов в элек-

тронном художественном тексте "88 Constellations for Wittgenstein" Д. Кларка [25], где образ главного героя Людвиг Витгенштейна, прототипом которого является реальная историческая личность, представлен с помощью, с одной стороны, визуального образа, с другой стороны, аудиотекста, сопровождающего появление изображения главного героя на экране: *This story is about a men named Wittgenstein. He was a philosopher. His life was a series of moments and our story is a series of constellations / Эта история про человека, которого зовут Витгенштейн. Его жизнь была последовательностью событий, а наш рассказ — это последовательность созвездий* (рис. 3).

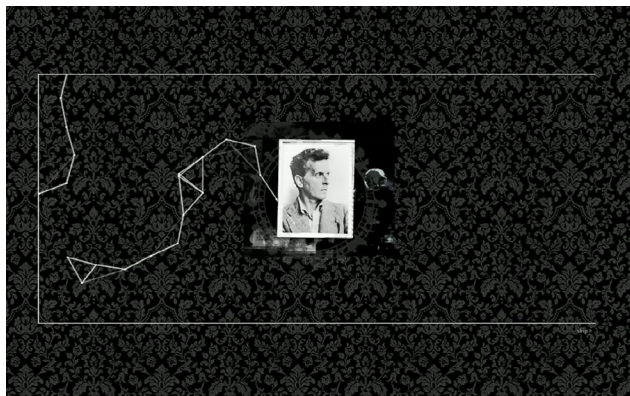

Рис. 3. "88 Constellations for Wittgenstein", Д. Кларк
Fig. 3. "88 Constellations for Wittgenstein" by D. Clarke

Дейктический аспект семантической связности проявляется в тексте при актуализации «указательно-го» значения. С точки зрения языковой репрезентации в этой функции выступают дейктические прилагательные и местоимения, а невербальными средствами выражения в данном случае являются аудио, видео, анимационные и графические элементы, реализующие в тексте семантику «указания» на персонажа / объект. По большей части на уровне вербальной экспликации в электронном художественном тексте идентифицирующий и дейктический аспекты семантической связности реализуются одновременно, а в некоторых случаях возможно их максимально контактное проявление в произведении (в пределах одного предложения / фразы).

Например, в электронном художественном тексте "The Gathering Cloud" Дж. Р. Карпентера [26], который в структурном плане представляет собой соотношение текста и интерактивных изображений, указательные местоимения выступают в качестве средств связи между определенной частью вербального компонента и фрагментом изображения, прикрепленным к данной части. Так, во второй главе "The Gathering Cloud", обозначенной как *Plate.No.2*, читатель может видеть на экране динамическое черно-белое трехслойное изображение. Первый слой представлен образом человека, наблюдающим за коровой на фоне деревенского пейзажа (деревья, ручей, ветхий дом, туман). На втором слое изображен скелет кошки, туловище которой расположено на уровне неба, а лапы — на уровне

земли. Третий слой изображения — это черные следы от кошачьих лап (рис. 4).

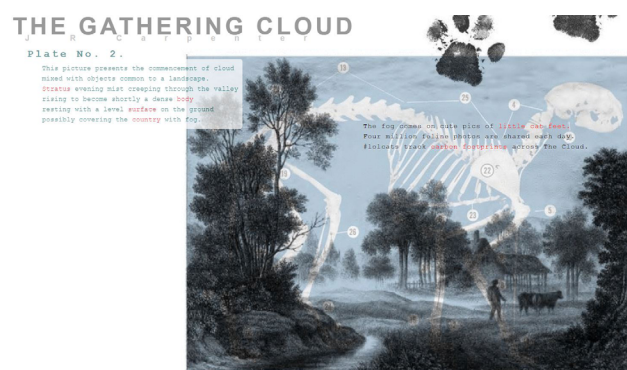

Рис. 4. "The Gathering Cloud", Дж. Р. Карпентер
Fig. 4. "The Gathering Cloud" by J. R. Carpenter

Грамматическим маркером связности двух вербальных компонентов, размещенных непосредственно на изображении и представленных небольшими (два и три предложения соответственно) текстовыми фрагментами, является дейктическое местоимение *this / эта* в предложении: *This picture presents the commencement of cloud mixed with the objects common to a landscape / С помощью комбинирования объектов на экране эта картина показывает, как образуется облако*. Местоимение *this / эта* соотносено со словом картина и имеет непосредственное отношение к изображению.

Визуальный образ на указанном изображении получает частичное семантическое развертывание в метафорическом ключе (туман-кошка) в вербальном фрагменте, соотношенном с ним. Однако полное раскрытие метафоры (*Туман, словно кошка, мягко ступает и постепенно перемещается по долине*) происходит в момент соотношения текста и всех трех уровней изображения. Стадии или схема процесса образования облака / *commencement of cloud* ассоциируются при этом со скелетом (схематичным изображением) кошки, мягко ступающей по земле. В вербальном компоненте данная соотношенность актуализирована с помощью лексико-семантических групп слов со значением «плавно перемещаться / передвигаться» (*creeping, rising, covering*) и «туман» (*evening mist, fog*). В данном случае мы можем говорить о реализации дейктического аспекта семантической связности поликодовых элементов электронного художественного текста, которая носит явно выраженный эксплицитный характер.

В другом произведении Дж. Карпентера "Ethereic Ocean" [27] в сходной дейктической функции выступает местоимение *these / эти* во фрагменте предложения *within these sounds we sent our boats / эти звуки сопровождают направление нашей лодки*, являющимся частью вербального компонента и одновременно указывающим и комментирующим включенный в структуру электронного художественного текста аудиокomпонент (рис. 5). Аудиоряд здесь представлен звуками, ассоциирующимися с шумом воды и спуском лодки на воду. В данном случае мы можем также говорить об эксплицитном характере невербального компонента при его

прямой, а не последовательной (анафорической / катафорической) сцепки с текстом, поскольку аудиоряд в произведении включается одновременно с появляющимся на виртуальной странице текстом.

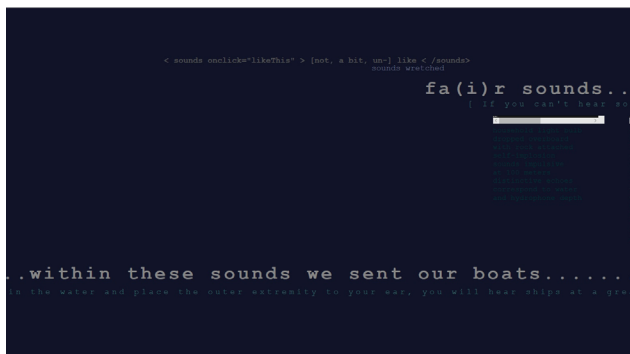

Рис. 5. "Ethereal Ocean", Дж. Карпентер

Fig. 5. "Ethereal Ocean" by J. R. Carpenter

Возвращаясь к примеру "Nightingale's playground" А. Кэмпбэлла, следует отметить, что семантическая связность на структурном уровне (замена вербального компонента аудиовизуальным образом на экране) сопряжена с экспликацией соотношения вербальных и невербальных компонентов повествования как на идентификационном, так и на дейктическом уровнях. Так, в случае с калькулятором для обеспечения семантической связности помимо визуального образа автором используется весь спектр автономных языковых средств и их актуализаторов:

- дейктические и личные местоимения: *this thing* / *у / или it / это*;
- артикли: *the thing* / *эта вещь*;
- субстантивные выражения: *my pocket guide* / *мой карманный помощник*.

Таким образом в пределах одного текстового сегмента в "Nightingale's playground" реализуются идентификационный и дейктический аспекты связности его вербальных и невербальных элементов.

По аналогичному принципу реализуется соотношение структурного и дейктического аспектов семантической связности во всех электронных художественных текстах с высокой степенью визуализации. Структурная соотносительность вербального компонента (имена собственные и / или субстантивные выражения, выполняющие денотативную функцию по отношению к любому объекту художественного произведения) с невербальным (аудиовизуальный образ на экране) сопровождается использованием языковых средств референции в идентификационной и дейктической функциях.

Так, например, в электронном художественном тексте "Inanimate Alice" К. Пуллинджер [21] аудиоряд (стук в дверь) соотносится с вербальными элементами, а именно личными и дейктическими местоимениями *it* и *this*, выступающими в функции идентифицирующей и дейктической референций по отношению к звуку, сопровождающему данную часть повествования. Имена

собственные (*Brad*) и именные словосочетания (*my room / my house / our apartment / the Matryoshka game / my closet*) в данной части произведения будут являться средствами идентифицирующей референции и семантической связности невербальных (аудиовизуальных интерактивных образов / изображений того или иного объекта художественного мира на экране) и вербальных компонентов повествования. Так, имя *Brad* соотносено с анимированным изображением подростка на экране компьютерной игры главной героини "Inanimate Alice" Алисы. Выражения *my room / my house / our apartment* и пр. появляются на экране пользователя одновременно с интерактивным изображением данных объектов художественного мира произведения (рис. 6).

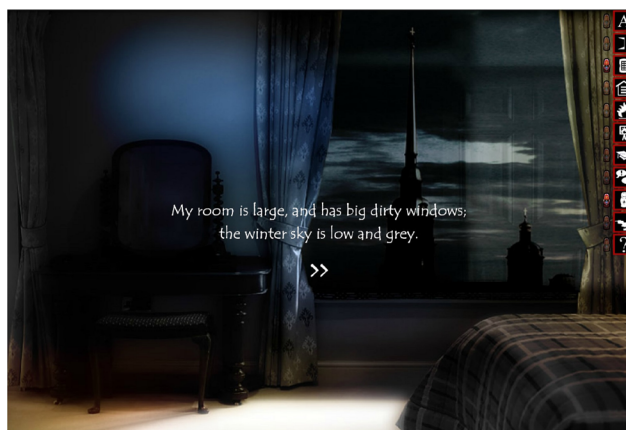

Рис. 6. "Inanimate Alice", К. Пуллинджер (часть 3, Russia)

Fig. 6. "Inanimate Alice" by K. Pullinger (part 3, Russia)

Следует отметить, что в дейктическом аспекте доминирующими средствами связности компонентов в электронных художественных текстах являются все же невербальные средства. Чаще всего в этой роли выступают анимационные и графические метаконпоненты, которые являются неотъемлемой частью художественной концепции произведения. Они интегрированы в гетерогенную структуру электронного художественного текста и имеют сходную стилистику оформления визуально-графического образа. Так, например, в электронном художественном тексте "High Muck A Muck" Ф. Ва [28] невербальными компонентами, выступающими в дейктической функции, являются интерактивные изображения человеческого уха, которые связывают вербальные (текстовые фрагменты на экране) и невербальные (аудиофрагменты) повествования (рис. 7). В данном случае мы можем говорить об эксплицитном уровне представления дейктической связности за счет невербальных компонентов при их катафорической фиксации, т. к. аудиоряд включается не сразу (непосредственно при открытии данной страницы реципиентом), а лишь при активировании читателем интерактивного изображения.

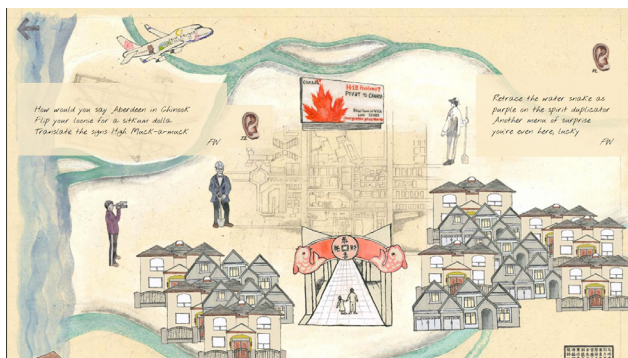

Рис. 7. "High Muck A Muck", Ф. Ва и др.

Fig. 7. "High Muck A Muck" by F. Wa and others

Часто дейктический аспект связности вербальных и невербальных элементов проявляется в соотношении метакомпонентов электронного художественного текста (меню или средств навигации) с основным содержанием. Включение метакомпонентов в структуру произведения в большинстве случаев обусловлено авторской художественной концепцией и является неотъемлемой частью его интерфейса. Например, в произведении Дж. Нельсона "Game, game, game and game again" [29] к навигационным компонентам можно отнести интерактивный невербальный компонент – изображение в виде кнопки с надписью *click here / нажми сюда*, обозначающий переход к следующей части произведения (рис. 8).

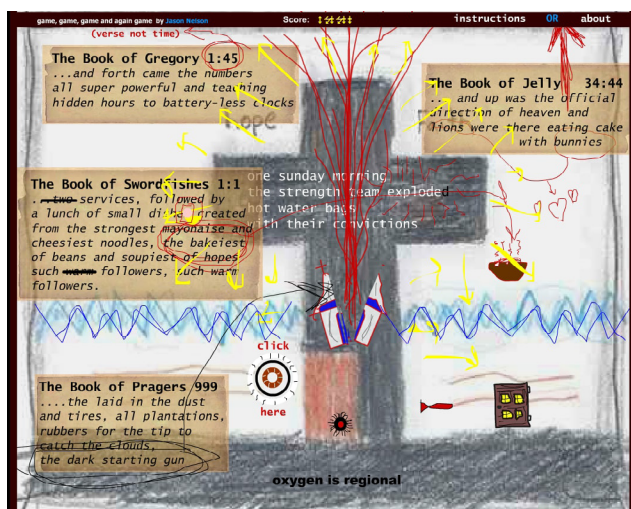

Рис. 8. "Game, game, game and game again", Дж. Нельсон

Fig. 8. "Game, game, game and game again" by J. Nelson

В электронных художественных текстах на русском языке навигационные компоненты произведения также выполняют связующую функцию в дейктическом, указательном аспекте. Например, в произведении «Звездапад» Алексромы [30] на странице, следующей после заглавной, вербально выраженная инструкция

(верти страницы щелкай мышью) сопровождается интерактивной стрелкой-указателем на название произведения и указывает реципиенту на необходимость выполнения определенных действий (перелистывание виртуальных страниц), а также на способ и характер их выполнения (рис. 9).

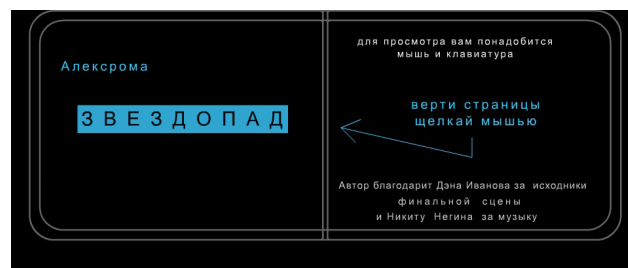

Рис. 9. «Звездапад», Алексрома

Fig. 9. "Starfall" by Alexrom

Меню, а также вербальные и невербальные компоненты навигации в электронном художественном тексте, актуализирующие дейктический аспект семантической связности сегментов произведения, с точки зрения характера представления и фиксации в тексте являются в большинстве случаев анафорически расположенными эксплицитными элементами. Это обусловлено их указательной функцией, семантика которой предполагает сначала визуализацию объекта / действия, а затем вербальное сопровождение.

Связность элементов электронного художественного текста на семантическом уровне реализуется в структурном, идентифицирующем и дейктическом аспектах, каждый из которых актуализируется с помощью вербальных и невербальных единиц электронного произведения. Семантическое развертывание той или иной темы электронного художественного текста становится полным только лишь в момент, когда вербальные компоненты соединяются в сознании реципиента с визуальной составляющей. Вербальный код в данном случае является значимым, но далеко не доминирующим элементом в поликодовом пространстве современной коммуникации, «возрастающая семиотическая комплексность» которой является одной из определяющих тенденций [14, с. 8]. Таким образом, мы можем установить, что связность элементов электронного художественного текста не зависит в полной мере от вербального кода, который в некоторых моментах (при учете усиливающейся тенденции к визуализации электронных произведений) является избыточным, а исследование феномена электронного текста (как художественного, так и нехудожественного), его семантики и функциональности в современной лингвистической теории и практике выходит далеко за рамки замкнутой текстовой структуры.

Литература

1. Ахренова Н. А. Интернет-дискурс как глобальное межкультурное явление и его языковое оформление: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2009. 36 с.

2. Вашунина И. В. Взаимовлияние вербальных и невербальных (иконических) составляющих при восприятии креолизованного текста: дис. ... д-ра филол. наук; Институт языкознания Российской академии наук. М., 2009. 511 с.
3. Галичкина Е. Н. Компьютерная коммуникация: лингвистический статус, знаковые средства, жанровое пространство. Волгоград: Парадигма, 2012. 322 с.
4. Дедова О. В. Лингвистическая концепция гипертекста: основные понятия и терминологическая парадигма // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2001. № 4. С. 22–36.
5. Лутовинова О. В. Лингвокультурологические характеристики виртуального дискурса: дис. ... д-ра филол. наук; Волгоградский гос. пед. ун-т. Волгоград, 2009. 519 с.
6. Орехов С. И. Виртуальная реальность: Исследование онтологических и коммуникационных основ: дис. ... д-ра филос. наук; Омский гос. ун-т. Омск, 2002. 332 с.
7. Сонин А. Г. Моделирование механизмов понимания поликодовых текстов: дис. ... д-ра филол. наук; Московский гос. лингв. ун-т. М., 2006. 323 с.
8. Hayles K. N. Electronic Literature: What Is It? 02.01.2007. Режим доступа: <http://eliterature.org/pad/elp.html> (дата обращения: 10.02.2018).
9. Manovich L. The language of new media. Cambridge, Massachusetts. London, England: MIT Press, 2001. 307 p.
10. Murray J. H. Hamlet on the Holodeck: the Future of Narrative in Cyberspace. Cambridge, Massachusetts: MIT Press, 1998. 440 p.
11. Rosario D. G. Electronic Poetry. Understanding Poetry in the Digital Environment. Jyväskylä: Jyväskylä University Printing House, 2011. 336 p.
12. Ryan M.-L. Narrative as Virtual Reality. Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press, 2001. 416 p.
13. Wardrip-Fruin N. Five elements of digital literature. Режим доступа: <https://games.soe.ucsc.edu/sites/default/files/nwf-BC5-FiveElementsOfDigitalLiterature.pdf> (дата обращения: 10.02.2018).
14. Чернявская В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность. М.: Либроком, 2009. 248 с.
15. Brousseau A.-M., Roberge Y. Syntaxe et sémantique du français. Québec, Saint-Laurent: Fides, 2000. 352 p.
16. Макаров М. Л. Языковое общение в малой группе: опыт интерпретативного анализа дискурса: дис. ... д-ра филол. наук; Тверской гос. ун-т. Тверь, 1998. 443 с.
17. Филиппов К. А. Лингвистика текста. Курс лекций. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003. 336 с.
18. Campbell A., Alston J. Nightingale's playground. Режим доступа: <http://nightingalesplayground.com/flash/consensustrance/index.html> (дата обращения: 10.02.2018).
19. Campbell A., Alston J. Wallpaper. Режим доступа: <http://www.dreamingmethods.com/portfolio/wallpaper/> (дата обращения: 10.02.2018).
20. Campbell A., Breeze M. All the Delicate Duplicates. Режим доступа: <http://www.dreamingmethods.com/portfolio/delicate-duplicates/> (дата обращения: 10.02.2018).
21. Pullinger K. Inanimate Alice. Episode 3: Russia. Режим доступа: <https://inanimatealice.com/episode3/> (дата обращения: 10.02.2018).
22. Арутюнова Н. Д. Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. Логика и лингвистика (Проблемы референции). М.: Радуга. 1982. С. 5–41.
23. Marino R., Marino A., Gallagher B. Mrs. Wobbles & The Tangerine House. Book 3: Switcheroo. Режим доступа: <http://markmarino.com/tales/storybook4wobbles.html> (дата обращения: 10.02.2018).
24. Aarseth Espen J. Cybertext: Perspectives on Ergodic Literature. The Johns Hopkins University Press, 1997. 216 p.
25. Clark D. 88 Constellations for Wittgenstein // Electronic Literature Collection / ed. by L. Borrás, T. Memmott, R. Raley, B. Stefans. Cambridge, Massachusetts: Electronic Literature Organization, 2011. Режим доступа: http://collection.eliterature.org/2/works/clark_wittgenstein.html (дата обращения: 10.02.2018).
26. Carpenter J. R. The Gathering Cloud. Режим доступа: <http://luckysoap.com/thegatheringcloud/> (дата обращения: 10.02.2018).
27. Carpenter J. R. Etheric Ocean. Режим доступа: <http://luckysoap.com/ethericocean/> (дата обращения: 10.02.2018).
28. Wah F., Harwood N., Zhang J., Wapp B., Loh T., Ihaya T., Ida H., Djwa Ph., Leung P. High Muck A Muck // Electronic Literature Collection / ed. by S. Boluk, L. Flores, J. Garbe, A. Salter. Cambridge, Massachusetts: Electronic Literature Organization, 2016. Режим доступа: <http://collection.eliterature.org/3/work.html?work=high-muck-a-muck> (дата обращения: 10.02.2018).
29. Nelson J. Game, game, game and game again // Electronic Literature Collection / ed. by L. Borrás, T. Memmott, R. Raley, B. Stefans. Cambridge, Massachusetts: Electronic Literature Organization, 2011. Режим доступа: http://collection.eliterature.org/2/works/nelson_game.html (дата обращения: 10.02.2018).
30. Алексрома, Иванов Д., Негин Н. Звездопад. Режим доступа: <http://www.netslova.ru/alexroma/zvezdopad.html> (дата обращения: 10.02.2018).

COHESION SPECIFICITY IN ELECTRONIC LITERARY TEXTS: SEMANTIC, VISUAL AND GRAPHICAL ASPECTS

Svetlana A. Kuchina¹, @

¹ Novosibirsk State Technical University, 20, K. Marx Ave., Novosibirsk, Russia, 630073

@svkuchina@yandex.ru

Received 12.02.2018. Accepted 07.05.2018.

Keywords: electronic literary text, cohesion, verbal, nonverbal, polycode, interactivity.

Abstract: The article deals with the cohesion specificity in electronic literary texts, which results from dual (verbal and non-verbal) structure of electronic literary text. The research materials include several electronic texts (based on different platforms and technologies such as Adobe Flash, Scalar, HTML 5) that demonstrate the use of conceptually valid poly-code elements in their semantic structure. The main methods of the research are general scientific methods, such as monitoring and description in conjunction with the method of comparative analysis and complex linguistic and stylistic analysis of literary text. As a result, the author concludes that the electronic literary text cohesion on semantic level is represented in structural, identical and indexing aspects. All of them are provided by verbal and nonverbal elements of the electronic literary text. The semantic unraveling of this or that main topic of the electronic literary text is provided by the mental combination of verbal and visual elements in recipient's mind during the electronic text perception process. In this case the poly-code paralinguistic elements enhance semantic resources of electronic literary text and emphasize its visibility.

For citation: Kuchina S. A. Osobennosti realizatsii kategorii svyaznosti v elektronnykh khudozhestvennykh tekstakh: semanticheskii i vizual'no-graficheskii aspekty [Cohesion Specificity in Electronic Literary Texts: Semantic, Visual and Graphical Aspects]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2018): 190–198. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-190-198>.

References

1. Akhrenova N. A. *Internet-diskurs kak global'noe mezhekul'turnoe iavlenie i ego iazykovoe oformlenie*. Avtoref. diss. doktora filol. nauk [Internet-discourse as a global intercultural phenomenon and its linguistic design. Dr. Philol. Sci. Diss. Abstr.]. Moscow, 2009, 36.
2. Vashunina I. V. *Vzaimovliianie verbal'nykh i neverbal'nykh (ikonicheskikh) sostavliaiushchikh pri vospriiatii kreolizovannogo teksta*. Diss. doktora filol. nauk [Interaction of verbal and non-verbal (iconic) components in the perception of the creolized text. Dr. Philol. Sci. Diss.]. Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences. Moscow, 2009, 511.
3. Galichkina E. N. *Komp'yuternaia kommunikatsiia: lingvisticheskii status, znakovye sredstva, zhanrovoe prostranstvo* [Computer communication: linguistic status, sign means, genre space]. Volgograd: Paradigma, 2012, 322.
4. Dedova O. V. *Lingvisticheskaiia kontseptsiiia giperteksta: osnovnye poniatiiia i terminologicheskaiia paradigma* [Linguistic concept of hypertext: basic concepts and terminological paradigm]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriiia 9: Filologiiia = Bulletin of Moscow University. Series 9: Philology*, no. 4 (2001): 22–36.
5. Lutovinova O. V. *Lingvokul'turologicheskie kharakteristiki virtual'nogo diskursa*. Diss. doktora filol. nauk [Lingvokulturologicheskie characteristics of virtual discourse. Dr. Philol. Sci. Diss.]. Volgograd State Ped. Univ. Volgograd, 2009, 519.
6. Orekhov S. I. *Virtual'naia real'nost': Issledovanie ontologicheskikh i kommunikatsionnykh osnov*. Diss. doktora filos. nauk [Virtual reality: Study of ontological and communication bases. Dr. Philos. Sci. Diss.]. Omsk State Univ. Omsk, 2002, 332.
7. Sonin A. G. *Modelirovanie mekhanizmov ponimaniia polikodovykh tekstov*. Diss. doktora filol. nauk [Modeling of mechanisms of understanding of polycode texts. Dr. Philol. Sci. Diss.]. Moscow State Linguistic Univ. Moscow, 2006, 323.
8. Hayles K. N. *Electronic Literature: What Is It?* 02.01.2007. Available at: <http://eliterature.org/pad/elp.html> (accessed 10.02.2018).
9. Manovich L. *The language of new media*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2001, 307.
10. Murray J. H. *Hamlet on the Holodeck: the Future of Narrative in Cyberspace*. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1998, 440.
11. Rosario D. G. *Electronic Poetry. Understanding Poetry in the Digital Environment*. Jyväskylä: Jyväskylä University Printing House, 2011, 336.
12. Ryan M.-L. *Narrative as Virtual Reality*. Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press, 2001, 416.

13. Wardrip-Fruin N. *Five elements of digital literature*. Available at: <https://games.soe.ucsc.edu/sites/default/files/nwf-BC5-FiveElementsOfDigitalLiterature.pdf> (accessed 10.02.2018).
14. Cherniavskaia V. E. *Lingvistika teksta: Polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost'* [Linguistics of the text: Polycodicity, intertextuality, interdiscursivity]. Moscow: Librokom, 2009, 248.
15. Brousseau A.-M., Roberge Y. *Syntaxe et sémantique du français*. Québec, Saint-Laurent: Fides, 2000, 352.
16. Makarov M. L. *Iazykovoe obshchenie v maloi gruppe: opyt interpretativnogo analiza diskursa*. Diss. doktora filol. nauk [Language communication in a small group: the experience of an interpretive analysis of discourse. Dr. Philol. Sci. Diss.]. Tver State Univ. Tver, 1998, 443.
17. Filippov K. A. *Lingvistika teksta. Kurs lektzii* [Linguistics of the text. Lecture course]. Saint-Petersburg: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2003, 336.
18. Campbell A., Alston J. *Nightingale's playground*. Available at: <http://nightingalesplayground.com/flash/consensustrance/index.html> (accessed 10.02.2018).
19. Campbell A., Alston J. *Wallpaper*. Available at: <http://www.dreamingmethods.com/portfolio/wallpaper/> (accessed 10.02.2018).
20. Campbell A., Breeze M. *All the Delicate Duplicates*. Available at: <http://www.dreamingmethods.com/portfolio/delicate-duplicates/> (accessed 10.02.2018).
21. Pullinger K. *Inanimate Alice. Episode 3: Russia*. Available at: <https://inanimatealice.com/episode3/> (accessed 10.02.2018).
22. Arutiunova N. D. Lingvisticheskie problemy referentsii [Linguistic problems of reference]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. 13. Logika i lingvistika (Problemy referentsii)* [New in foreign linguistics. Iss. 13. Logic and Linguistics (Problems of Reference)]. Moscow: Raduga, 1982, 5–41.
23. Marino R., Marino A., Gallagher B. *Mrs. Wobbles&The Tangerine House. Book 3: Switcheroo*. Available at: <http://markcmarino.com/tales/storybook4wobbles.html> (accessed 10.02.2018).
24. Aarseth, Espen J. *Cybertext: Perspectives on Ergodic Literature*. The Johns Hopkins University Press, 1997, 216.
25. Clark D. 88 Constellations for Wittgenstein. *Electronic Literature Collection*. Ed. by L. Borrás, T. Memmott, R. Raley, B. Stefans. Cambridge, Massachusetts: Electronic Literature Organization, 2011. Available at: http://collection.eliterature.org/2/works/clark_wittgenstein.html (accessed 10.02.2018).
26. Carpenter J. R. *The Gathering Cloud*. Available at: <http://luckysoap.com/thegatheringcloud/> (accessed 10.02.2018).
27. Carpenter J. R. *Etheric Ocean*. Available at: <http://luckysoap.com/ethericocean/> (accessed 10.02.2018).
28. Wah F., Harwood N., Zhang J., Wapp B., Loh T., Ihaya T., Ida H., Djwa Ph., Leung P. High Muck A Muck. *Electronic Literature Collection*. Ed. by S. Boluk, L. Flores, J. Garbe, A. Salter. Cambridge, Massachusetts: Electronic Literature Organization, 2016. Available at: <http://collection.eliterature.org/3/work.html?work=high-muck-a-muck> (accessed 10.02.2018).
29. Nelson J. Game, game, game and game again. *Electronic Literature Collection*. Ed. by L. Borrás, T. Memmott, R. Raley, B. Stefans. Cambridge, Massachusetts: Electronic Literature Organization, 2011. Available at: http://collection.eliterature.org/2/works/nelson_game.html (accessed 10.02.2018).
30. Aleksroma, Ivanov D., Negin N. *Zvezdopad* [Starfall]. Available at: <http://www.netslova.ru/alexroma/zvezdopad.html> (accessed 10.02.2018).

УДК 821.161.1 (092) Улицкая Л. – 1 «Казус Кукоцкого» + 81

ФЕМИННЫЕ УПОДОБЛЕНИЯ В ТЕКСТООБРАЗОВАНИИ РОМАНА Л. УЛИЦКОЙ «КАЗУС КУКОЦКОГО»**Яньфэн Ли**^{1, 2, @}¹ Гуансийский медицинский университет, 530021, Китай, г. Наньнин, Shuangyong Rd, 22² Новосибирский государственный педагогический университет, 630126, Россия, г. Новосибирск, ул. Виллюйская, 28

@ liyanfeng@yandex.com

Поступила в редакцию 31.01.2018. Принята к печати 25.05.2018.

Ключевые слова:

гендер, образное феминное уподобление, тропы, реалии, аллюзии, Л. Улицкая, «Казус Кукоцкого».

Аннотация: Статья посвящена сравнениям по сходству и функционально эквивалентным им метафорам, «мишенью» которых являются героини романа Л. Улицкой «Казус Кукоцкого». Автор статьи предлагает учитывать разницу между логическим и образным сравнением, подчеркивая субъективный характер второго, присущую ему ирреальную модальность, а также – возможное совмещение образного и логического сравнения в сложноподчиненном предложении со сравнительным придаточным.

Тематическое разнообразие феминных образов уподобления в романе соотносится с применением, прежде всего, природоморфных и антропонимических сравнений. Из природоморфных приоритетны зоообразы, отдельные из них задают начало ассоциативным микрополям главных героинь. Предпринята попытка объяснить концептуально-тематические установки писательницы, связанные с этими микрополями. Учитываются текстовые связи сравнений и метафор как генетически близких языковых явлений, объединенных общим понятием «компаратив». Тем самым сохраняется целостность восприятия тематических ассоциативных микрополей с компаративными доминантами, участвующих в характеристике женских образов, и прослеживается соотношение тропов и реалий в текстообразовании. Гендерный подход к описанию образов уподобления, представленность большого разнообразия их способов выражения в романе Л. Улицкой позволили обнаружить идиостилевые черты автора-женщины: частое сопровождение форм уподобления пояснениями, уточнениями, в которых прямо или косвенно отражается авторское отношение к героине (сочувствие, ирония и иногда сарказм), и вместе с этим – концептуальные тематические установки писательницы, связанные с судьбами главных героинь, с судьбой семьи знаменитого женского доктора Кукоцкого. В статье отмечена речевая дифференциация в создании феминных образов уподобления – самим автором и героями его романа; выявлена тенденция женских компаративных характеристик в писательской манере Л. Улицкой.

Для цитирования: Ли Яньфэн. Феминные уподобления в текстообразовании романа Л. Улицкой «Казус Кукоцкого» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 2. С. 199–205. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-199-205>.

Под феминными уподоблениями мы подразумеваем сравнения по сходству, в том числе немаркированные (например, творительный сравнения, именной компаративный предикат), «мишенью» которых являются героини романа Л. Улицкой «Казус Кукоцкого». Главные из них: Елена – жена Павла Алексеевича Кукоцкого, их дочь – Таня, Василиса – бывшая монахиня, помощница в доме Кукоцких, и Тамара Полосухина – ровесница Тани, которую приютили в доме Кукоцких после смерти ее матери. Гендерный аспект описания семантики и функций уподоблений позволяет ярче выявить особенности манеры письма автора, тем более что в последние десятилетия заметно проявляется интерес к «женскому письму» [1–4].

В структуре сравнения как «стилистического приёма, основанного на образной трансформации грам-

матически оформленного сопоставления» [5, с. 534] присутствуют четыре компонента: 1) предмет сравнения (основной / опорный субъект); 2) образ сравнения (дополнительный / вспомогательный субъект); 3) основание сравнения, его модуль (признак сходства / различия); 4) показатель сравнения: союз, предлог, указательные наречия (*так, так же*, присоединяющие распространенное выражение образа сравнения), полусоюзы, полусоединительные слова типа *похожий, напоминать* и др. [6–8].

Неполная структура сравнения-уподобления проявляется в таких формах, как творительный уподобления, когда нет показателя сравнения (*Таня серой тонкой птицей порхала вокруг стола <...>* [9, с. 445]), в словообразовательно-метафорических образованиях, когда не вербализован признак сходства (*пуговичный глаз*

Василисы; секретарша **ренуаровского типа**), в именном компаративном предикате, соединяющем признаки сравнения и метафоры (*Елена знала, что Василиса – ранняя птичка и свое молитвенное бормотание начинает среди ночи* [9, с. 27]). Перечисленные (и др. – см. дальше) формы выражения сравнения, включая метафору (как скрытое сравнение по сходству), мы вслед за В. П. Берковым [10, с. 107–160] объединяем общим понятием «компаративы» (составляющие функционально-семантического поля «компаративность»).

«Образная трансформация, – пишет В. В. Одинцов, – вызывается: 1) сопоставлением **разноплановых** (семантически далеких) понятий; 2) усложнением или развертыванием объекта или средства сравнения; 3) опущением союза» [5, с. 534].

В образном сравнении-уподоблении происходит неполное приравнение сопоставляемых предметов, их семантическая приближенность. В связи с этим образное сравнение модально окрашено: в нем передается авторское отношение к изображаемому, его чувство [11, с. 280–283]. Образному сравнению, обладающему экспрессией, противопоставляется логическое [8; 12], т. е. сравнение **однородных** (одноклассовых) предметов, явлений.

Если перед нами образное сравнение, то его модально неокрашенный показатель (союз или предлог) легко заменяется показателями ирреальности (*как будто, как бы, словно*). Например, Василиса, героиня Улицкой в романе «Казус Кукоцкого», говоря о белом парадном школьном фартуке с плиссированными оборочками на плечах Тани, употребляет сравнение «Как у ангела...» [9, с. 49] – можно заменить «как будто, словно у ангела».

В составе сложноподчиненного предложения логическое и образное сравнение могут сосуществовать, отражая образную *ситуацию*. Например: *И разговаривала [Василиса] с ней (с Еленой), как с кошкой* <...> [9, с. 378]. В этом случае сопоставляются не только однородные, но идентичные (направленные на разные объекты) действия: *разговаривала точно так же, как разговаривают с кошкой* (прономинальные скрепы характерны для логических сравнений); автор поясняет эту одинаковость: – *в воздух, невнятными словами одобрения или недовольства*. Попутно, как мы видим, сопоставляются и *разнородные* явления – *Елена и кошка*. И это сопоставление создает для читателя определенный образ, «картину». Т. е. в придаточном сравнения можно наблюдать «соседство» логического (на уровне предикатов) и образного (на уровне актантов) сравнения.

Разграничение образного и логического сравнения можно видеть в тех случаях, когда образ сравнения выражен антропонимом. Аллюзивные феминные уподобления, присутствующие в романе Улицкой (они прежде всего соотносятся с образом Тани), являются образными, если героиня сравнивается с известным литературным персонажем, и – логическими, если героиня сопоставляется с конкретным, обычно известным лицом. Например: – «**Бедная Лиза!**» – сказала она [Таня] вслух, заглянув в последний раз в язускую

воду. – *Топиться не будем* [9, с. 323]. Ироническая рефлексия на известную горестную судьбу карамзинской героини выражена здесь опосредованно (*Топиться не будем*).

Не раз автор при помощи сравнений намекает на ситуации, связанные с жизнью А. С. Пушкина: [*Сергей – Таня*] – *Мне так нравится, мне ужасно нравится. Ты всегда будешь у меня ходить беременная и рожать все время... Как Наталья Николаевна...* [9, с. 425]. Сергей намекал на то, что жена Пушкина, Наталья Николаевна, в течение шести лет родила четырех детей, т. е. через небольшие промежутки времени. *Веснами Таня, как Александр Сергеевич Пушкин, плохо себя чувствовала: бессилие, усталость, постоянно липнущая простуда. На этот раз к обычному весеннему недомоганию прибавилась непреодолимая сонливость и отвращение к еде* [9, с. 390]. Здесь автор намекает на следующие строчки из стихотворения Пушкина «Осень»: «<...> *вонь, грязь – весной я болен*».

В романе Л. Улицкой среди образных преобладают природоморфные сравнения уподобления, которые доминируют в характеристиках героинь в тексте: *Таня была не воробей и не подорожник, она была что-то редкостное, вроде королевской лилии или большой прозрачной стрекозы* [9, с. 73]. Большая часть из природоморфных уподоблений – зоообразы. Приведем примеры: *тетя Тома с мышью мордочкой* [9, с. 502]; *Тома остановилась, как маленькая коза* [9, с. 152]; [*Катя*], <...> *выгнувшись по-кошачьи, опустила загадочное существо в садок младенцев* [9, с. 239]; *Девочка взглянула на него молочными, как у котенка, глазами* <...> [9, с. 433]. Здесь мы наблюдаем, кроме союзных сравнений, предложное (*вроде королевской лилии*), словообразовательное (*по-кошачьи*), а также отрицательный именной компаративный предикат (*не подорожник, не воробей*) и атрибутивную метафору (*мышья мордочка Тома*).

Наряду с указанными способами феминные зоосравнения выражаются в романе при помощи неполнознаменательных глаголов, из которых *напоминать, казаться* подчеркивают приблизительность уподобительного образа, а *оказаться*, кроме этого, – неожиданность и отрицательную оценку героинь. Указанные глаголы вводят в текст именные компаративные предикаты в форме творительного падежа, которые надо отличать от творительного уподобления (см. далее в контексте: *иглочками*), зависящего от полнознаменательного глагола. Особенность использования таких образных характеристик в том, что их суть обычно подробно поясняется автором. Например: *Пожалуй, она [дочь Тани] напоминала ежонка: длинный носик, слипшиеся иглочками пряди волос...* [9, с. 449]; *До конца четвертого урока она [Таня] просидела за партой в столбняке, не выходя даже на перемены. Девочки, от которых она ждала дружбы, оказались злыми обезьянами: они скакали вокруг нее, дергали за косы, тыкали пальцами и обидно смеялись. Таня силилась понять, за что они ее невзлюбили, и не догадывалась, что они таким способом лишь выражают свой интерес к ней* [9, с. 50];

Грудастая Коза рядом с ней казалась воробышком, и тетя сразу же прониклась к ним снисходительной нежностью [9, с. 403].

Для таких героинь романа Л. Улицкой, как Елена и Тамара Полосухина, уподобительная зоохарактеристика проходит через весь текст (образуя ассоциативные микрополя) и связана с концептуально-тематическими установками автора. Тома, которая после смерти своей матери стала жить в семье Кукоцких, несколько раз в речи (и мыслях) Елены сравнивается с мышью, при этом участвует словообразовательная деривация (*мышевидная девочка; тетя Тома с мышью мордочкой*), родительный уподобления (*с повадками мелкого грызуна*). Несмотря на свою незлобивость и безответность, она не нравится Елене, о чем свидетельствуют следующие контексты: *Два случайно совпавшие события – семейная ссора и приход в дом Тома – как-то соединились вместе, и Елена с глубоко запрятанной неприязнью наблюдала за мышевидной девочкой, едва достающей Тане до плеча...* [9, с. 104]; *Взгляд Елены то и дело натывался на щуплую девочку с повадками мелкого грызуна, беззловную, безответную, жалкую донельзя, косвенную виновницу семейного крушения, которое оказалось для Елены горше всех пережитых несчастий: смерти родителей, бабушки, мужа, большие смертельной болезни и даже больше самой войны. Невозможно было жить вместе с ней, но также невозможно и отделаться от нее, отослать к родственникам, сдать в детдом* [9, с. 109]. Развернутое сравнение (15 слов), выраженное при помощи формы суперлатива (*горше всех...*), обнажает, конкретизирует, интенсифицирует психоэмоциональное состояние Елены – *глубоко запрятанную неприязнь* (к Тамаре).

Мышинность Тома, т. е. ее внешняя и внутренняя серость, в подтексте проходит через весь роман. Она росла в многодетной семье, без отца. Ее мать, дворничиха, умерла от криминального аборта. В школе Тома отнюдь не блистала, одевалась бедно. Ни внешне, ни внутренне она не была такой яркой, как Таня Кукоцкая, красивая (черноглазая, кудрявая, *с убийным обаянием*), свободная и смелая во всех своих проявлениях. Таня – бойкая, живая, отзывчивая, а Тома – незаметная, тихая: в детстве она была как *бесплатное приложение* Тани. Но Тамара Полосухина – трудолюбивый человек. И даже в конце романа говорится о том, что она дописывает кандидатскую диссертацию о домашних растениях, о которых она с удивительной любовью заботится. При всем при этом заметно, что автору такие люди не по душе, возможно потому, что природная *мышинная серость*, неоригинальность не мешают им в зрелости считать себя выше окружающих и с фамиллярной снисходительностью (отношение Тома к большой Елене) относиться к тем, кто когда-то помог им, приютил. Это чувствуется в восприятии «тети Тома» Женей (внучкой Елены) – как «счастливой своим замужеством, гордой за свое прошлое, настоящее и будущее, к которому она делала медленные и уверенные шаги» [9, с. 502]. В этой характеристике, возможно, проявляется не только легкая ирония по отношению к человеку, который

с удовольствием ощущает себя хозяином в доме, где когда-то его приютили (и даже считает себя продолжателем наследия знаменитого гинеколога), а также здесь имплицитно горькое осознание полного разрушения (*казуса*) семьи талантливого женского доктора (он сломался под давлением системы, неразрешимой семейной ссоры, внезапной смерти дочери; его жена неизлечимо больна).

С мышью сравнивается и Василиса, но в этом случае подчеркивается вдумчивая поглощенность наблюдаемым и удивление Василисы (бывшая монахиня, она многому удивлялась в мирской жизни): *Так, сидя при дверях замороженной мышью, в последующие два года Василиса узнала о ходе российской истории – о неудачных военных действиях, об отречении государя... Здесь же, на лавке, узнала она и о подготовке Собора и возможном избрании патриарха, и о свершившейся революции...* [9, с. 99]. Василиса – необразованная, «темная» в своих представлениях – доверяет разным слухам, легко попадает на крючок официального заявления о врачах-евреях как о врагах народа – в этом проявляется ее *серость, мышинность*. Но в отличие от Тома, Василиса навсегда сохраняет наивысшую преданность своим попечителям и никогда не посягает на их статус.

Елена, «обломавшая свою бедную психику, чтобы не замечать того, с чем *сражаться* невозможно» [9, с. 502], в романе Улицкой является «мишенью» уподобительного образа кошки. Но предварительно заметим, что использование глагольных, по значению деструктивных, метафор (*обломавшая психику, сражаться*) обнаруживает значимость интеллектуального начала в этой героине (хотя «темная» Василиса считает, что бог ее «*разума лишил*» – см. дальше). Сны, видения, воспоминания, отраженные в ее тетрадях во время ее душевной болезни, нередко включают уподобительные *чертежные образы* (по специальности она была чертежником). Но именно образ *кошки* сопровождает описание этой героини до конца романа. До болезни Елены ее сравнение с *кошкой* отражает мягкую, привлекательную пластичность героини; а когда душевная болезнь завладела ею, образ *кошки* заменился в понимании Василисы образом «животная»: *Даже внешне Елена стала постепенно меняться: похудела, заострилась. Медленно-округлые движения, мягкий, с наклоном поворот головы, кошачья повадка устроиться в кресле, на кушетке, легко вписываясь телом в любой мебельный угол, – естественная, ей одной свойственная пластика, столь привлекавшая всегда Павла Алексеевича, – все это уходило от нее* [9, с. 108]; *Василиса и относилась теперь к Елене снисходительно, как к домашней скотине – покормить, почистить...* [9, с. 378].

В раздумьях Василисы о больной Елене зоосравнения обобщаются сравнительным оборотом с просторечной формой (что свойственно этой героине): *Про Елену и говорить нечего, уж ее-то жизнь как на ладони: и добрая, и тихая, и сердобольная, всех кошек жалела, а про Флотову-то забыла? Не на ее ли совети? За что ее Бог так наказывает? Разума лишил*

и чувства всякого. *Живет как животная*... [9, с. 378]. Возможно, замена родовой формы (женский род вместо литературного среднего рода) не столько связана с необразованностью Василисы, сколько с ее желанием подчеркнуть в зоохарактеристике феминность.

В русской культуре *кошка* имеет символические значения: положительное – счастье семьи; отрицательное – встречаться с черным котом / кошкой значит скверный признак; *кошка* во сне – к болезни. Кроме того, *кошка* символизирует такие признаки, как ласковая, любит ласку, надоедливая и действует ловко [13, с. 78].

Соотношение Елены и образа *кошки* является *сквозным* в романе и связано с таким явлением, как «тропы и реалии в художественном тексте» [14, с. 37–63]. Суть его в том, что одно и то же слово (словосочетание) может быть использовано и в прямом значении, и в переносном – в виде метафоры или сравнения. Уже в предыдущем отрывке наблюдаем: слово *кошка* используется в прямом значении, а дальше ему соответствует образ сравнения *как животная*.

Приведем еще примеры: *Елена рассеянно повела рукой, смутилась: Она улыбнулась нестерпимо жалкой улыбкой и схватилась за кошку, как ребенок хватается за руку няньки*... [9, с. 386]; *Всегда кошка, – пришло в голову Павлу Алексеевичу. – В следующий раз, когда она снова заговорит, выгоню кошку в коридор... Как странно, кошка – как проводник в безумие*... [9, с. 389]. В предпоследнем предложении *кошка* становится как бы символом душевного заболевания Елены, которое возникло не без участия жестокого слова Павла Алексеевича о том, что после операции героиня уже не женщина, т. е. не способна к деторождению.

Опосредованная связь с образом «кошка» наблюдается в следующих примерах: *Елена, с чуткостью нервнобольной заметив молниеносную нахмуренность Павла Алексеевича, замолчала. <...> Но она [Елена] замолкла, как будто выключили ток. Снова погрузила пальцы в Муркину шкуру, заряженную живым, чуть потрескивающим электричеством, и полностью оторвалась от беседы <...>* [9, с. 389]. Соотношение тропа и реалии здесь как бы делает новый виток: акцент переносится на *заряженную живым электричеством шкуру Мурки*.

Образы уподобления связаны причинно-следственными отношениями: нервнобольная обнаруживает молниеносную нахмуренность мужа, и следствием этого явилось ее молчание, которое сравнивается с *выключением тока*, и цепочка обусловленности завершается употреблением синонима к слову *ток* – *электричество*, но уже по отношению к Муркиной шкуре – образ развертывается, включая метафору (*заряженную живым*), а также звукообраз (*потрескивающим электричеством*).

В связи с тем, что Елена постоянно соотносится с представлением о *кошке*, а Тома сравнивается с *мышью*, читатель может задуматься о неслучайности использования этих зоообразов: в быту *кошка* и *мышь* – антогонисты. В начале романа Елена испытывает глубокую неприязнь к Томе, а в конце она,

совершенно больная и беспомощная, полностью находится во власти «тети Тома».

Текстообразовательную связь образов уподобления можно наблюдать в следующем текстовом фрагменте о жизни Тома в доме Кукоцких: *Радовалась и Таня – Тома заняла в ее жизни особое место, что-то вроде говорящей собачки, о которой надо заботиться. Она в рот куска не брала без Тома, всегда готова была отдать ей все лучшее, но временами, устав от ее молчаливого и робкого присутствия, ускользала одна погулять или в соседские гости... Тома не обижалась, но ходила за Таней хвостом, боялась упустить ее из виду* [9, с. 105]. Предложный образ сравнения (вроде собачки) соотносится с устойчивым оборотом с творительным уподобления (*ходила хвостом*) как целое и часть.

Соотношение тропа и реалии может связывать родовое понятие и видовое, например: *Тому совершенно не занимало, любят ли ее в новой семье. Она имела в доме свое место, скорее напоминающее место домашнего животного. В этом не было ровным счетом ничего обидного: в иных домах весь домашний миропорядок крутится вокруг собачки, которую поутру надо вывести, или кошки, которая ест только один определенный сорт рыбы* [9, с. 167]. Сравнение, отмеченное лексическим показателем (*напоминающее*), соотносится с номинациями *кошка* и *собачка* и еще раз напоминает о положении в доме девочки-сиротки. В таких случаях мы считываем авторское участие по отношению к героине и ее незлобивость и необидчивость.

Приблизительность образа сравнения в данном отрывке подчеркивается метатекстовым элементом (*скорее*), и последующее подробное пояснение с включающим уточнением (вокруг *собачки* или *кошки*) как бы мягко оправдывает сложившуюся ситуацию.

Признанная субъективность образного уподобления (Н. Д. Арутюнова, Е. В. Скворецкая) [15; 7], страстность автора, создающего образное уподобление, позволяют говорить о нем в тех случаях, когда эксплицируются особенности речи героини. Взаимоласковые отношения между Таней и Павлом Алексеевичем, импульсивность Тани и сентиментальная душевность отчима отражаются в употребляемых в их речи образах уподоблений и сопутствующих им суперлативах и других интенсификациях: *Вдохнула [Таня] его родной запах, который всегда ей так нравился, – смесь медицины, войны и алкоголя, – зажмурилась, зашептала: – Какой еще Флотов, какой еще Пароходов... Ты с ума сошел... Ты мой самый настоящий, самый любимый слон, папка, дурак старый... Мы с тобой похожи ужасно... ты мое самое во мне лучшее...* [9, с. 396]; *Она [Таня] увидела волнение Павла Алексеевича, и вся ее детская любовь к нему, как солнышко в небо, вошла в ней в эту минуту*... [9, с. 396]. В речи этих героев в качестве любвеобильных характеристик используется именной компаративный предикат: *Павел Алексеевич, вообще очень сдержанный в отношениях, даже с любимой женой, строго соблюдающий свой предел допустимого и в жестах, и в словах, с Таней доходил до старческого сюсюканья. «Слад-*

кая вишенка», «папин воробышек», «черноглазый бельчонок», «ушастое яблочко» – пошлейший гербарий и зоосад обрушивал он на ребенка. Танечке это очень нравилось, и у нее тоже был свой набор ласковых прозвищ для отца: «мой лучший собач», «Бегемот Бегемотыч», «Сомик усатый» [9, с. 32]. Отнесение последних образов к феминным – условно: они маскулинные, но характеризуют особенности речевого поведения героини. Василиса в своей речи нередко использует отрицательные именные компаративные предикативы. Например, она говорит Елене: – Ну что же, надо с Томочкой-то решать... **Не щенок, не куленок.** Феня-то ее брать не хочет. Либо в детдом определять, либо оставлять [9, с. 104].

Отличительной чертой феминных уподоблений в романе Л. Улицкой является не только их распространено-пояснительный характер, но и коннотативная дифференциация. Если в речи героев феминные сравнения положительно окрашены, то в речи автора они нередко являются откровенно жесткими, неприемлемыми, например: *Потом Василиса сама проворно расстегнула байковый халат и сняла серое залатанное белье. Нагота ее была такой же **нищенской, как одежда.** Серое морщинистое тело, **узловатые** длинные ноги в чернильных венах и красной сыпи мелких сосудов, ссохшаяся, **как у паука**, грудная клетка с большим крестом чуть ли не на пупке. Смотреть на Василису было неловко, но зрение ее было таким слабым, что она не чувствовала Таниного взгляда, да и при всей своей природной стыдливости в бане Василиса снимала с себя стыд вместе с одеждой. Между ног ее Таня заметила розово-серый, **размером с кулак**, мешочек довольно отвратительного вида...* [9, с. 469].

Отрицательно-оценочные образы уподобления подерживаются определениями с негативной семантикой (*залатанное, нищенской, ссохшаяся, отвратительно-го*). И только косвенное включение в описание нагой Василисы отношения к ней Тани (*смотреть на Василису было неловко*) смягчает представленную сугубо реалистическую картину и вносит в нее для читателя заметную долю жалости, побеждающей возможное чувство брезгливости.

Если выше представленное описание Василисы, в котором присутствуют натуралистические уподобления, немного смягчено косвенным соучастием Тани, то следующая образная феминная характеристика в речи автора является просто безжалостным приго-

вором: *Галина Ивановна, старая школьная учительница, изношенная лошадь с обвисшим крупом, пришла в класс в новом платье – в летнем, **грязновато-бежевом, в прерывистых черных линиях, которые то терзали друг друга, то снова находили, выкидывая кривые отростки*** [9, с. 71]. Описание платья этой старой учительницы может вызвать у читателя визуальную неприязнь.

Можно также говорить об определенной смелости автора-женщины, создающего подчас неожиданные для читателя феминные образы: *Вика подняла круглое женственное плечо, раздула суховатые губы, вложила мягкие **булки грудей**, обтянутых розовым трикотажем, в жесткие, железного цвета ладони, покачала их на весу <...>* [9, с. 382]; *Живот, к Таниному огорчению, совершенно не рос, хотя она постоянно испытывала тугую наполненность изнутри, **не имеющую ничего общего с вульгарным состоянием человека, съевшего два обеда враз.** Зато грудь заметно увеличилась, соски выпятились, **как кнопки дверного звонка**, и из розовых стали коричневыми* [9, с. 395].

Итак, феминные уподобления (в том числе немаркированные показателями сравнения) в романе Л. Улицкой «Казус Кукоцкого» большей частью относятся не к логическим, а к образным, вследствие чего являются субъективно окрашенными, проявляют ирреальную модальность. Доминируют зообразы, образ Тани Кукоцкой актуализируют и антропонимические сравнения, соотнесенные с русской литературой. Характеризуя ведущих героинь романа, формы уподоблений являются текстообразующими, и при этом по-разному осуществляется прием «соотношение тропов и реалий». Содержание феминных образов уподобления часто сопровождается подробными пояснениями, уточнениями, которые нередко прямо или опосредованно содержат указания на отношение автора к ведущим в тексте героиням, и в связи с этим можно обнаружить отдельные концептуально-тематические установки, отражающие ценностные ориентиры в картине мира писателя. Большое разнообразие форм выражения феминных уподоблений – одно из видимых проявлений манеры письма автора-женщины.

Эмоционально-оценочная окраска феминных сравнений по-разному проявляется в речи автора и речи персонажей: в речи автора они резкие, подчас безжалостные или удивляющие своей нестандартностью, в речи героев – шуточные, дружелюбные, ласкательные.

Литература

1. Коробейникова А. А. Внешний вид как составляющая поэтического образа мужчины (по данным лексической структуры лирических текстов А. Ахматовой и М. Цветаевой) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2008. № 16. С. 89–94.
2. Воробьева С. Ю. Проблема «Женского стиля» в литературоведении (гендерный аспект) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2013. № 4. С. 87–91.
3. Монгуш Е. Д. Гендерная проблематика и ее художественная реализация в малой прозе Л. Петрушевской // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 6-1. С. 306–308.
4. Резанова З. И., Комиссарова О. В. Метафора в моделировании гендерных оппозиций: методика, анализ, типология // Язык и культура. 2012. № 2. С. 80–90.
5. Одинцов В. В. Сравнение // Русский язык. Энциклопедия / под ред. Ю. Н. Караулова. М.: Дрофа, 1997. С. 534.

6. Черемисина М. И. Сравнительные конструкции русского языка / ред. К. А. Тимофеев. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1976. 272 с.
7. Скворецкая Е. В. Компаративность: из истории средств выражения сравнения в русском языке // Семантический и прагматический аспекты высказывания: Межвузовский сборник научных трудов. Новосибирск: Изд. НГПИ, 1991. С. 26–36.
8. Москвин В. П. Русская метафора. Очерк семиотической теории. М.: Издательство ЛКИ, 2012. 200 с.
9. Улицкая Л. Е. Казус Кукоцкого. М.: АСТ, Редакция Елены Шубиной, 2015. 511 с.
10. Берков В. П., Компаративность // Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность / под ред. А. В. Бондарко (отв. ред.). СПб.: Наука, 1996. С. 107–160.
11. Квятковский А. П. Сравнение // Поэтический словарь / науч. ред. И. Роднянская. М.: Сов. Энцикл., 1966. С. 280–283.
12. Огольцев В. М. Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии. М.: Либроком, 2015. 192 с.
13. 孟玉凤. 猫在俄语中的文化伴随意义[J]. 林区教学, 2012, (第5期). (Meng Yufeng. The cultural concomitant significance of cats in Russian [J] // Teaching of Forestry Region. 2012. № 5. P. 78–80).
14. Кожевникова Н. А. О соотношении тропа и реалии в художественном тексте // Поэтика и стилистика, 1988–1990. М.: Наука, 1990. С. 37–63.
15. Арутюнова Н. Д. Метафора // Русский язык. Энциклопедия / под ред. Ю. Н. Караулова. М.: Дрофа, 1997. С. 233–236.

FEMININE ASSIMILATIONS IN TEXT FORMATION OF "THE KUKOTSKY ENIGMA"

BY L. ULITSKAYA

Yanfeng Li^{1, 2, @}

¹ Guangxi Medical University, 22 Shuangyong Road, Nanning, Guangxi, China, 530021

² Novosibirsk State Pedagogical University, 28 Vilyuyskaya St., Novosibirsk, Russia, 630126

@ liyanfeng@yandex.com

Received 31.01.2018. Accepted 25.05.2018.

Keywords: gender, feminine figurative assimilation, tropes and realities, allusions, Ulitskaya L., "The Kukotsky Enigma".

Abstract: The article features comparisons by similarity and functionally equivalent metaphors targeting the heroines of The Kukotsky Enigma by L. Ulitskaya. The author proposes to take into account the differences between logical and figurative comparisons, emphasizing its subjective character and surreal modality. Also, the author suggests that figurative and logical comparisons can be combined in a compound sentence with a comparative subordinate clause.

The thematic variety of feminine images of assimilation in the novel correlates with the application of nature-related and anthroponymic comparisons. Zoomorphous type prevails in nature-related comparisons, some of them shaping the associative microfields of the main characters. An attempt is made to explain the writer's conceptual thematic purpose connected with these microfields.

The textual connections between comparison and metaphor are considered to be genetically close linguistic phenomena, which are combined by the common concept of "comparative". This makes it possible 1) to maintain the perceptive integrity of thematic associative microfields with comparative dominants involved in the female images; 2) to trace the correlation of tropes with realia in textual formation. A gender approach to the description of assimilative images and the representation of a wide variety of their modes of expression in L. Ulitskaya's novel have allowed the author to reveal the idiostyle features of the female author. It includes frequent forms of assimilation accompanied by explanations and clarifications that reflect, directly or indirectly, the author's attitude (sympathy, irony, or sarcasm) towards her female characters, as well as her conceptual thematic purpose related to the main characters' fates and that of the family of the famous gynecologist doctor Kukotsky. The article features speech differentiation in the feminine images of assimilation by the author and her characters. The analysis performed has revealed a tendency to female comparative characteristics in L. Ulitskaya's style.

For citation: Li Yanfeng. Feminnye upodobleniia v tekstoobrazovanii romana L. Ulitskoi «Kazus Kukotskogo» [Feminine Assimilations in Text Formation of "The Kukotsky Enigma" by L. Ulitskaya]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2018): 199–205. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-199-205>.

References

1. Korobejnikova A. A. Vneshnii vid kak sostavliaiushchaia poeticheskogo obraza muzhchiny (po dannym leksicheskoi struktury liricheskikh tekstov A. Akhmatovoi and M. Tsvetaevoi) [Appearance as a constituent of the male poetic image (based on the Akhmatova and Tsvetaeva's structure of poetic)]. *Vestnik Iuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika = Series «Linguistics» of South Ural State University Bulletin*, no. 16 (2008): 89–94.
2. Vorobyeva S. Yu. Problema «Zhenskogo stilia» v literaturovedenii (gendernyi aspekt) [The Problem of "Feminine Style" in Literary Criticism (Gender Aspect)]. *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaia serii. Seriya: Filologiya. Zhurnalistska = Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism*, no. 4 (2013): 87–91.
3. Mongush E. D. Gendernaia problematika i ee hudozhestvennaia realizatsiia v maloi proze L. Petrushevskoi [Gender perspectives and artistic realization in small prose by L. Petrushevskaya]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniia = The world of science, culture and education*, no. 6-1 (2011): 306–308.
4. Rezanova Z. I., Komissarova O. V. Metafora v modelirovanii gendernykh oppozitsii: metodika, analiz, tipologiya [Metaphor in modeling gender opposition: methods of analysis, typology]. *Iazyk i kul'tura = Language and culture*, no. 2 (2012): 80–90.
5. Odintsov V. V. Sravnenie [Comparison]. *Russkii iazyk. Entsiklopediia* [Russian language. Encyclopedia]. Ed. Karaulov Yu. N. Moscow: Drofa, 1997, 534.
6. Cheremisina M. I. *Sravnitel'nye konstruksii russkogo iazyka* [Comparative constructions in Russian]. Ed. Timofeev K. A. Novosibirsk: Nauka, Sibirskoe otdelenie, 1976, 272.
7. Skvorettskaia E. V. Komparativnost': iz istorii sredstv vyrazheniia sravneniia v russkom iazyke [Comparativeness: from history of means of expression of comparison in Russian]. *Semanticheskii i pragmaticheskii aspekty vyskazyvaniia* [Semantic and pragmatic aspects of the utterance]. Novosibirsk: Izd. NGPI, 1991, 26–36.
8. Moskvina V. P. *Russkaia metafora. Ocherk semioticheskoi teorii* [Russian metaphor. Essay on semiotic theory]. Moscow: Izdatel'stvo LKI, 2012, 200.
9. Ulitskaya L. E. *Kazus Kukotskogo* [The Kukotsky Enigma]. Moscow: AST, Redaktsiia Eleny Shubinoi, 2015, 511.
10. Berkov V. P. Komparativnost' [Comparativeness]. *Teoriia funktsional'noi grammatiki: Kachestvennost'. Kolichestvennost'* [The theory of functional grammar: Quality. Quantity]. Ed. Bondarko A. V. Saint-Petersburg, Nauka, 1996, 107–160.
11. Kvyatkovskiy A. P. Sravnenie [Comparison]. *Poeticheskii slovar'* [Poetic dictionary]. Ed. Rodnyanskaya I. Moscow: Sov. Entsikl., 1966, 280–283.
12. Ogol'tsev V. M. *Ustoichivye sravneniia v sisteme russkoi frazeologii* [Stable comparisons in system of Russian phraseology]. Moscow: Librokom, 2015, 192.
13. Meng Yufeng. The cultural concomitant significance of cats in Russian [J]. *Teaching of Forestry Region*, no. 5 (2012): 78–80.
14. Kozhevnikova N. A. O sootnoshenii tropa i realii v khudozhestvennom tekste [On the relation between tropes and realia of the artistic text]. *Poetika i stilistika, 1988–1990* [Poetics and stylistics, 1988–1990]. Moscow: Nauka, 1990, 37–63.
15. Arutyunova N. D. Metafora [Metaphor]. *Russkii iazyk. Entsiklopediia* [Russian language. Encyclopedia]. Ed. Karaulov Yu. N. Moscow: Drofa, 1997, 233–236.

УДК 81'367. 332.7

КОГНИТИВНЫЕ ОСНОВЫ КОНВЕРТИРУЕМОСТИ ГЛАГОЛОВ ТИПА "FLIESEN" И КОНСТРУКЦИЙ ТИПА "VERSEHEN MIT FLIESEN" (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА)

Елена В. Лобановская¹. @

¹ Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова, 603155, Россия, г. Нижний Новгород, ул. Минина, 31А

@ lobanovskayaev@mail.ru

Поступила в редакцию 31.01.2018. Принята к печати 28.04.2018.

Ключевые слова:

предикация, логическая валентность, логико-семантический предикат, предикативный знак, семантический маркер, предикамент.

Аннотация: В работе рассматривается роль предикации в процессе порождения актуального высказывания. В результате предикации формируется логическая структура абстрактной типовой ситуации, компоненты которой связаны логической валентностью. Отражение действительности в сознании говорящего происходит в виде логико-грамматических предикатов. Предикативный знак логико-грамматической категории предикативности конституирует предложение. Он имплицитно присущи тематические группы глаголов, с помощью которых они актуализируются в высказывании. Материалом исследования являются конструкции типа "versehen mit Fliesen" и схожие с ними по семантике глаголы типа "fliesen". Предложная / непредложная группа существительного выступает семантическим маркером в тематической группе глаголов. В работе используется тест на элиминирование Х. Глинца и доказывается, что семантический маркер входит в состав актуального сказуемого. Конвертируемость конструкции с предложным / непредложным существительным и соответствующего глагола позволяет сделать вывод о том, что в «глубинной» плоскости у них общий логико-семантический предикат. Результаты исследования могут успешно использоваться в курсах теоретической и систематизирующей грамматики, стилистики и интерпретации текста.

Для цитирования: Лобановская Е. В. Когнитивные основы конвертируемости глаголов типа "fliesen" и конструкций типа "versehen mit Fliesen" (на материале немецкого языка) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 2. С. 206–210. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-206-210>.

В данной работе исследуются когнитивные основы порождения сказуемого, выраженного глаголом типа "fliesen" [1], и его родство с конструкцией типа "versehen mit Fliesen". Формирование универсальной понятийной модели предложения зарождается на логическом уровне, в процессе логической предикации. Центральное место в процессе порождения высказывания занимает глагол. Акцент на глагольности немецкого предложения можно объяснить тем, что структурные признаки – двусоставность и глагольность – являются в немецком языке более обязательными, чем в каком-либо другом языке. Но под процессом формирования высказывания на логическом уровне понимается предикация, т. е. процесс приписывания признака в широком смысле слова носителю (в широком понимании), речь не идет о конкретных сказуемых и семантических значениях глаголов. Логический уровень – это первый уровень, на котором объекты действительности отражаются в понятиях логики путём операции логической предикации. «Каждая мысль о каком-то элементе является формой его локализации в пространстве и времени, его соотношением с некоторой ситуационной структурой, а это соотношение и есть предикация» [2, с. 145]. Рассматривая вопрос о логической структуре абстрактной типовой ситуации, согласимся с точкой зрения Т. П. Ломтева,

который описывает ее как «систему предметов (актантов), связанных некоторым отношением» [3, с. 197]. Компоненты структурной логической схемы, в центре которой находится глагольное «ядро» и далее его семантически равноправные «спутники», характеризующие по их отношению к этому ядру, связаны логической валентностью. Для логической валентности характерна не столько языковая реализация, сколько тот факт, «что речь идет о логических предикатах с одним или несколькими аргументами, часто не только актуальных (т. е. оформленных языком), но и потенциальных (в языке непосредственно как таковые не оформленных) предикациях» [4, с. 155]. Действительность предикатируется, т. е. отражается в сознании говорящего в виде логико-семантического предиката (далее ЛСП). Таким образом, если логическим ядром предложения является ЛСП, то языковой предикативный знак (далее ПЗ) конституирует предложение [5, с. 40–45] и органично включает ЛСП. Глагольный компонент Vf предикативного знака (Np*Vf) имплицитно присущи глаголу как ядру ЛСП, а это означает, что компонентами логической валентности Vf (как компонента ПЗ) могут быть все 17 аргументов: агентив, пациентив, адресат, объектив, медиатив, локатив и т. д. (по классификации М. И. Лещенко [6]). ЛСП

наполняют ПЗ значением, определяют количество и качество обязательных «спутников» глагола. ПЗ имплицитирует те компоненты, которые предикат имеет на логико-семантическом уровне.

Отсюда можно сделать вывод, что пять семантико-грамматических групп глаголов Х. Бринкмана [7] или семнадцать тематических групп глаголов в "Duden-Grammatik" [8, с. 432–580] имплицитируют различные ЛСП.

Приведенными выше доводами многое объясняется в вопросе общности глаголов и конструкций типа: *fliesen* – mit Fliesen versehen; *büffeln* – sein / arbeiten wie ein Büffel; *filtern* – durch einen Filter laufen lassen; *schleudern* – mit einem Schleuder werfen; *geigen* – Geige spielen; *häuten* – die Haut abziehen; *zigeunern* – wie Zigeuner durch die Gegend ziehen; *gespensten* – als Gespenst umherirren и т. п. В ходе исследования выяснилось, что глагол и конструкция с соответствующим существительным реализуют один и тот же тип ЛСП. Наблюдается отношение конвертируемости между глаголом и соответствующей ему группой с существительным. Под *конвертируемостью* (от лат. *conversion* – превращение) понимаются в лингвистике обратимые отношения, «синтаксические отношения равноправия между элементами (словами, предложениями), характеризующимися тем, что один из них так же относится к другому, как этот к первому, поэтому они допускают взаимную перестановку» [9]. Конструкция "mit Fliesen versehen", равно как и глагол "fliesen", может выполнять одну и ту же синтаксическую функцию, сказуемого в речи, возможна замена одного другим. Разумеется, речь идет только о потенциальной способности реализовывать один и тот же тип ЛСП и выступать в функции сказуемого, а не о синонимии или стилистических особенностях обсуждаемых явлений.

Механизм установления «внеязыкового отношения между понятийными содержаниями» исследовался нами на примере импликации глагольно-именными конструкциями (*Funktionsverbgefüge*) с отглагольным и абстрактным существительным (типа *einen Antrag stellen*, *in Form bringen*) соответствующего логико-семантического предиката [10, с.33]. Материалом исследования в данной работе послужили глаголы тех тематических групп, в которых «маркером» выступает существительное неабстрактное.

Бытийный предикат представлен тематической группой *событийных глаголов* (*Ereignisverben*): *blitzen*, *donnern*, *hageln*, *regen*, *tagen*, *stürmen*, *tauen*, *herbsten*, *weihnachten*. Глаголы названной группы представляют собой производные конструкций со служебным глаголом *sein* и существительным, обозначающим явление природы:

Es hagelt. – Es ist Hagel.

Es herbstet. – Es ist Herbst.

Es weihnachtet. – Es ist Weihnachten.

Общим для глаголов данной группы является то, что их формообразование ограничивается третьим лицом единственного числа: *Es herbstet in Köln*. *Es blitzt irgendwo im Norden*.

Однако мы не можем согласиться с бытующим мнением, что событийные глаголы не имеют субъекта, по-

скольку полагаем, что "es" в данном случае выступает как философское понятие, как высшая абстрактная единица, универсум. В немецком языке предложения с такими глаголами двучленны, и этим подтверждается мысль о том, что двучленность предиката заложена на логическом уровне. Мы разделяем точку зрения, что не бывает и предикатов с нулевой валентностью, совершенно не имеющих аргументов [11, с. 107].

Группа глаголов *сравнения* (*Vergleichsverben*) относится к производным, существование которых доказывает единство процессуального глагола и сравнительного сочетания с "wie": *berlinern*, *gärtnern*, *strolchen*, *mosern*, *arzten*, *dienern*, *bildhauern*, *hechsen*, *luchsen*, *dachsen*, *gickeln*, *robber*, *krebsen*, *federn*, *schaukeln*, *perlen*, *wagen*. В качестве сравнительного элемента выступает существительное, называющее животное, которому подражают, и сравнительная частица "wie": *hechten* (in / über etwas) – handeln wie ein Hecht; *büffeln* – arbeiten wie ein Büffel. Подражание персоне / существу / человеку выражают глаголы *arzten*, *zigeunern*, *gärtnern*, *gespenstern*, *bildhauern*, *hexen*, *narren*, *prachern*, *rekrutieren*. В логической структуре предиката содержится сравнение, которое в поверхностной структуре реализуется группой существительного, называющего персону / существо / человека, которому подражают, и сравнительная частица "wie / als": *prachern* – betteln wie ein Prachler (zudringlicher Bettler); *gespenstern* – als Gespenst umherirren; *arzten* – arbeitete als Arzt. Глаголы движения, участвующие в формировании агентивного предиката, включают обязательной семой сравнительное сочетание с "wie": *iern* – sich bewegen wie ein Ei; *schaukeln* – sich wie eine Schaukel bewegen; *federn* – wie eine Feder sich bewegen. Как показывают примеры, сравнительное сочетание с "wie / als" входит обязательным компонентом в семантическую структуру производного глагола и является обязательным сравнительным маркером.

Группа глаголов «*эффективные / результативные глаголы*» (*"Effizierende Verben"*) по классификации "Duden-Grammatik" имеют в своей логической структуре сему «результат действия / деятельности, исход события»: *bündeln*, *ballen*, *häufen*, *wursten*, *buttern*, *filmen*, *texten*, *keimen*, *dampfen*, *qualmen*, *rußen*. Такие языковые инструменты, как префикс "ver-" и суффикс "-ieren", придают значение завершенности действия во времени: *verknechten*, *versklaven*, *vernarren*, *heroisieren*, *porträtieren*, *parodieren*. Эта тематическая группа *результативных глаголов* реализует агентивный предикат, актанты которого прогнозируют появление существительного с предлогом или без него с семой «результат действия / деятельности, исход события»: *bündeln* – zum Bündel winden; *vernarren* – zum Narren machen; *keimen* – Keime hervorbringen.

Агентивно-объектно-пациентивно-инструментальный предикат предиктируется тематической группой глаголов *орнативных глаголов* (*"Ornative Verben"*): *kacheln*, *tünchen*, *emallieren*, *bronzieren*, *verzinken*, *vergittern*, *beflecken*, *beschriften*, *unterkellern*. В качестве обязательного маркера выступает существительное со значением инструмента / придания признака / свойства / качества: *fliesen* / *kacheln* / *tünchen* – die

Wände mit Fliesen / Kacheln / Tünche versehen; flecken – Flecken hinterlassen. Некоторые глаголы получают дополнительное значение «отношение части к целому»: unterkellern, bedachen.

Привативные глаголы ("Privative Verben") häuten, schuppen, pellen, absahnen, aussteinen, ausmisten, entrahmen, entkalken, entkernen, entsteinen образуют тематическую группу, противоположную по значению орнативным глаголам: häuten – jmdm die Haut abziehen; entkernen – Kerne entziehen.

Небольшая группа непереходных *инструментальных глаголов ("Instrumentale Verben")*, которые обозначают занятие с инструментом / прибором, данным в базисном существительном, актуализируют агентивно-инструментальный предикат: geigen, gondeln, trommeln, flöten, rudern, kutschieren.

Локативные глаголы ("Lokative Verben") имплицируют сему «место, направление движения», которые реализуются существительным с соответствующим значением: schultern – etw. auf die Schuletrn nehmen; einkellern – im Keller unterbringen; auftischen / aufbahnen – etwas auf den Tisch / auf die Bahre stellen / nehmen; wassern / landen – das Wasser / das Land erreichen. Большинство локативных глаголов реализуют своё значение с помощью префиксов / полупрефиксов "ver- / ein- / auf- / an- / be- / ent-": einkerkern, auftischen, anleinen, verhaften, beerdigen, entgleisen.

Предикат состояния тематизируется *глаголами состояния*, среди которых небольшая группа с семой «переход из одного состояния в другое», которая имплицирует значение конструкции «финитный процессуальный глагол + номинальная предложная группа»: splitteln – in Splitter zerfallen; krümeln – leicht in Krümel zerfallen; bröckeln – in kleine Bröckchen zerfallen; modern – in Moder übergehen; versteppen – mit Steppe überziehen; verholzen – wie Holz werden; vertrotteln – zum Trotteln werden.

Однозначного соответствия между семантическим и семантико-синтаксическим предикатом, разумеется, нет, поскольку одна и та же смысловая структура может быть эксплицирована разными тематическими группами глаголов и разными по своей организации, но идентичными по содержанию синтаксическими структурами, находящимися между собой в отношении конвертируемости.

Синтаксические отношения, в которые вступает ПЗ при формировании предложения, коррелируют с логическими отношениями предиката. Максимально высокая степень абстракции предложения представлена связью ПЗ с другими знаками. Так, обстоятельственные синтаксические отношения имманентно включают логические бытийное, локативное, темпоральное, классифицирующее.

Выявление ПЗ, определение его обязательных актантов типом ЛСП, позволяет по-новому взглянуть на традиционное синтаксическое членение предложения. Очевидно, что семантические маркеры вышеописанных тематических групп глаголов (событийные, сравнения, переход в другое состояние, эфицированные, орнативные, результативные, привативные, ин-

струментативные, локативные) являются неотъемлемой составляющей синтаксического сказуемого. Глагол выражает семантические функции общего вида (состояние, изменение состояния, длительность или предельность во времени, достижение местоположения) и является носителем морфологических категорий. Предложная группа с существительным – сравнительным маркером / локативным маркером и т. д. – является носителем понятийного признака сказуемого в целом и входит в структуру актуального сказуемого. Попытки определить обязательные компоненты валентности финитного глагола предпринимались и ранее с помощью различных методов («синтаксический минимум» Х. Ренике, «метод отчеркивания» Л. Вайсгерберга и П. Греббе, «метод элиминирования» Х. Глинца). Применяя метод Х. Глинца [12] для определения состава сказуемого, можно сделать вывод о неотъемлемости предложной группы с существительным – сравнительным маркером / локативным маркером и т. д. в составе актуального сказуемого. Назовем такой компонент сказуемого «облигаторным актантом», который установлен в результате применения метода Х. Глинца. Традиционно в немецкой грамматике таким «облигаторным актантом» считается лексическое дополнение неполнозначного глагола, точнее именная часть составного сказуемого, предикатив (Х. Вайнрих, П. Греббе, Г. Хельбиг, Й. Буша, В. Юнг и др.). Нами такой «облигаторный актант» понимается шире, чем традиционно. Для сравнения: Er geigt. – "Geigt" – простое сказуемое. Er spielt Geige. – Сказуемое "spielt Geige". Очевидно, что без компонента "Geige" сказуемое приобретает совершенно другой смысл, хотя морфологически и является вполне самодостаточным. "Geige" входит в состав сказуемого *предикаментом*. Совершенно очевидно: "geigen" и "spielen Geige" реализуют один и тот же логико-семантический предикат.

Такой/ую компонент / группу мы именуем семантическим предикаментом, который представляет собой языковую единицу, структурно и семантически завершающую актуальное сказуемое [13, с. 235].

Рассмотрим ряд примеров.

Von 936 bis 1531 wurden alle Könige und Kaiser im Aachener Münster gekrönt. – krönen = jmdm die Krone aufsetzen. Применим метод Х. Глинца и элиминируем "die Krone", остается глагол "aufsetzen": Von 936 bis 1531 wurde allen Königen und Kaisern im Aachener Münster [die Krone] aufgesetzt. – Сказуемое теряет завершенность, предложение утрачивает смысл, следовательно компонент "die Krone" входит в состав сказуемого предикаментом.

Er habe sich deshalb als Bürger verkleidet, dem Baumeister genähert und mit ihm gewettet. – Verkleiden – durch Kleidung sich unerkennlich machen. Wetten – die Wette einlösen. Осуществим пробу на элиминацию: Er habe sich [durch Kleidung unerkennlich] gemacht. Сказуемое теряет завершенность, предложение утрачивает смысл, следовательно, компонент "durch Kleidung unerkennlich" входит в состав сказуемого предикаментом.

Субститутом сказуемых с предикаментом в форме предложного или непредложного существительного типа "setzt die Krone auf", "spielt Geige", "schuftet wie ein Büffel", "zerfällt leicht in Krümmel", "versieht die Wände mit Fliesen" является простой глагол "krönen", "geigen", "büffeln", "krümmeln", "fliesen". Разумеется, их нельзя рассматривать абсолютными синонимами. Одно можно с уверенностью утверждать: логико-семантическим

предикатам на логическом уровне порождения предложения имманентно присущи тематические группы глаголов, которые реализуют этот ЛСП в актуальном предложении. А предикативный знак (ПЗ) как конституирующее ядро предложения органично включает логико-семантические предикаты (ЛСП), формирующие логическое ядро предложения.

Литература

1. Deutsches Universalwörterbuch / Unter der Leitung von G. Drosdowski. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Duden-Verlag, 1989. 1816 S.
2. Дорошевский В. Я. Элементы лексикологии и семиотики. М.: Прогресс, 1973. 282 с.
3. Ломтев Т. П. Предложение и его грамматические категории. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. 200 с.
4. Степанова М. Д., Хельбиг Г. Части речи и проблема валентности в современном немецком языке. М.: Высшая школа; Leipzig: Bibliographisches Institut, 1978. 288 с.
5. Лобановская Е. В. Предикативный знак и способы его реализации в современном немецком языке: дис. ... канд. филол. наук; Нижегородский гос. лингвистический ун-т. Нижний Новгород, 1996. 220 с.
6. Лещенко М. И. Виртуальный и актуальный аспекты предложения: автореф. ... дис. д-ра филол. наук. Минск, 1989. 42 с.
7. Brinkmann H. Die deutsche Sprache: Gestalt und Leistung. Düsseldorf, 1971. 939 S.
8. Duden. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. Mannheim, 1984. Band 4. 800 S.
9. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. 2-е изд. М.: Просвещение, 1976. Режим доступа: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/lingvistic/910> (дата обращения: 22.04.2018).
10. Лобановская Е. В. Когнитивные основы глагольно-именных конструкций // Вопросы лингвистики, методики обучения языкам и литературоведения в свете современной науки: материалы I Международной науч.-практич. конф. СПб., 2017. С. 26–33.
11. Кацнельсон С. Д. О категории субъекта предложения // Универсалии и типологические исследования. М: Наука, 1974. С. 104–121.
12. Glinz H. Die innere Form des Deutschen. Eine neue deutsche Grammatik. 5. Aufl. Bern, 1968.
13. Лобановская Е. В. Die strukturelle Achse des Satzes (aufgrund der deutschen Sprache) // Науковий вісник південноукраїнського національного педагогічного університету ім. К. Д. Ушинського. Лінгвістичні науки. 2011. № 13. С. 232–238.

COGNITIVE BASES OF CONVERTIBILITY IN VERBS OF THE "FLIESEN" TYPE AND SUCH CONSTRUCTIONS AS «VERSEHEN MIT FLIESEN» IN THE GERMAN LANGUAGE

Elena V. Lobanovskaya¹.@

¹ *Linguistics University of Nizhny Novgorod, 31A, Minina St., Nizhny Novgorod, Russia, 603155*

@lobanovskayaev@mail.ru

Received 31.01.2018. Accepted 28.04.2018.

Keywords: predication, logical valence, logical semantic predicate, predicative sign, semantic marker, predicate.

Abstract: The article features the role of predication in the process of actual utterance generation. Predication forms the logical structure of an abstract model situation, whose components are connected by logical valency. Reflection of reality in the mind of the speaker occurs in the form of logical-grammatical predicates. A predicative sign of the logical-grammatical category of predicativity constitutes a sentence. It implies various logical and grammatical predicates. They are immanently inherent in thematic groups of verbs, with the help of which they are actualized in the utterance. The material of the study is represented by such constructions as "versehen mit Fliesen" and similar verbs, e.g. "fliesen". The prepositional / unrepresentative group of the noun acts as a semantic marker in the thematic group of verbs. The research employs H. Glinz's test elimination and proves that the semantic marker is a part of the actual predicate. Convertibility of constructions with a prepositional / non-prepositional noun and the corresponding verb allows us to conclude that they have a common logical-semantic predicate in the "deep" plane. The results of the research can be successfully used in courses of theoretical and systematizing grammar, stylistics and text interpretation.

For citation: Lobanovskaya E. V. Kognitivnye osnovy konvertiruемости glagolov tipa «fliesen» i konstruktсии tipa «versehen mit Fliesen» (na materiale nemetskogo iazyka) [Cognitive Bases of Convertibility in Verbs of the "Fliesen" type and such Constructions as «Versehen mit Fliesen» in the German Language]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2018): 206–210. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-206-210>.

References

1. *Deutsches Universalwörterbuch*. Unter der Leitung von G. Drosdowski. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Duden-Verlag, 1989, 1816.
2. Doroshevsky V. Ia. *Elementy leksikologii i semiotiki* [Elements of lexicology and semiotics]. Moscow: Progress, 1973, 282.
3. Lomtev T. P. *Predlozhenie i ego grammaticheskie kategorii* [The sentence and its grammatical categories]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1972, 200.
4. Stepanova M. D., Helbig G. *Chasti rechi i problema valentnosti v sovremennom nemetskom iazyke* [Part of speech and the problem of valence in modern German]. Moscow: Vysshaia shkola; Leipzig: Bibliographisches Institut. 1978. 288.
5. Lobanovskaya E.V. *Predikativnyi znak i sposoby ego realizatsii v sovremennom nemetskom iazyke*. Diss. kand. filol. nauk [Predicative sign and ways of its realization in modern German language. Cand. Philol. Sci. Diss.]. Nizhny Novgorod State Linguistic Univ. Nizhny Novgorod, 1996, 220.
6. Leschenko M. I. *Virtual'nyi i aktual'nyi aspekty predlozheniia*. Avtoref. diss. doktora filol. nauk [Virtual and actual aspects of the proposal. Dr. Philol. Sci. Diss. Abstr.]. Minsk, 1989, 42.
7. Brinkmann H. *The German language: shape and achievement*. Dusseldorf, 1971, 939.
8. Duden. *Grammar of German contemporary language*. Mannheim, band 4 (1984): 800.
9. Rosenthal D. E., Telenkova M. A. *Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov* [Dictionary-reference of linguistic terms]. 2nd ed. Moscow: Prosveshchenie, 1976. Available at: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/lingvistic/910> (accessed 22.04.2018).
10. Lobanovskaya E.V. Kognitivnye osnovy glagol'no-imennykh konstruktсии [Cognitive bases of verbal-nominal constructions]. *Voprosy lingvistiki, metodiki obucheniia iazykam i literaturovedeniia v svete sovremennoi nauki: materialy I Mezhdunarodnoi nauch.-praktich. konf.* [Questions of linguistics, methods of teaching languages and literary criticism in the light of modern science: Proc. I Intern. Sc.-Prac. Conf.]. Saint-Petersburg, 2017, 26–33.
11. Katznelson S. D. O kategorii sub"ekta predlozheniia [On the category of the subject of the proposal]. *Universalii i tipologicheskie issledovaniia* [Universal and typological studies]. Moscow: Nauka, 1974, 104–121.
12. Glinz H. *The inner form of the German. A new German grammar*. 5. Aufl. Bern, 1968.
13. Lobanovskaya E. V. Die strukturelle Achse des Satzes (aufgrund der deutschen Sprache). *Naukovii visnik pivdennoukrains'kogo natsional'nogo pedagogichnogo universitetu im. K. D. Ushins'kogo. Lingvistichni nauki = Scientific Newsletter of the Southern-Ukrainian National Pedagogical University im. K. D. Ushinsky. Linguistic sciences*, no. 13 (2011): 232–238.

УДК 821.161.1

СЕМАНТИКА СЮЖЕТОВ ПЕРЕПИСЫВАНИЯ В РОМАНАХ В. ШАРОВА «СЛЕД В СЛЕД» И «ВОСКРЕШЕНИЕ ЛАЗАРЯ»

Алёна И. Пантюхина¹.@

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, 634050, Россия, г. Томск, пр-т Ленина, 36*

@ *alena.pantuhina@yandex.ru*

Поступила в редакцию 20.02.2018. Принята к печати 25.05.2018.

Ключевые слова: сюжет письма, рецепция, текст, современная русская проза, роман.

Аннотация: В исследовании представлена типология и семантика сюжетов переписывания в романах В. Шарова «След в след» (1991) и «Воскрешение Лазаря» (2002) в двух аспектах: рецептивном и историческом и / или историософском. В творчестве В. Шарова отношение персонажей к тексту и слову, сюжеты переписывания проявляют специфику национального сознания, для которого тексты свидетельствуют о метафизических законах исторической реальности, а также вера в силу слова способна преобразить бытие. Телеологическое понимание истории опиралось на понимание текста как инструмента воздействия на материальный мир, как исторической силы. В статье выделены три типа сюжета переписывания в романах В. Шарова «След в след» и «Воскрешение Лазаря». Во-первых, точное (каллиграфическое) переписывание как приближение к метафизическим смыслам сакральных текстов (мифологизация и демифологизация). Семантика этого сюжета в романах В. Шарова подчеркивает невозможность повторения, сохранения сакральных смыслов и преобразования несовершенной исторической реальности. Во-вторых, сюжет переписывания как исправление чужих идей и создание собственного проекта исправления жизни при помощи текста определяет обусловленность понимания текста, его переписывания, переделки задачами настоящего (в частности в романе «Воскрешение Лазаря» – объяснения и оправдания страданий русских людей в XX в.), а также иллюзорность попыток изменения реальности по текстам, напротив, реальность корректирует тексты. В-третьих, переписывание, интерпретация текстов (герменевтический смысл) означает диалог смысла претекста и понятого воспринимающим, «переписывающим», смысла, является попыткой более глубокого познания реальности.

Для цитирования: Пантюхина А. И. Семантика сюжетов переписывания в романах В. Шарова «След в след» и «Воскрешение Лазаря» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 2. С. 211–218. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-211-218>.

Проблема переписывания и его исторической роли в культуре связана с функцией языка и текстов быть средством коммуникации и передачи смыслов. Язык – это «определенный класс знаковых систем» [1, с. 604–606], инструмент и результат смыслопорождения, обеспечивает передачу смыслов и знаний между людьми во времени и пространстве [2, с. 646]. Текст – система знаков, объединенных одним смыслом [3, с. 507]. В настоящем исследовании мы будем рассматривать значение текста в историческом процессе, поэтому отметим, что представление людей об исторической реальности опосредовано текстами. Слово «история» (др.-гр. «расспрашивание, исследование» [4, с. 839]) многозначно: и это рассказ, повествование о реальности, и установление смысла прошедших событий.

Если прошлое сохраняется только в текстах, то корреляция текста реальностью замещается созданием новых текстов, основанных на прежних (документы, газеты, письма и т.д.). Следовательно, важнейшей проблемой исторического знания является рецепция текстов, в которой мы выделим следующие аспекты.

Во-первых, отношение к предшествующему тексту как источнику смыслов: а) ограниченных, присущих прошлой исторической эпохе; б) вечных истин; в) сакральных, метафизических, но явленных в знаках. Во-вторых, мифологизация, сакрализация текста, когда признаются магически как его смыслы, так и сам текст (буквы), он воспринимается не только как критерий понимания, но и как метафизическая сила, творящая реальность. В-третьих, важность фигуры «переводчика» смыслов текста, переписчика, его права на интерпретацию (а потому и коррекцию). В-четвертых, форма передачи текста: устная – ситуативна, создаёт двойную диалоговую ситуацию, точность смысла неизбежно корректируется, высказывание наделяется новой модальностью, мифологизируется и, напротив, варьируется. При переписывании текста сохраняется возможность большей идентичности текста-дублёра и мифологизируется не только смысл, но и текст. Таким образом, текст не равен себе, в процессе (и далее на материале художественных текстов В. Шарова – сюжете) переписывания значимы трансформации

как смысла, так и формы текста, что уже было предметом размышления в работах по рецептивной эстетике [5], герменевтике, в трудах постструктуралистов.

С одной стороны, по мнению М. Фуко [6; 7, с. 54–80, 325–362] и Р. Барта [8, с. 547], язык и текст являются орудием власти, тоталитарной силой, письмо и чтение закрепляют общие представления, объясняющие реальность и навязывающие эти объяснения, т. е. закрепляют мифологии. Переписывание в таком случае умертвляет реальность и смыслы. С другой стороны, переписывание (чтение, интерпретация) определяет процесс познания смыслов текстов. Ж. Деррида говорил о переписывании не как о копировании, а как о деконструкции, процедуре «разборки» и «сборки» [9, с. 54]. Любой текст есть текст переписанный, что имеет экзистенциальный смысл, упорядочивает сознание в структуру. По М. Хайдеггеру, переписывание – онтологический процесс, проявление языка для себя и соответственно – освоение бытия [10, с. 142–167]. Х.-Г. Гадамер [11, с. 446–548] говорил о диалоговом характере понимания, о допущении инаковости. Следовательно, переписывание может демифологизировать собственное сознание и открыть неистинность другого сознания. У. Эко [12, с. 67–103] и Р. Барт [8, с. 413–423] утверждают незакрытость любого текста, возможность множества интерпретаций при восприятии-пересоздании текста.

В настоящей работе мы обратимся к анализу сюжетов переписывания как проявления национального отношения к слову, к текстам, воспринимаемым как свидетельство о метафизических законах исторической реальности, как традиции знаний о нематериальных основах истории, как веры в действенную силу слова, меняющего реальность. Телеологическое понимание истории опиралось на понимание текста как инструмента воздействия на материальный мир, как исторической силы. Возможность понимания текста сакрализует и переписчика, и процесс переписывания, и источник – пратекст.

В современной русской прозе доминирует представление о том, что история лишена объективности и является порождением культурных мифов, их смены и смешения [13]. И существующая, и исчезнувшая реальности есть нечто вторичное и симулятивное [14]. Романы В. Шарова исследователи относят к этой линии русской литературы, хотя важнее для писателя, как нам представляется, показать мифологизирующее сознание, вызванное как осознанием трагического характера национальной жизни, так и интенцией к абсолютному идеалу, должному наличествовать в неземной, высшей реальности. У В. Шарова русская история объясняется метафизическим сознанием, определяя и неверие в возможность построения идеальной реальности на земле (смирение со злом в окружающем мире), и веру во вмешательство высшей силы, способной преобразить реальность. В его романах история предстаёт не в событиях, а в представлениях людей, запечатлённых в их текстах: как личных (дневниках, письмах и т. д.), так и опирающихся на известные и авторитетные для них тексты (сакральные, художественные, философские).

С одной стороны, зафиксированные в текстах проекты влияют на реальные процессы социальной жизни, с другой стороны, в текстах фиксируются индивидуальные и коллективные версии истории, соотнесённые не с фактами, а с сакральными или авторитетными текстами. Переписывание выстраивает иерархию текстов, дающих истинную (в оценке переписчика) картину мира, а следовательно, определяет цели, направленность, способы существования как переписчика, так и социума, к которому обращено переписывание канонических или авторитетных текстов. В христианской, в частности русской, культуре таким сакральным текстом была Библия, с которой сверялись, но и которую подстраивали под свои исторические представления переписчики и читатели.

Мы сосредоточимся на сюжетах переписывания в романах В. Шарова «След в след» (1991) и «Воскрешение Лазаря» (2002), видя в них, с одной стороны, типологическую особенность прозы писателя, с другой стороны, изменение в интерпретации власти текстов от раннего к зрелому периодам творчества. И. В. Ащеулова отмечала, что в романах В. Шарова писательство и чтение текстов создают «прерывистую, искажаемую духовную преемственность, формируют избирательную человеческую память, свидетельствующую и о тупиках мысли, и о забытых в прошлом ценностях» [15, с. 164; 16; 17]. В первых романах («След в след» (1991), «Репетиции» (1992), «До и во время» (1993) и др.) власть текстов проявлялась в имитационном характере жизни людей, принявших высшую истинность сакральных или авторитетных (научных, философских) текстов; переписывание в них стремилось к копированию. В романе «Воскрешение Лазаря» и следующих за ним («Будьте как дети» (2008), «Возвращение в Египет» (2013)) В. Шаров показывает роль авторитетных текстов, переписывание становится деконструкцией, редакцией, дописыванием и текстов, и реальности.

В обоих романах русская история XX в. воссоздается через судьбу семьи, рода. «След в след» – хроника семьи Фёдора Голосова, записанная его приёмным сыном Сергеем Колоуховым в конце 1970-х – начале 1980-х гг.; «Воскрешение Лазаря» – воскрешение памяти о своём отце в письмах дочери безымянным рассказчиком в середине 1990-х гг., внимание которого привлекает история другого рода, братьев Кульбарсовых. В романах отсутствует «авторитетный» или объективный нарратор, повествование строится как компиляция множества частных историй, рассказанных когда-то, документов (писем и дневников), все они пересказываются, переписываются вторичным, третичным нарраторами. Повествование представлено как переписывание пратекстов, собирание разных версий частных и социальных событий, версий национальной истории в контексте разных метаисторических, телеологических идей и текстов (Библии, философии коммунизма, социального проекта эсеров, научных идей – космизма и пр.). Роман «След в след» исследует механизмы сохранения смыслов и прерывания традиции, исторических разрывов. Сюжет романа «Воскрешение Лазаря» составляют поиски путей спасения народа, раскрывается мифологи-

зирующая основа русского национального сознания, которое в создании текстов стремится преодолеть несовершенство реальности, наделить логикой и даже высшим смыслом любые исторические события.

Выделим следующие типы сюжетов переписывания в романах В. Шарова «След в след» и «Воскрешение Лазаря»: 1) точное (каллиграфическое) переписывание как приближение к метафизическим смыслам сакральных текстов (мифологизация и демифологизация); 2) переписывание как исправление чужих идей и создание собственного проекта исправления жизни при помощи текста; 3) переписывание (цитирование) и интерпретация текстов как более глубокое познание реальности (герменевтический смысл).

Переписывание текста как приближение к познанию и пониманию метафизических смыслов сакральных текстов представлено в сюжете переписывания Торы Ошером Левиным в романе «След в след». Точное, каллиграфическое переписывание сакрального текста имеет ритуальное значение приобщения к его смыслам, является способом распространения истины, традиции (лат. *traditio* – передача, предание) [18, с. 778–779] как универсальной формы закрепления культурного, духовного опыта. Сакральность ритуала переписывания Торы (соферами – переписчиками) обеспечивала выживание нации, поскольку сохранялась незыблемость веры в метафизическую силу, несмотря на исторические катаклизмы, происходившие с евреями (этому посвящен вымышленный художественный текст «История моего рода» главного персонажа романа Фёдора Голосова).

История Ошера Левина в XX в. свидетельствует о неспасительности канона, веры в истину, закреплённую в тексте, об изменении роли самих текстов. Левин родился на рубеже XIX–XX вв. в Белоруссии, несмотря на принадлежность к еврейскому роду основателей хасидизма, он плохо знал Тору и после революции, воспользовавшись возможностями нового, интернационального общества, уехал в Москву учиться живописи, примкнул к авангардной группе художников «Бубновый валет». Левин сменил традиционную родовую культуру на индивидуалистическую, свободную, более того – устремлённую к созданию новой реальности, альтернативной социуму. Личная интенция героя совпадает с интенцией исторического времени, с мифами о праве человека создавать «вторую природу», мир, отличный не только от существующего, но от созданного творцом. В индивидуальной судьбе Левина Шаров фиксирует отпадение от власти Творца, интенцию к переписыванию самой реальности. Но Левин шел не к переделке онтологии (исторической, социальной деятельности), а к эстетическому, субъективному проекту, образу реальности. Левин уходит и от слова, от логоцентричной культуры (иудейской), обращаясь к визуальному искусству, смыслы которого более абстрактны, аллегоричны и не предназначены для воспроизведения (переписывания). Живопись Левина мало отвечает запросам времени, и в его творчестве проявляется связь с родовой традицией, её символами, кодами: Левин всегда рисовал цветы, символ абсолютной красоты,

естественности того, что создано не человеком. Но красота цветов на картинах Левина всегда «нарушалась»: они всегда были испорченными, увядшими. Эту деталь учитель героя называет «печатью Каина». Испорченные цветы ставят проблему несовершенства созданного богом мира, оправдания вмешательства в бытие человека. Это говорит не только о сомнении Левина в Творце, но и о его неверии в возможность переделать (переписать) реальность, на чём основывается идея коммунизма, вера в прогресс. Картины Левина можно воспринимать как бессознательную деконструкцию как архаического иудейского мифа, так и господствующего исторического мифа о построении коммунизма.

После неудачи своей первой выставки в 1925 г. Левин возвращается домой. Эта неудача символизирует и завершение русского модерна, эпохи мифотворчества, и либерального «сюжета» советской истории – периода нэпа. Левин с его пессимистической концепцией мира, противоположной проекту раннего коммунизма, не вошёл в новую социальную и культурную систему. Возвращение героя домой напоминает и сюжет возвращения блудного сына, но в начале Левину не свойственно понимание ложности своих прежних мифов, к возвращению его вынуждают обстоятельства. Сначала чтобы занять себя и порадовать отца, потом с искренним интересом художник начинает переписывать Тору, запоминая её, приближаясь к её смыслам. Так происходит возвращение героя к родовой вере в метафизическую силу. Религия, с которой его связал текст, приводит к отказу от личного поиска (поэтому не создание своего текста, а переписывание канонического, истинного). Познание божественных смыслов происходит посредством каллиграфии, искусство воспроизводить знаки (буквы и слова) становится мистическим процессом всматривания в трансцендентное.

Фамилия персонажа отсылает к еврейскому колену левитов, которому традиционно принадлежали соферы. Левиты не имели собственной территории, должны были служить всем людям, переписывая Тору, сохранять божественное слово. Поэтому и судьба Левина в XX в. несет аналогичный смысл сохранения и распространения божественного слова. Но приближаясь к смыслам Бога, Левин выработал свой стиль написания букв, т. е. преобразил сакральные смыслы: «Левина смущало то, что ни в памяти, ни в молитве он почти не может отделить Слово Божие от своих букв. В синагоге и во время занятий, когда он пользовался Торой, напечатанной в типографии, ему всё время казалось, что это какой-то другой текст, и он, чтобы понять смысл стиха, сначала должен был перевести его с обычного шрифта в свой почерк» [19, с. 152]. Левин 10 лет переписывает Тору и, работая учителем рисования в школе, снова не встраивается в советский социум, сохраняя верность метафизическим ценностям, он отказывается от участия в выставке, посвященной 20-летию революции, за что его отправляют в лагерь за пропаганду сионизма в середине 1930-х гг.

Заключение Левина проецируется на рабство евреев в Египте, после которого Бог заключает с евреями завет, т. е. ситуация испытания избранного народа, его

очищения для продолжения праведной линии. С одной стороны, Левин, лишенный возможности диалога с сакральным текстом, следует познанным смыслам и распространяет их: учит своего сына, в больнице излагает свою версию бытия Сергею Колоухову, брату главного персонажа романа. С другой – Левин вынужден служить советской системе: он занимается переписыванием лагерных документов, актов насилия, беззакония, тем самым сохраняя следы тоталитарности власти и ничтожности человека, от которого остается только переписанный каллиграфическим почерком документ. Ситуация испытания веры иудея не приводит к созданию завета, укреплению связи с метафизическим миром через преодоление страданий, служение Богу трансформируется в служение советской системе. Но осознание соучастия в насилии, невозможности ему сопротивляться разрушает Левина, он начинает употреблять наркотики, несакрально изменяет своё сознание, в отличие от библейских пророков, находящихся в измененном состоянии сознания во время получения божественного откровения. От 10-летнего заключения в памяти персонажа сохраняется всего несколько эпизодов, он перестаёт быть носителем не только божественных, но и исторических смыслов.

Таким образом, переписывание текста как приобщение к высшим ценностям не спасло сознания отдельной личности, как и религиозные ценности не спасли сознание наций (евреев, русских). Но развитие сюжета романа оставляет личности право выбора, тогда как коллективная мифология освобождает людей от выбора и этической ответственности за изменение обстоятельств.

В психиатрической больнице Левин знакомится с Сергеем Крейцвальдом, воспитанном на мифах эсеров о социальной борьбе как способе «переписывания», исправления исторической реальности. Встреча двух сознаний: пассивного, уповающего на волю Бога, и позитивистского, основанного на праве человека менять действительность, в пространстве психиатрической больницы символизирует исторический выбор России, где больные, угнетаемые люди, подобно народу, терпят насилие врачей, т. е. власти. Сергей становится предводителем революции, подобно Христу, он хочет изменить мышление людей идеей гуманности и справедливости, но этот сюжет пародирует русскую революцию, в которой насилие над угнетателями становится орудием и условием строительства «нового» общества.

Для Левина, как еврея, Христос – лжепророк, а христианство – еврейская ересь, потому что человек не может совершенствовать мироустройство, Сергей же отвергает первородную греховность человека. Отказываясь от признания несовершенства человека, он не принимает зла в насильственном изменении мира, его сознание утопично. Левин же говорит о том, что зло появилось со свободным выбором человека, и потому человек никогда не перестроит несовершенный мир, не переписет его красиво, каллиграфически. Борьба со злом также есть зло, т. е. насилие над божественным замыслом: «мы не понимаем и забываем, что добро – это нечто совсем другое, чем зло...» [19, с. 159],

«если зло исходит извне, тогда еще есть надежда» [19, с. 173]. Поэтому Левин и его сын отказываются от участия в больничном восстании, за что их убивают. Сергей, руководивший революцией, создает справедливое общество в больнице и выздоравливает, после чего совершает самоубийство. Он осознает, что революция ничего не изменила: Сергей, получив власть, стал палачом. Переписывание Торы подводит Левина к повторению судьбы евреев – конформизму.

Профанная версия переписывания текста как утверждения его сакральных смыслов в актуальной реальности представлена во вставной главе романа «Путешествие Джона Крафта» главного героя Фёдора Голосова. В. Шаров трагедизирует магию текста, сводя её не к пониманию смыслов, а к практическому воздействию на реальность. В сюжете своего романа Голосов решает ключевую для себя проблему соотношения текста и реальности. Главный герой и рассказчик – переводчик, журналист – описывает духовное преображение рабочего, соответствующее стереотипному сюжету об идейном пробуждении человека, который в результате чтения приобщается к идеям коммунизма, становится преобразователем реального мира и спасителем людей. Рабочий провинциального города Зернов был индифферентен к советской пропаганде, но всерьёз увлекся идеями коммунизма, когда они потеряли реальную силу – в середине 1970-х гг. Зернов – слесарь, владеющий механизмом преобразования замысла в вещь, и идеи коммунистического будущего казались простыми, реализуемыми: «Ему нравились их идеи, но еще больше то, как они к ним шли, как они их «делали». Это было другое, но, несомненно, близкое, родственное ему «машинное» мышление» [19, с. 205]. Идеологов коммунизма – Маркса, Энгельса и Ленина – он воспринимал как инженеров, тех, кто преобразует материальную действительность, преодолевает сопротивление твёрдых материй. Так герой обретает смысл жизни – впечатать в природу текст-проект, он вырезает на зерне риса текст статьи Ленина «Как нам реорганизовать рабкрин». Работа увлекает его, спасает от пьянства, но, потеряв зерно, он теряет смысл жизни.

Зерно с текстом статьи есть символ продолжения и преображения жизни, что отсылает к притче Христа о сеятеле, в которой утверждается значение осмысленного познания традиции, идеи, только тогда у идеи есть продолжение. Зернов же, во-первых, переписывает статью Ленина с ошибкой, меняя ее смысл на противоположный (забывает частицу «не» в самом начале). Во-вторых, теряет зерно, и оно оказывается необычайно плодородным и быстро распространяется, доказывая плодovitость искаженной идеи, которую люди поглощают: «Но уже сегодня миллионы и миллионы сытых жителей Азии, Африки и Латинской Америки, прежде неграмотные, склонившись над микроскопом, читают Ленина по-русски» [19, с. 220]. Эта история в романе Голосова представляет собой саркастичную рефлексию о времени, в котором он живет, о текстовых ценностях, не соответствующих свойствам бытия. Во-первых, власть текста подтверждена изменением законов природы: текст, записанный на зерне, исказил

природу. Во-вторых, сакрализована земная власть (Ленин), речь не идёт о переписывании как приближении к пониманию метафизической реальности. В-третьих, профанный субъект переписывания занят механическим копированием: не каллиграфия, а уменьшение размера текста – вот заслуга переписчика, и смысл литоты однозначен – редукция авторитетного текста.

Второй тип сюжета переписывания текстов как коррекции чужих идей и создания на их основе собственного текста-проекта в романе «След в след» не доминирует, персонажи, создающие проекты преобразования социальной реальности находятся под воздействием не текстов, а реальности. Сергей создает энциклопедию народничества, которая, по замыслу, должна стать первых этапов народнической революции. Буквально он не создаёт своих текстов, но становится транслятором устных рассказов (переводя их в тексты), документов, оставшихся как «след» идей и присутствия в истории людей, имевших свой «сюжет» переписывания истории России в XX в. В романе отсутствуют тексты Сергея, сюжет переписывания отсутствует. Тексты эсеров не сакрализируются, но принимаются как спасительные, потенциально действенные.

В романе «Воскрешение Лазаря» (2002) мотив переписывания текста как заимствования и переделки исходной идеи с целью создания проекта, должного объяснить и изменить актуальную реальность, связан с сотериологическим сюжетом, попытками героев спасти Россию и народ от страданий. Название романа не только отсылает к библейским сюжетам воскрешения, победы духа над природной смертностью, но является и ключом к трактовке переписывания как возвращения к жизни исчезнувших (и даже мёртвых) смыслов.

Судьбы двух интеллигентов, братьев Кульбарсовых, представляют метафору двух полюсов русской историософии: два варианта сотериологии, спасения России, приобщения её к метафизическому, божественному миру. Старший, Фёдор, после пострига Феогност, символизирует линию праведничества и мученичества, индивидуального духовного спасения в мире зла, индивидуального поиска Бога как абсолюта для себя, а не как метафизической силы, способной исправить (переписать) социальную действительность. Младший брат, Николай, напротив, выбирает путь участия в земной жизни, полагая возможность спасения без метафизики, т. е. деятельностью людей, народа. В 1914 г. он отправляется санитаром на первую мировую войну, а после возвращения в 1918-м г., убедившись в разрушительности насильственного утверждения справедливости (революцией и гражданской войной), он отказывается принять проект утвердившихся большевиков. В 1927 г. Николай отправляется в путешествие по страдающей России не для пропаганды антибольшевистских идей, а для познания страдания людей, ибо только понимание жизни как абсолютного зла приведёт к усилиям спасения народа своими духовными силами. Цель Николая: «проповедовать переполненному ненавистью, разделенному и расколотому недавней Гражданской войной народу мир и любовь. Убедить людей простить друг другу обиды, зло, опять сойтись в одно» [20,

с. 54]. Николай ищет идею спасения не в экономических, материальных способах, а в некой коллективной духовной интенции к коренному изменению бытия, т. к. это бытие неразумно, несовершенно, жестоко. Так рождается упование на метафизическую силу, возникающую на земле, в духовных устремлениях многих, осознавших реальное мироустройство как неидеальное, как мир Антихриста (гностическая идея), а не смирение перед богом и теми страданиями, на которые он обрекает русских людей.

Создание своего проекта Николай связывает не с познанием реальных страданий (на самом деле его путешествие является ложью, он не покидает Москвы), а с интерпретацией текстов, комментируя которые, он переписывает, деконструирует их. Все переписываемые тексты герой сводит к двум идеям: 1) ответственность человека за земное бытие и историю; 2) признание слабости человека, упование на бога. Переписывание чужих текстов (и идей) оформляется не в проповедях, а в частных письмах своей жене Нате, которую Николай увел у брата Феогноста, и теперь создаёт миф о себе как избранном человеке, достойном любви Наты. Эпистолярный жанр как форма диалога есть выход к новому пониманию бытия, к со-бытию сознаний, но в романе отсутствуют ответы жены, а истинным адресатом является старший брат персонажа – Феогност. Это подчеркивает нарушенную коммуникацию персонажей в процессе рецепции текста, невозможность понимания и передачи знаний: идеи Николая о спасении России усилиями людей не услышаны, не прочитаны современниками.

Николай переписывает ключевые библейские идеи, отыскивая в них как объяснение страданий людей, так и императив к действию. Сюжет строительства Вавилонской башни Николай интерпретирует как объединение народа против Бога, доказательство возможности народа строить жизнь (доказательство преимущества Демиурга над Творцом). История Иова обосновывает бунт человека против замысла Бога, ибо страдания Иова несправедливы, тогда Бог для Николая является источником зла. Сюжетом Каина и Авеля Николай оправдывает идею преобразования земного мира и человека-преобразователя, подобно Каину-земледельцу, не принявшему законы и ценности Бога. Хотя Николай принимает оценку переделанного Каином мира: «в нем почти всё лишнее, полезного же мало, и оно слабо» [20, с. 61], но с Каина началось противостояние человека и Бога, определяющее историю человечества. И в интенции человека изменить несовершенный мир Николай видит метафизическую природу русской истории, подобно идеям космизма, когда сознание человечества, научные знания меняют материальную действительность. Неслучайно Николай описывает воображаемую встречу с Циолковским и его идеи разумной переделки самой материи жизни: уничтожение форм жизни, более сложных, чем молекулы и создание новой материи на новых планетах. Понимание Николаем человека как преобразователя бытия во многом соотносится с гностической трактовкой Демиурга: Бог заставляет людей

творить зло, «У Коли совершенно определенно выходит, что именно Бог вынудил и вынуждает большевиков творить зло» [17, с. 192]. С чекистом Костюченко Николай признает необходимость и возможность создания рая на земле и прежде всего бессмертия, воскрешения предков и их идей, смыслов, текстов: создание библиотек и музеев на кладбищах (что намекает на идеи Н. Фёдорова). Тогда мучения людей в ЧК получают онтологическое оправдание – протоколы закрепят не частные, а конечные смыслы, понятые людьми в муках пограничных ситуаций: «вы должны узнать об этом человеке все, вывернуть его наизнанку, вынуть из него всю душу» [20, с. 83]. Органы насилия получают метафизическое оправдание и становятся созидателями вечной жизни.

Николай упоминает и сектантские идеи бегунов и покаянников, которые стремились убежать от земной жизни. Сам Николай понимает, что настоящее путешествие было бы бегством от реальности, и он замещает бегство от зла бегством в тексты: «И конечно, он не пророк, он просто бежит, спасается бегством. Бежит потому, что немощен, слаб» [20, с. 76]. Переписывание становится не только основой для переделки реальности, но является оправданием персонажа, подчеркивает истинный смысл письма как убегания от реальности.

Одновременно Николай фиксирует и альтернативные коллективному духовному преображению проекты (идея упования на бога, смирения): апокриф «Хождение Богородицы по мукам» – свидетельство Богу о необходимости спасения людей, непреодолимости их страданий. Герой верит, что Богородица уже спустилась на землю и готова обратиться к Богу и спасти Россию от зла и мук. Николай деконструирует этот миф: познание степени готовности греховного мира к спасению нужно не для апелляции к Высшей силе, а для собирания готовых духовно к преображению мира людей. Само хождение по мукам русских людей оказывается мистификацией, ибо свидетельство о страдании нации, как и способы спасения, Николай берёт из текстов.

Другой проект, альтернативный духовному преодолению онтологического зла, – это битва с тем, кто мешает, разрушает миф о соединении земных душ: помехой персонажу видятся не большевики (они как раз деянием зла приближают конец мира зла), а брат Феогност, считающий возможным только индивидуальное спасение неучастием во зле. Фабула битвы с братом, должной переломить ход истории, не связана с текстовым проектом Николая, поэтому мы опускаем её анализ.

Понимая невозможность достижения своих идеалов, реализации мифов и перевода текста в реальность, Николай, подобно советскому социуму, постепенно отказывается от социальных проектов, от мифов об извращении, тем более от исполнения предназначения разумного человека, свободного от Бога. О жизни Николая в 1940–1980-х гг. мы практически ничего не узнаем, в начале 1990-х гг. персонаж существует исключительно в бытовой реальности, рассказчику достаются его дневники, в которых Николай скрупулезно описывал свой быт. Отказ от исторических мифов соответствует атмосфере позднего советского времени, разочарованию в социальной утопии коммунизма.

Третий тип рецепции текстов в романах В. Шарова «След в след» и «Воскрешение Лазаря» – переписывание (цитирование) текста как интерпретация означает диалог смысла претекста и понятого воспринимающим, «переписывающим», смысла. Здесь важна не столько точность или необходимость исправления, подчинения собственным смыслом, а герменевтический закон понимания, закон «открытого» текста, когда новый текст выражает смысл предшествующего в той степени, в какой он понят. Деконструкция претекста в новом тексте формирует новые смыслы. В таком случае термин «переписывание» неточен, так как прежние тексты остаются самозначимыми, а новые тексты воспринимаются не как истина (не мифологизируются), но как версия, рождённая в диалоге с прежними. Так, Петр Шейкеман («След в след»), размышляя над текстами Ветхого завета, определяет и смысл своей жизни, и метафизику истории как смену веры, смену ценностей от родовой и предзаданной к личностной, обретенной после знакомства с другими символами, веры. Дед Голосова («След в след»), собирая и анализируя документы из разных эпох истории России, вскрывает за исторической мифологией профанные, неметафизические причины трагедий – сословный раздел власти (борьбу дворян и бояр за власть). Так нарратор и Ирина в «Воскрешении Лазаря», перечитывая, пересказывая, переписывая тексты своих отцов, вспоминая их, приходят к отказу от мифа о метафизической победе человека над смертной материей, от идеи воскрешения, делающего жизнь каждого индивида не временной и не торжествующей над законами природы, но феноменальной, антонимически свободной и зависимой от бытия. Этот экзистенциальный аспект сюжета переписывания требует отдельного рассмотрения.

Литература

1. Кибрик А. Е. Язык // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 604–606.
2. Усманова А. Р. Текст // Новейший философский словарь. Постмодернизм. Минск: Современный литератор, 2007. С. 646.
3. Николаева Т. М. Текст // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 507.
4. Древнегреческо-русский словарь. В 2 т. / сост. И. Х. Дворецкий, ред. С. И. Соболевский. М.: ГИС, 1958. Т. 1. А–Л. 1043 с.
5. Юсс Х. Р. К проблеме диалогического понимания // Вопросы философии. 1994. № 12. С. 97–106.

6. Фуко М. Дискурсивные закономерности // Фуко М. Археология знания. СПб.: Гуманитарная академия, 2004. С. 61–158.
7. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994. 408 с.
8. Барт Р. Избранные работы: семиотика. Поэтика. М.: Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. 615 с.
9. Деррида Ж. Письмо к японскому другу // Вопросы Философии. № 4. 1992. С. 53–57.
10. Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Академический проект, 2011. 460 с.
11. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
12. Эко У. Поэтика открытого произведения // Эко У. Открытое произведение. СПб.: Симпозиум, 2006. С. 67–103.
13. Лейдерман Н. Л., Липовецкий М. Н. Постмодернистский квазиисторизм // Русская литература XX века (1950–1990-е годы). Т. 2. 1968–1990. М.: Академия, 2010. С. 478–487.
14. Эпштейн М. Н. Постисторизм и утопия // Эпштейн М. Н. Постмодерн в России. Литература и теория. М.: Издание Р. Элинина, 2000. С. 72–75.
15. Ащеулова И. В. Труд души человека как сохранение исторической памяти рода в романах В. Шарова // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 3-1. С. 162–166.
16. Ащеулова И. В. Семейная хроника как формирование исторической памяти поколений в романе В. Шарова «След в след» // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. № 2. С. 48–53.
17. Ащеулова И. В. Сюжет поиска правды как осуществление мечты о рае на земле в прозе В. Шарова // Сюжетология и сюжетография. 2013. № 2. С. 72–78.
18. Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М.: Рус. Яз.-Медиа, 2003. 845 с.
19. Шаров В. След в след (Хроника рода в мыслях, комментариях, основных датах) // Урал. 1991. № 6–8.
20. Шаров В. Воскрешение Лазаря. М.: Вагриус, 2003. 366 с.

THE SEMANTICS OF THE REWRITING SCENES IN V. SHAROV'S NOVELS "TRACT IN TRACE" AND "THE RAISING OF LAZARUS"

Alena I. Pantuhina¹. @

¹ Tomsk State University, 36, Lenina Ave., Tomsk, Russia, 634050

@ alena.pantuhina@yandex.ru

Received 20.02.2018. Accepted 25.05.2018.

Keywords: plot of writing, reception, text, modern Russian prose, novel.

Abstract: The research presents typology and semantics of the rewriting plots in V. Sharov's novels «Tract in trace» (1991) and «The Raising of Lazarus» (2002) in two aspects: receptive and historical, or historiosophical. In V. Sharov's prose, the relation of characters to the text and the word together with the rewriting scenes show the specificity of the national mentality, according to which texts testify the metaphysical laws of historical reality, and the belief that the power of the word can transform reality. The teleological understanding of history was based on the understanding of the text as an instrument of influence on the material world, as a force of history. The article presents three types of rewriting plot in V. Sharov's novels «Tract in trace» and «The Raising of Lazarus». Firstly, correct (calligraphic) rewriting as an attainment to the metaphysical meaning of sacral texts (mythologization and demythologization). The semantics of this plot in V. Sharov's novels emphasizes the impossibility of reproducing or preserving sacred meanings and transforming imperfect historical reality. Secondly, rewriting can be correction of other people's ideas and one's own attempt to change life with the help of the text. It determines the conditionality of understanding the text, rewriting, reworking the tasks of the present. In particular, «The Raising of Lazarus» explains Russian people's sufferings in the XX century. The second type can denote the illusory character of such attempts to change the reality by texts, as it is reality that corrects texts. Thirdly, rewriting, or interpreting texts can denote a deeper understanding of reality (hermeneutic meaning): it signifies a dialogue between the pretext meaning and the meaning perceived by the «rewriter».

For citation: Pantuhina A. I. Semantika siuzhetov perepisyvaniia v romanakh V. Sharova «Sled v sled» i «Voskreshenie Lazaria» [The Semantics of the Rewriting Scenes in V. Sharov's Novels "Tract in Trace" and "The Raising of Lazarus"]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2018): 211–218. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-211-218>.

References

1. Kibrik A. E. Iazyk [Language]. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow: Sovetskaia enciklopediia, 1990, 604–606.
2. Usmanova A. R. Tekst [Text]. *Noveishii filosofskii slovar'. Postmodernizm* [The new philosophical dictionary. Postmodernism]. Minsk: Sovremennyi literator, 2007, 646.
3. Nikolaeva T. M. Tekst [Text]. *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic encyclopedic dictionary]. Moscow: Sovetskaia enciklopediia, 1990, 507.
4. *Drevnegrechesko-russkii slovar'* [Ancient Greek-Russian dictionary]. Comp. Dvoretiskii I. Kh. Ed. Sobolevskii S. I. Moscow: GIS, vol. 1. A–L (1958): 1043
5. Jauß H. R. K probleme dialogicheskogo ponimaniia [To the problem of dialogical understanding]. *Voprosy filosofii* = *Question of Philosophy*, no. 12 (1994): 97–106.
6. Foucault M. *Arheologiya znaniia* [Archeology of knowledge]. Saint-Petersburg: Gumanitarnaia akademiia (2004): 61–158.
7. Foucault M. *Slova i veshchi. Arheologiya gumanitarnykh nauk* [Words and Things. Archeology of the humanities]. Saint-Petersburg: A-cad, 1994, 408.
8. Barthes R. *Izbrannye raboty: semiotika. Poetika* [Selected works: semiotics. Poetics]. Moscow: Izdatel'skaia gruppa «Progress», «Univers», 1994, 615.
9. Derrida J. Pis'mo k iaponskomu drugu [Letter to Japanese friend]. *Voprosy Filosofii* = *Question of Philosophy*, no. 4 (1992): 53–57.
10. Heidegger M. *Bytie i vremia* [Being and time]. Moscow: Akademicheskii proekt, 2011, 460.
11. Gadamer H.-G. *Istina i metod. Osnovy filosofskoi germeneytiki* [Truth and method. Fundamentals of philosophical hermeneutics]. Moscow: Progress, 1988, 704.
12. Eco U. *Otkrytoe proizvedenie* [The open work]. Saint-Petersburg: Simpozium, 2006, 67–103.
13. Leiderman N. L., Lipovetsky M. N. *Russkaia literatura XX veka (1950–1990-e gody). T. 2. 1968–1990* [Russian literature of the twentieth century (1950–1990). Vol. 2. 1968–1990]. Moscow: Akademiia, 2010, 478–487.
14. Epshtein M. N. *Postmodern v Rossii. Literatura i teoriia* [Postmodern in Russia. Literature and theory]. Moscow: Izdanie R. Elinina, 2000, 72–75.
15. Ashcheulova I. V. Trud dushi cheloveka kak sokhranenie istoricheskoi pamiati roda v romanakh V. Sharova [Work of person's soul as preservation of family's historical memory in V. Sharov's novels]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 3-1 (2014): 162–166.
16. Ashcheulova I. V. Semeinaia khronika kak formirovanie istoricheskoi pamiati pokolenii v romane V. Sharova «Sled v sled» [The family chronicle as the creature of the historical memory of generations in V. Sharov's novel «Trace in trace»]. *Vestnik TGPU* = *Bulletin of TSPU*, no. 2 (2013): 48–53.
17. Ashcheulova I. V. Siuzhet poiska pravdy kak osushchestvlenie mechy o rae na zemle v proze V. Sharova [The plot of the searching truth as the realization of the dream of paradise on Earth in the prose by V. Sharov]. *Siuzhetologiya i siuzhetografiia* = *The plotology and plotography*, no. 2 (2013): 72–78.
18. Dvoretiskii I. H. *Latinsko-russkii slovar'* [Latin-Russian Dictionary]. Moscow: Rus. Iaz.-Media, 2003, 845.
19. Sharov V. *Sled v sled (Khronika roda v mysliakh, kommentariiakh, osnovnykh datakh)* [Trace in trace (Chronicle of a sort in thoughts, comments, the basic dates)]. Ural, no. 6–8 (1991).
20. Sharov V. *Voskreshenie Lazaria* [The Raising of Lazarus]. Moscow: Vagrius, 2003, 366.

УДК 81

МЕТАФОРА В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ ФРАНЦУЗСКИХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ НАЧАЛА XX В.**Евгения А. Соловьева¹.@**¹ Южный федеральный университет, 344006, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42
@e_rossignol@mail.ru

Поступила в редакцию 06.03.2018. Принята к печати 03.05.2018.

Ключевые слова: метафора, военный субстандартный вокабуляр, коммуникация, речевые акты, военнослужащие.**Аннотация:** В настоящее время лингвистика проявляет значительный интерес к изучению проблем социальной коммуникации. Данное направление непосредственно связано как с теорией речевых актов, так и с теорией номинации. Лингвокогнитивный подход представляет значительный исследовательский интерес, поскольку он позволяет рассматривать коммуникацию в зависимости от мышления и когнитивного опыта индивида и социума. Метафора часто используется в процессе коммуникации. Она позволяет реализовать прагматическую интенцию говорящего и достичь желаемого воздействия на адресата. Впервые на материале французского субстандартного военно-профессионального вокабуляра начала XX в. автор статьи исследует с точки зрения теории речевых актов коммуникативную функцию метафоры, репрезентирующей реалии военной сферы. Показано, что функционирование метафор в процессе коммуникации обусловлено психологическими и прагматическими потребностями, связанными с повседневной профессиональной деятельностью. Кроме того, обращение к метафорам в процессе речи позволяет французским военнослужащим манифестировать свою корпоративную принадлежность.**Для цитирования:** Соловьева Е. А. Метафора в профессиональной коммуникации французских военнослужащих начала XX в. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 2. С. 219–224. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-219-224>.

Коммуникация представляет собой вербальный и невербальный обмен информацией, который реализуется не только индивидуально, но и коллективно внутри различных социальных образований, включая профессиональные сообщества. В настоящее время объектом изучения современной лингвистики становится преимущественно социальная коммуникация, которая обычно преследует три основные цели: познавательную, побудительную и экспрессивную [1, с. 210].

Исследование вербальной коммуникации неразрывно связано с таким понятием, как речевой акт. Согласно классическому положению, предложенному Дж. Л. Остином, речевой акт представляет собой трёхкомпонентный феномен, включающий в себя *локутив* – собственно предложение с его непосредственным семантическим смыслом и синтаксической структурой; *иллокутив* – интенцию говорящего, т.е. его целевую установку при реализации пропозиционального содержания, и *перлокутив* – воздействие, оказываемое на собеседника после реализации речевого акта [2, с. 108]. Дж. Сёрл в зависимости от целевых установок адресанта выделяет пять основных типов речевых актов: ассертивы (или репрезентативы), директивы, комиссивы, экспрессивы и декларативы [3, с. 1–14].

Метафора является одним из наиболее выразительных языковых средств, которое часто используется человеком в процессе речевого общения. Она также может служить эффективным инструментом, позволя-

ющим реализовать прагматическую интенцию адресанта [4; 5]. Кроме изучения прагматического аспекта, в современной лингвистике большой интерес вызывает когнитивный подход, который предоставляет комплексный взгляд на коммуникацию как на явление, зависящее и от особенностей когнитивного опыта индивида и общества [6; 7].

На сегодняшний день лингвистами признаётся необходимость изучения метафорической системы языка в ретроспективном и диахроническом аспектах [8]. Реализация данного направления в рамках когнитивного подхода, который рассматривает языковые проявления как вторичные по отношению к ментальным структурам (концептам и фреймам), позволяет выявить особенности восприятия и концептуализации окружающей реальности, свойственные социуму определённой эпохи и в конечном счёте проследить их эволюцию. Кроме того, весьма интересным и перспективным оказывается изучение речевых практик, зафиксированных в различных исторических источниках, поскольку оно также способствует более глубокому пониманию психологических и социокультурных факторов, оказывающих влияние на выбор тех или иных вербализаторов [9].

Хотя в последнее время исследователи подчёркивают необходимость изучения функционирования метафоры в процессе профессионального общения [10], однако её использование в коммуникации французских военнослужащих остаётся мало исследованным. Осо-

бенно это касается метафорической репрезентации реалий профессиональной сферы при неформальном, повседневном общении коммуникантов, которое часто реализуется путём обращения к субстандартному вокабуляру. Французский субстандартный военно-профессиональный вокабуляр начала XX в. ещё ни разу не становился предметом комплексного когнитивного и лингвопрагматического анализа, что и определяет актуальность нашей работы. Наибольшая сложность подобных ретроспективных исследований связана с тем, что доступные источники практического материала обычно существуют в ограниченном письменном зафиксированном виде, зачастую литературного или же дневниково-эпистолярного характера. Поэтому мы согласны с мнением исследователей, которые в ряде случаев полагают возможным привлекать в качестве источников языкового материала литературные произведения, отражающие профессиональные реалии с высокой степенью достоверности [11, с. 189–190].

Поскольку в настоящее время ещё не создана единая концепция профессионального языка, нами было сформулировано рабочее определение *специальной лексической единицы военного дела* (далее СЛЕВД), под которой мы понимаем лексическую единицу простой или сложной структуры, включенную в специализированные военные словари и номинирующую реалию военного дела. Соответственно, субстандартный военно-профессиональный вокабуляр понимается нами как некодифицированные СЛЕВД, относящиеся к военно-профессиональному просторечию и военному жаргону [12, с. 122].

Целью настоящей работы является исследование *коммуникативной функции метафоры*, репрезентирующей реалии военной сферы во французском военном социуме начала XX в. Объектом изучения служит субстандартный французский военно-профессиональный вокабуляр периода 1900–1918 гг., извлечённый из специализированных словарей [13–15] и использующийся в речи, в коммуникативных актах французских военнослужащих начала XX в. Источником текстового материала явились произведения художественно-документального характера французских писателей-участников Первой мировой войны Анри Барбюса (Henri Barbusse), Ролана Доржелеса (Roland Dorgelès) и Арно Галопена (Arnould Galopin), а также сборник траншейных рассказов, составленный группой ветеранов боевых действий, пожелавших остаться неизвестными. Подвергнутые анализу речевые акты представлены речью персонажей вышеуказанных произведений. Нами были проанализированы 203 речевых акта, содержащих метафорические репрезентации реалий военной сферы. Методологической основой исследования стало положение о взаимосвязи языка, мышления и познания и их взаимной обусловленности. В качестве метода исследования был применён комплексный когнитивный и лингвопрагматический анализ языкового материала.

Анализ практического материала показывает, что метафорическая репрезентация военно-профессиональной реальности наиболее часто реализуется в *ассертивных речевых актах*, которые не являются однородны-

ми и могут варьировать от высказывания-утверждения до высказывания-предположения. Не останавливаясь подробно на проблеме типологии ассертивов, вслед за Дж. Сёрлом мы полагаем, что их основной иллокутивной целью является описание реального положения дел. Реализуя ассертивные речевые акты, адресант общается слушателю определённую информацию, представляя её как истинную и добиваясь того, чтобы она была воспринята адресатом в нужном смысле. Например: «– *Le moulin à café!* Un des nôtres, écoute voir: les coups sont réguliers tandis que ceux *boches* n'ont pas le même temps entre les coups; ils font: tac... tac-tac-tac... tac-tac... tac... – Tu t'goures, fil à trous! C'est pas la *machine à découdre*: c'est une motocyclette qui radine sur le chemin de l'Abri 31, tout là-bas» («– *Кофемолка!* Одна из наших, послушай: стрёкот ровный, а у *бошевских* промежутки неровные: так... так-так-так... так-так... так! – Плошаешь, старик! Это не *расшивейная машинка*, это мотоциклетка рулит по дороге, ведущей к тридцать первому укрытию») [16, с. 227]. (Прим. автора: здесь и далее перевод автора). В представленном диалоге первый собеседник пытается убедить второго в том, что он слышит выстрелы французского пулемёта. Второй возражает, указывая на ошибку. При этом оба участника речевой ситуации выражают своё мнение путём ассертивных высказываний и активно используют субстандартные метафоры для актуализации реалий военной сферы. Метафоризированные СЛЕВД *moulin à café* (досл. *кофемолка*) и *machine à découdre* (досл. *расшивейная машина*) являются синонимами и актуализируют пулемёт (*mitrailleuse*). При этом СЛЕВД *machine à découdre* содержит элементы мрачного юмора и является производной от лексической единицы *machine à coudre* (досл. *шивейная машина*). Соответственно, глагол *découdre* (досл. *распарывать*) переосмысливается как *tuer* (*убивать*). Вероятным прототипическим признаком метафорических переосмыслений выступает не только возможное частичное сходство звука, производимого бытовыми приборами, и выстрелов пулемёта, но и вращательное движение механизма при стрельбе.

Адъективированная единица *boche* образована от субстандартной метафоризированной СЛЕВД *Boche* (*немец*), происхождение которой до конца неясно. Достаточно вероятной представляется её деривация от идиоматического выражения *tête de boche*, имеющего значение *tête dure* (досл. *твёрдая голова* – тупая, упрямая голова) [15, с. 74]. Как видно из представленного примера, с формальной точки зрения целесообразность обращения к субстандартным СЛЕВД для актуализации реалий военной сферы не находит достаточного объяснения. По нашему мнению, прибегая к альтернативной субстандартной номинации, собеседники манифестируют свою общую корпоративную принадлежность, которая предполагает наличие сходного военно-полевого опыта, что делает их высказывания сопоставимыми по степени убедительности. Соответственно, аргумент, приведенный адресатом, воспринимается слушателем как адекватный и заслуживающий внимания. Кроме того, наивная метафорическая репрезентация смертоносного

вооружения (пулемёта) в виде предметов быта, один из которых переосмыслен с элементами мрачно-иронической коннотации, отражает личный когнитивный опыт и психологические особенности восприятия реальности, свойственные представителям данной социальной группы в конкретный исторический момент. Вербализация вооружения противника путём обращения к адъективированной единице *boche*, содержащей девалоризирующую коннотацию, также привносит экспрессивно-оценочный компонент.

Рассмотрим ещё пример: «— Où c'qu'il est maintenant le cuisinier qui trouvait toujours du feu? demanda Cadilhac. — Il est mort. Une *marmite* est tombée dans sa *marmite*. Il n'a rien eu, mais il est tout de même mort d'saisissement quand il a vu son macaroni les jambes en l'air; un spasme du cœur, qu'a dit le toubi» («— А где сейчас тот повар, что всегда исхитрялся развести огонь? спросил Кадийак. — Он умер. К нему в *кастрюлю* влетел *чугунок*. Его не задело, но он всё же умер от потрясения, когда увидел, как его макароны разлетелись вверх тормашками; сердечный спазм, как сказал док») [16, с. 34]. Ответ на вопрос сослуживца представлен ассертивными высказываниями, содержащими игру слов, основанную на прямом и переносном употреблении лексической единицы *marmite* (досл. *кастрюля, котёл, чугунок*). Образованная путём метафорического переноса на основе сходства формы и размера, СЛЕВД *marmite* вербализует крупнокалиберный снаряд чаще немецкого происхождения. В представленном примере обращение к метафоре также носит преимущественно психологический характер, поскольку позволяет рассказать о трагическом эпизоде с элементами комичности, превращая жестокую реальность в театральный гротеск, что снижает психотравмирующий эффект от сказанного. Использование выражения *les jambes en l'air* (вверх тормашками) по отношению к макаронам преследует те же цели. Кроме того, СЛЕВД *marmite* обладает когнитивным потенциалом, который даёт возможность сообщить информацию о разновидности снаряда, не прибегая к дополнительным лексическим средствам.

Поскольку метафорическая репрезентация реалий военной сферы зачастую содержит активный эмотивный и оценочный компонент, её использование отмечается и в **экспрессивных речевых актах**. Мы разделяем точку зрения Н. А. Трофимовой, которая трактует экспрессивные речевые акты как «акты, реализующие интенцию выражения психологического состояния и оказания эмоционального воздействия на адресата», при этом их пропозициональное содержание либо напрямую относится к адресату, либо адресат является ответственным за него [17, с. 6, 13].

Необходимо учитывать, что конкретная иллюкутивная цель экспрессивов может быть весьма разнообразной: от комплимента и радости до злой иронии и откровенной агрессии. «— *Sacrés poilus!*... va... vous serez toujours les mêmes. On vous croit morts ou prisonniers et vous reparaissez tout à coup avec des bottes de félicitations... » («— Чёртовы *пуалю!*... вы никогда не изменитесь. Вас считают погибшими или попав-

шими в плен, а вы вдруг возвращаетесь с ворохом поощрений...») [18, с. 220]. Анализируемый фрагмент представлен экспрессивным и ассертивным речевыми актами. Субстандартная СЛЕВД *poilu* (досл. *волосатый*), репрезентирующая солдата-фронтовика, является одной из самых известных номинаций периода Первой мировой войны. Совмещая в себе метонимический и метафорический переносы значения, она трансформируется в символ, позволяющий выделять референта в специфическую категорию. Метонимическая составляющая обусловлена тем, что солдаты на передовой не могли оставаться гладко выбритыми и аккуратно подстриженными. А метафора, связывающая предметный концепт «Человек с густым волосатым покровом» (отчасти по ассоциации с гривой льва, символизирующего храбрость и силу) и абстрактный «Вирильность», позволяет репрезентировать фронтовика как храброго человека с выраженным мужским характером. В приведенном экспрессивном речевом акте СЛЕВД *poilu* играет роль комплимента и активно передаёт положительный психологический настрой адресата по отношению к слушающим его соратникам.

Приведем ещё пример: «— ... Et les copains qui vont peut-être avoir à se battre demain, tu t'en fous, toi... Tu resteras là à éplucher tes patates. *Embusqué!*» («— ... А на ребят, которые возможно завтра, должны будут драться, тебе плевать... Ты ведь останешься здесь чистить свою картошку. *Уклонист!*») [19, с. 195]. В приведенном фрагменте СЛЕВД *embusqué* (досл. *засевший в засаде*) играет роль инвективы, но, скорее, является ярким отрицательным эмоционально-оценочным высказыванием, поскольку имеет рациональную мотивацию. Возникнув в казарменном вокабуляре ещё до начала Первой мировой войны, СЛЕВД *embusqué* актуализировала военнослужащего, пользующегося снисходительным к себе отношением и освобождённого от нарядов. Однако наибольшую популярность и расширение смысла данное метафорическое переосмысление получило в период Первой мировой войны в связи с распространённым социальным явлением, вербализуемым при помощи неологизма *embuscage* (досл. *сидение в засаде*), который отражал уклонение от войны, практикуемое многими членами французского общества [20, с. 389].

Метафорическая репрезентация военно-профессиональных реалий также обнаруживается и в **директивных речевых актах**, иллюкутивная цель которых состоит в том, чтобы обязать собеседника выполнить какое-либо действие. «Toujours calme, le capiston commanda: — Tout le monde sur le talus! Allez-y à la *fourchette!*» («Сохраняя спокойствие, капитан командовал: — Все на насыпь! Вперёд, в *штыки!*») [21, с. 170]. Отдавая приказ в критической ситуации, командир подразделения использует СЛЕВД *fourchette* (досл. *вилка*), которая актуализирует штык. «Наивное» с элементами мрачного юмора переосмысление военно-профессиональной реалии основано на частичном сходстве формы, функции и действий, производимых с предметами. С позиции логики предпочтение вербализатора, представленного метафорой, не может быть объяснено,

поскольку его использование не даёт заметных преимуществ ни в понимании сути приказа, ни в экономии речи. Поэтому мы отчасти разделяем точку зрения А. Сабера, который отмечал, что «даже когда метафорическая репрезентация реальности не является необходимой, профессиональная культура военного её навязывает» [11, с. 190]. Однако, по нашему мнению, выбор вербализатора может не только определяться корпоративной культурой, которая предписывает определённое речевое поведение, но и зависеть от когнитивного и культурного опыта человека. Так, в начале XX в. употребление СЛЕВД *fourchette* в значении *baïonnette* (штык) фиксируется преимущественно в выражении *aller à la fourchette*, которое синонимично выражению *charger à la baïonnette* (идти в штыки). Однако прежде отмечалось использование этой единицы в идиоматическом выражении *déjeuner à la fourchette* (досл. *завтракать при помощи вилки*), которое имело значение *attaquer à la baïonnette* (атаковать при помощи штыка) или *se battre en duel* (драаться на дуэли) [15, с. 212]. Следовательно, переосмысление рукопашного поединка с использованием колющего оружия посредством ассоциации с действиями со столовым прибором является привычным для французской ментальности. Этот факт не вызывает удивления, поскольку гастрономия представляет один из доминирующих концептов, характерных для французской общенациональной культуры [22, с. 84].

Кроме того, СЛЕВД *fourchette* тесно связана с личным когнитивным и культурным опытом представителей данной социальной группы в конкретный исторический период. Подтверждение этому мы находим в тексте: «La *fourchette*? Vous savez ce que c'est? Non. Vous croyez que c'est la baïonnette. C'est un peu ça, d'abord, mais c'est surtout la crosse, la matraque, les poings, les dents, la griffe, l'étranglement et la morsure, la saignée et l'assommade...» («Вилка? Вы знаете, что это такое? Нет. Вы думаете, что это штык. Это примерно так, но прежде всего это приклад, дубинка, кулаки, зубы, когти, удушение и укусы, кровопускание и убийство...») [21, с. 170–171]. Таким образом, в от-

личие от своего формализованного синонима СЛЕВД *fourchette* оказывается не только непосредственно соединённой с конкретным прагматическим воплощением «штыковой атаки», но и содержит определённый культурный компонент. Как справедливо отмечает исследователь М. Дики-Кидири, наиболее подходящим и наиболее принимаемым наименованием чаще всего является то, которое наилучшим образом соответствует языку и культуре говорящих [23, с. 580].

«— ... *Arrosez dès huit heures le village de V...-le-Gh. ... direction Grande Rue. Avez-vous compris? Allô! allô!*» («Начиная с восьми часов, *veditez огонь* по деревне В...-ле...Г..., ... направление Гранд Рю. Вы поняли? Алло! Алло!») [21, с. 159]. В приведённом директивном речевом акте приказ отдаётся с использованием субстандартной СЛЕВД *arroser* (досл. *поливать, опрыскивать*), которая образована путём метафорического переноса по сходству действия и имеет значение *bombarder* или чаще *bombarder méthodiquement* (обстреливать или планомерно обстреливать). Обращение к метафоре позволяет не только сэкономить речь, но и привести оценочную составляющую, что способствует более эффективной коммуникации во время боевых действий.

Итак, анализ практического материала показывает, что в начале XX в. метафора, репрезентирующая реалии военной сферы, достаточно активно функционирует в основных речевых актах, обеспечивающих повседневную профессиональную коммуникацию. При этом обращение в процессе речевого акта к субстандартным СЛЕВД, образованным при помощи метафорического переноса, зачастую имеет психологическую мотивацию, оно способствует лучшей адаптации военнослужащих к тяжёлым реалиям военной действительности, а также служит для экономии речевых средств и манифестации культурно-корпоративной принадлежности. Удовлетворяя главенствующим целям любой социальной коммуникации (познавательной, экспрессивной и побудительной), метафора является неотъемлемой частью военной культуры начала XX в. и обеспечивает эффективную коммуникацию в многообразных ситуациях, связанных с текущей профессиональной деятельностью.

Литература

1. Морозова О. Н., Базылева О. А. Определение понятия коммуникации в современной лингвистике // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2011. Т. 7. № 1. С. 204–211.
2. Austin J. L. How to do things with words. Oxford university press, 1962. 167 p.
3. Searle J. R. A classification of illocutionary acts // Language in society. 1976. Vol. 5. № 1. P. 1–23.
4. Lakoff G. Obama reframes Syria: Metaphor and war revisited. 2013. Режим доступа: <https://escholarship.org/content/qt8xm8z9s6/qt8xm8z9s6.pdf> (дата обращения: 23.02.2017).
5. Ervas F., Gola E., Rossi M. G. Metaphors and emotions as framing strategies in argumentation // CEUR-Workshop Proceedings. 2015. Vol. 1419. P. 645–650.
6. Красных В. В. Роль языка в свете интегративных исследований // Человек и язык в коммуникативном пространстве / под ред. Б. Я. Шарифуллина. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2013. Вып. 4. С. 46–50.
7. Заботкина В. И. Репрезентация явлений культуры в ментальных моделях и дискурсе // Язык, сознание, коммуникация / под ред. В. В. Красных, А. И. Изотова. М.: МАКС Пресс, 2016. Вып. 53. С. 102–111.
8. Балашова Л. В. Русская метафора: прошлое, настоящее, будущее. М.: Языки славянской культуры, 2014. 496 с.
9. Уланов А. В. Русский военный дискурс XIX – начала XX века: структура, специфика, эволюция: дис. ... д-ра филол. наук. Омск, 2014. 494 с.

10. Rossi M. Des ours et des taureaux: les métaphores dans les terminologies de spécialité sont-elles traduisibles // Dans l'amour des mots. Chorale (s) pour Mariagrazia / eds. Paissa P., Rigat F. et Vittoz M. B. Dell'Orso, Alessandria, 2015. P. 109–122.
11. Saber A. Métaphore et culture professionnelle chez les militaires américains // Cahiers du CIEL 2000–2003 / ed. C. Cortès, 2003. P. 187–197.
12. Соловьева Е. А. Неантропоцентрическая метафора в современной французской субстандартной военно-профессиональной лексике // Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 6. С. 214–217. Режим доступа: <https://hses-online.ru/2016/06/031.pdf> (дата обращения: 23.02.2017).
13. Dauzat A. L'argot de la guerre: d'après une enquête auprès des officiers et soldats. Librairie Armand Colin, 1918. 293 p.
14. Esnault G. Le poilu tel qu'il se parle. Bossard, 1919. 624 p.
15. Cassagne J. M. Le grand dictionnaire de l'argot militaire. Paris: Little Big Man, 2007. 459 p.
16. Barbusse H. Le feu: (journal d'une escouade). E. Flammarion, 1917. 378 p.
17. Трофимова Н. А. Экспрессивные речевые акты в диалогическом дискурсе. Семантический, прагматический, грамматический анализ. СПб.: Изд-во ВВМ, 2008. 376 с.
18. Galopin A. Les Poilus de la 9e. Albin Michel, 1915. 482 p.
19. Dorgelès R. Les croix de bois. Albin Michel, 1919. 345 p.
20. Cochet F., Porte R. Dictionnaire de la grande guerre: 1914–1918. Paris: R. Laffont, 2008. 1120 p.
21. Contes véridiques des tranchées 1914–1915. A. Lemerre, 1915. 300 p.
22. Кравцов С. М. Картина мира в русской и французской фразеологии (на примере концепта «Поведение человека»): дис. ... д-ра филол. наук. Ростов н/Д, 2008. 391 с.
23. Diki-Kidiri M. Le signifié et le concept dans la dénomination // Meta: Journal des traducteurs. 1999. Vol. 44. № 4. P. 573–581.

METAPHOR IN PROFESSIONAL COMMUNICATION OF THE FRENCH MILITARY PERSONNEL IN THE EARLY XX CENTURY

Evgeniya A. Solovyova^{1, @}

¹ Southern Federal University, 105/42, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-na-Donu, Russia, 344006
 @ e_rossignol@mail.ru

Received 06.03.2018. Accepted 03.05.2018.

Keywords: metaphor, military substandard vocabulary, communication, speech acts, military personnel.

Abstract: Social communication becomes a matter of considerable interest to contemporary linguistics, and this research branch is interrelated with a speech act theory. Metaphor is one of the most expressive language devices and it is often used in the communication process. It allows one to realize the speaker's pragmatic intention and to achieve the desired impact on the recipient. Basing on the speech acts theory, the author explores the communicative function of the metaphors selected from the French military vocabulary which dates from the early XX century. The author focuses on the metaphors encoding the military realities and shows that the metaphorical functioning is conditioned by the psychological and pragmatic needs which are closely connected to the everyday professional activity. Furthermore, the use of metaphors in the speech provides the way to manifest the military corporate identity.

For citation: Solovyova E. A. Metafora v professional'noi kommunikatsii frantsuzskikh voennosluzhashchikh nachala XX v. [Metaphor in Professional Communication of the French Military Personnel in the Early XX Century]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2018): 219–224. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-219-224>.

References

1. Morozova O. N., Bazyleva O. A. Opredelenie poniatii kommunikatsii v sovremennoi lingvistike [Definition of communication in modern linguistics]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina* = *Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin*, 7, no. 1 (2011): 204–211.
2. Austin J. L. *How to do things with words*. Oxford university press, 1962, 167.
3. Searle J. R. A classification of illocutionary acts. *Language in society*, 5, no. 1 (1976): 1–23.
4. Lakoff G. *Obama reframes Syria: Metaphor and war revisited*. 2013. Available at: <https://escholarship.org/content/qt8xm8z9s6/qt8xm8z9s6.pdf> (accessed 23.02.2017).

5. Ervas F., Gola E., Rossi M. G. Metaphors and emotions as framing strategies in argumentation. *CEUR-Workshop Proceedings*, vol. 1419 (2015): 645–650.
6. Krasnykh V. V. Rol' iazyka v svete integrativnykh issledovaniy [A role of language in aspect of integrative studies]. *Chelovek i iazyk v kommunikativnom prostranstve* [Man and language in communicative space]. Ed. Sharifullin B. Ya. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, no. 4 (2013): 46–50.
7. Zabolotnaya V. I. Reprezentatsiya iavleniy kul'tury v mental'nykh modeliakh i diskurse [Representation of cultural events in mental models and discourse]. *Iazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, consciousness, communication]. Ed. Krasnykh V. V., Izotov A. I. Moscow: MAKSS Press, no. 53 (2016): 102–111.
8. Balashova L. V. *Russkaya metafora: proshloe, nastoiashchee, budushchee* [Russian metaphor: past, present, future]. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2014, 496.
9. Ulanov A. V. *Russkii voennyi diskurs XIX – nachala XX veka: struktura, spetsifika, evoliutsiya*. Diss. doktora filol. nauk [Russian military discourse in XIX – early XX century: structure, specificity, evolution. Dr. Philol. Sci. Diss.]. Omsk, 2014, 494.
10. Rossi M. Des ours et des taureaux: les métaphores dans les terminologies de spécialité sont-elles traduisibles. *Dans l'amour des mots. Chorale (s) pour Mariagrazia*. Eds. Paissa P., Rigat F. et Vittoz M. B. Dell'Orso, Alessandria, 2015, 109–122.
11. Saber A. Métaphore et culture professionnelle chez les militaires américains. *Cahiers du CIEL 2000–2003*. Ed. Cortès C. 2003, 187–197.
12. Solovyova E. A. Neantropotsentricheskaya metafora v sovremennoi frantsuzskoi substandartnoi voenno-professional'noi leksike [The non-anthropocentric metaphor in the modern French substandard military vocabulary]. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki = The Humanities and social sciences*, no. 6. (2016): 214–217. Available at: <https://hses-online.ru/2016/06/031.pdf> (accessed 23.02.2017).
13. Dauzat A. *L'argot de la guerre: d'après une enquête auprès des officiers et soldats*. Librairie Armand Colin, 1918, 293.
14. Esnault G. *Le poilu tel qu'il se parle*. Bossard, 1919, 624.
15. Cassagne J. M. *Le grand dictionnaire de l'argot militaire*. Paris: Little Big Man, 2007, 459.
16. Barbusse H. *Le feu: (journal d'une escouade)*. Flammarion, 1917, 378.
17. Trofimova N. A. *Ekspressivnye rechevye akty v dialogicheskom diskurse. Semanticheskii, pragmaticheskii, grammaticheskii analiz* [Expressive speech acts in dialogic discourse. Semantic, pragmatic, grammatical analysis]. Saint-Petersburg: Izd-vo VVM, 2008, 376.
18. Galopin A. *Les Poilus de la 9e*. Paris: Albin Michel, 1915, 482.
19. Dorgelès R. *Les croix de bois*. Albin Michel, 1919, 345.
20. Cochet F., Porte R. *Dictionnaire de la grande guerre: 1914–1918*. Paris: R. Laffont, 2008. 1120 p.
21. *Contes véridiques des tranchées 1914–1915*. A. Lemerre, 1915, 300.
22. Kravtsov S. M. *Kartina mira v russkoi i frantsuzskoi frazeologii (na primere kontsepta «Povedenie cheloveka»)*. Diss. doktora filol. nauk [A picture of the world in the Russian and French Phraseology (the case of the «Human Behavior» Concept). Dr. Philol. Sci. Diss.]. Rostov on Don, 2008, 312.
23. Diki-Kidiri M. Le signifié et le concept dans la dénomination. *Meta: Journal des traducteurs*, 44, no. 4 (1999): 573–581.

УДК 80

РАЗВИТИЕ ПЕЧАТНОЙ РЕКЛАМЫ КАК РЕЧЕВОГО ЖАНРА НА МАТЕРИАЛЕ РОССИЙСКИХ ГАЗЕТ XVIII–XX ВВ.**Ксения П. Тарасова¹. @**¹ *Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, 119991, Россия, г. Москва, Ленинские Горы, 1*
@ *kp.tarasova@yandex.ru**Поступила в редакцию 02.08.2017. Принята к печати 04.06.2018.***Ключевые слова:** история рекламы, рекламные объявления, газетные объявления, история российских газет, газеты, речевые жанры.**Аннотация:** В статье исследуется процесс развития рекламных объявлений как отдельного речевого жанра на материале российских газет. Рассматривается исторический период с первой трети XVIII в. до первой трети XX в. Подробно описывается постепенное разделение изначально единой группы объявлений на рекламные и информационные на протяжении веков. Выделяются и описываются ключевые периоды в развитии жанра (середина XVIII в., 40-е гг. XIX в., конец XIX – начало XX вв., 30-е гг. XX в.). Рассматривается эволюция лингвистических и графических особенностей рекламных текстов, описываются языковые и психологические приемы манипуляции, впервые появившиеся в российской печатной рекламе в XIX в. и продолжающие использоваться до наших дней. Главным критерием, отделяющим рекламные печатные объявления от информационных, в этой статье называется стремление повлиять на мнение читателя и изменить его в соответствии с целями продавца. Все выводы сопровождаются примерами, взятыми из первоисточников.**Для цитирования:** Тарасова К. П. Развитие печатной рекламы как речевого жанра на материале российских газет XVIII–XX вв. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2018. № 2. С. 225–230. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-225-230>.

Проблема выделения жанров в рекламе в течение долгого времени вызывала много споров, а сейчас стала особенно актуальной в связи с активным развитием новых рекламных форм (бегущая строка, контекстная реклама и т. д.). Существует несколько взглядов на эту проблему. Так, многие ученые для анализа рекламных текстов используют жанровую систему, сложившуюся в публицистике, выделяя заметки, интервью, репортаж, статью [1], поскольку реклама, как и публицистика, «нацелена на реализацию какой-л. Политики» [2, с. 636], хотя, в отличие от журналистики, «рекламное обращение всегда направлено на четко очерченную конкретную целевую группу» [3, с. 217]. Один из современных подходов различает жанры по способу передачи сообщений: визуальному, аудиовизуальному, радиальному [4, с. 8].

Для более полного понимания современной системы рекламных жанров и места рекламных текстов в стилистической системе русского языка необходимо изучение и описание их происхождения.

Данная работа ставит своей целью проследить возникновение и развитие рекламных объявлений в газетах как особого речевого жанра с момента их появления в российских газетах до исчезновения после периода НЭПа. Такое исследование перспективно с точки зрения диахронической стилистики, важно для понимания того, как формировались стилистическая и жанровая системы современного русского языка и как проходило развитие языка рекламных текстов. Работа выполнена на материале объявлений из газет «Санкт-Петербургские ведомости» (СВ), «Московские ведомости» (МВ),

«Новое время» (НВ), «Вечерняя Москва» и «Труд» с первой трети XVIII до первой трети XX вв.

Долгое время газета оставалась главным способом связи между покупателем и продавцом. Именно в газетных объявлениях были выработаны приемы убеждения в рекламе, которые используются и в настоящее время. Из истории прессы можно узнать, что как только газеты начинали выходить более-менее регулярно, в них моментально появлялась реклама, игравшая важную роль в развитии печатных изданий. Так, в Англии развитию газеты как жанра во многом способствовала печатная реклама, которая часто была единственным источником дохода для издания, особенно для региональной прессы [5, с. 42].

То же произошло и в России. В 1728 г. начинают издаваться «Санкт-Петербургские ведомости» – первая российская регулярная печатная газета, рассчитанная на массовую аудиторию. Объявления появляются уже в первых ее номерах. Сначала они касаются только самой газеты и условий ее приобретения, но быстро появляются и другие тексты самой разнообразной тематики: это объявления и о продаже с торгов имущества умершего, и о поиске работников для достраивания Санкт-Петербургской и Нарвской крепостей, и заявление о готовности учить итальянской бухгалтерской науке и др. Их количество быстро растет, из отдельных объявлений они превращаются в группу текстов, объединенных общей коммуникативной целью, а в 30-е гг. XVIII в. в них появляются типовые конструкции, служащие для выражения цели текста: *через сие объявляется, чтобы желающие* (совершить какое-либо дей-

ствие, купить что-либо) в помянутом месте явились; чего ради чрез сие объявляется, чтобы желающие явились (в указанное место). Позже возникают и другие: *через сие чинится известно... охотникам до... (до изрядных книг, до хорной музыки и т. д.) чинится известно*. Постепенно возникает своеобразный шаблон, по которому можно написать любое объявление нужной тематики.

У объявлений этого времени есть интересная особенность: потенциальному покупателю могли честно сообщить, что у товара есть не только положительные, но и отрицательные качества: *На Императорском торговом дворе <...> продать те вынятые товары, которые отчасти сухие от части же мокрые суть* (СВ. 1730. № 114); *продано быть имеет несколько подмоклый и гнилой кофий* (СВ. 1742. № 8).

К 1755 г. количество страниц с объявлениями в 2–3 раза превышает объем собственно информационных сообщений, поэтому директор Академии наук С. Г. Домашнев подписывает приказ о выделении «из состава газеты» большей части объявлений [6, с. 96]. Так появляются «прибавления» к номеру, заполненные исключительно объявлениями. Там же впервые появляется рубрикация: разделы «Продажа» и «Подряды». Такой подход экономит время читателей и газетную площадь, помогая развитию шаблонов и делая тексты лаконичней.

В результате к середине 50-х гг. XVIII в. уже можно точно выделить два типа объявлений: о подряде, которые так и останутся исключительно информационными, и о продаже, из которых вырастут печатные рекламные тексты. К концу XVIII в. отличия становятся более явными, поскольку в объявлениях о продаже появляются первые попытки убедить потенциального покупателя в необходимости приобретения товара: для этого используются эпитеты, описывающие его положительные качества.

Когда объявления только появились в газетах, в них, как правило, рассказывали лишь о новых товарах и услугах, а привычные покупателям вещи не рекламировались. Но в XVIII в. тематика объявлений значительно расширяется: увеличивается ассортимент предлагаемых товаров, требуются поставщики новых товаров, разыскиваются сбежавшие крепостные, животные, потерянные вещи.

Тем не менее к началу XIX в. многие темы, привычные современным читателям, всё еще оставались не охвачены зарождающимся жанром объявления, поэтому тексты на принципиально новую тему несли на себе яркий личностный отпечаток. Например, объявление о приглашении к вступлению в замужество (одно из первых брачных объявлений – МВ. 1812. № 86) отличается длиной (занимает целую страницу) и подробностью (всё, что требуется от будущего брака, перечислено по пунктам). Заканчивается объявление призывом к ответной искренности со стороны потенциальных невест (*для чего и вам не быть откровенными в склонностях и в изыскании супружества*). Текст обнаруживает непривычность общества к такому способу знакомства (*...а не имея того предассудка, что-*

бы стыдиться напечатать о себе в Газетах) и стремление доказать правомерность подобных действий и их благородные цели (*честное дело никогда не вменяется в поношение у ближних*).

На протяжении XIX в. язык объявлений становится всё богаче. В текстах появляется больше субъективных характеристик, которые могут привлечь покупателя, используются слова, вызывающие положительные ассоциации, аргументация становится более разнообразной. Потенциального покупателя стремятся убедить в высоком качестве товара (*лучших канареек Козловского завода* – МВ. 1825. № 30), указать привлекательные черты товара (*продается коляска, дерево еще старого привоза, заморское* – МВ. 1830. № 18), подчеркнуть уже доказанное высокое качество товара (*продаются вновь привезенные самые лучшие куропатки* – МВ. 1825. № 37). Однако в этот период появившиеся средства изобразительности играют не эстетическую, а исключительно информационную роль; средства художественной выразительности, основанные на переносе значений, и игра слов отсутствуют.

На развитие рекламы значительное влияние оказали и достижения научно-технического прогресса. Ключевым этапом в развитии печати стало изобретение Фридрихом Кенигом в 1811 г. механического печатного станка. В результате его применения стоимость газет понизилась, а их доступность повысилась [5, с. 73]. Кроме того, это значительно изменило внешний вид страницы с объявлениями. К 40-м гг. для привлечения внимания уже достаточно активно используются те возможности, которые предлагает уровень развития печати, например, заголовки выделяются шрифтом, отличным от шрифта основного текста.

Новые возможности влияют на восприятие объявления: графическое оформление текста начинает осмысливаться как его неотъемлемая часть. В этом виден принципиально иной подход к подаче информации: важно не только рассказать о какой-либо вещи или услуге, но и правильно оформить этот «рассказ». Такой подход закрепляется в газетах к 60-м гг. XIX в. К середине XIX в. в текстах уже видно стремление мотивировать читателя на покупку товара, а значит, рекламные объявления формируют новый речевой жанр, отличный от жанра информационных объявлений и тематически, и по языковым параметрам, и по способу графического оформления текста.

К концу XIX в. в рекламных объявлениях уже появляется определенный набор языковых средств, которые сохраняются как в текстах XX в., так и в наше время. К ним относятся следующие.

1. Превосходные степени сравнения прилагательных: *нежнейший из существующих препаратов* (МВ. 1905. № 40); *наилучший удобоваримый завтрак* (НВ. 1903. № 9660).

2. Антитеза: *«Богатый не может найти лучшего, бедный более дешевого, о нем нельзя сказать дешево и плохо, а наоборот недорого, но хорошо»* (НВ. 1903. № 9685); *«Денег мало – нужды много»* (НВ. 1915. № 13946).

3. «Зазывные» слова, привлекающие внимание: *необыкновенный случай: 500 ружей одностольных для*

лесников, весьма прочных, по 10 руб. 50 коп. (МВ. 1875. № 12); *новость! патентованные механические вилки для разделения порциями* (МВ. 1887. № 9).

4. Сравнения: *эта краска лучше всех тех, которые находились до сего времени в употреблении* (МВ. 1875. № 10); *необычайно длинные (в 185 сантиметров длинной) волосы, напоминающие волосы Лорелей* (МВ. 1899. № 20); *Рита Нельсон сама одно время страдала так, как могут страдать только женщины* (НВ. 1916. № 14307).

Рекламные тексты XIX в. имеют скорее повествовательный, чем побудительный характер, и чаще сообщают об услуге или товаре, чем призывают воспользоваться ими или купить что-нибудь. Но в конце XIX – начале XX вв. реклама становится более агрессивной. В условиях конкуренции, чтобы привлечь внимание к тексту и, главное, к стоящему за ним товару, увеличивается количество средств изобразительности и частота их употребления. Кроме того, по мере развития реклама привлекает новые средства убеждения, как языковые, так и психологические. Приведем примеры языковых средств.

1. Лексические повторы: *«Я был совершенно лысым. Мои отец и дедушка были лысы. У моей матери от природы были редкие волосы. Я уже помирился с мыслью остаться лысым»* (НВ. 1903. № 9656); *«Английские духи, изготавливаемые в Англии, англичанами, под управлением опытного француза»* (НВ. 1916. № 14304).

2. Гипербола: *«Белое вечное без стирки»* (НВ. 1916. № 14307); *«Все и везде пьют кофе здоровье Марии Годзелинской как укрепляющее средство для малокровных, нервных и слабосильных»* (НВ. 1909. № 11796).

3. Метафоры, стремящиеся установить «личные» отношения товара и клиента, одушевляющие товар: *«Лучший друг желудка вино Сеж-Рафаэль»* (МВ. 1902. № 8); *«ДОЛОЙ ГОРЯЧИЕ ЩИПЦЫ, неприятель волос!»* (НВ. 1904. № 10005).

4. Сентенции: *«Счастье женщины в ее руках!»* (НВ. 1916. № 15653); *«Здоровье есть богатство»* (МВ. 1916. № 20); *«Женщин старит не время, а лень»* (НВ. 1916. № 14310); *«Время – деньги!»* (НВ. 1916. № 14310).

5. Риторические вопросы: *«Зачем болеть, страдать и быть слабым, когда природа дала нам естественное средство укрепить свое здоровье, силу и нервы?»* (НВ. 1916. № 14310); *«ДА или НЕТ? если этот вопрос касается белья Монополь, то всегда должен быть решен в утвердительном смысле, т. е. ДА, так как это белье выделяется своей практичностью, белизной и дешевизной»* (НВ. 1903. № 9650).

6. Императив: *«Ищите силу в электричестве!»* (НВ. 1916. № 14311); *«Требуйте коньяк завода «Империял»* (НВ. 1903. № 9636). Употребляется и условное наклонение, придающее рекламному тексту форму совета или пожелания: *«Каждому человеку, который дорожит своими нервами и желает сохранить здоровье, следовало бы на завтрак пить чашку какао Ван-Гутена вместо чая или кофе»* (НВ. 1903. № 9636).

7. Создание ложных пресуппозиций, благодаря чему информация, которая могла читателя совершенно не интересовать, подается как крайне актуальная:

«Ответ на вопрос – головная перхоть способствует выпадению волос. Средство, о котором вы спрашиваете – провизора Прутана. Уже несколько раз рекомендовали его в письмах нашим подопечным, и, судя по отзывам, оно оказалось весьма удачным» (МВ. 1906. № 146); *«Где купить прочные чулки? Этот вопрос многие задают себе»* (НВ. 1915. № 14902).

8. Обыгрывание однокоренных синонимов: *«Всегда закончены, но никогда не окончены – вот девиз американских составных шкафов-библиотек»* (МВ. 1910. № 18).

Также в рекламе появились психологические приемы воздействия и убеждения.

1. Апелляция к натуральности и естественности как к положительным и желаемым качествам. Это может быть либо представление товара как натурального и безвредного для здоровья: *«Натуральный «Русский квас» приготовлен по способу кипячения. Совершенно безвреден в виду полного превращения крахмала в мальтозу и декстрин и выделения всех нерастворимых веществ и ферментов брожения»* (МВ. 1916. № 72), либо характеристика результата применения средства как естественного: *«Румянец, который никто не отличит от натурального»* (НВ. 1915. № 14903); *«Седые волосы постепенно получают их первоначальный натуральный цвет, так что вскоре никто не может сказать, что они окрашены»* (НВ. 1909. № 11787).

2. Прямое обращение к целевой аудитории: *«Охотник, прочтите!»* (МВ. 1902. № 73); *«Матери, знаете ли вы? Что не существует лучшего слабительного средства для вашей семьи, чем «Скавулин»* (НВ. 1909. № 11788); *«Седым и лысым! Электрическая гребенка»* (НВ. 1915. № 14902).

3. Акцент не на наличии положительных качеств, а на отсутствии отрицательных: *«Я никогда не был лыс благодаря средству Кеплера!»* (МВ. 1907. № 83); *«Нет больше мышей»* (НВ. 1904. № 10005).

4. Стремление убедить в бескорыстии рекламодателя и его заинтересованности в благополучии читателя: *«Я делаю это предложение только потому, что хочу показать, насколько оно действительно как вернее средство для рождения волос»* (НВ. 1915. № 14882); *«Удивительное открытие! Денег не надо»* (МВ. 1916. № 50).

Следующее значительное изменение в жанре печатной рекламы происходит после революции [7, с. 130]. Уже в 20-е гг. количество объявлений в газетах существенно сокращается, сужается и их тематика. Даже в это время в некоторых изданиях («Труд», «Рабочая Москва») количество тематических информационных сообщений (например, в рубриках «Рынок труда», «Цены займов», «Сегодня в театрах и клубах») значительно превышает объем объявлений об оказываемых услугах. Тем не менее встречаются рекламные объявления, стремящиеся привлечь внимание читателя: *От станка – к покупателю! Без торговых накладных расходов. Скидки 50 %! Спешите убедиться!* (Рабочая Москва. 1025. № 34).

С официальным прекращением НЭПа и запрете частной торговли в 1931 г. рекламные объявления из газет окончательно исчезают. Так, в газете «Вечерняя Москва» в 1930–1935 гг. нет ни одного рекламного

объявления. Публикуются афиши театров и кинотеатров, объявления о премьерах, а также информационные объявления частных лиц (о поиске жилья, утере документов и т.д.) и учреждений. Даже объявления об оказании услуг остаются исключительно информационными по форме: *котельно-сварочные работы, сварка резервуаров, балок, теплопроводов* (Вечерняя Москва. 1932. № 112); *лечебно-диагностическое объединение имени Семашко, логопедическая поликлиника, лечение болезней речи, заикания, картавости* (Вечерняя Москва. 1935. № 217).

В текстах этого периода используются исключительно графические средства выделения информации, например, выделяется тема объявления и название предприятия, а также название рубрики, в которую входит колонка объявлений: учебные заведения, театры, комнаты и квартиры, спрос и предложение труда. Следовательно, такое выделение применяется только для удобства читателя и не может быть отнесено к рекламным приемам убеждения [8].

Развитие жанра печатных рекламных объявлений шло по пути изменения основной функции текста от информирующей к волюнтаривной [9, с. 70] и стремления к сочетанию в одном тексте индивидуальности и стандарта.

На протяжении всей истории российской печатной рекламы ее тема, информация о товарах или услугах, которые рекламодатель хочет предложить потенциальному покупателю, осталась неизменной. Именно она объединяет всю совокупность рекламных текстов разного времени и предполагает конкретную ответную позицию – либо следование представленным в тексте рекомендациям, либо их игнорирование.

Композиция рекламного объявления определяется его целями и необходимостью сообщить наименование товара, его характеристики и место, где можно его приобрести. Из-за необходимости сообщить эту информацию ранние тексты имели достаточно большой объем, но по мере унификации композиции они становились короче и эффективнее. Уже к середине XVIII в. выделяются два типа объявлений: о подряде, которые так и останутся объявлениями информационного типа, и продаже, из которых вырастут рекламные тексты. Тексты обоих типов объявлений строятся по своему шаблону, что подчеркивает разницу в содержании.

Стиль может меняться в зависимости от обстановки в обществе и уровня развития языка рекламных текстов. Об этом говорил еще М. М. Бахтин, утверждая: *«Система... жанров подвижна, изменения в ней происходят под воздействием культурных и политических факторов... Наибольшей подвижностью отличается жанровый репертуар массовой коммуникации»* [10]. Кроме того, некоторые сдвиги могут быть обусловле-

ны техническим прогрессом [11]. Каждый конкретный период характеризуется своими особыми языковыми чертами. В 1730-е гг. появляются регулярно употребляемые конструкции, служащие для выражения цели текста: *чрез сие объявляется, чтобы желающие* (совершить какое-либо действие) *в помянутом месте явились и т.д.* К концу XVIII в. отличия становятся более явными, т.к. в объявлениях о продаже появляются первые попытки убедить читателя, что этот товар необходимо купить, для чего используются эпитеты, описывающие его положительные качества.

На протяжении XIX в. язык объявлений становится все богаче, начинают использоваться средства изобразительности. В текстах встречаются сравнения (*эта краска лучше всех тех, которые находились до сего времени в употреблении*), сравнительные и превосходные степени прилагательных (*кофе молотый самого лучшего достоинства*), «заявные» слова, привлекающие внимание (*новость! щипцы для сахара, которыми сахар можно брать и колоть!*). К 50-м гг. XIX в. рекламные объявления формируют новый речевой жанр, отличный от жанра информационных объявлений.

Рекламные тексты XIX в. не побуждали читателя купить товар, а только стремились представить его с лучшей возможной стороны. Широкое распространение рекламы и значительное время ее существования требуют возникновения и развития новых средств привлечения покупателя. В начале XX в. реклама становится более агрессивной, появляются новые приемы, психологические и языковые. Именно в это время в текстах возникают такие характерные для современной рекламы приемы, как использование императивных форм (*обратите внимание!; не упустите!; не покупайте!*) и стремление повлиять на ценности покупателя, исходя из задач рекламного текста (*Красота человека немислима, если на лице или на руках имеются прыщи или угри, и немногим еще известно, как легко устранить эти неприятные явления посредством новейшего средства «Угрив»*).

Результаты изучения объявлений разного времени позволяют утверждать, что печатные рекламные объявления окончательно сформировались в самостоятельный речевой жанр к концу XIX в.; тема и композиция, характеризующие эту совокупность текстов, настолько близки к современным, что процесс становления рекламы вплоть до настоящего времени можно рассматривать как развитие в пределах одного речевого жанра. При этом главным критерием при разграничении информационных и рекламных объявлений является отсутствие или наличие попытки мотивировать читателя на покупку товара.

Источники

- Вечерняя Москва. 1923–1935.
- Московские Ведомости. 1756–1917 (МВ).
- Новое Время. 1868–1917 (НВ).
- Санкт-Петербургские ведомости. 1728–1917 (СВ).
- Труд. 1921–1935.

Литература

1. Сибирко Н. С. Проблема жанра в современной лингвистике // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 12-1. С. 155–157.
2. Баженова Е. А. Язык и стиль рекламы // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М.: Флинта: Наука, 2006. С. 635–642.
3. Евстафьев В. А. Журналистика и реклама: основы взаимодействия (опыт теоретического исследования). М.: ИМА-Пресс, 2001. 264 с.
4. Ученкова В. В., Шомова С. А., Гринберг Т. Э., Конаныхин К. В. Реклама: палитра жанров. М.: РИП-холдинг, 2000. 95 с.
5. Ростовцев Е. А. История книжного дела. СПб.: Изд-во Политехнического ун-та, 2011. Ч. 3. 128 с.
6. Сляднева О. В. Очерки истории российской рекламы. В 2 ч. СПб., 2001. Ч. 1. 138 с.
7. Игнатенко А. А. Очерки истории российской рекламы. СПб.: Алетейя, 2013, 86 с.
8. Кравченко О. Н. Рекламная концепция и рекламный образ. Разработка эффективной рекламы. М.: Издательские решения, 2017. 140 с.
9. Миронова А. А. Жанры рекламы: к проблеме квалификации // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 32. С. 67–71.
10. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Собрание сочинений. В 7 т. М.: Русские словари, 1997. Т. 5. 730 с.
11. Кочеткова М. О. Блогосфера как рекламная площадка: динамика речевого жанра блога под влиянием рекламных интенций // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 394. С. 35–42.

GENESIS OF PRINTED ADVERTISEMENTS AS A SPECIFIC GENRE (CASE STUDY OF XVIII–XX CENTURY RUSSIAN NEWSPAPERS)

*Kseniia P. Tarasova*¹. @

¹ *Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991*

@ *kp.tarasova@yandex.ru*

Received 02.08.2017. Accepted 04.06.2018.

Keywords: history of advertising, advertisements, announcements, history of Russian newspapers, newspapers, speech genres.

Abstract: The paper features the genesis of printed advertisements as a specific genre with Russian newspapers as its main source. The research is focused on the historical period from early 18 to early 20 century. The article traces the gradual separation of the genres of advertisements and announcements in the course of the centuries. It points out and describes the key periods in the development of the genre: mid 18th century, 1840s, late 19 – early 20, 1930s. The article contains special linguistic and graphic features of advertisements and explains various language and psychological manipulation means, which appeared in the 19th century in Russian newspapers and are still used in the modern advertising. According to the article, the main factor in identification of advertisements as a separate group from announcements is the intention to influence on readers' opinion according to the salesman's goals. All the conclusions are confirmed by examples from original sources.

For citation: Tarasova K. P. Razvitie pechatnoi reklamy kak rechevogo zhanra na materiale rossiiskikh gazet XVIII–XX vv. [Genesis of Printed Advertisements as a Specific Genre (Case Study of XVIII – XX Century Russian Newspapers)]. *Bulletin of Kemerovo State University*, no. 2 (2018): 225–230. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2018-2-225-230>.

Sources

- Vecherniaia Moskva* [Evening Moscow] (1923–1935).
Moskovskie Vedomosti [Moscow News] (1756–1917).
Novoe Vremia [New Times] (1868–1917).
Sankt-Peterburgskie vedomosti [Saint-Petersburg News] (1728–1917).
Trud [Work] (1921–1935).

References

1. Sibirko N. S. Problema zhanra v sovremennoi lingvistike [A study of genres in modern Linguistics]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological science. Theoretical and practical problems*, no. 12-1 (2016): 155–157.
2. Bazhenova E. A. Iazyk i stil' reklamy [Language and style of advertising]. *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo iazyka* [Stylistic encyclopedic dictionary of Russian language]. Ed. Kozhina M. N. Moscow: Flinta: Nauka, 2006, 635–642.
3. Evstaf'ev V. A. *Zhurnalistika i reklama: osnovy vzaimodeistviia (opyt tereticheskogo issledovaniia)* [Journalism and advertising: the basics of cooperation (the essay of theoretical study)]. Moscow: IMA-Press, 2001, 264.
4. Uchenova V. V., Shomova S. A., Grinberg T. E., Konanykhin K. V. *Reklama: palitra zhanrov* [Advertising: the range of genres]. Moscow: RIP-kholding, 2000, 95.
5. Rostovtsev E. A. *Istoriia knizhnogo dela* [History of Print Culture]. Saint-Petersburg: Izd-vo Politekhnikheskogo un-ta, part 3 (2011): 128.
6. Sliadneva O. V. *Ocherki istorii rossiiskoi reklamy* [Essays about History of Advertising in Russia]. Saint-Petersburg, part 1 (2001): 138.
7. Ignatenko A. A. *Ocherki istorii rossiiskoi reklamy* [Essays on history of Russian advertising]. Saint-Petersburg: Aleteia, 2013, 86.
8. Kravchenko O. N. *Reklamnaia konceptsiia i reklamnyi obraz. Razrabotka ehffektivnoi reklamy*. [Advertising concept and advertising image. Making of effective advertising]. Moscow: Izdatel'skie resheniia, 2017, 140.
9. Mironova A. A. Zhanry reklamy: k probleme kvalifikatsii [Genres of advertising: a study of identification]. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Cheliabinsk State University*, no. 32 (2012): 67–71.
10. Bakhtin M. M. *Sobranie sochinenii* [Collected works by Bakhtin M. M.]. Moscow: Russkie slovari, vol. 5 (1997): 730.
11. Kochetkova M. O. Blogosfera kak reklamnaia ploshchadka: dinamika rechevogo zhanra bloga pod vlianiem reklamnykh intentsii [Blogsphere as an advertising platform: dynamics of the speech genre of a blog under the influence of advertising intentions]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Tomsk State University*, no. 394 (2015): 35–42.

Вестник Кемеровского государственного университета.
Научный журнал

Bulletin of Kemerovo State University
Scientific Journal

Контакты для сотрудничества:
Серый Андрей Викторович, главный редактор;
E-mail: avgrey@yahoo.com
Старикова Людмила Семеновна,
технический редактор
Тел.: 8(384-2)58-13-01
Факс: 8(3842)58-38-85
E-mail: vestnik@kemsu.ru

Contacts for co-operation:
Andrey V. Seryy, Editor-in-Chief;
E-mail: avgrey@yahoo.com
Lyudmila S. Starikova
Technical Editor
Tel.: 8(3842)58-13-01
Fax: 8(3842)58-38-85
E-mail: vestnik@kemsu.ru

16+

Редакторы выпуска:
Митько Н. В., Плисенко С. В., Рабкина Н. В., Старикова Л. С.

Подписано к печати 11.06.2018. Формат А 4.
Дата выхода в свет 13.08.2018.
Печать офсетная. Бумага Sveto Cору. Усл. печ. л. – 28,9. Уч.-изд. л. – 26.
Тираж 500 экз. Заказ № ____
Цена свободная.
ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет».
Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6, <http://kemsu.ru>.

Адрес типографии: Россия, Кемеровская область, 650000, г. Кемерово, ул. Мичурина, 13А.